

ТАЙНЫ

Век XX

Петр Аршинов

**ИСТОРИЯ
МАХНОВСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

Нестор Махно

ВОСПОМИНАНИЯ

ДНЕВНИК

Г. А. КУЗЬМЕНКО

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век XX

Петр Аршинов

**ИСТОРИЯ
МАХНОВСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**
/1918–1921/

Нестор Махно

ВОСПОМИНАНИЯ

ДНЕВНИК

Г. А. КУЗЬМЕНКО

19 февраля 1920–28 марта 1920

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
«Книжная лавка — РТР»

1996

ББК 84Р
А89

Составитель В. КРЮКОВ

Художник Р. АЮПОВА

Аршинов П. История махновского движения (1918–
А89 1921); **Махно Н.** Воспоминания; **Дневник Г. А. Кузь-**
менко. — М.: ТЕРРА; «Книжная лавка — РТР», 1996. —
496 с. — (Тайны истории в романах, повестях и докумен-
тах).

ISBN 5-300-00585-1

В предлагаемый читателю сборник вошли «История махновского движения» П. А. Аршинова — первая серьезная попытка исследования народного движения — махновщины; «Воспоминания» Нестора Махно — правдивое и точное описание событий того времени, а также дневник жены Махно Г. А. Кузьменко, ярко характеризующий личность легендарного «батьки».

А $\frac{4702010000-360}{A30(03)-96}$ Без объявл.

ББК 84Р

ISBN 5-300-00585-1

© Издательский центр «ТЕРРА», 1996

© «Книжная лавка — РТР», 1996

НЕСТОР МАХНО

Фигура Нестора Ивановича Махно — одна из самых оригинальных фигур в нашей истории. Мало кто пользовался такой популярностью и любовью в народе, как «батька Махно». В рядах революционного народного движения — махновщины — находились представители практически всех национальностей, вероисповеданий, политических партий, преследующих подчас самые противоположные цели. Он воевал со всеми властями и режимами, какие только были во время гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине. К сожалению, до сих пор в нашей литературе нет более или менее объективного портрета этой непростой личности.

Н. И. Махно родился 26 октября 1889 г. в с. Гуляйполе Александровского уезда Екатеринославской губернии в бедной крестьянской семье. Отец — Иван Родионович Махно. Мать — Евдокия Матвеевна. Православные.

Отец умер рано, оставив пятерых ребятишек. С детства мальчик много работал. Сначала подпаском, затем маляром, чернорабочим на чугунолитейном заводе. В бурные дни 1905 года рабочие этого завода забастовали. Среди забастовщиков был и Нестор Махно. В октябре 1906 г. он вступил в группу анархистов-террористов, которая преимущественно занималась «экспроприациями», а проще говоря — грабежами. Стремясь создать себе репутацию бесстрашного и беспощадного революционера, Махно не брезговал никакими средствами. Будучи не единожды арестованным, он в конце концов оказался перед судом. В марте 1910 года суд вынес всем обвиняемым приговор — смертная казнь через повешение. Всю свою дальнейшую жизнь Махно вспоминал те страшные дни, когда маялся в камере смертников в ожидании исполнения приговора. Однако их помиловали, заменив смертную казнь каторгой, отбывать которую предстояло в тюрьме.

В августе 1911 года вместе с другими заключенными Махно был отправлен в Москву. Здесь, в Бутырках, он познакомился с анархистом П.А.Аршиновым (впоследствии своего рода политическим руководителем махновщины и ее историографом). Именно Аршинов оказал на Махно большое влияние и, по сути, первым познакомил его с теорией анархизма. От Аршинова молодой «революционер» узнал много интересного о былых восстаниях крестьян, познакомился с учениями Бакунина и Кропоткина. Страстью его стали политические споры и многочасовые дискуссии.

В тюрьме Махно вел себя вызывающе, постоянно попадал в карцер, был закован в цепи.

Февральская революция выпустила его на свободу. 12 марта 1917 года он вернулся в Гуляйполе.

Полубразованный, не имевший никакой конкретной программы, Махно страстными речами о свободе и о земле сумел повести за собой своих земляков. Он создал боевую организацию и назвал ее «черной гвардией».

По существу, это была банда в 60 человек, годившаяся лишь для мелких разбоев и грабежей. Но уже к лету 1917 года Махно распускает упораву, становится во главе земства и объявляет себя комиссаром Гуляйпольского района. «Черная гвардия» обрушилась на местных помещиков. Формы и методы Махно вызывали у состоятельных гуляйпольцев ужас.

В октябре 1917 года лозунги большевиков встретили у Махно понимание и заинтересованность. Авторы работ о нем утверждают, что в этот период Нестор Махно «испытал на себе огромное влияние со стороны быстро распространяющейся большевистской пропаганды».

Дальше об истории махновщины писать нет надобности, в «Воспоминаниях» Махно и книге Аршинова подробно рассказано об этом периоде.

В заключение, о жизни в эмиграции. На рассвете 28 августа 1921 года, после ожесточенных боев с красными, остатки отряда из 78 человек во главе с батькой Махно перешли границу с Румынией. Он, его жена Г.Кузьменко и командиры некоторое время жили в Бухаресте, а рядовые махновцы были размещены по лагерям для военнопленных. Весной 1921 года Махно с ближайшими сподвижниками перешел границу Польши. Правительство Советской Украины неоднократно направляло польским властям ноты о выдаче Махно как уголовного преступника. Поляки же, хотя и содержали всех махновцев в концлагере, никого не выдали. В конце 1923 года начался судебный процесс над Махно и его соратниками по обвинению в связях с миссией Украинской ССР в Варшаве. Благодаря прекрасной защите всех оправдали. Махно с семьей стал жить в городе Таруне. 14 апреля 1924 года в газетах промелькнуло сообщение о том, что Махно предпринял попытку самоубийства. В том же году он с помощью немецких и французских анархистов перебрался сначала в Германию, а затем и в Париж. В пригороде французской столицы семья Махно прожила почти 10 лет. Г.Кузьменко работала прачкой. Н.Махно занимался литературным трудом. Умер Нестор Иванович Махно в 1934 году. В годы второй мировой войны, после оккупации Парижа, гитлеровцы вывезли жену и дочь Махно на принудительные работы в Германию. В 1945 году Г.А.Кузьменко, уже в СССР, была осуждена на 10 лет за участие в махновском движении.

* * *

«История махновского движения» П.А.Аршинова — первая попытка многостороннего и систематического исследования революционного народного движения — махновщины. Изданная в Берлине в 1923 году учителем Махно, участником и очевидцем описываемых событий, она ценна и как документ своей эпохи. Во вступительном слове к этой книге анархист В.Волин (В.М.Эйхенбаум) подробно рассказывает читателям о жизненном пути самого П.А.Аршинова.

«Воспоминания» Н.И.Махно вышли в Париже тремя частями в 1929, в 1936 и 1937 гг. под редакцией того же Волина. «Воспоминания» точны в описании событий, документов, людей, интересны во многих отношениях.

Небольшой «Дневник» жены Махно Г.А.Кузьменко (а это лишь, увы, одна сохранившаяся тетрадь) также редчайшее свидетельство того страшного времени.

Петр Аршинов

**ИСТОРИЯ
МАХНОВСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

/1918–1921/

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приступая к этой книге, читателю прежде всего важно знать, с какого рода работой он имеет дело: с серьезным ли и добросовестным исследованием — или же с фантастическим и безответственным вымыслом? Может ли он отнестись к автору с доверием — по крайней мере, в области сообщаемых фактов, данных и материалов? Достаточно ли беспристрастен автор, и не искажает ли он истину — в оправдание своей идеи, в вящее посрамление идей противника?

Вопросы далеко не праздные.

К источникам о махновском движении следует подходить с величайшей осмотрительностью. Читатель поймет это, если вдумается в некоторые характерные особенности движения.

С одной стороны, махновщина — явление громадного размаха, величия и значения, развернувшееся с исключительной силой, сыгравшее в судьбах революции колоссальную и чрезвычайно сложную роль, выдержавшее титаническую борьбу со всеми видами реакции и не один раз спасавшее революцию от разгрома, — явление необычайно богатое яркими, красочными эпизодами и заставившее говорить о нем, интересоваться им не только в России, но и за ее пределами. При этом махновщина возбудила к себе в самых различных лагерях — и реакционных, и революционных — самые разнообразные чувства: начиная от жгучей ненависти и вражды, переходя к недоумению и, далее, к недоверчивому и подозрительному отношению и кончая чувством глубочайшей симпатии и восхищения. Что же касается монополизировавших революцию коммунистической партии и «советской» власти, то с ними махновщина вынуждена была, после долгих перипетий, вступить — как и с реакцией — в ожесточенное единоборство, причем нанесла и партии, и власти ряд ощутимых физических и моральных ударов. Наконец, личность самого Махно — сложная, яркая и сильная, как и все движение, — также привлекла к себе всеобщее внимание, вызывая в одних простое любопытство и недоумение, в других — тупое негодование или бессмысленный страх, в третьих — непримиримую ненависть, а в четвертых — беззаветную любовь...

Естественно, что махновщина побуждает братья за перо многих «повествователей», толкаемых всякого рода соображениями, ничего общего не имеющими ни с подлинным знанием дела, ни с живым стремлением поделиться этим знанием, беспристрастно изложить и осветить предмет, зафиксировать и предоставить в распоряжение будущего историка точный материал. Одних заставляет хвататься за перо политический расчет: потребность оправдать и укрепить свою позицию, втопгав в грязь и оклеветав враждебное движение и его деятелей. Другие считают своим долгом просто лишний раз лягнуть недоступное их пониманию, напугавшее или потрево-

жившее их явление. Третьих поощряют — легенда, создавшаяся вокруг движения, сенсационность темы, острый интерес к ней со стороны «широкой публики», соблазнительная возможность заработать несколькими страницами романа. Четвертых, наконец, разбирает просто журналистский зуд.

Так нагромождаются «материалы», способные внести в представления читателя лишь бесконечную путаницу и отнять у него всякую возможность дойти до правды¹.

С другой стороны, движение, при всем своем местном размахе, рядом обстоятельств вынуждено было развиваться в атмосфере известной замкнутости и отчужденности.

Будучи чисто низовым движением широких народных масс, чуждых всякому стремлению к параду, блеску; господству и славе; возникнув на окраине России, вдали от крупных центров; развертываясь в известном ограниченном районе, в условиях отрезанности не только от всего мира, но даже от других областей России, — движение, в его существенных, глубинных чертах, осталось мало известным за его пределами. Протекая почти все время в невероятно тяжелой и напряженной боевой обстановке; окруженное со всех сторон врагами, почти не имея друзей из других — нетрудовых — сфер; беспощадно подавляемое правящей партией и заглушаемое кровавым треском ее государственной деятельности; потеряв добрых 90% своих лучших и активнейших участников; не имея ни времени, ни возможности, ни даже особой потребности фиксировать, накапливать и передавать потомству свои дела, слова и думы, — движение оставило по себе мало живых, непосредственных следов и памятников. Его фактическая сторона проходила незапечатленной. Его документы не распространялись широко и не сохранялись. Поэтому оно до сих пор в огромной степени скрыто от глаз постороннего, от взора исследователя. До его сущности нелегко добраться. Подобно тому, как остаются навсегда неизвестными тысячи скромных отдельных героев революционных эпох, и

¹ Не говоря о множестве мелких газетных статей, разбросанных по различным органам России и за границы и обнаруживающих либо недюжинные клеветнические способности, либо невероятную литературную беззастенчивость их авторов, существуют уже и более или менее крупные работы, претендующие на известное идейное или историческое значение, но являющиеся, в действительности, или сознательным извращением истины, или просто нелепыми баснями. Укажем, например, на книжку большевика Я. Яковлева «Русский Анархизм в Великой Русской Революции» (вышла в нескольких — русских и заграничных — изданиях), — книжку, представляющую сплошной поток извращений и прямой лжи. Или отметим большую и весьма претенциозную статью некоего Герасименко в историко-литературном сборнике «Историк и современник» (изд. Олега Дьякова и К., книга III, Берлин 1922, стр. 151, статья «Махно»), — статью, в которой рассказываются такие небывлицы, что стыдно становится и за «автора», и за «сборник». Мы должны также отметить, что и в анархической прессе, в общем и целом подходящей к махновскому движению серьезно, вдумчиво и честно, с совершенно иных сторон и с иными целями, чем все вышеупомянутые «авторы», имеется немало ошибок и неточностей, вызываемых тем обстоятельством, что авторы сами не участвовали в движении непосредственно, не подходили к нему близко и писали о нем исключительно понаслышке: по некоторым печатным материалам, по рассказам и впечатлениям других лиц. [См., напр., брошюру П. Руденко «На Украине (повстанчество и анархическое движение)», переизданную Рабочей Издат. Группой в Респ. Аргентине в марте 1922 г.; статью из журнала «Вольный Труд», органа Питерской Федерации Анархистских Групп, окт. 1919 г. В статью и брошюру вкрались грубые погрешности, объясняемые тем, что автор не принимал непосредственного участия в повстанческом движении, не переживал конкретно его сложных перипетий].

махновскому движению грозило остаться в значительной мере безвестной героической эпопеей украинских труженников. До сего дня вся богатейшая фактическая и документальная стороны этой эпопеи пребывают под спудом. И если бы судьбе не угодно было сохранить в живых нескольких участников движения, основательно знающих его и способных рассказать о нем правду, оно, действительно, осталось бы нерассказанным...

Такое положение вещей ставит серьезного читателя и историка в чрезвычайно трудное положение: в необходимость самому, без всякой помощи, — не только без прямых руководящих данных, но и без малейшего указания на то, где такие данные можно достать, — критически разбираться в исключительно пестрых и противоречивых источниках, работах и материалах.

Вот почему необходимо помочь читателю сразу же отделить пшеницу от плевел, зерно от шелухи. Вот почему важно сразу же установить, может ли он пользоваться данной работой как здоровым и чистым источником. Вот почему вопрос об авторе и о характере его труда приобретает, в данном случае, столь существенное значение.

Я взял на себя смелость написать предисловие к книге и осветить в предисловии эти вопросы, так как волею судьбы принадлежу к тем немногим уцелевшим участникам махновского движения, которые, в достаточной для того степени, знакомы и с самим движением, и с автором книги, и, наконец, с теми условиями, в которых эта книга создавалась.

* * *

Предварительно позволю себе небольшую оговорку.

Меня могут спросить (и действительно часто спрашивают), почему я сам не пишу о махновском движении? По многим соображениям. Остановлюсь на некоторых из них.

К изложению событий, к задаче освещения махновского движения надо подходить во всеоружии сведений, сосредоточенно и строго. Тема эта требует длительной, напряженной и всесторонней работы. А такая работа была для меня до сих пор, по многим причинам, невозможна. Вот почему, прежде всего, я считал необходимым воздержаться пока от этой темы.

Махновская эпопея слишком серьезна, величественна и трагична, слишком обильно полита кровью ее участников, слишком глубока, сложна и своеобразна, чтобы можно было позволить себе судить и писать о ней «легко», — например, на основании одних только рассказов и противоречивых показаний разных лиц. Излагать ее по документам — тоже не совсем наше дело, так как сами по себе документы — вещь мертвая, далеко не всегда и не полно отражающая живую жизнь. Писать по документам — дело будущих историков, перед которыми, кроме документов, не окажется уже больше никакого иного материала. Современники должны относиться строже и к делу, и к себе, ибо именно с них история много спросит. Они должны воздерживаться от суждения и повествования о подобных событиях, поскольку не были их непосредственными участниками. И должны не так набрасываться на рассказы и документы с целью «писать историю», как стремиться запечатлеть личный опыт, поскольку они его имели. В противном случае они рискуют оставить в тени или, — что еще хуже, — исказить самую сущность, живую душу событий и ввести читателя и историка в большое заблуждение. Конечно, и их непосредственный опыт может страдать погрешностями и неточностями. Но в данном случае это обстоятельство не имеет значения. Они дадут подлинную, живую кар-

тину и сущность событий, вот что — главное. Сопоставив их рассказ с документами и иными данными, легко отбросить второстепенные ошибки. Вот почему повествование участника и очевидца событий особенно важно. Чем полнее и глубже был личный опыт, тем более важна и спешна такая работа. Если к тому же этот участник сам обладает и документами, и рассказами других участников, то его повествование приобретает перво-разрядное значение.

Мне предстоит говорить о махновщине в свое время, в своем месте и в своем освещении. Но я не могу писать полную историю махновского движения именно потому, что не могу претендовать на полное, подробное и всестороннее знание предмета. Я провел в самом движении около полу-года, — от августа 1919 по январь 1920 г., — то есть наблюдал его далеко не на всем его протяжении. С Махно я встретился впервые тогда же, в августе 1919 г. Я совершенно потерял из вида и движение, и Махно, будучи арестован в январе 1920 г., и соприкоснулся еще раз с тем и другим лишь на две недели в ноябре того же года во время договора Махно с советской властью. С тех пор я снова потерял движение из виду. Таким образом, хотя я многое перевидал, пережил и передумал в этом движении, но мое непосредственное знакомство с ним было неполным.

И вот, на вопрос о том, почему я не пишу о махновщине, я не раз отвечал, что имеется более сильный, чем я, в этом отношении.

Под этим более сильным я и разумел автора предлагаемой работы.

Я знал о его постоянной деятельности в движении. В 1919 г. мы работали там вместе. Я знал также, что им тщательно собираются материалы по движению. Знал, что он усиленно пишет его полную историю. Знал, наконец, что книга эта уже написана и что автор готовится издать ее за границей. И я считал, что *прежде всего другого должна появиться в свет именно эта работа — полная история махновщины*, написанная человеком, соединяющим в себе и постоянного участника движения, и обладателя богатой сокровищницей материалов.

Многие до сих пор искренне убеждены, что Махно — «обыкновенный бандит» и погромщик, увлекший за собой темную и падкую до грабежа, разложенную войной солдатско-крестьянскую массу. Многие по сей день считают Махно «авантюристом», веря злостным и нелепым сказкам о том, что он «открывал фронт» Деникину, «братался» с Петлюрой, «объединялся» с Врангелем... С легкой руки большевиков, многие все еще повторяют клевету, будто Махно «возглавлял контрреволюционное кулацкое движение» и будто «анархизм» Махно — лишь наивная выдумка некоторых анархистов, искусно использованная им в своих целях... Но Деникин, Петлюра, Врангель — это лишь яркие военные эпизоды: за них хватаются и нагромождают горы лжи. Борьба с контрреволюционными генералами далеко не исчерпывает махновщину. Сущность же махновского движения, его внутреннее содержание, его органические черты остаются, вообще говоря, совершенно неизвестными.

Небольшими разрозненными статьями, отрывочными заметками, частичными работами — такого положения вещей не изменить. В отношении такого крупного и сложного явления, как махновщина, подобные статьи и работы дают слишком мало, не освещают картину в целом и тонут в море печатного слова почти без следа. Для того, чтобы нанести хороший удар всем сказкам и положить начало серьезному интересу и ознакомлению с предметом, необходимо в первую очередь дать о нем более или менее цельную, исчерпывающую работу, после чего можно с пользой перейти к отдельным вопросам, к частностям и деталям.

Именно такой цельной работой является настоящая книга. И ее автор — более, чем кто-либо, — был призван выполнить ее. Можно лишь пожалеть о том, что, в силу ряда неблагоприятных обстоятельств, этот труд выходит в свет со значительным опозданием¹.

* * *

Знаменательно, что быть первым историком махновского движения выпало на долю рабочему. Этот факт — не простая случайность. На протяжении всего своего существования движение и идейно, и организационно обслуживалось теми силами, которые смогла выдвинуть сама рабоче-крестьянская масса. Интеллигентного, теоретически образованного элемента в нем, вообще говоря, не было. Все время оно было предоставлено самому себе. И первого историка, теоретически обосновывающего и освещающего движение, оно выдвигает из своей же среды.

Автор, Петр Андреевич Аршинов, сын фабричного рабочего г. Екатеринослава и сам рабочий, слесарь по профессии, упорным личным трудом добился известного образования. В 1904 году, 17-ти лет, он примыкает к революционному движению. В 1905-м, работая в качестве слесаря в железнодорожных мастерских г. Кизил-Арвата (Средняя Азия), он вступает в местную организацию партии большевиков. В ней он быстро начинает играть активную роль, став одним из руководителей и редакторов местного нелегального революционного органа рабочих «Молот». (Этот орган обслуживал всю Средне-Азиатскую железную дорогу и имел большое значение в революционном движении рабочих этой магистрали). В 1906 г., преследуемый местной полицией, Аршинов покидает Среднюю Азию и переезжает на Украину, в г. Екатеринослав. Здесь он становится анархистом и уже как таковой продолжает вести революционную работу среди екатеринославских рабочих (гл. обр. на заводе Шодуара). Причиной перехода его к анархизму послужил минимализм большевиков, который, по убеждению Аршинова, не отвечал подлинным устремлениям рабочих и послужил, совместно с минимализмом остальных политических партий, причиной поражения революции 1905—06 гг. В анархизме Аршинов нашел, по его собственным словам, собрание, запечатление свободно-равноценных стремлений и чаяний трудящихся.

В 1906—07 гг., когда царское правительство охватило всю Россию сетью военно-полевых судов, широкая массовая работа стала совершенно невозможной. Аршинов отдает дань исключительной обстановке и своему боевому темпераменту: раз за разом он совершает несколько террористических актов.

23 декабря 1906 г. в рабочем поселке Амур близ Екатеринослава он с несколькими товарищами взрывает полицейский участок. (При взрыве погибло три казачьих офицера, пристава и стражники из карательного отряда). Благодаря тщательной организации этого акта ни Аршинов, ни его товарищи не были раскрыты полицией.

7 марта 1907 г. Аршинов стреляет в начальника главных железнодорожных мастерских г. Александровска, Василенко. Вина последнего перед рабочим классом состояла в том, что он отдал под военный суд за Александровское вооруженное восстание в декабре 1905 г. свыше 100 человек

¹ До его появления автор — в целях скорейшего ознакомления иностранных товарищей и рабочих с некоторыми фактами махновщины — напечатал в зарубежных газетах 2 статьи: «Нестор Махно» и «Махновщина и антисемитизм».

рабочих, из которых многие на основании показаний Василенко были осуждены на казнь или на долгосрочную каторгу. Кроме того, и до этого случая и после него Василенко проявлял себя как активный и безжалостный угнетатель рабочих. Аршинов по собственной инициативе, но в соответствии с общим настроением рабочих масс, сурово расправился с этим врагом трудящихся, застрелив его близ мастерских на глазах многочисленных рабочих. На этом акте Аршинов был схвачен полицией, жестоко избит и через два дня, в порядке военно-полевого суда, приговорен к казни через повешение. Однако в центре приведение приговора в исполнение приостановили, найдя, что дело Аршинова по закону должно разбираться не военно-полевым, а военно-окружным судом. Эта отсрочка казни дала Аршинову возможность бежать. Побег был совершен из Александровской тюрьмы в ночь на 22 апреля 1907 г., во время пасхальной заутрени, когда заключенных вывели в тюремную церковь. Смелым набегом нескольких товарищей с воли тюремная стража, охранявшая заключенных в церкви, была застигнута врасплох и перебита. Всем заключенным предоставлена была возможность бежать. Вместе с Аршиновым тогда бежало свыше 15 человек.

После этого Аршинов проводит около 2-х лет за границей, главным образом во Франции, но в 1909 г. возвращается в Россию, где в течение 1,5 лет в нелегальных условиях ведет пропагандистскую и организационную работу по анархизму среди рабочих.

В 1910 г. он, переправляя из Австрии в Россию транспорт оружия и анархической литературы, был арестован на границе австрийскими властями и заключен в тюрьму в гор. Тарнополе. Просидев здесь около года, он, по требованию русского правительства, за совершенные террористические акты передается русским властям в Москву и приговаривается Московской судебной палатой к 20-ти годам каторжных работ.

Каторгу Аршинов отбывал в Москве, в Бутырках.

Здесь он впервые (в 1911 г.) встретился с юным Нестором Махно, который был, за террористические же акты, осужден (в 1910 г.) на бессрочную каторгу и который заочно знал Аршинова еще раньше по работе на юге. Оставаясь во время пребывания в тюрьме в товарищеских отношениях, они оба вышли из заключения в дни революции, в первых числах марта 1917 г.

Махно по освобождении уехал для революционной работы на Украину, в родное Гуляй-Поле. Аршинов остался в Москве, приняв энергичное участие в работе Московской Федерации Анархистских Групп.

Когда после оккупации Украины австро-германцами Махно летом 1918 г. приехал на время в Москву посоветоваться с товарищами о положении дел, он жил вместе с Аршиновым. Здесь они познакомились ближе и горячо обсуждали вопросы революции и анархизма. Уезжая через 3-4 недели обратно на Украину, Махно договорился с Аршиновым поддерживать постоянную связь. Он обещал не забывать Москву, при случае помогать движению денежно. Говорили о необходимости поставить журнал... Слово свое Махно сдержал: он выслал в Москву денег (по независящим обстоятельствам, последние до Аршинова не дошли) и не раз писал Аршинову. В письмах он звал последнего работать на Украину, ждал и сердил, что тот не едет.

Через некоторое время Махно неожиданно загремел на столбцах газет как вождь довольно сильного партизанского отряда.

В апреле 1919 г., в самом начале развития махновского движения, Аршинов приезжает в Гуляй-Поле и с этого момента пребывает почти без-

выездно в районе махновщины, вплоть до разгрома 1921 г. Здесь он ведет главным образом культурнопросветительную и организационную работу: одно время руководит культ.-просв. отделом, редактирует газету повстанцев «Путь к Свободе» и т.д. Отлучается он из района лишь летом 1920 г. в связи с разгромом движения. В это время у него пропадает готовившаяся к печати рукопись по истории движения. После отлучки ему лишь с большим трудом удается вернуться в осажденный со всех сторон (белыми и красными) район, где он затем и остается до начала 1921 г.

В начале 1921 г., после того, как движение подвергается со стороны советской власти третьему жестокому разгрому¹, Аршинов уезжает из района с определенным поручением: довести до конца работу по истории махновского движения. Работу эту он ведет и на этот раз благополучно заканчивает в чрезвычайной тяжелых условиях жизни — частью еще на Украине, частью в Москве.

Таким образом, автор настоящей книги является лицом более, чем кто-либо, компетентным в данной области. Он знал Нестора Махно задолго до описываемых событий и близко наблюдал его на всем их протяжении, в самые различные моменты. Он знал также всех выдающихся участников движения. Он сам был активным участником событий, сам переживал их полное величия и трагизма развитие. Ему более, чем кому-либо, была ясна сокровенная сущность махновщины — ее идейные и организационные искания, устремления и чаяния. Он видел титаническую борьбу ее с нападавшими на нее со всех сторон враждебными силами. Как рабочий, он глубоко проникся подлинным духом движения — могучим, освещаемым анархической идеей, стремлением трудовых масс взять свою судьбу и строительство новой жизни *на деле* в свои руки. Как рабочий интеллигентный, он сумел глубоко продумать существо движения и отчетливо противопоставить это существо идеологии других сил, движений и направлений. Наконец, он тщательно знакомился со всей документальной стороной движения. Он как никто мог критически отнестись ко всем рассказам и материалам, мог отделить в движении существенное от неважного, характерное от ничтожного, основное от второстепенного.

Все это дало ему возможность, несмотря на целый ряд неблагоприятных условий, на неоднократную пропажу рукописи, материалов и документов, — осмыслить и ярко осветить один из своеобразнейших и значительнейших эпизодов русской революции.

* * *

Что сказать об отдельных сторонах этой работы? Нам кажется, что данная книга сама достаточно говорит о себе.

Подчеркнем прежде всего, что она писалась с исключительной придирчивостью к точности изложения. Ни один сколько-нибудь сомнительный факт не вошел в нее. Наоборот, множество интересных и характерных эпизодов и деталей, имевших место, были опущены автором в целях сжатости.

Опущены были также некоторые моменты, черты или целые события, ввиду невозможности подкрепления их точными данными.

¹ Во время этого разгрома, в момент нападения кавалерийской дивизии «червоного казачества», Аршинов — не в первый раз — едва спасся от смерти. На его глазах были зарублены близкие товарищи, не успевшие уклониться от удара казацкой шашки.

Пропажа целого ряда характернейших документов вообще сильно отозвалась на работе. Последняя, по счету четвертая, потеря вместе с рукописью ценнейших материалов до такой степени угнетала автора, что, по его признанию, он некоторое время колебался начинать работу сызнова. И лишь сознание необходимости дать хотя и неполный, но цельный очерк махновщины заставило его снова взяться за перо.

Разумеется, дальнейшая работа по истории махновского движения должна быть расширена и пополнена новыми данными. Движение это настолько обширно, глубоко и своеобразно, что еще не так скоро получит свою полную оценку. Настоящая книга является лишь первым серьезным вкладом в дело изучения одного из крупнейших и поучительнейших революционных движений в истории.

* * *

Против некоторых принципиальных положений автора можно спорить. Но они не являются основным элементом книги и потому не развиты до конца. Отметим, что своеобразная оценка автором большевизма как идущей на смену буржуазии новой господской касты, сознательно стремящейся к экономическому и политическому господству над трудящимися массами, представляет немалый интерес.

* * *

Сущность махновщины выявлена в работе как нельзя более выпукло. При этом самый термин «махновщина» приобретает под пером автора чрезвычайно широкий, почти нарицательный смысл. В этот термин автор вкладывает понятие об особом, совершенно своеобразном и самостоятельном революционном и классовом движении трудящихся, постепенно осознающем себя и выходящем на широкую арену исторического действия. Автор считает махновщину одним из первых и замечательнейших проявлений этого нового движения и противопоставляет ее как таковую другим силам и движениям в революции. Тем самым подчеркивается случайность термина «махновщина». Движение существовало бы и без Махно, так как существовали бы те живые силы, живые массы, которые это движение создали и развернули и которые выдвинули Махно лишь как своего талантливого боевого руководителя. Сущность движения осталась бы та же, хотя название его было бы другим, а его идейная окраска выявилась бы с иной (меньшей или большей) отчетливостью.

Личность и роль самого Махно оттенены в работе весьма ярко.

Отношение движения к различным враждебным силам — к контрреволюции, к большевизму — обрисованы исчерпывающе. Страницы, посвященные различным моментам героической борьбы махновщины с этими силами, захватывают и потрясают.

* * *

Чрезвычайно интересный вопрос о взаимоотношениях между махновщиной и анархизмом недостаточно разработан автором. Высказано общее и основное положение, что анархисты в целом, точнее, анархические «верхи», остались в стороне от движения: по выражению автора — «проспали» его. Автор объясняет это явление главным образом тем обстоятельством,

что известный слой анархистов в большой степени заражен «партийностью» — пагубным стремлением *руководить* массами, их организациями и движениями. Отсюда — непонимание этими анархистами *действительно самостоятельных* массовых движений, возникающих помимо их и требующих от них лишь искренней и самоотверженной идейной помощи. Отсюда же — их предрешенное и пренебрежительное, по существу, отношение к таким движениям. Но такого утверждения и объяснения недостаточно. Следовало бы расширить и углубить эту тему. Среди анархистов имелось к махновщине тройкого рода отношение: во-первых — определенно скептическое, во-вторых — среднее, и в-третьих — определенно положительное. Автор принадлежит, несомненно, к этому последнему течению. Но его позиция может быть оспариваема, и ему следовало бы поэтому развить вопрос более основательно. Правда, данная тема не относится к существу его книги. И, с другой стороны, изложенные им на протяжении этой книги факты в значительной степени сами по себе подкрепляют его положение... Надо надеяться, что поднятый им вопрос получит на страницах анархической печати дальнейшую разработку и что всестороннее обсуждение ею приведет к ценным для анархического движения выводам.

* * *

Нечего и говорить о том, что все сказки о бандитизме, об антисемитизме и других якобы присущих махновскому движению темных явлениях должны с появлением этой книги сойти на нет.

Если махновщина — как и всякое дело рук человеческих — имела свои тени, свои ошибки, свои уклоны, свои отрицательные стороны, то они, по свидетельству автора, были, сравнительно с великой положительной сущностью движения, настолько мелки, ничтожны, что о них странно было бы особо говорить. При малейшей возможности свободного творческого развития движения они были бы без всякого затруднения изжиты.

* * *

В работе достаточно ярко оттенено, с какой простотой и легкостью, с какой естественностью движение перешагнуло через ряд предрассудков — национальных, религиозных и иных. Этот факт чрезвычайно характерен: он лишний раз показывает, на какие достижения — и как легко — способны одушевленные решительным революционным сдвигом трудовые массы, *если они, действительно, сами творят свою революцию*, если им предоставлена подлинная и полная свобода исканий, свобода действий. Пути их неограниченны — если только сознательно не загоразживать эти пути.

* * *

Но самым крупным и важным в настоящей работе мы признаем следующее:

1) В противовес многим, считавшим и до сих пор еще считающим махновщину лишь своеобразным *военным* эпизодом — удамой партизанщиной, несущей в себе все минусы, все созидательное бесплодие военщины (а многие строили именно на этом обстоятельстве свое отрицательное отношение к махновскому движению), — автор неопровержимыми данными показывает всю ошибочность такого мнения. Точно, с фактами в руках,

развертывает он перед нами картину свободного, глубоко идейного, — хотя и очень кратко, — *творческого и организационного движения широких трудовых масс*, формирующих свою, тесно спаянную с ними, военную силу лишь в целях необходимой обороны своей революции и своей свободы. Этим разбит очень распространенный предрассудок в отношении махновщины.

Характерно, что в *серьезный* упрек махновщине автор ставит как раз некоторое пренебрежение *военно-стратегической* стороной дела. В главе об ошибках махновцев он выражает уверенность в том, что, если бы последние вовремя организовали серьезную охрану возможно более широких границ района, — вся революция на Украине, а затем и вообще, могла бы развернуться совершенно иначе. Если автор прав, то в этом отношении судьбу махновщины можно сблизить с судьбой других революционных движений прошлого, в которых военные промахи также сыграли роковую роль. Во всяком случае, мы обращаем сугубое внимание читателя на этот пункт, дающий повод к очень полезным размышлениям.

2) Ярко оттенена *полная самостоятельность* движения: сознательно и энергично отстаиваемая независимость его от каких бы то ни было навязывающих себя извне сил.

3) Определенно и точно установлено отношение большевизма и советской власти к такому явлению, как махновщина. Нанесен сокрушительный удар всем выдумкам и оправданиям большевиков. Вскрыты до полной наготы все их преступные махинации, вся их ложь, вся их контрреволюционная сущность. Хотелось бы поставить эпиграфом к соответствующей части книги слова, сорвавшиеся когда-то у начальника секретно-оперативного отдела ВЧК Самсонова (в тюрьме, при вызове меня «следователем» к допросу). На мое замечание о том, что поступок большевиков по отношению к Махно в момент договора с ним является поступком предательским, Самсонов живо возразил: «Вы считаете это предательством? А по-нашему, это показывает лишь, что мы — умелые государственные политики: *когда Махно был нам нужен, мы сумели его использовать; а когда он стал не нужен, мы сумели его ликвидировать*».

4) Многие искренние революционеры считают анархизм идеалистической фантазией и оправдывают большевизм как единственно возможную, неизбежную и необходимую в развитии мировой социальной революции *реальность*, закрепляющую известный этап этой революции. Отрицательные стороны большевизма представляются таким образом несущественными и находят себе историческое оправдание.

Настоящая книга наносит этому взгляду смертельный удар. Она наглядно устанавливает два кардинальных пункта: 1) анархические устремления выявились в русской революции, *поскольку последняя стала подлинной самостоятельной революцией трудовых масс* не как «вредная утопия фантазеров», но как *реальнейшее, конкретное революционное движение этих масс*; 2) как *таковое*, оно было сознательно, жестоко и подло подавлено большевизмом.

Иложенные в этой книге факты ясно показывают, что «реальность» большевизма по существу та же, что реальность царизма. Эти факты конкретно и ярко подтверждают и противопоставляют этой «реальности» глубокую верность и *реальность анархизма как единственной подлинно революционной идеологии труда*, и снимают с большевизма всякую тень исторического оправдания.

5) Книга дает богатый материал для переоценки анархистами многих своих ценностей. Она наталкивает на некоторые новые вопросы; она раз-

вертывает ряд фактов, способствующих более отчетливому решению кое-каких не новых вопросов; она, наконец, подтверждает некоторые, основательно забытые истины, которые очень полезно еще и еще раз пересмотреть и передумать.

* * *

Еще одно замечание.

Хотя данная книга написана анархистом, но интерес и значение ее, несомненно, выходят далеко за пределы того или иного определенного круга читателей.

Для многих она явится полным и неожиданным откровением. Многим она откроет глаза на совершающиеся кругом события. Многим осветит эти события новым светом.

Не только всякий грамотный рабочий или крестьянин, не только всякий революционер, но и каждый мыслящий и интересующийся окружающим человек должен внимательно прочесть эту книгу, должен продумать вытекающие из нее выводы и отдать себе ясный отчет в том, чему она учит.

Теперь, когда жизнь чревата событиями, и мир насыщен борьбой; теперь, когда революция стучится в каждые двери, готовая так или иначе увлечь в свой вихрь каждого смертного; теперь, когда во всю ширь развертывается великая тяжба — не только между трудом и капиталом, между миром отжившим и миром нарождающимся, но и между приверженцами различных путей борьбы и строительства; теперь, когда большевизм громыкает по земле, требуя крови за свое предательство революции, насилем, обманом и подкупом вербуя себе сторонников; когда Махно, тоскуя в Варшавской тюрьме, может быть утешен только тем, что идеи, за которые он боролся, не умирают, но ширятся и растут, — теперь каждая книга, освещающая пути революционной борьбы, должна быть настольной книгой в каждом доме.

Анархизм — не привилегия избранных, а глубокое и широкое учение и мировоззрение, с которым в наши дни должен быть знаком всякий.

Пусть читатель не станет анархистом. Но пусть не случится с ним того, что случилось с одним стариком-профессором, попавшим случайно на анархическую лекцию. Взволнованный до слез, он говорил после лекции собравшимся вокруг него слушателям: «Вот я, профессор, дожил до седых волос и до сих пор ничего не знал об этом замечательном, прекрасном учении... И мне — стыдно...»

Пусть читатель никогда не будет анархистом: быть анархистом — не обязательно. Но *знать* анархизм — надо.

Волин.

Май 1923 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Махновщина — колоссальное явление русской действительности. По глубине и разнообразию идей она превосходит все известные нам само-бытные движения трудящихся. Фактический материал у нее огромный, но в условиях теперешней — коммунистической — действительности нечего и думать собрать весь материал для освещения движения. Это — дело последующих лет.

Работа по истории махновского движения предпринималась мною четыре раза. Для этого тщательно собирался весь материал, относящийся к движению. Но все четыре раза работа, доведенная до середины, пропала вместе с материалами. Дважды она пропала на фронте, в боевой обстановке, а два раза — на квартирах во время обысков. Особенно ценный материал пропал в январе 1921 г. в г. Харькове. В нем было собрано все, что имелось на фронте, в махновском лагере и в личных архивах Махно: записки Махно, содержавшие большой фактический материал, большинство изданий и документов движения, комплект газеты «Путь к Свободе», подробные биографические данные ответственных участников движения. Собрать в короткое время хотя бы часть пропавшего не представлялось возможным. Поэтому настоящая работа велась при отсутствии многих, крайне необходимых материалов. С другой стороны, она производилась первое время в обстановке боев, а после — в очень неблагоприятных полицейских условиях русской действительности, когда ее приходилось писать так, как в царской каторге заключенные писали записки друг другу, т.е. где-нибудь в углу или спрятавшись за стол, с вечной опаской, как бы не накрыло начальство.

Вследствие этого работа носит спешный характер, имеет много пробелов. Окружающая действительность требует, однако, чтобы работа по истории движения была выпущена хотя бы и в таком неполном виде. Следовательно, она не является исчерпывающей, а лишь начальной и будет иметь дальнейшую разработку и продолжение. Но для этого необходимо собрание материалов, относящихся к движению. Просьба ко всем товарищам, имеющим что-либо из этого материала, передать его автору.

* * *

В этом предисловии я желаю сказать несколько слов заграничным товарищам-рабочим. Многие из них, приезжая в Россию на те или иные конгрессы, видят русскую действительность из казенных рук. Они обходят заводы Петрограда, Москвы и других городов и знакомятся с положением в них на основании данных правительственной партии или родственных ей политических групп. Такое знакомство с русской дейст-

вительностью не имеет ценности. Приезжающим гостям всегда показывают жизнь, далекую от действительности. Возьмем следующий пример. В 1912 или 1913 году один амстердамский ученый (кажется, Израель Ван-Кан) приехал в Россию для ознакомления с русской тюрьмой и каторгой. Царское правительство предоставило ему возможность осмотреть тюрьмы Петрограда, Москвы и иных городов. Профессор ходил по камерам, знакомился с положением заключенных, разговаривал с ними. Несмотря на это и на то, что он вступил в нелегальную связь с некоторыми политическими каторжанами (Минор и др.), в русской тюрьме он в общем не увидел больше того, что ему желало показать само тюремное начальство; и то, что было специфически в русской каторге, осталось для него неизвестным. Вот в положение такого Израеля Ван-Кана попадают все заграничные товарищи-рабочие, приезжающие в Россию и думающие в короткий срок, на основании данных правительственной партии или соперничающих с ней политических деятелей, познакомиться с русской жизнью. Они неизбежно будут делать грубые ошибки.

Чтобы прощупать русскую действительность, необходимо пойти или в деревню в качестве простого работника-земледельца, или на фабрику — в качестве рабочего, получать экономический и политический паек, выдаваемый коммунистической властью народу, требовать священных прав труда, а когда их не дают, — бороться за них, и бороться революционно, ибо революция есть высшее право труда; и лишь тогда подлинная, не показная русская действительность заглянет такому смельчаку прямо в лицо. И тогда для него не покажется неожиданной история, рассказанная в этой книге. Он с ужасом и потрясением увидит, что в России сейчас, как и везде, распинается великая правда трудящихся, и ему понятен будет героизм махновского движения, защищающего эту правду.

Мне думается, что всякий вдумчивый пролетарий, заботящийся о судьбах своего класса, согласится, что только так и следует знакомиться с русской — и со всякой иной — жизнью. Все же то, что до сих пор обыкновенно практиковалось в России в целях изучения ее действительности заграничными делегациями, — вздор, самообман, заграничный пикник, пустая трата времени.

Москва, апрель 1921 г.

P.S. — Считаю приятным товарищеским долгом, от себя и от остальных участников движения, высказать благодарность всем организациям и товарищам, помогшим или стремившимся помочь делу издания книги: федерации анархо-коммунистических групп Северной Америки, итальянским и болгарским товарищам.

Май 1923 г.

Глава первая

ДЕМОКРАТИЯ И ТРУДОВЫЕ МАССЫ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Мы не знаем ни одной революции в мировой истории, когда бы ее — революцию — вел в своих интересах сам трудовой народ, т.е. городские рабочие и бедное, не эксплуатирующее чужого труда крестьянство. Несмотря на то, что во всех крупных революциях главную силу были рабочие и крестьяне, приносившие неисчислимые жертвы во имя торжества их, — руководителями, идеологами и организаторами форм и целей революции неизменно бывали не рабочие и крестьяне, а сторонний, чуждый им элемент, обыкновенно элемент средний, колеблющийся между господствующим классом отмирающей эпохи и пролетариатом города и деревни.

Этот элемент всегда зарождался и вырастал на почве распада старого строя, старой системы государственности, производимого постоянным движением к свободе поработанных масс. Благодаря своим классовым особенностям, своим претензиям на власть в государстве он в отношении отмирающего политического режима занимал революционную позицию, легко становился вождем поработанного труда, вождем революционных движений масс. Но, организуя революцию, ведя ее под флагом кровных интересов рабочих и крестьян, этот элемент всегда преследовал свои узкогрупповые или сословные интересы и всю революцию стремился использовать в целях утверждения своего господского положения в стране. Так было во время английской революции. Так было во время великой французской революции. Так было во французской и германской революциях 1848 года. Так было в целом ряде иных революций, когда пролетариат города и деревни, борясь за свободу, истекал кровью, а плодами его жертв и усилий распоряжались вожди, политики разных названий, разрабатывавшие за спиной народа задачи и цели революции применительно к интересам своих групп.

Во время великой французской революции трудящиеся принесли колоссальные усилия и жертвы во имя ее торжества. Но разве политические деятели этой революции были сынами пролетариата и боролись за его идеи — равенство и свободу? Ничуть не бывало. Дантон, Робеспьер, Камилл Демулен и ряд других владык революции были кровавыми представителями тогдашней либеральной буржуазии. Они боролись за определенный буржуазный тип общественных отношений, ничего общего не имевший с революционными идеями равенства и свободы народных масс Франции 18-го века.

А ведь они считались и до сих пор считаются общепризнанными вождями всей великой революции. И разве после французской революции 1848 года рабочий класс, отдавший революции три месяца героических усилий, нужды, лишений и жертв, получил «социальную республику», как обещали ему руководители революции? От них он получил социальное порабощение и массовое избиение, расстрел 50-ти тысяч рабочих Парижа, когда последние попытались восстать против обманувших их руководителей.

Рабочим и крестьянам во всех прошлых революциях удавалось лишь *наметить* свои устремления, создать лишь свое *течение*, которое всегда извращалось и затем ликвидировалось более умными, более хитрыми, более знающими вождями революции. Самое большее, чего трудящиеся достигали в этих революциях, — это незначительной подачки, в форме ли права на собрания, союзы, печать, или — в форме права избирать себе правительство; да и то эта подачка, как правило, изымалась, как только новая власть закреплялась вполне. После этого жизнь масс направлялась в русло прежнего бесправия, эксплуатации, обмана.

Лишь в таких *низовых* движениях масс, как бунт Разина или как революционные повстанья¹ крестьян и рабочих наших лет, народ бывал хозяином движения, давая ему свою форму и содержание. Но эти движения, встречаемые обыкновенно худой и проклятиями всего «мыслящего» человечества, еще никогда не побеждали, и они по своему содержанию и форме резко отличаются от революций, руководимых политическими группами и партиями.

Наша русская революция является, несомненно, пока что политической революцией, осуществляющей силами народа не народные интересы. Основным фактом этой революции, на фоне величайших жертв, страданий и революционных усилий рабочих и крестьян, является захват политической власти промежуточной группой, так называемой социалистической революционной интеллигенцией — социалистической демократией.

О социалистической интеллигенции — русской и международной — писали много. Обыкновенно ее хвалили, называя носительницей высших человеческих идеалов, поборницей вечной правды. Реже ее бранили. Но все, написанное о ней, — и хорошее и худое, — имеет один существенный недостаток: тот именно, что она сама себя определяла, сама себя хвалила или бранила. Для независимого ума рабочих и крестьян это совершенно неубедительно и не может иметь никакого значения в отношениях между нею и народом. Последний в этих отношениях будет считаться только с фактами. Реальным, неопровержимым фактом в жизни социалистической интеллигенции является тот, что она всегда пользовалась привилегированным социальным положением. Живя в привилегиях, интеллигенция стала привилегированной не только социально, но и психологически. Все ее духовные устремления, — то, что называется «общественным идеалом», — неизбежно несут в себе дух

¹ повстание (от укр. *повстання*) — восстание (прим. изд.)

сословных привилегий. Мы находим его на протяжении всего общественного развития интеллигенции. Если мы возьмем эпоху декабристов как начало революционного движения интеллигенции, то, переходя последовательно через все этапы этого движения — народничество, народовольчество, марксизм и вообще социализм во всех его разветвлениях, — мы всюду находим этот ярко выраженный дух сословных привилегий.

Как бы ни был высок общественный идеал по своей внешности, но раз он несет в себе привилегии, за которые народ должен будет платить своим трудом и своими правами, он не есть уже полная правда. А общественный идеал, не представляющий народу полную правду, является ложью для него. Вот именно *такой* ложью является для народа вся идеология социалистической интеллигенции и она сама. Этот факт предопределяет *все* во взаимоотношениях народа и интеллигенции. Народ никогда не забудет и не простит того, что за счет его подневольного труда и бесправия известная общественная группа устраивала себе социальные привилегии и старалась эти привилегии перенести для себя в общество будущего.

Народ — одно, а демократия и ее социалистическая идеология — другое, исподволь и лукаво подходящее к народу. Конечно, отдельные героические натуры, подобно Софье Перовской, стояли выше низменных привилегий, присущих социализму, но потому только, что представляли собою явление не классово-демократическое, а психологическое или этическое. Они — цветы жизни, украшение рода человеческого. Загоревшись страстью правды, они целиком шли на служение народу и своим красивым существованием еще более оттеняли фальшивый характер социалистической идеологии. Народ никогда не забудет их и вечно будет носить в своем сердце великую любовь к ним.

Смутные политические искания русской интеллигенции 1825 года сложились через столетия в законченную социалистическую государственную систему, а она сама — в отчетливую общественно-экономическую группу: социалистическую демократию. Отношения между нею и народом определились окончательно: народ идет к гражданскому и хозяйственному самоуправлению; демократия стремится к власти над ним. Связь между ними может держаться лишь путем хитрости, обмана и насилия, но никоим образом не естественно, в силу общности интересов. Они — враждебны друг другу.

Сама государственная идея, идея принудительного управления массами, всегда была достоянием тех индивидов, в которых чувство равенства отсутствует и господствует инстинкт эгоизма и для которых человеческая масса — сырой материал, лишенный воли, инициативы и сознания, неспособный к актам общественного самоуправления.

Всегда эта идея была достоянием господских привилегированных групп, стоящих вне трудового народа, — патриарших сословий, военной касты, дворянства, духовенства, торговой и промышленной буржуазии и т.д.

Не случайностью является то, что современный социализм оказался ревнивым служителем этой идеи: он есть идеология новой господской касты. Если мы присмотримся внимательно к носителям и проповедникам государственного социализма, то увидим, что каждый из них преисполнен централистических устремлений, каждый из них смотрит на себя, прежде всего, как на центр, управляющий и повелевающий массами. Эта психологическая черта государственного социализма и его носителей есть прямое продолжение психологии прежних, уже вымерших или вымирающих господских групп.

Вторым основным фактом нашей революции является тот, что рабочие и трудовое крестьянство остаются в прежнем положении «рабочих классов», — производителей, управляемых свыше властью.

Все теперешнее так называемое социалистическое строительство, производимое в России, весь государственный аппарат управления страной, создание новых социально-политических отношений — все это, прежде всего, является ничем иным, как сооружением нового классового господства над производителями, установлением новой социалистической власти над ними. План этого строительства и этого господства в течение десятков лет разрабатывался и подготавливался вождями социалистической демократии и до русской революции был известен под названием коллективизма. Сейчас он называется советской системой.

Он впервые проводится в жизнь на почве революционного движения рабочих и крестьян России. Это — первая попытка социалистической демократии утвердить свое государственное господство в стране силою революции. Как первая попытка, предпринятая притом лишь частью демократии, — правда, наиболее активной, наиболее инициативной и наиболее революционной ее частью, ее левым коммунистическим флангом, — этот опыт своей неожиданностью для широкой демократической массы, своими резкими формами, расколот первое время саму демократию на несколько враждующих между собою групп. Некоторые из этих групп (меньшевики, эсеры и проч.) считали преждевременным и рискованным введение в настоящее время коммунизма в России. Они продолжали надеяться достичь государственного господства в стране так называемым законным парламентским путем: получением большинства мест в парламенте посредством подачи за них голосов рабочими и крестьянами. На почве этого расхождения они вступили в спор со своими собратьями слева — коммунистами. Но спор этот является временным, случайным и несерьезным. Он порожден недоразумением, непониманием широкой, более робкой частью демократии смысла политического переворота, совершаемого большевиками. Как только последняя увидит, что коммунистическая система не только не несет ей ничего плохого, но, наоборот, открывает ей прекрасные места в новом государстве, — все споры между отдельными враждующими группами демократии отпадут сами собой, и последняя целиком пойдет под руководством единой коммунистической партии.

И уже сейчас мы замечаем некоторое «просветление» демократии в этом смысле. Целый ряд групп и партий, у нас и за границей, примыкают к «советской платформе». Огромные политические партии разных стран, на днях бывшие воротилами во II Интернационале и враждовавшие оттуда с большевизмом, собираются теперь в лоно коммунистического интернационала и подходят к рабочему классу с коммунистическим знаменем, с «диктатурой пролетариата» на устах.

Но подобно предыдущим великим революциям, в которых боролись рабочие и крестьяне, и наша революция запечатлела ряд самобытных устремлений трудящихся в их борьбе за свободу и равенство, наметила основные течения их в революции. Одним из таких течений, наиболее мощным и ярким, является *махновщина*. В продолжение трех лет она героически пробивала путь в революции, которым бы трудящиеся России подошли к цели своих вековых устремлений — свободе и независимости. Несмотря на ожесточеннейшие попытки коммунистической власти задушить это течение, извратить и опоганить его, оно продолжало расти, жить и развиваться, борясь на нескольких фронтах гражданской войны, нанося подчас серьезные удары своим врагам и подымая надежды на революцию у рабочих и крестьян Великобритании, Сибири и Кавказа. Факт успешного развития махновщины объясняется тем, что часть русских рабочих и крестьян была в некоторой степени знакома с историей революций других народов и с революционными движениями своих праотцов, могла опереться на их опыт. Кроме того, трудящиеся выдвинули из своей среды лиц, сумевших отыскать, сформулировать и остановить внимание масс на наиболее существенных и основных сторонах их революционного движения, противопоставить эти стороны политическим достижениям демократии и с достоинством, упорством и талантливостью защищать их.

Прежде чем перейти непосредственно к истории махновского движения, необходимо отметить следующее. Русскую революцию часто называют «октябрьской». При этом смешивают два отдельных явления: те лозунги, под которыми масса совершала переворот, и результаты этого переворота.

Октябрьское движение масс 1917 года шло под лозунгами: «Фабрики рабочим! Земля крестьянам!». В этом коротком, но глубоком по своему смыслу лозунге содержалась вся социально-революционная программа масс: низвержение капитализма, наемного труда, государственного порабощения и организация новой жизни на началах самоуправления производителей. На самом деле эту программу октябрьский переворот в жизнь не воплотил. Капитализм не разрушен, а реформирован. Наемный труд и эксплуатация производителей остались в прежней силе. А новый государственный аппарат сдавил волю трудящихся не меньше, чем ее давило государство помещиков и частных капиталистов. Таким образом, русскую революцию можно назвать «октябрьской» в определенном узком смысле — в смысле осуществления в ней целей и задач коммунистической партии.

Октябрьский переворот является лишь этапом в общем ходе русской революции, подобно тому, как февраль-март 1917 года были тоже не более, как этапом нашей революции. Революционными силами октябрьского движения воспользовалась коммунистическая партия в своих планах и целях. Но всей нашей революции этот акт не представляет. Общее русло ее вмещает целый ряд других течений, не останавливающихся на октябре, а идущих дальше, к осуществлению исторических задач рабочих и крестьян — их трудового, равенственного безгосударственного общежития. И теперешний длительный и затвердевший уже октябрь несомненно должен дать место следующему народному этапу революции. В противном случае революция, как и все предыдущие, окажется лишь сменой власти.

Глава вторая

ОКТАБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ В ВЕЛИКОРОССИИ И НА УКРАИНЕ

Для уяснения хода русской революции необходимо остановиться на пропаганде и развитии революционных идей среди рабочих и крестьян в период времени от 1900 до 1917 г. и на значении октябрьского переворота в Великороссии и на Украине.

Начиная с 1900-05 гг., революционная пропаганда среди рабочих и крестьян велась представителями двух учений: государственного социализма и анархизма. Но государственный социализм проповедовался несколькими прекрасно организованными демократическими партиями — большевиками, меньшевиками, социалистами-революционерами и рядом родственных им политических течений. Анархизм же располагал немногими малочисленными группами, притом недостаточно ясно представлявшими себе свои задачи в революции. Поле политической проповеди и политического воспитания целиком почти завоевала демократия. В духе своих политических программ и идеалов она воспитывала массы. Завоевание демократической республики было очередной задачей ее; политическая революция — средством осуществления этой задачи.

Анархизм, наоборот, отвергал демократию как одну из форм государственности, отвергал политическую революцию как средство ее утверждения. Задачей дня рабочих и крестьян он считал лишь социальную революцию и к ней звал массы. Это было единственное учение, проповедовавшее полное разрушение капитализма во имя свободного безгосударственного общества трудящихся. Но, располагая крайне малым числом работников и не имея в то же время конкретной программы завтрашнего дня, анархизм не смог широко распространиться и укрепиться в массах как определенная социально-политическая теория их. Тем не менее, благодаря тому, что он подходил к самым важным сторонам жизни поработченных масс,

никогда не лицемерил с ними, учил их борьбе за непосредственное свое дело и уменью умирать за него, — благодаря этому он в самой гуще трудящихся создал галерею борцов и мучеников за социальную революцию, а идеи его выдержали испытание многолетней царской реакцией и сохранились в душе отдельных городских и деревенских тружеников как их социально-политический идеал.

Социализм, будучи кровным детищем демократии, всегда располагал огромными интеллектуальными силами. Студенчество, профессоры, врачи, адвокаты, журналисты и т.д. были или патентованными марксистами, или в громадной степени сочувствующими марксизму. Благодаря своим многочисленным силам, искусственным в политике, социализму всегда удавалось держать при себе значительную часть рабочих, хотя он и звал их на борьбу за непонятные и подозрительные идеалы демократии.

Все-таки в момент революции 1917 г. классовый интерес и классовый инстинкт воспреобладали и повлекли рабочих непосредственно к их целям — на завоевание земли, фабрик, заводов.

Когда этот уклон обозначился в массах — а он обозначился еще задолго до революции 1917 года, — часть марксистов, именно левое крыло их — большевики, — быстро покинули свою открытую буржуазно-демократическую позицию, выбросили лозунги применительно к требованиям трудящихся и пошли в дни революции за бунтующей массой, стремясь овладеть ее движением. И опять-таки, благодаря значительным интеллигентным силам, составлявшим ряды большевизма, а также социалистическим лозунгам, подкупавшим массы, им это удалось.

Мы уже сказали выше, что октябрьский переворот совершался под двумя лозунгами: «Фабрики рабочим! Земля крестьянам!». Трудящиеся вкладывали в эти лозунги простой смысл, без комментариев, — т.е. все фабрично-заводское хозяйство страны революция должна передать непосредственному управлению рабочих, землю и земельное хозяйство — крестьянам. Дух справедливости и самостоятельности, вложенный в эти лозунги, настолько захватил массы, что значительная, наиболее активная часть их готова была на другой день переворота начать строительство жизни на основе этих лозунгов. В ряде городов профессиональные союзы и фабрично-заводские комитеты приступили к переводу предприятий и товаров в свое ведение, к удалению предпринимателей, к самостоятельному проведению тарифов и т.д. Но все эти шаги встретили железное противодействие со стороны ставшей уже государственной коммунистической партии.

Последняя, идя плечо в плечо с революционной массой, подхватывая крайние, нередко анархические лозунги ее, резко изменила свою деятельность, как только коалиционное правительство было низвергнуто и власть перешла к ней. Отныне для нее революция, как массовое движение трудящихся под лозунгами октября, закончилась. Основной враг трудящихся — промышленная и земельная буржуазия — разбит. Период разрушения, преодоления

сил капиталистического режима закончился; начался период коммунистического строительства, возведения пролетарского здания. Поэтому революция может идти теперь только через органы государства. Продление же прежнего состояния страны, когда рабочие продолжают командовать с улицы, с фабрик и заводов, а крестьяне совсем не видят новой власти, пытаясь наладить свою жизнь независимо от нее, носит в себе опасные последствия, может дезорганизовать государственную роль партии. Поэтому всему должен быть положен конец всеми возможными средствами — вплоть до государственного насилия.

Таков был поворот в деятельности коммунистической партии, как только она стала у власти.

С этого момента она упорно стала противодействовать всяким массовым социалистическим начинаниям рабочих и крестьян. Конечно, этот переворот в революции и этот бюрократический план ее дальнейшего развития были слишком наглым шагом партии, обязанной своим положением только трудящимся. Во всем этом было много самозванства. Но такова была логика положения, занимаемого в революции коммунистической партией, что иначе она поступить не могла. Впрочем, так поступила бы всякая политическая партия, ищущая в революции диктатуры и господства в стране. До октября революцией пытался командовать правый фланг демократии — меньшевики и эсеры. Их отличие в революции от большевиков состоит лишь в том, что они не успели или не сумели организовать своей власти и зажать массы в своих руках.

* * *

Рассмотрим теперь, как была принята трудящимися Украины и Великороссии диктатура коммунистической партии, ее запрет на дальнейшее развитие революции вне органов государства. Революция для трудящихся Великороссии и Украины была единой, но большевистское огосударствление революции было принято не одинаково. На Украине хуже, нежели в Великороссии. Начнем с Великороссии.

И до революции, и во время революции коммунистическая партия вела здесь усиленную работу среди городских рабочих. В период царизма она, будучи левым крылом социал-демократии, пыталась организовать их на почве борьбы за демократическую республику, подготавливая из них надежную армию в борьбе за свои идеалы.

После низвержения царизма в феврале-марте 1917 г. для рабочих и крестьян настало острое, не терпящее промедления время. В лице временного правительства они видели определенного врага себе. Поэтому они не ждали, а революционным порядком стали осуществлять свои права — сначала на восьмичасовой рабочий день, потом на органы производства и потребления и на землю. Во всем этом коммунистическая партия явилась для них прекрасным организованным союзником. Правда, она преследовала этим

союзом свои цели, но массы этого не знали, а видели факт, что коммунистическая партия вместе с ними борется против капиталистического режима. Последняя всю силу своих организаций, весь политический организационный опыт, лучших своих работников направила в гущу рабочего класса и в армию. Она напрягла все свои силы, чтобы сгруппировать массы вокруг своих лозунгов, демагогически заигрывая на наболевших вопросах порабощенного труда, подхватывая лозунги крестьян о земле, рабочих о вольном труде и толкая их на решительное столкновение с коалиционным правительством. Изо дня в день коммунистическая партия была в рядах рабочего класса, ведя вместе с ним неустанную борьбу против буржуазии, и довела ее до октябрьских дней. Поэтому рабочие Великороссии привыкли видеть в ней своего энергичного соратника в революционной борьбе. Это обстоятельство и то, что рабочий класс России почти не имел своих классовых революционных организаций, был организационно распылен, позволили партии легко взять руководство событиями в свои руки. И когда коалиционное правительство было свергнуто рабочим классом Петрограда и Москвы, власть просто перешла к большевикам, как руководителям переворота.

После этого коммунистическая партия всю свою энергию направила на организацию твердой власти и на ликвидацию массовых движений рабочих и крестьян, продолжавших в разных местах страны добиваться основных целей революции прямым действием. Благодаря огромному влиянию, приобретенному ею за дооктябрьский период, это ей удалось без особого труда. Правда, коммунистической партии неоднократно приходилось — сейчас же после захвата ею власти — душить первые шаги рабочих организаций, пытавшихся начать производство в своих предприятиях на началах трудового равенства. И не один десяток деревень, не одна тысяча крестьян были разгромлены за непослушание и попытки обойтись без комвласти. Правда, в Москве и ряде других городов компартия, ликвидируя в середине апреля 1918 г. анархические организации, а после — организации левых соц.-революционеров, вынуждена пустить в ход пулеметы и орудия, раскрывая этим самым двери гражданской войне слева. Но в общем, благодаря известному послеоктябрьскому кратковременному доверию рабочих Великороссии к большевикам, последним удалось легко и быстро взять массы в свои руки и приостановить развитие рабоче-крестьянской революции, заменив ее государственными мероприятиями партии. На этом революция в Великороссии остановилась.

Иначе проходили дооктябрьский и октябрьский периоды на Украине. Коммунистическая партия не имела здесь и десятой доли тех организованных партийных сил, которыми располагала в Великороссии. Влияние ее здесь на рабочих и крестьян всегда было ничтожным. Октябрьский переворот произошел здесь значительно позже — в ноябре, декабре следующего года. До этого на Украине была власть местной национальной буржуазии — петлюровцев. В отношении ее большевики действовали не революционным, а глав-

ным образом военным порядком. В Великороссии переход власти советам сразу же означал переход ее к коммунистической партии. Здесь же благодаря бессилию и непопулярности партии переход власти советам означал совершенно другое. Советы были собраниями выборных рабочих без реальной силы подчинить массы себе. Фактической силой чувствовали себя рабочие на заводах и крестьяне в деревнях. Но эта сила была распылена, неорганизованна и в любой момент могла подпасть под диктатуру какой-либо крепко спянной партии.

За все время революционной борьбы рабочий класс и крестьянство Украины не привыкли видеть около себя такого постоянного и непреклонного опекуна, каким была коммунистическая партия в Великороссии. Поэтому здесь в гораздо большей степени накопился известный душевный простор, который непременно должен был сказаться в дни революционных движений масс.

Другой, еще более важной стороной в жизни украинского крестьянства и рабочих (местных, а не пришлых) были *традиции вольницы*, сохранившиеся на Украине от давно прошедших времен. Как ни старался царский режим со времен Екатерины II вытравить в украинском народе всякий след вольницы — наследия бранной эпохи XIV-XVI веков и запорожской сечи, — особенная любовь к независимости в нем все-таки сохранилась в значительной степени до наших дней и в современном украинском крестьянстве сказалась упорным сопротивлением всяким властям, стремившимся подчинить его себе.

Таким образом, революционное движение на Украине сопровождалось двумя условиями, не имевшимися в Великороссии: отсутствием сильной организованной политической партии и наличием духа вольницы, исторически присущим украинскому труженнику. Это неминуемо должно было сказаться на всем характере украинской революции. И на самом деле, в то время, когда в Великороссии революция была без особого труда введена в рамки коммунистического государства, на Украине это огосударствление шло очень туго, советский аппарат создавался механически, главным образом военным порядком. А рядом с этим продолжало развиваться самостоятельное движение масс, преимущественно крестьянских. Оно зародилось еще при власти демократической республики петлюровцев и, ища свой путь, постепенно развивалось. Больше того — корнями своими это движение уходило к самим основам русской революции. Оно отчетливо наметилось еще с первых дней февральского переворота. Это было движение низов трудящихся, стремившихся уничтожить рабскую экономическую систему и создать вместо нее новую — на базе обобществления средств и орудий труда и трудового пользования землей.

Выше мы отметили, как во имя этого рабочие изгоняли с фабрик и заводов их собственников и руководство производством передавали своим органам — профсоюзам, фабрично-заводским комитетам или специально созданным рабочим управлениям. Крестьяне же отбирали землю у помещиков и кулаков и обращали ее

в строго трудовое пользование, намечая таким образом совершенно новый тип земельного хозяйства.

Эта практика революционного действия рабочих и крестьян развивалась почти беспрепятственно в течение всего первого года революции и создавала здоровую, вполне определенную *линию революционного поведения масс*.

И всякий раз, когда та или иная политическая группа, захватившая власть, пыталась разбить эту линию революционного поведения трудящихся, последние неизменно вступали в революционную оппозицию этим попыткам, так или иначе боролись с ними.

Таким образом, революционное движение трудящихся к социальной независимости, начавшееся с первых дней революции, не замедлило ни при одной власти, бывшей на Украине. Не умерло оно и при большевизме, который после октябрьского переворота стал вводить в стране свою единодержавную государственную систему.

Что же характерно для этого движения?

Недоверие ко всем нетрудовым группам общества; желание достичь в революции своих подлинно классовых интересов, завоевать независимость труда.

Ведь как коммунистическая партия ни мудрствовала, доказывая, что она является мозгом рабочего класса, что ее власть есть власть рабочих и крестьян, — всякому не утратившему классового чутья и классового сознания рабочему и крестьянину было ясно, что трудящиеся города и деревни оттесняются от своего дела в революции, что власть берет их под свой надзор, отнимает у них право на независимость и на какое бы то ни было самоуправление.

Стремление к полному самоуправлению трудящихся — вот что стало основой начавшегося в глубине масс движения. Множеством путей и случаев мысль их постоянно направлялась к этому. Государственная деятельность коммунистической партии беспощадно убивала это стремление. Но именно деятельность самоуверенной, не терпящей возражения партии подталкивала трудящихся на поиск своих форм и своего пути.

Движение первое время ограничивалось игнорированием новой власти и самочинными действиями крестьян в области захвата помещичьих земель и инвентаря. Неожиданная оккупация Украины австро-германцами поставила трудящихся в совершенно новую обстановку и дала толчок ускоренному развитию их движения.

Глава третья

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПОВСТАНЧЕСТВО НА УКРАИНЕ. — МАХНО

Брест-Литовский договор, заключенный большевиками с германским императорским правительством, открыл настезь ворота Украины для австро-германцев. Последние вошли в нее полными хозяевами. Они наложили свою руку не только на военную, но и

на политическую и хозяйственную жизнь страны. Целью их было — пограбить страну продовольственно. Чтобы достигнуть этого возможно полнее и безболезненнее для себя, они возродили в стране свергнутую народом власть помещиков и дворян, поставив над ним единодержавную власть гетмана Скоропадского. Войска же, оккупировавшие Украину, были обмануты своим офицерством, которое постоянно кормило их ложью о русской революции. Положение в России и на Украине им представляли как разгул диких слепых сил, разрушающих порядок в стране и терроризирующих все честное трудовое население. Этим в них разжигали вражду ко всем бунтующим крестьянам и рабочим, создавая таким образом почву для возмутительного и прямо разбойного поведения австро-германской армии в революционной стране.

Продовольственный грабеж Украины, начатый австро-германцами при всемерной помощи правительства Скоропадского, был бесконечно велик и безобразен. Вывозили все — хлеб, скот, птицу, яйца, сырье и т.д., — и все это в таких размерах, с которыми еле справлялся транспорт. Словно попав на гигантские продовольственные склады, обреченные на расхищение, австрийцы и германцы торопились забрать как можно больше, грузили поезд за поездом, сотни, тысячи поездов, и вывозили к себе. Там, где крестьянство противилось этому грабежу, пытались не отдавать свое трудовое добро, его подвергали репрессиям, шомполовали и расстреливали.

Оккупация Украины австро-германцами составляет мрачную страницу в истории ее революции. Помимо открытого военного грабежа и насилия оккупантов, она сопровождалась еще черной помещичьей реакцией. Гетманский режим — это полный возврат к прошлому, уничтожение всех революционных завоеваний крестьян и рабочих. Эта новая обстановка дала громадный толчок к ускоренному развитию того движения, которое намечалось в крестьянстве еще раньше, при петлюровцах и большевиках. Всюду, главным образом в деревнях, пошли ожесточеннейшие акты восстания против помещиков и австро-германских властей. С этого началось новое революционное движение крестьян Украины, ставшее потом известным под именем *революционного повстанчества*. Некоторые объясняют происхождение революционного повстанчества исключительно фактом австро-германской оккупации и режимом гетмана. Это объяснение не полно и поэтому не верно. Повстанчество имеет корни в обстановке и основе русской революции, является попыткой трудящихся довести революцию до конца — к реальному освобождению и господству труда. Австро-германцы и реакция помещиков лишь ускорили проявление этого движения.

Движение быстро приняло широкие размеры. Всюду крестьянство поднималось на помещиков, убивало или изгоняло их, забирая себе землю и имущество, не щадя при этом и австро-германских насильников. Ответом на это были беспощадные репрессии немецких и гетманских властей. Крестьян бунтующих сел массами расстреливали, шомполовали, сжигая их хозяйства. В короткий срок

сотни сел и деревень подверглись неистовой расправе военно-помещичьей касты. Это было в июне, июле и августе 1918 года. Тогда крестьянство, упорно не желавшее покориться властям, начало действовать партизанским способом. Словно силою невидимых организаций, оно, почти одновременно во многих местах страны, создало множество партизанских отрядов, начавших действовать военными набегами на помещиков, их охрану и представителей власти.

Обыкновенно эти партизанские отряды, состоявшие из 20-50-100 человек конных, хорошо вооруженных крестьян, делали быстрый, неожиданный в данной местности налет на помещичью усадьбу, на государственную стражу, перебивали всех врагов крестьян и исчезали. Каждый помещик, преследовавший крестьян, и его верные слуги были на учете у партизан и ежедневно могли быть убиты. Каждый милиционер, каждый немецкий офицер были обречены партизанами на верную смерть. Акты эти, ежедневно производимые в разных концах страны, били помещичью контрреволюцию по живому, подготавливая неминуемую ее гибель и победу крестьянства. Мы должны отметить здесь, что как широкие, неподготовленные, принимавшие стихийный характер общедеревенские повстания крестьян, так и партизанские их действия велись исключительно самими крестьянами, без какой бы то ни было политической организации. В течение всего периода борьбы с гетманом и помещиками, даже в самые тяжелые моменты этой борьбы, крестьянство, без всякой посторонней помощи и участия, сражалось со своим организованным, вооруженным и ожесточенным врагом. Это, как мы увидим дальше, имело громадное влияние на характер всего революционного повстанчества. Основной чертой повстанческого движения там, где оно сохранило чисто классовый характер и не попало под влияние партийного или националистического элемента, было революционное самоуправление народа. Партизаны гордились им и видели в борьбе за народную свободу свое великое призвание. Ожесточенные репрессии помещичьей контрреволюции не остановили движения, а наоборот — расширили и сделали его повсеместным. Крестьяне сплачивались; сам ход движения приближал их к единому плану революционных действий. Конечно, в масштабе всей Украины крестьянство ни разу не объединилось в общую группу, действующую под единым руководством. О таком объединении можно говорить лишь в смысле единства революционного духа. Практически же, организационно, крестьянство объединялось по районам путем слияния отдельных партизанских отрядов. Такое объединение — как только повстания участились, а репрессии приняли ожесточенный и организованный характер — стало неотложным делом отрядов. На юге Украины инициативу объединения проявил гуляй-польский район. Там оно происходило не только с целью самозащиты крестьянства, но, главным образом, для всеобщей борьбы с помещичьей контрреволюцией. Объединение это преследовало также цель создать из революционного крестьянства реальную организованную силу, которая могла бы бороться с

любой контрреволюцией и отстаять свободу и территорию революционного народа.

Наиважнейшую роль в деле этого объединения и общего развития революционного повстанчества на юге Украины сыграл повстанческий отряд, руководимый местным крестьянином Нестором Махно. Со времени зарождения повстанчества и до момента его высшего напряжения, когда крестьянство победило помещиков, Махно играл в движении исключительную роль. Наиболее героические события повстанческого движения связаны с его именем. Затем, когда повстанчество восторжествовало над контрреволюцией Скоропадского, а району стала угрожать опасность со стороны Деникина, Махно стал в центре объединения миллионов крестьян на территории нескольких губерний. Это был период формирования общественно-политического облика повстанчества Украины, выявления его исторических задач. Ибо не везде повстанчество сохранило свою революционную народную сущность, верность интересам своего класса. В то время как на юге Украины оно подняло черное знамя анархизма и пошло по пути безвластия и самоуправления трудящихся, в западной и северо-западной части Украины оно, по свержении гетмана, попало под влияние чуждых и враждебных ему элементов — демократических националистов (петлюровцев). В течение двух с лишним лет часть повстанцев западной Украины служила опорой петлюровцам, которые под национальным стягом преследовали интересы местной либеральной буржуазии. Повстанческое движение крестьян Киевской, Волынской, Подольской и части Полтавской губерний, хотя и имело общие с остальным повстанчеством корни, в своем последующем развитии не смогло определить собственных исторических задач, подпало под руководство врагов труда и стало, таким образом, слепым орудием в их руках.

Совершенно в ином направлении развивалось революционное повстанчество юга Украины. Оно резко отмежевалось от нетрудовых элементов современного общества, от национальных, религиозных, политических и иных предрассудков рабского строя, встало на почву реальных требований своего класса — пролетариев города и деревни — и во имя этих требований повело суровую войну с многочисленными врагами труда.

МАХНО

Мы уже сказали, что громадную, исключительную роль в организации и развитии крестьянского повстанья юга Украины играл Махно. Проследим его повстанческую деятельность первого периода, т.е. до свержения гетманщины. Предварительно дадим о нем краткие биографические сведения.

Махно Нестор Иванович — крестьянин, родившийся 27 октября 1889 г. и выросший в селе Гуляй-Поле Александровского уезда Екатеринославской губернии, сын бедной крестьянской семьи. На

одиннадцатом месяце жизни он лишился отца, оставшись, вместе с четырьмя маленькими братьями, на руках матери. Уже с семи лет, по причине особенной бедности семьи, он работал подпаском — пас коров и овец крестьян своего села. Восьми лет поступил в местную начальную школу, причем зимой учился, а летом пастушил. Окончив школу, двенадцатилетним мальчиком он отправился на заработки. Работал в экономиях немецких кулаков и в имениях помещиков в качестве простого чернорабочего. Уже тогда, будучи четырнадцати-пятнадцатилетним юношей, он питал сильную ненависть к эксплуататорам-хозяевам и мечтал о том, как бы он почитался с ними за себя и за других, если бы был в силах. После он работал литейщиком на заводе в своем селе.

До шестнадцати лет он не соприкасался с политическим миром. Его революционные и социальные воззрения складывались в небольшом кругу односельчан, таких же пролетариев-крестьян, как он сам. Революция 1905 года сразу выбила его из этого небольшого круга, поставив в поток широких революционных событий и действий. В это время он был семнадцатилетним юношей, полным революционного энтузиазма, готовым на любые действия ради освобождения трудящихся. После ближайшего знакомства с политическими организациями он решительно вступает в ряды анархистов-коммунистов и становится с этого момента неустанным борцом за социальную революцию.

Русский анархизм того времени имел перед собою две конкретные задачи: 1 — раскрыть тот политический обман, в который социалистические партии, во главе с марксистами, пытались ввести трудящихся, и 2 — указать рабочим и крестьянам путь социальной революции. В пределах этих задач Махно нашел себе обширное поле деятельности, принимая участие во многих опаснейших моментах анархической борьбы.

В 1908 году он попадает в руки царского суда, который за участие в анархических сообществах и террористических актах приговаривает его к повешению, замененному затем, ввиду его несовершеннолетия, бессрочной каторгой. Всю каторгу Махно отбывал в Московской центральной пересыльной тюрьме (Бутырках). Как ни тяжела и безнадежна была жизнь на каторге, Махно, тем не менее, постарался широко использовать свое пребывание на ней в целях самообразования и проявил в этом отношении крайнюю настойчивость. Он изучил русскую грамматику, занимался математикой, русской литературой, историей культуры и политической экономией. Каторга, собственно, была единственной школой, где Махно почерпнул исторические и политические знания, послужившие ему огромным подспорьем в последующей его революционной деятельности. Жизнь, факты жизни были другой школой, научившей его узнавать людей и общественные события.

На каторге, будучи еще совсем молодым, Махно подорвал свое здоровье. Упорный, не могущий примириться с полным бесправием личности, которому подвергался всякий осужденный на каторгу, он всегда спорил с тюремным начальством и очень часто сидел за

это по холодным карцерам, нажив себе таким образом туберкулез легких. За «неодобрительное поведение» он в течение 9-ти лет, до последнего дня заключения, пробыл закованным по рукам и ногам, пока, наконец, восстанием московского пролетариата не был освобожден 2 марта 1917 года наряду с остальными политическими заключенными.

По выходе из заключения Махно немедленно возвращается в Гуляй-Поле, где многочисленное крестьянство встретило его с особым сочувствием. Он являлся на все село единственным политическим каторжанином, возвращенным революцией домой, и невольно стал поэтому предметом теплого отношения крестьян. Теперь это был не просто молодой, мало подготовленный юноша, а законченный опытный борец, с сильными волевыми устремлениями и с определенным планом социальной борьбы.

По прибытии в Гуляй-Поле он немедленно отдается революционной работе, стараясь прежде всего организовать крестьян своего и окрестных сел: создает профессиональный союз крестьян-батраков, организывает трудовую коммуну и местный крестьянский совет. Он был вдохновлен главной своей задачей — сплотить и организовать все крестьянство настолько прочно, чтобы оно могло раз и навсегда выгнать всю «расу» крепостников-управителей и само строить свою жизнь. И он, продвигаясь в этом направлении, вел организационную работу среди крестьян, но не как проповедник, а как практический борец, стараясь спланировать трудящихся, вскрывая обман, угнетение и несправедливость рабского строя. В период керенщины и октябрьских дней он был председателем районного крестьянского союза, земельного комитета, профессионального союза металлистов и деревообделочников и, наконец, председателем Гуляй-польского Совета крестьян и рабочих.

В середине августа 1917 г., в качестве председателя Совета, он собрал всех помещиков и собственников района, отобрал у них документы о количестве находившихся в их владении земли и инвентаря и произвел точный учет всего этого имущества. Затем он сделал доклад — сначала на собрании волостного совета, а потом на районном съезде. В своем докладе он предложил, чтобы помещики и кулаки пользовались землей наравне с трудовым крестьянством. Районный съезд, по его предложению, постановил: оставить кулакам и помещикам по трудовой норме земли, а также живого и мертвого инвентаря. По примеру гуляй-польского района, такие постановления были вынесены на многих уездных съездах крестьян Екатеринославской, Таврической, Полтавской, Харьковской и других губерний.

За это время Махно в своем районе стал душой крестьянских движений, отнимавших у помещиков землю, имущество, а где надо было — и жизнь. Этим он нажил себе смертельных врагов в лице местных землевладельцев, богачей и буржуазных организаций.

В момент оккупации Украины австро-германцами Махно, по поручению гуляй-польского революционного комитета, создал для борьбы с немцами и Центральной радой батальоны крестьян и ра-

бочих, с которыми в боевом порядке отступал на Таганрог, Ростов и Царицын. В то время местная буржуазия, окрепшая с приходом австро-германцев, уже за ним охотилась, и ему пришлось скрыться. В отместку украинские и немецкие военные власти сожгли дом его матери и расстреляли его старшего брата Емельяна, инвалида войны.

В июне 1918 года Махно прибыл в Москву, чтобы посоветоваться с некоторыми старыми работниками анархизма относительно направления и характера деятельности среди украинского крестьянства. Однако у анархистов, оказавшихся в этот период русской революции крайне неустойчивыми и слабыми, он удовлетворившись бы его советом и указаний не нашел и поехал на Украину, руководствуясь только собственными соображениями.

Давно уже у него зрела мысль: организовать многочисленное крестьянство как самостоятельную историческую силу, выявить веками накопленную в нем революционную энергию и всю эту гигантскую мощь обрушить на современный крепостнический строй. Теперь этот момент подошел. Находясь в Москве и читая сообщения газет о многочисленных актах повстания украинских крестьян, он волновался, делался сам не свой и с большими душевными страданиями переживал каждый лишний день в Москве. Наконец, наспех, с помощью старого своего товарища по идее и по каторге, он собрался и поехал на Украину, в свой гуляй-польский район. Это было в июле 1918 года. Ехать пришлось с большим трудом, строго законспирировавшись, чтобы в том или ином месте не попасть в руки гетманских агентов. И в самом деле, в одном месте Махно чуть не погиб, будучи схвачен немецкими властями с чемоданом анархической литературы. Его спас один знакомый, гуляй-польский еврей-обыватель, потративший большую сумму денег на его освобождение. По дороге на Украину он получил предложение от большевиков взять для подпольной революционной деятельности определенный район Украины и вести там работу от их имени. Нечего, конечно, и говорить, что Махно не стал даже обсуждать это предложение, стремясь к цели, прямо противоположной большевистской.

Махно вновь в гуляй-польском районе; на этот раз с бесповоротной решимостью или погибнуть, или добиться победы крестьянства, но не уходить более из своего района. Весть о его возвращении быстро пролетела из села в село. Он же, со своей стороны, не замедлил выступить перед широким крестьянством открыто — на митингах и печатно, — зовя его к решительным действиям против гетманщины и панства, резко подчеркивая, что теперь трудящиеся не должны упускать судьбу из своих рук. Громкий и волевой призыв его в несколько недель облетел десятки сел и волостей, подготавливая массы к великим событиям.

Сам Махно приступил к действиям сейчас же. Первая задача, стоявшая перед ним, — создать военно-революционный отряд достаточной силы, который гарантировал бы свободу агитации и пропаганды в селах и деревнях и который приступил бы к

партизанским операциям. Отряд этот был создан в короткий срок. В деревнях имелось достаточно великолепного боевого элемента, готового к действиям. Но была острая необходимость в хорошем организаторе. Таковым явился Махно. Обязанностями его отряда было: а) вести самую энергичную пропагандистскую и организационную работу среди крестьянства и б) самую беспощадную партизанскую борьбу с врагами крестьянства. В основу партизанских действий был положен принцип, по которому всякий помещик, преследовавший крестьян, всякий вартовой¹ (милиционер), всякий офицер русской или немецкой службы как злейшие враги крестьянства и его свободы должны только уничтожаться. Кроме того, по принципу партизанства, предавался смерти каждый, причастный к угнетению бедного крестьянства и рабочих, к попранию их достоинства или к ограблению их труда и имущества.

За две-три недели действий отряд этот стал предметом ужаса не только для местной буржуазии, но и для австро-германских властей. Район военно-революционных действий Махно имел огромный — от Лозовой до Бердянска, Мариуполя и Таганрога, и от Луганска и Гришина до Екатеринослава, Александровска и Мелитополя. Быстрота передвижения была особенностью его тактики. Благодаря обширности района и быстрым передвижениям он всегда как снег на голову появлялся в том месте, где его меньше всего ждали, и в короткий срок прошел огнем и мечом по всем пристанищам местной буржуазии. Все те, кто за последние два-три месяца гетманщины успели обосноваться в старых дворянских гнездах, кто пользовался бесправием крестьян, грабя их труд и землю, кто начальствовал над ними, вдруг оказались под беспощадной, неумолимой рукой Махно и его партизан. Быстрые как вихрь, не знающие страха и жалости к врагам, налетали они на помещичью усадьбу, вырубали всех бывших на учете врагов крестьянства и исчезали. А на другой день Махно делал налет уже на расстоянии ста с лишним верст от этой усадьбы на какое-либо большое село, вырубал там всю варту, офицеров, помещиков и исчезал, не дав времени опомниться стоявшим под боком немецким войскам и сообразить, что произошло по соседству с ними. На следующий день он вновь более чем за сто верст от этого села расправлялся с каким-нибудь мадыарским карательным отрядом, усмирявшим крестьян, или вешал вартовых.

Варта всполошилась. Всполошились австро-германские власти. Они выслали ряд батальонов для разгрома и поимки Махно. Но тщетно. Великолепные кавалеристы, наездники с детских лет, при том имеющие по дороге переменных лошадей, Махно со своими партизанами оказались совершенно неуловимыми, делая в сутки переходы, абсолютно невозможные для обычной кавалерийской части. И неоднократно, словно насмехаясь и издеваясь над противником, Махно появлялся то в центре Гуляй-Поля, то в Пологах, где всегда были расположены большие части австро-германцев, то

¹ вартовой (по укр. варта — стража) — стражник, охранник (прим. изд.)

в других местах скопления войск, перебивал попадавшихся ему под руку офицеров и невредимый исчезал — через полчаса всякий след его терялся. Или же в то время, когда, казалось, по горячим следам должны были окружить его в определенном селе, он с небольшим отрядом партизан, переодетый в форму варты, пробирался в самую гущу неприятеля, разузнавал планы и расположение противника, затем ехал с каким-нибудь отрядом, выделенным «для поимки Махно», — и по дороге уничтожал этот отряд.

По отношению к австро-германским и мадьярским войскам общим правилом партизан было уничтожать офицерство, пленных же солдат распускать, предлагая им идти на родину, рассказывать там, что делают украинские крестьяне, и работать на пользу социальной революции. Их при этом снабжали литературой, а иногда и деньгами. Лишь солдат, уличенных в насилии над крестьянами, предавали казни. Такое отношение к пленным имело определенное революционизирующее влияние на солдат.

В этот период своей повстанческой деятельности Махно являлся не только организатором и вождем крестьянства, но в такой же степени грозным народным мстителем. За короткий период его первого партизанского выступления сотни помещичьих гнезд были уничтожены, тысячи активных врагов и угнетателей народа — безжалостно раздавлены. Его смелый и решительный образ действий, быстрота появления и исчезновения, неуловимость при разного рода обстоятельствах превратили его в легендарную личность, окруженную любовью и гордостью крестьян и страхом и ненавистью буржуазии. В его поступках было, действительно, много легендарного, совершенного его удивительной смелостью, его упрямой волей, прощательностью и здоровым мужицким юмором.

Но этими качествами личность Махно не исчерпывается.

Его боевой дух, партизанские выступления первого периода являлись лишь начальными проявлениями громадного военного и организаторского таланта. Махно неустанно собирал митинги во всех многочисленных селах района, делал на них доклады о задачах момента, о социальной революции, о трудовом, ни от кого не зависимом общежитии крестьян как цели настоящего повстанья. Писал об этом листки, возвания к крестьянам, рабочим, к австрийским и германским солдатам, к казакам Дона и Кубани и т. д.

— «Умереть или победить — вот что стоит перед крестьянством Украины в настоящий исторический момент. Но все умереть мы не можем, нас слишком много, мы — человечество; следовательно, мы победим. Но победим не затем, чтобы, по примеру прошлых лет, передать свою судьбу новому начальству, а затем, чтобы взять ее в свои руки и строить свою жизнь своей волей, своей правдой» (Из первых призывов Махно). Таков голос Махно к широкому крестьянству. И в скором времени он становится центром, объединяющим повстанческие массы. Почти в каждом селе крестьяне создают свои подпольные местные группы, связываются с Махно, во всем его поддерживают и руководствуются его указаниями.

Партизанские отряды, существовавшие ранее и вновь возникающие, стали сливаться с его отрядом, стремясь достигнуть единства действий. Необходимость единства действий и общего руководства сознавалась всюду, и всюду партизаны-революционеры признавали, что лучше всего это единство будет достигнуто в лице Махно. К этому заключению пришли такие большие и самостоятельные отряды, как отряд Куриленко, оперировавший в бердянском районе, отряд Щуся и отряд Петренко-Платонова, оперировавшие в дибривском и гришинском районах. Все они по собственной инициативе стали составными частями отряда Махно. Таким образом, слияние партизанских отрядов юга Украины в одну повстанческую армию произошло естественно, в силу требований обстановки и голоса масс.

К этому же времени, в сентябре 1918 г., Махно получил название «батьки» — вождя революционного повстанчества Украины. Это произошло при следующих обстоятельствах. Местные помещики, попрятавшиеся в больших центрах, кулаки и немецкие власти решили во что бы то ни стало уничтожить Махно и его отряд. Помещики создали особый добровольческий отряд из своих и из кулацких сынков специально для борьбы с Махно. 30 сентября этот отряд совместно с австро-германцами окружил Махно в районе Б. Михайловки, поставив на всех путях сильные воинские части. У Махно в этот момент было 30 партизан и один пулемет. Ему пришлось отступать и лавировать между многочисленными врагами. Попав в Дибривский лес, Махно оказался в очень затруднительном положении. Пути отступления были заняты врагом. Пробриться отрядом было невозможно, а спастись поодиночке было недостойно революционных повстанцев. Да никто из отряда и не согласился бы в этот момент оставить своего руководителя. После некоторого раздумья Махно решил на другой день идти обратно на село Б. Михайловку (Дибривки). Выбравшись из лесу, партизаны встретили нескольких крестьянок, спешивших предупредить их о том, что в Дибривках великая сила неприятеля и что им надо торопиться пробраться на другую сторону. Сообщение это не остановило Махно и его партизан. Они, удерживаемые плачущими женщинами, все-таки двинулись на Б. Михайловку. Подъехав осторожно к селу, Махно сам с несколькими товарищами из отряда пошел на разведку и увидел на церковной площади большое становище неприятеля, десятки пулеметов, сотни оседланных лошадей и кавалеристов, расположенных группами. Со слов крестьян они узнали, что в селе находится батальон австрийцев и помещичий отряд. Отступать было некуда. Тогда Махно, с присущей ему твердостью и решительностью, обратился к своему отряду со словами: — «Ну, друзья! Вот здесь-то мы все должны умереть сейчас...» Это была серьезная минута, полная душевного подъема и решимости. Все 30 человек видели перед собой только один путь — путь на врага, численностью около тысячи хорошо вооруженных бойцов, и все сознавали, что это означает для них конец. Все были взволнованы, но не потеряли мужества.

И вот в эту минуту один из партизан отряда, Щусь, обратясь к Махно, сказал: «Отныне ты над нами всеми будь батькой, а мы клянемся умереть с тобою в рядах повстанчества».

Здесь же весь отряд клятвенно постановил никогда не покидать рядов повстанчества, а Махно считать общим батькой всего революционного повстанчества. Затем двинулись в наступление. Щусю с отрядом в 5-7 человек была дана задача заехать в сторону и ударить неприятеля в бок. Сам Махно с остальными пошел в лоб ему. При громком «ура» партизаны стремительно бросились на врага, врезались в самую середину его, действуя шашками, винтовками и револьверами. Нападение произвело ошеломляющее действие. Ничего не ожидавший противник сразу был опрокинут и начал панически бежать, спасаясь кучками и в одиночку, бросая оружие, пулеметы и лошадей. Не давая времени опомниться ему, учесть силы напавших и перейти в контрнаступление, повстанцы гнали его разрозненными кучками, рубя на всем скаку. Часть особого помещичьего отряда забежала в реку Волчью, где была переплывена вышедшими на побоище местными крестьянами. Поражение неприятеля было полное.

Местное крестьянство и съехавшиеся отряды повстанцев-революционеров торжественно приветствовали героев. С полным единодушием было принято здесь постановление считать Махно батькой всего революционного повстанчества Украины.

Два дня спустя Б. Михайловка была обложена массой австро-германских войск и отрядами помещиков и кулаков, стянувшимися со всего района. Около 5-го октября немецкие войска начали обстреливать село усиленным артиллерийским огнем и, когда оно было достаточно разрушено снарядами, ввели в него пехотные части и кулацкие отряды, начавшие производить экзекуции и поджечь село со всех сторон. Два дня горела Б. Михайловка, и два дня в ней производилась неистовая расправа кулаков и немецких войск над бедным крестьянством.

Факт этот еще больше сплотил крестьянство района и еще выше поднял его в революционном отношении.

Широкое крестьянство, основное население сел и деревень, не входило, конечно, в отряды на положении партизан, но тем не менее находилось в самой близкой связи с отрядами. Оно содержало их продовольствием, доставляло лошадей и фураж, носило пищу в лес, когда это надо было, собирало и передавало партизанам все сведения о передвижениях противника, а при случае большими массами примыкало к отрядам, стремясь общими силами осуществить определенную революционную задачу, воевало плечо в плечо с ними в течение двух-трех дней, а затем возвращалось к своему хозяйству.

Характерно в этом отношении занятие Гуляй-Поля партизанами уже накануне падения гетмана и разложения австро-германских войск. Махно занял его небольшим отрядом. Стоявшие в Пологах австрийцы выслали туда свои войска. В течение дня Махно оставался без поддержки и был вынужден оставить село. Но с вечера

к нему вышли на помощь несколько сот крестьян-гуляйпольцев, с которыми можно было держаться против целой австрийской части. На рассвете крестьяне разошлись по своим домам, опасаясь предательства со стороны какого-либо односельчанина, могущего видеть их днем в партизанском отряде. И на весь день Махно, из-за численного превосходства противника, вновь вынужден был оставить село. Вечером он вновь перешел в наступление, оповещенный крестьянами о том, что, как только стемнеет, они выйдут ему помогать. Вновь отобрал село, выгнав из него с помощью местных жителей австрийцев. В течение 3-4 дней Гуляй-Поле переходило из рук в руки, пока, наконец, не было окончательно закреплено за повстанцами-крестьянами.

Такая живая связь широкого крестьянства с военно-революционными отрядами Махно была повсеместной. Она имела очень важное значение, придавая революционному повстанчеству размах и характер общекрестьянского движения.

Глава четвертая

ПАДЕНИЕ ГЕТМАНА — ПЕТЛЮРОВЩИНА. — БОЛЬШЕВИЗМ

Помещичья контрреволюция на Украине, в лице гетманщины, была безусловно явлением искусственным, насажденным насильно германским и австрийским империализмом. Ни одного дня украинские помещики и капиталисты не продержались бы на Украине в бурном 1918 году, не будучи поддерживаемы силой немецкой армии. По приблизительному подсчету, в австро-германских и мадьярских войсках, оккупировавших Украину, было не менее полумиллиона солдат. Возможно, что и более. Вся эта масса войск была планомерно распределена по Украине, притом в большом количестве там, где район был более революционный и бурный. Оккупационные войска с первого же дня вторжения на Украину стали рьяно охранять контрреволюцию; в отношении же трудового крестьянства вели себя как победители в стране побежденных.

Таким образом, на протяжении всего периода контрреволюции украинскому крестьянству пришлось бороться не только с ней, но и с массой австро-немецких войск. Но и при этой опоре контрреволюция не могла ни разу твердо стать на ноги, а с развитием крестьянской повстанческой борьбы начала постепенно разлагаться. Разлагались, конечно, от толчков этого повстанчества и австро-германские войска. Когда же последние, под дуновением революционного повстанчества, с одной стороны, и под влиянием политических переворотов в Австрии и Германии — с другой, перестали соответствовать своему назначению и стали отзываться на родину, вся украинская контрреволюция оказалась повисшей в воздухе. Дни и минуты ее жизни были сочтены. При этом слабость и тру-

сость ее оказались настолько велики, что она не решалась даже оказать хоть какое-либо сопротивление. Гетман просто сбежал в наиболее безопасные от крестьянской повстания места — туда, откуда его искусственно вызвал к жизни германский империализм. А еще раньше гетмана разбежались помещики.

С этого момента на Украине начинают действовать три основные, крайне отличные друг от друга общественные силы — петлюровщина, большевизм и махновщина. Каждая из них, с течением времени, вступила в непримиримо враждебные отношения с двумя другими. Для более точного изображения лица махновского движения нам следует сказать несколько слов о классовой и социальной природе петлюровщины. Это — движение национальной украинской буржуазии, стремящейся утвердить в стране свое политическое и экономическое господство. По-видимому, образцом политического устройства страны для нее является республика Франции или Швейцарии. Движение это в настоящее время несколько не является социальным, а исключительно политическим и националистическим. Те обещания улучшить социальный быт трудящихся, которые имеются в программе его, являются, собственно, данью революционному времени, флагом, под которым легче достигнуть своей цели.

Еще с первых дней мартовской революции 1917 года перед либеральной украинской буржуазией встал волнующий ее вопрос о национальном отделении от России. Широкие круги кулачества, либеральная интеллигенция, образованная часть украинцев примкнули к этому делу, положив начало политическому самостийническому¹ движению. Руководители движения сразу же обратили серьезное внимание на солдатские массы украинцев, бывшие на фронте и в тылу. Их стали организовывать по национальному признаку в особые украинские полки.

В мае 1917 года руководителями движения был организован военный съезд, выделивший из себя генеральный военный комитет, который стал руководящим органом всего движения. После этот комитет был переименован в Раду². В дальнейшем, в ноябре 1917 г., на общеукраинском съезде была сконструирована и утверждена в качестве парламента украинской демократической республики Центральная Рада. А ровно через месяц «универсалом» этой Рады была провозглашена самостоятельность и независимость украинской демократической республики. Таким образом, в период керенщины на Украине создалась новая самостийническая государственность, начавшая закрепляться по всей стране в качестве господствующей силы. Это была петлюровщина, получившая свое название от имени Семена Петлюры — одного из активных руководителей движения.

¹ самостийническое (от укр. *самостийний* — самостоятельный, независимый) — мировоззрение и широкое политическое движение, борвшееся за создание независимого украинского государства (прим. изд.)

² рада (укр.) — совет (прим. изд.)

Развитие и закрепление на Украине петлюровщины в качестве государственной силы явилось ударом для большевизма, взявшего уже власть в Великобритании и распространившего ее на Украину. Положение большевизма в Великобритании без всей Украины оказалось бы довольно затруднительным для него даже на первое время. Поэтому большевики поспешно двинули свои войска на Киев. С 11 по 25 января 1918 г. Киев был ареной ожесточенной борьбы между петлюровцами и большевиками. 25 января большевики заняли Киев, начав затем распространять оттуда свою власть на всю Украину. Петлюровское правительство и политические деятели движения эвакуировались в западную часть страны, протестуя отсюда против занятия Украины оккупационной властью большевиков.

Последние, однако, продержались в этот раз на Украине недолго — 2-3 месяца — и в марте-апреле 1918 г. ушли в Великобританию, оставив Украину оккупационной армии австро-германцев. Этим воспользовались петлюровцы: их правительство, в лице Центральной Рады и кабинета министров, возвратилось в Киев на свои места. Из названия государства на этот раз убрали слово «демократическая», оно стало называться «Украинской народной республикой». Конечно, правительство этой республики, как всякое правительство, опиралось прежде всего на войска и при въезде в Киев совершенно не спрашивало у народа, нужно ли оно ему или нет. Оно, пользуясь случаем, просто въехало в страну, объявив себя национальным правительством. Доказательством этому служила прежде всего сила штыка.

Однако и на этот раз петлюровцам не пришлось долго быть во главе государства. Для австро-германских властей, оккупировавших Украину, оказалось лучше иметь дело с прежними господами Украины — генералами и помещиками, нежели с петлюровцами. Они поэтому очень просто, на основании своих военных сил, удалили правительство петлюровской республики, заменив его единодержавным правительством гетмана Скоропадского. С этого момента начинается помещичье-генеральская реакция на Украине. В отношении этой реакции петлюровцы заняли политически революционную позицию. Они ждут теперь крушения ее, чтобы вновь встать во главе государства. Сам Петлюра подвергся тюремному заключению, а затем вынужден был уйти с политической арены. Но уже подходил конец контрреволюции гетмана, начинался ее развал под ударами повсеместного крестьянского повстанья. Чувствуя это, петлюровцы, еще до полного падения гетмана, начали организовывать свою власть в разных местах Украины и формировать войска. Обстановка чрезвычайно благоприятствовала этому. Крестьянство кипело и бурлило, сотни тысяч стихийных повстанцев ждали только первого призыва, чтобы пойти на гетманскую власть. Еще гетман находился в Киеве, а ряд крупных городов юга Украины были в руках петлюровцев. Там же — в провинциях — был учрежден центральный орган петлюровской власти — Директория. Петлюровцы спешили расширить и закрепить свою власть, пользуясь от-

сутствием на Украине других сильных претендентов на нее, главным образом отсутствием большевиков. В декабре 1918 года Скоропадский сбежал, и в это же время в Киев въехала петлюровская Директория во главе с Петлюрой и прочими чинами правительства народной республики.

Подъем среди масс населения был огромный. Петлюровцы постарались поставить себя в центре этого подъема в качестве национальных борцов. В короткий срок их власть охватила большую часть Украины. Лишь на юге, в районе крестьянского махновского движения, они не имели успеха, наоборот — встретили сопротивление и даже получили серьезные удары. Во всех же крупных центрах страны петлюровцы торжествовали, горделиво вывесив свой стяг. Господство самостийнической украинской буржуазии начало как будто налаживаться. Но это оказалось заблуждением.

Еще не успела новая власть встать прочно на ноги, как вокруг нее пошло разложение, вызванное классовыми противоречиями. Миллионы крестьян и рабочих, оказавшихся в дни свержения гетмана в сфере влияния и руководства петлюровцев, начали массами уходить от них, стремясь найти опору своим народным интересам и устремлениям. Основная масса разбрелась по селам и деревням, заняв там враждебные позиции в отношении новой власти. Многие ушли в революционные повстанческие отряды махновцев с лозунгами борьбы против идей и власти петлюровцев. Последние, таким образом, самим ходом событий так же быстро обезоруживались, как неожиданно и быстро они было вооружились. Их идея буржуазной самостийности, буржуазного единства нации, смогла продержаться среди революционного народа всего несколько часов. Горячее дыхание народной революции сожгло эту ложную идею, поставив носителей ее в беспомощное положение. А в это время с севера быстро шел воинствующий большевизм, искушенный в приемах классовой агитации и проникнутый твердым решением овладеть на Украине властью. Ровно через месяц после въезда петлюровской директории в Киев туда вошли большевистские войска. С этого момента в большей части Украины вновь устанавливается коммунистическая власть большевиков.

БОЛЬШЕВИЗМ. ЕГО КЛАССОВАЯ ПРИРОДА

В главе 1-й мы уже сказали, что все так называемое социалистическое строительство, весь государственный советский аппарат управления страной, новые общественно-политические отношения, — все, что проводится большевизмом в русской революции, является не чем иным, как осуществлением кровных интересов социалистической демократии, утверждением ее классового господства в стране. Крестьяне и рабочие, имя которых миллионы раз произносится всуе на протяжении всей русской революции, явля-

ются лишь мостом, по которому пробирается к власти новая каста — четвертое господское сословие.

Во время русской революции 1905 г. это сословие потерпело поражение. Достигнув руководства над рабочим движением, оно тогда намеревалось осуществлять свои идеи проторенным политическим путем, начиная со всем известной программы-минимум. Предполагалось на первое время низвергнуть царский режим и ввести в стране республиканский образ правления. И затем приступать к завоеванию власти в государстве парламентским путем, как это делается демократией в государствах Западной Европы и Америки. Как известно, в России в 1905 г. этот план демократии потерпел полную неудачу, не встретив необходимой поддержки со стороны рабочих и крестьян. Ошибочно некоторые объясняют поражение революции 1905 года мощной и грубой силой царизма. Причины этого поражения лежат глубже — в самом характере революции.

Еще в 1900—03 гг. волна массовых экономических забастовок прокатилась по югу России, захватила север и иные части ее. Движение пока что не формулировало отчетливо своих задач, но характер его — классовый, социальный — сказался сразу. Социалистическая демократия вошла в это движение извне, стремясь направить его на путь чисто политической борьбы. Благодаря своим многочисленным, прекрасно организованным партиям, захватившим все поле политической проповеди, ей удалось вытравить из движения живые социальные лозунги, заменив их политическими лозунгами демократии. Под ними шла революция 1905 года. Но именно потому, что революция шла под чуждыми народу политическими лозунгами, она потерпела поражение. Изгнав из революции социальные элементы, социальную программу трудящихся, демократия тем самым обескровила революцию, убив могучий порыв к ней народа. Революция 1905 года не удалась не потому, что царизм оказался слишком силен, а потому, что она, ввиду своего узкополитического характера, не могла поднять большие массы народа. Она подняла лишь часть городского пролетариата; крестьянство же во всей своей массе едва шевельнулось. Царизм, пошедший было на уступки, быстро оправился, когда увидел настоящее положение дел, и разгромил половинчатую революцию. Революционная демократия, руководившая движением, разбежалась по заграницам. Но такой урок, как разгром революции, не мог пройти бесследно для нее. Его здраво учел большевизм — левое крыло демократии. Он увидел, что о чисто политической революции в России не может быть и речи, что массы волнует прежде всего вопрос социальный и что победоносная революция в России возможна лишь как социальное движение рабочих и крестьян, направленное к ниспровержению и политическому и экономическому режиму современного строя. Импералистическая война 1914—1917 гг. лишь усилила и закрепила такое направление революции. Она, обнажив истинное лицо демократии, показала, что монархия стоит демократии, а демокра-

тия стоит монархии; что та и другая проявили себя одинаковыми хищниками и убийцами народных масс. Если и до этой войны в России уже не было никаких оснований для чисто политической революции, то империалистическая война убила саму идею такой революции.

По всему миру огненной полосой давно прошел великий раздел, разбивший современное общество на два основных враждебных друг другу лагеря: капитал и труд, — и сгладивший политические различия отдельных государств-эксплуататоров. Ниспровержение капитала как основы рабства — вот мысль, которой единственно живут массы, как только они обращают свои взоры к революции. К политическим переворотам прошлых лет они абсолютно равнодушны. Таково лицо действительности в России. Таково же оно в Западной Европе и Америке. Не видеть и не учитывать этого — значит непоправимо отстать от жизни.

Большевизм учел эту сторону действительности и быстро перестроил свою политическую программу. Он увидел грядущую массовую революцию в России, направленную на подрыв самих устоев современного общества: земельного, промышленного и торгового капитала, — увидел обреченный класс собственников города и деревни и сделал свои выводы: раз это так, раз могучий социальный взрыв в России неминуем, то демократия должна осуществлять свои исторические задачи при помощи этого взрыва. Она должна воспользоваться революционными силами народа, стать во главе их при низвержении буржуазии, захватить государственную власть и строить здание своего господства на основах государственного социализма. Это и проделал с успехом большевизм в момент до-октябрьского и октябрьского революционного движения масс. Вся его дальнейшая деятельность в обстановке русской революции будет лишь осуществлением в деталях государственного господства демократии.

Несомненно, большевизм — историческое явление не только русского, но и международного значения. Он — выразитель не только социального, но и психологического типа. Он выдвинул многочисленную группу лиц — цепких, властных, чуждых какой бы то ни было общественной и моральной сентиментальщины и не останавливающихся ни перед какими средствами в борьбе за свое торжество. И он же выдвинул соответствующего этой группе руководителя. Ленин не только вождь партии — он, что значительно важнее, вождь определенного психологического типа людей. В нем наиболее совершенно и могуче проявлен этот тип, по нем сверяется отбор и идет группировка боевых наступательных сил мировой демократии. Основной чертой психологии большевизма является утверждение своей воли путем насильственного устранения воли всех остальных, абсолютное подавление личности, низведение ее до неодушевленного предмета. В этих чертах нетрудно узнать древнюю господскую породу людей. И действительно, во всей русской революции большевизм проявляет себя исключительно властническими жестами. В нем нет и тени того, что составит основную черту

будущей подлинно социальной революции трудящихся — *жажды работать*, работать, не жалея рук, плеч и спины, работать до последних сил, до samozабвения во имя народного блага. Все его усилия, подчас огромные и упорные, свелись к созданию властных органов, которые в отношении народа являются старой начальнической угрозой и окриком.

Остановимся несколько на тех преобразованиях, которые большевизм ввел в жизнь рабочих и крестьян, сообразно со своей коммунистической идеологией.

Национализация промышленности, земли, городских жилищ, торговли и избирательное право для рабочих и крестьян — вот основы чисто большевистского коммунизма. Конкретно «национализация» вылилась в абсолютное огосударствление всех форм народной жизни. Не только промышленность, транспорт, образование, органы продовольствия и т.д. сделались собственностью государства, но весь рабочий класс, каждый рабочий в отдельности, его труд и энергия; даже профессиональные и кооперативные организации рабочих и крестьян были огосударствлены. Государство — все, отдельный рабочий — ничто. Это главная заповедь большевизма. Но государство олицетворяется чиновниками, и фактически они являются всем, рабочий класс — ничем.

Национализация промышленности, вырвав рабочих из рук отдельных капиталистов, отдала их в более цепкие руки одного вездесущего хозяина-капиталиста — государства. Отношения между рабочим и этим новым хозяином те же, что были раньше между трудом и капиталом, с той лишь разницей, что коммунистический хозяин — государство — не только эксплуатирует трудящихся, но и карает их сам, так как обе эти функции — эксплуатация и наказание — совмещены в нем одном. Наемничество осталось в прежнем нетронутым виде, приняв характер государственной обязанности. Профессиональные союзы утратили все свои естественные права, превратившись в органы полицейского надзора над рабочими массами. Выработка тарифов, размер заработной платы, прием и увольнение рабочих, общее руководство предприятиями, распорядок внутри их и т.д., — все это составляет неотъемлемое право партии, ее органов или ее агентов. Роль же профсоюзов в этом и во всех прочих областях производства — чисто обрядовая: они *должны* поставить свои подписи под готовыми и не могущими быть опротестованными или измененными постановлениями партии.

Ясно, что во всем этом мы имеем дело просто с заменой частного капитализма капитализмом государственным. Коммунистическая национализация промышленности представляет собою новый тип производственных отношений, при котором экономическое рабство, экономическая зависимость рабочего класса концентрируется в одном кулаке — в государстве. Это по существу несколько не меняет положение рабочего класса к лучшему. Всеобщая трудовая повинность (для рабочих, конечно) и милитаризация труда — вот дух национализированной фабрики. Приведем пример. В августе

1918 г. рабочие бывшей прохоровской мануфактуры в Москве, на почве недостаточной оплаты их труда и полицейского режима на фабрике, начали волноваться и угрожали бунтом. Они устроили несколько собраний на предприятии, разогнали заводской комитет, являвшийся партийной ячейкой, и взяли в счет платы за свою работу часть выработанной ими мануфактуры. Члены центрального правления союза текстильщиков после того, как рабочая масса не пожелала с ними разговаривать, рассудили дело так: поведение прохоровских рабочих набрасывает тень на авторитет советской власти; более резкое выступление этих рабочих опозорит советскую власть в глазах рабочих других предприятий; этого нельзя допустить, а потому прохоровскую мануфактуру следует закрыть, рабочих распустить, на фабрике подготовить комиссию, которая организовала бы твердый режим, и уже затем набирать новые кадры рабочих. Так и поступили. Спрашивается, кто же эти люди, три-четыре человека, так свободно распорядившиеся судьбой многотысячной рабочей массы? Были ли они поставлены на свои посты массой и наделены ею такой большой властью? Ничуть не бывало. Их назначила партия, и в этом их могущество. Приведенный пример — один из тысячи. В нем как в капле воды отражается правовое положение рабочего класса в национализированном производстве.

Что же остается рабочим и их организациям? Очень узенькая полочка — право подавать голоса за того или иного депутата в советы, всецело подчиненные партии.

В деревне положение трудящихся и того хуже. Крестьяне пользуются землей бывших помещиков, князей и иных собственников. Но это благо им дала не коммунистическая власть, а революция. Они десятки лет рвались к земле, и в 1917 году, еще до формирования советской власти, они уже завладели ею. Если большевизм шел вместе с крестьянами в захвате помещичьих земель, то только потому, что победить земельную буржуазию, его соперника, иначе нельзя было. Но никоим образом из этого не следует, что грядущая коммунистическая власть собиралась наделить крестьян землей. Как раз наоборот. Идеалом этой власти является организация единого земельного хозяйства, принадлежащего все тому же господину — государству. Советские земельные хозяйства, обрабатываемые наемными рабочими и крестьянами, — вот образец, по которому комвласть стремится построить государственное земледелие по всей стране. Об этом очень ясно и просто вожди большевизма высказались значительно позже первых дней революции. В № 13 «Коммунистического Интернационала», в резолюции по аграрному вопросу (стр. 2435-2445, рус. изд.) даны подробные указания об организации государственного земледелия. В той же резолюции сказано, что к организации земледелия (т.е. государственно-капиталистического) надо подходить с громадной осторожностью и постепенностью. Это вполне понятно. Резкий перевод десятков миллионов крестьян из положения самостоятельных хозяев в положение наемников го-

сударства вызовет опасную бурю, могущую привести коммунистическое государство к катастрофе. Конкретное строительство комвласти в деревне в настоящем свелось исключительно к насильственному вывозу из сел и деревень продовольствия и сырья и к борьбе с крестьянскими движениями, созданными на этой почве.

Политические права крестьянства. Они заключаются в обязательном создании сельских и волостных советов, всецело подчиненных партии. Больше никаких прав за крестьянами нет. Многомиллионное крестьянство любой губернии, положенное на чашу политических весов, будет перетянута любым губернским комитетом партии. Короче, вместо прав мы констатируем самое вопиющее бесправие крестьян.

Государственный советский аппарат создан таким образом, что все руководящие нити этого аппарата находятся в руках демократии, ложно выдающей себя за авангард пролетариата. В какую бы область государственного управления мы ни обратились, всюду на руководящих местах мы находим все того же неизменного, вездесущего демократа.

Кто руководит всеми газетами, журналами и прочими изданиями? Люди политики, выходцы из привилегированной среды.

Кто пишет и руководит в таких центральных изданиях, претендующих на руководство мировым пролетариатом, как «Известия» ВЦИКа, «Коммунистический Интернационал» или орган центрального комитета партии? Исключительно группы строго подобранных интеллигентов-демократов.

А кем руководятся политические органы, созданные, как указывает само название, не для целей труда, а для политики, для господства? В чьих руках находится центральный комитет партии, «Совнарком», «ВЦИК» и т.д.? Всецело в руках тех, кто вырос на политике, в стороне от труда, и кто имя пролетариата произносит так, как неверующий поп произносит пустое имя бога. И в их же руках находятся все хозяйственные органы страны, начиная с Совнархоза и кончая более мелкими главками и центрами.

Мы видим, таким образом, всю социальную группу демократии, занимающей главные руководящие места в государстве.

История человечества не знает примера, когда бы определенная социальная группа, имеющая свои классовые интересы и свой классовый путь, приходила к трудящимся с целью помочь им. Нет, всегда такие группы приходят к народу с целью прибрать его к своим рукам. Группа демократии не составляет исключения в этом всеобщем социальном законе. Наоборот — самым полным и законченным образом она подтверждает его.

Если в коммунистическом государстве на некоторых руководящих постах находятся рабочие, то ведь это только на пользу рабскому строю: они придают *иллюзию народности* демократической власти и имеют цементирующее, скрепляющее значение в возводимом господском здании социалистической демократии. Роль их

второстепенная, главным образом исполнительная. Притом за счет остальной подневольной массы они пользуются привилегиями и вербуются из так называемых «сознательных рабочих», без критики приемлющих основы марксизма и социалистическое движение интеллигенции.

Рабочие и крестьяне в коммунистическом государстве социально порабощены, экономически ограблены, политически бесправны. Но это еще не все. Встав на путь всеобщего огосударствления, большевизм неминуемо должен был наложить свою руку и на духовную жизнь трудящихся. И действительно, трудно найти страну, где бы мысль трудящихся была так абсолютно подавлена, как в коммунистическом государстве. Под предлогом борьбы с буржуазными и контрреволюционными идеями уничтожена вся пресса некоммунистического исповедания, хотя бы эта пресса издавалась и поддерживалась широкими массами пролетариата. Никто не может вслух высказывать своих мыслей. Подобно тому, как общественно-хозяйственную жизнь страны большевизм распланировал согласно своей программе, так и духовную жизнь народа он вогнал в рамки этой программы. Живое поле народной мысли, народного искательства превращено в мрачную казарму партийной муштровки и учебы. Мысль и душа пролетариата посажены в партийную школу. Всякое стремление заглянуть за стену этой школы объявляется вредным, контрреволюционным.

Но и это еще не все. Такое искажение революции и ее перспектив, какое внес большевизм своей диктатурой, не могло пройти без протестов со стороны масс и без усилий с их стороны бороться с таким искажением. Но эти протесты привели не к ослаблению политического гнета, а к укреплению его. Открылась длительная полоса правительственного террора, превратившая всю Россию в сплошную гигантскую тюрьму, где страх стал добродетелью, ложь — обязанностью. Придавленные политическим гнетом, устрасаемые террором власти, лгут взрослые, лгут учащиеся-подростки, лгут дети 5-7 лет.

Возникает вопрос: почему же в коммунистическом государстве создалось такое невозможное положение — социальное, политическое и моральное? Неужели социалистическая демократия хуже своей предшественницы — капиталистической буржуазии? Неужели она не хочет допустить даже те обманные свободы, которыми буржуазия Европы и Америки сохраняет видимость равновесия в своих государствах? Дело здесь в ином. Хотя класс демократии и имеет свое самостоятельное бытие, материально он до последнего момента был беден, вернее нищ. В связи с этим, с первых дней своего политического выступления, он не мог найти в себе того единства и всеобщности, которые даются господствующим классам их привилегированным материальным положением. Демократия выдвинула лишь боевой партийный отряд в лице коммунистической партии, и этот отряд вынужден был в течение трех с лишним лет обходиться своими силами в громадном деле построения новой государственности. Не имея *естественной* опоры ни

в одном из классов современного общества: ни в рабочих, ни в крестьянах, ни в дворянстве, ни в буржуазии (а сама демократия, экономически не организованная, не могла идти в счет), — коммунистическая партия естественно прибегла к террору и режиму всеобщего порабощения.

При рассмотрении террористической политики большевизма в России становится понятным, почему коммунистическая власть так открыто и поспешно размножает и закрепляет в лице компартии, верхов чиновничества и командного состава армии новую буржуазию. Последняя необходима ей как естественная почва, питающая ее живыми соками, как постоянная классовая опора в борьбе с трудовыми массами.

Все отмеченное нами коммунистическое строительство, несущее рабство рабочим и крестьянам, мы объясняем не ошибками и заблуждением большевизма, а сознательным его стремлением к порабощению масс, его господской эксплуататорской сущностью.

Спрашивается, в силу чего, однако, этой чуждой и враждебной трудовым массам группе удалось достигнуть руководства революционными силами народа, пробраться от его имени к власти, укрепить свое господство.

Этому две причины — распыленное, неорганизованное состояние масс в дни революции и обман их лозунгами социализма.

Существовавшие до 1917 года профессиональные организации рабочих и крестьян значительно отстали от кипучего революционного настроения последних. Революционный разлив масс вышел далеко за пределы этих организаций, он перерос их и оставил позади. Рабочие и крестьяне стали перед лицом развернувшейся социальной революции всей своей необъятной массой, не имея необходимой опоры и руководства в своих классовых организациях. А бок о бок с ними действовала прекрасно организованная социалистическая партия (большевики). Вместе с рабочими и крестьянами она принимала прямое участие в ниспровержении промышленной и земельной буржуазии, звала к этому массы, уверяя, что эта революция будет социальной — последней — революцией, ведущей порабощенных в свободное царство социализма и коммунизма. Для широких масс, не искушенных в политике, это казалось очевидной истиной. Участие же коммунистической партии в разгроме капиталистического режима породило огромное доверие к ней. Слой работников умственного труда, являющийся носителем идеалов демократии, был всегда настолько тонок и невелик, что массы никогда не знали о его существовании в целом, как об определенной экономической категории. Они поэтому в момент низвержения буржуазии не видели никого, кроме самих себя, кто бы мог занять место последней. На самом же деле это место целиком занял их случайный и обманчивый руководитель — большевизм, искушенный в политической демагогии.

Эксплуатируя без зазрения совести революционные устремления рабочих и крестьян к свободе, равенству и социальной независи-

мости, большевизм с тонким мастерством подменил их идеей советской власти.

Во многих местах революционной России в первые дни октябрьского переворота трудящиеся идею советской власти приняли как идею их местного общественно-экономического самоуправления.

Благодаря огромной энергии и демагогическому смещению революционной идеи трудящихся со своей политически властнической идеей большевизм приблизил к себе массы и широко использовал их доверие.

Беда масс была в том, что они приняли учение социализма и коммунизма целно и просто, так, как народ всегда принимает идеи правды, справедливости и добра. Между тем в этих учениях правда являлась лишь внешней приманкой, красивым, волнующим душу народа обещанием. Главное же в них, как и в прочих государственных системах, является захват и закабаление народных сил и народного труда небольшой, но хорошо организованной группой тунеядцев.

В вихре совершавшихся в России и на Украине событий, в массе политических, военных и иных операций факт восхождения к власти новой эксплуататорской группы первое время не улавливался отчетливо широкой народной массой. Потому что самый факт этот для своего окончательного завершения требует несколько лет времени. Он, кроме того, растянут в пространстве и искусно прячется заинтересованной группой. Нужно известное время, чтобы он стал открытым для широких масс.

Во время великой французской революции, когда решительно был разрушен феодализм — монархия королей и дворян, — массы думали, что это великое разрушение они делают во имя своей свободы и что руководящие политические партии являются в этом деле не более, как их друзьями и помощниками. Лишь по прошествии нескольких лет трудовой народ, осмотревшись, увидел, что произошла только смена властей, что место дворян и короля заняло новое господское эксплуататорское сословие — промышленная и торговая буржуазия. Такие исторические факты всегда требуют известного времени, чтобы стать открытыми и понятными широким массам.

* * *

В общих чертах мы представили политическую и социальную сущность большевизма, его действительное нутро. За первые полтора года своей диктатуры в России он вполне его выявил. Оно стало ясным вначале для отдельных групп рабочих и крестьян, а затем и для широких масс. И вот эта молодая, полная властнических желаний сила после крушения гетмана вновь устремляется на Украину с непреклонным решением овладеть в ней властью во что бы то ни стало.

Во время скоропадчины большевики в самой Украине не имели достаточно сил, которые смогли бы организовать немедленный за-

хват власти в момент падения гетмана¹. Почти все силы их были в Великороссии, и они оттуда наблюдали за Украиной, подстерегая момент, когда можно будет двинуться в нее и провозгласить свою власть. Там же, в Великороссии, в городе Курске, проживало их заранее приготовленное правительство, в лице Пятакова, Квирина и других. Но как зорко ни следили они за Украиной, им не удалось попасть туда в момент свержения Скоропадского, благодаря чему власть первыми захватили петлюровцы. Но это же обстоятельство тем энергичнее заставило их действовать в военном порядке. Атмосфера была революционной, обстановка до крайности перепутана массовым повстанческим движением крестьян. В этих условиях шесть недель времени, выигранных петлюровцами, могли потонуть в ходе событий. Надо лишь спешить действовать. И большевики спешили с действиями.

И в то время, когда их сидевшее в Курске правительство переехало в Харьков, впервые освобожденный и занятый повстанческим отрядом анархиста Череднякова², и приступило там к созданию центра гражданской власти, дивизии их продвигались по освободившимся уже районам в глубь Украины и в военном порядке учреждали органы коммунистической власти. Мы сказали — освободившиеся районы. Действительно, все пространство Украины от Курской губернии до Азовского и Черного морей было уже освобождено от гетманской власти революционными повстанческими отрядами крестьян. С падением гетмана эти отряды частью разбрелись по деревням, а частью ушли к побережью Азовского моря, откуда надвигалась уже новая контрреволюция генерала Деникина.

В большей части Украины большевики приходили на готовое. Там же, где они сталкивались с петлюровцами, они разбивали последних военной силой и занимали их места. Решающее столкновение большевиков с петлюровцами произошло в районе Киева, который с момента въезда туда Директории стал центром политической деятельности петлюровцев, средоточием их войск. В конце января 1919 года большевики повели генеральное наступление на Киев. В начале февраля Киев был занят ими. Правительство народной украинской республики отступило, по обыкновению, на за-

¹ Правда, в период гетманщины большевики пытались иметь партизанские отряды своего типа, которые вели бы работу по директивам партии. Таковым являлся отряд Колосова в Павлоградском районе. Но отряды эти были крайне редки, они потонули в общей повстанческой массе, шедшей независимым от партии путем. И даже эти редкие партийного типа отряды заразились общим духом революционного повстанчества. Отряд Колосова свою повстанческую деятельность не противопоставлял махновщине, часто работая совместно с Махно.

² Чередняков, крестьянин-анархист, объявленный вскоре большевистскими властями вне закона, влился со своим отрядом в общую повстанческую армию Махно, сражался на приазовском фронте против генерала Деникина. При вторжении деникинцев в гуляй-польский район в начале июня 1919 года попал в плен и получил свыше 300 плетей. Бежал. Летом 1919 года он вновь попался деникинцам в Полтавской губернии и был расстрелян ими.

падные границы Украины. Государственная власть оказалась у большевиков.

Следует отметить при этом, что как там, где большевики с боем занимали местности, изгоняя из них петлюровцев, так и там, где район был свободен и крестьянство жило само, коммунистическая власть устанавливалась военным порядком. Советы рабочих и крестьян, якобы создавшие эту власть, появились задним числом, после того, как власть уже укрепилась. До них были партийные политические ревкомы. А до ревкомов были просто военные дивизии.

Глава пятая

МАХНОВЩИНА

Революционное повстанческое движение крестьян и рабочих Украины имело вначале характер бушующего моря. По всему необъятному бассейну Украины массы бурлили, шли к боям и восстанию. Они убивали зарвавшихся помещиков, представителей власти, изгоняли их из пределов своей среды. Господствовала разрушительная сторона движения. Положительная сторона как бы отсутствовала. Ясного определенного плана строительства свободной жизни крестьян и рабочих движение еще не указывало. Но постепенно, в процессе своего развития, оно выявляло и оформляло свое лицо. С момента объединения большинства повстанческих потоков под руководством Махно оно приобрело единство, нашло свой твердый остов, хребет. Начиная с этого момента оно становится вполне законченным, ярко выраженным социальным движением, имеющим свою определенную идеологию и свой план строительства народной жизни. Это — наиболее могучий, высший период революционного повстанчества, махновщина.

Характерными, специфическими сторонами этого движения являются: глубокое недоверие к нетрудовым или привилегированным группам общества; недоверчивое отношение к политическим партиям; отрицание диктатуры над народом какой бы то ни было организации; отрицание принципа государственности; полное самоуправление трудящихся у себя на местах. Конкретной и начальной формой этого самоуправления будут вольные трудовые советы крестьянских и рабочих организаций. «Вольные» в них означает то, что они должны быть совершенно независимы от какой бы то ни было центральной власти, входя в общую хозяйственную систему на основах равенства. «Трудовые» означает то, что они должны строиться на базисе труда, включать в себя только тружеников, их интересам и воле служить, не давая никакого места в себе политическим организациям. (См. «Общие положения махновцев о Вольном Совете рабочих и крестьянских организаций»). Таково знамя, с которым махновщина выступила на арену социальной борьбы.

Махновщина зародилась в бурную пору украинской действительности, летом 1918 года, когда все крестьянство кипело повстаньем. С первых дней своего зарождения и до последнего времени ей ни одного дня не пришлось быть в мирной обстановке. В силу этого ее рост и развитие пошли особенным, двойным путем — путем внедрения в широкие массы основных идей ее и путем нарастания и укрепления военных сил. С момента объединения всех военно-революционных отрядов в одну армию последняя стала единой революционной армией масс. Боевая обстановка Украины послужила причиной того, что все лучшие организационные силы движения влились в армию. Последняя невольно стала одновременно и вооруженной самоохраной крестьян, и вождем всего их движения, их революционным авангардом. Она развила наступление на помещичью контрреволюцию, разрабатывала план этого наступления, давала лозунги момента. Никогда она при этом не была самодовлеющей силой. Всегда воспринимала революционные идеи широких масс, охраняла их интересы. И массы крестьянства, со своей стороны, считали ее главным руководящим органом во всех случаях своей жизни¹.

Отношение махновщины к государственной власти, к политическим партиям, к непроездящим группам stanovилось и отношением крестьянства ко всему этому. И наоборот — интересы беднейшего крестьянства и рабочих, их боли и думы становились интересами, болями и думами махновщины. Так, при взаимном воздействии, шло развитие махновского движения, ставшего вскоре огромным социальным явлением русской жизни.

* * *

В октябре и ноябре 1918 года отряды Махно повели повсеместное наступление на гетманскую контрреволюцию. К этому времени войска австро-германцев под влиянием происшедших на их родине политических событий были достаточно разложены, утратили свою энергию и силу. Этим воспользовался Махно. Он вступил в договорные, нейтральные отношения с теми частями этих войск, которых коснулся дух революции. Такие части легко поддавались разоружению, чем махновцы пользовались, вооружаясь за их счет. Где не удавалось ладить с австро-германцами добром, Махно боями вытеснял их из района. С упорным трехдневным боем было занято им в последний раз Гуляй-Поле. В нем он окончательно закрепился и организовал основной штаб армии. Всюду чувствовался близкий конец гетмана, и крестьянская молодежь

¹ Характерными в этом отношении являются следующие случаи того времени. Неоднократно крестьяне разных сел Приазовья задерживали продовольственные поезда и проверяли документы. Если при этом из штаба армии махновцев бумаг не оказывалось, то поезда задерживались в ожидании разъяснения от махновцев. Нередко также на призывы большевистских организаций — подвозить для государства хлеб по твердым ценам, крестьяне многих мест просто заявляли, что если на это будет согласие организации махновцев, то они хлеб дадут.

массами стекалась к Махно. В это время армия его состояла уже из нескольких полков пехоты и кавалерии при одной батарее и множестве пулеметов.

Войск гетмана в районе не было. Государственная варта разбежалась при виде необычайного роста повстанческой армии. Последняя осталась одна в громадном районе. Но гетман еще держался в Киеве. Тогда Махно двинулся со своими частями к северу, занял узловые станции Чаплино, Гришино, Синельниково, дошел до Павлограда и свернул затем на запад в сторону Екатеринослава. В этом районе он столкнулся с петлюровскими властями.

Петлюровцы, захватившие власть в целом ряде городов, почитали себя подлинными хозяевами страны. Из множества крестьянских отрядов они сформировали свое войско, затем объявили повсеместную мобилизацию в целях создания регулярной государственной армии. Махновское движение они сочли эпизодом в общей украинской революции и надеялись втянуть его в сферу своего влияния и руководства. Они послали Махно ряд политических вопросов: о том, как он смотрит на петлюровщину и на власть последней, как представляет себе политическое устройство Украины, не находит ли он желательным и полезным работать совместно с ними в деле создания независимой Украины. Ответ Махно и его штаба был краток. Петлюровщина, по их мнению, есть движение украинской национальной буржуазии, с которой им, крестьянам и революционерам, совсем не по пути. Украина должна быть построена на принципе труда и независимости крестьян и рабочих от всякой политической власти. Не объединение, а лишь борьба может быть между народным движением махновщиной и буржуазным движением петлюровщиной.

Вскоре после этого Махно идет на Екатеринослав для изгнания оттуда петлюровской власти. У последней там были значительные военные силы. Кроме того, защищенные Днепром, петлюровцы могли оказаться неуязвимыми в этом городе. Отряды Махно стали в Нижне-Днепровске. Там же находился и городской комитет партии коммунистов-большевиков, располагавший местными вооруженными силами. Личность Махно в это время была известна по всему округу, как личность заслуженного революционера-героя и талантливого военного руководителя. Комитет коммунистов-большевиков предложил ему взять на себя командование их рабочими и партийными отрядами. Это предложение Махно принял.

Как часто с ним бывало раньше и впоследствии, он прибег к военной хитрости. Нагрузив состав поезда своими войсками, он пустил его, под видом рабочего поезда, через днепровский мост прямо в город. Риск был огромный. Узнай петлюровцы про эту хитрость за несколько минут до остановки поезда, они могли бы его целиком полонить. Но этот же риск прокладывал махновцам путь к победе. Поезд въехал прямо на городской вокзал, где революционные войска неожиданно выгрузились, заняли станцию и ближайшую часть города. В самом городе произошло ожесточенное

сражение, окончившееся поражением петлюровцев. Однако через несколько дней вследствие недостаточной бдительности гарнизона махновцев город пришлось вновь сдать петлюровцам, подошедшим новыми силами со стороны Запорожья. При отступлении, в Нижне-Днепровске, на Махно дважды производилось покушение. Оба раза подброшенные бомбы не разорвались. Армия махновцев отступила в район Синельникова. С этого момента на северо-западной границе махновского района создан фронт между махновцами и петлюровцами. Однако войска последних, состоявшие в большинстве из крестьян-повстанцев и насильно мобилизованных, стали быстро разлагаться при соприкосновении с махновцами. И в скором времени фронт был ликвидирован. Громадные тысячеверстные пространства были освобождены от всяких властей и войск.

* * *

Государственники боятся свободного народа. Они утверждают, что народ без власти потеряет якорь общественности, рассыплется и одичает. Это, конечно, вздор. Он говорится бездельниками, любителями власти и чужих трудов или слепыми мыслителями буржуазного общества. Освобождение народа действительно означает вырождение и одичание, но не народа, а тех, кто благодаря власти и привилегиям живет трудом рук его, соком его сердца. На примере русской революции мы видим, как тысячи семейств из привилегированного сословия — чистых, сытых и холеных — пришли к упадку и одичанию. Революция отняла у них прислугу, и они через месяц-два покрылись грязью, запаршивели. Освобождение народа ведет к одичанию тех, кто вырос на его рабстве. Народ же с момента полной свободы лишь начинает жить и усиленно развиваться. Крестьянство гуляй-польского района как нельзя лучше показало это. В течение шести с лишним месяцев — с ноября 1918 по июнь 1919 г. — оно жило без всякой внешней политической власти и не только не утратило общественной связи в своей среде, но, наоборот, выдвинуло новую, более высокую форму общественности — свободную трудовую коммуну и свободные советы трудящихся.

По изгнании из района помещиков земля оказалась в руках крестьянства. Однако многие из крестьян сознавали, что на этом дело еще не кончается, что недостаточно захватить клочок земли и успокоиться на нем. Суровая жизнь говорила, что со всех сторон их подстерегают враги, и учила держаться вместе. В ряде мест стали проявляться попытки организовать общественную жизнь коммунално. Несмотря на враждебное отношение крестьян к казенным коммунам, во многих местах гуляй-польского района возникли крестьянские коммуны с названием «трудовая» и «свободная». Так, при селе Покровском была первая свободная покровская коммуна имени Розы Люксембург. Участники ее были сплошная «голта». Вначале в нее входило несколько десятков человек, а потом дошло до трехсот и более. Коммуна эта была создана местным беднейшим

крестьянством, и ее название, посвященное памяти Розы Люксембург, указывает на отсутствие в организаторах ее какого бы то ни было партийного духа. Крестьяне с народной простотой и великодушием почтили память неизвестной для них революционерки, мученически погибшей в революционной борьбе. Внутренняя же жизнь коммуны не имела ничего общего с тем учением, за которое боролась Люксембург. Она была построена на безвластных началах. Со своим развитием и ростом она начала оказывать большое влияние на местное крестьянство. Коммунистическая власть пробовала было вмешаться во внутреннюю жизнь коммуны, но не была допущена туда. Коммуна определенно назвала себя свободной, трудовой, чуждой всякой власти¹.

В семи верстах от Гуляй-Поля, в бывшей помещичьей экономике, была коммуна, объединявшая гуляй-польскую бедноту. Коммуна эта называлась просто коммуной № 1 гуляй-польских крестьян. Верстах в двадцати от нее находились коммуна № 2 и коммуна № 3. В ряде других мест возникли коммуны бедняков. Конечно, их было немного, они объединяли значительное меньшинство населения, — главным образом тех, кто не имел своих прочных удобных хозяйств. Но ценным в них было то, что они возникли по почину самих крестьян-бедняков. Работа махновцев проявилась здесь лишь постольку, поскольку махновцы вообще вели в районе пропаганду свободных коммун.

Коммуны создавались не по примеру, не на почве каприза, а исключительно на почве насущных потребностей крестьян, бывших до революции ни с чем и приступивших после победы к организации своих хозяйств на общинном начале. Это не были искусственные коммуны коммунистической партии, в которых обыкновенно работает случайно подобранный элемент, зря переводящий семена и землю, пользующийся всемерной поддержкой государства и живущий, таким образом, трудом того народа, которого он собирает поучать труду. Это были действительно трудовые коммуны крестьян, выросших на труде и ценящих свое и чужое трудолюбие. В них крестьяне прежде всего работали, стараясь обеспечить себя ежедневным пропитанием. Кроме того, каждый находил в них необходимую моральную и физическую опору. Коммуны основывались на принципах товарищества и братства. Все — и мужчины, и женщины, и подростки — обязаны были равно трудиться по мере своих сил. Организационные работы поручались одному, двум товарищам, которые, выполнив их, трудились потом наравне с остальными членами коммуны. Несомненно, коммуны имели эти черты потому, что возникли в трудовой среде и что развитие их шло естественным путем.

¹ 9 — 10-го июня 1919 года, во время общего похода большевиков на махновский район, коммуна эта была разгромлена большевистскими войсками. Тов. Кирьяков и другие руководители коммуны были объявлены вне закона. Пришедшие затем через несколько дней в с. Покровское денкинецы совершенно уничтожили коммуны, а Кирьяков, выдающийся местный революционер-крестьянин, был публично расстрелян ими.

Однако ростки свободного коммунизма далеко не составляли всего общественно-хозяйственного строительства крестьян. Наоборот — эти ростки только пробивались. Независимо от этого, политическая обстановка требовала от крестьян общих усилий и общего напряжения в другой, смежной области. Необходимо было достигнуть единения не только в пределах того или иного села, но и в пределах целых уездов и губерний, входящих в состав освободившегося района. Необходимо было достигнуть и решения вопросов, общих для всего района. Для этого необходимо было создание соответствующих органов. И крестьяне не замедлили создать их. Районные съезды крестьян, рабочих и повстанцев стали такими органами. Этим съездам за время свободы района состоялось три. На них крестьянство успело сплотиться, осмотреться вокруг, определить стоявшие перед ним хозяйственные и политические задачи. На первом же районном съезде, происходившем 23 января 1919 года в с. Б. Михайловка, крестьяне обратили главное свое внимание на опасность петлюровщины и деникинщины.

Петлюровцы организовывали в стране новую государственность. Под обманым лозунгом защиты страны они проводили повсеместную мобилизацию, затягивая таким образом революционный народ в узел нового рабства. Революционное крестьянство всего Приазовья решило энергично бороться с этой опасностью. Оно создало несколько отрядов и комиссий и послало их в район петлюровской директории с целью разъяснять там широким массам всю ложь новой демократической власти, призвать массы к неповиновению этой власти, к бойкоту объявленной ею мобилизации и к продолжению повстанца до свержения этой власти.

Деникинцы представляли собою еще большую опасность свободному району. Они шли войной вообще на русскую революцию во всех ее видах и представляли собою один из потоков той общей контрреволюции, которая ставила себе целью восстановление разрушенной монархии. Эта контрреволюция вышла на свет божий, как только после низвержения царизма дворянское сословие маломальски пришло в себя и осмотрелось. Генералы Корнилов, Каледин, Краснов, Алексеев, Колчак и Деникин — это все вожди одной и той же общей монархической контрреволюции в России. Они — живые куски низвергнутой монархии. Хотя многие из них и прибегали к демократическим лозунгам, шли под флагом учредительного собрания, однако делали это только по тактическим соображениям. Отдавая дань времени, они надеялись таким образом успешнее пройти первые шаги по восстановлению монархии. Какой бы то ни было республиканский дух был им абсолютно чужд.

Второй районный съезд крестьян, рабочих и повстанцев собрался через три недели после первого; именно — 12 февраля 1919 года в с. Гуляй-Поле. На этом съезде всесторонне был обсужден вопрос об опасности, надвигавшейся на свободный район со стороны контрреволюции Деникина. Армия последнего состояла из отборного контрреволюционного элемента — кадрового офицерства и старого казачества. Крестьяне прекрасно знали, как будет решаться спор

между ними и этой армией. Поэтому они немедленно приняли меры для усиления своей самоохраны. Повстанческая армия махновцев имела к этому времени в своих рядах около 20 тысяч бойцов-добровольцев. Многие из них были крайне переутомлены и истрепаны, участвуя в течение 5-6 месяцев в непрерывных боях. Между тем деникинцы быстро усиливались и нависали над свободным районом огромной опасностью. Ввиду этого второй съезд крестьян, рабочих и повстанцев постановил организовать *добровольную уравнительную* мобилизацию по району за 10 лет. Мобилизация предполагалась добровольной, основанной на совести и добром пожелании каждого. Постановление съезда о ней имело лишь тот смысл, что съезд своим авторитетом *подчеркивал* необходимость пополнить повстанческую армию свежими бойцами¹. «Уравнительная» в этой мобилизации означало то, что крестьяне разных сел и волостей брали на себя обязанность поддерживать армию бойцами на равных приблизительно основаниях.

Как только среди крестьян были распространены резолюции съезда о добровольной мобилизации, каждое село стало слать в Гуляй-Поле массы свежих добровольцев, изъявивших желание идти на деникинский фронт. Определилась огромная цифра таких бойцов. Между тем в районе не было вооружения, из-за чего не удалось вовремя сформировать новые повстанческие части. Это роковым образом отозвалось на судьбе района во время общего наступления деникинцев в июне 1919 года. Но об этом речь ниже.

Для общего руководства борьбой с петлюровцами и деникинцами, а также для задач внутренней общественной связи, информации и отчета, для проведения в жизнь разнообразных постановлений съездов на втором съезде был создан *Районный Военно-революционный Совет* крестьян, рабочих и повстанцев. В него вошли представители 32 волостей Екатеринославской и Таврической губерний и от повстанческих частей. Он охватывал всю местность свободного района, ведал, по поручению съездов, всеми делами общественно-политического и военного характера и являлся как бы высшим органом всего движения. Но он ни в малейшей степени не был органом властным. Он получил только исполнительную функцию. Роль его — выполнять указы и постановления съездов рабочих и крестьян. В любую минуту он мог быть распущен тем же съездом, то есть прекратить свое существование.

С образованием Районного Совета общественная деятельность в районе пошла интенсивнее. Во всех селах поднимались и решались вопросы, общие для всего района. Главными вопросами были: военный, продовольственный и вопрос местного самоуправления. Мы говорили уже о военных мерах, предпринятых крестьянами в

¹ Некоторые члены армии, а также некоторые крестьяне толковали после эту мобилизацию как обязательную для каждого, входящего в указанные 10 лет. По их мнению, постановление съезда, отражавшего волю трудящихся всего района, даже будучи выражено в форме пожелания, должно быть выполнено полностью. Это — ошибка и заблуждение отдельных лиц. Постановление съезда о мобилизации имело лишь смысл повсеместного призыва идти добровольно в армию.

связи с обстановкой момента и местности. Продовольственный вопрос в полном масштабе — для всего населения района — пока не решался. Решение его в таком объеме предполагалось на 4 районном съезде крестьян, рабочих, повстанцев и красноармейцев, созванном на 15 июня 1919 г., но объявленном советской властью вне закона. Об этом — ниже. Что же касается повстанческой армии, то содержание ее крестьянство брало на себя. В Гуляй-Поле был организован центральный отдел снабжения армии, куда с разных концов доставлялись продовольствие и фураж, направляемые затем оттуда на фронт.

В отношении органов общественного управления крестьяне и рабочие всего района держались идеи Вольных Трудовых Советов. В отличие от политических советов большевиков и прочих социалистов, вольные советы крестьян и рабочих должны быть органами общественно-экономического самоуправления. Каждый такой совет является исполнителем воли местных тружеников и их организаций. Между собою советы вступают в необходимую связь, образуя высшие — в хозяйственном и территориальном отношении — органы народного самоуправления.

Однако повсеместная боевая обстановка района крайне затрудняла создание этих органов, и в своем чистом виде организация их ни разу не была доведена до конца.

Общие положения о Вольном Совете крестьян и рабочих удалось впервые отпечатать лишь в 1920 году. До этого же в «Декларации» реввоенсовета армии махновцев, в главе о Вольном Советском строе, были даны общие начала трудовых советов крестьян и рабочих.

Мы видим, таким образом, как широкое крестьянство и часть рабочих, освободившись от режима гетмана и других властей, вдумчиво и деловито подошли к громадному делу построения новой жизни; как они, будучи в окружении разнообразных враждебных сил, здраво и верно принимали меры защиты от них своего озаренного лучом свободы района. Возникновение ряда свободных трудовых коммун, стремление создать органы общественного и экономического самоуправления являлись первыми шагами крестьян и рабочих в построении их свободной и независимой жизни. Нет никакого сомнения в том, что вся масса трудящихся, оставаясь свободной, пошла бы по этому пути, внесла бы в свое строительство много здорового, самобытного и мудрого, соорудив тем самым фундамент подлинно свободного трудового общества.

Но на район уже надвигался исконный враг труда и свободы — власть. С севера двигалась государственная армия коммунистов-большевиков, с юго-востока — армия генерала Деникина.

Первыми пришли деникинцы. Еще в период борьбы крестьян с гетманом и в особенности в первые дни низвержения его, с Дона и Кубани просочились на Украину отдельные партизанские контрреволюционные отряды генерала Шкуро и подошли к Пологам и Гуляй-Полю. Это была первая угроза освобожденному району со стороны новой контрреволюции. Естественно, армия повстанцев-

махновцев повернула свои силы в эту сторону. К этому времени она состояла из нескольких полков пехоты и нескольких полков кавалерии, прекрасно организованных. Пехота в армии махновцев представляла собою исключительное, своеобразное явление. Вся она, подобно коннице, передвигалась на лошадях, но не верхом, а в легких рессорных экипажах, называемых на юге Украины «тачанками». Выстроившись в ряд или в два ряда, эта пехота двигалась обыкновенно быстрой рысью вместе с конницей, делая в среднем по 60-70 верст в день, а когда надо было, — и по 90-100 верст.

Деникин, рассчитывая на запутанную украинскую обстановку, на борьбу петлюровской директории с большевиками, надеялся без особого труда занять большую часть Украины и поставить свой фронт, по крайней мере, первое время, — за северными пределами Екатеринославской губернии. Но он неожиданно наткнулся на упорную, хорошо организованную армию повстанцев-махновцев. После нескольких боев деникинские отряды стали отступать обратно в направлении Дона и Азовского моря. В короткий срок все пространство от Полог и до моря было освобождено от них. Махновские части заняли ряд важных узловых станций и города Бердянск и Мариуполь. Начиная с этого времени (январь 1919 г.), здесь создался первый противоденикинский фронт, — фронт, на котором махновская армия в течение шести месяцев сдерживала поток контрреволюции, лившийся с Кавказа. Он растянулся затем на сто с лишним верст, от Мариуполя по направлению на восток и северо-восток.

Борьба на этом фронте приняла упорный, ожесточенный характер. Деникинцы, подражая махновцам, стали прибегать к партизанскому способу действий. Отдельными конными отрядами они врываются в глубокий тыл района, производили там разрушения, пожарища и смерть, исчезали и вновь неожиданно появлялись уже в другом месте, производя подобное же разрушение. От этих набегов страдало исключительно трудовое оседлое население. Ему мстили за поддержку повстанческой армии, за несочувствие деникинцам, стараясь таким способом вызвать в нем реакцию против революции. Страдало от этих набегов также еврейское население, издавна живущее в приазовском районе самостоятельными колониями. Евреев отряды Деникина громили при каждом своем набеге, стараясь искусственно вызвать антисемитское движение, которое бы создало благоприятную почву для вторжения их на Украину. В этих контрреволюционных набеге особенно проявил себя генерал Шкуро.

Однако в течение четырех с лишним месяцев деникинцы, несмотря на отборный состав войск и ожесточенность нападений, не смогли осилить повстанческие войска, преисполненные революционного огня и не менее деникинцев искусные в партизанской войне. Наоборот, очень часто генералу Шкуро приходилось попадать под такие удары повстанческих полков, что лишь отступление на 80-120 верст к Таганрогу и Ростову спасало его от полной катастрофы. У стен Таганрога махновцы были в это время не менее 5-6 раз.

Ожесточение и ненависть деникинских офицеров в отношении махновцев принимали невероятные формы. Пленных махновцев они подвергали различным истязаниям, рвали снарядами, и были случаи, когда сжигали их на листах раскаленного железа¹.

Во время этой упорной четырехмесячной борьбы военный талант Махно ярко проявился. Славу талантливого полководца за ним признали и его враги — деникинцы. Это, конечно, нисколько не помешало генералу Деникину обещать полмиллиона рублей тому, кто убьет Махно.

Революционное повстанчество было попыткой народных масс воплотить в жизнь неосуществленные замыслы русской революции. Оно являлось органическим продолжением массового движения рабочих и крестьян в октябре 1917 года и было проникнуто единством цели с этим движением и глубочайшим духом братства между трудящимися всех национальностей и областей.

Отметим следующий характерный факт. В начале 1919 года повстанцы-махновцы после ряда боев отбросили деникинские войска к Азовскому морю, захватив у них около 100 вагонов хлеба в зерне. Первой мыслью Махно и штаба повстанческой армии было — послать все захваченные продовольственные трофеи голодающим рабочим Москвы и Петрограда. Широкая повстанческая масса восторженно приветствовала эту мысль. Хлеб, в количестве около 100 вагонов, был доставлен в Петроград и Москву в сопровождении махновской делегации, горячо принятой Московским Советом.

* * *

Большевики пришли в район махновщины значительно позже деникинцев. Повстанцы-махновцы дрались с последними уже в течение трех месяцев, выгнали их из своего района и провели линию фронта восточнее Мариуполя. Лишь после этого в Синельниково пришла первая дивизия большевиков во главе с Дыбенко.

Сам Махно и революционное повстанчество были для большевиков неизвестностью. До этого в коммунистической прессе — московской и провинциальной — о Махно писали как об отважном повстанце, много обещающем в будущем. Его борьба, сначала с гетманом Скоропадским, затем с Петлюрой и Деникиным, заранее расположила в его пользу видных вождей большевизма. Им казалось несомненным, что революционные отряды махновцев, дравшиеся против стольких разнообразных контрреволюций на Украине, вольются в красную армию. Поэтому они, не познакомившись с Махно на месте, заранее восхваляли его, предоставляя для этого столбцы своих столичных газет. В духе этих восхвалений произошла первая встреча большевистского военного командования с Махно (март 1919 г.). Ему немедленно было предложено войти со своими отрядами в красную армию в целях одоления Деникина

¹ См. «Путь к Свободе» №№ 2-3.

общими силами. Идейные и политические особенности революционного повстанчества считались вполне естественными, не могущими никоим образом препятствовать объединению на почве общего дела. Они остаются непротивоположными.

Махно и штаб повстанческой армии прекрасно видели, что приход к ним коммунистической власти несет с собою новую угрозу свободному району; что это — вестник гражданской войны с другого конца. Но этой войны ни Махно, ни штаб армии, ни районный совет не хотели. Она могла губительно отразиться на судьбе всей украинской революции. Главным образом, принималось во внимание то, что с Дона и Кубани шла организовавшаяся открытая контрреволюция, с которой мог быть только один разговор — разговор оружием. Опасность ее с каждым днем разрасталась. У повстанцев была надежда, что борьба с большевиками ограничится идейной областью. В этом случае они были абсолютно спокойны за свой район, так как сила революционных идей, революционное чутье и недоверчивость крестьян к посторонним явились бы лучшими защитниками района. Общее мнение руководителей повстанчества было то, что все свои силы следует направить против монархической контрреволюции, и уже после ее ликвидации обратиться к идейным расхождениям с большевиками. В таком смысле состоялось объединение армии махновцев с красной армией. Ниже мы увидим, что руководители маховщины ошиблись, надеясь найти в большевиках только идейных противников. Они упустили из вида, что имеют дело с наиболее законченными насильниками-государственниками. Но ошибки, если они не приводят к гибели, полезны. И данная ошибка пошла впрок махновцам.

Повстанческая армия вошла в состав красной армии на следующих основаниях: а) внутренний распорядок ее остается прежний; б) она принимает политических комиссаров, назначаемых Комвластью; в) она подчиняется высшему красному командованию лишь в оперативном отношении; г) армия с противоденикинского фронта никуда не уводится; д) армия получает военное снаряжение и содержание наравне с частями красной армии; е) армия продолжает называться Революционной Повстанческой, сохраняя при себе черные знамена.

Армия повстанцев-махновцев была построена на трех основных принципах — на добровольчестве, выборном начале и на самодисциплине.

Добровольчество означало то, что армия состоит лишь из революционных, добровольно вошедших в нее бойцов.

Выборное начало означало то, что командиры всех частей армии, члены штаба и совета армии и вообще все лица, занимающие ответственные посты в армии, должны быть избираемы или утверждаемы повстанцами соответствующих частей или собраниями всех частей армии.

Самодисциплина означала то, что все правила армейской дисциплины вырабатывались избранными комиссиями повстанцев,

утверждались общими собраниями армейских частей и соблюдались под строгой ответственностью каждого повстанца и командира.

При вхождении в красную армию все эти основания сохранились в махновской армии. Она получила вначале название третьей бригады, затем была переименована в Первую Революционно-Повстанческую Украинскую дивизию, а еще позже получила название «Революционной Повстанческой армии Украины (махновцев)». Политическая сторона в соглашении отсутствовала. Соглашение было исключительно военным. Благодаря этому жизнь района, его общественное и революционное развитие продолжали идти прежним путем — т.е. путем самостоятельности трудящихся, не допуская в район никакой внешней власти. Ниже мы увидим, что это послужило единственной причиной вооруженного нападения большевиков на этот район.

Со времени образования районного совета — февраль 1919 г. — район прочно объединился. Идея вольных трудовых советов достигла отдаленных сел района. В создавшейся обстановке крестьяне медленно подходили к организации этих советов, но всюду они прочно держались за их идею, чувствуя, что они стоят на здоровой почве, на которой только и возможно строительство их свободного общежития. В то же время в районе зрело понимание необходимости непосредственного союза с рабочими ближайших городов. Эта связь должна была, минуя государственные органы, идти прямо в рабочую городскую массу, на предприятия, в профессиональные организации рабочих. Она была необходима для укрепления и дальнейшего развития революции. В районе сознавали, что такая связь поведет к борьбе с государственной партией, которая не уступит так просто своей власти над массами. Но это не казалось большой опасностью, так как *объединенные* крестьяне и рабочие легко умиротворили бы любую власть. А главное, иных форм союза с рабочими, кроме прямых, ведущих к отставке власти и вызывающих ее сопротивление, и быть не могло. Именно в *таком* союзе деревни с городом и заключалась возможность укрепления и дальнейшего развития революции. «Рабочий, подай руку», — вот голос гуляй-польских крестьян-революционеров, обращенный к городу. Такой подход со стороны крестьян освободившегося района был единственно разумным. У себя они были абсолютно свободны; собой и продуктом своего труда распоряжались самостоятельно. Естественно, они хотели видеть в таком же положении городских рабочих и, подходя к ним, конечно, миновали всякого рода политические, государственные и иные непродуманные организации, от которых они успели вдоволь натерпеться в прошлом. В то же время они желали, чтобы и рабочий так же непосредственно подошел к ним.

Вот как ставился в районе вопрос о связи с городскими рабочими. Он повсеместно распространялся и обсуждался, становясь лозунгом дня повстанческого района.

Понятно, что при таких лозунгах крестьян политические партии не могли иметь никакого успеха в районе. Когда они выступали в нем с планами государственного строительства, их встречали обыкновенно холодно, нередко с насмешками, как людей, пришедших со своим уставом в чужое хозяйство. Коммунистическая власть, начавшая с разных сторон проникать в район, оказалась действительно чужим лицом в нем.

Первое время она надеялась растворить махновщину в рядах большевизма. Это оказалось пустой затеей. Повстанческая масса упорно шла своим путем. Государственные органы большевиков она целиком игнорировала. Разгон чрезвычайных комиссий вооруженной рукой крестьян был обычным явлением. В самом Гуляй-Поле власть ни разу не решилась организовать ни одного своего учреждения. В других местах эти учреждения являлись причиной кровавых столкновений между населением и властью. Положение для нее в районе создалось очень тяжелое.

Тогда большевики повели организованную борьбу с махновщиной и как с идеей, и как с социальным движением.

Выступила прежде всего их печать. Она стала упорно называть махновское движение кулацким, его лозунги — контрреволюционными, его действия — вредными для революции.

Угрозы начали сыпаться по адресу руководителей махновщины и со столбцов газет, и со стороны центральных властей. Район определенно стал блокироваться. Всех направлявшихся в Гуляй-Поле или из него революционных работников стали хватать по дороге. Снабжение повстанческой армии снарядами и патронами сократилось в 5-6 раз. От всего этого веяло недобрым.

На 10 апреля 1919 года Военно-Революционный Совет назначил третий районный съезд крестьян, рабочих и повстанцев. Съезд должен был определить задачи момента и дальнейшее направление революционной жизни района. На съезд съехались делегаты от 72 волостей, представившие массу в 2 с лишним миллиона человек. Работа его прошла крайне оживленно. К сожалению, у нас нет под руками работ съезда. Из них можно было бы видеть, как народная масса осторожно и пытливо искала своих путей в революции, своих форм жизни. Под конец своих работ съезд получил телеграмму начальника дивизии Дыбенко, в которой организаторы съезда объявлялись вне закона, а самый съезд — контрреволюционным.

Это было первым открытым покушением большевиков на свободный район. Весь съезд великолепно понял смысл его и вынес в резолюции негодующий протест против этого покушения. Протест съезда тут же был отпечатан и распространен по району среди крестьян и рабочих. А несколько дней спустя Военно-Революционный Совет района дал достойный ответ коммунистической власти (в лице Дыбенко), указав, чем является Гуляй-Польский район в революции и кто в действительности делает контрреволюционное дело. Этот ответ типично представляет одну и другую сторону, и мы печатаем его целиком. Вот он:

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЛИ?¹

«Тов.» Дыбенко объявил созданный в с. Гуляй-Поле на 10 апр. с.г. съезд контрреволюционным, а организаторов такового — вне закона, к которым должны быть применены, по его словам, самые суровые репрессивные меры. Приводим дословно его телеграмму:

«Из Новоалексеевки № 283, 10 числа 22 ч. 45 мин. По нахождении, т-щу Батько Махно, штаб дивизии Александровск. Копия Волноваха, Мариуполь, по нахождению т-щу Махно. Копия Гуляй-Польскому Совету:

Всякие съезды, созванные от имени распущенного, согласно моего приказа, военно-революционного штаба, считаются явно контрреволюционными и организаторы таковых будут подвергнуты самым репрессивным мерам вплоть до объявления вне закона. Приказываю немедленно принять меры к недопущению подобных явлений. Начдив Дыбенко.»

Но, прежде чем объявить съезд контрреволюционным, «тов.» Дыбенко не потрудился узнать: от чьего имени и для чего созывался таковой, и благодаря этому он объявляет, что съезд созывался от имени распущенного Гуляй-Польского Военно-революционного штаба, а на самом деле таковой создан Исполнительным Комитетом Военно-революционного Совета. Поэтому последний, как виновник созыва съезда, не знает, считает ли его «тов.» Дыбенко вне закона.

Если да, то позвольте «Вашу Высокопоставленную» личность познакомить с тем, кто и для чего созывал этот (по вашему явно контрреволюционный) съезд, и тогда, может быть, вам не будет он таким страшным, как вы его рисуете.

Съезд, как сказано выше, созывался Исполкомом Военно-революционного Совета Гуляй-Польского района на 10 апреля в с. Гуляй-Поле (как центральное село). Назывался третьим районным Гуляй-Польским съездом. Созывался для указания дальнейшего направления деятельности Военно-революционного Совета. (Видите, «тов.» Дыбенко, уже три таких «контрреволюционных» съезда было). Но вопрос: — откуда взялся и для чего создан районный Военно-революционный Совет? Если вы, «тов.» Дыбенко, не знаете, то мы вас познакомим. Районный Военно-революционный Совет образован согласно резолюции второго съезда, бывшего в с. Гуляй-Поле 12 февраля с.г. (видите, как давно, когда вас здесь еще не было), для того, чтобы организовать фронтовиков и провести добровольную мобилизацию, так как вокруг были кадеты, а повстанческих отрядов, составленных из первых добровольцев, недостаточно было для того, чтобы занять широкий фронт. Советских войск в нашем районе никаких не было, да от них население района и не ждало большой помощи, а считало своим долгом самозащиту. Вот для этого-то и был образован Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района, куда, согласно резолюции

¹ Орфография и стиль документов передаются без изменений (прим. изд.)

второго съезда, вошло по одному представителю от волости, а всего — 32 человека от волостей Екатеринославской и Таврической губ.

О созданном Военно-революционном Совете разъяснение будет ниже, а теперь у нас созданся вопрос: откуда взялся, кто созвал второй районный съезд; от кого было разрешение, и объявлен ли тот, кто созвал его, вне закона, а если нет, то почему? Второй районный съезд в с. Гуляй-Поле созван инициативной группой из пяти человек, избранных на первом съезде. Второй съезд состоялся 12-го февраля с.г., и к великому удивлению созвавшие его не были объявлены вне закона, так как в то время не было такого героя, который бы дерзнул на права народа, добытые собственной кровью. Теперь опять перед нами вопрос: откуда взялся и кто созвал первый районный съезд, не объявлен ли тот вне закона, а если нет, то почему? Вы, «тов.» Дыбенко, как видно, молоды в революционном движении на Украине и вас нам приходится знакомить с самым началом революционного движения на Украине. Ну, что же, мы познакомим, а вы, познакомившись, быть может, исправитесь немного.

Первый районный съезд был 23 января с.г. в первом повстанческом лагере в с. Б. Михайловке из представителей от волостей, близко находившихся к фронту. В то время советские войска были где-то далеко-далеко. В то время район был отрезан от всего мира: с одной стороны кадетами¹, а с другой — петлюровцами, и в это время лишь одни повстанческие отряды, во главе с батько-Махно и Щусем, наносили удар за ударом кадетам и петлюровцам. В селах и деревнях организации и общественные учреждения были не однообразны по названию. В одном селе был Совет, в другом — Народная Управа, в третьем — Военно-революционный Штаб, в четвертом — Земская Управа и пр. и пр., но дух был у всех революционный, и для укрепления фронта, для установления чего-либо однообразного в районе и был созван съезд.

Его никто не созывал, он сам по себе съехался с согласия населения. На съезде возник вопрос о том, чтобы вырвать из армии Петлюры своих братьев, насильно мобилизованных, и для этого была избрана делегация из пяти человек, которым был дан наказ проехать через штаб батько-Махно и др., где будет нужно, в армию украинской директории (имени Петлюры), дабы заявить своим братьям мобилизованным, что их обманули и что им следует отсюда уйти. Этой же делегации было поручено, по возвращении ее обратно, собрать более обширный съезд для организации всего очищенного от контрреволюционных банд района, для создания более могучего фронта. Делегаты, возвратившись, созвали второй районный съезд вне всяких партий, власти и закона, ибо вы, «тов.» Дыбенко, и подобные вам законники, в то время находились далеко-далеко, а герои, вожди повстанческого движения, к власти над народом, который собственными руками разорвал цепи рабства,

¹ деникинцами

не стремились, а потому и съезд не был объявлен контрреволюционным, а создавшие его — вне закона.

Вернемся к районному Совету. С появлением Военно-революционного совета Гуляй-Польского района в свет, в район прорывается советская власть. Но ведь с появлением советской власти Районный Совет не имел права оставить дела невыполненными, согласно вынесенной резолюции на втором съезде. Он должен был выполнить данный ему съездом наказ, ничуть не уклоняясь в сторону, ибо Военно-революционный Совет не есть приказывающий, а только исполнительный орган. И он продолжал работать по мере своих сил, и работа была только в революционном направлении. Постепенно советская власть стала оказывать препятствия в работе Военно-революционного Совета, а комиссары и проч. ставленники советской власти на Военно-революционный Совет стали смотреть, как на контрреволюционную организацию. И вот члены Совета решили созвать третий районный съезд на 10 апреля в с. Гуляй-Поле, для указания дальнейшего направления деятельности Совета, или, может быть, съезд найдет нужным ликвидировать его. И съезд собрался. На съезд съехались не контрреволюционеры, а те, кто первые подняли знамя восстания на Украине, знамя социальной революции, для согласованности общей борьбы со всеми угнетателями. На съезд явились представители от 72 волостей разных уездов и губерний и от нескольких воинских частей и нашли, что Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района необходим и пополнили его исполком, поручив ему провести в районе добровольную уравнительную мобилизацию. Съезд не мало удивлялся телеграмме «тов.» Дыбенко, объявлявшему съезд «контрреволюционным», в то время, когда этот район первый поднял знамя восстания, и на телеграмму вынес горячий протест.

Вот перед нами картина, «тов.» Дыбенко, которая должна Вам открыть глаза. Опомнитесь! Подумайте! Имеете ли вы, один человек, право объявлять с лишком миллион народа контрреволюционерами, который своими мозолистыми руками сбросил цепи рабства и теперь сам, по своему усмотрению, строит свою жизнь?

Нет! Если вы истинный революционер, вы должны помогать ему в борьбе с угнетателями, в строительстве новой свободной жизни.

Могут-ли существовать законы нескольких человек, заявляющих себя революционерами, дающие право объявлять более революционный народ вне закона? (Исполком Совета олицетворяет собою всю массу народа).

Допустимо-ли и благоразумно-ли вводить законы насилия в стране того народа, который только что сбросил всех законников и всякие законы?

Существует-ли такой закон, по которому революционер имел бы право применять самые суровые меры наказания к той революционной массе, за которую он борется, и за то, что народная масса без разрешения взяла то хорошее, — свободу и равенство, — что революционер обещал?

Может-ли народная революционная масса молчать тогда, когда революционер отбирает у нее добытую ею свободу?

Следует-ли по закону революции расстреливать делегата за то, что он стоит за проведение в жизнь данного ему наказа избравшей его революционной массы?

Чьи интересы должен революционер защищать: партии или того народа, который своею кровью двигает революцию?

Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района стоит вне зависимости и влияния всяких партий, а только народа, избравшего его. А потому его обязанность проводить в жизнь то, что поручил ему избравший его народ и не препятствовать всем левым социалистическим партиям проповедовать свои идеи. А потому, если большевистская идея среди трудящихся будет иметь успех, то Военно-революционный Совет, с точки зрения большевиков организация явно контрреволюционная, заменится другой, «более» революционной большевистской организацией. А покамест не мешайте нам, не насилуйте нас.

Если вы, «тов.» Дыбенко, и подобные вам, будете вести в дальнейшем такую политику, как раньше, и если думаете, что она хороша и добросовестна, то тогда уж продолжайте свои грязные делишки. Объявляйте вне закона всех инициаторов районных съездов и тех съездов, которые созывались тогда, когда вы и ваша партия сидели в Курске. Объявляйте контрреволюционерами всех, кто первые подняли знамя восстания, знамя социальной революции на Украине и везде пошли без вашего позволения, в точности не по вашей программе, а взяли левее. Объявите вне закона и всех тех, которые послали своих представителей на районные съезды, признанные вами контрреволюционными. Объявите вне закона и всех павших борцов, которые без вашего позволения приняли участие в повстанческом движении за освобождение всего трудового народа. Объявляйте все революционные съезды, собравшиеся без вашего разрешения, контрреволюционными и незаконными, но знайте, что правда силу побеждает и Совет не откажется, несмотря на угрозы, от выполнения возложенных на него обязанностей, ибо он на это не имеет никакого права и не имеет права узурпировать права народа.

Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района:

Председатель:

Чернокнижный, тов. пред-ля *Коган*,
секретарь *Карает*.

Члены: *Коваль*, *Петренко*, *Доценко* и др.

После этого вопрос о махновщине в высших большевистских сферах ставится резко и определенно. Официальная пресса, и до того писавшая о махновском движении в извращенном виде, стала теперь систематически поносить его, умышленно ложно приписывая ему всякий вздор, гадости и преступления. Следующий пример достаточно рисует большевиков в этом отношении. В кон-

це апреля или начале мая 1919 г. генерал Шкуро, одураченный одним пленным махновцем, прислал Махно письмо, в котором, восхваляя самобытный военный талант его и сокрушаясь, что этот талант пошел по ложному революционному пути, предлагал ему объединиться с армией деникинцев во имя спасения русского народа. Революционеры-повстанцы, читавшие это письмо у себя на широком заседании, немало смеялись наивности и тупости контрреволюционного генерала, не знакомого даже с азбукой революции в России и на Украине. Они передали письмо в свою газету «Путь к Свободе» для напечатания и для осмеяния его. Письмо, в сопровождении насмешек, целиком было отпечатано в № 3 газеты «Путь к Свободе». Что же делают коммунисты-большевики? Они берут это письмо из махновской газеты, перепечатаывают в своих газетах и с чудовищным бесстыдством заявляют, что это письмо перехвачено ими по дороге, что между Махно и Шкуро идут переговоры о союзе, и что этот союз уже состоялся. Собственно, вся идейная борьба большевиков с махновщиной проходила в такой форме.

* * *

Со середины апреля 1919 г. повстанческий район тщательно исследуется высшими чинами коммунистического правительства. 29 апреля в Гуляй-Поле приезжает командующий южного фронта Антонов с целью познакомиться с самим Махно, махновским фронтом и настроением повстанчества. А 4-5 мая туда же приехал чрезвычайный уполномоченный Совета Оборона республики Л. Каменев с чинами харьковского правительства. Въезд Каменева в Гуляй-Поле был внешне дружественный, не оставлял желать ничего лучшего. Он приветствовал собравшихся крестьян и повстанцев, как героев, своими усилиями освободивших район от гетмана, отстоявших его от Петлюры и Деникина. Казалось, революционная самодеятельность крестьян нашла в лице Каменева своего пылкого восхвалителя. Однако в официальной беседе с Махно, членами штаба и районного совета Каменев повел речь далеко не в духе сочувствия самодеятельности трудящихся. Был поставлен вопрос о районном Военно-революционном Совете. Существование этого совета при советской власти Каменев нашел абсолютно недопустимым и предложил распустить его.

Как и должно ожидать от государственника, Каменев спутал два различных органа — Военно-революционный Совет республики, создаваемый правительственной партией, и Военно-революционный Совет трудовой массы, созданный ею непосредственно, в качестве ее исполнительного органа. Первый совет, действительно, может быть распущен очень просто — приказом центрального комитета партии; но второй совет никем не может быть распущен, кроме самой массы, создавшей его. Распустить его, помимо массы, может только контрреволюционная сила, но никак не революционеры.

В таком смысле был дан ответ Каменеву. Ответ оказался довольно неприятным, вызвавшим жаркие споры. Несмотря на это, уезжая, Каменев, подобно Антонову, горячо распрощался с махновцами, высказал благодарность и всякие пожелания, расцеловался с Махно, уверяя, что с махновцами, как с подлинными революционерами, у большевиков всегда найдется общий язык, что с ними можно работать и должно работать совместно.

Были ли приезды большевистских наркомов в Гуляй-Поле действительно такими дружественными, как это можно было думать по их горячим пожеланиям, или за внешней дружественностью наркомов уже тогда пряталась их непримиримая вражда к повстанческому району? Вернее последнее. Развернувшиеся в скором времени события в районе показали, что в большевистском мире давно зрела мысль о военном походе на независимое повстанчество. Приезд Антонова и Каменева в Гуляй-Поле можно рассматривать как тщательную разведку большевиков перед их нападением на район. После этих посещений ничто не изменилось в отношении большевиков к махновщине. Их агитационная кампания в прессе не только не ослабела, но наоборот — усилилась. Измышления, одно другого постыднее и гнуснее, не переставали выпускаться ими по адресу махновцев. Все показывало, что большевики стремятся подготовить мнение рабочих и красноармейцев к готовящемуся ими вооруженному нападению на вольный район. Месяцем раньше с их стороны была сделана попытка убить Махно из-за угла. Командир одного полка Падалка, подкупленный большевиками, взял на себя их «поручение»: напасть со стороны Покровского на Гуляй-Поле, когда там будет Махно, захватить его и штаб. Заговор был обнаружен самим Махно, когда он находился в Бердянске и через несколько минут должен был ехать в Гуляй-Поле. Его удалось предотвратить только потому, что под рукой у Махно оказался аэроплан, на котором он успел пролететь расстояние от Бердянска до Гуляй-Поля в два часа с минутами. Организаторы заговора были врасплох схвачены и казнены.

Неоднократно от товарищей, работавших в большевистских учреждениях, Махно получал предостережения — ни в коем случае не ехать по вызову ни в Екатеринослав, ни в Харьков, ибо каждый официальный вызов будет означать ловушку, готовящую ему смерть. Словом, всякий новый день говорил о том, что спор об идейном влиянии в украинской революции большевики не сегодня-завтра будут решать оружием. Мятаж Григорьева неожиданно заставил их внешне и на некоторое время изменить свое отношение к махновщине.

Глава шестая

МАХНОВЩИНА (продолжение)

Мятеж Григорьева. — Первое нападение большевиков на Гуляй-Поле

12 мая 1919 г. в основной штаб махновцев, стоявший в Гуляй-Поле, пришла телеграмма следующего содержания:

Гуляй-Поле, батько-Махно по нахождению.

«Изменник Григорьев предал фронт. Не исполнив боевого приказа, он повернул оружие. Подошел решительный момент — или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или на деле откроете фронт врагам. Колебаниям нет места. Немедленно сообщите расположение ваших войск и выпустите воззвание против Григорьева, сообщив мне копию в Харьков. Неполучение ответа буду считать объявлением войны. Верю в честь революционеров — вашу, Аршинова, Веретельникова и др. Каменев, № 277. Реввоенконтролер Лобье.»

Штаб в своем расширенном составе, с участием представителей Военно-революционного Совета, немедленно обсудил телеграмму, сообщающую о событии, и само событие и пришел к следующему заключению. Григорьев — бывший царский офицер; накануне свержения гетмана он находился в рядах петлюровцев, руководя большими повстанческими отрядами, бывшими в распоряжении петлюровских властей. В дни разложения петлюровской армии, происшедшего под влиянием классовых противоречий, Григорьев со всеми своими частями перешел на сторону большевиков, пришедших к этому времени из центральной России, и стал действовать с ними против петлюровцев, сохранив за своими частями известную автономию и свободу действий. В Херсонской губернии сыграл значительную роль в ликвидации петлюровской власти. Занял Одессу. Затем до последнего времени держал фронт повстанческими отрядами в направлении Бессарабии.

Повстанческие отряды Григорьева и в организационном, а главное — в идейном отношении значительно отстали от махновского повстанческого района. Они не развивались, оставаясь все время в первоначальной стадии своего роста. В начале всеобщего повстанья они были проникнуты революционным духом, но в самих себе и крестьянской среде, откуда вышли, они не отыскивали тех исторических задач труда и того яркого социального знамени, которые были у махновцев. Несмотря на высокий революционный подъем этих отрядов, они имели неустойчивый, далеко не определенный социальный идеал, в связи с чем подпадали под руководство то петлюровцев, то Григорьева, то большевиков.

Сам Григорьев никогда не был революционером. В его поведении, когда он состоял в рядах петлюровцев, а затем в рядах красной армии, было много авантюристического. Он был преимущественно простым воякой, которому стихия народного повстанца неожиданно раскрыла простор. Физиономия его имела чрезвычайно пестрый вид: в нем была и доля сочувствия забитому крестьянству, и властничество, и атаманское озорство, и национализм, и антисемитизм. Что заставило его выступить против большевиков? Для штаба махновцев это было неизвестностью. Имелись данные о том, что сами большевики спровоцировали его на выступление, дабы ликвидировать его автономные повстанческие отряды, которые хотя и не преследовали самостоятельных революционных целей, как махновцы, но по своей форме и содержанию были все-таки враждебны идее большевизма. Как бы то ни было, но движение Григорьева против большевиков являлось в глазах махновцев не революционным, не трудовым, а лишь военным, политическим, заслуживающим полного презрения с их стороны. Это особенно стало ясным, когда Григорьев выпустил свой «Универсал», представлявший собою проповедь национальной вражды между трудящимися. Единственное во всем движении, достойное, по мнению махновцев, внимания и сожаления, — это повстанческие массы, увлеченные Григорьевым обманным путем в политическую авантюру.

Таково заключение, к которому пришли махновцы, обсудив григорьевское движение. И в соответствии с этим штаб армии начал реагировать на событие. Прежде всего было сделано следующее распоряжение по фронту:

«Мариуполь. Полевой штаб армии махновцев. Копия всем начальникам боевых участков, всем командирам полков, батальонов, рот и взводов. Предписываю прочесть во всех частях войск имени батько-Махно. Копия Харьков Чрезвычайному Уполномоченному Совету Оборона Каменеву.

Предпринять самые энергичные меры к сохранению фронта. Ни в коем случае недопустимо ослабление внешнего фронта революции. Честь и достоинство революционера заставляют нас оставаться верными революции и народу, и распри Григорьева с большевиками из-за власти не могут заставить нас ослабить фронт, где белогвардейцы стремятся прорваться и поработить народ. До тех пор, пока мы не победим общего врага в лице белого Дона, пока определенно и твердо не ощутим завоеванную своими руками и штыками свободу, мы останемся на своем фронте, борясь за свободу народа, но ни в коем случае не за власть, не за подлость политических шарлатанов.

Комбриг *Батько-Махно*. Члены штаба (подписи).»

Одновременно с этим штаб послал в ответ Каменеву следующую телеграмму:

«Харьков. Особоуполномоченному Совета обороны республики Каменеву. Копия Мариуполь. Полевой штаб.

По получении от вас и от Рощина¹ телеграфного известия о Григорьеве, мною немедленно дано было распоряжение — держать фронт неизменно верно, не уступая ни одной пяди из занимаемых позиций Деникину и прочей контрреволюционной своре и выполняя свой революционный долг перед рабочими и крестьянами России и всего мира. В свою очередь заявляю вам, что я и мой фронт останутся неизменно верными рабоче-крестьянской революции, но не институтам насилия, в лице ваших комиссариатов и чрезвычайек, творящих произвол над трудовым населением. Если Григорьев раскрыл фронт и двинул войска для захвата власти, то это — преступная авантюра и измена народной революции, и я широко опубликую свое мнение в этом смысле. Но сейчас у меня нет точных данных о Григорьеве и о движении, с ним связанном; я не знаю, что он делает и с какими целями; поэтому выпускать против него воззвание воздержусь до получения о нем более ясных данных. Как революционер-анархист, заявляю, что никоим образом не могу поддерживать захват власти Григорьевым или кем бы то ни было; буду по-прежнему с товарищами-повстанцами гнать деникинские банды, стараясь в то же время, чтобы освобождаемый нами тыл покрывался свободными рабоче-крестьянскими соединениями, имеющими всю полноту власти у самих себя; и в этом отношении такие органы принуждения и насилия, как чрезвычайки и комиссариаты, проводящие партийную диктатуру — насилие даже в отношении анархических объединений и анархической печати, встретят в нас энергичных противников.

Комбриг *Батько-Махно*.

Члены штаба (подписи).

Предс. Культ-Просв. Отд. *Аршинов*.»

В то же время из представителей штаба и Военно-революционного Совета была организована комиссия и направлена в район григорьевского движения с целью разоблачить Григорьева в глазах повстанцев и звать последних под революционное знамя махновщины. Григорьев же, заняв Александрию, Знаменку, Елисаветград, подошел к Екатеринославу, чем вызвал большую тревогу у коммунистической власти, бывшей в Харькове. Последняя с опасением поглядывала в сторону гуляй-польского района. Каждый слух отсюда, каждая телеграмма Махно с жадностью ловились и печатались в советской прессе. Конечно, эти опасения были ничем иным, как плодом невежества советских правительственных чиновников, допускаявших мысль, что революционер-анархист Махно вдруг выступит против них совместно с Григорьевым. Махновщина всегда

¹ Одновременно с телеграммой Л. Каменева была получена на имя Махно телеграмма от Гроссмана-Рощина (советского анархиста), говорившая о том же событии.

держалась принципиальных позиций, руководствовалась идеалами социальной революции, идеалами безвластного трудового общежития. Она поэтому никогда не могла объединиться с отдельными противобольшевистскими выступлениями на том только основании, что и сама махновщина шла против большевизма. Наоборот — движение, подобное григорьевскому, создавало лишнюю угрозу свободе трудящихся и поэтому являлось таким же враждебным махновщине, как и большевизм. И на самом деле, на протяжении всего своего существования махновщина ни с одним противобольшевистским движением не объединялась, а боролась с одинаковым героизмом и жертвами как с большевизмом, так и с петлюровцами, Григорьевым, Деникиным, Врангелем, считая все эти движения стремлением властнических групп к порабощению и эксплуатации трудовых масс. Даже попытки некоторых левозэсеровских групп к совместной борьбе с большевиками были отвергнуты на том основании, что левозэсеровщина, как политическое движение, есть в сущности тот же большевизм, то есть государственное порабощение народа социалистической демократией.

Сам Григорьев во время своего мятежа несколько раз пытался связаться с Махно. Но из всех его телеграмм в Гуляй-Поле дошла лишь одна, следующего содержания:

«Батько! Чего ты смотришь на коммунистов? Бей их. Атаман Григорьев.»

Телеграмма эта осталась, конечно, без ответа, а через два-три дня штаб, при участии представителей воинских частей с повстанческого фронта, вынес окончательное осуждение Григорьеву, выпустив против него отдельное воззвание. Вот оно:

КТО ТАКОЙ ГРИГОРЬЕВ?

«Братья трудящиеся! Когда мы год тому назад выступили на путь беспощадной борьбы с германо-австрийским нашествием, с гетманщиной, а затем с петлюровщиной и деникинщиной, — мы ясно отдавали себе отчет в этой борьбе и с первого же дня мы пошли под знаменем, на котором написано: освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся. Эта борьба привела нас к многочисленным победам глубокого смысла — мы изгнали германцев, сбросили гетмана, не дали утвердиться мелкобуржуазному царству Петлюры и приступили к созидательной работе на освобожденной нами земле. Одновременно с этим мы постоянно предупреждали широкие массы народа о том, чтобы они зорко следили за тем, что делается вокруг них; что многочисленные хищники рыскают кругом, высматривая только удобный момент, когда бы они могли захватить власть и укрепиться на народной спине. Сейчас объявился новый хищник в лице атамана Григорьева, который, каркая народу о его бедствиях, труде и угнетении, несет на самом деле старый разбойничий порядок, при котором труд народа будет порабощен,

бедствия его возрастут, неволя закрепится, права упадут. Обратимся к самому атаману Григорьеву.

Григорьев старый царский офицер. В первые дни украинской революции он сражался за Петлюру против советского строя, затем перебежал на сторону советской власти, а теперь выступил и против советской власти, и против революции вообще. Что говорит Григорьев? С первых слов своего «Универсала» он говорит, что Украиной управляют люди, распявшие Христа, и люди, пришедшие из «московской обжорки». Братья! разве вы не слышите в этих словах мрачного призыва к еврейскому погрому? Разве вы не чувствуете стремление атамана Григорьева порвать живую братскую связь революционной Украины с революционной Россией? Григорьев говорит о мозолистых руках, о святом труженике и т.п. Но кто теперь не говорит о святом труде, о благе народа? И белогвардейцы, насилующие нас и наши земли, говорят, что они борются за трудовой народ. Но мы знаем, какое они благо дают народу, когда прибирают его к своим рукам.

Григорьев говорит, что он борется против комиссаров, за подлинную власть советов. А в том же самом «Универсале» он пишет: «Я, атаман Григорьев... вот вам мой приказ — избирайте своих комиссаров». И далее, заявляя, что он против пролития крови, Григорьев в том же «Универсале» объявляет мобилизацию и рассылает гонцов на Харьков, на Киев и пишет: «Приказ мой прошу исполнить, все остальное сделаю сам». — Что это? Подлинная власть народа? Но ведь и царь Николай считал свою власть подлинною властью народа. Или атаман Григорьев думает, что его приказы не будут властью над народом и что его комиссары не будут комиссарами, а будут ангелами? Братья! Чувствуете-ли вы, как шайка авантюристов, натравливая вас друг на друга, мутит ваши революционные ряды и старается незаметно за вашей спиной и при помощи ваших рук сесть вам на шею? Остерегайтесь! Предатель Григорьев, нанесший революции большой удар внутри, в то же время подымает на ноги буржуазию. Воспользовавшись его погромным движением, уже стремятся прорваться к нам внутрь из Галиции Петлюра, а с Дона — Деникин. Горе будет украинскому народу, если он сразу же не пресечет все эти внутренние и внешние авантюры.

Братья крестьяне, рабочие и повстанцы! Многие из вас будут задаваться вопросом, — как же быть с теми многими повстанцами, которые честно сражались за революцию, а теперь, благодаря предательству Григорьева, очутились в его позорных рядах? Считать ли их контрреволюционерами? нет. Эти товарищи являются жертвой обмана. Мы уверены, что здоровое чутье революционеров подскажет им, что Григорьев обманул их и они уйдут от него вновь под знамена революции.

Мы должны здесь сказать, что причины, создавшие все движение Григорьева, заключаются не только в самом Григорьеве, но в большей степени в том беспорядке, который установился у нас на Украине последнее время. Со времени пришествия большевиков у

нас установилась диктатура их партии. Как партия государственная, партия большевиков всюду настроила государственные органы для управления революционным народом. Все должно подчиниться им и жить под их бдительным оком! Всякое сопротивление, протест или даже самостоятельное начинание душились чрезвычайными комиссиями. В добавок все эти органы составлены из лиц, далеких от труда и от революции. Таким образом, создавалось положение, при котором весь трудовой и революционный народ попал под надзор и управление людей чуждых трудящимся, склонных к произволу и насилию над ними. Так проявилась диктатура партии коммунистов-большевиков. Это создало в массах озлобление, протест и враждебное настроение к существующему порядку. Этим воспользовался Григорьев в своей аванюре. Григорьев предатель революции и враг народа, но партия коммунистов-большевиков является не меньшим врагом труда. Своей безответственной диктатурой она создала в массах озлобление, которым сегодня воспользовался Григорьев, а завтра воспользуется какой-либо другой авантюрист. Поэтому избличая атамана Григорьева в предательстве революции, мы в то же время требуем к ответу коммунистическую партию за григорьевское движение.

Мы снова напоминаем трудовому народу, что избавление от окружающего его гнета, насилия и нищеты народ может достигнуть только своими народными усилиями. Никакая смена властей не поможет ему в этом. Только через свои свободные рабоче-крестьянские организации трудящиеся могут достичь берегов социальной революции — полной свободы и подлинного равенства. Смерть и гибель предателям и врагам народа! Долой национальную вражду! Долой провокаторов! Да здравствует всеобщая сплоченность рабочих и крестьян! Да здравствует всемирная свободная трудовая коммуна!

Подписали: Коллегия штаба дивизии войск имени Батько-Махно. Члены Коллегии: *Батько-Махно, А. Чубенко, Михалев-Павленко, А. Ольховик, И. М. Чучко, Е. Карпенко, М. Пузанов, В. Шаровский, П. Аршинов, Б. Веретельников.*

Присоединились: Члены Исполкома Совета раб. крестьян. и кр.-арм. депутатов г. Александровска: Предс. Уездного Исполкома *Андрющенко*, Завед. отд. Упр. *Шнора*, Завед. отд. *Гаврилов*, Член горисполкома политком *А. Бондарь.*»

Обращение это было в громадном количестве экземпляров распространено среди крестьян и на фронте и отпечатано особо в главном органе повстанцев-махновцев «Путь к Свободе» и в анархической газете «Набат».

Григорьевская авантюра так же быстро пошла ко дну, как быстро она всплыла на поверхность. Она привела к нескольким еврейским погромам, из которых один — в г. Елисаветграде — имел огромные размеры. В результате широкие повстанческие массы быстро отошли от Григорьева. Крестьянство не могло его поддер-

живать, ибо видело в нем пустоту. Григорьев остался с отрядом в несколько тысяч человек, укрепившись в Александрийском уезде Херсонской губернии. Тем не менее, эта авантюра причинила достаточно тревог большевикам. Но как только для них стала ясна позиция гуляй-польского района, они облегченно и уверенно вздохнули. Советская власть стала всюду трубить об отрицательном отношении махновцев к григорьевскому мятежу. Она стремилась использовать позицию махновцев в целях широкой агитации против Григорьева. Имя Махно не сходило со столбцов советской прессы. Телеграммы его перепечатывались. Его величали подлинным стражем рабоче-крестьянской революции. Им даже пугали Григорьева, сочинив историю, что Григорьев со всех сторон окружен войсками Махно и будет пленен им или до основания уничтожен.

Однако все это хвалебное отношение к Махно было лицемерным и продолжалось недолго. Лишь только опасность со стороны Григорьева миновала, началась прежняя агитация большевиков против махновщины. Приехавший к этому времени на Украину Троцкий задал тон этой агитации. Повстанчество якобы есть движение богатых кулаков, стремящихся утвердить в стране свою власть. Все разговоры махновцев и анархистов о безвластном общезитии трудящихся есть не более, чем хитрость с их стороны. На самом же деле и махновцы, и анархисты стремятся к своей анархической власти, которая есть власть богатых кулаков (газета «В Пути» № 51, статья Троцкого «Махновщина»). Одновременно с этой заведомо лживой агитацией блокада района усилилась до чрезвычайности. С большими трудностями удавалось пробираться в него тем рабочим-революционерам, которых симпатии к независимому и гордому району влекли из далеких мест России — из Иваново-Вознесенска, Москвы, Петрограда, с Волги, Урала и Сибири. Доставка патронов и необходимого снаряжения, ежедневно расходуемых на фронте, прекратилась совсем. Еще за две недели до этого, в момент григорьевского мятежа, в Гуляй-Поле приезжал из Харькова Гроссман-Рошин, и ему было представлено тяжелое положение фронта из-за отсутствия патронов и снарядов. Представление это было горячо принято Рошиным, взявшим на себя обязанность хлопотать в Харькове о немедленной высылке на фронт необходимого снаряжения. После этого прошло более двух недель, патроны не присылались, положение фронта становилось катастрофическим. И это в такое время, когда деникинцы неизменно усилились на фронте полками кубанских пластунов и кавказскими формированиями.

Отдавали ли себе большевики отчет в том, что они делают, и в том, каковы будут последствия их дел в осложнявшейся украинской обстановке?

Отчет в своих действиях они, конечно, отдавали себе. Тактику блокады они вели в целях низведения к нулю военной силы района. С безоружным легче бороться, чем с вооруженным. Повстанчество без патронов, связанное притом тяжелым деникинским фронтом, легче будет обезоружено, чем то же повстанчество, имеющее пат-

роны. Но в то же самое время большевики не отдавали себе никакого отчета в обстановке всего донецкого района. Деникинский фронт и деникинские силы были для них полной неизвестностью. Неизвестны были и ближайшие планы Деникина. А между тем на Дону, Кубани и Кавказе были сформированы громадные, хорошо обученные военные части для генерального похода на революцию. Встретив в течение первых четырех месяцев упорное сопротивление гуляй-польского района, деникинцы ни в каком другом месте не могли уже серьезно развивать своего наступления, так как этот район представлял собою серьезную угрозу левому флангу их движения на север. Все четырехмесячные ожесточенные попытки генерала Шкуро не устранили эту угрозу. Тем с большей энергией они подготавливались ко второй кампании, которая с мая 1919 г. была проведена в громадных, неожиданных даже для махновцев, размерах. Всего этого большевики не знали, вернее не хотели знать, отдавшись целиком идее борьбы с махновщиной.

На свободный район, а вместе с ним и на всю украинскую революцию, опасность надвигалась, таким образом, с двух сторон. Тогда Гуляй-Польский Военно-революционный Совет, учитывая всю создавшуюся обстановку, решил созвать экстренный *окружной* съезд крестьян, рабочих, повстанцев и красноармейцев от губерний: Екатеринославской, Харьковской, Таврической, Херсонской и Донецкой. Съезд должен был учесть создавшееся в округе положение ввиду надвинувшейся смертельной опасности деникинской контрреволюции и ввиду беспомощности советской власти предпринять что-либо для предотвращения этой опасности; он должен был определить задачи и практические мероприятия трудящихся в связи с создавшейся обстановкой.

Вот текст обращения по этому поводу Военно-Революционного Совета к трудящимся Украины:

ОБЪЯВЛЕНИЕ О СОЗЫВЕ ЧЕТВЕРТОГО ЭКСТРЕННОГО СЪЕЗДА КРЕСТЬЯНСКИХ, РАБОЧИХ И ПОВСТАНЧЕСКИХ ДЕЛЕГАТОВ

Телеграмма № 416.

Всем исполкомам: уездным, волостным и сельским Екатеринославской, Таврической губерний и рядом расположенных с ними уездов, волостей и сел; всем повстанческим частям первой украинской повстанческой дивизии имени батько-Махно и красноармейским частям, расположенным в районе данной местности. Всем. Всем.

«Исполком Военно-революционного Совета, в заседании своем 30 мая, обсудив создавшееся положение на фронте, в связи с наступлением белогвардейских банд, и принимая во внимание общеполитическое и экономическое положение советской власти, находит, что выход из создавшегося положения может быть указан только самими трудящимися массами, а не отдельными лицами и

партиями. На основании этого исполком В.-Р.Совета гуляй-польского района постановил: созвать экстренный съезд гуляй-польского района на 15 июня (нов.ст.) 1919 г. в с. Гуляй-Поле. *Норма представительства*: 1) крестьяне и рабочие от трех тысяч населения выбирают одного делегата. 2) Повстанцы и красноармейцы делегируют по одному делегату от каждой отдельной части (полка, дивизиона и т.п.) 3) от штабов: дивизии батько-Махно — 2 делегата, и бригад — по одному делегату. 4) От уездных исполкомов по 1 представителю от каждой фракции. 5) Уездные партийные организации, стоящие на платформе *советского строя*, делегируют по одному представителю.

Примечание: а) выборы делегатов от трудовых крестьян и рабочих должны происходить на общих сельских, волостных, заводских и фабричных собраниях; б) отнюдь не отдельными собраниями членов советов и фабрично-заводских комитетов; в) за отсутствием в распоряжении Военно-Рев. Совета наличных средств, посылаемые делегаты должны снабжаться необходимыми продуктами и средствами на местах.

Повестка дня: а) доклад Исполкома Военно-Революционного Совета и с мест; б) текущий момент; в) цель, значение и задачи районного Гуляй-Польского *Совета* крестьянских, рабочих, повстанческих и красноармейских *Делегатов*; г) реорганизация районного военно-революцион. совета; д) постановка военного дела в районе; е) продовольственный вопрос; ж) земельный вопрос; з) финансовый вопрос; и) о союзах трудового крестьянства и рабочих; к) об охране общественного порядка; л) об установлении правосудия в районе; м) текущие дела.

Исполком Военно-Революционного Совета.
Гуляй-Поле, 31 мая 1919 г.»

С момента этого воззвания начался общий военный поход большевиков на Гуляйпольщину.

В то время, когда повстанческие войска гибли под напором казачьих лавин, большевики несколькими полками вторглись в повстанческие села с северной — тыловой — стороны, хватали и казнили на местах отдельных повстанческих работников, разрушали коммуны района или аналогичные организации. Несомненно, решающую роль в этом походе сыграл Троцкий, приехавший к этому времени на Украину. Нетрудно догадаться, какие порывы зародились в его душе, когда он с некоторого расстояния увидел свободный район, услышал речи народа, живущего непосредственно и сознательно не замечаящего новую власть, прочел газеты этого народа, в которых простым, безбоязненным языком называли его только государственным чиновником. Он, грозивший «железной метлой» всему анархизму в России, мог испытать при виде всего этого лишь чувство дикого, слепого раздражения, свойственного государственным чиновникам его типа. Целый ряд его приказов, направленных против махновщины, дышит этим чувством.

С развязностью, не знающей границ, Троцкий приступил к ликвидации махновского движения.

Прежде всего, в ответ на воззвание Гуляй-польского Военно-Революционного Совета, он выпустил следующий приказ:

ПРИКАЗ № 1824
РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ.
4 ИЮНЯ 1919 ГОДА. Г.ХАРЬКОВ

Всем военным комиссарам и исполкомам Александровского, Мариупольского, Бердянского, Бахмутского, Павлоградского и Херсонского уездов.

На 15 июня исполком Гуляй-Поля совместно со штабом бригады Махно пытается создать советский и повстанческий съезд от уездов — Александровского, Мариупольского, Бердянского, Мелитопольского, Бахмутского и Павлоградского. Означенный съезд целиком направлен против советской власти на Украине и против организации юж. фронта, в состав которого входит бригада Махно. Результатом съезда может быть только новый безобразный мятеж в духе григорьевского и открытие фронта белогвардейцам, перед которыми бригада Махно неизменно отступает в силу неспособности, преступности и предательства своих командиров.

1. Означенный съезд запрещается и ни в коем случае не может быть допущен.

2. Все рабоче-крестьянское население должно быть предупреждено устно и печатно о том, что участие в съезде будет рассматриваться, как государственная измена по отношению к советской республике и советскому фронту.

3. Все делегаты на означенный съезд должны подвергаться незамедлительному аресту и представляться в военно-революционный трибунал 14-ой, бывшей 2-ой, украинской армии.

4. Распространителей воззваний Махно и гуляй-польского исполкома арестовывать.

5. Настоящий приказ вводится в действие по телеграфу и должен быть широко распространен на местах, вывешен на всех публичных местах и вручен представителям волостных и сельских исполкомов, всем вообще представителям советской власти, а также командирам и комиссарам частей.

Председатель реввоенсовета республики Троцкий.

Главнокомандующий Вацетис.

Член реввоенсовета республики Аралов.

Харьковский окрвоенком Кошкарев.

Документ классический. Каждому, занимающемуся изучением истории русской революции, следовало бы наизусть заучить его. Но с какой зоркостью и проникновением гуляй-польские крестьяне-революционеры еще за месяц-полтора до этого в своем знаменитом ответе Дыбенко, помещенном выше, предвосхитили

весь этот приказ! Они в упор ставили большевикам следующие вопросы:

— «Могут ли существовать законы нескольких человек, заявляющих себя революционерами, дающие право объявлять более революционный народ вне закона?»

Параграф 2-й приказа Троцкого с точностью отвечает, что такие законы могут существовать и что одним из них является этот приказ.

— «Существует ли такой закон, — спрашивают далее гуляй-польцы, — по которому революционер имел бы право применять самые суровые меры наказания к той революционной массе, за которую он борется, и за то, что народная масса без разрешения взяла то хорошее — свободу и равенство, — что революционер обещал?»

Тот же 2-й пункт приказа Троцкого отвечает на это утвердительно: приказ в этом пункте заранее объявляет все рабоче-крестьянское население государственными изменниками, в случае если оно осмелится принять участие в своем свободном съезде.

— «Следует ли по закону революции расстреливать делегата за то, что он стоит за проведение в жизнь данного ему наказа избравшей его революционной массы?»

Пункты 3 и 4 приказа Троцкого говорят, что не только делегатов, защищающих наказ революционной массы, но и делегатов, только что выбранных и не имеющих еще на руках никаких наказов революционной массы, должно арестовывать и расстреливать (представить в военно-революционный трибунал армии — это значит расстрелять, что и было сделано, например, с Костиным, Полуниным, Добролюбовым и другими, доставленными в трибунал армии по обвинению в *обсуждении* воззвания Гуляй-Польского Военно-Революционного Совета).

Весь приказ представляет собою такую оголенную узурпацию прав трудящихся, что приведенных комментариев к нему достаточно.

Виновником всех гуляй-польских явлений, всех революционных мероприятий района Троцкий, по заведенному шаблону, счел Махно. Он даже не постарался рассмотреть, что съезд созывался не штабом бригады Махно и не исполкомом Гуляй-Поля, а совершенно независимым от них органом — Военно-Революционным Советом Района. Характерно, что уже в этом приказе Троцкий пытается заронить идею о предательстве махновских командиров, «неизменно отступающих перед белогвардейцами». Через несколько дней он и вся коммунистическая пресса будут трубить о раскрытии махновцами фронта Деникину.

Мы уже знаем, что этот фронт создан был усилиями и жертвами исключительно самих крестьян-повстанцев. Он был рожден в героический момент их жизни — в момент освобождения района от всяких властей и поставлен был на юго-востоке, как бдительный часовой и защитник их свободы. В течение шести с лишним месяцев повстанцы-революционеры сдерживали на нем

один из сильнейших потоков монархической контрреволюции, принесли в жертву несколько тысяч лучших своих сынов, мобилизовали все свои силы внутри района и готовились до конца отстаивать свою свободу от перешедшей в генеральное наступление контрреволюции. До какой степени фронт этот был главным образом повстанческим, даже самое последнее время, показывает приведенная выше телеграмма Л.Каменева, присланная в Гуляй-Поле по поводу григорьевского мятежа. В ней он — чрезвычайный уполномоченный Москвы — обращается к Махно с запросом: указать ему расположение повстанческих частей на деникинском фронте. Ясно, что с таким запросом он обратился к Махно только потому, что в Харькове, где он находился в то время, он не мог получить необходимых ему сведений даже от военного комиссариата или командующего фронтом. Несомненно, еще меньшее представление о южном противоденикинском фронте имел Троцкий, приехавший на Украину, когда последняя с разных концов уже охватывалась контрреволюционными пожарами. Но Троцкому надо было иметь формальное оправдание своему преступному походу на революционный народ, и он с чудовищным цинизмом и наглостью заявил, что созываемый на 15 июня съезд крестьян, рабочих и повстанцев направлен целиком против организации южного фронта. Получилось следующее: крестьяне и повстанцы прилагают все усилия для укрепления южного фронта, призывают всех способных носить оружие спешить добровольцами на противоденикинский фронт (резолюция II районного съезда от 12 февраля 1919 г. о добровольной уравнительной мобилизации за 10 лет) и в то же время эти же самые крестьяне и повстанцы организуют тайный заговор против своего же фронта. Можно думать, что такие утверждения исходят от душевно нездоровых людей. Нет, это — утверждения здоровых людей, но привыкших относиться к народу с безграничным цинизмом.

На приведенный приказ Троцкого, который советская власть не прислала в штаб армии махновцев, и о котором махновцы узнали случайно, два или три дня спустя, Махно немедленно ответил телеграммой, в которой заявлял о желании своем уйти с командного поста ввиду создавшегося невозможно-нелепого положения. Текста этой телеграммы, к сожалению, у нас не имеется.

Приказ Троцкого вводился в действие по телеграфу. Все пункты его большевики военным порядком воплощали в жизнь. Соборания рабочих alexандровских мастерских, обсуждавших воззвание В.-Р.Совета гуляй-польского района, были разогнаны силой и поставлены вне закона. Крестьянам грозили просто расстрелом и веревкой. В разных местах района был схвачен ряд лиц — Костин, Полунин, Добролюбов и др. Их обвинили в распространении воззваний Военно-Рев. Совета и казнили шемякинским судом военно-революционного трибунала. Помимо этого приказа, Троцкий издал ряд приказов по войскам красной армии, призывая последнюю к уничтожению махновщины в самом ее корне. И, кроме того, им был дан тайный приказ, предписывав-

ший схватить во что бы то ни стало Махно, членов штаба, культурных работников движения и передать их суду военно-революционного трибунала, т.е. казнить.

По свидетельству одного ответственного лица, командовавшего несколькими красноармейскими дивизиями, а также ряда других лиц, занимавших в то время у большевиков высокие военные посты, политика Троцкого в отношении махновщины была выражена им приблизительно в следующей форме: лучше отдать всю Украину Деникину, нежели допустить дальнейшее развитие махновщины. Деникинщину, как открытую контрреволюцию, всегда можно разложить классовой агитацией. Махновщина же идет в низах масс и, в свою очередь, подымает массы против нас.

За несколько дней до этих событий Махно сделал сообщение штабу и Совету о том, что большевики сняли несколько своих полков с гришинского участка, чем открыли свободный проход деникинцам в гуляй-польский район с боковой, северо-восточной стороны. Действительно, казачьи орды ворвались в район *не со стороны повстанческого фронта, а с левого фланга, где стояли красноармейские части.* Вследствие этого армия махновцев, державшая линию Мариуполь — Кутейниково — Таганрог, оказалась обойденной деникинцами. Последние влились громадными силами в самое сердце района.

Выше мы говорили, что крестьяне по всему району ожидали общего наступления деникинцев; они готовились к нему, осуществив добровольную мобилизацию за 10 лет. Еще в апреле крестьяне разных сел прислали в Гуляй-Поле множество свежих бойцов. Но в районе не было оружия. Даже находившиеся на фронте старые части оставались без патронов и часто переходили в наступление на деникинцев с исключительной целью отбить у них патроны. Большевики, обязавшиеся, в силу договора, доставлять снаряжение повстанцам, уже в апреле приступили к блокаде и саботированию района вооружением. Из-за отсутствия оружия, несмотря на наличие добровольцев, не удалось вовремя сформировать свежие боевые части, и теперь район расплачивался за это.

Крестьяне Гуляй-Поля в один день сформировали полк, стремясь спасти свое село. Вооружиться пришлось домашними средствами — топорами, пиками, отдельными винтовками, охотничьими ружьями и т.д. Они пошли навстречу казачьей лавине, пытаясь задержать ее поток. В 15 верстах от своего села, под с. Святодуховкой Александровского уезда, они столкнулись с превосходящими силами донских и кубанских казаков. Гуляйпольцы вступили с ними в ожесточенную героическую борьбу, но пали почти все, вместе со своим командиром — Б. Веретельниковым, рабочим Путиловского завода и уроженцем Гуляй-Поля. Громадная волна казачества устремилась тогда на Гуляй-Поле и 6 июня заняла его. Махно со штабом армии и небольшим отрядом при одной батарее отступил на ж.-д. станцию Гуляй-Поле, отстоящую на семь верст от села, но к вечеру пришлось сдать и станцию. На другой день, организовав все бывшие под руками силы, Махно повел наступление на

Гуляй-Поле, выбил из него деникинцев и занял село. Однако подошедшая новая волна казаков заставила его вновь покинуть село.

Надо заметить, что большевики, выпустив против махновцев ряд приказов, первые дни держались с ними внешне лояльно, словно ничего между ними не произошло. Это была тактика, имевшая целью наиболее верно захватить руководителей махновщины. 7 июня они прислали в распоряжение Махно бронепоезд, прося его держаться до последней возможности и обещая прислать подкрепления. Действительно, через день на ст. Гяйчур, отстоящую на 20 верст от Гуляй-Поля, прибыло со стороны Чаплино несколько эшелонов красных войск; прибыли: военный комиссар Межлаук, Ворошилов и др. Был установлен контакт между красным и повстанческим командованием, создалось нечто вроде общего штаба. Межлаук, Ворошилов находились на одном бронепоезде с Махно, совместно с ним руководя военными действиями. Но в это же самое время в руках у Ворошилова был приказ Троцкого схватить Махно, всех ответственных руководителей махновщины, разружить повстанческие части, сопротивляющихся расстрелять. Ворошилов выбирал более удобный для этого момент. Махно был вовремя предупрежден и сообразил, что ему делать. Он учел создавшееся положение, увидел, что со дня на день могут разразиться кровавые события, и искал здорового выхода. Уход свой с поста командующего повстанческим фронтом он считал наиболее здоровым выходом. Об этом он заявил штабу повстанческой армии, добавив, что его работа в низах повстанчества в качестве простого бойца будет в настоящее время полезнее. Так он и поступил. В связи с этим он написал мотивированное заявление высшему советскому командованию. Вот оно:

«Штаб 14 армии Ворошилову. Харьков Предреввоенсовет Троцкому. Москва Ленину, Каменеву.

В связи с приказом Военно-Рев. Совета республики за № 1824 мною была послана в штаб 2-й армии и Троцкому телеграмма, в которой я просил освободить меня от занимаемой должности. Сейчас вторично заявляю об этом, причем считаю себя обязанным дать следующее объяснение своему заявлению. Несмотря на то, что я с повстанцами вел борьбу исключительно с белогвардейскими бандами Деникина, проповедуя народу лишь любовь к свободе, к самостоятельности, — вся официальная советская пресса, а также партийная пресса коммунистов-большевиков распространяла обо мне ложные сведения, недостойные революционера. Меня выставляли и бандитом, и сообщником Григорьева, и заговорщиком против советской республики в смысле восстановления капиталистических порядков. Так в № 51 газеты «В Пути» Троцкий в статье под названием «Махновщина» задает вопрос: «Против кого же восстают махновские повстанцы?» и на протяжении всей своей статьи доказывает, что махновщина есть, в сущности, фронт против советской власти и ни одного слова не

говорит о фактическом белогвардейском фронте, растянувшемся более чем на сто верст, на котором, в течение шести с лишним месяцев, повстанчество несло и несет неисчислимые жертвы. В упомянутом приказе № 1824 я обвиняюсь заговорщиком против советской республики, организатором мятежа на манер григорьевского.

Я считаю неотъемлемым, революцией завоеванным правом рабочих и крестьян самим устраивать съезды для обсуждения и решения как частных, так и общих дел своих. Поэтому запрещение таких съездов центральной властью, объявление их незаконными (приказ № 1824) есть прямое наглое нарушение прав трудящихся.

Я отдаю себе полный отчет в отношении ко мне центральной государственной власти. Я абсолютно убежден в том, что эта власть считает все повстанчество несовместимым с своей государственной деятельностью. Попутно с этим центральная власть считает повстанчество связанным со мною и всю вражду к повстанчеству переносит на меня. Примером этому может служить упомянутая статья Троцкого, в которой он, наряду с заведомой ложью, выражает слишком много личного, враждебного мне.

Отмеченное мною враждебное, а последнее время наступательное поведение центр. власти к повстанчеству ведет с роковой неизбежностью к созданию особого внутреннего фронта, по обе стороны которого будет трудовая масса, верящая в революцию. Я считаю это величайшим, никогда не прощаемым преступлением перед трудовым народом и считаю обязанным себя сделать все возможное для предотвращения этого преступления. Наиболее верным средством предотвращения надвигающегося со стороны власти преступления считаю уход мой с занимаемого поста. Думаю, что после этого центр. власть перестанет подозревать меня, а также все революционное повстанчество в противосоветском заговоре и серьезно, по революционному отнесется к повстанчеству на Украине, как к живому, активному детищу массовой социальной революции, а не как к враждебному стану, с которым до сих пор вступали с двусмысленно подозрительными отношениями, торгуясь из-за каждого патрона, а то и просто саботируя его необходимым снаряжением и вооружением, благодаря чему повстанчество часто несло невероятные потери в людях и в революционной территории, которые, однако, были бы легко устранимы при ином отношении к нему центральной власти. Предлагаю принять от меня отчеты и дела.

ст. Гяйчур, 9 июня 1919 г. Батько-Махно.»

* * *

Тем временем повстанческие части, бывшие за Мариуполем, отступили к Пологам и г. Александровску. К ним неожиданно перебросился Махно, вырвавшись из тех щупальцев, которыми большевики оцепили было его на ст. Гяйчур. Начальник штаба армии махновцев Озеров, члены штаба Михалев-Павленко, Бурбыга и не-

сколько человек из В.Р.Совета были вслед за этим изменнически схвачены большевиками и казнены. Это положило начало казням многих других махновцев, попавших тогда в руки большевиков.

Положение для Махно создалось крайне затруднительное. Он должен был или совсем уйти от своих частей, с которыми пережил труднейшие минуты украинской революции, или призвать их на борьбу с большевиками. Но последнее, ввиду решающего наступления Деникина, казалось ему невозможным. Махно со свойственной ему проницательностью и революционным чутьем блестяще вышел из этого затруднения. Он обратился к повстанческим войскам с широким воззванием, в котором осветил создавшееся положение, заявил о своем уходе с командного поста и просил повстанцев держать фронт против деникинцев с прежней энергией, не смущаясь тем, что они временно будут находиться под командой большевистских штабов.

В соответствии с этим обращением большая часть махновских полков осталась на своих местах, встав под начало красного командования на положении красноармейцев.

Но в то же время командиры повстанческих полков уговорились между собою ждать удобного момента, когда всем вновь можно будет объединиться под общим командованием Махно, не нанося этим ущерба внешнему фронту. (Момент этот, как увидим ниже, был определен повстанцами с удивительной тонкостью и точностью).

Махно после этого с небольшим кавалерийским отрядом скрылся.

Повстанческие же полки, переименованные в красные, под командою прежних своих командиров — Калашникова, Куриленко, Клейна, Дерменджи и других — продолжали вести бои с деникинцами, задерживая их наступление на Александровск и Екатеринослав.

* * *

До самого последнего времени большевистские верхи не знали размеров деникинского нашествия. Всего за несколько дней до падения Екатеринослава и Харькова Троцкий заявлял, что Деникин не представляет опасности и что положение Украины прочное. Правда, вскоре он заявил, что, познакомившись ближе с положением дел, он вынужден отказаться от вчерашних своих утверждений и признать положение Харькова крайне опасным. Но это было сделано в то время, когда каждому взрослому стало ясно, что участь всей Украины уже предрешена. Екатеринослав пал в конце июня. Через полторы-две недели пал Харьков.

Большевики занялись не наступлением и даже не обороной, а исключительно эвакуацией Украины. Все красноармейские части были приспособлены для этой цели. Сдача Украины происходила в буквальном смысле слова без боя.

И вот тогда, когда всюду стало ясно, что большевики бросают Украину, стремясь лишь вывезти из нее возможно больше муж-

ского населения и ж.-д. подвижного состава, Махно считал момент подходящим, чтобы взять в свои руки инициативу борьбы против контрреволюции и действовать в качестве самостоятельной революционной силы и против Деникина, и против большевиков. В ряды повстанцев, оставшихся временно под красным командованием, был дан пароль свергать красных командиров и группироваться под общим командованием Махно.

Глава седьмая

ВЕЛИКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ МАХНОВЦЕВ И ИХ ПОБЕДА

Казнь Григорьева. — Бой под Перегоновкой. —
Разгром деникинцев. — Эра свобод

Нами было указано, что Махно, уйдя с поста командующего повстанческой армией, удалился с небольшим кавалерийским отрядом. Он ушел в сторону г. Александровска. Здесь, несмотря на то, что большевики охотились за ним на фронте в районе ст. Гяйчур, он успел официально сдать должность и дела повстанческой дивизии новому командиру бригады, только что прибывшему от большевиков. Передачу дел Махно совершил для того, чтобы прямо, открыто и спокойно уйти с поста командира и чтобы большевики не имели никакого основания обвинить его в чем бы то ни было, касавшемся дел дивизии. Во всем этом было много тонкой игры, которую Махно вынужден был вести и из которой вышел с честью.

Тем временем наступление Деникина принесло новые беды широкому трудовому населению. Масса беглецов из крестьян, спасаясь, потянулась к Махно как к народному руководителю. К нему же устремились многочисленные повстанцы, разбросанные по району. В неделю-другую вокруг Махно сформировался совершенно новый революционно-повстанческий отряд. С этим отрядом и с некоторыми частями основной повстанческой армии, прибывшими под Александровск, Махно стал сдерживать деникинцев, медленно отступая, стараясь уяснить создающиеся условия и ориентироваться.

Деникинцы, быстро распространяясь по Украине, все время не упускали Махно из вида, помня, каких громадных усилий и жертв он стоил им в течение прошедшей зимы. Против него они выставили особый корпус войск, состоявший от 12 до 15 полков кавалерии и пехоты. Но это была война не только с армией Махно. Почти все села махновского района, занятые деникинцами, подвергались разгрому и опустошению: крестьян грабили, насиловали, убивали. Офицерство мстило им за революцию.

В первый же день по занятии деникинцами Гуляй-Поля было расстреляно множество крестьян, население разгромлено; сотни бричек и телег с награбленным добром казаки Шкуро отправили

на Дон и Кубань. Почти все еврейские женщины села были изнасилованы.

Поэтому за отступавшей армией Махно из разных сел двинулись тысячи крестьянских семейств со своим имуществом и скотом. Образовался громадный обоз, растянувшийся на сотни верст. Это было поистине великое передвижение народа, обширное «царство на колесах», двигавшееся вслед за армией на запад. По пути отступления эта огромная, сковывающая войско масса беженцев постепенно таяла, оседая по разным местам Украины. Большинство из этих беженцев лишилось навсегда своего крова и имущества, а многие и жизни.

Первоначально Махно закрепился на Днепре, под городом Александровском, и некоторое время удерживал за собой Кичкасский мост¹. Затем, ввиду превосходящих неприятельских сил, отступил на Долинскую, а оттуда под г. Елисаветград. К этому времени советские войска утратили самостоятельное значение на Украине. Часть их была уведена в Великороссию, а оставшиеся начали колебаться, проникаясь недоверием к своему командному составу.

Для Махно подошел удобный момент перевести их в свои ряды. Но внимание его в это время было сосредоточено на другом.

Уже давно на фоне украинской революционной действительности двигалось темное пятно, с которого Махно все время не спускал глаз. Это — григорьевщина.

Хотя она после первых дней своего выступления против советской власти и пошла быстро на убыль, однако окончательно не разложилась; Григорьев закрепился несколькими отрядами в Херсонской губернии и повел партизанскую войну с большевиками. Общая численность отрядов, рассеянных по губернии и находившихся под его влиянием, достигала нескольких тысяч человек. Отряды эти часто делали налеты на небольшие красноармейские части, разоружали их, занимали местечки, разрушали железные дороги. Последняя мера практиковалась ими больше всего. Способ порчи железных дорог у Григорьева был следующий: из шпал на протяжении двух-трех рельсов вынимались все костыли; в одном месте, на стыке, рельсы разъединялись между собою; к свободному концу рельсы припрягалось несколько пар здоровых волов, которые и загибали в полукруг все освободившиеся от шпал рельсы.

Григорьев оказался довольно искусным руководителем партизанского метода войны. В районе Знаменки, Александрии и Елисаветграда господствовал скорее он, нежели большевики. Однако борьбу с советской властью Григорьев вел не по революционным мотивам, а по личным и, по сути, — контрреволюционным. Не имея какой бы то ни было устойчивой идеологии, он хватался за то, что было ближе: сначала за петлюровщину, потом — за большевизм, затем вновь за петлюровщину, а под конец — за деникинщину.

¹ Один из крупнейших ж.-д. мостов в России, через Днепр, близ г. Александровска.

Григорьев был несомненно контрреволюционер и авантюрист, но район и масса, им руководимые, были революционны. Их-то и решил Махно включить в общее число революционных сил. Сделать это можно было, лишь насильственно удалив Григорьева и его штаб. Махно с присущей ему резкостью и прямою решил публично разоблачить и убить Григорьева. Государственники-большевики, воевавшие с Григорьевым в течение нескольких месяцев, ничего лучшего не нашли, как обещать полмиллиона рублей тому, кто убьет Григорьева, и половину этой суммы — за голову каждого из его помощников (объявление советвласти, напечатанное в июле 1919 г. в ряде украинских газет). Крестьянин-революционер Махно, в силу революционной необходимости, решил публично разоблачить Григорьева. Чтобы найти к нему свободный доступ, Махно вступил с ним и его отрядами в связь, якобы для объединения всех партизанских сил.

27 июля 1919 г. в селе Сентове, близ Александрии, Херсонской губернии, по инициативе Махно был созван съезд повстанцев Екатеринославщины, Херсонщины и Таврии. Согласно своей программе, съезд должен был наметить задачи всему повстанчеству Украины в связи с моментом. Съехалась масса крестьян и повстанцев, отряды Григорьева и части Махно — всего до 20 тысяч человек. Докладчиками были записаны Григорьев, Махно и ряд других сторонников того и другого движения. Первым выступил Григорьев. Он призывал крестьян и повстанцев отдать все силы на изгнание большевиков из страны, не пренебрегая в этом деле никакими союзниками. Григорьев был не прочь ради этого соединиться с Деникиным. После, мол, когда иго большевизма будет низвергнуто, народ сам увидит, как ему устроиться. Заявление это оказалось роковым для Григорьева. Выступившие немедленно после него махновец Чубенко и Махно указали на то, что борьба с большевиками может быть революционной только в том случае, если она ведется во имя социальной революции. Союз с злейшими врагами народа — с генералами — будет преступной авантюрой и контрреволюцией. К этой контрреволюции зовет Григорьев, следовательно — он враг народа. Затем Махно публично, перед всем съездом, потребовал Григорьева к немедленному ответу за чудовищный погром, совершенный им в мае 1919 г. в г. Елисаветграде, и за ряд других антисемитских действий. — «Такие негодяи, как Григорьев, позорят всех повстанцев Украины, и им не должно быть места в рядах честных тружеников-революционеров», — так закончил Махно свое обвинение Григорьеву. Последний увидел, что дело принимает для него опасный оборот. Он схватился за оружие. Но было уже поздно. Семен Каретник — ближайший помощник Махно — несколькими выстрелами из «кольта» сбил его с ног, а подбежавший Махно с возгласом — «Смерть атаману!» тут же дострелил его. Приближенные и члены штаба Григорьева бросились было к последнему на помощь, но на месте были расстреляны группой махновцев, заранее поставленной на страже. Все это произошло в течение двух-трех минут на глазах съезда.

Первое время съезд был несколько взволнован совершенными актами, но затем, после следующего доклада Махно, Чубенко и других представителей махновщины, съезд одобрил акты, назвав их исторически необходимыми. По протокольному постановлению съезда, ответственность за совершенное и за его последствия махновщина взяла на себя. Все же партизанские отряды, бывшие под руководством Григорьева, согласно резолюции съезда, влились в общую армию повстанцев-махновцев¹.

* * *

Мы уже указали, что те немногие советские войска, которые задержались в разных местах Украины, были охвачены духом недоверия к своему командному составу. На позорное бегство советской власти из Украины они смотрели как на измену революции. Махно являлся единственным средоточием революционных надежд страны. К нему обращались взоры тех, кто хотел биться за свободу. Заразились этим духом и оставшиеся на Украине красноармейские части. В конце июля крымские части большевиков сделали военный переворот и пошли на присоединение к Махно. Переворот был организован бывшими в рядах красной армии махновскими командирами — Калашниковым, Дерменджи и Будановым. От Нового Буга и до Помощной двигались огромные части красных войск, разыскивавших Махно и везших к нему пленниками своих недавних командиров — Кочергина, Дыбеца и других. Соединение произошло за ст. Помощная, в местечке Добровеличковке, Херсонской губ., в начале августа 1919 г. Для большевиков этот переворот явился жестоким ударом, сведшим на нет остатки их военной силы на Украине.

Район Помощной, Елисаветграда и Вознесенска (под Одессой) был первым опорным пунктом, где Махно остановился и стал приводить в порядок стекавшиеся к нему с разных сторон боевые части. Здесь были сформированы четыре бригады пехотных и кавалерийских войск, отдельный артиллерийский дивизион и пулеметный полк — всего около 15 000 бойцов. Отдельная конная сотня в 150-200 сабель, находившаяся всегда с Махно, не входила в это число войск. Этими силами махновцы перешли затем в наступление на деникинцев. Столкновение приняло ожесточеннейший характер. Несколько раз деникинцев отбрасывали на 50-80 верст обратно к востоку. В боях они отдали махновцам три или четыре бронепоезда, среди которых был огромный — «Непобедимый». Но подкрепленные свежими силами, они вновь оттесняли махновцев к западу. На их стороне был значительный численный перевес и превосходство в вооружении. Между тем, в армии махновцев почти не было патронов. Из трех наступлений на деникинцев два приходилось делать с исключительной целью отбить у них патроны.

¹ Протоколы съезда, а также конспекты речей Махно и Григорьева, наряду с другими документами, пропали в боевой обстановке 1920 года.

Кроме того, махновцам приходилось действовать и против большевистской группы, отступавшей из Одессы на север. Поэтому район Елисаветград — Помощная — Вознесенск пришлось бросить и отступать дальше.

Отступление шло с непрерывными боями. Группа деникинцев, преследовавшая Махно, отличалась крайним упорством и настойчивостью. Особенно мужественны были офицерские полки — Первый Симферопольский и 2-й Лабинский. Участвуя в боях против этих полков, Махно восхищался их стойкостью и пренебрежением к смерти. По свидетельству Махно, конница у деникинцев заслуживала высшей похвалы. Многочисленная же конница красной армии, созданная впоследствии, была конницей скорее по названию. Никогда не была она способна на сабельный бой, а действовала лишь тогда, когда неприятель уже был сбит орудийным и пулеметным огнем. За все время гражданской войны красная конница ни разу не приняла сабельного удара махновской кавалерии, хотя численно всегда превосходила последнюю. Совсем иное — казачьи и кавказские кавалерийские полки Деникина. Они всегда принимали сабельный удар и всегда шли полным карьером на неприятеля, не дожидаясь, когда огонь орудий и пулеметов дезорганизует его.

Тем не менее, и эта конница потерпела не одно поражение в ожесточенных боях с махновцами. Руководители деникинских полков в своих дневниках, попадавших после боев к махновцам, неоднократно отмечали, что война с махновской кавалерией и артиллерией есть наиболее тяжелое и страшное дело во всем их походе.

С середины августа 1919 г. группа эта начала сильно теснить Махно, стремясь все время охватить его с нескольких сторон. Махно видел, что малейший промах с его стороны может оказаться гибельным для всей армии. Поэтому он тщательно высматривал момент, когда бы можно было пойти на решительное сражение с врагом. В северном направлении деникинцы были уже под Курском. Махно учитывал это обстоятельство, находя, что, чем дальше на север продвинется деникинский фронт, тем вернее будет их разгром в тылу. Но пока Махно приходилось отступать на запад под напором превосходящих военных сил противника. Во второй половине августа к группе деникинцев, теснившей Махно с востока, прибавилась вторая группа, шедшая со стороны Одессы и Вознесенска. Положение ухудшилось. Тогда повстанческая армия бросила железнодорожный район, взорвав предварительно все бывшие у нее бронепоезда. Отступление пошло проселочными дорогами из села в село. Деникинцы не отставали ни на шаг. Их цель была — не только разбить, но совсем ликвидировать армию Махно.

Это отступление, сопровождаемое ежедневными боями, продолжалось свыше месяца, пока армия махновцев не подошла к городу Умани, занятому войсками петлюровцев. Последние находились в состоянии войны с деникинцами. И здесь сам собою возник вопрос — как быть с петлюровцами? Воевать ли с ними или же в

отношении их отыскать иную тактику? В это время армия махновцев имела около 8000 раненых бойцов, лишенных самой необходимой медицинской помощи. Они составляли огромный обоз, прикрепленный к армии и тормозивший ее передвижение и боевые операции. После всестороннего обсуждения вопроса решено было предложить петлюровцам военный нейтралитет. Тем временем из Умани в лагерь махновцев прибыла петлюровская делегация, изложившая взгляд петлюровского командования на создавшееся положение. Взгляд этот сводился к тому, что петлюровцы, находясь в войне с Деникиным, не желали иметь нового фронта и хотели бы избежать военных столкновений с махновцами. Это совпадало с планами махновцев. Делегация последних, выехавшая в Жмеринку, выработала окончательное соглашение, по которому обе стороны обязались сохранить в отношении друг друга строгий военный нейтралитет, не считаясь с политическим направлением каждой стороны. Петлюровцы, кроме того, взялись принять и разместить по больницам всех раненых махновцев.

Конечно, и Махно, и все остальные в армии видели, что нейтралитет этот фикция; что не сегодня-завтра можно ожидать союза петлюровцев с деникинцами и их совместного нападения на махновцев. Но для последних важно было выиграть одну или две недели времени, чтобы предотвратить удар с противоположной — западной — стороны и не оказаться в военном мешке. Фактически же отношение махновцев к петлюровцам оставалось несколько не измененным против прежнего. Относясь по-товарищески к петлюровской рядовой массе, они против верхов петлюровщины вели прежнюю революционную агитацию, и как раз в это время реввоенсовет армии махновцев выпустил листовку — «Кто такой Петлюра?», — в которой разоблачал последнего как защитника имущих классов, достойного гибели от рук трудящихся. Многие из петлюровских «сечевигов» по духу и по традиции принадлежали к махновцам, и не будь последние в то время так сильно теснимы деникинскими полками, махновцы несомненно сагитировали бы значительную часть их перейти в свои ряды. Махновцы думали об этом, а петлюровское командование подозревало это и, наученное опытом с Григорьевым, держалось очень осторожно с махновцами.

Подозрения махновцев относительно того, что петлюровцы войдут в сговор с деникинцами для совместных действий против Махно, начали подтверждаться. По соглашению с петлюровцами, армия махновцев могла занимать территорию в 10 кв. верст в районе села Текуче, близ Умани. С севера и запада находились петлюровцы; с востока и юга (со стороны Голты) были деникинцы. Это условие соглашения, предъявленное петлюровцами, сразу же показалось подозрительным. А через несколько дней были получены сведения о том, что они ведут переговоры с деникинским командованием об условиях окружения и разгрома Махно совместными силами. В то же время — 24-25 сентября — в тылу у махновцев, с западной стороны, оказалось около 4-5 деникинских полков. Они

могли попасть туда, лишь пройдя местность, занятую петлюровцами, т.е. при их прямом содействии или попустительстве.

25 сентября вечером махновцы оказались окруженными деникинскими полками со всех сторон, причем наиболее сильные их части стояли с восточной стороны. Умань была также занята ими. Тогда настал момент быстрых действий. Решалась судьба всей армии повстанцев-махновцев.

* * *

Отступление махновцев, растянувшееся на 600 с лишним верст, продолжалось в общей сложности около четырех месяцев. Оно сопровождалось крайними трудностями. Повстанцы были разуты, раздеты. В страшный зной, в облаках пыли, осыпаемые непрерывным дождем пуль и снарядов, удалялись они от своего района в неизвестную даль. Но все были одухотворены идеей победы над врагом и терпеливо сносили тяготы отступления. Иногда среди наименее терпеливых раздавались возгласы: «Назад! К Днепру!» Но неумолимая необходимость гнала их все дальше от Днепра и от родного им, гордого района. И вновь все с величайшим терпением, с напряженной волей, осыпаемые боевым огнем, шли за своим вождем. Концом отступления явилась Умань. Дальше идти некуда. Враг со всех сторон. И вот здесь Махно с присущей ему простотою, которая, однако, имела свойство подымать героизм в его товарищах, заявил, что все предыдущее отступление было лишь необходимым стратегическим шагом и что настоящая война начнется с завтрашнего дня, 26 сентября.

Было учтено положение деникинских войск в северном направлении и на других фронтах. И Махно проникся уверенностью, что судьба дает ему возможность нанести смертельный удар всей деникинской контрреволюции.

С 25 на 26 сентября махновские части, державшие все время курс на запад, вдруг повернули все свои силы на восток и пошли в лоб главным силам деникинской группы. 25 сентября, вечером, под селом Крутенькое произошло сражение первой бригады махновской армии с частями деникинцев. Последние отступили, стремясь прочнее расположиться и завлечь противника, но махновцы их не преследовали. Этим была обманута бдительность деникинцев, убедившихся, что направление повстанческой армии — прежнее, т.е. на запад. Между тем глубокой ночью все части махновцев, стоявшие в нескольких селах, снялись и двинулись на восток — на врага, расположившегося главными силами под селом Перегоновкой, занятым махновцами.

Между тремя и четырьмя часами утра завязалось сражение. Оно шло непрерывно, развиваясь и усиливаясь. К восьми часам утра оно достигло высочайшего напряжения. Пулеметная стрельба превратилась в сплошной рев бури. Сам Махно со своей сотней исчез еще с ночи, пойдя в обход противнику, и в течение всего сражения о нем не было никаких известий. К 9 часам утра мах-

новцы начали отступать. Бой шел уже на окраине села. Деникинцы с разных мест подтянули остальные свои силы и окатывали махновцев непрерывными огневыми волнами. Члены штаба повстанческой армии пошли в цепь. Настал критический момент, когда, казалось, сражение проиграно, а значит, все кончено. В центре села раздалась тревожная команда, чтобы все, в том числе и женщины, взяли винтовки и были готовы к бою на улице. Все приготовились к последним минутам борьбы и жизни. Но вот пулеметный рев и раскаты «ура» начали постепенно удаляться, становясь все тише и тише, и, наконец, находившиеся в селе поняли, что противник отброшен, и бой идет на значительном расстоянии. Исход боя решил внезапно появившийся Махно. Уже в тот момент, когда махновцы волной стали отступать и бой шел на окраине села, Махно, измученный и запыленный, выехал с боковой стороны неприятеля, из-за крутой балки. Молча, без призывов, устремился он со своей сотней полным карьером на неприятеля и врезался в его ряды. Словно рукой сняло усталость и упадок духа у отступавших. — «Батько впереди!... Батько рубится!...» — пронеслось по всей массе. И все с удесятеренной энергией вновь рванулись вперед за любимым вождем, который, казалось, обрек себя на смерть. Пошел ожесточеннейший рукопашный бой, «рубка», как выражаются махновцы. Как ни был стоек 1-й офицерский Симферопольский полк, но он был сбит и начал поспешно отступать — первые минут десять в порядке, стремясь рассыпаться в цепь и задержать победителя, а затем просто пустился бежать. За этим полком бросились другие полки, и, наконец, все деникинские части обратились в бегство к реке Синюхе, стремясь переправиться через нее и укрепиться на другом берегу.

Махно великолепно учел момент и спешил максимально использовать его. Пустив полным карьером по следам отступающих всю кавалерию и артиллерию, он сам, с наиболее быстрым кавалерийским полком, взял несколько правее и понесся наперерез отступающим. Преследование длилось верст 12-15. В самый важный момент, когда деникинцы добрались до реки, их настигла махновская кавалерия. Несколько сот их погибло в реке. Большая же часть успела переправиться, но была перехвачена Махно. Стоявший по ту сторону реки штаб деникинцев и запасный полк тоже были, к их неожиданности, захвачены. Из всех частей, упорно преследовавших махновцев в течение последних полутора месяцев, удалось спастись немногим. Первый офицерский Симферопольский полк и другие полки были вырублены полностью. Дорога на расстоянии двух-трех верст пестрела трупами павших. Каким бы тяжелым ни казалось это зрелище некоторым, оно, однако, являлось только неотвратимым следствием единоборства деникинской армии с махновцами. Будь малейший промах со стороны Махно — та же участь постигла бы революционную повстанческую армию; при этом не было бы пощадены женщины, вынужденным пойти в армию за своими мужьями. Махновцы имели достаточно материала для таких выводов.

Среди крестьян Великодержавии живет следующее предание о Пугачеве. Попав после своего бунта в руки властей, Пугачев заявил собравшимся около него барам: «Я своим бунтом вас только попугал. Но вот подождите, незадолго после меня придет *метла*, — она вас всех заметет по-настоящему». Этой народной исторической метлой оказался Махно в течение всей своей революционно-повстанческой деятельности и, в частности, в период разгрома деникинщины.

Сбив главный кулак деникинцев, он, не медля ни минуты, пустил свои части по трем направлениям. Словно исполинское помело, шел он по селам, местечкам, городам и выметал всякий дух эксплуатации и рабства. Помещики, кулаки, урядники, священники, старшины, припрятавшиеся офицеры — все падали жертвами на пути движения махновцев. Тюрьмы, полицейские и комиссарские участки — символы народного рабства — разрушались. Всякий, кто изобличался, как обидчик крестьян и рабочих, погибал. Больше всего в этот период погибло помещиков и крупных кулаков. Это, между прочим, может показать, чего стоят вздорные и заведомо ложные толки большевиков о якобы кулацком характере махновщины. В действительности — там, где нарождалась махновщина, кулачество всегда искало и находило себе защиту под крылом советской власти.

Движение армии назад к Днепру шло со сказочной быстротой. На другой день после разгрома деникинцев под Перегоновкой Махно находился за сто с лишним верст от места боя. Он двигался со своей сотней верст на сорок впереди остальных частей. Еще день — и махновцы заняли Долинскую, Кривой Рог и подошли к Никополю. А еще через день на рыхах был захвачен Кичкасский мост через Днепр и занят город Александровск. Как будто в замороженное, сонное царство влетели махновцы: никто еще не знал о их прорыве под Уманью, не имел представления о том, где они; власти не принимали никаких мер, пребывая в обычной тыловой спячке. Поэтому всюду махновцы являлись врагам, как весенний гром, неожиданно. За Александровском последовали Пологи, Гуляй-Поле, Бердянск, Мелитополь, Мариуполь. В неделю-полторы весь юг Украины был очищен от войск и властей Деникина.

Освобождение махновцами юга Украины, главным образом приазовского района, поставило под угрозу смертельной опасности всю противореволюционную кампанию Деникина. Дело в том, что в районе Мариуполь — Волноваха находилась основная база снабжения деникинской армии. При взятии Бердянска и Мариуполя там оказалось не поддающееся учету количество снарядов. В Волновахе находились целые ярусы снарядов. И хотя последняя еще не была взята махновцами (за нее шел в течение пяти дней бой), однако она уже не могла обслуживать армии Деникина, так как железнодорожная магистраль всего района находилась в руках махновцев. Тыловые части Деникина, обслуживавшие этот район, бы-

ли уничтожены. Таким образом, вся эта гигантская артиллерийская база попала в круг махновцев, и, начиная с этого времени, она уже не могла послать ни одного снаряда ни на северный, ни на какой-либо другой фронт.

Деникинцы наспех выслали против Махно части, стоявшие в резерве под Таганрогом; но и эти части были разбиты, и волны махновщины стали устремляться в глубь донецкого бассейна и на север. В 20-х числах октября махновцы заняли Екатеринослав и ряд других прилегающих к нему мест. Тогда деникинцы признали действительность такую, какой она была. Они заявили, что центр борьбы с севера перенесся на юг; что на юге будет решена судьба их дела. Генерал Май-Маевский в обращении к казачеству говорил: «Настал момент непосредственной опасности нашим землям. Враг бушует на юге, угрожая нашему жилью. Необходимо спешить туда для защиты своих земель» (речь Май-Маевского, напечатанная в одной из деникинских газет).

В связи с таким положением дел деникинцы сняли с северного фронта свои лучшие кавалерийские части — Мамонтова и Шкуро — и пустили их в гуляй-польский район. Но было уже поздно. Пожар охватил весь край, от берегов Черного и Азовского морей до Харькова и Полтавы. Благодаря свежим силам и множеству автоброневиков деникинцы как будто начали вытеснять махновские части из отдельных мест: Мариуполя, Бердянска, Гуляй-Поля. Но это означало только то, что Махно занимал Синельниково, Павлоград, Екатеринослав и ряд других мест. В течение октября и ноября борьба вновь приняла ожесточеннейший характер, и в ней частям Деникина вновь было нанесено несколько огромных поражений. Больше всего досталось кавказским частям — чеченцам и другим. Их в эти месяцы погибло несколько тысяч. В конце ноября массы чеченцев категорически заявили, что они не желают больше воевать с Махно, самовольно бросили посты и армию Деникина и поехали к себе на Кавказ. Так начался общий распад деникинской армии.

В борьбе с махновщиной на юге России деникинцы потерпели полное поражение, и этим был предрешен исход всего их похода на русскую революцию.

Мы, в соответствии с исторической истиной, должны сказать здесь, что честь победы над деникинской контрреволюцией осенью 1919 г. принадлежит, главным образом, махновцам. Не будь уманского прорыва и последовавшего за ним разгрома тыла, артиллерийской базы и всего снабжения деникинцев, последние, вероятно, вошли бы в Москву приблизительно в декабре 1919 г. Бой красных с деникинцами под Орлом имел малое значение. В своей основе отступление войск Деникина на юг началось уже раньше — именно в связи с разгромом тыла. Все последующие военные операции их имели целью провести, по возможности, безболезненное отступление и вывезти имущество. На протяжении всего пути от Орла и Курска до берегов морей Черного и Азовского красные войска шли беспрепятственно. Их въезд на Украину и Кавказ произошел, как и после падения гетмана, по очищенным уже путям.

Военная сторона дела поглощала в это время почти все силы махновцев. Боевая обстановка района крайне не благоприятствовала созидательной работе внутри. Однако и в этой области махновцы проявляли необходимую инициативу и старание. Прежде всего они всюду спешили предупредить важное недоразумение — возможность принятия их за новую власть или партию. Войдя в тот или иной город, они всякий раз заявляли, что не представляют собою никакой власти, что их военная сила никого ни к чему не обязывает, а лишь охраняет свободу трудящихся. Свобода крестьян и рабочих находится у них самих и потому не может быть ограничена. Во всех областях своей жизни они должны сами устраиваться, как найдут нужным. Махновцы же могут помогать им лишь советом, отдельными культурными работниками или военной силой, но никоим образом не предписывать им что бы то ни было¹.

Александровск и прилегающий к нему район были первым местом, где махновцы закрепились на продолжительное время. Там они прежде всего обратились к широким рабочим массам, позвав их на общее рабочее совещание города. Совещание состоялось. На нем было представлено положение всего района в военном отношении и предложено было приступить к налаживанию жизни в городе, на фабриках и заводах силами самих рабочих и их организаций на принципах труда и равенства. Рабочие горячо приветствовали это предложение; однако с делом медлили, смущенные, во-первых, его новизною, а во-вторых, — и это главное — близостью фронта, который невольно внушал им мысль о неопределенном, неустойчивом положении города. За первым совещанием последовало второе. Вопрос об организации жизни на принципах рабочего самоуправления широко освещался и дебатировался массой, которая целиком держалась за основную идею трудового самоуправления, но не находила пока первых конкретных форм его. Железнодорожники сделали в этом направлении начин. Они создали железнодорожный комитет, взяли железные дороги района (местного) в свое ведение, разработали план движения поездов, перевозки пассажиров, систему оплаты и т.д. Мысль пролетариата г. Александровска отныне начала систематически направляться в область создания органов самоуправления.

Вскоре за рабочими совещаниями состоялся районный съезд крестьян и рабочих, собравшийся 20 октября 1919 года в г. Александровске. На съезде было свыше 200 делегатов, из которых 180 — крестьяне, остальные — рабочие. Съезд занимался вопросами — а) военным: борьба с денкинцами, пополнение и содержание повстанческой армии; и б) вопросом внутреннего строительства.

¹ В некоторых городах махновцы ставили комендантов. Их назначение было — служить связующим звеном между армией, занявшей город, и населением; доводить до сведения последнего о всех мероприятиях армии, затрагивающих жизнь города и вызванных военной необходимостью. Махновцы не имели ни гражданской, ни военной власти, не имели никакого отношения к общественной жизни мирного населения.

Съезд работал около недели при необыкновенном подъеме делегатов. Этому содействовала особая обстановка. Во-первых, само победоносное возвращение махновской армии в родной район являлось громадным событием для крестьян, из которых каждый почти имел в армии того или иного члена семьи. Главное же — это то, что съезд собрался в условиях абсолютной свободы. Он не испытывал над собой никакого давления извне. В довершение к этому съезд имел прекрасного работника-докладчика, анархиста Волина, который, к изумлению крестьян, оказался лучшим выразителем их дум и надежд. Идея вольных советов, работающих в согласии с желанием местных тружеников; связь крестьян с рабочими городов на почве взаимобмена продуктами их труда; идея равенственной безвластной организации их жизни, — все эти идеи, развитые в докладах Волина, были и живыми идеями крестьянства. В ином смысле оно и не представляло себе революцию и революционное строительство.

Первый день представители политических партий пытались внести в общую работу съезда дух раздора, но тут же были осуждены всем съездом, и работа последнего протекала при полном содружестве участников.

Последние дни съезд принял характер красивой поэмы. Деловые резолюции чередовались с энтузиазмом настроения. Все было одушевлено верой в свои силы, в мощь революции... Настоящая свобода, какую немногим приходилось чувствовать, реяла в зале съезда. Каждый видел перед собою и сознавал действительно великое дело, на которое стоит отдать силы и за которое не жаль умереть. Крестьяне, среди которых много было пожилых и стариков, говорили, что это — первый съезд, где они чувствуют себя не только свободными, но и братьями в отношении друг к другу и что они никогда не забудут его. Да и вряд ли кто из участников забудет его. У многих, если не у всех, съезд этот остался в памяти, как красивая греза жизни, когда великая свобода сблизила людей, дала им возможность жить одним сердцем, одной любовью.

Постановления съезда касались, во-первых, расширения и укрепления повстанческой армии. Последнюю, согласно резолюции съезда, решено было пополнить всем мужским населением до 48 лет включительно. При этом пополнение должно было идти в согласии с духом постановления съезда, т.е. добровольно, но по возможности широко и полно, как того требовало опасное положение района. Выше мы отмечали, какой смысл имело постановление 11-го районного съезда 12 февраля 1919 г. о добровольной мобилизации за 10 лет. Этот же смысл имело постановление о мобилизации и настоящего съезда. Содержание армии, по резолюции съезда, должно было основываться на добровольных взносах крестьян, на военных трофеях и на реквизициях у богатого сословия. В области внутреннего строительства съезд отметил общую идею — обходиться трудящимся у себя на местах без какой бы то ни было власти, устраивать свою жизнь местными силами тружеников.

Разъезжаясь, крестьяне усиленно подчеркивали необходимость и важность выполнить постановления съезда. Резолюции последнего

были взяты разъезжавшимися делегатами и распространены по селам и деревням. Несомненно, через три-четыре недели сказались бы на местах реальные результаты съезда, а следующий съезд крестьян и рабочих привлек бы к работе большие массы трудящихся. Но свободу последних вечно сторожит их злой враг — власть. Не успели делегаты съезда разъехаться по своим местам, как многие из этих мест были заняты денкинцами, в большом количестве переброшенными с северного фронта. Правда, захват этот был кратковременным, представлявшим собою последние судороги врага, но он в самый дорогой момент приостановил творческую работу крестьян на местах. А ввиду того, что с севера уже надвигалась другая власть — большевизм, также непримиримо относившийся к свободе масс, — этот захват принес громадный вред делу трудящихся: после первого районного съезда не только не удалось созвать следующие съезды, но не пришлось проводить в жизнь даже постановлений первого съезда.

В городе Екатеринославе, занятом повстанческой армией в дни работы съезда, условия для внутреннего хозяйственного строительства были еще менее благоприятными. Выгнанные из города денкинские войска успели укрепиться на противоположном — левом — берегу Днепра и в течение целого месяца, изо дня в день, бомбардировали город из нескольких бронепоездов. Всякий раз, когда по инициативе культурно-просветительного отдела армии устраивалось рабочее совещание города, денкинцы, прекрасно осведомленные об этом, открывали усиленный артиллерийский огонь и срывали совещание. Серьезная систематическая работа в городе в этой области была невозможна. Удалось лишь провести несколько митингов в центре города и по окраинам. Кроме того, махновцы прекрасно наладили выход ежедневной газеты «Путь к свободе», а некоторое время спустя — ее украинский вариант: ежедневную газету «Шлях до Воли»¹.

¹ Один из любимых аргументов большевиков против махновцев тот, что последние во время своего пребывания в Екатеринославе ничего творческого в жизнь этого города не внесли. Но при этом большевики скрывают от масс два чрезвычайно важных обстоятельства. Во-первых, махновцы — не партия и не власть. В Екатеринославе они были в качестве военного революционного отряда, оберегавшего свободу города. Как таковые, они *не должны* брать на себя обязанность выполнять созидательную программу революции. Это дело местных рабочих масс. В этом деле махновская армия могла, самое большее, помогать им словом, советом, инициативой, что она и делала.

Во-вторых, большевики скрывают от масс правду о том, что в течение всего времени пребывания махновцев в Екатеринославе город находился в особенном — осадном положении. Не было часа, когда бы над ним не рвались снаряды. Это помешало рабочим, а не махновской армии, приступить тогда же к организации жизни на началах самоуправления.

Что же касается той выдумки, будто махновцы заявляли приходившим к ним за средствами железнодорожникам, что им — махновцам — железные дороги не нужны, ибо у них есть кони и степи, то эта пустая выдумка была впервые пущена денкинскими газетами в октябре 1919 г., а оттуда большевики целиком перенесли ее к себе, для собственного обихода.

Во всем освобожденном районе махновцы были единственной организацией, располагавшей реальной силой, с помощью которой они могли диктовать противнику свою волю. Но никогда они не пользовались этой силой в целях политического господства или влияния, не применяли ее к чисто политическим противникам. Военный противник, заговорщики против рабочих и крестьян, аппарат государства, тюрьмы — вот на что они обращали силы своей армии.

Тюрьмы есть символ народного рабства. Они всегда строились только для народа, для рабочих и крестьян. На протяжении тысячелетий буржуазия всех стран всегда укрощала бунтующую подневольную массу плахой и тюрьмой. И в настоящее время, в коммунистическом и социалистическом государстве, тюрьмы пожирают, глазным образом, пролетариат города и деревни. Свободному народу они не нужны. Раз существуют тюрьмы — народ не свободен. Тюрьма является вечной угрозой труженику, покушением на его совесть и волю, показателем его рабства. Так махновцы определяли свое отношение к тюрьмам. В соответствии с этим они разрушили тюрьмы во всех местах, где проходили. Тюрьма в Бердянске была взорвана при громадном стечении народа, который принял энергичное участие в ее разрушении. Тюрьмы в Александровске, Кривом Роге, Екатеринославе и ряде других мест были взорваны или сожжены махновцами. Рабочее население неизменно приветствовало эти акты.

* * *

Мы с величайшим удовлетворением можем отметить здесь, что махновцы полностью осуществили революционный принцип свободы слова, совести, печати, партийной и политической принадлежности. Во всех занятых махновцами городах и местечках все запрещения, наложенные какой бы то ни было властью на ту или иную печать, на ту или иную политическую организацию, отменялись. Печать объявлялась для всех свободной, организации и собрания тоже. За короткий полуторамесячный срок пребывания махновцев в Екатеринославе там родилось пять или шесть газет разных политических направлений: орган правых эсеров «Народовластие», орган левых эсеров «Знамя восстания», орган большевиков «Звезда» и другие. Между тем меньше всего могли рассчитывать на открытую организацию и свободную печать большевики. Во-первых, потому, что они умертвили свободу организаций и свободу печати для трудящихся; а во-вторых, потому, что их местные организации принимали прямое участие в преступном походе на Гуляй-Поле в июне 1919 г. и должны были понести за это ответственность. Однако, чтобы не бросить тень на великие принципы свободы слова и свободы организаций, их оставили в неприкосновенности, предоставив им, наряду со всеми прочими политическими течениями, все права, написанные на знамени пролетарской революции.

Единственное, в чем махновцы стеснили большевиков, левых эсеров и прочих государственников, — это в организации властных революционных комитетов. В Александровске и Екатеринославе, после занятия этих городов махновцами, большевики немедленно создали ревкомы, стремясь через них установить свою власть над населением. В Александровске члены ревкома явились к Махно даже с предложением — разделить в городе сферы влияния; т.е. предложили ему оставить за собой военную область, а им предоставить полноту власти в политической и гражданской областях. Махно посоветовал им идти и заниматься честным трудом и пригрозил казнить весь ревком, если он проявит какие бы то ни было властнические меры в отношении трудящихся. Точно так же был распущен подобный ревком в Екатеринославе. В этом отношении махновцы были вполне последовательны и выдержанны. Охраняя полную свободу слова, печати и свободу организаций, они в то же время принимали все меры против таких политических организаций, которые навязывали трудящимся свою волю и свою власть. И когда в ноябре 1919 г. в такой организации оказался замешанным командир третьего Крымского повстанческого (махновского) полка Полонский, последний был казнен вместе с прочими участниками этой организации.

Вот что писали махновцы по поводу свободы печати и организаций:

1) Всем без исключения социалистическим политическим партиям, организациям и течениям предоставляется полная свобода распространять свои взгляды, идеи, учения и мнения, как устно, так и печатно. Никакие ограничения свободы социалистического слова и социалистической печати недопустимы, и никакие преследования в этом направлении не должны иметь места.

Примечание. Сообщения военного характера допускаются к опубликованию лишь при условии получения их из редакции главного органа революционных повстанцев «Путь к Свободе».

2) Предоставляя всем политическим партиям и организациям полную свободу распространения своих идей, армия повстанцев-махновцев в то же время предупреждает все партии, что подготовка, организация и навязывание ими трудовому народу политической власти, ничего общего не имеющей со свободой распространения своих идей, революционным повстанчеством ни в коем случае допущены не будут.

Военно-революционный Совет Армии Повстанцев-Махновцев.
Екатеринослав.

5-го ноября 1919 г.

За все время русской революции период махновщины является единственным, осуществившим полную свободу в различных ее проявлениях. Как ни было неустойчиво положение г. Александровска, а особенно Екатеринослава, ежедневно обстреливаемого дени-

кинскими бронепоездами, все же в этот тяжелый период трудящиеся обоих городов, впервые в своей истории, говорили то, о чем хотели, и так, как хотели. Они, кроме того, держали в своих руках великую возможность — самим устраивать свою жизнь по своему разумению и по своей правде.

Через месяц махновцы оставили Екатеринослав. Но они успели ярко показать, что свобода находится среди самих трудящихся, что она начинает излучаться и развиваться тогда, когда в их среде поселяются безвластие и равенство.

Глава восьмая

ОШИБКИ МАХНОВЦЕВ. ВТОРОЕ НАПАДЕНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ НА ПОВСТАНЧЕСКИЙ РАЙОН

Усилия, проявленные махновцами в борьбе с деникинщиной, были колоссальны. Героизм и полугодовая борьба их за последний период были у всех на виду. Во всем обширном освобожденном районе они были единственными, кто производил революционный гром в стране и уготовил могилу деникинской контрреволюции. Так широкие массы городов и сел понимали происшедшие события.

Это обстоятельство создало у многих махновцев уверенность в том, что теперь они надежно застрахованы от провокации коммунистов определенным мнением крестьян и рабочих; что для красной армии, шедшей с севера, станет теперь ясной вся клевета коммунистической партии в отношении махновцев; что на новый обман и провокацию партии красная армия не поддастся, а наоборот — побратается с махновцами при первой встрече. Больше того — оптимизм некоторых махновцев доходил до того, что они считали невероятным, чтобы, при создавшемся общемахновском уклоне масс, коммунистическая партия рискнула на новый заговор против свободного народа.

В соответствии с такими настроениями махновцев шла их военная и революционная деятельность. Они ограничились занятием части днепровского и донецкого районов и не стремились продвигнуться и закрепиться в северном направлении, считая, что характер встречи с красной армией, когда последняя подойдет, укажет, какой тактики надо будет держаться в отношении ее.

С другой стороны, часть работников придерживалась того мнения, что не следует особенно увлекаться военной областью дела, хотя бы и революционной; что необходимо главное внимание направить в рабочую и крестьянскую массу, повернуть ее на путь революционного строительства. Съезды крестьян и рабочих — уездные, районные, окружные — вот ближайшая практическая задача дня. С этого следует начать помощь революции, вывод ее из большевистского тупика.

И оптимизм махновцев, и их соображения о необходимости прежде всего положительной работы в районе сами по себе были хороши, но они не находились в строгом соответствии с создавшейся на Украине обстановкой и поэтому не дали положительных результатов.

Прежде всего — большевизм. Никогда, ни при каких условиях он, по самой природе своей, не согласился бы на свободное, открытое существование такого низового народного движения, как махновщина. Несмотря на какое бы то ни было общественное мнение рабочих и крестьян, большевизм при первом соприкосновении с этим движением принял бы все меры для его уничтожения. Следовательно, махновцы, попав в центр народных событий на Украине, должны были заранее обезопасить себя с этой стороны. Их стремление отдаться главным образом положительной работе — стремление глубоко верное и революционное вообще — оказалось несостоятельным при той специфической обстановке, которая создалась на Украине с 1918 г. Украину несколько раз прошли войска австро-германцев, петлюровцев, деникинцев, большевиков. В 1919 г. повстанческий район от края и до края прошла лава казачьих войск; через четыре месяца эта лава двигалась по тому же району обратно, производя разрушения и опустошения. За ней шла многочисленная красная армия, несущая революционному народу все то же бесконечное разрушение.

Начиная с лета 1919 г. повстанческий район попал в такое положение, при котором революционное массовое строительство было абсолютно невозможно: словно гигантская, из штыков состоящая терка ходила по нему все это время вперед и назад, с севера на юг и обратно, стирая до основания всякий след массового социального строительства. В этих условиях махновцы могли проявить себя главным образом с военной стороны, борясь со всеми враждебными им силами.

Уничтожение деникинской контрреволюции осенью 1919 г. являлось одной из главных задач махновщины в русской революции. Эту задачу махновцы выполнили полностью. Но задача эта не исчерпывала всей исторической миссии, возложенной на махновцев русской революцией в этот период. Освобожденная от Деникина революционная страна нуждалась в немедленной охране по всей своей территории. Без этой охраны страна и революционные возможности, которые перед ней открылись с уничтожением деникинщины, могли быть каждый день раздавлены государственными армиями большевиков, спешно устремившихся на Украину за отступающим Деникиным.

Несомненно, в круг исторических задач махновщины осенью 1919 г. входило создание революционной армии таких размеров, которые позволили бы революционному народу защищать свою свободу не только в отдельном замкнутом районе, но по всей территории украинского повстанья.

В момент напряженной войны с деникинцами это было не легким делом, но исторически необходимым и вполне возмож-

ным, так как большая часть Украины пылала в то время повстанием и психологически группировалась вокруг махновцев. В район махновщины направлялись повстанческие части не только с юга, но и с севера Украины, например — повстанческая дивизия Бибика, занимавшая Полтаву. И даже из Великороссии в ряды махновцев устремлялись красноармейские части, желавшие под знаменем махновщины бороться за социальную революцию. Укажем на многочисленный отряд красных частей под командой Огаркова, шедший на соединение с махновцами из Орловской губернии, принимавший по дороге многочисленные бои с большевистскими войсками и с войсками Деникина и все-таки достигший в конце октября 1919 г. Екатеринослава, где находились махновцы.

Знамена махновщины поднимались по всей Украине. Не хватало необходимых организационных шагов, чтобы всю многочисленную, рассредоточенную в разных местах Украины боевую силу слить в одну мощную революционно-народную армию, которая стала бы надежным стражем на подступах к революционной территории.

Сила такой армии, защищающей широкую революционную территорию, а не тесный район ее, явилась бы самым убедительным аргументом для большевиков, любящих на все накладывать свою руку.

Однако увлечение победой и доля беззаботности помешали махновцам создать вовремя такую силу. Поэтому с первых же дней прихода на Украину красной армии махновцы вынуждены были сосредоточиться в тесном гуляй-польском районе. Это явилось большим военным промахом, которым воспользовались большевики и все тяжелые последствия которого махновцы, а с ними и вся украинская революция в недалеком будущем понесли на себе.

* * *

Прошедшая по всей России эпидемия тифа захватила и армию махновцев. Уже в октябре в ней было около 50% больных этой болезнью. В связи с этим обстоятельством город Екатеринослав пришлось оставить в конце ноября, когда с севера к нему подошла сильная группа деникинцев во главе с генералом Слащевым. Деникинцы отступали в Крым, и временный захват ими Екатеринослава не имел никакого значения.

Махновцы вновь расположились в районе городов: Мелитополя, Никополя и Александровска, где находился штаб армии. Слухи о приближении красной армии шли давно. Махновцы никаких мер не принимали на случай столкновения с ней, ибо были убеждены, что встреча будет братской.

В двадцатых числах декабря (по старому стилю) в район Екатеринослава и Александровска пришло несколько дивизий красных войск. Встреча между махновцами и красноармейцами произошла

теплая, товарищеская. Был организован общий митинг, на котором бойцы обеих армий протянули друг другу руки, заявив, что у них общие враги — капитал и контрреволюция. Такое согласие длилось с неделю. Несколько красноармейских частей намеревались перейти в ряды махновской армии.

Но вот на имя командующего махновской армией пришел приказ реввоенсовета 14-й красной армии, предписывающий направить повстанческую армию на польский фронт. Всем стало ясно, что это — первый шаг большевиков к новому нападению на махновцев. Направить повстанческую армию на польский фронт — это значит перерезать революционному повстанчеству его главную артерию. К этому стремились большевики, чтобы иметь возможность беспрепятственно хозяйничать в непокорном районе, и это же прекрасно видели махновцы. Кроме того, само это обращение возмутило махновцев: ни 14-я армия, ни какая-либо другая красноармейская единица не находилась ни в какой связи с махновской армией; меньше всего они могли давать приказы повстанческой армии, вынесшей единственно на своих плечах всю тяжесть борьбы с контрреволюцией на Украине.

Реввоенсовет армии повстанцев-махновцев тотчас ответил на приказ 14-й армии. Ответ этот свелся к следующему (за отсутствием в нашем распоряжении текста приводим лишь основную мысль его). Армия повстанцев-махновцев доказала больше, чем кто-либо, свою революционность. Она всегда будет на революционном посту, оставаясь на Украине и не уходя для этого на польский фронт, смысл которого для нее является неизвестным. Последнее, кроме того, физически невозможно, так как 50% бойцов, весь штаб и командующий армией больны тифом. Реввоенсовет повстанцев-махновцев находит приказ 14-й армии неуместным и провокационным.

Этот ответ махновцев сопровождался обращением к красноармейцам с призывом не поддаваться на провокацию их командного состава. Вслед за этим махновцы снялись со своих мест и направились в Гуляй-Поле. Движение прошло беспрепятственно, без всяких инцидентов. Красноармейцы совсем не имели желания вступать в столкновение с уходившими махновцами. Лишь небольшие группки и отдельные лица, отставшие от общего движения, были кое-где задержаны большевиками.

В середине января 1920 г. Махно и бойцы его армии именем всеукраинского ревкома были вновь объявлены вне закона, как отказавшиеся идти на польский фронт. И начиная с этого времени между махновцами и коммунистической властью пошла ожесточенная борьба. Мы не будем последовательно останавливаться на всех эпизодах этой борьбы, растянувшейся на 9 месяцев. Отметим только, что она приняла беспощадный характер с обеих сторон. Большевики надеялись на многочисленные красные части, хорошо вооруженные и снабженные. Во избежание недоразумений, вроде братания красноармейцев с махновцами, они сразу же направили на последних латышскую стрелковую дивизию и группу китай-

цев — части, наименее разбирающиеся в русской революции и слепо подчиняющиеся властям.

* * *

В течение января махновцы были дезорганизованы эпидемией тифа. Все члены штаба были больны тифом. Махно болел сыпным тифом в тяжелой форме. Большинство бойцов армии были выбиты болезнью из рядов и разбросаны по селам. В этих условиях махновцам приходилось лавировать между многочисленным врагом и заботиться главным образом о Махно, находившемся в бессознательном состоянии. Это был момент тревог, жертв и трогательных забот о вожде. Повстанцы, простые крестьяне, были сильно встревожены, когда увидели опасное положение Махно, который в любой момент мог быть схвачен красными. Всем было ясно, что гибель Махно — это потеря для всего крестьянства, утрата, не поддающаяся определению. И крестьяне делали все возможное, чтобы не допустить этого несчастья. Надо было видеть, как они в Гуляй-Поле и других селах носили Махно из одной хаты в другую, стараясь спрятать его от налетавших красных войск; надо было видеть, как не раз в критические минуты, когда местонахождение Махно обнаруживалось, крестьяне жертвовали собой, стремясь выиграть время и дать возможность перетащить беспомощного Махно в другое, более надежное место, — все это надо было видеть, чтобы понять, как ценили и с какой фанатической преданностью оберегали и защищали крестьяне своего вождя. Благодаря этой исключительной преданности жизнь Махно в наиболее критические минуты движения была спасена.

* * *

Несмотря на многочисленность красных войск, Махно со своими частями всегда оказывался вне досягаемости. Но большевикам удалось приостановить свободное развитие района, как оно наметилось в начале 1919 г. И затем беспрепятственно пошли массовые казни крестьян.

Многие помнят, как советская пресса, сообщая о борьбе с Махно, приводила цифры разбитых, захваченных в плен и расстрелянных махновцев. Но почти всегда этими несчастными были не повстанцы из армии Махно, а местные крестьяне различных сел, сочувственно относившиеся к махновщине. Приход красных дивизий в любое село неизменно сопровождался захватом местных крестьян, которых затем расстреливали или как махновцев, или как заложников. Командиры различных красных частей, избегая воевать с самим Махно, особенно полюбили этот дикий, позорный способ борьбы с махновщиной. Части 42-й и 46-й стрелковых красноармейских дивизий этим способом главным образом и пользовались. Село Гуляй-Поле, десятки раз переходившее из рук

красных в руки махновцев и обратно, больше всего пострадало от него. При вхождении в село или при отступлении из него командиры красных частей неизменно захватывали несколько десятков крестьян, большею частью просто с улиц, и расстреливали их. Любой житель Гуляй-Поля может рассказать потрясающие истории из этой практики большевиков. По самому скромному подсчету, за время этой практики большевистской властью в разных местах Украины было расстреляно и искалечено до 200 тыс. крестьян и рабочих. Такое же количество было сослано в отдаленные места России и Сибири.

Махновцы — революционные сыны революционного народа — не могли оставаться пассивными при виде такого чудовищного поругания революции. На террор большевиков они ответили своими, более тяжелыми ударами. Все правила военно-партизанской войны, которые применялись ими во время скоропадчины, теперь они применили к большевикам. Там, где красные части вступали в бой с махновцами, бой шел по всем правилам войны, причем главными жертвами в таких случаях падали рядовые, насильно посылаемые в бой и нисколько не заслуживавшие такого конца. Но это было неизбежно. Там, где махновцам удавалось без боя захватить красные части, последние разоружались, распускались; добровольцев принимали в свои ряды, но партийный и командный состав обыкновенно погибал весь, исключая тех, за которых просили красноармейцы.

Неоднократно советская власть и ее агенты сообщали о махновцах как о безжалостных убийцах, приводя списки павших от их рук красноармейцев и партийных работников. Но власть в этих сообщениях всегда замалчивала самое главное — при каких условиях пали красноармейцы или партийные работники. Всегда это были *жертвы боев*, которые в большинстве случаев навязывались советской властью или на которые она толкала махновцев, поставив их в каком-либо месте Украины в затруднительное положение. Война есть война, вырывающая жизни у обеих воюющих сторон. Но махновцы прекрасно знали, что они воюют не с отдельными красноармейцами, не с красноармейской массой, а с той кучкой господ, которая направляет эту массу, распоряжается ею, и которая жизнь красноармейца ценит постольку, поскольку последний защищает ее власть. Поэтому махновцы, вступая иногда в жестокий бой с красными частями, после боя относились к красноармейской массе с тем же духом братства и товарищества, который существовал в их среде. Приходится поражаться тому такту, выдержке и революционной чести, с которыми махновцы обращались с широкой красноармейской массой: ни один человек из этой массы, попадая к ним в плен, не страдал от них. И это происходило в то время, когда захваченных махновцев, кто бы они ни были, обязательно расстреливали тут же на виду у красноармейцев.

Иное отношение имели махновцы к верхушке красной армии и к партийной аристократии. Их они считали единственными и

настоящими виновниками всех ужасов, которые власть творила в районе. Эти верхи сознательно умертвили свободу народа и превратили весь повстанческий район в кровоточащую рану. И с ними махновцы поступали соответствующим образом: при захвате обычно убивали.

Действия большевиков в отношении махновцев носили в себе все признаки террора, свойственного властвующим кастам. Захваченных махновцев, если не расстреливали сразу, заключали в тюрьмы, истязали и часто мучениями пытались добиться от них отречения от движения, выдачи товарищей и поступления на полицейские должности. Березовский, помощник командира 13-го повстанческого полка, попав в руки большевиков, стал агентом особого отдела (чека); но он пошел на это, по его словам, будучи подвергнут истязаниям и пыткам. Начальнику подрывной команды армии махновцев, Чубенко, большевики неоднократно предлагали свободу, если он окажет необходимое содействие в убийстве Махно. Убить Махно с помощью какого-либо захваченного махновца было неотступной мыслью большевиков в течение всего лета 1920 г. Приводим здесь документ, выпущенный махновцами по поводу одного неудачного покушения большевиков на жизнь Махно.

«ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИКАМИ-КОММУНИСТАМИ УБИЙСТВА БАТЬКИ-МАХНО»

«Уже около двух месяцев, как из разных источников поступают сведения в штаб революционных повстанцев Украины о том, что правящая партия коммунистов-большевиков, бессильная в открытой борьбе победить своими полками и дивизиями независимое и вольное повстанчество махновщины, замышляет, с помощью наемных убийц, убийство руководителя революционного повстанчества товарища Нестора Махно.

Имелись точные сведения, что для этой цели организована особая группа при Всеукраинской Че-ка, во главе которой стоят старые большевистские охранники и заплечных дел мастера Манцев и Мартынов. Сотрудниками в эту группу вербуют исключительно бывшие налетчики, присужденные к расстрелу, которые за сохранение их жизни обязуются быть сотрудниками Че-ка.

Имеются среди провокаторов лица, которые так или иначе имели связь с анархическим движением, как например Сидоров Петр, Петраков (Тима-Иван), Женя Ермакова (Суханова Анна), Чалдон и Бурцев. Их связь с анархическим миром имела отношение больше всего к боевым делам. Имеются также теперь сведения, что в числе провокаторов числится и «Николай высокий» — индивидуалист, выпускающий в прошлом году в Харькове журнал «К свету» и известный еще под именем Василия.

Эта группа провокаторов в своем предательстве не знала границ. Зная многие адреса и подпольные квартиры со времен деникинщины, они врываются в квартиры к товарищам и устраивали форменные погромы, не говоря уже, конечно, о том, что все известные им анархисты, так или иначе враждебно настроенные по отношению к большевистской власти, арестовывались ими и расстреливались.

Погромив как следует в Харькове и Одессе, эта милая компания во главе со своим шефом Манцевым, перебралась в Екатеринослав, чтобы там наладить и оттуда выслать сотрудников для убийства блятки-Махно.

Но «революционеры»-большевики за трехлетнее свое царствование уже забыли, как искренно служили царскому правительству его провокаторы, как очень часто из них выходили Петровы питерские, которые достойно мстили за свой позор. Так и в данном случае. Среди прельщенных большевиками за деньги и спасение жизни провокаторов все же находятся лица, которые, видно по какому-то долгу своему, или возможно от сознания совершенного ими предательства, предупреждают все затеи господина Манцева и его компании.

Поимка манцевских агентов¹

Двадцатого сего июня, через час после прибытия особой группы революционных повстанцев (махновцев) в с. Туркеновку, в 15-ти верстах от Гуляй-Поля, к стоявшему вблизи штаба, на улице, товарищу Махно быстро подбежал Федя Глуценко, работавший в прошлом году в контрразведке при революционной повстанческой армии и только что прибывший, как видно, в село, и нервным голосом сказал: «Батюк, я имею вам очень важное сообщить!..» Тов. Махно велел ему передать это стоявшему вблизи товарищу Куриленко. Федя сообщил, что он еще с одним, который в это время стоял на улице вблизи товарища Махно, присланы сюда для убийства блятки-Махно. Товарищ Куриленко осторожно подскочил к другому субъекту и обезоружил его. При нем оказались револьверы Маузер и Браунинг и две бомбы, а у Феди револьвер системы Кольта.

Другой задержанный назвался Яковом Костюхиным, налетчик, известный под кличкой «Яшка дурной», и сразу же чистосердечно, с озлоблением на господ Манцевых, рассказал подробно, а потом и сам написал свои показания. Им было выдано 13 тысяч рублей николаевскими деньгами и сумма советскими. Подробный план убийства был выработан в Екатеринославе Манцевым, Мартыновым и Федькой. Костюхин находился в распоряжении Феди, который для этого дела должен был склонить на свою сторону и Льва Задова, бывшего начальника контрразведки 1-го Донецкого корпуса (махновцев). Костюхин, сознавая, что он заслуживает лишь только смерти, предложил воспользоваться им для чего

¹ Из протокола заседания совета.

угодно, но, конечно, это предложение было с негодованием отвергнуто и на другой день он был убит. Пред смертью он площадно ругался, особенно ругал Федю, за то, что тот сам привел его сюда и выдал.

Федя же показал, что когда он был арестован Манцевым и когда ему предложили сделать выбор между расстрелом и работой в Че-ка и участвовать в убийстве тов. Махно, он согласился на последнее, мотивируя, будто, это желанием предупредить тов. Махно о затеваемом. Он держался очень стойко и заявил, что заслуживает вполне смерть за участие в Че-ка, но это он сделал с целью предупреждения и чтобы умереть от руки своих товарищей. Понятно, повстанцы не могли пропустить безнаказанно ему его работу в Че-ка, какими бы целями он не руководствовался, ибо революционер не может по каким бы то ни было соображениям служить в охранке, и 21-го Федя Глущенко был убит совместно с Костюхиным. Перед смертью Федя держался очень хладнокровно, сказал, что вполне заслуживает смерть, но просит передать товарищам-махновцам, что он умирает не как подлец, а как верный друг повстанцев, поступивший в Че-ка для того лишь, чтобы своею смертью спасти жизнь батьки-Махно. «Боже вам помоги» — были его последние слова.

Так кончилась предательская попытка Всеукраинской Че-ка посредством купленных людей убить руководителя революционного повстанчества товарища Махно.

Совет революционных повстанцев Украины (махновцев).

Июня, 21 дня 1920 г.»

Весь 1920 год, а также и последующие советвласть воевала с махновщиной под знаком борьбы с бандитизмом. Она развила усиленную агитацию, поставив всю свою прессу и прочие органы пропаганды на служение этому своему измышлению. В то же время она обрушила на движение многочисленные стрелковые и кавалерийские дивизии, прилагая все усилия к тому, чтобы разгромить движение и действительно спихнуть его в пропасть бандитизма. Пленных махновцев беспощадно расстреливали, их родственников — отцов, матерей, жен — истязали и нередко казнили, имущество неизменно грабили, дома разрушали и т.д. Все это делалось в массовом размере. Нужна была сверхчеловеческая воля, героические усилия, чтобы, при наличии таких ужасов со стороны власти, широкая повстанческая масса удержалась на строго революционных позициях и в ожесточении не спустилась в пропасть действительного бандитизма. Однако эта масса ни на один день не потеряла мужества и ни на одну минуту не опустила революционного знамени. Для тех, кто наблюдал ее в этот тяжчайший период, это было настоящим чудом и показателем того, как велика в трудовой массе вера в революцию, преданность ее вдохновенной идее.

В течение весны и лета 1920 г. махновцам пришлось воевать не с отдельными красноармейскими частями, а в сущности со всем государственным аппаратом большевиков Украины и Восточной России. Армии поэтому не раз приходилось, уклоняясь от врага, отрываться от своего района и делать громадные тысячеверстные рейды. Она вынуждена была отступать то в Донскую область, то в Харьковскую и Полтавскую губернии. Рейды эти были широко использованы ею в пропагандистских целях: каждое село, где махновцы останавливались на день-два, обращалось в широкую махновскую аудиторию.

Во время этих передвижений армии в июне-июле 1920 г. был сконструирован высший орган армии и всего движения — Совет революционных повстанцев Украины (махновцев), состоявший из семи избранных и утвержденных повстанческой массой членов. Совету были подчинены три основные отдела армии — военно-оперативный, контрольно-организационный и культурно-просветительный.

Глава девятая

СОГЛАШЕНИЕ МАХНОВЦЕВ С СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ. — ТРЕТЬЕ НАПАДЕНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ

В течение лета 1920 г. махновцы несколько раз начинали поход на Врангеля. Дважды они вступали в бой с его частями, но оба раза им ударяли в тыл красные войска — они оказывались между двух огней и вынуждены были, прекратив наступление на Врангеля, выводить свои части из боя. Советская власть не жалела слов и красок, чтобы очернить махновцев. По всей Украине советские газеты трубили о союзе Махно с Врангелем. Летом 1920 г. уполномоченный харьковского правительства Яковлев на пленуме екатеринославского совета сделал заявление о том, что у советской власти имеются документальные данные о союзе Махно с Врангелем. Конечно, это заявление было заведомой ложью. К ней советская власть прибегала для того, чтобы охладить массы рабочих, которые, по мере продвижения Врангеля и отступления красных войск перед ним, все чаще начали обращать свои революционные взоры в сторону Махно.

Ложным сообщениям большевиков о союзе Махно с Врангелем никто среди рабочих и крестьян не верил. Махно был слишком хорошо известен народу, а народ в то же время хорошо знал приемы большевиков. Но, должно быть, большевистской выдумке поверил Врангель, потому что ничем иным, как влиянием советской прессы, изо дня в день долбившей о союзе Махно с Врангелем, или безнадежным генеральским невежеством нельзя объяснить тот факт, что генерал Врангель прислал к Махно посланца. Вероятно, генерал решил на всякий случай прошупать почву.

Приводим следующий документ.

Протокол заседания командного состава рев.-повст. армии Украины (махновцев) 9-го июля 1920 г. с. Времьевка, мариупольского уезда.

§ 4. Послание от генерала Врангеля.

К концу заседания доставили из штаба посланца от генерала Врангеля, который предъявил письмо следующего содержания:

«Атаману повстанческих войск Махно.

Русская армия идет исключительно против коммуны и комиссаров и закрепить за трудовым крестьянством земли государственные, помещичьи и другие частновладельческие. Последнее уже проводится в жизнь.

Русские солдаты и офицеры борются за народ и его благополучие. Каждый, кто идет за народ, должен идти рука об руку с нами. Поэтому теперь усильте работу по борьбе с коммунистами, нападая на их тыл, разрушая транспорт и всемерно содействуя нам в окончательном разгроме войск Троцкого. Главное командование будет посильно помогать Вам вооружением, снаряжением, а также специалистами. Пришлите своего доверенного в штаб со сведениями, что Вам особенно необходимо и для согласования боевых действий.

Нач. штаба главнокомандующего вооруженными силами юга России генерального штаба генерал-лейтенант *Шатилов*.

Генерал-квартирмейстер генерального штаба генерал-майор *Коновалец*.

18-го июня 1920 г. г. Мелитополь.»

Посланец, назвавшийся Иваном Михайловым, 28 лет, заявил, что адъютант Слащева вручил ему письмо для передачи батько-Махно, и что будто бы там все уверены, что батько-Махно работает совместно с Врангелем.

*Попов*¹: «Мы сегодня обсуждали ответ красным и нашли его правильным. Мы дадим теперь должный ответ белым насильникам».

Махно: «Единственный ответ, который мы можем дать на подобные гнусные письма, это постановить одно: какой бы делегат ни был прислан от Врангеля и вообще справа, должен быть казнен нами и никаких ответов не может быть дано».

Единогласно решается присланного делегата казнить и предложить Совету опубликовать присланное письмо и дать в печати достойный ответ».

Посланец Врангеля был тут же публично казнен, самый же случай освещен махновцами в их печати. Большевикам все это было доподлинно известно; тем не менее они с бесстыдством продолжали всюду трубить о союзе Махно с Врангелем. Лишь после военно-политического соглашения махновцев с советской властью последняя, в лице главного военного комиссариата, заявила, что

¹ Секретарь Совета революционных повстанцев.

Махно никогда не находился в союзе с Врангелем, что советская власть, утверждая это раньше, была введена в заблуждение неправильной информацией, что, наоборот — махновцы казнили делегатов Врангеля, не вступив с ними ни в какие переговоры. (См. заявление главного комиссариата по военным делам под заголовком «Махно и Врангель» в харьковской газете «Пролетарий» и других газетах Харькова около 20 окт. 1920 г.). Это заявление, в котором советская власть разоблачала сама себя, было сделано ею, конечно, не в силу потребности открыть истину, а только лишь потому, что она, вступив в военно-политическое соглашение с махновцами, была вынуждена сказать правду.

* * *

С середины лета 1920 г. Врангель начал брать инициативу борьбы в свои руки. Он медленно, но систематически продвигался, начиная угрожать всему донецкому бассейну. В связи с польским фронтом он представлял серьезную угрозу для революции, и одно время эта угроза разрослась до зловещих размеров.

Махновцы не могли оставаться равнодушными к движению Врангеля. Им было ясно, что с Врангелем надо бороться сейчас, пока он лишь начал идти на революцию и не укрепился. Все, что будет сделано для разгрома его, пойдет в конечном счете на пользу революции. Но как быть с коммунистами? Их диктатура так же враждебна свободе труда, как и Врангель. Однако разница между коммунистами и Врангелем была та, что на стороне первых были массы, верящие в революцию. Правда, эти массы цинично обманывались коммунистами, эксплуатировавшими революционный порыв трудящихся в интересах своей власти. Но массы-то, которые противопоставлялись Врангелю, верили в революцию, и этот факт значил много. На совещании Совета революционных повстанцев и штаба армии решено было повести главную борьбу с Врангелем. Широкая повстанческая масса должна была вслед за этим сказать свое решающее слово по этому поводу.

Уничтожением Врангеля, по мнению совещания, достигалось многое. Во-первых, устранялась одна лишняя опасность для революции. Во-вторых, общероссийская действительность освобождалась от той контрреволюционной пестроты, от которой страдала в течение всех революционных лет. Рабочая и крестьянская масса очень нуждалась в таком очищении действительности. Она, благодаря ему, легче смогла бы осмотреться, подвести итоги прошлого, сделать выводы и заключения и дать революции новые силы. Совещание решило предложить коммунистам, в целях совместного разгрома Врангеля, прекратить взаимную борьбу. От имени совета и командующего повстанческой армией еще в июле и августе 1920 г. были посланы телеграммы соответствующего содержания в Харьков и Москву. Ответа не было. Коммунисты вели прежнюю войну с махновцами, продолжали прежнюю заведомо клеветниче-

скую кампанию против них. Но в сентябре, когда эвакуировался Екатеринослав и когда Врангель занял Бердянск, Александровск, Гуляй-Поле, Синельниково, в г. Старобельск, где стояли махновцы, приехала полномочная делегация от ЦК партии коммунистов-большевиков, во главе с коммунистом Ивановым, для переговоров о совместных действиях против Врангеля. Переговоры состоялись здесь же, в Старобельске, и здесь же были выработаны предварительные условия военно-политического соглашения махновцев с советской властью. Для окончательной редакции и утверждения они были посланы в Харьков. Для этого же, а также для постоянных сношений со штабом южного фронта в Харьков было послано военное и политическое представительство махновцев во главе с Куриленко, Будановым и Поповым.

Между 10 и 15 окт. 1920 г. условия соглашения были окончательно выработаны и приняты договаривающимися сторонами в следующем виде:

«УСЛОВИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ УКРАИНЫ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИЕЙ УКРАИНЫ (МАХНОВЦЕВ)»

РАЗДЕЛ I — ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

1. Немедленное освобождение и прекращение преследований в дальнейшем на территориях советских республик всех махновцев и анархистов, за исключением вооруженно выступающих против советского правительства.

2. Полнейшая свобода агитации и пропаганды, как устно, так и печатно, махновцами и анархистами своих идей и пониманий без призыва к насильственному ниспровержению советского правительства и с соблюдением военной цензуры. В деле издания махновцы и анархисты, как революционные организации, призванные советской властью, пользуются техническим аппаратом советского государства, подчиняясь правилам техники издания.

3. Свободное участие в выборах советов, право махновцев и анархистов вхождения в таковые и свободное участие в подготовке созыва очередного 5-го всеукраинского съезда советов, имеющего быть в декабре с.г.

По поручению совет. правительства У.С.С.Р. *Я. Яковлев.*

Уполномоченные Совета и командования рев. повст. армии Украины (махновцев): *Куриленко, Попов.*

РАЗДЕЛ II — ВОЕННОЕ СОГЛАШЕНИЕ

1. Революционная повстанческая армия Украины (махновцев) входит в состав вооруженных сил республики, как партизанская, в оперативном отношении подчиняясь высшему командованию

красной армии; сохраняет внутри себя установленный ранее распорядок, не проводя основ и начал регулярных частей красной армии.

2. Революционная повстанческая армия Украины (махновцев), продвигаясь по советской территории, фронту и через фронты, не принимает в свои ряды частей красной армии и дезертировавших из таковых¹.

Примечание:

а) Встретившиеся и примкнувшие к революционной повстанческой армии в тылу Врангеля красные части и отдельные красноармейцы из таковых, по встрече с частями красной армии, подлежат возвращению в последнюю.

б) Оставшиеся в тылу Врангеля повстанцы-махновцы и местное население, вновь вступающее в ряды повстанческой армии, остаются в последней, хотя бы прежде и были мобилизованы в красную армию.

3. О состоявшемся соглашении революционная повстанческая армия Украины (махновцев), в целях уничтожения общего врага белогвардейщины, доводит до сведения идущей за ней трудовой массы путем соответствующих воззваний с призывом о прекращении военных действий против советской власти, причем в целях достижения большего результата сов. правительство должно также немедленно опубликовать о состоявшемся соглашении.

4. Семьи революционной повстанческой армии махновцев, проживающие на территории советской республики, в льготах приравниваются к семьям красноармейцев и получают от совет. правительства Украины соответствующие документы.

Подписали: Командующий южфронтом *Фрунзе*.

Члены реввоенсовета южфронта: *Бела Кун, Гусев*. Уполномоченные совета и командования повстанческой армии махновцев — *Куриленко, Попов*.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПУНКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

Представительство совета и командования армии махновцев, в дополнение к трем первым пунктам, представило советской власти следующий четвертый пункт политического соглашения:

Ввиду того, что одной из главных сторон махновского движения является борьба за самоуправление трудящихся у себя на местах, повстанческая армия махновцев выдвигает четвертый пункт политического соглашения, а именно: организация в районе действий махновской армии местным рабоче-крестьянским населением вольных органов экономического и политического самоуправления, их автономия и федеративная (договорная) связь с государственными органами советских республик.»

¹ Пункт этот был выдвинут советским правительством, главным образом, ввиду частого перехода красных частей в армию махновцев. — П.А.

Долгое время советская власть под разными предлогами оттягивала публикацию этого соглашения. Представительство махновцев уже тогда увидело в этом что-то недоброе; полный же смысл этой оттяжки стал ясен тогда, когда соввласть совершила новое неожиданное предательское нападение на махновцев. Об этом, однако, ниже.

Видя, что соввласть хитрит, затягивая публикацию достигнутого соглашения, махновцы поставили вопрос остро: пока соглашение не будет опубликовано, армия махновцев не может действовать на основании этого соглашения. И лишь после такого напора со стороны махновцев советская власть опубликовала текст соглашения, но не сразу весь, а по частям: сначала часть вторую, по военному вопросу, а через неделю — часть первую, по политическому вопросу. В связи с этим смысл соглашения был затемнен и верно понят очень немногими читателями. Что же касается четвертого пункта политического соглашения, то большевики отделили его, заявив, что он требует особого обсуждения и совещания с Москвой. Представительство махновцев согласилось обсуждать его самостоятельно.

После этого, с 15-20 октября, махновская армия пошла на Врангеля. Боевым участком ее был район — Синельниково, Александровск, Пологи, Бердянск, и направление — Перекоп. При первых же боях, в районе Пологи — Орехов, была разбита большая группа врангелевцев, во главе с генералом Дроздовым, причем взято в плен около 4000 врангелевских солдат. Через три недели означенный район был освобожден от войск Врангеля. В начале ноября махновцы совместно с красными войсками были уже под Перекопом.

Здесь необходимо отметить следующую важную черту: как только стало известно, что махновцы совместно с красными идут на Врангеля, настроение среди местного населения быстро поднялось. Врангель был бесповоротно осужден, и его конца всюду ждали со дня на день.

Роль махновцев в очищении Крыма от врангелевцев была следующая. В то время, когда под самым Перекопом стояли красные части, махновцы, согласно оперативному приказу, взяли левее Перекопа на 25-30 верст и стали переправляться через Сиваш. Первой пошла конница под руководством Марченко — гуляй-польского крестьянина-анархиста, затем — пулеметный полк под руководством Кожина. Переправа шла под ураганным обстрелом со стороны противника и стоила больших жертв. В числе многих других командир Фома Кожин был в первом же бою выведен из строя тяжелыми ранениями. Однако упорство и смелость наступавших обратили врангелевцев в бегство. Тогда Семен Каретник, командующий крымской армией махновцев, направил все части прямо на Симферополь, который и был взят ими 13 или 14 ноября. Одновременно с этим красными частями был занят Перекоп. Несом-

ненно, зашедшие через Сиваш в глубь Крыма махновцы способствовали его падению, заставив врангелевцев броситься в глубокий тыл полуострова, чтобы не оказаться зажатыми со всех сторон в перекопских ущельях.

* * *

Факт соглашения махновцев с советской властью впервые после долгого периода непрерывной войны открывал району некоторую возможность спокойного общественного строительства. Мы говорим: некоторую возможность, ибо, помимо того, что во многих местах района происходила ожесточенная война с войсками Врангеля (Гуляй-Поле, например, в это время несколько раз переходило из рук махновцев в руки врангелевцев и обратно), сама советская власть, несмотря на соглашение, держала район в полублокаде, всячески парализуя революционные мероприятия трудящихся на местах. Однако наиболее активное ядро махновцев, находившееся в Гуляй-Поле, старалось развить максимум энергии в области общественного строительства. Центральное внимание было направлено на организацию вольных трудовых советов, которые представляли бы органы местного рабоче-крестьянского самоуправления. В основу таких советов была положена идея полной независимости их от какой-либо сторонней власти и подотчетность местным труженикам.

Первый практический шаг в этом деле предприняли именно гуляй-польцы. За время с 1 по 25 ноября 1920 г. они не меньше 5-7 раз собирались всем селом на сход, постепенно, тщательно и осторожно подвигаясь к решению вопросов самоуправления. Основание вольному совету в Гуляй-Поле было положено в средних числах ноября 1920 г., но окончательно он не был сконструирован; этот совершенно новый практический шаг самоорганизации трудящихся требовал времени и опыта. В это же время Советом революционных повстанцев были разработаны и отпечатаны «Основные положения о вольном трудовом Совете» (проект).

Не меньшее внимание трудящиеся Гуляй-Поля уделили вопросу о школе. Многочисленные нашествия различных армий отозвались крайне губительно на школьном деле в районе. Учительский персонал, давно не получая никакого содержания, разбрелся, устраиваясь ради пропитания как попало. Школьные здания опустели и замерли. В период соглашения махновцев с советской властью школьный вопрос живо и непосредственно заинтересовал массы. Решение его махновцы поставили в плоскость самоуправления трудящихся. И школьное дело, говорили они, как и все прочее, вытекающее из основных потребностей трудящихся, есть дело местного трудового населения. Об обучении своих детей грамоте и наукам оно непосредственно само должно заботиться. Но это еще не все. Беря в свои руки дело обучения и воспитания молодого поколения, трудящиеся очищают и возвышают саму идею школы. В руках народа школа становится не только источником знания,

но и средством воспитания и развития свободного человека, каковым должен быть каждый труженик в свободном трудовом обществе. Следовательно, с первого момента самоуправления трудящихся школа должна быть независима не только от церкви, но в такой же мере и от государства.

Руководимые этой мыслью гуляй-польские крестьяне и рабочие воодушевленно приветствовали мысль об отделении школы от государства, о полной независимости ее от последнего — так же, как и от церкви. В том же Гуляй-Поле оказались последователи и проповедники идей свободной школы Франциско Феррера, а также теоретики и практики идеи единой трудовой школы.

Новая постановка вопроса школьного дела вызвала сильное движение и подъем среди гуляй-польцев. Большинство культурных работников из крестьян потянулись к этому делу. Нестор Махно, хотя и имел в это время тяжелую рану в ногу, живо интересовался ходом его, аккуратно посещая все собрания гуляй-польцев по школьному вопросу и даже попросив знающих лиц сделать ему несколько докладов — лекции по теории и практике единой трудовой школы.

Конкретные начинания гуляй-польцев в области школьного дела выразились в следующем. Крестьяне и рабочие всем селом обязались взять на содержание учительский персонал, необходимый для обслуживания всех школ села (в Гуляй-Поле имелось несколько начальных школ и две гимназии). Была создана школьная комиссия из представителей крестьян, рабочих и учащихся, которой были поручены учебно-организационная, а также хозяйственная сторона школьного дела. Приняв принцип отделения школы от государства, гуляй-польцы приняли также схему свободного обучения в школах, сходную со схемой свободной школы Франциско Феррера. В этом отношении школьной комиссией был разработан определенный план и подготовлена большая теоретико-организационная предварительная работа, к сожалению, не имеющаяся у нас под руками.

Одновременно с этим в Гуляй-Поле были предприняты занятия с неграмотными и малограмотными повстанцами. Нашлись люди с серьезной подготовкой и многолетним стажем, специалисты по обучению грамоте взрослых.

Наконец, в это же время в Гуляй-Поле были организованы курсы политической грамоты для повстанцев. Их целью было дать минимальные знания повстанцам по истории, социологии и родственным предметам, чтобы, таким образом, их боевое оружие пополнить оружием знания и подготовить их к более широкому пониманию революционных задач и революционной стратегии. Занятия на курсах велись самими же повстанцами из крестьян и рабочих, наиболее начитанных. В их программу входили: а) политическая экономия; б) история; в) теория и практика анархизма и социализма; г) история великой французской революции (по Кропоткину); д) история революционного повстанчества в русской революции и другое. Лекторские силы у махновцев были крайне слабы; однако благодаря серьезному отношению к делу и

со стороны лекторов, и со стороны повстанческой аудитории курсы с первого же дня приняли живой, крайне деловой характер, обещая сыграть значительную роль в дальнейшем развитии движения.

И театру повстанцы уделили большое внимание. Еще до соглашения с большевиками, когда повстанческой армии приходилось изо дня в день принимать бои с многочисленными противниками, при ней постоянно сохранялась театральная секция из самих повстанцев, которая, насколько позволяла боевая обстановка, ставила пьесы частью для повстанческой массы, частью для крестьян.

В Гуляй-Поле имеется довольно большое театральное здание. Но профессиональные артисты в селе всегда были редкостью. Гуляй-Поле обходилось обыкновенно местными любительскими силами крестьян, рабочих и сельской интеллигенции, т.е., главным образом, учащихся и учащихся. За время гражданской войны, жестоко разорившей Гуляй-Поле, интерес у гуляй-польцев к театру несколько не ослабел, а даже возрос. В дни соглашения махновцев с большевиками, когда в связи с договором была снята блокада, театр в Гуляй-Поле ежедневно переполнялся труженниками; при этом крестьяне, повстанцы и их жены были не только артистами: на сцене шли пьесы, написанные ими же самими¹. Культурно-просветительный отдел армии махновцев принимал непосредственное и активное участие в организации театрального дела в Гуляй-Поле и по всему району.

* * *

Никто среди махновцев не верил в продолжительность и прочность соглашения с большевиками. На основании прошлого каждый ожидал, что они непременно придумают повод для нового похода на махновщину. Но ввиду политической обстановки полагали, что

¹ Отметим одну пьесу, написанную молодым гуляй-польским крестьянином, принимавшим участие в разных фазах повстанческого движения. Она называется «Жизнь махновцев» и состоит из нескольких актов. Пьеса знакомит нас с летом 1919 г., когда денikinская армия заняла всю Украину. В свободных дотоле селах вновь появились пристава, офицеры. С первых же дней их прихода возродилось старое притеснение и угнетение трудящихся. Крестьян жмут на каждом шагу, реквизируют их имущество, производят беспрестанно обыски, ища махновцев. Происходят избиения и расстрелы старых и малых. Дух возмущения загорается в крестьянах. В разных местах они собираются в группы, обсуждают тяжелое положение, готовятся к восстанию и невольно обращают свои взоры и свое сердце к Махно, три месяца назад отступившему под напором армий Деникина и Троцкого.

Однако слухи несутся, что Махно, разбив деникинцев, вновь идет по Украине и приближается к Гуляй-Полю. Это придает смелость и вливает энергию в гуляй-польцев. Они, слыша, как в отдалении грохочут орудия махновцев, восстают, вступают в жестокую борьбу с деникинцами и изгоняют их при поддержке махновской кавалерии.

Пьеса ярко отображает жизнь украинского села лета 1919 г. В ней представлено много народного горя, искреннего, душу захватывающего волнения, революционного подъема и героизма, и она все время держит зрителей в напряженном состоянии.

соглашение это продлится три-четыре месяца. А это имело бы большое значение для широкой пропагандистской работы в районе, нужда в которой была огромная и на которую у махновцев накопилось много энергии. Последнее время, в силу своего положения, махновцы были почти совсем оторваны от этой работы. Главным же образом имелось в виду, что на почве этого соглашения удастся резко оттенить перед трудовыми массами сущность того, в чем большевики не сходятся с махновцами и из-за чего между ними идет борьба. Это и было блестяще достигнуто. Четвертый пункт политического соглашения, в котором махновцы требовали от большевиков признать за рабочими и крестьянами право на их экономическое и общественное самоуправление, оказался абсолютно неприемлемым для советвласти. Однако представители махновщины настойчиво требовали от последней подписать этот пункт или дать объяснение, почему он ею отвергается. В то же время пункт этот стал выноситься махновцами на открытое обсуждение масс. В Харькове анархисты и махновцы в своих докладах перед рабочими касались этой темы. В Гуляй-Поле и окрестностях были выпущены листовки, освещавшие этот вопрос. К середине ноября этот небольшой пункт, укладываемый в три-четыре строчки, стал всюду привлекать к себе массы и в недалеком будущем обещал быть центром их внимания.

Но к этому времени был ликвидирован Врангель. Для непосвященных это обстоятельство не могло повлиять на соглашение махновцев с советвластью. Махновцы же в этом событии увидели начало конца соглашения. Как только в Гуляй-Поле прибыла из их полевого штаба телеграмма о том, что Каретник с повстанческой армией уже в Крыму и пошел на занятие Симферополя, помощник Махно, Григорий Василевский, воскликнул: «Конец соглашению! Ручаюсь чем угодно, что через неделю большевики будут громить нас». Это было сказано 15 или 16 ноября, а 26 ноября большевики предательски напали на махновское командование и махновские войска в Крыму, на Гуляй-Поле, захватили махновское представительство в Харькове, разгромили и арестовали там же всех анархистов, а также анархистов и анархические организации по всей Украине.

Советская власть не замедлила объяснить все эти позорные предательские нападения своим обычным способом: махновцы и анархисты якобы готовили восстание против советской власти. Лозунгом этого восстания должен был будто бы служить 4-й пункт политического соглашения. Были якобы назначены даже время и место восстания. Махно, кроме того, обвинялся в том, что отказался идти на кавказский фронт; что производил мобилизацию крестьян, готовя армию против советского правительства; что вместо того, чтобы воевать в Крыму с Врангелем, он воевал в тылу с красной армией, и т.д.

Нечего говорить, что объяснения эти — сплошная и чудовищная ложь. У нас имеются все данные для изобличения этой лжи и установления истины.

Во-первых. 23 ноября 1920 г. в Пологах и Гуляй-Поле махновцами были схвачены 9 агентов контрразведки 42-й красноармейской стрелковой дивизии, которые, будучи избиты и показавшие себя шпионажем, показали следующее: по приказу начальника контрразведки они должны были быть в Гуляй-Поле и установить местопребывание Махно, членов штаба, командиров и членов Совета; ждать, когда в Гуляй-Поле войдут красные войска, и сразу же указать квартиры намеченных лиц; если же во время внезапного прихода красных войск эти лица будут перебегать из одного места в другое — не упускать из вида, все время следовать за ними по пятам. Нападения на Гуляй-Поле, по словам задержанных, можно было ждать 24 или 25 ноября.

На основании результатов дознания, от имени Совета революционных повстанцев и командующего армией Раковскому и Реввоенсовету южного фронта было послано сообщение о раскрытом заговоре с требованием: 1) немедленно арестовать и предать военному суду начальника 42-й дивизии, начальника штаба дивизии и прочих участников заговора и 2) во избежание недоразумений закрыть проход красным частям через пункты: Гуляй-Поле, Пологи, М. Токмачка и Туркеновка.

Ответ харьковского советского правительства был следующий: заговор, должно быть, является простым недоразумением; тем не менее, советская власть для выяснения дела создает комиссию и предлагает штабу армии махновцев послать от себя в эту комиссию двух человек. Этот ответ был передан из Харькова по прямому проводу 25 ноября. Утром следующего дня секретарь Совета революционных повстанцев П. Рыбин вновь говорил по этому поводу с Харьковом, откуда большевики успокаивающе отвечали, что дело 42-й дивизии будет улажено к полному удовлетворению махновцев; при этом тут же сообщали, что вопрос с 4-м пунктом политического соглашения также подходит к благополучному разрешению. Разговор этот шел 26 ноября в 9 час. утра по прямому проводу. А между тем, еще до этого разговора, — именно в 3 часа утра этого дня — в Харькове уже было захвачено представительство махновцев, арестованы все анархисты г. Харькова и остальных мест Украины. Ровно через два часа после разговора Рыбина по прямому проводу Гуляй-Поле было обложено со всех сторон советскими войсками и обстреливалось ураганным артиллерийским и пулеметным огнем. В этот же самый день и час было произведено нападение на махновскую армию в Крыму, изменнически захвачены и убиты все члены полевого штаба махновцев и командующий крымской махновской армией Семен Каретник.

Несомненно, такая обширная операция нападений и арестов тщательно готовилась, и готовилась не менее полутора-двух недель.

Мы, таким образом, видим не только предательское нападение советской власти на махновцев, но и ее тонкий организованный подход к этому делу, ее усилия усыпить бдительность махновцев, обмануть их, чтобы прочнее схватить и задушить их.

Во-вторых. На другой день после упомянутого нападения на Гуляй-Поле — 27 ноября, махновцы захватили у пленных красноармейцев листовки: «Вперед на Махно» и «Смерть махновщине» — издание политотдела 4-й армии, без даты. Листовки эти, по свидетельству красноармейцев, были розданы последним 15-16 ноября и звали на борьбу с Махно за нарушение им военно-политического соглашения, за отказ идти на кавказский фронт, за восстание против советской власти и т.д. Это показывает, что все перечисленные в листовках обвинения против Махно были сфабрикованы и отпечатаны еще в то время, когда махновская армия только что прорвалась в Крым и заняла Симферополь, а представительство махновцев спокойно работало с советской властью в Харькове.

В-третьих. В течение октября-ноября 1920 г., т.е. в дни, когда военно-политическое соглашение махновцев с советской властью только утверждалось, в Гуляй-Поле дважды были обнаружены попытки советской власти убить Махно при помощи подкупленных лиц.

Добавим к этому, что никакого приказа, предписывающего повстанческой армии перейти на кавказский фронт, в Гуляй-Поле — в основной штаб армии — не поступало. Махно в это время, имея тяжелое ранение — раздробленную ногу, — совсем не занимался бумагами; последние поступали на руки начальнику штаба армии Белашу и П. Рыбину, секретарю Совета, которые о всяком поступающем в штаб документе сообщали на ежедневных заседаниях Совета.

Здесь следует припомнить отмеченный нами выше факт затягивания советской властью публикации текста военно-политического соглашения. Теперь становится вполне понятным, почему она упорно задерживала публикацию. Для нее это соглашение было чисто военным шагом, рассчитанным, самое большее, на месяц-два, пока не будет ликвидирован Врангель. Вслед за его уничтожением она собиралась немедленно вновь объявить махновцев бандитами и контрреволюционерами и под этим лозунгом воевать с ними. Следовательно, не в ее интересах было публиковать и выносить на обсуждение масс политический союз с махновцами. В сущности, она хотела бы совсем скрыть его от широких масс, чтобы назавтра, словно ничего и не было, продолжать борьбу с махновцами под прежним лозунгом борьбы с бандитизмом и контрреволюцией.

Такова правда о разрыве военно-политического соглашения советской власти с махновцами.

Необходимо обратить сугубое внимание на самый текст соглашения. В нем отчетливо сказались две тенденции — государственная, отстаивающая обычные привилегии и прерогативы власти, и народно-революционная, отстаивающая требования, которые испокон веков выдвигаются подневольной массой к власти имущим. Характерно, что вся первая часть соглашения, относящаяся к области политических прав трудящихся, состоит из требований,

предъявленных лишь махновцами. Советская власть в этой области классически выдержала позицию тиранической стороны, т.е. она урезывала требования махновцев, торговалась из-за каждого пункта, стараясь дать как можно меньше из того, что составляет необходимое и неотъемлемое в жизни народа — политические права.

Отметим также, что махновцы, исходившие из анархического понимания борьбы, всегда были противниками политических заговоров. В революционную борьбу они вступали открыто, перенося ее в среду широких трудовых масс, ибо верили, что только такая массовая революционная борьба может привести трудящихся к их победе; заговоры же — к смене властей, что было противно самой природе махновщины.

Таким образом, соглашение советской власти с махновцами в самом зародыше было обречено большевиками на смерть и соблюдалось лишь до разгрома Врангеля.

Это ясно также из некоторых документов самой советской власти. Приводим приказ командующего южфронта Фрунзе — приказ, который с головой выдает большевиков в их предательском нападении на махновцев, опровергая одновременно всю ложь, возводимую в этом деле советской властью на анархистов и махновцев.

**ПРИКАЗ КОМАНДАРМУ ПОВСТАНЧЕСКОЙ Т. МАХНО.
КОПИЯ КОМАНДАРМАМ ЮЖНОГО ФРОНТА. № 00149
ПОЛЕВОЙ ШТАБ, Г. МЕЛИТОПОЛЬ. 23 НОЯБРЯ 1920 г.**

В связи с окончанием боевых действий против Врангеля, в виду его уничтожения, революционный военный совет южфронта считает задачу партизанской армии законченной и предлагает реввоенсовету повстанческой армии немедленно приступить к работе по превращению партизанских повстанческих частей в нормальные воинские соединения красной армии.

Существование повстанческой армии с особой организацией более не вызывается боевой обстановкой. Наоборот, существование наряду с частями красной армии отрядов с особой организацией и задачами приводит к совершенно недопустимым явлениям...¹, и поэтому реввоенсовет южного фронта предлагает реввоенсовету повстанческой армии:

¹ Здесь Фрунзе приводит случаи убийств и разоружения красноармейцев, совершенные якобы махновцами. Но все приводимые им факты в свое время разбиты им же, Раковским и представителем махновцев в Харькове, причем было установлено, что ко всем этим случаям махновская армия не имеет никакого касательства, поскольку эти деяния, враждебные красной армии, совершались другими, не махновскими отрядами. Причем совершались они только потому, что советская власть несвоевременно и неполно публиковала сообщения о своем соглашении с махновцами. Ибо множество отрядов, разбросанных по Украине и не входивших в армию махновцев, очень считались с авторитетом последней и, несомненно, немедленно прекратили бы войну с советской властью, как только узнали бы о союзе ее с махновцами.

1) Все части бывшей повстанческой армии, находящейся в Крыму, немедленно ввести в состав четвертой армии, реввоенсовету которой поручается их реформирование.

2) Упрощен в Гуляй-Поле расформировать и бойцов влить в запасные части по указанию командарма запасной.

3) Реввоенсовету повстанческой армии принять все меры к разъяснению бойцам необходимости проводимой меры.

Подписали: Командующий южфронтом *М. Фрунзе*, член реввоенсовета *Смилга*, нач. полев. штаба армии *Каратыгин*.

Следует припомнить историю соглашения советской власти с махновцами.

Как отмечено выше, этому соглашению предшествовали предварительные переговоры махновцев с советской делегацией, специально приехавшей в лагерь махновцев в г. Старобельск во главе с коммунистом Ивановым. Переговоры эти из Старобельска были перенесены в г. Харьков, где махновская делегация совместно с уполномоченными советской власти в течение трех недель вела работу по заключению соглашения. Каждый пункт этого соглашения тщательнейшим образом взвешивался и обсуждался обеими сторонами.

В своей окончательной форме соглашение было принято договаривающимися сторонами, т.е. *советской властью и революционным повстанческим районом* в лице Совета революционных повстанцев Украины, и подписано уполномоченными этих сторон.

По смыслу этого соглашения следовало, что ни один пункт его не мог быть отвергнут или изменен иначе, как по взаимному соглашению советской власти и Совета революционных повстанцев Украины, раз соглашение это не было нарушено ни одной, ни другой стороной.

Пункт 1-й II раздела соглашения говорит, что (дословно): «Революционная повстанческая армия Украины (махновцев) входит в состав вооруженных сил республики как партизанская, в оперативном отношении подчиняясь высшему командованию красной армии; сохраняет внутри себя установленный ранее распорядок, не проводя основ и начал регулярных частей красной армии».

Фрунзе приказом № 00149 от 23 ноября 1920 г. требует расформировать армию повстанцев-махновцев и влить ее в части красной армии. Делается это, как сказано в приказе, потому, что советская власть «*ввиду уничтожения Врангеля считает задачу партизанской армии законченной*».

Этим приказом уничтожается не только приведенный выше 1-й пункт соглашения по военному вопросу, но вообще все военно-политическое соглашение.

То обстоятельство, что советская власть делает это не в форме пересмотра и изменения уже существующего текста соглашения, а в форме спешного военного приказа, подкрепляя последний немедленным огнем, показывает, что для большевиков все соглашение имело значение лишь военной ловушки в отношении махновцев.

В добавление к приведенному приказу четвертая красная армия, находившаяся в Крыму, получила инструкцию — действовать в отношении махновцев всеми имеющимися в ее распоряжении силами, если последние не подчинятся приказу.

Приказ Фрунзе без всяких комментариев рисует настоящее положение дел. Он предписывает махновцам упразднить их армию, превратив ее в обычную красноармейскую часть, — иными словами, махновщина должна сама покончить с собой. Можно бы удивляться такой наивности, если бы это была только наивность.

Однако за ней скрывался вполне обдуманый, тщательно рассчитанный шаг к решительному разгрому махновщины. Врангель разбит. Махновцы исползованы. Момент — наиболее подходящий для их уничтожения. Следовательно, они теперь же должны прекратить свое существование. В этом смысл приказа.

Но, несмотря на некоторую свою прямоту, и приказ Фрунзе является ложью. Дело в том, что ни штаб армии в Гуляй-Поле, ни представительство махновцев в Харькове не получали его. Махновцам он стал известен 3-4 недели спустя после нападения, из газет, случайно попавших им в руки. И это вполне понятно. Большевики, подготовлявшие неожиданное нападение на махновцев, не могли послать им перед такой приказ. Этим был бы сорван весь их план. Приказ сразу, во всех местах поставил бы махновцев на ноги, и ни одно подготовлявшееся большевиками нападение не имело бы успеха. Это прекрасно знала советская власть. Поэтому до последней минуты она держала в строгой тайне свои намерения. После, когда нападения были произведены и разрыв стал свершившимся фактом, появился в печати приказ Фрунзе. Он был напечатан впервые 15 декабря в харьковской газете «Коммунист», а дата на нем была 23 ноября. Все эти хитрости делались с той целью, чтобы захватить махновцев врасплох, разгромить их, а после объяснить этот акт с «законом в руках».

Нападение на махновцев сопровождалось повсеместными арестами анархистов. Этим актом, помимо прямой борьбы с анархической идеей, большевики стремились задуть голос протеста, убить всякую возможность осветить перед массами событие. Арестовывались не только анархисты, но также находившиеся с ними в простом знакомстве или интересовавшиеся анархической литературой. В Елисаветграде арестовали около 15 мальчиков от 15 до 18 лет. Хотя губернские власти в Николаеве были не удовлетворены арестом этих детей, говоря, что следовало бы достать «настоящих» анархистов, а не таких юнцов, — тем не менее, дети эти остались в заключении.

В Харькове ловля анархистов приняла такой характер, какой вряд ли знала Россия в прошлые годы. На квартирах всех местных анархистов были устроены засады. Была устроена засада в книжном магазине «Вольное братство». Всякого, приходившего в него за покупкой книг, неожиданно хватали и отправляли в Че-ка. Хватали лиц, которые останавливались и читали недавно выпущенную (легально) и наклеенную на стену анархическую газету «Набат». Ме-

стный анархист Григорий Цесник благодаря случаю избежал ареста. Тогда большевики посадили в тюрьму его жену — человека, далекого от всякой политической деятельности. Последняя объявила голодовку с требованием освободить ее. Большевики цинично заявили, что если Цесник дорожит своей женой, то должен сам явиться к ним. Цесник, больной туберкулезом, действительно явился и был заключен в тюрьму.

Мы уже говорили, что в Крыму был предательски захвачен весь полевой штаб и командующий махновской армией. Командир конницы Марченко, окруженный было частями 4-й красной армии, пробился через ряд заслонов и заграждений на Перекопе и к 7 декабря, двигаясь день и ночь, добрался до группы Махно. Соединение произошло в греческом местечке Керменчик. Слух о прорыве из Крыма махновской армии носился уже несколько дней. Наконец, 7 декабря прибыл гонец с известием, что через несколько часов прибует группа Марченко. С волнением махновцы, находившиеся в Керменчике, вышли встречать героев на окраину села. Но когда в отдалении увидели двигавшуюся конную группу — сердце у всех сжалось. Вместо могучей конницы в 1500 человек, возвращался небольшой отряд в 250 человек. Подъехали передовые части во главе с Марченко и Тарановским.

«Имею честь доложить — крымская армия вернулась», — заговорил с легкой иронией Марченко. Все улынулись. «Да, братики, — продолжал Марченко, — вот теперь-то мы знаем, что такое коммунисты». Но Махно был угрюм. Вид разбитой, почти уничтоженной знаменитой конницы сильно потряс его. Он молчал, стремясь удержать волнение.

На состоявшемся тотчас же митинге были сделаны доклады о том, как произошло нападение в Крыму. Командующий армией Каретник был вызван советским командованием в Гуляй-Поле якобы для военного совещания и по дороге изменнически схвачен; начальник полевого штаба Гавриленко, члены штаба и некоторые командиры были взяты под предлогом обсуждения военно-оперативных дел армии. Все схваченные были немедленно расстреляны. Культурно-просветительный отдел, находившийся в Симферополе, был взят без всяких военных хитростей.

* * *

В момент окружения Гуляй-Поля красными войсками — 26 ноября — в последнем находилось лишь 150-200 человек кавалерии особой сотни. Этой сотней Махно сбил советский кавалерийский полк, наступавший на Гуляй-Поле по Успеновской дороге, и вышел из тесного кольца красных войск. Первую неделю он организовывал стекавшиеся к нему с разных сторон повстанческие отряды и некоторые красноармейские части, уходившие к нему от большевиков. Создался отряд в 1000 сабель и 1500 человек пехоты, с которым он затем пошел в наступление. Ровно через неделю он занял Гуляй-Поле, разбив стоявшую в нем 42 дивизию и взяв 6000 пленных. Из последних около 2000 человек изъявили желание остаться в повстанческой армии, а

остальные, после проведенного митинга, были отпущены в тот же день. Три дня спустя Махно нанес красным более серьезный удар под селом Андреевка. С глубокой ночи и до вечера следующего дня он вел там непрерывный бой с двумя красными дивизиями, разбил их, взяв от 8000 до 10000 пленных. Последние, как и в Гуляй-Поле, были тут же распущены. Добровольцы остались в армии. И затем еще один за другим три удара нанес Махно красным частям в с. Комарь, Царе-Константиновке и г. Бердянске. Красноармейская пехота дралась нехотя, а при случае массами сдавалась в плен¹.

Одно время махновцев радовала мысль, что победа будет на их стороне. Им казалось, что следовало лишь разбить две-три значительные группы красных, двигавшиеся на махновцев в разных направлениях, и тогда красная армия частью перейдет к махновцам, а частью будет оттянута к северу. Но вот из разных мест от крестьян пришли сведения, что большевики в каждом селе ставят полки, преимущественно кавалерийские, и что в некоторых местах накаплиются огромные массы их войск. И действительно, южнее Гуляй-Поля, в с. Федоровка, Махно был окружен несколькими пехотными и кавалерийскими дивизиями. С двух часов ночи и до четырех часов дня он вел с ними непрерывный бой; затем, прорвав цепь, ушел в северо-восточном направлении. Через три дня такая же история случилась в греческом селе Константин: масса неприятельской конницы и ураганный оружейный огонь со всех сторон. Из сообщений пленных красных офицеров Махно узнал, что против него действуют четыре армии — две конные и две смешанные, и что цель красного командования — зажать его со всех сторон сильными военными заслонами, которые уже быстро сближаются между собою. Эти показания сходились с показаниями крестьян и с личными наблюдениями и заключениями Махно. Стало ясно, что разгром двух-трех красноармейских групп будет иметь мало значения в той массе войск, которая брошена на махновцев. Речь шла уже не о победе над советскими войсками, а о том, как не допустить катастрофы повстанческой армии. Этой небольшой по количеству армии в 3000 бойцов *ежедневно* приходится принимать бой с противником в 10 000 — 15 000 человек. В таких

¹ Пленных красноармейцев тотчас же отпускали, советуя им ехать на родину и не служить в руках власти оружием угнетения народа. Но ввиду того, что махновцы тут же двигались дальше, все отпущенные пленные через 5-6 дней вновь оказывались в своих частях. Советвласть организовывала особые комиссии, которые специально занимались сбором отпущенных махновцами красноармейцев. Таким образом, для махновцев в этой борьбе создался заколдованный круг, из которого они не могли найти разумного выхода. Положение советвласти было проще: согласно постановлению «Особой комиссии по борьбе с махновщиной», всех захваченных махновцев расстреливали на месте.

К большому сожалению, мы не можем привести здесь важный в этом отношении документ советской власти, утраченный нами в боевой обстановке 1920-го года. Документ этот является приказом по Богучарской (кажется, 41-й) бригаде, разбитой махновцами под греческим селом Константином в декабре 1920 года. Он гласит следующее (не дословно): согласно постановлению «Особой комиссии по борьбе с махновщиной», «дабы не развивать в войсках слюнвявой политики» (т.е. примирительной — П.А.) и не заражать ею красноармейцев, — *всех* пленных махновцев расстреливать на месте пленения.

условиях армия несомненно подойдет, в конце концов, к катастрофе. Сопоставлением Совета революционных повстанцев было решено временно покинуть весь южный район, предоставив Махно полноту свободы в деле движения армии.

Гению Махно было предъявлено величайшее испытание. Казалось совершенно невозможным выйти из той массы войск, которая со всех сторон вцепилась в группу повстанцев. Три тысячи бойцов-революционеров были окружены войском в 150 000 человек. Махно ни на минуту не потерял мужества и вступил в героическое единоборство с этими войсками. Окруженный со всех сторон красными дивизиями, он, как сказочный герой, шел, отбиваясь направо, налево, вперед и назад. Разбив несколько красноармейских групп и взяв в плен свыше 20 000 красноармейцев, Махно пошел было на восток, к Юзовке, где, как его предупредили юзовские рабочие, ему был устроен сплошной военный заслон, но вдруг круто повернул на запад и пошел фантастическими, ему одному ведомыми путями. Сторонясь дорог, армия сотни верст двигалась по снежным полям, руководимая каким-то изумительным способом и умением ориентироваться в снежной пустыне¹. Этот маневр дал возможность армии махновцев увернуться от сотен орудий и пулеметов, смыкавшихся вокруг нее, и в то же время разбить на Херсонщине под с. Петрово две бригады 1-й конной армии, считавших, что местопребывание Махно находится за сто с лишним верст от них.

Борьба растянулась на несколько месяцев с непрерывными, шедшими день и ночь боями.

В Киевской губернии армия махновцев попала в период гололедицы в такую изуродованную скалистую местность, что пришлось бросить всю артиллерию, снабжение и почти все тачанки. И в это же время ко всей колоссальной массе войск, повисших на Махно, неожиданно добавились еще две кавалерийские дивизии червоного казачества, стоявшие на западной границе. Все пути были отрезаны. Местность — могила: скалы и крутые балки, покрытые льдом. Двигаться можно было лишь невыносимо медленно. А со всех сторон непрерывный артиллерийский и пулеметный огонь. Никто не видел выхода и спасения. Но в то же время никто не хотел позорно разбегаться. Все решили умирать вместе, один рядом с другим.

Невыразимо тяжело было глядеть в это время на горсть повстанцев, окруженных скалами, небом и вражеским огнем, преисполненных вдохновенной решимости биться до последнего и в то же время уже обреченных. Боль, отчаяние и особенная грусть охватывали все существо. Хотелось крикнуть на весь мир, что совершается величайшее преступление, что убивается и гибнет героическое в народе, — то, что он рождает только в героические эпохи.

¹ Карта и компас в таких бездорожных движениях не имеют никакого значения. Они могут дать верное направление движению, но в то же время могут завести куда-либо в яр или реку, чего никогда не бывало в передвижении махновской армии. Несомненно, тайна изумительного передвижения махновцев по бездорожным степям заключается в прекрасном знании ими большинства украинских равнин.

Махно с честью вышел из этого страшного испытания. Он дошел до Галиции, поднялся затем к Киеву, недалеко от него переправился обратно через Днепр, спустился в Полтавщину и Харьковщину, вновь поднялся на север к Курску и, перейдя железную дорогу между Курском и Белгородом, оказался в новой, более легкой обстановке, оставив далеко позади себя многочисленные кавалерийские и пехотные дивизии красных.

* * *

Однако героическое единоборство группы махновцев с государственными армиями большевиков на этом не закончилось. Советское командование напрягло все усилия, чтобы захватить и уничтожить главное ядро махновщины. Со всех мест Украины оно стягивало и бросало на Махно многочисленные пехотные и кавалерийские дивизии. Огневое кольцо вновь и вновь захлестывалось вокруг героев-революционеров, и вновь начиналась смертельная схватка.

В письме к своему другу Махно в следующих словах обрисовал конец этого потрясающего героического эпизода в истории махновщины.

Он пишет¹:

«Как только ты уехал, дорогой друг, через два дня я занял город Корочу (Курск. губ.), выпустил несколько тысяч экземпляров «Положения о Вольных Советах» и сейчас же взял направление через Вапнярку и Донщину на Екатеринославщину и Таврию. Ежедневно принимал ожесточенные бои — с одной стороны с пехотными частями коммунистов-большевиков, которые шли по нашим следам, а с другой стороны — со второй конной армией, специально брошенной против меня большевистским командованием. Конечно, ты нашу конницу знаешь, — против нее большевистская, без пехоты и автоброневиков никогда не устоявала. И я, правда, с большими потерями, но удачно расчищал перед собою путь, не меняя своего маршрута. Наша армия каждым днем доказывала, что она есть подлинно-народная революционная армия, — по создавшимся внешним условиям она логически должна была бы таять, а она росла и людьми, и богатым военным снаряжением.

На пути этого направления в одном из серьезных боев наш особый полк (кавалерийский) потерял убитыми более 30-ти человек, на половину из них командиры. В числе последних наш милый славный друг, юноша по возрасту, старик и герой в боях, командир этого полка Гаврюша Троян. Пуля сразила его наповал. С ним же рядом Аполлон и много других славных и верных товарищей умерло.

Не доходя до Гуляй-Поля мы встретились с большими свежими нашими силами под командой Бровы и Пархоменко. Затем на нашу сторону перешла 1-ая бригада 4-ой дивизии

¹ Письмо написано Н. Махно уже после того, как он покинул пределы России. — П.А.

конной армии Буденного во главе с самим бригадным Маслаком. Борьба с властью и произволом большевиков разразилась еще ожесточеннее.

В первых числах марта Брова и Маслак были выделены мною из армии, которая находилась при мне, в самостоятельную Донскую группу и отправлены на Дон и Кубань. Выделена была группа Пархоменко и отправлена в район Воронежа (сейчас Пархоменко убит, во главе оставался анархист из Чугуева). Выделена была группа сабель в 600 и полк пехоты Иванюка под Харьков.

В это же время наш лучший товарищ и революционер Вдовиченко в одном бою был ранен, вследствие чего его с некоторой частью пришлось отправить в район Новоспасовки для излечения. Там он был выслежен одним большевистским карательным отрядом и при отстреле он и Матросенко¹ застрелились. При этом, Матросенко совсем, а у Вдовиченко пуля осталась в голове ниже мозга. И когда коммунисты взяли его и узнали, что он есть Вдовиченко, дали ему скорую помощь и таким образом на время спасли от смерти. Вскорости после этого я имел от него сведения. Он лежал в Александровске в больнице и просил забрать его как-либо оттуда. Его страшно мучили, предлагая отречься от махновщины через подпись какой-то бумаги отречения. Он с презрением все это отверг, несмотря на то, что в это время он еле еле мог говорить, и поэтому был накануне расстрела, но расстреляли его или нет, мне не удалось выяснить.

Сам я за это время сделал рейс через Днепр под Николаев, а затем оттуда обратно через Днепр по-над Перекопом направился в свой район, где должен был встретиться кое с какими своими частями. У Мелитополя коммунистическое командование устроило мне ловушку. Назад на правый берег Днепра ходу уже не было. Пошел лед по Днепру. Поэтому мне самому пришлось сесть на лошадь² и руководить маневром боя. От одной части я уклонился от боя, другую своими разведывательными частями заставил сутки стоять развернутым фронтом в ожидании боя и этим временем сделал переход в 60 верст, разбил на рассвете 8-го марта третью часть большевиков, стоящую у Молочного озера, и через стрелку между Молочным озером и Азовским морем вышел на простор в районе Верхнего Токмака. Здесь я откомандировал Куриленко в район Бердянск — Мариуполь руководить в этом районе делом повстания. Сам отправился через Гуляй-Поле в район Черниговщины, откуда от нескольких уездов у меня была от крестьян делегация, чтобы заглянули в их район.

В пути моя группа, т.е. Петренко в 1500 сабель и из двух пехотных полков, находившихся при мне, была остановлена и сжа-

¹ Матросенко — украинский повстанец и поэт из крестьян. — П.А.

² В это время т. Махно имел раздробленную ногу: пуля попала в щиколотку ноги и вынесла почти все кости. Поэтому верхом на лошадь он садился в исключительных случаях. — П.А.

та со всех сторон сильными большевистскими частями. Здесь опять-таки пришлось мне самому руководить контратакой. Контратака была удачна. Мы разбили врага вдребезги, массу взяли в плен людей, оружия, орудий и коней. Но спустя два дня нас снова атаковали свежие и сильные части противника. Каждодневные бои настолько втянули людей в бесстрашие за жизнь, что отваге и героизму не было пределов. Люди с возгласом: «жить свободно или умереть в борьбе» бросались на любую часть и повертали ее в бегство. В одной сверх-безумной по отваге контратаке я был в упор пронизан большевистской пулей в бедро через слепую кишку на вылет и свалился с седла. Это послужило причиной нашего отступления, так как чья-то неопытность крикнула по фронту — «Батько убит!..»

12 верст меня везли, не перевязывая, на пулеметной тачанке и я совершенно было сошел кровью. Не становась на ногу, совершенно не садясь, я без чувств лежал, охраняемый и доглядываемыйевой Левоу Зиньковским. Это было 14-го марта. В ночь против 15-го марта возле меня сидели все командиры группы, члены штаба армии во главе с Белашом и просили подписать приказ разослать по сто, по 200 бойцов к Куриленко, к Кожину и другим, которые самостоятельно руководили восстаниями в определенных районах. Приказ этот имел целью отправить меня с особым полком в тихий район до времени, пока я вылечусь и сяду в седло. Приказ я подписал и разрешил Забудько выделить легкую боевую группу и в указанном районе действовать самостоятельно, не теряя со мноу связи. А на рассвете 16-го марта части уже были разосланы, кроме особого полка, оставшегося при мне. И в это время на меня наскочила 9-ая кавалерийская дивизия и в течение 13-ти часов преследовала нас 180 верст. В с. Слобода возле Азовского моря мы заменили лошадей и в 5 часов покормили людей и лошадей...

17-го марта на рассвете мы направились в сторону Нововоспасовки и, пройдя верст 17, натолкнулись на другие свежие кавалерийские части большевиков, которые шли по следам Куриленко и, потеряв след последнего, напали на нас. Прогнав нас, нуждающихся в отдыхе и неспособных на сей день к бою, верст 25, совсем начали наседать. Что делать? В седло я сесть не могу, я никак на тачанке не сижу, я лежу и вижу, как сзади в 40-50 саженьях идет взаимная неопиcуемая рубка. Люди наши умирают только из-за меня, только из-за того, что не хотят оставить меня. Но в конце концов гибель очевидна и для них и для меня. Противник численно в 5-6 раз больше и бойцы его свежие и свежие подсакиванот. Смотрю, — ко мне на тачанку цепляются люйсисты¹, что были и при тебе возле меня. Их было пять человек под командой Миши из села Черниговки Бердянского уезда. Поцепившись,

¹ Команда пулеметчиков, вооруженных ручными пулеметами системы «Люйса». — П.А.

они прощаются со мной и тут же говорят: «Батько, вы нужны делу нашей крестьянской организации. Это дело дорого нам. Мы сейчас умрем, но смертью своей спасем вас и всех, кто верен вам и вас бережет; не забудьте передать нашим родителям об этом». Кто-то из них меня поцеловал, и больше я никого из них возле себя не видел. Меня в это время Лева Зиньковский на руках переносил из тачанки на крестьянские дроги, которые повстанцы достали (крестьянин куда-то ехал). Я слышал только пулеметный треск и взрывы бомб, то люйсисты преграждали путь большевикам. За это время мы уехали версты 3-4 и перебрались через речонку. А люйсисты там умерли.

После мы заезжали на это место и крестьяне села Стародубовки Мариупольского уезда показали нам в поле могилку, в которой они, крестьяне, похоронили наших люйсистов. И по сию пору, вспоминая этих простых честных крестьян-борцов, я не могу удержаться от слез. Я все же должен сказать тебе, дорогой мой друг, что это меня, как бы, вылечило. В тот же день к вечеру я сел в седло и вышел из этого района.

В апреле месяце я связался со всеми своими частями, и тем, которые были недалеко от меня, велел сгруппироваться на Полтавщине. К маю месяцу я сгруппировал на Полтавщине Фому Кожина и Куриленко. Это составило более 2000 сабель одной конницы и несколько полков пехоты. Решено было пойти на Харьков и разогнать земных владык из партии коммунистов-большевиков. Но последние не спали. Они выслали против меня больше 60-ти автоброневигов, несколько дивизий конницы, целую армию пехоты. Бой с этими частями длился несколько недель.

Спустя месяц после этих боев там же, на Полтавщине, в одном бою погиб Щусь. Последнее время он был начальником штаба в группе Забудько и очень хорошо и честно работал.

А еще спустя месяц погиб Куриленко. При переходе нашей армии через линию железной дороги он своей группой прикрывал армию, почему, размещая части он оставался с дежурным взводом, сам лично наблюдал за разъездами. В одном хуторе его охватила кавалерия Буденного и он там погиб.

18-го мая 1921 г. конная армия Буденного передвигалась из района Екатеринослава на Дон для подавления крестьянского восстания, руководимого нашими товарищами Бровой и Маслаком — командиром 1-ой бригады дивизии армии Буденного, перешедшего со всей бригадой на нашу сторону.

Наша сводная группа под руководством Петренко-Платонова, при которой находился я и главный штаб, стояла в 20-15 верстах от маршрута, по которому двигалась армия Буденного. Это сблизило Буденного, ибо он хорошо знал, что я нахожусь всегда при сводной группе. Поэтому он приказал начавточасту № 21, двигавшейся в это время туда же на Дон для подавления восстания трудового крестьянства, сгрузить 16 автоброневигов и оце-

нить предместье с. Ново-Григорьевки (Стременное). Сам Буденный с частями 19-ой кавалерийской дивизии (бывшей дивизии «внус») через поля и дороги пришел в с. Ново-Григорьевку ранее, чем это предполагал начальник автобронечастей, объезжавший речонки и овраги и расстанавливавший у дорог сторожевые автоброневки. Бдительный глаз наших наблюдателей это вовремя заметил, что дало нам возможность приготовиться, и как раз в то время, когда Буденный подходил к нашему расположению, мы бросились ему навстречу.

В одно мгновение гордо несшийся впереди Буденный бросил своих соратников и, гнусный трус, обратился в бегство.

Кошмарная картина боя развернулась тогда перед нами. Красные части, пришедшие на нас, состояли из бывших войск внутренней охраны, с нами на крымском фронте не были, нас не знали и, следовательно, были обмануты, что они идут против «бандитов», что воодушевляло их гордость — от бандитов не отступать.

Наши же друзья повстанцы чувствовали себя правыми и считали долгом во что бы то ни стало разбить их и разоружить.

Бой был, какие редко до того и после бывали. Он завершился полным поражением Буденного, что послужило разложением в армии и бегством из нее красноармейцев.

После этого мною был выделен отряд из сибиряков под командой т-ща Глазунова, который был всем хорошо снабжен и направлен в Сибирь.

В первых числах августа 21 года по большевистским газетам мы читали об этом отряде, что он появился в Самарской губернии. Больше о нем не слыхали.

Все лето 21-го года мы не выходили из боев.

Засуха и неурожай в Екатеринославской, Таврической, частью Херсонской и Полтавской губ., а также на Дону, заставили нас передвинуться частью на Кубань и под Царицын и Саратов, а частью на Киевщину и Черниговщину. На последней все время вел бои тов. Кожин. При встрече с нами, он передал мне целые кипы протоколов черниговских крестьян, которые гласят полную поддержку нам в борьбе за вольный советский строй.

Я лично с группами Забудько и Петренко сделал рейс до Волги, обогнул весь Дон, встретился со многими нашими отрядами, связал их между собою и азовской группой (бывшая Вдовиченко).

В начале августа 21 года, в виду серьезных ранений у меня, решено было временно выехать мне с некоторыми командирами за границу, на излечение.

В это время тяжело были ранены наши лучшие командиры — Кожин, Петренко и Забудько...

13-го августа 1921 г. я с сотней кавалеристов взял направление к берегам Днепра и 16-го августа того же года на рассвете при помощи 17-ти крестьянских рыболовческих ло-

док между Орликом и Кременчугом переплыл Днепр. В тот же день был шесть раз ранен, но не тяжело.

По пути движения и на правом берегу Днепра мы встретили многие наши отряды, которым освещали цель нашего выезда за границу, и от всех слышали одно: «уезжайте, вылечите Батько и возвращайтесь снова к нам на помощь...» 19-го августа, в 12-ти верстах от Бобринца мы наткнулись на расположенную на реке Ингулец 7-ую красноармейскую кавалерийскую дивизию. Поворот назад грозил нам гибелью, т.к. один кавалерийский полк заметил нас справа и устремился отрезать нам путь назад. Вследствие чего я попросил Зиньковского посадить меня на лошадь. В мгновение ока, обнажив шашки и с криком — ура! — бросились мы в деревню и вскочили в расположение пулеметной команды упомянутой кавдивизии. Захватив 13 пулеметов «Максима» и три — «Люйса», мы двинулись дальше.

В то время, что мы брали пулеметы, вся кавалерийская дивизия выскочила из села Николаевки и ближайших хуторов в поле и, опомнившись, перешла в контратаку. Мы, таким образом, оказались в мешке. Однако, не потеряли духа. Сбив с нашего пути 38-ой полк 7-ой кавдивизии, мы затем шли на протяжении 110 верст, отбиваясь от непрерывных атак этой дивизии и в конце концов ушли от нее, правда, потеряв 17 человек лучших наших товарищей.

22 августа со мной снова лишняя возня, — пуля попала мне ниже затылка с правой стороны и на вылет в правую щеку. Я снова лежу в тачанке. Но это же ускоряет наше движение. 26-го августа мы принимаем новый бой с красными, во время которого погибли наши лучшие товарищи и борцы — Петренко-Платонов и Иванюк. Я делаю изменение маршрута и 28 августа 1921 г. перехожу Днестр. Я — за границей...»

* * *

Третий поход большевиков на махновцев был одновременно и походом на украинскую деревню. Общая задача их в этом походе заключалась в том, чтобы, разбив махновскую армию, немедленно взять в руки все недовольное крестьянство, отнять у него возможность выделять какие бы то ни было революционно-партизанские течения и формирования. Освободившаяся после разгрома Врангеля многочисленная красная армия давала полную возможность этого. Через все непокорные села непокорного района были проведены красные дивизии, истреблявшие крестьян по доносам местных кулаков. Когда, неделю спустя после изменнического нападения большевиков на Гуляй-Поле, Махно вновь вошел туда, крестьяне и крестьянки массами окружали махновцев и горестно повествовали о том, что только вчера коммунисты расстреляли свыше трехсот местных крестьян. Население Гуляй-Поля напряженно ждало со дня на день прихода махновцев, которые бы спасли несчастных.

Тот же массовый расстрел крестьян махновцы через несколько дней нашли в с. Новоспасовка. В этом последнем культурно-просветительным отделом армии махновцев и Советом повстанцев были зарегистрированы случаи, когда опьяненные убийствами чекисты заставляли матерей брать на руки своих грудных детей и затем одним выстрелом поражали их. Так, например, поступили с женой и грудным ребенком старого повстанца из Новоспасовки, Мартына. Ребенок был разорван винтовочной пулей, а мать лишь ранена и осталась в живых по недосмотру чекистов. И таких случаев было немало. О них со временем расскажет история. Те же массовые расстрелы крестьян были произведены большевиками в селах М. Токмачка, Успеновка, в Пологах и других.

Всей этой карательной экспедицией руководил командующий армиями южного фронта Фрунзе.

«С махновщиной надо покончить в два счета», — писал он в приказе по армиям южного фронта перед началом этой экспедиции. И как истый военный, преисполненный притом желания отличиться перед начальством, он въехал в украинскую деревню с обнаженной пашкой, сея смерть направо и налево¹.

¹ Приведем две характерные для большевиков и данного момента казни.

Середа. — Крестьянин-махновец, Екатеринославской губ., беспартийный. Был казначеем армии, потом в разных делах замещал Махно, которого любил и оберегал с исключительной преданностью. В период соглашения махновцев с большевиками в окт. 1920 г. он в боях с Врангелем был ранен в грудь навывлет, и одна пуля застряла в нем. Ввиду необходимости операции он поехал в Харьков, в полной уверенности, что там комвласть поможет ему в его серьезном положении. В Харькове он действительно был положен в госпиталь, но через неделю, когда большевики произвели повсеместное нападение на махновцев и анархистов, был взят из госпиталя и в марте 1921 г. расстрелян. Здесь уместно припомнить следующее: во время занятия Екатеринослава в октябре 1919 г. махновцы совсем не трогали находившихся в лазарете деникинских солдат и офицеров и солдат других армий, считая убийство находящихся в лазарете врагов актом, недопустимым для чести революционера. Пришедший в Екатеринослав месяц спустя деникинский генерал Слащев (теперешний советский генерал) истреблял всех махновцев, находившихся в лазаретах. Коммунистическая власть пошла дальше Слащева: она расстреляла человека, который, будучи ранен на общем с ней фронте, приехал к ней за помощью, считая свою жизнь под охраной договора, подписанного этой властью.

Богущ. — Анархист, только что приехавший из Америки вместе с другими высланными отсюда анархистами. В период соглашения махновцев с большевиками он находился в Харькове и, много наслышавшись о легендарном Г.-Поле, решил поехать туда и на месте познакомиться с таким явлением, как махновщина. Большевики давали полную возможность этого, предоставив в распоряжение махновского представительства паровоз и отдельные вагоны для перевоза в Гуляй-Поле культурных работников. Однако Богущ в свободном гуляй-польском районе пробыл лишь несколько дней и, ввиду разрыва большевиков с махновцами и начавшейся между ними войны, вернулся в Харьков, где был арестован и по постановлению Че-ка расстрелян в марте 1921 г.

Этот случай нельзя объяснить ничем иным, как тем, что большевики не хотели оставить в живых ни одного из тех лиц, кто знал правду о нападении на махновцев и мог ее рассказать.

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО В МАХНОВЩИНЕ. — ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Махновщина — это низовое движение крестьян и рабочих. Его история показывает, что основное в нем — стремление утвердить свободу труда путем революционной самостоятельности масс.

С первых дней своего зарождения движение охватило бедноту всех национальностей, населявших район. Подавляющее большинство составляли, конечно, украинские крестьяне. Около 6-8% было крестьян и рабочих из Великороссии. Затем шли греки, евреи, кавказцы и бедняки иных национальностей. Греческие и еврейские поселения, расположенные в приазовском районе, находились в постоянной связи с движением. Из греков вышло несколько прекрасных революционных командиров, и до последнего времени в армии имелись особые греческие отряды.

Состоящее из бедняков, спаянное единством рабочих рук, движение сразу же прониклось тем глубоким духом братства народов, который свойствен лишь пострадавшему труду. В его истории не было ни одного момента, когда бы оно опиралось на национальные признаки. Вся борьба махновцев с большевизмом велась только во имя защиты прав и интересов труда. Деникинцев, австро-германцев, петлюровцев, французские десанты (в Бердянске), Врангеля махновцы прежде всего встречали как врагов труда. В любом чужеземном нашествии они видели, главным образом, угрозу трудящимся и нисколько не интересовались национальным флагом, под которым шло вторжение.

В «Декларации», выпущенной Реввоенсоветом армии в октябре 1919 г., в главе по национальному вопросу махновцы говорят следующее:

«Говоря о независимости Украины, мы понимаем эту независимость не как независимость национальную, типа петлюровской самостоятельности, а как независимость социальную и трудовую рабочих и крестьян. Мы заявляем о праве украинского (как и всякого другого) трудового народа на самоопределение не в смысле «самоопределения наций», а в смысле «самоопределения трудящихся»...

По вопросу о языке преподавания в школах махновцы писали следующее:

«В культурно-просветительный отдел армии махновцев поступают запросы от учительского персонала о том, на каком языке преподавать теперь в школах (в связи с изгнанием деникинцев).

Революционные повстанцы, держась принципов подлинного социализма, не могут ни в какой области и ни в какой мере насильствовать естественные потребности народа украинского. Поэтому вопрос о языке преподавания в школах может быть решен не нашей армией, а только самим народом, в лице родителей, учащихся и учащих.

Само собою разумеется, что все распоряжения так-называемого «Особого Сопещения» деникинцев, а также приказ ген. Май-Маевского за № 22, запрещающие материнский язык в школах, отныне уничтожаются, как насильно навязанные нашим школам.

В интересах духовного развития народа, язык школьного преподавания должен быть тот, к которому естественно склоняется местное население, учащие, учащиеся и их родители, и оно, а не власть и не армия, должно свободно и самостоятельно разрешить этот вопрос.

Культ. Просв. Отдел Армии Повстанцев Махновцев.»
(«Путь к Свободе» № 10, 18 окт. 1919 г.)

Мы видим, таким образом, что национальные предрассудки не имели места в махновщине. Также никакого места в движении не имели религиозные предрассудки. Как революционное движение городской и деревенской бедноты, махновщина являлась принципиально противником всякой религии, всякого бога. Из современных социальных движений махновщина — одна из немногих, где абсолютно не интересовались ни своей, ни чужой национальностью, ни своей, ни чужой религией, но где главным почитались труд и свобода труженика.

Однако ненавистники движения наиболее старались дискредитировать его именно в этой области. И в русской, и в заграничной прессе неоднократно сообщалось о махновщине как об узком партизанском движении, чуждом идеалов международной братской солидарности и даже несущим на себе грех антисемитизма. Нет ничего преступнее подобных ложных измышлений. Для освещения этой стороны вопроса мы приведем здесь необходимый фактический материал, относящийся к данной области.

В армии махновцев немалую роль играли еврей-революционеры, из которых многие отбывали каторгу за революцию 1905 г. или жили в эмиграции в государствах Западной Европы и Америки. Кратко расскажем о некоторых из них:

Коган. — Помощи. председателя высшего органа движения — Районного Гуляй-Польского Военно-Революционного Совета. Рабочий. Но еще до революции 1917 г., по мотивам духовного характера, ушел с фабрики на крестьянский труд в беднейшую еврейскую земледельческую колонию. В бою с деникинцами под Уманью был ранен, а затем, будучи раненым, захвачен в уманском лазарете деникинцами; по сообщениям, зарублен ими.

Л. Зиньковский (Задов). — Начальник армейской контрразведки, а впоследствии комендант особого кавалерийского полка. Рабочий. До революции пробыл свыше 10 лет на каторге по политическому делу. Один из активнейших деятелей революционного повстанчества.

Елена Келлер. — Секретарь культ.-просвет. отдела армии. Участница профессионального рабочего движения в Америке. Работница. Одна из организаторов Конфедерации «Набат».

Иосиф Эмигрант (Готман). — Член культ.-просвет. отдела армии. Рабочий. Один из активных участников анархич. движения на Украине. Один из организаторов и член секретариата Конфедерации «Набат».

Я. Алий (Суховольский). — Рабочий. Член культ.-просв. отдела армии. Отбывал каторгу по политическому делу. Один из организаторов и член секретариата Конфедерации «Набат».

Список евреев-революционеров, принимавших участие в различных областях махновского движения, мы могли бы значительно удлинить, но, по мотивам конспирации, не можем этого сделать.

В среде революционного повстанчества трудовое еврейское население занимало подлинно братское место. Еврейские трудовые колонии, во множестве разбросанные в уездах Мариупольском, Бердянском, Александровском и других, принимали самое активное участие в районных съездах крестьян, рабочих и повстанцев, имея на них, а также в районном Военно-Революционном Совете, своих представителей.

В феврале 1919 г., ввиду случаев антисемитизма, Махно предложил всем еврейским колониям организовать самооборону и выдал необходимое количество винтовок и патронов каждой колонии. В то же время он организовал и провел по всему району ряд митингов, на которых призывал массы к борьбе со злом антисемитизма.

В свою очередь, и местное трудовое еврейское население относилось к революционному повстанчеству с глубоким чувством солидарности и революционного единства. По зову Военно-Революционного Совета пополнять армию повстанцев-махновцев добровольными бойцами еврейские колонии дали из своей среды значительное количество бойцов в ряды повстанческой армии.

В армии повстанцев-махновцев имела особая еврейская батарея, обслуживавшаяся одними евреями-артиллеристами и имевшая еврейскую полуроту прикрытия. Эта батарея, под руководством повстанца-еврея Шнейдера, героически обороняла Гуляй-Поле от наступавшего в июне 1919 г. Деникина и, сражаясь до последнего снаряда, вся погибла под Гуляй-Подем в борьбе с белыми полчищами.

В громадном повстанческом круговороте 1918-1919 гг. могли, конечно, быть отдельные лица с антиеврейским настроением, но они являлись продуктом не повстанчества, а общей русской действительности, и не имели никакого значения в целом движении. И когда такие лица прорывались с антиеврейскими действиями, они попадали под суровую руку повстанцев-революционеров.

Выше мы уже отметили, как решительной рукой махновцев был убит Григорьев со своим штабом, и указали, что одним из главных оснований этой казни послужила его причастность к еврейскому погрому.

Приведем другие случаи, относящиеся к этой области и нам известные.

12 мая 1919 г. в еврейской земледельческой колонии Горькой, Александровского уезда, было убито несколько еврейских семейств — всего около 20 человек. Штаб махновцев для расследования дела немедленно назначил комиссию, которая установила, что совершившие убийства были крестьяне соседнего села Успеновка в числе 7 человек. Крестьяне эти не входили в повстанческую армию. Однако махновцы нашли невозможным оставить их безнаказанными и при задержании немедленно расстреляли. После было установлено, что этот случай и другие подобные ему попытки связаны с действиями деникинских отрядов, просочившихся в гуляйпольский район и подготавливавших подобными актами благоприятную почву для общего наступления деникинской армии на Украину.

4 или 5 мая 1919 г. Махно с несколькими командирами спешно ехал с фронта в Гуляй-Поле, где его в течение дня ожидал чрезвычайный уполномоченный республики Л. Каменев с членами харьковского правительства. На станции Верхний Токмак он неожиданно увидел плакат с надписью: «Бей жидов, спасай революцию, да здравствует батько-Махно».

«Кто повесил плакат?» — обратился Махно.

Оказывается, плакат повесил один партизан, лично известный Махно, принимавший участие в боях с деникинцами и человек в общем неплохой. Он немедленно явился и был тут же расстрелян.

Махно уехал в Гуляй-Поле. Но в течение всего дня и всего совещания с уполномоченными республики он находился под впечатлением этого прискорбного случая. Он сознавал, что с повстанцем поступили жестоко, но в то же время видел, что в обстановке фронта и наступавшего Деникина такие плакаты могут принести огромное бедствие еврейскому населению и вред революции, если против них не действовать быстро и решительно.

В момент отступления повстанческой армии к Умани, летом 1919 г., было несколько случаев ограбления партизанами еврейских семейств. Когда повстанцы расследовали эти случаи, обнаружилось, что виновниками их была неизменно одна и та же группа — 4-5 человек. Все они оказались из григорьевских отрядов, которые после убийства Григорьева целиком перешли в армию махновцев. Группа эта по обнаружении была ликвидирована, а вслед за этим были удалены из повстанческой армии все бойцы, бывшие в григорьевских отрядах, как идейно невыдержанный элемент, на перевоспитание которого не было ни подходящих условий, ни времени. Мы видим, таким образом, как махновцы относились к антисемитизму. Проявлявшиеся же вспышки антисемитизма в разных местах Украины не имели никакого отношения к махновщине.

Там, где еврейское население соприкасалось с махновцами, оно находило в них лучших защитников от антисемитских проявлений. Еврейское население Гуляй-Поля, Александровска, Бердянска, Мариуполя, все земледельческие еврейские колонии, расположенные в донецком районе, могут самым полным образом свидетельствовать о том, что в лице махновцев они имели неизменных друзей-

революционеров и что благодаря суровым и решительным действиям последних антисемитские старания контрреволюционных сил в этом районе всегда рубились на корню.

Антисемитизм существует как в России, так и в ряде других стран. В России, и в частности на Украине, он проявлялся не как результат революционной эпохи или повстанческого движения, а как наследие прошлого. Всегда махновцы сурово боролись с ним словом и делом. За время своего движения они выпустили ряд изданий, в которых призывали массы на борьбу с этим злом. Можно смело сказать, что в области борьбы с антисемитизмом на Украине и за пределами ее махновцы совершили огромное дело. В нашем распоряжении имеется одно воззвание, выпущенное махновцами совместно с анархистами по поводу антисемитских проявлений весной 1919 г., имевших несомненную связь с началом общего денкинского наступления на революцию. Вот оно (в сокращении):

«РАБОЧИМ, КРЕСТЬЯНАМ И ПОВСТАНЦАМ.

С угнетенными против угнетателей — всегда!

В тяжелые дни реакции, когда положение украинских крестьян было безвыходным, вы первые восстали, как непоколебимые, бесстрашные борцы за великое дело освобождения трудовых масс... Это был самый красивый и радостный момент в истории нашей революции, ибо вы выступили тогда против врага с оружием в руках, как сознательные революционеры, воодушевленные великой идеей свободы и равенства... Но в ряды ваши стали вкрапываться отрицательные преступные элементы. И среди революционных песен, среди дружных напевов о приближающемся освобождении трудящихся стали раздаваться тяжелые, душу раздирающие крики несчастных забытых евреев-бедняков... На светлом, ярком фоне революции появились темные несмыслимые пятна запекшейся крови бедных мучеников-евреев, которые в угоду злой реакции являются теперь, как и раньше, напрасными невинными жертвами завязавшейся классовой борьбы... Творятся акты позора. Происходят еврейские погромы.

Крестьяне, рабочие и повстанцы! Вы знаете, что в страшной пропасти бедноты прозябают одинаково рабочие всех национальностей: и русские, и евреи, и поляки, и немцы, и армяне и т.д. Вы знаете, что тысячи еврейских девушек, дочерей народа, покупаются и бесчестятся капиталом, наряду с куплей женщин других национальностей. В то же время вы знаете, как много честных искренних евреев — борцов-революционеров — погибло за свободу в России в течение всего нашего освободительного движения... Революция и честь трудящихся обязывает всех нас крикнуть громко, так, чтобы содрогнулись все темные силы реакции, о том, что мы ведем борьбу с одним общим врагом — с капиталом и властью, одинаково угнетающими тружеников: русских, поляков, евреев и т.д. Мы должны объявить всюду, что нашими врагами являются эксплуататоры и поработители разных наций: — и русский фабрикант, и немец-

кий заводчик, и еврейский банкир, и польский помещик... Буржуазия всех стран национальностей объединились для жестокой борьбы против революции, против трудящихся масс всего мира и всех национальностей.

Крестьяне, рабочие и повстанцы! В настоящий момент, когда на русскую революцию обрушился интернациональный враг — буржуазия всех стран — и сеет в рядах трудовых масс национальную рознь, чтобы подорвать революцию и пошатнуть главный фундамент нашей классовой борьбы — солидарность и единение всех трудящихся, — вы должны выступить против сознательных и бессознательных контрреволюционеров, провоцирующих дело освобождения трудового народа от капитала и власти. Ваш революционный долг — пресечь в корне всякую национальную травлю и беспощадно расправляться со всеми виновниками еврейских погромов.

Путь к освобождению трудящихся лежит через объединение трудящихся всего мира.

Да здравствует интернационал труда!

Да здравствует свободная безвластная анархическая коммуна!

Исполком Военно-революционного Совета Гуляй-Польского района.

Гуляй-Польская группа анархистов «Набат».

Командующий армией повстанцев-махновцев Батько-Махно.

Нач. штаба армии повстанцев-махновцев Б. Веретельников.

Село Гуляй-Поле. Май 1919 г.»

Приложение к главе

Приказ № 1.¹

Командующего рев. повстанческой армией Украины
Батько-Махно.

Всем командирам. По пехоте: корпусов, бригад, полков, батальонов, рот, взводов и отделений. По кавалерии: бригад, полков, эскадронов и взводов. По артиллерии: дивизионов, батарей и полубатарей. Всем начальникам штабов, гарнизонов, всем комендантам. Всем без исключения повстанцам-революционерам.

1. Задачей нашей революционной армии и каждого повстанца, в нее вступившего, является честная борьба за полное освобождение трудящихся Украины от всякого порабощения. Поэтому каждый повстанец обязан помнить и следить за тем, что среди нас не может быть места лицам, стремящимся за спиной революционного

¹ Приказ этот был выпущен в момент сбора и формирования всех повстанческих сил в одну армию, когда в последнюю были влиты, в районе Елисаветград — Помощная, после отхода из гуляй-польского района, григорьевские отряды и красноармейской части, пришедшие из Нового Буга.

повстанчества к личной наживе, к разбою или ограблению мирного еврейского населения.

2. Каждый революционный повстанец должен помнить, что как его личными, так и всенародными врагами являются лица богатого буржуазного класса, независимо от того, русские ли они, евреи, украинцы и т.д. Врагами трудового народа являются также те, кто охраняет буржуазный несправедливый порядок, т.е. советские комиссары, члены карательных отрядов, чрезвычайных комиссий, разъезжающие по городам и селам и истязующие трудовой народ, не желающий подчиняться их произвольной диктатуре. Представителей таких карательных отрядов, чрезвычайных комиссий и других органов народного порабощения и угнетения каждый повстанец обязан задерживать и препровождать в штаб армии, а при сопротивлении — расстреливать на месте. За насилие же над мирными тружениками, к какой бы национальности они ни принадлежали, виновных постигнет позорная смерть, недостойная революционного повстанца.

3. Всякие самочинные реквизиции и конфискации, а также замена у крестьян лошадей и бричек, без бумаг от начальника снабжения, воспрещается под страхом суровой ответственности. Каждому повстанцу надлежит помнить, что самовольные реквизиции привлекают в ряды повстанческой армии самых отъявленных хулиганов, стремящихся лишь к наживе, дают им возможность, под именем революционных повстанцев, творить подлые дела, позорящие наше революционное освободительное движение.

Призываю всех повстанцев-партизан самим следить за порядком и честью истинно революционной повстанческой армии, борясь со всякой несправедливостью, как в своей среде, так и в среде защищаемого нами трудового народа¹. Не может быть несправедливости в нашей среде. Не может быть обиды от нас ни одному сыну и дочери трудового народа, за который боремся. И всякий², кто это допустит, покрывает себя позором и навлекает на себя кару народной революционной армии.

4. В интересах революции и правильной борьбы за наши идеалы необходима во всех частях самая серьезная товарищеская дисциплина. Необходимы полное уважение и послушание в военном деле избранным вами командирам. Этого требует вся серьезность выпавшего на нас великого дела, которое мы с честью доведем до конца и которое, при отсутствии между нами дисциплины, мы погубим. А потому вмняю в обязанность всем командирам частей

¹ Т. е. борясь с несправедливостью как в собственной среде, так и по отношению к среде трудового народа. — П.А.

² Т. е. всякий повстанец. — П.А.

вести совместно с повстанцами строжайшую в своей среде и в своем деле дисциплину.

5. Пьянство считается преступлением. Еще большим преступлением считается показываться повстанцу революционной армии в нетрезвом виде на улице.

6. При переездах из одного села в другое каждый повстанец должен быть в полной боевой готовности. Отношение к мирному населению в селах и пути должно быть прежде всего вежливое, товарищеское. Помните, товарищи командиры и повстанцы, что мы — дети великого трудового народа, каждый труженик и труженица являются нашим братом и сестрою. Дело, за которое мы боремся — великое дело, требующее от нас неутомимости, великодушия, братской любви и революционной чести. Поэтому призываю всех повстанцев-революционеров быть истинными друзьями народа и верными сынами революции. В этом наша сила и залог победы.

Командующий революц. повстанческой армией Украины *Батько-Махно*.

Местечко Добровеличковка, Херсонской губ.

5-го августа 1919 г.

Глава одиннадцатая

ЛИЧНОСТЬ МАХНО. — КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ УЧАСТНИКАХ ДВИЖЕНИЯ

Махновщина есть революционное движение масс, подготовленное историческими условиями жизни беднейших слоев русского крестьянства. Явись Махно или нет, движение все равно родилось бы в народных низах и отыскало формы проявления своих интересов. С первых дней революции оно прорывалось из глубин народа в разных местах России. Не на Украине, так в другом месте оно неминуемо должно было пробиться наружу и занять свое место. Русская революция несла его в своем чреве. Политическая обстановка на Украине в 1918 году помогла ему широким потоком выйти на простор и до некоторой степени закрепиться. Как движение низовое и историческое, оно с первых же дней выдвинуло многочисленную плеяду лиц, до того времени никому не известных, сильных духом, с огромным революционным инстинктом и большими способностями в области боевой стратегии. Такими с начала движения были — Калашников, братья Каретники, Василевский, Марченко, Вдовиченко, Куриленко, Гавриленко, Петренко, Белаш, Щусь, Иван и Александр Лепетченко, Исидор Лютыи, Веретель-

ников, Чубенко, Тыхенко, братья Даниловы, Л. Зиньковский, Крат, Серегин, Тарановский, Пузанов, Троян и ряд других, менее известных. Все они были пионерами махновского движения, носителями его знамени и прекрасными руководителями. И это же движение выдвинуло достойного себе общего руководителя в лице Нестора Махно.

На наш взгляд, Махно прошел в своем развитии три главных этапа.

Первый этап — это когда он был юным революционером, заключенным в каторжной тюрьме. В обстановке каторги он ничем особенным не отличался от других, жил, как и все прочие, — носил кандалы, сидел по карцерам, вставал на поверку. Единственное, что обращало на него внимание, — это его неутомимость. Он вечно был в спорах, в расспросах и бомбардировал тюрьму своими записками. Писать на политические и революционные темы у него было страстью. Кроме того, сидя в тюрьме, он любил писать стихотворения и в этой области достиг большего успеха, чем в прозе. Званием анархиста в то время он очень дорожил, считая, что выше и красивее анархического мира идей ничего нет. Во время империалистической войны он был абсолютно чужд патриотического угара, которым, кстати сказать, страдала добрая половина политических каторжан. Призывы Кропоткина, поддерживавшего одну из воюющих сторон, его страшно огорчили, но нисколько не поколебали.

Второй этап развития Махно — это промежуток времени с 1 марта 1917 до лета 1918 года. В этот период он проявил кипучую революционную деятельность в гуляй-польском районе. Профессиональные союзы рабочих и союзы крестьян в Гуляй-Поле, первый рабочий-крестьянский совет в нем, — это все продукты упорной работы Махно в 1917 году. Среди местных крестьян он в это время приобрел огромную популярность, однако на фоне российской действительности, когда революция выдвинула целый ряд энергичных натур, ничем особым не отличался. Но в нем просвечивала уже новая черта: находясь в общении с товарищами, он часто уходил в себя и неожиданно для окружающих принимал быстрые, важные в его жизни решения.

И, наконец, третий этап — это участие его в рядах революционного повстанчества со времени гетманщины до последних дней.

Несомненно, область восставшей крестьянской массы, область революционного и военного действия явилась для него той стихией, в которой он нашел себя целиком.

Весной 1919 г., когда нам впервые пришлось наблюдать его в новой обстановке, в качестве вождя революционного повстанчества, это был уже совершенно новый, *преображенный* человек.

Внешне Махно оставался тем же, а внутренне он был уже совсем другим человеком. Он весь горел своим делом. Во всех его движениях сказывались ум, сила воли и проницательность. Тогда он целиком был занят южным противоденикинским фронтом. Энергия, проявленная им в этом деле, — колоссальна. Целыми неде-

лями и месяцами он дни и ночи был на фронте, обычно в цепи, наряду с прочими повстанцами. А когда приезжал в Гуляй-Поле, все время отдавал работе в штабе. Работа эта ежедневно длилась до часу ночи и дольше. Лишь после окончания ее Махно ложился спать. А на другой день в пять-шесть часов утра он уже ходил по Гуляй-Полю и стучал в окна заспавшихся членов штаба. При этом ежедневно он принимал участие в митингах и собраниях — или в самом Гуляй-Поле, или в соседних селах. И в то же время он находил полчаса, час времени, чтобы побывать на крестьянской свадьбе, куда молодые пригласили его еще две-три недели тому назад. С крестьянами он поддерживал прежние мужицкие отношения, был внимателен к ним и жил в общем той же простой жизнью, что и они.

На Украине среди крестьян и рабочих ходит множество легенд о Махно, представляющих его необычно смелым, хитроумным и всепобеждающим. На самом деле, когда всматриваешься в самого Махно, изучаешь его действия, то убеждаешься в том, что он легендарнее всех легенд о нем.

Махно есть человек исторического действия. Три года его революционной борьбы наполнены непрерывными делами, из которых одно красочнее другого.

Главной чертой личности Махно является его огромная сила воли. Казалось, этот небольшой человек сложен из какого-то особенно твердого материала. Ни перед какими препятствиями он не отступал, если брался преодолеть их. В тягчайшие минуты своей жизни, когда происходила катастрофа на фронте или когда на глазах его погибали ближайшие друзья, он оставался неизменным, словно случившееся не касалось его. На самом деле он больше других страдал в этих случаях, но не показывал своих страданий окружающим. Когда после срыва военно-политического соглашения в ноябре и декабре 1920 г. большевики, зная, с кем они имеют дело и стараясь не повторять ошибок всего предыдущего лета, бросили на Махно четыре армии войск, последний оказался в катастрофическом положении. Однако он ни на волос не потерял душевного равновесия. Спокойствие его было поистине изумительным: он не обращал никакого внимания на тысячи снарядов, разрывавших на куски повстанческий отряд, на ежеминутную опасность быть раздавленным красными армиями. Постороннему наблюдателю это хладнокровие Махно могло бы показаться хладнокровием душевнобольного человека. Но такой вывод мог сделать лишь тот, кто был с ним мало знаком. Знающие Махно видели, что в этом своем спокойствии он представлял собою сплошной волевой порыв к победе над врагом.

Решительность Махно, в отличие от другого типа людей, действующих уверенно лишь за чужими спинами и, по преимуществу, чужими руками, — есть решимость подлинного героя. Во всех важных случаях Махно идет впереди, первый рискуя своей головой. Идет ли он в бой с отдельным полком, или вся армия снимается и растягивается обозом на 15-20 верст, — Махно всегда впереди:

верхом, если здоровый, или в быстрой коляске, если раненый. Это неизменное правило в армии.

Он, несомненно, обладал огромным военным талантом. В какие только невероятно тяжелые условия ни ставила его и его армию украинская действительность! Он всегда с достоинством выходил из них. Уманский разгром денкинских дивизий, предводительствуемых опытными генералами-академиками, и последующий разгром всего тыла денкинцев войдут в историю как свидетельства военного таланта Махно. Таких исторических побед у него несколько.

По своему революционному и социальному мировоззрению Махно — анархист-коммунист. Он фанатично предан своему классу — бесправному и подневольному беднейшему крестьянству.

Махно — хитроумный. Это природное его свойство, обострившееся в крестьянской среде, проявляется во всем. Он вполне заслуженно пользуется любовью как в самой армии, так и среди крестьян. Они считают его своим, единственным, особенным. «Батько — наш», — говорили о нем повстанцы. — «Он и стакан водки выпьет с нами, и речь хорошую скажет, и в цепь пойдет»... В этих словах дана, пожалуй, лучшая характеристика Махно как сына народа. Его связь с народом всегда была настоящей, черноземной связью. Вряд ли в России найдется человек, который бы пользовался такой популярностью и живой любовью масс, как Махно. Крестьяне тайне гордятся им. Однако он никогда не использовал эту любовь, чтобы подчеркнуть свое положение. Наоборот, нередко с чисто украинским юмором посмеивался над ним.

У Махно была резкая, твердая рука настоящего руководителя. Ему чужды были властнические тенденции, но в обстановке решительных действий он всегда проявлял необходимую твердость, не внося при этом в движение деспотического начала и в то же время отводя его от опасности распыления.

Известно, как много судачили большевики¹ по поводу того, что крестьяне звали Махно «батько». В главе третьей мы уже указывали на то, каким образом и при каких обстоятельствах дано ему это имя. С 1920 года его обычно зовут «малым» — т.е. именем, характеризующим его малый рост и случайно подвернувшимся кому-то из повстанцев.

В личности Махно ярко проявлены черты большого человека — ум, сила воли, смелость, энергия, активность. В соединении эти черты создавали могучий облик и возвышали Махно даже в революционной среде.

Однако у Махно была недостаточная теоретическая подготовка, недостаточные исторические и политические знания. Поэтому он

¹ Начиная с 1920 г., большевики много писали об отрицательных личных сторонах Махно, ссылаясь на дневник якобы его жены, некоей Федоры Гаенко, захваченный будто во время одного боя. Жена Махно, Галина Андреевна Кузьменко, живет с ним с 1918 г. *Никогда* она личного дневника о махновском движении не вела и не теряла. Следовательно, ссылка на такой дневник есть обычная ложь власти, не постеснявшейся прибегнуть к фальсификации.

часто не справлялся с революционно-теоретическими построениями или просто упускал их из виду.

Широкое движение революционного повстанчества нуждалось в своих социально-революционных формулах. Махно, при недостатке теоретических знаний, не всегда удавалось сделать выводы обобщающего характера. При том положении, которое он занимал в революционном повстанчестве, это отражалось на всем движении.

Мы того мнения, что, обладай Махно большими знаниями по истории и общественно-политическим вопросам, революционное повстанчество вместо некоторых поражений имело бы ряд выдающихся побед, которые сыграли бы колоссальную — быть может, решающую — роль в дальнейшей судьбе всей русской революции.

В самой личности Махно была, кроме того, черта, которая ослабляла его сильные стороны — это временами проявлявшаяся в нем доля беззаботности. Перед лицом серьезнейших требований момента этот человек, полный энергии и настойчивости, вдруг становился несвоевременно беспечным и не проявлял в полной мере того проникновенного отношения к задаче дня, которое требовалось общим положением.

Так победы махновцев над контрреволюцией Деникина осенью 1919 г. не были максимально использованы и развиты до размеров общеукраинского повстанья, хотя обстановка для этого была очень благоприятная. Причинами этому, наряду с прочими, были, в некоторой степени, увлечение минутой победы, спокойствие и беспечность, с которыми руководители повстанчества совместно с Махно расположились в освободившемся районе, не отдав должного внимания быстро надвигавшемуся с севера большевизму.

Но Махно рос и развивался вместе с ростом и развитием русской революции. С каждым годом он становился сосредоточеннее. В 1921 году он уже был гораздо опытнее и глубже, чем в 1918—1919 гг.

При рассмотрении личности Махно нельзя упускать из вида крайне неблагоприятную обстановку, окружавшую его с детских лет: почти полное отсутствие около него грамотных людей, дефицит практического опыта и руководства в социально-революционной борьбе. Несмотря на это, Махно обессмертил свое имя в русской революции, и история с полным правом отнесет его к числу выдающихся людей этого времени.

К нашему удивлению, большинство современных русских анархистов, претендовавших на руководящую роль в области анархической мысли, не сумели увидеть выдающихся сторон личности Махно. Многие из них смотрели на него через большевистские стекла, беря материал из рук государственной агентуры, или оттаптывались на несущественных сторонах личности Махно. Редким исключением в этом отношении явился П.А. Кропоткин.

«Передайте от меня т-щу Махно, чтобы он берег себя, потому что таких людей, как он, в России немного».

Эти слова были сказаны Кропоткиным в июне 1919 г., т.е. тогда, когда в центральной России о Махно, кроме извращенных сведений, никакого другого материала не было.

Проникновенный взор Крopotкина на расстоянии, по отрывочным фактам, узнал в Махно личность крупного исторического действия.

Краткие сведения о некоторых участниках движения

Настоящую главу мы закончим краткими сведениями о некоторых ответственных участниках движения. Собранный о них биографический материал пропал в начале 1921 г., в силу чего мы теперь можем дать о них лишь крайне скудные сведения.

Семен Каретник. — До революции безземельный крестьянин Гуляй-Поля, батрак. Образование начальное, одногодичное. Участник движения с первых дней. Анархист-коммунист со времени революции 1907 г. Выдающийся военный талант. В бою с деникинцами был несколько раз ранен. С начала 1920 г. стал заместителем Махно; в качестве такового командовал крымской армией, воевавшей против Врангеля. Член Совета революционных повстанцев Украины. После ликвидации Врангеля был вызван советскими властями, якобы для военного совещания в Гуляй-Поле, но дорогой был изменнически схвачен и расстрелян в г. Мелитополе. Остались жена и несколько детей.

Марченко. — Крестьянин Гуляй-Поля. Сын бедняков. Образование начальное, неполное. Анархист-коммунист с 1907 г. Один из первых повстанцев гуляй-польского района. Был в плену у деникинцев, несколько раз ранен. Последние два года — командующий всей кавалерией армии. Член Совета революционных повстанцев. Убит в январе 1921 г. в бою с красными в Полтавской губ. Осталась жена.

Григорий Василевский. — Крестьянин Гуляй-Поля, из бедной семьи. Образование начальное. Стал анархистом еще до революции 1917 г. Участник движения с первых дней. Личный друг Махно и соратник по революционной деятельности. Нередко исполнял роль его заместителя. Убит в бою с дивизиями червоного казачества в Киевской губернии в декабре 1920 г. Остались жена и дети.

Б. Веретельников. — Крестьянин с. Гуляй-Поля. Литейщик на местном заводе, а также на Путиловском заводе в Петрограде. Сначала был эсером, а с 1918 г. — анархист. Опытный организатор и агитатор. Принимал активное участие во всех фазах русской революции. В 1918 г. приехал в Гуляй-Поле, где работал как агитатор и приобрел широкую популярность в районе. Последнее время замещал начальника штаба армии. В первых числах июня 1919 г., когда деникинцы прорвались в район, он во главе свежего, наспех сформированного полка пошел задерживать неприятеля; в 15-ти верстах от Гуляй-Поля, под селом Святодуховка Александровского уезда, был полностью окружен и погиб со всем полком, выдержав бой до последнего удара. Остались жена и дети.

Петр Гавриленко. — Сын крестьян Гуляй-Поля. Анархист с революции 1905-07 г.г. Один из активнейших участников махновского движения. Выдающийся революционный и военный руково-

дитель. Сыграл важную роль в разгроме Деникина осенью 1919 г., командуя третьим корпусом войск повстанцев-махновцев. Весь 1920 г. находился в заключении у большевиков в Харькове. На основании военно-политического соглашения махновцев с советской властью был освобожден и сразу же поехал на крымский фронт против Врангеля, заняв пост начальника полевого штаба армии махновцев. После ликвидации Врангеля был изменнически схвачен советской властью в Крыму и, по сообщениям, расстрелян в г. Мелитополе.

Василий Куриленко. — Крестьянин села Новоспасовка. Анархист. Образование начальное, неполное. Командир кавалерийских полков. Член Совета революционных повстанцев. Как опытный кавалерист в 1919 г., после объявления махновцев вне закона, был все же приглашен красным командованием на пост командира конных частей. С согласия Махно и других товарищей принял это предложение и задерживал наступление Деникина в районе Екатеринослава. В момент военно-политического соглашения махновцев с большевиками был уполномочен от махновского лагеря на ведение переговоров. До 1920 г. был пять раз ранен в боях с белыми и красными. Опытный агитатор. Убит в боях с красными войсками летом 1921 г. Осталась жена.

Виктор Белаш. — Крестьянин с. Новоспасовка. 26 лет. Образование начальное. Анархист. До 1919 года был командиром полка и ходил на Таганрог. С 1919 г. являлся начальником штаба армии. За участие В. Белаша в махновском движении деникинцы убили его отца, деда и двух братьев и сожгли все хозяйство. Член Совета революционных повстанцев. Великолепный военный стратег, разработавший все планы движения армии и за них отвечавший. Захвачен большевиками в 1921 г. Угрожал расстрел. Судьба неизвестна.

Вдовиченко. — Крестьянин села Новоспасовка. Анархист. Образование начальное. Командир особой группы повстанческих войск. Один из активнейших деятелей революционного повстанья. Пользовался огромной популярностью и любовью среди крестьян всего Приазовья, а также во всей повстанческой среде. Играл выдающуюся роль в разгроме Деникина осенью 1919 г. В 1921 г. с тяжкими ранениями был захвачен большевиками и находился накануне расстрела, с презрением отвергнув предложение последних поступить к ним на службу. Судьба неизвестна.

Петр Рыбин (Зонов). — Рабочий-металлист из Орловской губ. Во время царской реакции эмигрировал в Америку, где сразу же вошел в профессиональное революционное движение и играл в нем большую роль; состоял членом Союза русских рабочих Соединенных Штатов и Канады. В начале революции 1917 г. вернулся через Японию и Владивосток в Россию и остановился в Екатеринославе. Здесь он целиком ушел в профессиональное движение и пользовался большой популярностью среди рабочих. В конце 1917 г. екатеринославские рабочие посылают его на всеукраинскую конференцию представителей фабрично-заводских ко-

митетов и профсоюзов. На этой конференции была принята схема Рыбина, схема объединения промышленности и восстановления транспорта. После этого, по предложению большевиков, Рыбин остается в Харькове, работая в союзе металлистов и других центральных учреждениях промышленности и транспорта. Летом 1920 г. он приходит к заключению, что работать с большевиками абсолютно невозможно, т.к. большевизм весь свой фронт повернул против рабочих и крестьян. Следует заметить, что Рыбин работал с большевиками в качестве кропотливого усидчивого профессионального работника и совсем не предъявлял советской власти анархических требований. Однако, оставаясь только профессионалом, он нашел невозможным честно служить рабочему классу в условиях коммунистической диктатуры. Осенью 1920 г. его мысль обращается к лагерю Махно, он едет туда и становится энергичным работником в культурной области этого движения. Через некоторое время его выбирают в Совет революционных повстанцев в качестве члена и секретаря Совета. Как организатор и культурный работник, Рыбин проявляет огромную энергию. В январе 1921 г. он временно покидает лагерь махновцев и едет в Харьков. Здесь у него было намерение вызвать по телефону Раковского, назваться и заклеить позором его и остальных виновников изменнического нападения на махновцев и анархистов. Возможно, что он и выполнил это свое намерение, и возможно, что это привело его к гибели; через 5 дней по прибытии в Харьков он был арестован, а через месяц после этого расстрелян по постановлению Че-ка: расстрелян большевиками, которые не так давно прочли ему большую будущность как самобытному, из низов вышедшему организатору и теоретику рабочего движения.

Калашников. — Молодой повстанец. Сын рабочего, с образованием низшего городского училища. До революции был прапорщиком в армии. С 1917 г. — секретарь гуляй-польской организации анархистов-коммунистов. Необычайно смелый и талантливый командир. Главный организатор переворота среди красных войск на Новом Буге летом 1919 г. Командовал вначале 1-й бригадой повстанческих войск, а затем 1-м донецким корпусом махновской армии. Летом 1920 г. в бою с красными был убит попавшим в него артиллерийским снарядом. Осталась жена с ребенком.

Михалев-Павленко. — Сын крестьян из Великокороссии. Член петроградской организации анархистов. Приехал в Гуляй-Поле в начале 1919 г. Был организатором и командиром инженерно-железнодорожных войск армии махновцев. Необыкновенно чистая и деликатная душа юноши-идеалиста. 11 или 12 июня 1919 г., находясь на боевом поезде и не выходя ни на минуту из боев с наступающими денкидцами, был вместе с Бурбыгой изменнически схвачен Ворошиловым, командиром 14-й армии, и казнен 17 июня 1919 г. в г. Харькове.

Макеев. — Рабочий г. Иваново-Вознесенска. Член иваново-вознесенской организации анархистов. Приехал в Гуляй-Поле в конце

апреля 1919 г. в числе 36 человек рабочих-анархистов иваново-вознесенской организации. Первоначально вел пропагандистскую работу. Вскоре был избран комендантом штаба армии. В конце ноября 1919 г., командуя повстанческим отрядом в районе станции Запорожье, был убит в бою с генералом Слащевым.

Василий Данилов. — Сын бедной крестьянской семьи Гуляй-Поля. Кузнец. Солдат-артиллерист. В рядах революционного повстанчества состоит с дней его зарождения. В армии повстанцев-махновцев занимал ответственный пост начальника артиллерийского снабжения.

Чернокнижный. — Сельский учитель из Ново-Павловки, Павлоградского уезда. На втором гуляй-польском съезде крестьян, рабочих и повстанцев был избран председателем Военно-революционного Совета гуляй-польского района и на этом своем посту находился до разгрома большевиками и деникинцами повстанческого района в июне 1919 г. За участие в повстанческом движении неоднократно объявлялся советской властью вне закона.

Щусь. — Крестьянин села Большая Михайловка, из бедной семьи. Матрос. Один из первых и активнейших партизан юга Украины. Еще в апреле 1918 г. руководил повстанческими отрядами, боровшимися с нашествием австро-германцев. Проявил исключительную энергию и смелость в борьбе с властью гетмана и австро-германцев. Его имя в повстанческой среде и во всем районе юга Украины почти столь же популярно, как и имя Нестора Махно. В армии повстанцев-махновцев занимал ответственные посты в качестве руководителя кавалерийских частей, затем в качестве члена штаба армии и, наконец, в качестве начальника штаба особой группы повстанческих войск. В июне 1921 г. был убит в бою с красными кавалерийскими частями в Полтавской губ.

Исидор Лютый. — Крестьянин Гуляй-Поля. Образование начальное. Маляр по профессии. Анархист. Один из первых и активнейших деятелей революционного повстанчества. Член штаба армии махновцев и ближайший помощник Н.Махно. Убит в боях с деникинцами под Уманью в сентябре 1919 года.

Фома Кожин. — Крестьянин. Беспартийный. Командир пулеметного полка в армии махновцев, а затем командир особой группы войск. Сыграл видную роль в разгроме Деникина осенью 1919 г. и в ликвидации Врангеля в 1920 г. В боях с Деникиным и Врангелем был несколько раз ранен. В августе 1921 г. в боях с красными был тяжело ранен. Судьба неизвестна.

Братья Лепетченко — Иван и Александр. — Крестьяне с Гуляй-Поля. Анархисты. Одни из первых, поднявших восстание против гетманщины на Украине. Активнейшие работники революционного повстанчества как на фронте, так и внутри района. Александр Лепетченко был расстрелян большевиками весной 1920 г. в Гуляй-Поле, как активный махновец. Иван Лепетченко до самого разгрома занимал ответственный пост в армии повстанцев-махновцев.

Серегин. — Крестьянин. Анархист с 1917 г. Участник повстанческого движения с первых дней его. В армии повстанцев-махновцев занимал ответственный пост начальника снабжения армии.

Григорий и Савва Махно. — Родные братья Н. Махно.

Григорий Махно в 1918 г. и в начале 1919 г. участвовал в боях против контрреволюции на царицынском фронте, занимая ответственный пост начальника штаба 37-й красноармейской бригады. В армию повстанцев-махновцев вошел весной 1919 г. Выполнял должность помощника начальника штаба армии. Убит в боях с деникинцами под Уманью в сентябре 1919 г. одновременно с Исидором Лютым.

Савва Махно — старший из всех братьев Махно — принимал участие в рядах повстанчества с начала австро-германской оккупации. В начале 1920 г. был схвачен большевиками в Гуляй-Поле и расстрелян, главным образом из-за Нестора Махно. Осталась большая семья.

* * *

Из-за отсутствия в нашем распоряжении необходимых биографических данных мы не можем полно отметить всю многочисленную плеяду деятелей махновщины, игравших активную и ответственную роль в движении, как-то:

Гаркуша — командир особой группы войск повстанцев-махновцев, убитый в 1920 г.;

Коляда — член штаба армии;

Дерменджи — начальник связи;

Правда — начальник армейского обоза;

Бондарец — командир всей конницы, убитый в 1920 г.;

Чубенко — начальник подрывной команды¹;

Брова — командир особой группы войск;

Домашенко — комендант штаба армии;

Забудько — командир особой группы;

Тыхенко — начальник отдела снабжения армии;

Бурьма — начальник подрывной команды;

Чумак — казначей армии;

Крат — заведующий хозяйственной частью,

и много других. Все они вышли из низов трудовой массы в наиболее революционный героический период ее жизни и не щадя сил служили движению до последних дней.

¹ За трехлетний период повстанчества некоторые должности в армии махновцев занимались последовательно несколькими личностями.

МАХНОВЩИНА И АНАРХИЗМ

Анархизм несет в себе два мира — мир философии, идеи, и мир практических достижений, действий. Между собою они находятся в тесной связи. Борящийся рабочий класс привлекает, главным образом, конкретная, практическая сторона анархизма. Основанием практического анархизма является принцип революционной инициативы трудящихся и их самоосвобождения. Отсюда сам по себе вытекает в дальнейшем и принцип безгосударственности и самоуправления трудящихся в новом обществе. Но до сих пор в истории пролетарской борьбы мы не имеем примера массового анархического движения в его чистом, строго принципиальном виде. Все бывшие до сих пор движения рабочих и крестьян были движениями в рамках капиталистического строя, с тем или иным анархическим оттенком. И это вполне понятно.

Рабочие классы находятся не в мире желательного, а в мире существующего, где они ежедневно подвержены физическим и психическим воздействиям враждебных сил. Помимо анархического мира идей, слабого в своем распространении, они постоянно испытывают на себе воздействие всей обстановки капиталистического мира.

Естественно, что и борьба, которую ведут рабочие и крестьяне, неизбежно несет на себе печать условий и особенностей существующего. Эта борьба не может родиться в готовой, законченной анархической форме, отвечать всем требованиям идеала. Такая законченная форма возможна лишь в узких политических кружках, и опять же не на практике, а в планах, в программах.

Широкая масса, начиная борьбу, особенно борьбу большую, неизбежно вначале совершает ошибки, допускает противоречия, уклонения и лишь в процессе этой борьбы выравнивает свою линию применительно к идеалу, за который борется.

Так всегда было. Так и в дальнейшем всегда будет. Как бы мы в предварительный, мирный период тщательно ни подготовили организации и позиции рабочего класса, в первый день решительной массовой борьбы дело пойдет далеко не так, как намечалось в плане: в иных случаях самим фактом большого массового выступления, непредвиденных уклонов и толчков массы некоторые позиции будут сдвинуты, потребуют уточнений. И лишь постепенно огромное массовое движение выберется на тот законченно-принципиальный путь, который ведет к цели.

Это, конечно, не означает, что предварительная организация позиций и сил рабочего класса не нужна. Наоборот, такая предварительная работа является единственным условием победы трудящихся. Но при этом следует постоянно помнить, что она далеко не венчает дело, что и при наличии ее движение потребует еще проницательности в каждый момент, умения быстро ориентироваться в новых складывающихся обстоятельствах, словом, — оно по-

требует революционной классовой стратегии, от которой в значительной степени будет зависеть исход движения.

Анархический идеал велик и богат в разнообразии своих построений. Однако роль анархистов в социальной борьбе масс очень скромна. Их задача — помочь массам встать на правильный путь борьбы и создания нового общества. Если массовое движение не вступило еще в стадию решительного столкновения, они должны помочь массам уяснить смысл предстоящей борьбы, ее задачи и цели, должны помочь им наметить свои боевые позиции, организовать свои силы. Если же движение вошло в стадию решительного столкновения, они, не теряя ни минуты времени, должны войти в него, помочь ему освободиться от ошибочных уклонов, поддержать массы в их первых творческих начинаниях, служить им мыслью, стремясь все время к тому, чтобы движение прочно встало на путь, ведущий к основной цели трудящихся. В этом основная и, пожалуй, единственная задача анархизма на ближайший период революции. Рабочий класс, овладевший прочно позициями борьбы и социального строительства, несомненно, не уступит более никому инициативы творчества. Он будет уже руководствоваться своей мыслью, создаст общество по своей схеме. Быть может, это будет анархическая схема, но и она, и общество, по ней построенное, выйдут из недр освобожденного труда, срубленные и свинченные его мыслью, его волей.

Когда мы обращаемся к махновщине, то сразу же сталкиваемся с двумя основными сторонами этого движения: 1) народный, низовой, истинно пролетарский источник его; оно зародилось в массах, и массы от начала до конца поддерживают его, развивают и направляют; 2) оно не только стихийно, но вполне сознательно с первых дней своего зарождения стало опираться на некоторые бесспорно анархические принципы: а) на право полной инициативы трудящихся, б) на право их хозяйственного и общественного самоуправления, в) на принцип безгосударственности в социальном строительстве. В течение всего своего развития движение упорно и последовательно держится этих начал. Во имя их оно потеряло от 200 до 300 тысяч лучших сынов народа, отвергло союзы с какими бы то ни было государственными силами и в продолжение трех лет, в неслыханно тяжелых условиях, с героизмом, редким в истории, несет черное знамя угнетенного человечества, на котором написано — действительная свобода трудящихся, подлинное равенство в новом обществе.

В лице махновщины мы имеем массовое анархическое движение трудящихся — не вполне законченное, не вполне кристаллизованное, но устремленное к анархическому идеалу и пошедшее по анархическому пути.

Но потому именно, что движение это вышло из глубин масс, оно не располагало необходимыми теоретическими силами, нужными при всяком большом социальном движении. Этот недостаток сказался в том, что движение, перед лицом суровой действительности, запаздывало в развитии своих идей и лозунгов, в выработке

конкретных практических форм своих. Поэтому оно медленно и тяжело развивалось, особенно ввиду многочисленных враждебных сил, со всех сторон вцепившихся в него.

Следовало бы ожидать, что анархисты, так много говорившие всегда о массовом революционном движении, годами ждавшие его, как пришествия Мессии, поспешат войти в это движение, слиться с ним, отдаваясь ему целиком. На самом деле этого не произошло.

Большинство русских анархистов, прошедших теоретическую школу анархизма, пребывало в своих изолированных, никому в то время не нужных кружках, стояло в стороне, допытывалось, что это за движение, как к нему следует отнестись, и бездействовало, утешая себя той мыслью, что движение как будто не чисто анархическое.

Между тем их помощь движению, особенно в то время, когда большевизм не разорвал еще нормальный рост последнего, была бы неоценима. Массы до зарезу нуждались в работниках, которые могли бы формулировать и развивать их идеи, выносить эти идеи на широкий простор жизни, разрабатывать формы движения и направлять его дальнейший ход. Анархисты не захотели быть этими работниками. Тем самым они нанесли огромный ущерб движению, и себе. Движению — тем, что не отдали ему вовремя своих организационных и культурных сил, вследствие чего движение развивалось медленно, в муках, обходясь теми малыми теоретическими силами, которые имелись у масс. А себе анархисты нанесли вред тем, что ограничили свою связь с живой действительностью и тем самым обрекли себя на бездеятельность и бесплодие.

Мы обязаны констатировать, что русские анархисты проспали в своих кружках величайшее массовое движение, которое в настоящей революции является пока что единственным, призванным осуществить исторические задачи поработанного человечества.

Но в то же время мы считаем, что этот печальный факт произошел не случайно, что он имел вполне определенные причины. Остановимся на них.

Среди наших теоретиков анархизма большой процент составляют выходцы из интеллигенции. Это обстоятельство много значит. Находясь под знаменем анархизма, многие из них все же не могли целиком порвать с психологией среды, из которой вышли. Больше других занимаясь теорией анархизма, они постепенно проникались сознанием руководства в анархическом мире и считали, что и само анархическое движение начнется от них или при их непосредственном участии. Движение началось далеко от них, на окраине, и притом в самых глубинах современного общества. Лишь немногие из теоретиков анархизма нашли в себе необходимые чуткость и мужество признать это движение именно тем, к которому их давно подготовлял анархизм, и поспешить к нему на помощь. Правильнее будет сказать, что из всех интеллигентных, теоретически образованных анархистов только Волин решительно вошел в движение, полностью отдав ему свои способности, силы и знания. Большинство же теоретических работников анархизма остались в

стороне от него. Это, конечно, не говорит ни против махновщины, ни против анархизма, а только против тех анархистов и анархических организаций, которые в момент исторического социального движения крестьян и рабочих оказались настолько узки, пассивны и беспомощны, что даже не сумели или не хотели подойти к своему делу, когда оно облеклось в плоть и кровь и звало на свое поле всех, кому дороги свобода труда и идеи анархизма.

Другой, еще более важной стороной бессилия и бездействия анархистов является путаность идей анархизма и организационный хаос в его рядах.

Несмотря на всю силу, положительность и бесспорность идеалов анархизма, в нем есть немало недоговоренностей, общих отвлеченных мест и уклонов в области, не связанные с социальным движением трудящихся. Это создает почву для всякого рода кривых толкований целей анархизма, его практической программы.

До сих пор многие анархисты растрачивают свои силы над вопросом — является ли проблемой анархизма освобождение класса, человечества или личности. Вопрос пустой, однако он постоянно возникает из некоторых неясных положений анархизма и дает широкий простор злоупотреблениям в области анархической мысли, а затем и в области анархической практики.

Еще больший простор подобным злоупотреблениям дает неясная теория анархической свободы личности. Конечно, люди действия, с сильной волей и сильно развитым революционным инстинктом, в идее анархической свободы личности увидят прежде всего идею анархического отношения к *каждой другой личности*, идею неустанной борьбы за анархическую свободу масс. Но люди, не ведавшие революционной страсти, заботящиеся больше о проявлении своего «я», понимают эту идею по-своему. Всякий раз, когда вопрос заходит об организации анархической практики, о серьезной ответственности за нее, они хватаются за теорию анархической свободы личности и на основании ее противятся всякой организации, бегут от всякой ответственности. Каждый из них уходит под свою «смоковницу», создает свое дело, проповедует свой анархизм. Мысль и действия анархистов расплываются до абсурда.

Как результат этого, мы находим у русских анархистов изобилие различных практических систем. В 1904-07 гг. мы имели практические программы безначальцев и чернознаменцев, проповедовавших частичные экспроприации и безмотивный террор как методы анархической борьбы. Нетрудно видеть, что эти программы являются выражением случайного настроения случайных лиц в анархизме и могли появиться и быть предложены в анархической среде лишь при условии слабо развитого чувства ответственности перед народом и его революцией. В последнее время мы имеем ряд теорий, то болеющих симпатиями к государственной власти или к руководительству массами, то отвергающих принцип всякой организации и проповедующих абсолютную свободу личности или говорящих о слишком «универсальных» зада-

чах анархизма, а в сущности стремящихся бежать от тяжелых обязанностей момента.

Русских анархистов десятки лет треплет желтая малярия — дезорганизованность. Она выела в них чувство реальной мысли и к моменту революционной эпохи уготовила им историческое бездействие. Дезорганизованность есть родная сестра безответственности, а обе вместе они ведут к измельчанию идеи и пустоте на практике.

Вот почему, когда массовое движение в лице махновщины вышло из народных глубин — анархисты оказались такими неподготовленными, безвольными и слабыми.

Явление это, по-нашему, временное. Оно объясняется тем, что русский анархизм организационно еще не кристаллизовался. Он должен сорганизоваться, связав воедино всех тех, кто всем сердцем болеет за анархизм и кто прежде всего предан рабочему классу. Этим самым будет устранен наносной, дезорганизаторский элемент в анархизме.

Анархизм — не мистика, не разговор о прекрасном, не крик отчаяния. Он велик прежде всего своей преданностью угнетенному человечеству. Он несет в себе правду масс, их героизм и волевые устремления, и в настоящее время является единственным социальным учением, на которое массы могут доверчиво опереться в своей борьбе. Но, чтобы оправдать это доверие, анархизму недостаточно быть только великой идеей, а анархистам — платоническими выразителями ее. Анархистам необходимо быть постоянными участниками, чернорабочими революционного движения масс. Тогда это движение будет дышать всей полнотой анархических идеалов. Даром ничего не дается. Всякое дело требует настойчивых усилий и жертв. Анархизм должен обрести единство воли и единство действий, точное представление своих исторических задач. Анархизм должен войти в массу, слиться с ней.

Несмотря на то, что махновщина зародилась и развивалась самостоятельно, без воздействия со стороны анархических организаций, судьба ее и судьба анархизма тесно переплелись в русской действительности. Махновщина ярко светила анархическим светом. Повстанческая масса из всех социальных учений останавливалась с любовью единственно на анархизме. Очень многие повстанцы называли себя анархистами, не отказываясь от этого имени и перед лицом смерти. И в то же время анархизм дал махновщине несколько прекрасных работников, которые с полным самопожертвованием отдали свои силы и знания этому движению. Как ни мал был процент этих работников, они успели принести движению много пользы, связав анархизм с трагической судьбой махновщины.

Это переплетение судеб анархизма и махновщины началось с середины 1919 г. Летом 1920 г. оно было закреплено на Украине одновременным походом большевиков на махновцев и анархистов и наиболее ярко сказалось в октябре 1920 г., во время военного-политического соглашения махновцев с советвластью, когда махновцы первым условием этого соглашения поставили требование освобож-

дения из тюрем Украины и Великороссии всех махновцев и анархистов и предоставления им права свободно исповедовать и распространять свои идеи и понимания.

Попробуем обозначить хронологически процесс вхождения анархистов в махновское движение.

Еще с первых дней революции 1917 г. в Гуляй-Поле организовалась группа анархистов-коммунистов, которая вела усиленную революционную работу в районе. Из этой группы вышли потом выдающиеся деятели и руководители махновщины — Н. Махно, С. Каретник, Марченко, Калашников, Люты́й, Григорий Махно и другие. С самого зарождения махновщины эта группа находилась в тесной связи с движением.

В конце 1918 г. и начале 1919 г. в махновском районе создаются анархические группы и пытаются связаться с махновцами. Однако некоторые из этих групп, как, например, в г. Бердянске и иных местах, далеко не соответствовали призванию анархистов и кроме отрицательного ничего не обещали движению. К счастью, движение было настолько здоровым, что прошло мимо них...

В начале 1919 г. в Гуляй-Поле, кроме таких выдающихся местных крестьян-анархистов, как Махно, Каретник, Марченко, Василевский и др., были уже анархисты, приехавшие из городов от известных организаций — Бурбыга, Михалев-Павленко и др. Они работали исключительно на фронте или в повстанческих частях в тылу.

Весной 1919 г. в Гуляй-Поле приезжают несколько товарищей, занявшихся главным образом организацией культурно-просветительного дела в районе: они осуществляют издание газеты «Путь к Свободе» — основной печатный орган махновцев, создают местный Гуляй-польский Союз анархистов, начинающий работать в армии и среди крестьянства.

В это же время в Гуляй-Поле появляется анархическая организация «Набат». Она работает в тесном контакте с махновцами, помогает им культурно и издает газету «Набат». Немного позже эта организация сливается с Гуляй-польским Союзом анархистов.

В мае из Иваново-Вознесенска в Гуляй-Поле приезжает группа рабочих-анархистов в количестве 36 человек. Среди них были известные анархисты Черняков и Макеев. Часть приехавших поселилась в гуляй-польской коммуне, в семи верстах от Гуляй-Поля, часть пошла на культурную работу в районе и в армии.

А в мае 1919 г. Конфедерация анархистских организаций Украины «Набат», являвшаяся наиболее активно действующей из всех анархистских организаций России, начинает понимать, что основной пульс революционной жизни масс бьется в освободившемся повстанческом районе. Она решает направить свои силы в этот район. В начале июня 1919 г. она посылает в Г.-Поле Волина, Мрачного, Иосифа Эмигранта и других работников. Предполагалось после рабоче-крестьянского съезда, созывавшегося Военно-революционным Советом на 15 июня в Г.-Поле, перенести туда координационный центр Конфедерации. Но происшедшее сейчас же

одновременное нападение на район большевиков и Деникина помешало этим начинаниям. До Гуляй-Поля доехал один Мрачный, вынужденный через день-два, ввиду общего отступления, уехать обратно. Волин же и другие застряли в Екатеринославе и лишь под Одессой в августе 1919 г. вошли в отступающую уже махновскую армию.

Однако анархисты вошли в движение с громадным опозданием, когда нормальное развитие его было прервано боевыми действиями, сбито с пути социального строительства и поставлено необходимостью на военные рельсы.

С конца 1918 по июнь 1919 г. в районе были прекрасные условия для созидательной работы на местах: фронт стоял за двести-триста верст, почти под Таганрогом, а многомиллионное население 8-10 уездов было предоставлено самому себе.

Теперь анархисты могли работать лишь в обстановке военных действий, находясь под непрерывными обстрелами со всех сторон и ежедневно передвигаясь с места на место. В обстановке войны вошедшие в армию анархисты делали все, что было в их силах. Некоторые, как Макеев и Коган, вошли в боевую область действий; большинство же занималось культурной работой среди повстанцев и в селах, по которым проходили махновцы. Но это не была созидательная, творческая работа среди масс. Боевая обстановка сузила ее, ограничив преимущественно беглой агитацией. О широкой созидательной работе нечего было и думать. Лишь в редких случаях, при занятии например Александровска, Бердянска, Мелитополя и ряда других городов и уездов, анархисты и махновцы имели временную возможность наметить работу в более широком масштабе. Но военная волна то с одной, то с другой стороны вновь накатывалась, смывая намеченную работу, и вновь приходилось ограничиваться суженной агитацией и пропагандой среди повстанцев и крестьян. Момент был неподходящий для широкой созидательной работы в массах.

Некоторые лица, не бывшие в движении или бывшие в нем кратковременно, на основании этого периода вывели то ошибочное заключение, что махновщина слишком много внимания уделяла военной стороне дела и недостаточно — положительной работе среди масс. На самом же деле вся военная полоса в истории махновщины являлась продуктом не ее самой, а только тех условий, которые сложились в отношении нее с середины 1919 г.

Государственники-большевики прекрасно учли смысл махновского движения и положение анархизма в России. Для них являлось несомненным то, что в настоящий момент анархизм в России, вне связи с таким массовым движением, каковым была махновщина, не будет иметь под собою почвы, будет безопасным и безобидным для них явлением. И наоборот, анархизм являлся единственным мировоззрением, на которое махновщина могла опереться в своей непримиримой борьбе с большевизмом. Вот почему они настойчиво прилагали все усилия к тому, чтобы оторвать одно от другого. И в конце концов объявили махновщину вне всяких

человеческих законов. При этом и в России, и особенно за границей они, как расчетливые дельцы, делают вид, что уверены в беспорности своих действий и что, мол, лишь слепые или совсем не знающие Россию люди могут усомниться в разумности и справедливости этой меры.

Монархическую идею большевики официально не объявили вне закона, но всякий революционный шаг анархистов они называют махновщиной и, оправдывая свою подлость иезуитской политической фразеологией, бросают их в тюрьмы или рубят им головы. В конечном счете — и махновщина, и анархизм, не желающий холопствовать перед большевиками, находятся в одинаковом положении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассказанная здесь история далеко не представляет повстанческое движение во всем его объеме. Мы рассказали — крайне неполно — историю лишь одного, главного его потока, зародившегося в гуляй-польском районе. Махновщина как социальное движение украинских тружеников значительно шире того, что нам удалось отметить в настоящей работе. Дух и лозунги ее всколыхнули большинство губерний Украины. Почти в каждой из них среди крестьян и рабочих происходил известный психологический и социальный сдвиг; в каждой из них трудящиеся массы пытались осуществить свою независимость в махновском смысле; в каждой из них раздавались призывы к социальной революции, зарождалась революционная борьба и революционное творчество масс. И если бы мы могли проследить по всей Украине эти многочисленные ответвления махновщины, рассказать о каждом из них, связав их все вместе и осветив общим светом, то у нас получилась бы грандиозная картина: многомиллионный революционный народ борется под знаменем махновщины за одну основную идею революции — свободу и равенство. Но такой работы в условиях большевистской действительности, даже при готовности идти на любые лишения, произвести абсолютно невозможно.

И представленная книга, касающаяся лишь одного направления в движении, в связи с отсутствием значительной части документального и фактического материала невольно вышла урезанной.

Мы надеемся, что более полное исследование по истории махновского движения будет со временем произведено.

Помимо указанного, настоящая работа страдает еще тем, что в ней, быть может, недостаточно полно отмечены отрицательные стороны движения.

Ни одно социальное историческое движение, как бы ни было оно преисполнено возвышенных порывов, не может избежать ошибок, существенных недочетов, отрицательных сторон. Есть они, конечно, и в махновщине. Но следует всегда помнить, что махновщина не являлась неким социальным экспериментом и, следо-

вательно, не могла страдать ошибками, связанными с подобными опытами. Махновщина — лишь ярко выраженное *движение* масс, лишь их самоотверженный *порыв* преодолеть реакцию и спасти революцию. Следовательно, в *этой* области надо искать слабые места движения.

Самым серьезным недостатком движения является то, что в последние два года оно идет преимущественно военным путем. Но это не сущностное свойство движения, а беда его, — необходимость, навязанная ему создавшейся на Украине обстановкой.

Три года непрерывной гражданской войны превратили юг Украины в сплошную военную базу. Многочисленные армии разных партий исходили ее вдоль и поперек, разоряя трудящихся материально, общественно и морально. Это измучило крестьян. Светло на нет первые результаты в деле трудового самоуправления. Пригасило в них дух общественного творчества. А махновщину эта обстановка оторвала от здоровой почвы: от общественно-созидательной работы в массах, — и заставила ее отдаться войне, правда, революционной, но все же войне.

И в настоящее время враги свободы прилагают все усилия к тому, чтобы не дать ей возможности сойти с этого тяжелого военного пути. В этом — великая трагедия махновщины. Она переживает ее в продолжение двух с лишним лет и, судя по общей обстановке в России, вероятно, и дальше будет длиться эта трагедия.

Этим самым дается ответ тем анархистам, которые, по неосведомленности, принимая из третьих и пятых рук искаженные сведения о махновщине, ставили ей в упрек ее военный характер и на этом основании сторонились ее. Военный характер был навязан движению. Более того — все власти, бывшие на Украине, а главным образом коммунистическая, прилагали чрезвычайные усилия к тому, чтобы загнать движение в тупик, из которого только один выход — бандитизм. Вся тактика советской власти в борьбе с махновщиной в течение последних трех лет была построена на этом расчете. Может ли это быть аргументом против махновщины? Конечно, нет. Точно так же, говоря о военном характере движения, мы должны исходить не из того частного факта, что махновцы много времени отдали артиллерийским и кавалерийским боям, а из того, с чего *начали* махновцы, *какие цели* они преследовали, *какие средства* выдвигали для их осуществления.

Мы знаем, что они начали с изгнания гетманской власти из страны, с провозглашения всей земли и всей промышленности собственностью трудового народа. Построение свободной жизни на началах полной трудовой и социальной независимости рабочих классов было их целью. Социальная революция и вольные советы трудящихся — средством, ведущим к этой цели.

В качестве революционеров *действия*, они, конечно, не ограничились одним изгнанием гетмана и провозглашением своих прав. Нет. Для наиболее полного поражения буржуазии, для ограждения своих прав и революционных завоеваний они организовали воен-

ную самозащиту, показав тем самым глубочайшее понимание своих задач в социальной революции. Ибо *положительная программа революции может быть успешно выполнена лишь при условии, что трудящиеся успеют вовремя уничтожить военную мощь буржуазного государства.*

Махновское движение, хотя и было активным и наступательным, являлось все-таки не всеобщим: охватывало лишь несколько губерний; оно за короткое время оказалось в окружении враждебных сил — государственников-петлюровцев, государственников-большевиков и многочисленных армий Деникина, которые с разных сторон обрушились на него колоссальной военной мощью. Движение должно было претерпеть сильные изменения в своей тактике, приемах и образе действия, будучи вынуждено отдавать большую часть своих сил военной стороне в борьбе за свободу. Но в этом, как мы сказали, не вина, а беда его.

Напряженная военная обстановка воспитала в махновцах ряд качеств, присущих их исключительному положению — суровую дисциплину в армии, жесткую расправу с врагами. Несмотря, однако, на эти особенности, махновцы постоянно оставались прежде всего революционерами. В октябре 1919 г., при занятии Екатеринослава, махновцы оставили в неприкосновенности всех находившихся на излечении в лазаретах деникинцев и солдат других армий, независимо от того, были ли они простые солдаты или офицеры. И эти же махновцы за нарушение дисциплины и революционной чести расстреляли своих командиров Богданова и Лашкевича¹.

В главе восьмой мы указывали на некоторые серьезные ошибки и упущения в движении. Что же касается ряда иных ошибок и отрицательных проявлений, то они столь мелки и незначительны, что нет ни основания, ни смысла останавливаться на них².

¹ *Богданов* — нач. штаба 2-й повстанческой бригады. Расстрелян в окт. 1919 г. в г. Александровске за использование в личных целях контрибуции, наложенной им на буржуазию именем армии.

Лашкевич — прославленный командир прославленного 13-го повстанческого полка — был расстрелян летом 1920 г. согласно постановлению массового собрания повстанцев за растрату армейских денег на личные удовольствия и за то, имея армейские деньги, не помог некоторым повстанцам, находившимся в критическом положении.

² Здесь мы попутно отметим, что те отрицательные стороны движения, о которых часто сообщала правительственная печать — грабежи, насилия над мирным населением, антисемитизм — относятся к области фантастической лжи. Опровержением всей этой лжи служит уже тот необычайно хороший, никому другому не оказываемый прием, с которым крестьяне всех сел Украины и Великороссии постоянно встречают махновскую армию. Другим опровержением служат большевистские документы. Во всех отчетах по борьбе с махновщиной (секретных, не подлежащих печатанию) агенты советской власти неизменно повторяют одно и то же: борьба с махновщиной затрудняется благодаря всеобщей помощи, которую крестьяне всюду оказывают махновской армии, ставя в то же время разные препятствия красной армии.

Возникает вопрос — что же дальше?

В течение последних полутора лет борьба махновцев с коммунистической властью приняла исключительно военный характер. Ни организационная, ни просветительная работа среди крестьян и рабочих невозможна. Свободному социалистическому строительству нет места. Какой смысл имеет продолжение такой борьбы? Какими надеждами она питается?

Несомненно, в теперешний момент, когда в государственном масштабе укрепился культ военщины, когда массы Украины и Великодержавии абсолютно придавлены, страна охвачена эпидемией доносов и шемакиных судов, — положение махновщины является критическим, а сама дальнейшая борьба кажется безнадежной. Но так кажется лишь при условии, если смотреть на положение вещей с узкой, государственной точки зрения.

Мы переживаем революционную эпоху, характеризующуюся рядом массовых революционных движений рабочих и крестьян. Этим движениям противостоят реакционные попытки различных властей установить свою диктатуру. Движение масс в февралемарте 1917 г. уступило место думскому правительству. Аграрные и фабрично-заводские движения масс летом 1917 г. вызвали к жизни, как противовес себе, коалиционное буржуазно-социалистическое правительство. На гребне могучего октябрьского движения рабочих и крестьян всплыла коммунистическая власть.

То обстоятельство, что коммунистическая власть продолжительное время держится в революционной России, дает основание многим думать, что она является продуктом русской революции, ее естественной формой. Но это глубоко не верно. Русская революция и коммунистическая власть — два антипода, две противоположности. В истории русской революции коммунистическая власть является наиболее тонкой, гибкой и в то же время наиболее упорной формой реакции. С самого начала возникновения комвласти между нею и русской революцией началась борьба. В этой борьбе трудовые массы России уже потеряли главные завоевания своей революции — свободу организаций, слова, печати, неприкосновенность жизни и т.д. Борьба эта прошла по всем необъятным просторам России, захватила каждую деревню и фабрику, достигла высшего своего проявления в революционном повстанчестве, перекинулась вновь в ряд губерний Великодержавии и в февралемарте 1921 г. вспыхнула кронштадтским движением.

Сейчас Россия переживает фазу острой реакции. Победит ли революционное движение рабочих и крестьян или удержится и надолго укрепится реакция — предугадать невозможно. Но одно несомненно: революционная эпоха, в которую вступила Россия, еще далеко не изжита, еще огромная революционная энергия хранится среди рабочих и крестьян; есть еще у них порох в пороховницах, и в ближайшие годы с их стороны еще возможны массовые революционные выступления.

Выступления эти возможны по трем причинам. Во-первых, в случае возникновения открытой борьбы масс с большевистской реакцией. Во-вторых, если произойдет нападение на русскую революцию какой бы то ни было иностранной буржуазии. И в-третьих, — при всякой попытке со стороны свергнутых уже в России властей повернуть революцию вспять. Последние две причины — контрреволюция извне и контрреволюция изнутри, казались бы, не могут добавить ничего нового к существующей коммунистической контрреволюции. Но нет: они, как новая сила, могут детонировать массы, которые, разорвав охватившую их реакционную коммунистическую оболочку, дадут толчок дальнейшему движению революции.

Махновщина живет надеждой на эти, временно скованные, революционные силы масс. Опираясь на эти силы, она уже совершила огромные революционные подвиги, которые советская власть ложно приписывает себе. Она похоронила на Украине гетманщину, разложила петлюровщину, отстояла революцию от Деникина и в значительной степени повлияла на окончательную ликвидацию Врангеля.

Парадоксально, что коммунистическая власть устояла и укрепилась в России благодаря исключительной революционной борьбе махновцев с многочисленными контрреволюциями.

И в дальнейшем, пока в массах тлеет революционный огонь, махновщина будет находиться на поле революционной брани.

В теперешний момент она вынуждена по-своему приспособиться, приложить все усилия к тому, чтобы выжить и просуществовать период острой реакции. Это будет с ее стороны революционно-тактическим приемом, стратегическим маневром, который может растянуться на несколько лет. И лишь эти последующие пять или десять лет решат судьбу махновщины и всей русской революции.

Спасение русской революции — в освобождении ее из оков государственности и в создании социального строя на началах трудового общественного самоуправления крестьян и рабочих. И когда в массах созреет новый подъем, махновщина станет центром их всеобщего революционного и идейного единения. Она станет кличем, паролем, который соберет всех смелых, дерзких и фанатично преданных трудящимся. Тогда ее организационный опыт и военный гений будут широко проявлены для защиты подлинно пролетарской социальной революции. Вот почему она ведет по сию пору якобы безнадежную борьбу с коммунистической диктатурой. Вот почему нарушается коммунистический мир и покой.

* * *

Возникает еще один вопрос.

Махновское движение является преимущественно движением беднейших слоев украинского крестьянства. Торжество махновщи-

ны будет означать торжество крестьянских низов. Но будет ли это означать торжество *идей* махновщины, торжество социальной революции.

На следующий день после победы такого движения встанет необходимость для крестьян поддерживать продовольствием городских рабочих. А так как промышленность в городах построена, не приспособлена к нуждам деревни, то рабочие не смогут платить крестьянам продуктами своего труда. Следовательно, на первое время крестьянам придется добровольно и безвозмездно содержать городской пролетариат. Способны ли они на такой великодушный и революционный акт? Ведь коммунисты непрестанно толкуют о крестьянах как о реакционной силе, насыщенной узкими собственническими инстинктами. Не возьмет ли в них верх дух этого собственнического инстинкта, дух жадности? И не отвернутся ли они от городов, оставив их без необходимой помощи?

Мы уверены, что нет.

Махновщина понимает социальную революцию в подлинном ее смысле. Она понимает, что победа и укрепление революции, развитие всех проистекающих из нее благ возможны только при тесном союзе рабочих классов города и деревни. Крестьянство понимает, что без городских рабочих, без их могучих промышленных предприятий оно не сможет использовать и десятой доли благ, открываемых перед ним социальной революцией. На городского рабочего крестьянство смотрит, как на своего брата, члена общей трудовой семьи.

Несомненно, в момент победы социальной революции крестьяне окажут полную поддержку рабочим, пролетариату города. Но не его бюрократии. Ведь в настоящее время отнимаемый у крестьян хлеб идет главным образом на содержание огромной государственной машины. Крестьянин отлично видит и понимает, что вся эта дорогая бюрократическая машина не нужна ни ему, ни рабочему и что в отношении трудящихся она играет такую же роль, какую тюремная контора играет в отношении заключенных. Вот почему у него нет ни малейшего желания отдавать добровольно свой хлеб государству. Вот почему он вступает во враждебные отношения с современными сборщиками податей — с комиссарами и разными продовольственными органами государства.

Но у крестьян всегда есть стремление вступить в *прямые* отношения с городскими рабочими. На крестьянских съездах этот вопрос неоднократно поднимался и решался крестьянами в революционном положительном смысле. И когда массы городского пролетариата, в момент социальной революции, будут независимы и будут непосредственно, через свои организации, сношаться с крестьянами, то последние окажут им необходимую продовольственную поддержку, зная, что в недалеком будущем рабочие повернут всю гигантскую мощь индустрии на службу насущных потребностей тружеников города и деревни.

Махновщина раскрывает лишь одну сторону в русской действительности. Несомненно, придет время и придут люди, которые эту действительность со всех сторон осветят светом истины. И тогда роль большевизма в русской революции будет видна каждому.

Но уже и сейчас история махновского движения самым решительным образом разоблачает большевизм, в корне разрушая легенду о его якобы революционном и пролетарском характере.

В продолжение всей русской революции, когда трудящиеся стремились обустроить жизнь на основах подлинной самостоятельности, большевизм являлся их душителем. Реакционный дух большевизма не поколебался даже тогда, когда для всех — в том числе и для него — стало ясно, что русская революция погибает от омертвляющей ее диктатуры. Безумная и больная мысль — насильственно держать в тисках своей программы всю революцию — не оставляет большевизм ни на минуту.

Спасение русской революции возможно было еще в 1919 и 1920 гг. Оно возможно еще и теперь. Для этого следовало бы лишь раскрепостить революционный дух масс, опереться на самостоятельность рабочих и крестьянских организаций, дать им свободный ход. И революция, найдя свою веру и свою волю, была бы спасена. Она бы вновь подняла великий энтузиазм в массах, вдохновила бы их на героическую борьбу, пробудила бы в них жажду подвига, залечила бы все раны общественно-хозяйственного организма.

Ложны слова государственников, утверждающих, что масса способна лишь на разрушение старого, что лишь в этом разрушении она велика и героична, но что в созидании она, мол, косна и тривиальна.

И в области творчества, в области обыденной повседневной работы масса способна на подвиги и героизм. Но при этом она должна чувствовать себя свободной, должна видеть в каждом общественном мероприятии проявление своей воли, своих надежд и стремлений.

Но большевики привыкли добиваться от масс лишь повиновения и поддержки, они игнорировали или душили революционный дух народа.

Историческим, неопровержимым фактом является то, что, начиная с 1918 г., украинские крестьяне и рабочие непрерывно находились в революционных восстаниях — против Скоропадского, австро-германцев, Петлюры, Деникина и т.д. Восстания эти имели огромное значение в судьбе всей русской революции: они создали и поддерживали *перманентное революционное положение в стране*, которое твердо и определенно направляло трудящихся к решению основных проблем русской революции.

Однако это революционное положение в стране было разбито не контрреволюциями буржуазии или царских генералов, а коммунистической властью. Последняя во имя диктатуры партии раздавила в военном порядке все попытки трудящихся к

самоуправлению — основной цели русской революции — и этим разрушила революционное положение в стране.

В болезненном стремлении утвердить свою диктатуру большевизм настолько окостенел, до того стал чужд нуждам и стонам революции, что предпочитает видеть ее труп, чем пойти ей на уступки. Во всей русской революции он сыграл роковую роль. Он умертвил революционную инициативу и самодеятельность масс и разрушил величайшие революционные начинания, которые когда-либо в истории предпринимали трудящиеся. И за это пролетарии всего мира навсегда пригвоздят его к позорному столбу.

Но не следует обманываться, допуская мысль, что ответственность за крушение русской революции несет один большевизм. Он лишь осуществлял то, что десятилетиями вырабатывалось в социалистической науке. Вся его практика взята из теории общего научного социализма. Мы в то же время видим, как в государствах Европы тот же научный социализм лицемерно обращается с трудом, закабалив его буржуазной диктатурой.

Рабочий класс мира, ища виновников позорного и необычайно тяжелого положения, в которое социалистическая диктатура поставила крестьян и рабочих России, должен призвать к ответу *весь социализм* и вынести ему свой приговор.

Кровавая трагедия русских крестьян и рабочих не может пройти бесследно. Больше, чем что-либо, практика социализма в России доказала, что у рабочих классов нет друзей, но лишь враги, жаждущие захватить их труд. Социализм с избытком доказал, что он стоит в рядах этих врагов. Эта мысль с каждым годом будет все прочнее и прочнее входить в сознание масс.

— *Пролетарии мира, идите в глубь к себе и там ищите и творите правду: больше вы ее нигде не найдете.*

Так заповедывает нам русская революция.

* * *

При своем третьем нападении на повстанческий район советская власть приложила все усилия к тому, чтобы нанести смертельный удар махновщине. Благодаря массе войск, освободившихся после крымской операции, и превосходству вооружения ей удалось летом 1921 г. разбить повстанческую армию и принудить главное ядро этой армии, во главе с Нестором Махно, переброситься на территорию, находящуюся под управлением румынских властей. После этого советские войска заняли весь повстанческий район, и революционные массы были насильственно подчинены диктатуре большевизма.

* * *

Теперь махновщина в новой обстановке, и перед ней разворачивается новый этап борьбы за социальную революцию.

Какова будет эта борьба?

Сама жизнь выработает характер и формы ее. Но несомненно одно — до последних дней движение останется верным угнетенному человечеству, до последних дней оно будет биться и умирать за великие идеалы труда — свободу и равенство.

Махновщина постоянна и бессмертна.

Там, где трудящиеся массы оберегают себя от порабощения, где растят любовь к независимости, накапливают свою классовую волю, они всегда будут создавать *свои* социальные исторические движения, действовать *от себя*. Это и есть сущность махновщины.

Январь — Июнь 1921 г.
Россия.

Нестор Махно

ВОСПОМИНАНИЯ

Книга I
(фрагменты)

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ

(от марта 1917 года по апрель 1918 года)

Русская Февральская революция 1917 года раскрыла все тюрьмы для политических заключенных. Не может быть никакого сомнения в том, что этому содействовали главным образом вышедшие на улицу вооруженные рабочие и крестьяне, частью в синих блузах, частью же переодетые в серые солдатские шинели.

Эти революционные труженики требовали проведения в жизнь амнистии в порядке революционных прав и настояли перед социалистами-государственниками, образовавшими в это время вместе с либеральной буржуазией Временное революционное правительство и пытавшимися подчинить революционные события своему уму-разуму, чтобы их требования как можно скорее были осуществлены. Социалист-революционер А. Керенский, как революционный министр юстиции, не замедлил выполнить это требование трудящихся. В течение нескольких дней все политические заключенные были освобождены из тюрем и, таким образом, получили возможность взяться за продолжение своей живой работы среди трудящихся села и города — работы, которая была начата ими в тяжелые годы подполья.

Вместе с этими политическими невольниками, которых царско-помещичье правительство России замуrowало в сырые застенки тюремных казематов с целью вырвать из трудовой семьи передовой элемент и этим убить в ней инициативу вскрывания лжи царско-помещичьего строя и которые теперь снова очутились на свободе в рядах борющихся рабочих и крестьян против самодержавия, был освобожден и я.

Восемь лет и 8 месяцев моего сидения в тюрьме, когда я был закован (как бессрочник) по рукам и ногам, сидения, сопровождавшегося временами тяжелой болезнью, ни на йоту не пошатнуло меня в вере в правоту анархизма, борющегося против государства как формы организации общественности и как формы власти над этой общественностью. Наоборот, во многом мое сидение в тюрьме помогло укрепить и развить мои убеждения, с которыми и за которые я был схвачен властями и замуrowан на всю жизнь в тюрьму.

С убеждением, что свобода, вольный труд, равенство и солидарность восторжествуют над рабством под игом государства и капитала, я вышел 2 марта 1917 года из ворот Бутырской тюрьмы.

С этим же убеждением я бросился на третий день по выходе из тюрьмы, там же в Москве, в работу Лефортовской анархической группы, ни на минуту не покидая мысли о работе нашей гуляй-польской группы хлеборобов анархистов-коммунистов, работе, начатой ею одиннадцать-двенадцать лет тому назад и, несмотря на величайшие потери передовых ее членов, продолжающейся, как мне друзья сообщали, и сейчас.

Одно меня угнетало — это отсутствие у меня надлежащего образования и конкретно-положительной подготовки в области социальных-политических проблем анархизма. Я глубоко это чувствовал и сознавал. Но еще глубже я сознавал, что в наших анархических рядах эта подготовка отсутствует на 90 процентов. И хотя я находил, что это пагубное явление порождено отсутствием у нас анархической организации и ее школ, однако часто над этим задумывался.

И лишь надежда на то, что этому будет положен конец, меня бодрила и награждала энергией, ибо я верил, что легальная работа анархистов в захватывающий революционный момент неминуемо приведет их к сознанию необходимости создания своей анархической организации и разработке ее средств, которые помогли бы ей привести все наличные силы анархизма к своим позициям и создать цельное и законченное в своих действиях — в данной революции — анархическое движение. Гигантский рост русской революции меня сразу толкнул на непоколебимую мысль, что анархическое действие в такие моменты неразрывно должно быть связанным с трудовой массой как наиболее заинтересованной в торжестве свободы и правды, в новых победах, новом, общественном социальном строительстве и в новых человеческих взаимоотношениях.

Таким образом, лелеял я мысль о развитии анархического движения в русской революции, а отсюда и его идейного влияния на результаты ее.

С этим убеждением я спустя три недели после освобождения из тюрьмы вернулся в Гуляй-Поле, место моего рождения и жительства, где я оставил многих и много дорогого, близкого моему уму и сердцу и где, я чувствовал, смогу сделать кое-что полезное среди крестьян, в семье которых родилась наша группа, которая, несмотря на то что потеряла две трети своих членов под расстрелами и на эшафотах в далекой холодной Сибири и в скитаниях по заграницам, все же совсем не умерла. Основное ее ядро все или почти все погибло. Но оно глубоко пустило корни своей идеи среди крестьян не только в Гуляй-Поле, но и за его пределами...

По приезде в Гуляй-Поле я в тот же день встретился со своими товарищами по группе. Многих уже не было в живых. Те, что пришли ко мне из старых, были: Андрей Семенюта (брат Саши и Прокофия Семенюты), Моисей Калиниченко, Филипп Крат, Савва Махно, братья Прокофий и Григорий Шаровские, Павел Коростелев, Лев Шнайдер, Павел Сокрута, Исидор Лютый, Алексей Марченко и Павел Хундей (Коростылев). Вместе с этими товарищами пришли наши молодые товарищи, которые в то время, когда я был

на воле, еще не были в группе. Сейчас они уже по два и по три года находились в нашей группе, занимались чтением анархической литературы, распространением ее среди крестьян. Во все эти годы подполья они выпускали прокламации, печатанные на гектографе.

А сколько пришло крестьян и рабочих ко мне, сочувствующих анархической идее, — их перечислить было нельзя. Правда, я не мог брать их на учет, когда тут же рисовал перед собою планы предстоящей для нашей группы работы.

Я видел перед собой своих друзей-крестьян — этих безымянных революционных анархистов-борцов, которые в своей жизни не знали, что значит обманывать друг друга. Они были чистые крестьянские натуры, которых трудно было убедить в чем-либо, но, раз убедил, раз они тебя поняли и, проверив это понятое, убедились, что это именно так, они возвышали этот идеал на каждом шагу, всюду, где только представлялась им возможность. Я говорю, видя этих людей перед собой, я весь трепетал от радостных волнений, от душевной бури, которая толкала меня сейчас же, с завтрашнего дня повести по всем кварталам Гуляй-Поля среди крестьян и рабочих пропаганду, разогнать Общественный комитет (правительственная единица коалиционного правительства), милицию, не допустить организации никаких комитетов и взяться за прямое дело анархизма....

В эти дни к нам в Гуляй-Поле приехал агент от образовавшегося из состава социалистов-революционеров уездного комитета Крестьянского союза — товарищ Крылов-Мартынов с целью организовать в Гуляй-Поле комитет Крестьянского союза¹.

Как бывший политический каторжник, он заинтересовался моим житьем-бытьем, встретился со мной и поехал ко мне на квартиру попить чаю и поговорить. А потом он остался у меня до следующего дня.

Тем временем я предложил членам группы подготовить крестьян к завтрашнему сходу-собранию, чтобы на этом собрании положить начало организации Крестьянского союза.

Эсер Крылов-Мартынов — недурной митинговый оратор. Он рисовал крестьянам красивую картину будущей борьбы социалистов-революционеров в Учредительном собрании² (созыв которого предполагался) за передачу земли крестьянам без выкупа. Для этой борьбы нужна поддержка крестьян. Он призывал их организовать в Крестьянский союз и поддерживать партию социалистов-революционеров.

Этот случай был использован мною и целым рядом членов нашей группы крестьян-анархистов. Я говорил:

— Мы, анархисты, согласны с социалистами-революционерами в том, что крестьянам необходимо организовать в Крестьянский союз, но не для того, чтобы поддерживать партию эсеров в ее будущей диалектической борьбе с социал-демократами и кадетами в будущем (если оно будет) Учредительном собрании.

Организация Крестьянского союза необходима для того, с нашей, революционно-анархической точки зрения, чтобы крестьянство влило максимум своих живых, энергичных сил в русло

революции, раздвинуло шире ее берега, углубило революцию и, расчистив пути к ее развитию, определило ее конкретную сущность и сделало бы заключительные выводы из этой сущности.

А эти заключительные выводы трудового крестьянства логически окажутся следующими: утверждением того, что трудящиеся массы села и города, на подневольном труде и на искусственно-порабощенном разуме которых зиждется власть капитала и его слуги, наемного организованного разбойника — государства, могут в своей жизни и борьбе за дальнейшее свое освобождение вполне обойтись без опеки политических партий и предполагающейся их борьбы в Учредительном собрании.

Трудовое крестьянство и рабочие не должны даже задумываться над Учредительным собранием. Учредительное собрание — враг трудящихся села и города. Будет величайшим преступлением со стороны трудящихся, если они вздумают ожидать от него себе свободы и счастья.

Учредительное собрание — это картежная игра всех политических партий. А спросите кого-либо из посещающих игорные притоны, выходил ли кто из них оттуда необманутым? Никто!

Трудящийся класс — крестьянство и рабочие, которые пошлют в него своих представителей, — в результате будет обманут тоже.

Не об Учредительном собрании и не об организации для поддержки политических партий, в том числе и партии социалистов-революционеров, трудовое крестьянство должно сейчас думать. Нет! Перед крестьянством, как и перед рабочими, стоят вопросы посерьезнее. Они должны готовиться к переходу всех земель, фабрик и заводов в общественное достояние — как основы, на началах которой трудящиеся должны строить новую жизнь.

Гуляй-Польский Крестьянский союз, начало которому на этом собрании-митинге мы положим, и займется начальной работой именно в этом направлении...

Агента от уездного партийного комитета Крестьянского союза — социалиста-революционера — наше выступление не смутило. Он соглашался и с нами. И в те же дни 28-29 марта 1917 года было положено начало организации Гуляй-Польского Крестьянского союза.

В комитет союза вошло 28 крестьян, среди которых очутился и я, несмотря на то что я просил крестьян мою кандидатуру не выставлять. Я был занят открытием бюро группы и ее декларацией.

Крестьяне на мою просьбу ответили тем, что выставили мою кандидатуру в 4-х участках, и в каждом избрали единогласно. Таким образом, комитет Крестьянского союза был избран

Председателем комитета крестьяне утвердили меня.

Началась запись членов в союз. В течение четырех-пяти дней записались поголовно все крестьяне, кроме, конечно, собственников-землевладельцев. Эти глашатаи собственности на землю обособлялись от трудовой массы, надеясь сгруппировать свои силы самостоятельно и, притянув к себе невежд из рядов своих батраков, выдержать свой фронт до Учредительного собрания, надеясь, что

в последнем их поддержат социал-демократы (Российская социал-демократическая партия в то время еще ревностно отстаивала это право собственности на землю) и они победят...

Этот вопрос перед трудовым крестьянством стоял очень остро, потому что земельные секции при Общественном комитете по указаниям центра особо настаивали перед крестьянами, чтобы последние до будущего решения Учредительным собранием вопроса о земельной собственности платили арендную плату за землю помещикам, по уговору с последними. Крестьяне же, наоборот, считали, что с началом революции, в которой они наполовину освободились политически, кончилось рабство и эксплуатация их труда, затрачиваемого ими на бездельников-помещиков.

Вот почему крестьяне, будучи еще плохо организованы и мало подготовлены к всестороннему пониманию сущности отнятия всех земель от помещиков, монастырей и государства и провозглашению их общественным достоянием, настаивали перед членами союза на овладении функциями земельной секции. Здесь крестьяне упорно настаивали, чтобы дела земельной секции были переданы членам группы анархистов-коммунистов. Но мы, члены группы, упросили их таких желаний пока не формулировать во избежание преждевременной вооруженной борьбы с властями из города Александровска (наш уезд). В группе же постановили вести упорную агитацию в Гуляй-Поле и по району, чтобы крестьяне настаивали перед общественным комитетом на упразднении земельной секции и на том, чтобы не мешали крестьянам организовывать самостоятельные земельные комитеты.

Проповедь этой идеи принята была крестьянством с энтузиазмом. Однако из центра пришел приказ в Общественный комитет, гласящий, что земельные секции есть часть общественных комитетов и упразднять их строго воспрещается, но нужно переименовать их в земельные отделы¹...

Действуя в Общественном комитете по наказу Крестьянского союза, мы добились от Общественного комитета сперва взятия земельного отдела под непосредственное мое руководство. Это был момент, когда при помощи крестьян из союза и самого Общественного комитета, а также и с согласия группы анархистов-коммунистов я стал на время фактически идейным руководителем всего Общественного комитета.

Наша группа стала на этот опасный путь исключительно под моим влиянием. Меня же на это толкнуло то, что я за два месяца революции следил за нашими анархическими журналами и газетами и не видел в них ни тени стремления анархистов создать мощную организацию, чтобы, овладев психологией трудовых масс, выявить свои организаторские способности в развитии и защите начинающейся революции. Я видел свое дорогое, родное движение

¹ Далее мы увидим, что земельные отделы после были самым правительством переименованы в земельные комитеты

за эти месяцы по-старому раздробленным на разного рода группировки и задался целью дать ему толчок к объединению в деле революции по почину группы крестьян-анархистов из подневольной деревни. Тем более что в это время я уже серьезно подмечал у наших пропагандистов из городов пренебрежение к деревне.

Первое мая 1917 года. Ровно 10 лет, как я в последний раз участвовал в этом рабочем празднике, поэтому я с особым напряжением вел агитацию среди рабочих, солдат пулеметной команды и крестьян для организации его.

Я собрал все документы о том, что делалось за последние числа апреля рабочими по городам, и представил их в группу, чтобы члены подготовили свои комментарии, чтобы проинформировать крестьян, рабочих и солдат.

Командир 8-го сербского полка прислал к нам делегацию, чтобы выяснить наше отношение к желанию полка Сербского государства участвовать вместе с трудящимися Гуляй-Поля в празднике рабочих. Конечно, мы этому желанию сербского полка не противились. Не противились даже тому, что он выйдет при полном боевом вооружении. Мы надеялись на свои силы, способные разоружить этот полк.

Манифестация началась по улицам Гуляй-Поля в 9 часов утра. Сборный пункт всех манифестантов — на Ярмарочной площади, ныне площади Жертв Революции.

В скором времени анархисты своим выступлением и информацией о выступлении петроградского пролетариата 18-22 апреля с требованием к правительству удалить 10 министров-капиталистов и передать всю власть Советам крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, о выступлении, которое силою оружия было подавлено, превратило манифестацию в демонстрацию против Временного правительства и всех социалистов, участвовавших в нем.

Командир 8-го сербского полка в спешном порядке увел полк по месту жительства. Часть пулеметной команды заявила себя солидарной с анархистами и влилась в ряды демонстрантов.

Демонстранты были настолько многочисленны, что их шествию не видно было конца. После того, когда вынесли резолюцию «Долой правительство и все партии, стремящиеся нам навязать этот позор...» и двинулись по улицам с песней *марша анархистов*, они проходили несколько часов непрерывными рядами в 5-8 человек.

Настроение было настолько приподнято и направлено против правительства и его агентов, что политиканы из Общественного комитета, офицеры из пулеметной команды, за исключением двух любимцев солдатской массы — анархистующего Шевченка и артиста Богдановича, все попрятались в штабе сербского полка, а милиция, которая за все время своего существования никого еще не арестовывала, разбежалась из Гуляй-Поля.

Анархисты сделали доклад массе демонстрантов о *чикагских мучениках-анархистах*³. Демонстранты почтили их память коленапоклонением и попросили анархистов вести их сейчас же в бой против правительства, всех его агентов и буржуазии.

Однако день прошел без эксцессов.

То было время, когда власти из Александровска и Екатеринослава обратили уже свое внимание на Гуляй-Поле и не прочь были вызвать его преждевременно к бою.

Весь май прошел в напряженной работе на съездах крестьян в Гуляй-Поле и Александровске.

На александровском съезде я сделал доклад о том, что трудовое крестьянство Гуляй-Польской волости не доверяет дела революции общественным комитетам и взяло комитет под свой контроль. Поясним, в каком порядке.

Делегаты от крестьян на этом съезде, приветствуя Гуляй-Польских крестьян, обещали у себя на местах проделать то же самое. Присутствовавшие на съезде эсеры были довольны, но эсдеки и кадеты подчеркнули съезду, что акт крестьян Гуляй-Поля по отношению к общественным комитетам идет вразрез с *политикой* общего в стране нового правительства, что это, дескать, пагубно для дела революции, так как такой контроль над установленными территориальными единицами — общественными комитетам — крестьянской организации обезличивает физиономию правительственной власти на местах.

Кто-то из крестьян выкрикнул: «Совершенно верно! Мы поэтому-то будем стараться у себя на местах обезличивать общественные комитеты в области их правительственных замашек до тех пор, пока не преобразуем их в нашем духе и понимании нашего права на свободу и независимость в деле отобрания у помещиков земли».

Этого заявления из рядов крестьянских делегатов достаточно было, чтобы эсдеки и кадеты умиротворились. В противном случае делегаты от крестьян покинули бы зал заседания. А им оставаться в пустом зале было стыдно. Они в этот период революции еще надеялись преодолеть революционное настроение трудящихся.

Этот съезд в Александровске кончился тем, что вынес резолюцию о переходе земли в пользование трудового общества без выкупа и избрал уездный комитет. Эсеры радовались, эсдеки и кадеты злились, а делегаты от крестьян, разъезжаясь по своим местам, советовались, чтобы организовать на местах самим, без помощи этих политических «гавкунов», чтобы объединиться селу с селом и повести вооруженный поход против помещиков. Иначе, говорили они между собой, революция погибнет и мы останемся опять без земли...

А когда я и Шрамко возвратились с уездного александровского съезда и доложили Крестьянскому союзу Гуляй-Польского района о его результатах, то крестьяне очень сожалели, что послали нас на этот съезд, говоря: «Лучше было бы нам не участвовать на этом съезде, а созвать свой съезд у себя в Гуляй-Поле от волостей Александровского уезда. Мы уверены, что здесь подвинули бы вопрос о земле и захвате ее в общественное пользование скорее к цели. Однако делать нечего, надеемся, что наш Гуляй-Польский комитет Крестьянского союза ознакомит всех крестьян не только Александровского уезда, но и прилегающих к нему Павлоградского, Мариупольского, Бердянского и Мелитопольского с нашей позицией

в этом вопросе, чтобы, таким образом, в Александровске знали, что резолюции мы очень недолюбиваем. Нам нужно живое дело».

Это заявление крестьян родило декларацию Гуляй-Польского Крестьянского союза, гласившую, что «трудовое крестьянство Гуляй-Польского района считает своим неотъемлемым правом провозгласить помещичьи, монастырские и государственные земли общественным достоянием» и провести это провозглашение в недалеком будущем в жизнь. В заключение призывалось (особой листовкой) все трудовое крестьянство подготовиться к этому акту справедливости и проводить его в жизнь.

Этот голос Гуляй-Польских крестьян был услышан далеко за пределами Екатеринославской губернии. После этого начали стекаться в Гуляй-Поле делегации от крестьянских деревень, не принадлежавших Екатеринославской губернии, на совещание. Тяга растянулась на целые недели. Мне лично как руководителю Крестьянского союза делегации не давали никакого отдыха...

В первых числах июня анархисты из города Александровска пригласили меня на конференцию по объединению всех Александровских анархистов в федерацию. В тот же день я выехал в Александровск помочь товарищам сговориться. Александровские анархисты все были рабочими физического и умственного труда. По названию они делились на анархо-коммунистов и анархо-индивидуалистов, но в действительности все они были революционные анархо-коммунисты. Всех я их любил, как своих близких, родных, дорогих, и, как мог, старался им помочь организовать в федерацию. Они организовались, начали организовывать рабочих и одно время имели на них большое идейное влияние

Когда я возвратился из Александровска, рабочие Гуляй-Польского союза металлистов и деревообделочников пригласили меня помочь им поставить союз на ноги и записаться самому в него. А когда я сделал это, они попросили меня руководить предстоящей забастовкой.

Теперь я был совершенно поглощен, с одной стороны, делами Крестьянского союза, с другой — рабочими. Однако среди рабочих были товарищи, которые в деле производства лучше меня понимали, и это меня радовало. Я взялся руководить забастовкой, надеясь перетянуть этих славных товарищей за это время к нам в группу. Один из этих товарищей — Антонов — был эсер по убеждениям. Другие — беспартийные. Из этих беспартийных особо энергичными были Серегин и Миронов.

Прежде чем начать забастовку, рабочие обоих чугунолитейных заводов, всех мельниц, всех кустарных, слесарных, кузнечных и столярных мастерских устроили совещание. Оно закончилось тем, что мне предложили взять на себя выработку их требований и предъявить их через совет профсоюза хозяевам предприятий. Во время этого совещания рабочих и выработки их требований я выяснил, что товарищи Антонов, Серегин и Миронов давно анархисты, работают в заводских комитетах. Первый, Антонов, сейчас

избран в Совет рабочих депутатов председателем. Но они не вошли в группу только потому, что завалены работой на заводах. Конечно, я был против этого. Я с первых же дней приезда с каторги в Гуляй-Поле настаивал перед группой своих товарищей, чтобы группа всегда была в курсе дела работы своих членов среди крестьян, и я настоятельно просил этих товарищей сейчас же войти в группу и в дальнейшем согласовывать свою работу в заводских комитетах и вообще среди рабочих. Товарищи вошли в группу, и мне вместе с ними пришлось созывать хозяев всех предприятий и предъявлять им требования рабочих в двух пунктах: набавить плату в 80 и 100 процентов.

Такое требование рабочих вызвало целую бурю среди хозяев и категорический отказ набавлять плату в таких процентах. Мы им дали один день на размышление. В это время рабочие продолжали свою работу у станков. Через день хозяева пришли к нам в совет профсоюза со своими контрпредложениями в 35-40 процентов. Мы, уполномоченные рабочих, приняли это за наглое оскорбление и предложили им подумать еще один день. Хозяева и некоторые из их уполномоченных, знавшие статуты профсоюзов назубок, да к тому же социалисты по убеждениям, имевшие за спинами власть из центра, разошлись, уверив нас в том, что с большими, чем намеченные ими проценты, они и завтра не придут к нам. Мы вызвали членов заводских комитетов и представителей от рабочих кустарных мастерских и обсуждали вопрос о подготовке рабочих к одновременному прекращению работы как раз в тот час, когда хозяева завтра придут к нам в совет профсоюза и, не принеся новых предложений, уйдут от нас. Совет профсоюза должен был посадить своего человека на телефонную станцию для немедленной внеочередной связи всех телефонов предприятий с моим телефоном для предупреждения рабочих, чтобы хозяева, не подписав нашего требования, возвратясь из совета профсоюза, были встречены демонстрациями прекративших работу рабочих.

Я тут же предложил членам совета профсоюза и заводских комитетов план экспроприации всех денежных касс, имеющихся в предприятиях и в Гуляй-Польском банке. Я был убежден, что предприятий мы в своих руках не удержим, даже располагая денежной суммой на первое время. К нам сейчас же уездный и губернский общественные комитеты и правительственные комиссары пошлют войска, которые, для того чтобы их не послали на внешний фронт против Германии, пожелают выслужиться перед властями внутри страны и расстреляют лучшие кадры тружеников, и меня первого из них. Но я считал важным дать идее экспроприации общественных предприятий у капиталистов практический толчок вперед теперь же, когда Временное правительство еще не успело совсем обуздать массу трудящихся и направить ее по контрреволюционному пути.

Однако большинство членов профсоюза и заводских комитетов убедительно просили меня воздержаться от предложения рабочей

массе этого проекта, так как мы, дескать, к этому сами еще не подготовлены как следует. Мы только оскверним этот справедливый акт трудящихся и тем самым лишим рабочих возможности провести его в жизнь, когда мы их и себя основательно к этому подготовим.

В результате откровенных бесед групповики тоже пришли к тому, что, проведя мои предложения в жизнь сейчас, когда крестьянство практически не может поддержать рабочих с своей стороны экспроприацией земель у помещиков до сбора хлеба, мы сделаем непоправимый шаг в этой области.

Эти доводы поколебали меня, и я не стал настаивать на своем предложении экспроприировать сейчас же заводы и мастерские, но я упорно настаивал на том, чтобы это мое предложение было взято за основу работы заводских комитетов по подготовке рабочих и проведению экспроприации в жизнь в недалеком будущем. Уверяя товарищей рабочих, что крестьяне над этим вопросом тоже думают, мы должны отдать все свои силы, чтобы их думы согласовать с думами рабочих и сочетать их в жизненной практике.

Предложение мое было принято. И с того времени меня все рабочие избрали председателем профессионального союза и большой кассы, специально подобрав мне в помощники товарища Антонова, который мог ввиду перегрузки работой в других организациях заменять меня.

Также и крестьяне подобрали мне товарища, который бы заменял меня. Но всегда те и другие просили, чтобы инициативно-руководящие нити во всех этих организациях находились в моих руках.

Пришли к нам опять в совет профессионального союза хозяева заводов, мельниц и кустарных мастерских. Пришли со вчерашними мнениями и желаниями. В результате двухчасовой обоюдной беседы они расщедрились и изъявили свое согласие набавить рабочим плату на 45-60 процентов. На этом я, как председатель совещания, заявил им, что переговоры между нами кончены. «Совет профессионального союза уполномочил меня взять под свое руководство все управляемые вами, граждане, но по праву не принадлежащие вам общественные предприятия и иметь с вами дело на улице, на месте каждого предприятия. Собрание закрываю!»

Я собрал все свои протоколы и направился к телефону. В это время хозяин самого большого завода в Гуляй-Поле Борис Михайлович Кернер схватывается с места и кричит: «Нестор Иванович, вы поспешили закрыть наше собрание. Я считаю, что требование рабочих вполне правильно. Они имеют право на то, чтобы мы его удовлетворили, и я подпишу свое согласие на это...»

Другие хозяева, в особенности их уполномоченные, возмущенно крикнули: «Что вы, Борис Михайлович, делаете?!»

— Нет, нет, господа, вы как хотите, а я обязуюсь удовлетворить требование моих рабочих, — ответил им Б. Кернер.

Я попросил их всех успокоиться, призвал к порядку и спросил:

— Граждане, вы придерживаетесь порядка и законности, а будет ли законным возобновить наше заседание опять по тому же вопросу, из-за которого оно закрыто?

— Конечно, конечно! — раздались голоса хозяев и их уполномоченных.

— Тогда я считаю заседание открытым и предлагаю вам всем подписать текст условий о надбавке платы рабочим в 100 и 80 процентов.

Говоря им о подготовленных текстах условий и подавая тексты, чувствую, что теряю от усталости и нервности равновесие. Опасаясь, что не устою на ногах, я поручаю товарищу Миронову занять мое место и выхожу в другой зал передохнуть.

Через полчаса я возвратился в залу заседаний. Хозяева начали подписывать предложенные мною тексты условий. А когда подписали и вышли из залы совета профсоюза, я сел у телефона и передал по всем предприятиям товарищам рабочим об успехе наших переговоров с хозяевами, о принятии наших требований и советовал до вечера оставаться у станков. А вечером члены совета профсоюза придут и сделают подробные доклады о нашем общем успехе...

С этого же времени рабочие в Гуляй-Поле и в районе подготовились и взяли все предприятия, в которых работали, под свой строго организованный контроль, изучая хозяйственно-административную сторону дела, начали подготавливаться ко взятию этих общественных предприятий в свое непосредственное ведение.

И с этого же времени на Гуляй-Поле обратили свое особое внимание Екатеринославский общественный комитет, шовинистическая Селяньска спилка¹ и Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а также промышленный областной комитет, не говоря уже об александровских организациях, в которых агенты коалиционного правительства господствовали. Участилось из этих мест появление в Гуляй-Поле инструкторов, организаторов и пропагандистов.

Но уезжали они из Гуляй-Поля всегда без резолюций и победные действия крестьян и рабочих-анархистов.

Перейдем к Общественному комитету и разберемся в том, что мы, делегаты от Крестьянского союза, пользуясь его авторитетностью в данном районе, сделали.

Первое — это то, что, овладев функциями земельного отдела, мы постарались, чтобы продовольственный отдел тоже представил из себя отдельную единицу. А далее, когда одно время я фактически овладел всем Общественным комитетом, я и ряд других товарищей из Общественного комитета настояли, чтоб милиция была упразднена, и когда по случаю нажима из центра нам это не удалось, то провели лишение прав милиции самостоятельных арестов и обысков и этим свели ее роль на разносчиков пакетов от Общественного комитета по району. Далее, я созвал всех помещиков и

¹ Селяньска спилка — Крестьянский союз.

кулаков и отобрал от них все бумажные сделки о приобретении ими земли в собственность. По этим документам земельный отдел произвел точный учет всему земельному богатству, каким располагали помещики и кулаки в своей праздной жизни.

Организовали при Совете рабочих и крестьянских депутатов комитет батраков и создали батрацкое движение против помещиков и кулаков, живущих их трудом.

Установили фактический контроль батраков над помещичьими и кулацкими имениями и хуторами, подготавливая батраков к присоединению к крестьянам и совместному действию в деле экспроприации всего богатства одиночек и провозглашению его общим достоянием трудящихся.

После всего этого я лично уже не интересовался Общественным комитетом как единицей, через которую в рамках существующего порядка можно было еще что-нибудь легально сделать полезного для поддержания роста революции среди тружеников подневольной деревни...

Местами крестьянство, сбитое с толку в справедливых стремлениях, собирает последние гроши на уплату грабителям-собственникам-землевладельцам, поддерживаемым церковью, государством и его наемным слугою — правительством.

Но даже эти введенные в заблуждение крестьяне не теряют надежды на победу над своими врагами. Они с большим вниманием прислушиваются к зову крестьянской группы анархо-коммунистов и своего союза: не теряться и мужественно подготавливаться к последней схватке с врагом.

Вот что я говорил в эти дни на многотысячном сходе-собрании крестьян и рабочих Гуляй-Поля, руководствуясь основной мыслью призыва группы анархо-коммунистов и Крестьянского союза:

«Трудящиеся крестьяне, рабочие и стоящая в стороне от нас интеллигенция! Все ли мы видим то, как организовалась в процессе четырехмесячного развития революции буржуазия, как умело она втянула в свои ряды социалистов и как прилежно они ей служат? Если то, как убаюкивают крестьян убеждением платить даже в дни революции арендную плату собственникам-землевладельцам, как мы это видим теперь, не может быть достаточным доказательством сказанного о буржуазии и о ее прислужниках-социалистах, то вот, товарищи, другое, что с большей отчетливостью подтверждает неоспоримые факты.

Третьего июля петроградский пролетариат восстал против Временного правительства⁴, которое во имя прав буржуазии стремится задавить революцию. С этой целью правительство разгромило ряд земельных комитетов на Урале, действовавших революционно против буржуазии. Члены их попали в тюрьму. С этой целью у нас на наших глазах агенты правительства — социалисты — убеждают крестьян платить помещикам за аренду земли. От третьего и по пятое июля на улицах Петрограда льется кровь наших братьев-рабочих. Социалисты непосредственно участвуют в пролитии этой крови»...

После меня выступил украинский социалист-революционер и призвал тружеников Гуляй-Поля вспомнить о том, что, в противовес «подлому Временному правительству в Петрограде, в Киеве организовали «наше» украинское правительство в лице Центральной рады»⁵. Оно истинно революционно, единственно способно и правомочно на украинской земле восстановить свободу и счастливую жизнь для украинского народа». В заключение он воскликнул:

— Геть кацапів з нашої землі! Смерть цим гнобителям нашої рідної мови!

На рідній землі хай живе «наша» влада — Центральна рада та її секретаріат!..

Но труженики Гуляй-Поля были глухи к призыву украинского «социал-революционера». Они мало того что закричали ему единоголосно: «Долой с трибуны! Не нужно нам и твоего правительства!» Они еще и вынесли такую резолюцию:

«Преклоняемся перед храбростью павших в борьбе с Временным правительством 3-5 июля рабочих борцов. Мы, крестьяне и рабочие Гуляй-Поля, этого правительственного злодеяния не забудем... Пока же шлем ему, а заодно и киевскому правительству в лице Центральной рады и ее секретариата смерть и проклятие как злейшим врагам нашей свободы».

В это же время мы получили сведения о том, что П.А.Кропоткин уже в Петрограде. До сих пор в газетах писали об этом, но мы, крестьяне-анархисты, не слыша его мощного призыва к анархистам и конкретных указаний, руководствуясь которыми анархисты начали бы группироваться, и приводя в порядок разрозненные силы своего движения, занимая организованно свои революционно-боевые позиции в революции, мы не доверяли газетам. Теперь же мы получили газеты и письма из Петрограда, указывающие, что П.А.Кропоткин перенес в пути из Лондона в Россию болезнь, но доехал благополучно до самого сердца революции — Петрограда. Нам сообщали, как его встретили социалисты, стоявшие у власти, во главе с А. Керенским.

Радость в рядах нашей группы неопишущая. Собрали общее заседание группы, которое посвятили исключительно разбору предположений, *что скажет нам старик Петр Алексеевич*.

И все пришли к одному выводу: Петр Алексеевич укажет конкретные пути для организации нашего движения в деревне. Он слишком чуток, от него не ускользнет теперешняя насущная потребность в наших силах для революционной деревни. Как истинный вождь анархизма, он не пропустит этого редкого в истории России случая, воспользуется своим идейным влиянием на анархистов и их группы и поспешит конкретно формулировать те положения революционного анархизма, которыми анархисты должны заняться в нашей революции.

Я составил письмо-приветствие от имени Гуляй-Польской крестьянской группы анархо-коммунистов и не помню точно, но, ка-

жется, отослал его Петру Алексеевичу через редакцию газеты «Буревестник»⁶.

В этом письме-приветствии наша группа приветствовала Петра Алексеевича и поздравляла его с благополучным возвращением на родину, выражая уверенность, что родина в лице лучших своих людей ждала его как неутомимого борца за идеи высшей справедливости, которые не могли не оказать своего влияния на подготовку и свершение русской революции...

Подпись была: «Группа украинских анархистов-коммунистов в селе Гуляй-Поле Екатеринославской губернии».

На наше скромное письмо-приветствие мы ответа не ждали. Но ответа на вопросы момента мы ждали с каким-то особым напряжением, с чувством сознания, что без него мы потратим много сил и может оказаться, что напрасно, может оказаться, что то, чего мы ищем, не ищется другими группами или ищется, но в совершенно другом направлении. А подневольная деревня, казалось нам, ставит прямо вопрос: где тот путь и средства, чтобы завладеть землей и без власти над собой заняться выживанием из своего тела паразитов, ничего не производящих, живущих в довольстве и роскоши.

Ответ на этот вопрос Петр Алексеевич дал в своем труде «Хлеб и воля». Но массы этого труда раньше не читали. Его читали одиночки из масс. Теперь такой труд массе читать некогда. Теперь ей нужно услышать на простом, живом и сильном языке самое конкретное из «Хлеба и воли», чтобы она не погружалась в косное раздумье, а поняла бы сразу и получила руководящую нить для своих действий. Но кто скажет все это ей простым, живым и сильным языком?

Анархист-пропагандист и организатор, и только он!

Но, положив руку на сердце, говорил я: были ли когда вообще у него в России и на Украине анархистские пропагандистские школы? Я такого случая не знаю. Но если они и были, то спрашивается, где же вышедшие из них передовые наши борцы? Я второй раз объезжаю несколько районов в нескольких уездах, административно принадлежащих к одной губернии, и не встречаю ни одного случая, где бы крестьяне на мои вопросы: «Были ли у вас ораторы из анархистов?» — ответили бы: «Были». Везде отвечали: «Никогда не были. Очень рады и благодарим, что вы нас не забываете...»

В период этих ожиданий подошло время губернского съезда Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов и Крестьянского союза.

Был создан съезд Крестьянского союза в Гуляй-Поле. Обсудили повестку дня губернского съезда. Над вопросом о реорганизации крестьянских союзов в крестьянские советы долго думали и в конце концов решили послать от себя делегата на губернский съезд. От крестьян уполномочили делегатом меня, от рабочих — товарища Серегина. С особой радостью ехал я в Екатеринослав, надеясь побывать в федерации анархистов, лично поговорить обо всем, что нашу группу в целом интересует (а интересовало ее больше всего вот что: почему из города нет анархистских агитаторов по деревням?).

Умышленно я выехал на съезд днем раньше. С вокзала еду прямо в киоск федерации. Застаю в нем секретаря — Молчанского. Одессит, старый товарищ. Знаем друг друга еще с каторги. Радость, обнимаемся, целуемся.

Я тотчас же обрушился на него: что они делают по городам? Почему не разъезжают с целью организации по всей губернии?

Товарищ Молчанский со свойственной ему манерой волнуется, разводит руками, говорит: «Брат, сил нет. Мы слабы. Мы только-только сгруппировались здесь и еле обслуживаем рабочих на здешних заводах и солдат по казармам. Мы надеемся, что со временем наши силы разовьются, и тогда мы теснее свяжемся с вами в деревне и начнем работу более энергичную по деревням»...

Долго мы после этого сидели молча и глядели друг на друга, погрузившись каждый в себя и в будущее нашего движения в революции... А затем Молчанский начал успокаивать меня, уверяя, что в недалеком будущем в Екатеринослав придут Рогдаев, Рошин, Аршинов и ряд других товарищей, нам не известных. Наша работа будет переброшена в деревню. Затем он повел меня в клуб федерации, который раньше назывался Английским клубом.

Там я застал много товарищей. Одни спорили о революции, другие читали, третьи ели. Словом, застал «анархическое» общество, которое по традиции не признавало никакой власти и порядка в своем общественном помещении, не учитывало никаких моментов для революционной пропаганды среди широких трудовых масс, так остро в этой пропаганде нуждавшихся.

Тогда я спросил себя: для чего они отняли у буржуазии такое роскошное по обстановке и большое здание? Для чего оно им, когда здесь, среди этой кричащей толпы, нет никакого порядка даже в криках, которыми они разрешают ряд важнейших проблем революции, когда зал не подметен, во многих местах стулья опрокинуты, на большом столе, покрытом роскошным бархатом, валяются куски хлеба, головки селедок, обглоданные кости?

Я смотрел на все это и болел душой. В это время в залу вошел Ив. Тарасюк (он же Кабась), заместитель секретаря Молчанского. Он с болью и возмущением сперва тихо, а затем чуть не во весь голос закричал: «Кто ел на столе, уберите!»... Сам начал подымать опрокинутые стулья...

Быстро все со стола было убрано, и взялись подметать залу.

Из клуба я возвратился опять в киоск федерации, подобрал ряд брошюр себе для Гуляй-Поля и хотел было уходить в бюро по созыву съезда для получения бесплатного номера на время работ съезда, как в киоск зашла молодая барышня, оказавшаяся товарищем. Она просила товарищей пойти с нею в зимний городской театр и поддержать ее в выступлении перед рабочей аудиторией против увлекающего рабочих социал-демократа «Нила». Но присутствующие товарищи ей сказали, что они заняты. Она ни слова больше никому не сказала, повернулась и ушла.

Товарищ Молчанский спросил меня: «Ты с нею знаком? Это — славный и энергичный товарищ». Я в ту же минуту бросил киоск и нагнал ее. Предложил ей идти вместе на митинг, но она мне ответила: «Если не будете выступать, то вы мне не нужны там». Я обещал ей, что выступлю.

Тогда она взяла меня за руку и мы ускорили шаги по дороге в Зимний театр. Этот юный и милейший товарищ рассказала мне по дороге, что она всего три года как сделалась анархисткой. Это ей трудно далось. Она около двух лет читала Кропоткина и Бакунина. Теперь почувствовала, что прочитанные ею труды помогли сложиться ее убеждениям. Она их полюбила и во имя их работает. До июля она выступала перед рабочими, но боялась выступить против врагов анархизма — социал-демократов. В июле на одном из митингов в сквере она выступала против социал-демократа «Нила». Он ее хорошо отстегал. «Теперь я, — говорила она, — собралась с силами попробовать вторично выступить против этого «Нила». Это — агитаторская звезда в центре социал-демократов».

На митинге я выступил против знаменитого «Нила» под псевдонимом «Скромный» (мой псевдоним с каторги). Говорил скверно, хотя по уверению товарища «это было очень удачно, только что волновался».

Мой же товарищ, юный и энергичный, завоевала весь зал своим нежным, но сильным ораторским голосом: аудитория была восхищена этим голосом, и мертвая тишина, когда слушали то, что она говорила, сменялась бурными рукоплесканиями и громовыми криками: «Правильно, правильно, товарищ!»

Товарищ говорила недолго, 43 минуты, но настолько возбудила массу слушателей против положений, высказанных «Нилом», что, когда последний вышел оппонировать всем против него выступавшим, зал закричал: «Неверно! Не забивайте нам головы неправдой. Правильно говорили нам анархисты. Вы говорите неправду...»

Когда мы возвращались с митинга, нас собралось уже несколько товарищей вместе. Наш юный товарищ говорила мне: «Вы знаете, товарищ «Скромный», что этот «Нил» своим влиянием на рабочих до сих пор меня с ума сводил, и я задалась целью во что бы то ни стало убить его влияние на рабочих. Меня стесняло на этом пути лишь одно: я слишком молода. Рабочие относятся к старым товарищам более доверчиво. Боюсь, что это мне помешает выполнить свой долг перед рабочими...»

Кроме здоровья и лучших успехов ей в деле революционного анархизма, я ничего больше пожелать не мог. Мы распрощались и разошлись, обещая на другой день встретиться и поговорить о Гуляй-Поле, о котором она слышала много хорошего.

Из-за митинга я опоздал в бюро по созыву съезда и не достал бу-мажки на номер в отеле. Ночевал я в номере товарища Серегина...

Губернский съезд постановил реорганизовать все крестьянские союзы в советы на местах. Это было единственно новым для Гу-

Гуляй-Польского района вопросом из всех вопросов повестки губернского съезда 5-7 августа 1917 года.

По возвращении нашем со съезда и после ряда докладов о нем Гуляй-Польский Крестьянский союз был реорганизован в Крестьянский совет. Он не изменил ни своей декларации, ни методов борьбы, к которой усиленно готовился крестьян. Его призы к рабочим изгнать хозяев фабрик и заводов и ликвидировать их права собственности на общественные предприятия усилился.

За это время, пока мы были заняты формальным переименованием союза в совет, в Москве 14 августа открылось Всероссийское демократическое совещание⁷ и на его трибуне оказался уважаемый, дорогой наш старик — Петр Алексеевич Кропоткин.

Гуляй-Польская группа анархистов-коммунистов остолбенела, несмотря на то что глубоко сознавала, что нашему старику, так много работавшему в жизни, постоянно гонимому на чужбине и теперь возвратившемуся на родину и занятому в старческие годы исключительно гуманными идеями жизни и борьбы человечества, неудобно было отказаться от участия в этом Демократическом совещании. Но эти соображения отходили на задний план перед тем трагическим моментом революции, который понемногу должен был наступить после совещания. Мы в душе осудили своего старика за его участие в этом совещании, думая, что он из бывшего учителя революционной анархии превращается в сентиментального старца, ищущего спокойствия и сил для последнего применения своих знаний в жизни. Но этот суд над Петром Алексеевичем был внутри самой группы, в ее душе, замкнутой для врагов. Происходило это потому, что глубоко, в самых тайниках души группы, Петр Алексеевич оставался великим и сильным теоретиком анархизма. Это подсказало нам, что, не сломи его физическое время, он стал бы перед русской революцией практическим вождем анархизма. Правы ли мы в этом или нет, но на тему его участия во Всероссийском демократическом совещании в Москве мы никогда не вступали в спор со своими политическими врагами...

Итак, мы с замиранием души прислушивались к тому, что скажет Петр Алексеевич. Мы не теряли веры, что он останется навсегда близким, дорогим нашим стариком, но момент революции зовет нас в свою сторону. В силу ряда причин чисто искусственного характера в революции замечается застой. На нее надевается петля всеми политическими партиями, участвующими во Временном правительстве. А ведь они, все эти партии, шаг за шагом все прочнее и решительнее приходят в себя и становятся грозной силой контр-революции...

Может ли наша группа теперь, после семимесячного наблюдения за нашим движением по городам, сомневаться в том, что многочисленные деятели его не знают своей роли и этим угнетают движение, не дают ему высвободиться из традиционных форм дезорганизованности и превратиться из группового в массовое движение? Конечно нет! Поэтому группа взялась с еще большей энергией

за точное определение неразрешенных нашим анархическим движением вопросов, как, например, вопрос о согласовании деятельности групп между собой в разворачивающихся событиях. Он смело и полностью не был сформулирован ни одной федерацией анархистов в русской Февральской революции, хотя каждая федерация и выпускала свои декларации и намечала новые положения для своей деятельности.

Так, мечась в своем стремлении отыскать то большое, что она могла найти в трудах по анархизму Бакунина, Кропоткина и Малатесты, группа пришла к тому, что мы, крестьянская группа анархистов-коммунистов в Гуляй-Поле, не можем ни подражать нашему движению в городах, ни прислушиваться к его голосу. Мы самостоятельно должны разобраться в этом тревожном моменте революции и самостоятельно помочь подневольной деревне правильно ориентироваться в ней, чтобы политические партии не пошатнули в ней веры, что именно она, а не партии со своим правительством явится прямым творцом революции в деревне и что от нее самой зависит видоизменить характер и темп течения этой революции. И группа растворилась среди тружеников подневольной деревни, оставив лишь инициативное и посредническое бюро; и словом, и делом она помогала трудящейся массе разобратся в моменте и придать своей борьбе большую решительность...

Так мы подошли к дням, когда наша тоска и боль о тревожном моменте революции оправдались целиком. Пришли вести от самого Временного правительства и от Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов из Петрограда, что главнокомандующий внешним фронтом генерал Корнилов⁸ снял верные ему дивизии войск с фронта и движется на Петроград с целью ликвидации революции и ее завоеваний.

То было 29 августа 1917 года. К нам в Гуляй-Поле приехала анархистка из Александровска М. Никифорова⁹ и проводила крестьянский митинг под моим предводительством. Рассылный телеграмм подал мне пакетик, в котором я прочел эту весть о движении генерала Корнилова. Я остановил оратора и произнес коротенькую речь о совершающейся казни над революцией, а затем прочел две телеграммы правительства и Всероссийского Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов.

Весть эта произвела тяжелое впечатление на присутствующих на митинге крестьян и рабочих. Волнение, видно было, и крестьяне и рабочие подавляли в себе, но кто-то крикнул из толпы: «Там льется уже кровь наших братьев, а здесь контрреволюционеры свободно расхаживают среди нас и смеются!» — и указано было на стоявшего среди крестьян и рабочих бывшего Гуляй-Польского полицейского пристава Иванова. Анархистка Никифорова соскочила с трибуны и арестовала его. В толпе шум и ругательства по его адресу.

Но я подскочил к Никифоровой и к Иванову, окруженным уже рядом товарищей из группы и Крестьянского совета, и настоял, чтобы сейчас же пристав отпустили, попросил его не волноваться,

так как его никто не тронет, и тут же взобрался снова на трибуну и сказал крестьянам и рабочим, что наша борьба по защите революции должна начаться не с убийства бывших приставов, которые, как, например, Иванов, сдались без сопротивления в первые дни революции и не скрываются. За ними — самое большое — мы можем только наблюдать. Наша борьба должна выразиться в более серьезном; в чем именно, я воздержусь сейчас говорить, так как спешу на заседание Крестьянского совета вместе с рабочими и группой анархо-коммунистов, но после него обещаю сейчас же прийти сюда в сад и объяснить свою мысль...

Когда я пришел в совет, все были в сборе. Мы открыли заседание, в котором прочли телеграммы и заслушали мой доклад о том, за что нам нужно прежде всего взяться сейчас и через какую именно организацию. Последний вопрос был вызван тем, что в телеграмме ВЦИКа Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов предлагалось организовать на местах комитеты спасения революции.

Собрание выделило из своего состава этот комитет, выразив желание, чтобы он назывался Комитетом защиты революции, и поручило мне руководить его работой.

Мы, члены этой наспех сколоченной организации, собрались тут же и постановили взяться за разоружение всей буржуазии в районе и ликвидацию ее прав на богатства народа: на землю, фабрики, заводы, типографии, помещения театров, коллизеев, кинематографов и других видов общественных предприятий.

Мы считали, что это единственный и верный путь и для ликвидации движения генерала Корнилова, и для ликвидации прав буржуазии на господство и привилегии над трудовыми массами.

В то время как мы устраивали объединенное заседание, а затем заседание выделившегося из него Комитета спасения революции (что заняло около пяти часов), массы трудящихся ждали, когда я освобожусь и возвращусь к ним заканчивать свою речь о защите революции.

Когда я наконец пришел, все члены совета группы анархо-коммунистов, кое-кто из рабочего профсоюза прогуливались по улицам с винтовками и простыми ружьями-дробовиками за плечами. Гуляй-Поле превращалось в военно-революционный лагерь.

Я вошел в ворота сада и проходной аллеей подошел к площадке, где была трибуна. Крестьяне и рабочие группами разошлись по саду и оживленно обменивались между собою мнениями о встревожившей их вести. Теперь они быстро сходились ко мне с возгласами: «Ну что, вы свободны уже? Можете закончить то, о чем начали говорить, та оті недобрі телеграммы помішали!»

Я поднялся на трибуну беспомощный, сил не было: устал, потому что все дни ездил по району. Думал, в воскресенье ограничусь одним митингом в Гуляй-Поле, а потом отдохну. Но тревожные телеграммы (крестьяне их называли «недобрыми») дали работу новую.

Заканчивая свою мысль о защите революции, я пояснил, что никто, кроме них самих, не защитит и не разовьет ее. Революция — их прямое дело, и они должны быть ее смелыми носителями и истинными революционными защитниками. Сказал также, к какому решению мы пришли на заседании, что выделили Комитет защиты революции, и не только от движения генерала Корнилова, но и от Временного правительства и от всех, его идеям следующих социалистических партий; но что таким этот комитет станет только тогда, когда мы все от мала до велика скажем, что это — наше детище. Когда мы все вокруг него объединимся и, поскольку он скажется подлинно революционным инициатором в нашем общем деле, будем поддерживать его не на словах, а на деле, революция завершит свое шествие.

Я изложил многочисленному собранию в сокращенной форме программу действия этого комитета.

Из толпы раздались крики: «Да здравствует революция!» И крики не застрельщиков, которыми в подобные моменты политиканы пользуются обыкновенно, крики, истинно народные, идущие из самых глубин народной души.

— Что ж, товарищ Нестор, — раздались голоса, — готовиться в поход на соединение с городскими тружениками, что ли?

Но я осветил им пункт из программы действий комитета, в котором говорилось, что крестьяне по сотням, а рабочие по заводам и мастерским должны обсудить наше постановление и завтра (30 августа) прислать через уполномоченных свое окончательное решение о нем.

Этим закончился день 29 августа. Тяжелый день по своим извещениям о движении генерала Корнилова. Но зато он толкнул массы к инициативе и революционной самодеятельности. И там, где среди тружеников были революционеры, которые знали, какая перед ними должна стоять задача в такие моменты, там предпосылки к назревшим событиям были вовремя сформулированы и трудовые массы их использовали в своей прямой борьбе.

На другой день рано утром я шел по Соборной площади Гуляй-Поля. Группы рабочих из заводов и крестьян из сотен под черными и красными знаменами с песнями подходили к улице, ведущей к зданию Совета крестьянских и рабочих депутатов, в котором поместился Комитет защиты революции. Я перебежал через двор училища и еще другой двор и вбежал во двор Совета, чтобы встретить манифестантов. Когда я оказался перед манифестантами, раздался громовой крик: «Да здравствует революция! Да здравствует неизменный ее сын, а наш друг товарищ Махно!»

Эти крики были для меня лестными, но я чувствовал, что не заслужил их от тружеников. Я остановил восторженные, награждающие меня столь дорогими и сильными эпитетами крики и попросил выслушать меня. Но меня подхватили на руки и продолжали кричать: «Да здравствует революция! Да здравствует Махно!»

Наконец я упросил манифестантов выслушать меня, и когда воцарилась тишина, я спросил их, в честь чего они бросили работу и пришли к Комитету защиты революции?

— Мы пришли в распоряжение комитета, — последовал ответ, — и мы не последние.

— Значит, есть еще порох в пороховницах?!

— Есть, есть и достаточно есть! — кричали манифестанты в ответ мне.

Я начал было терять равновесие, чуть-чуть было не прослезился от радости за широкий размах украинской рабочей и крестьянской души. Передо мной предстала крестьянская воля к свободе и независимости, которую только ширь и глубина украинской души могут так быстро и сильно выявлять.

Первыми моими словами к манифестантам были: «Так слушайте же, товарищи; если вы пришли в распоряжение Комитета защиты революции, то предлагаю вам разбиться на группы в десять-пятнадцать человек, с расчетом по пять человек на подводу, и не медлить ни одного часа — облететь весь Гуляй-Польский район помещичьих имений, кулацких хуторов и немецких богатых колоний и отобрать у этой буржуазии все огнестрельное оружие, как-то: винтовки, централки, дробовые простые ружья, да из холодного — пашки. Ни пальцем, ни словом не оскорблять самой буржуазии... С революционной отвагой и честью мы должны это сделать в интересах революции, против которой вожди буржуазии, пользуясь попустительством революционеров, организовали под крылышком Временного правительства свои силы и уже начали действовать оружием...»

Итак, оружие у буржуазии отобрано и роздано по рукам революционных крестьян. Отобрание произведено спокойно, без жертв. Открылся съезд Советов, который созывался, чтоб разобраться причины, породившие движение генерала Корнилова, и уяснить его цель.

Избрание Гуляй-Польским Советом и другими организациями Комитета защиты революции, как и все действия их до этого, съезд приветствовал, выражая свое убеждение, что настал час действовать.

Разбирая вопрос корниловского похода на Петроград, который был уже отбит, съезд еще раз подчеркнул, что считает преступлением разрушение внешнего фронта, и призывал всех трудящихся в корне убить корниловщину на местах. Он решил вместе с тем поддерживать внешний фронт, как необходимый для защиты революции от внешнего врага. Коснулся и других вопросов, а именно: в первую очередь одобрил провозглашение отмены частной собственности в районе и коснулся земельного вопроса. Группа анархистов-коммунистов предложила съезду свой доклад по этому вопросу. Съезд его заслушал из уст Край и Андрея Семенюты. Доклад этот в своих основных чертах заключался в мерах прак-

тической ликвидации помещичьего и кулацкого права собственности на землю и на те роскошные большие усадьбы, которых они своим трудом не могут обслужить. Группа предлагала немедленно отобрать земли и организовать по усадьбам свободные сельскохозяйственные коммуны, по возможности с участием в этих коммунах и самих помещиков и кулаков. А если последние откажутся стать членами семьи свободных тружеников и пожелают сами индивидуально трудиться на себя, тогда определить им по трудовой норме из находящегося в их распоряжении народного богатства и дать им возможность жить за счет своего труда, обособленно от свободных сельскохозяйственных коммун остальных тружеников...

Однако, несмотря на это очевидное самосознание тружеников, самосознание, открывавшее им путь к полной духовной и материальной свободе и независимости от власти — к свободе, которую трудящиеся стремились обрести за какую угодно цену своей кровью, почувствовать ее в себе, под собой и вокруг себя, чтобы выявить свои социальные силы на пути к безвластному обществу, — я говорю, несмотря на весь этот могучий, сильно проявляющийся трудящимися принцип уничтожения частной собственности на землю, фабрики и заводы, провозглашенный Гуляй-Польским Комитетом защиты революции и подтвержденный районным съездом трудящихся, провести практически и полностью в жизнь не удалось.

Временное правительство, имея у себя за спиной «керенщину» (правую эсеровщину и меньшевизм), а через нее и государственный аппарат на местах, войска, стоявшие в стороне от дел трудящихся Гуляй-Польского района и не знавшие их революционных целей, повлияло на район и осадило порыв трудящихся, опередивших программы этих партий своими требованиями свободы для жизни и плодотворного творчества, и не допустило воплотиться в жизнь здоровому начинанию. И права буржуазии позорно восторжествовали (правда, временно) над революционными массами труда. Этому ревностно содействовали люди, шедшие под флагом социализма, люди, игравшие в социализм.

Трудящиеся Гуляй-Польского района в своем дерзании стать полными хозяевами свободы и счастья в жизни на сей раз ограничили лишь тем, что за аренду помещикам не платили денег, взяли землю в ведение земельных комитетов, а над живым и мертвым инвентарем до весны поставили своих сторожей в лице заведующих, чтобы помещики не распродали его. Да удержали за собой контроль над производством...

Районный съезд земельных комитетов выделил ряд помещичьих имений для организации в них из добровольцев сельскохозяйственных коммун.

Трудовое крестьянство и рабочие, кто индивидуально — своей семьей — или сообща с соседями, по характеру подходящими, организовавшись в небольшие — в 50-200 человек — свободные сельскохозяйственные коммуны, с радостью на лицах свободно обсуждают

между собой, как они ожидают весны, чего и по сколько будут засеивать из весенних яровых хлебов, какие из них дадут надлежащий урожай и, следовательно, помощь революции, если погода будет хорошая, не сухая, а с дождями, которые нашему чернозему нужны в определенное время весны и первого и второго месяца лета.

Только полный засев земли хорошим зерном яровых хлебов и хороший их урожай помогут нам оправиться от военной разрухи и поддержат силы революции в ее лучших для нас, тружеников, делах, говорили в это время крестьяне.

Отзвуки Октябрьского переворота в Петрограде и Москве, а затем и во всей России к нам на Украину дошли лишь в конце ноября и начале декабря 1917 года.

До декабря 1917 года украинские труженики села и города знали об Октябрьском перевороте по воззваниям Всероссийского Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, Совета Народных Комиссаров, революционных партий и групп, из них в особенности двух партий: партии большевиков и партии левых социалистов-революционеров. Ибо они, эти две партии, наиболее удачно извлекали для своих целей пользу из русской революции этого периода. Почву для этого грандиозного революционного выступления рабочих и солдат по городам, а крестьян по деревням против Временного правительства, против его бездарных политических изгибов и влияний, позорных, но бессильных атак на революцию подготавливали все революционные группировки, какие только русская революция могла вмещать в своем широком по заданиям русле. Но эти две партии: первая — хорошо организованная, а вторая — покорно шедшая на поводу у мудрого Ленина — подошли вовремя и умело к трудовым массам и, ложно увлекая их лозунгами: «Вся власть Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов на местах!», щедро приветствуя тут же массу за ее лозунг «Земля — крестьянам, фабрики и заводы — рабочим!» — оседлали революцию и, имея в избытке в своем распоряжении бумаги и печатные машины, засыпали города и деревни своими воззваниями, декларациями и программами.

Анархисты играли в этом перевороте в Петрограде, Москве и ряде других промышленных городов особо выдающуюся роль в авангарде матросов, солдат-армейцев и рабочих. Но, будучи дезорганизованы в своей политической целостности, они не могли сравниться по своему революционному влиянию на всю страну с этими двумя политическими партиями, под руководством того же мудрого Ленина составившими политический блок и определенно знавшими, за что им надлежало прежде всего в эти дни и месяцы взяться и с какими силами и энергией. Их голос мощно и вовремя раздавался по всей стране с определенными и четкими выявлениями перед трудовыми массами их вековых чаяний — завоевания земли, хлеба и воли. Анархисты же, будучи разобщены организационно, не успели даже показать массам всю искренность и ложь этих двух революционных политических партий, строящих свое господство

над революцией, пользуясь лозунгами, по своей антигосударственной сущности чуждыми их государственным идеям.

Трудовые массы за период контрреволюционных деяний Временного правительства и его прямых агентов — правых социалистических партий и кадетов видели в лице большевиков и левых социалистов-революционеров борцов за цели труда. Того, что они полны политического лукавства, массы сами не замечали. Толкнуть их на то, чтобы они серьезнее к этим партиям присмотрелись, могли только революционные анархисты: анархо-коммунисты и анархо-синдикалисты. Но анархисты по старой традиции до революции не заботились о создании каждой группировкой своей мощной организации. А в дни революции необходимая работа — одних среди рабочих, других за пером и газетой — не позволила им серьезно подумать о своей расхлябанности и положить ей конец созданием такой организации, с помощью которой можно было бы влиять на ход революционных событий в стране.

Правда, некоторое время спустя анархистские федерации и конфедерации родились. Но октябрьские события показали, что они не справились со своим делом. Казалось, что чуткие анархисты-коммунисты и синдикалисты должны были быстро взяться за переоценку форм своей организации, сделав их более устойчивыми и соответствующими социальному размаху революции.

Увы! Этого не случилось! И из-за этого, и из-за ряда других не менее важных причин анархическое движение, столь живучее и полное революционного пафоса, очутилось в хвосте событий и временами чуть не отрывалось даже совсем от них, будучи бесильным пойти самостоятельным путем, оплодотворяя революцию своей идеей и своей практической, политической тактикой.

Итак, октябрьские революционные события, события, проложившие путь к началу Второй Великой Русской революции, реально начали выявлять себя на Украине лишь в декабре 1917 года.

За время от октября до декабря на Украине по селам и городам произошла реорганизация общественных комитетов (этих территориальных единиц) в земские управы. Правда, участие трудящихся в этой реорганизации было очень слабо и носило характер формальности. Во многих районах крестьянские представители в общественных комитетах в земские управы не пошли. Во многих местах просто переименовывали Общественный комитет в земскую управу, не внося никаких изменений в его структуру. Но формально по всей стране территориальной единицей считалась земская управа.

Часть рабочих по городам мало-помалу вступила на выжидательный путь.

Крестьяне находили момент самым удобным, чтобы ниспровергнуть власть и взять всю общественную судьбу в свои руки. С этой стороны крестьяне в Запорожье и Приазовье рассматривали Октябрьский переворот в Петрограде и Москве, распространявшийся по всей Центральной России в форме вооруженных атак против сто-

ронников «керенщины», как начало того, что сами они проводили у себя на местах еще в августе и сентябре 1917 года. И поэтому приветствовали его, стараясь расширить для него пути у себя на местах. Других мотивов, которые бы роднили крестьян и ту часть рабочих, которая осуждала всякое выжидание и действовала с Великим Октябрем, не было. Только с этой стороны Октябрьский переворот в его воззваниях и газетах был встречен радостно украинскими революционными тружениками подневольной деревни и порабощенного города. То обстоятельство, что этот революционный переворот привел к власти партию большевиков и левых социалистов-революционеров, не обольщало украинских революционных тружеников. Сознательные крестьяне и рабочие видели в этом новый этап вмешательства власти в революционное творчество тружеников на местах и, следовательно, новую войну власти с народом. В массе же своей украинские труженики, подневольной деревни в особенности, смотрели на эту новую революционно-социалистическую власть как на власть вообще, которую они тогда только замечают, когда она их грабит разными налогами да набирает рекрутов в солдаты или при других каких-либо насильнических ее действиях, которые встряхивают их тяжелую трудовую жизнь. Очень часто можно было услышать среди крестьян их настоящее мнение о дореволюционных и революционных властях. Они говорили как будто шутя, но в действительности самым серьезнейшим образом и всегда с особой болью и ненавистью, что дурака Николку Романова от власти прогнали, второго дурака начал было разыгрывать из себя Керенский; теперь и этого прогнали. Кто же после него начнет разыгрывать в наш век, за наш счет этого дурака?

— Володька Ленин! — говорили одни.

Другие говорили: без «дурака» не обойтись. (Причем под словом «дурак» они разумели всегда только власть.) Город для этого только и существует; его идея и система дурная: город вызывает к жизни этого «дурака», говорили крестьяне.

В действительности мудрый Ленин правильно понимал город. Поставил на пост этого «дурачка» под флагом диктатуры пролетариата — группу лиц, возомнивших о себе как о знающих эту роль, лиц, способных на что хотите, лишь бы быть на посту властелина и навязывать свою подчас дурную волю другому человеку и целому роду человеческому. Мудрый Ленин сумел вознести роль «дурака» на необыкновенную высоту и этим соблазнить не только учеников симпатичнейшей по своей исторической революционно-боевой деятельности политической партии — левых социалистов-революционеров¹⁰, превратя их в своих недоучек, но и некоторых анархистов. Правда, дети старой партии социалистов-революционеров — левые социалисты-революционеры через 7-8 месяцев своего лакейства перед мудростью Ленина опомнились и стали в оппозицию этой мудрости вплоть до вооруженного выступления против нее, но это не изменяет нами отмеченной истины о них.

Как к самой идее Учредительного собрания, так и к выборам его делегатов наша группа относилась отрицательно. Под влиянием агитации группы трудовое население района в большинстве своем тоже отрицало самую идею Учредительного собрания, однако не все это большинство трудового населения бойкотировало выборы. Это объясняется тем, что социалистические партии — левые и правые эсеры, социал-демократы-большевики, меньшевики и сильная партия кадетов — повели бешеную агитацию по всей стране за списки своих кандидатов. Под влиянием этой их агитации трудовое население страны разбилось на ряд группировок, совершенно разорвав свое единство, даже в вопросе о социализации земли. Кадетам и меньшевикам-эсдекам, которые в то время стояли за передачу земли за деньги, это было на руку. Наша группа, следя за всеми действиями упомянутых партий, действиями, разрушавшими единство тружеников всей страны, предпочла кадетам и эсдекам эсеров и большевиков и в пользу этих последних воздержалась в это время от активной борьбы за бойкот выборов, предоставив своим членам, выступавшим на митингах и собраниях, устраиваемых этими партиями, разъяснять трудящимся, что если кто-либо из них верит в идею Учредительного собрания и желает участвовать в выборах делегатов в него, то тогда нужно голосовать за социалистов-революционеров (левые и правые эсеры выставляли один список, № 3) или за большевиков — список № 9. И хотя выборы происходили на Украине с многочисленными списками кандидатов, но привлекали трудящихся три из них: № 3 — социалистов-революционеров, № 5 «украинский», т. е. сброд социалистической, шовинистической и национальной мешанины, и № 9 — большевистский. Списки эсеров и большевиков (№ 3 и № 9) имели колоссальный успех там, где трудовое население участвовало полностью в выборной кампании. № 5, «украинский» список, имел меньше успеха на Левобережной Украине, чем любой из двух предыдущих (№ 3 и № 9) списков.

Правда, успех левых социалистических партий в выборной кампании объясняется, с одной стороны, тем, что украинский трудовой народ, не изуродованный политикой шовинистов, сохранил в себе свои природные своеобразные революционные черты и голосовал за революционные партии. С другой стороны, объясняется это еще и тем, что идея украинского освободительного дела строилась не на трудовом и социальном самоопределении Украины, а на буржуазно-национальном, причем и эта неприемлемая для двадцатого века идея буржуазии проводилась в жизнь ненормально и безответственными людьми, даже когда они натягивали на себя социалистические ярлыки и стремились говорить по-социалистически. От этого суть дела не менялась: вопрос «украинского освободительного дела» оставался замкнутым в крайне шовинистические рамки. Сами главари его, за исключением двух-трех человек, в конце концов тоже продавшихся немецкому юнкерству в совместном походе против революции, представляли собой крайне разношерстный эле-

мент, и это привело в ряды «украинского освободительного дела», даже на руководящие его посты, людей, которые могли говорить по-украински, но которым не место было в рядах украинского освободительного движения...

К первым числам декабря в Екатеринославе фактически торжествовал уже блок большевиков и левых социалистов-революционеров. Гуляй-Польский район, признавая эти партии за революционные, тут же безошибочно определил степень их революционности.

Трудящиеся говорили: мы считаем большевиков и левых социалистов-революционеров революционерами за их активную деятельность в революции. Мы приветствуем их как стойких борцов. Но мы опасаемся их как властников, ибо они, восторжествовав за счет наших сил над буржуазией и поддерживавшими ее в ее стремлениях разбить революцию правыми социалистическими группировками, сразу выдвинули свою власть, от которой попахивает властью вообще, которая веками нас душит, властью, которая что-то мало видно чтобы стремилась использовать свое торжество для водворения в жизнь идеи трудящихся самоуправляться у себя на местах без приказа и указа начальников. Везде учреждаются комиссариаты. И комиссариаты эти больше с полицейским лицом, чем с лицом равного брата, стремящегося нам объяснить, как лучше было бы устраиваться нам самим самостоятельно, без окриков начальников, которые жили на нашей шее до сих пор и не принесли нам ничего, кроме вреда. А раз этого стремления со стороны революционной власти не видно сейчас, раз вместо него учреждаются полицейские институты, из которых вместо совета сыплется окрики начальства, то в будущем его совсем не увидишь. В будущем этот приказ для каждого инакомыслящего и не в такт приказу ступающего по освобожденной земле явится смертью и разрушением его свободы и независимой жизни, к которой мы стремимся...

Труженники Гуляй-Польского района определенно знали, что на декабрьском губернском съезде главную роль будут играть уже агенты исключительно большевистско-левоэсеровского блока, стремления которого нет-нет да и вскрывают его государственно-властническую сущность. Поэтому крестьяне и рабочие Гуляй-Поля не раз говорили на своих собраниях о том, что нужно быть осторожными и не полагаться на блок революционных партий. От них попахивает чем-то специфическим, обращающим на себя особое внимание...

Крестьяне и рабочие узнали от своих делегатов, что большевик Эпштейн заявил на съезде: «Городской пролетариат пришел к власти, и нужно надеяться, что он создаст себе свое пролетарское государство. Мы, большевики, все силы отдадим ему на помощь созданию этого государства, так как только через него пролетариат достигнет максимума своего счастья...»

Трудящиеся Гуляй-Польского района усмотрели в этих словах большевика, что партия большевиков обнаглет и будет строить за счет крестьянства свое большевистское «пролетарское» государство, и напряженно следили за ходом событий в городах.

Крестьяне по селам снова взялись обучать друг друга, как нужно держать в руках винтовку и стрелять из нее.

День за днем в наш район доходили слухи, что Украинская Центральная рада не помирилась (из-за власти) с большевистско-левоэсеровским блоком и, втянув в свой партийный спор трудовые массы, затеяла на сцене революционных действий кровавую бойню. В Гуляй-Поле и в районе все чаще и чаще стали появляться десятками агенты Украинской Центральной рады, которые проповедовали «вічну боротьбу с кацапами».

Население района еще больше насторожилось. Со всех сел и деревушек района представители от крестьян ежедневно появлялись в Гуляй-Поле в бюро анархо-коммунистов — в Совете рабочих и крестьянских депутатов и, кровно заинтересованные судьбами революции, советовались с анархистами и Советом о том, что придется предпринять в недалеком будущем, чтобы удержать свое право на землю, на хлеб и волю в жизни не урезанным программами того или другого правительства...

Будучи председателем Гуляй-Польского районного Совета и имея от последнего полномочия действовать в области точного выяснения создавшегося тяжелого положения для революции, я послал двух членов в Одессу и Киев (область борьбы отрядов Украинской Центральной рады с отрядами большевистско-левоэсеровского блока). Когда ходоки возвратились и объяснили, что творится в этой области, был сразу же созван съезд Советов.

На этом съезде Советов района были разобраны все данные о действиях и Центральной рады, и большевистско-левоэсеровского блока, из которых ясно было, что, хотя Украинская Центральная рада и возглавлялась социал-революционерами и эсдеками, целью ее борьбы с большевистско-левоэсеровским блоком было не только изгнание «кацапів из рідной землі неньки України», но и подавление даже признаков социальной революции вообще.

Съезд вынес свою резолюцию: *смерть Центральной раде.*

31 декабря 1917 года я был по организационным делам в селе Пологи и получил из Александровска точные сведения о том, что между отрядами красногвардейцев группы Богданова и гайдамацкими частями Центральной рады идет бой в самом Александровске.

Момент был такой, что оставаться в стороне и только смотреть или слушать, что делается, нельзя было. Оставаться нейтральным и к тем и другим тем более было невозможно, потому что население района было определенно враждебно настроено против политики Украинской Центральной рады, агенты которой, разъезжая по району, травили всякого и каждого революционера, называя его «предателем неньки України» и защитником «кацапів», которых по «идее» Центральной Украинской рады (по выражению ее агентов), конечно, нужно было убивать, «як гоубитилі в мови».

Такая идея оскорбляла крестьян. Они стягивали с трибуны проповедников и били как врагов братского единения украинского народа с русским.

Вот эта-то злопамятная проповедь шовинистов-украинцев толкнула трудовое население Гуляй-Польского района на путь вооруженной борьбы со всякой формой обособленного украинства, ибо население видело в этом шовинизме, который фактически являлся руководящей идеей украинства, смерть для революции.

Как раз в то время, когда в Александровске был бой красногвардейцев с гайдамаками, по линии Александровск — Апостолово — Кривой Рог сгруппировалось несколько воинских казачьих эшелонов, которые снялись с внешнего фронта и направлялись на Дон к генералу Каледину¹¹. (Движение Каледина было, по существу, подлинным возвратом к старому монархическому строю. Оно шло под флагом независимости Дона, но вокруг него и в самом его сердце группировались черные силы русской реакции, ставившей своей целью руками казачества казнить революцию и восстановить дом Романовых...)

Со 2 января 1918 года заседание Гуляй-Польского Совета крестьянских и рабочих депутатов с участием профессионального союза металлистов и деревообделочников и группы анархо-коммунистов тянулось круглые сутки. Горячо дебатировался вопрос о том, как быть, что предпринять немедленно, сейчас же, чтобы не пропустить казаков вооруженными на Дон к Каледину, ибо, соединившись с Калединым, они образуют фронт еще шире и серьезнее против революции, против всех ее прямых завоеваний, чего мы, крестьяне, допустить ни в коем случае не должны.

Это длительное и утомительное заседание Совета привело всех на нем присутствовавших к одной мысли: мы должны, невзирая ни на какие противоречия, вытекающие из того, что нам придется образовать единый фронт с государственниками, вооружаться и идти на помощь красногвардейским отрядам большевистско-левоэсеровского блока. Преданность безвластническим идеям нам поможет изжить все противоречия, и мы, разбив черные силы врагов революции, раздвинем ее берега шире и углубим ее на пользу всего угнетенного человечества.

3 января 1918 года командующий красногвардейскими отрядами Богданов обратился к крестьянам и рабочим с воззванием помочь красногвардейцам. В ночь на 4 января наша группа выпустила воззвание к крестьянам и рабочим, приглашая их взяться за оружие. В ту же ночь я передал свое председательствование в Совете товарищу, а сам стал во главе анархического отряда, объединившего вокруг себя несколько сот крестьян, и мы отправились в Александровск при полном вооружении. Помню, при нашем выезде из Гуляй-Поля отряд избрал по моей инициативе себе командира. Я отказался быть командиром, имея в виду, что мне придется в Александровске отрывать от отряда по вопросам организационной связи города с селом. Поэтому отряд избрал себе командиром моего брата, Савву Махно. Масса народу собралась возле отряда...

Мы по приезде в Александровск подняли шум: почему не разгружается от арестованных тюрьма, в которой так много сидит

крестьян и рабочих, схваченных и посаженных только за то, что не уважали ни власти Керенского, ни власти Центральной рады и, как нам один из большевиков объяснил, не освобожденных до сих пор за то, что они будто бы способны не уважать и власти большевистско-левоэсеровского блока.

Посоветовавшись с рабочими, которые сообщили нам об этих арестованных и томившихся за решеткой узниках, мы пришли к тому, чтобы представитель от нас пошел в ревком и там настоял на разгрузке тюрьмы. Если ревком откажется, мы проектировали силой раскрыть ворота тюрьмы и, освободив всех в ней томившихся, сжечь самую тюрьму.

Итак, меня отряд делегировал в ревком, а последний уполномочил меня, левого социалиста-революционера Миргородского, эсера Михайловского и других разгрузить тюрьму. Пошли в тюрьму, осмотрели, выслушали заявления арестованных. Вышли из корпуса в контору, обменялись мнениями и разошлись. Не все собрались: самого главного не было — большевика Лепика, которому уже тогда, за кулисами, в большевистских кулуарах, был предназначен пост председателя чеки, но от нас это пока скрывалось.

Мне лично, сидевшему два раза в этой тюрьме, знавшему, какая она грязная и тяжелая, больно было выходить из ее ворот, не освободив никого. Но я ограничился только упреками по адресу Лепика, вышел вместе с товарищем Миргородским из ворот, сел на извозчика и возвратился в ревком...

Однако после обеда мы собрались все и решили взяться за дело. Тюрьма была разгружена от арестованных...

Я говорил своим товарищам, что для революции было бы лучше, если бы большевики и левые эсеры не создавали блока, ибо среди них нет той идеи, которая удержала бы их от стремления властвовать над революцией, и это их в конце концов столкнет между собой, и они своим взаимоистреблением принесут много зла для революции. Уже теперь, говорил я друзьям, видно, что свободой пользуется не народ, а партии. Не партии будут служить народу, а народ — партиям. Уже теперь мы замечаем, что во многих случаях в делах народа упоминается лишь его имя, а вершат дела партии. Народ знает лишь одно — слушать, что правители ему говорят!..

В Федерации анархистов не все об этом знали. Поэтому когда узнали, то просили, чтобы я им объяснил причину или цель моего выхода из революционного комитета. В это время были также некоторые рабочие, сочувствовавшие левым эсерам. Они-то более всего просили меня сказать им, почему я ухожу из революционного комитета и покидаю Александровск.

Пришлось им повторить то, что многим я говорил наедине. Я им сказал, что, на мой взгляд, большевистско-левоэсеровский блок уже дал трещину в своем единстве, и это, заметьте, тогда, когда он еще только составлялся. Причина этому, по-моему, с одной стороны, историко-философское расхождение эсеровщины с марксизмом, с дру-

гой — тщеславие, толкающее одну партию опережать другую в своем разнуданном стремлении властвовать над революцией.

Для меня лично абсолютно верно то, что недалеко то время, когда эти две ныне царствующие в стране партии не помирятся, столкнутся на своем пути и начнут друг друга уничтожать, казня вслед за этим революцию и все лучшее в ней. Так какого же черта мне тратить здесь свои силы, когда я вижу начало подлинной революции в деревне. Крестьяне осознают себя, они проявляют свою волю к борьбе за идеал справедливости, им нужно помочь в этом, кричал я разъяренный, а товарищи еще больше удивлялись...

С большим риском я решил предложить группе обсудить следующее. В Гуляй-Поле был коммерческий банк, которого мы сознательно пока что не конфисковывали, деньги которого находились в Александровском государственном казначействе, но канцелярскими работами он еще занимался, надеясь и после Октябрьской революции развернуть свою работу для наживы бездельников...

Все время революции кредитный банк в Гуляй-Поле спекулировал и мародерствовал за счет труда. По праву он должен бы быть давно экспроприирован и передан в общий фонд труда. Ни коалиционное правительство Керенского, ни большевистско-эсеровское правительство этого сами до сих пор не сделали и мешают сделать это самому революционному народу. Поэтому я предлагаю, чтобы Гуляй-Польский районный революционный комитет постановил не считаться с правительством большевиков и левых эсеров и потребовать от правления банка внести в революционный комитет на революционные цели в 24 часа двести пятьдесят тысяч рублей.

Эта резолюция была принята без прений, единогласно.

На другой день я зашел в банк и объяснился по этому постановлению с директорами. Они попросили комитет продлить срок взноса на три дня. Сами же собрали всех вкладчиков и с ними сообщая, при энергичном участии социал-демократа Збара, стоявшего за требование комитета, подписали свои пропорционально ими самими распределенные чеки. А кто не явился на это банковское собрание, тому дирекция банка послала своего агента вместе с членом революционного комитета, чтобы он подписал свой чек. В течение четырех дней чеки были собраны, а на пятый — член комитета с уполномоченным от банка поехал в Александровск и получил указанную сумму денег.

Так на первые шаги революционного дела, дела, открывающего путь борьбы за расширение, углубление и творческое развитие великой русской революции, которая находилась все время под гнетом власти, даже революционной, какой в это время была власть большевистско-левоэсеровского блока, революционный Гуляй-Польский район трудящихся добыл себе денежные средства, нужные на литературу и разъезды пропагандистов и организаторов труда против капитала и власти...

В доверии друг к другу естественно рождался энтузиазм, в котором выявлялись воля и инициатива каждого члена группы. Группа

направляла их на дело осуществления тех задач, которые она намечала. На этом пути заведующий продовольственной управой проявил максимум инициативы, и группа ее, как могла, использовала. Пользуясь официальными правами продовольственного органа, она решила завязать непосредственно от Гуляй-Польского трудового района связи с рабочими мануфактурных фабрик Москвы и других городов и наладить обмен. Рабочие должны доставлять населению Гуляй-Польского района нужную мануфактуру в указанном качестве, цветах и количестве, а район будет их снабжать хлебом и, по желанию рабочих, съестными припасами.

Серегин разослал по городам своих ходоков, сам бросался во все районы встречать рабочие делегации, разбегавшие по стране под контролем правительственных продовольственников и чекистов, чтобы найти и закупить себе хлеба. В течение двух недель он завязал связи с рабочими Прохоровских и Морозовских мануфактурных фабрик. Они по-товарищески условились на началах взаимного братского понимания своих трудовых нужд в жизни и борьбе за независимость о следующем: свободное трудовое общество снабжать взаимно — крестьяне рабочих хлебом (в муке) и съестными припасами, рабочие крестьян — нужной мануфактурой...

Крестьянский сход выразил этой идее особое сочувствие, не задумываясь над тем, что все, что крестьяне пошлют рабочим в обмен на мануфактуру, правительственные агенты в пути конфискуют. Крестьяне помогли продовольственной секции в течение нескольких дней собрать и нагрузить несколько вагонов для спешной отправки ее рабочим мануфактурных фабрик.

Группа анархистов-коммунистов выделила для сопровождения этих вагонов к месту назначения вооруженный отряд во главе с товарищем Скомским. И мука, несмотря ни на какие умышленные задержки ее комендантами по центральным пунктам узловых станций и городов, была доставлена на место назначения.

А через неделю или полторы рабочие московских мануфактурных фабрик препровождали уже вагонами мануфактуру в Гуляй-Поле. Но по дороге заградительные отряды продовольственных правительственных органов ее задержали и направили в Александровск в продовольственную управу на том основании, что непосредственно, дескать, без разрешения центральной советской власти нельзя делать никаких товарообменов крестьян с рабочими. Для этого существует рабоче-крестьянская, да еще и «Советская» власть, а она таких примеров, чтоб рабочие имели без нее свои непосредственные связи и дела с крестьянами, еще не подавала... И при этом, конечно, неслась всевозможная брань по адресу трудящихся революционного Гуляй-Польского района и работавшей в нем анархической группы...

Население требовало немедленного похода на город, чтобы разогнать засевших там ненужных, вредных для дела трудящихся правителей. Требование крестьян не было пустой фразой: трудящиеся в это время имели в своем распоряжении выделенные из своей среды кадры революционной молодежи, вполне достаточные

для того, чтобы с боем занять Александровск и разогнать, если не перестрелять совсем, всех правительственных чиновников.

— Революция провозгласила принципы свободы, равенства и вольного труда, — говорили трудящиеся подневольной деревни Гуляй-Польского района в это время, — и мы желаем видеть эти принципы в жизни, поэтому уьем всякого, кто попытается мешать нам. Правительство большевистско-левоэсеровского блока, несмотря на свою революционность, оказывается тоже вредным явлением в творческом развитии революции... Мы готовим смерть и для него или сами умрем в этой борьбе, но не потерпим над нашими правами на свободное совершенствование и развитие наших общественных отношений того угнетения, которое правительством намечается и которое его агенты стремятся воплотить в жизнь, чтобы восторжествовать и покорить революцию...

Через сутки Серегин сообщил в революционный комитет, что он получил от посланного им уполномоченного сведения о том, что конфискованная александровскими властями шедшая от рабочих московских мануфактурных фабрик в Гуляй-Поле мануфактура принята и уже прибыла на Гуляй-Польскую станцию. Поэтому он созывает общий сход — собрание крестьян и рабочих, на котором он уполномочен просить крестьян помочь организовать перевозку этой мануфактуры в общий продовольственный склад, а также наметить дни и порядок раздачи мануфактуры среди населения в той ее части, конечно, которая выпадает на долю Гуляй-Поля. Серегин просил меня и других товарищей из революционного комитета и группы анархо-коммунистов прийти на этот всеобщий сход-собрание и помочь ему провести его в деловом порядке, чтоб не терять времени и выяснить положительные стороны товарообмена деревни с городом и начать этот товарообмен в более широком масштабе, а главное, распространить его на все отрасли потребления.

Всеобщее собрание крестьян и рабочих протекало под одним лозунгом, а именно: завязать товарообмен деревни с городом без посредника — политической государственной власти. Пример был налицо, что без посредника деревня лучше узнает город, а последний деревню. Это залог для успешного объединения двух классовых сил труда для единой цели — отнятия от государства всех функций социально-общественного строительства в целях совершенного упразднения государства со всеми его видами и формами власти...

Итак, мануфактура, пришедшая от городских фабричных рабочих к крестьянам в обмен за их трудом выработанные продукты продовольствия, была распределена среди населения Гуляй-Поля и района Гуляй-Польским кооперативом и продовольственной управой. Районный Совет совместно с продовольственным органом обща пришли к тому, что надо расширить и углубить идею товарообмена деревни с городом без посредников — государственных агентов и их чиновников.

Были посланы уполномоченные в ряд городов для выяснения разных вопросов, касающихся практических сторон товарообмена, а так-

же и за продуктами. Тем временем население начало сбор пшеницы, муки и съестных припасов в общий продовольственный склад, который бы всегда имел свой общий фонд для товарообменных общественных дел. Однако на сей раз уполномоченные наши в большинстве своем возвратились из городов ни с чем. Власть большевистско-левоэсеровского блока по всем фабрично-заводским предприятиям категорически воспретила пролетарским объединениям иметь непосредственно какие бы то ни было организационные связи с деревней. Для этого существуют, дескать, пролетарские государственные организации: продорганы. Они и позаботятся об объединении села с городом; они наладят по городам и деревням промышленность и сельское хозяйство и таким образом утвердят в стране социализм...

Февраль — март: момент распределения отобранного у помещиков еще с осени 1917 года живого и мертвого инвентаря и выделения бывших помещичьих имений для поселения в них добровольцев, крестьян и рабочих, организовавшихся в сельскохозяйственные коммуны. Этот момент решительных действий и в области строительства новой жизни, и в области защиты этого строительства сознается всеми тружущимися района. Бывшие солдаты-фронтовики под руководством революционного комитета занялись перевозкой и переводом в общий общественный фонд всего мертвого и живого инвентаря из помещичьих имений и богатых хуторов, оставляя их владельцам на каждого хозяина по две пары лошадей, по одной или по две коровы (смотря по количеству семьи), по одному буккеру, плугу, сеялке, косарке, веялке, а крестьяне вышли в поле закончить начатый осенью раздел земли. В это же самое время некоторые крестьяне и рабочие, организовавшиеся еще с осени в сельскохозяйственные коммуны, оставляя села и деревни, со всеми своими семьями выезжали в бывшие помещичьи имения, невзирая на то, что революционно-боевые красногвардейские отряды большевистско-левоэсеровского блока по договору с австрийскими и немецкими царями уже очищали Украину, предоставляя ее с ее малочисленными революционно-боевыми формированиями самой себе в неравной борьбе с регулярными воинскими австрийскими и немецкими частями и поддерживавшими их отрядами Украинской Центральной рады. Они поселялись там и, не теряя времени, приготавливали свои силы: частью на весенние работы в коммунах, частью в боевые отряды защиты революции и тех ее прямых завоеваний, которыми революционные труженики хотя и не повсеместно, но во многих районах шаг за шагом непосредственно овладевали и этим самым давали пример всей стране.

Сельскохозяйственные коммуны организованы были в большинстве случаев с крестьянами, в меньшинстве состав коммун был смешанный: крестьяне с рабочими. Организация их основывалась на равенстве и солидарности сочленов. Все члены этих коммун — мужчины и женщины — совершенно сознательно относились к делу, будь то в поле или на дворовой работе. Кухни были общие, столовая также. Пожелание того или другого члена коммуны готовить себе и детям отдельно от общей кухни или брать пищу из

общей кухни, но есть ее в своей квартире, не встречало со стороны других членов коммуны никакого возражения.

Каждый член коммуны или целая группа могли устраиваться с пищей, как им казалось лучше, но они должны были об этом заявлять своей коммуне заранее, чтобы все члены ее знали об этом, так как это требовало известной переорганизации на общей коммунальной кухне и в кладовых. Практикою требовалось от членов коммуны также вовремя подыматься по утрам и управляться возле волов, лошадей и другой домовой худобы и с другими видами работ. Каждый член коммуны всегда мог отлучаться из коммуны, но должен был предупредить об этом своего товарища, близко стоявшего к его коммунальному делу, чтобы тот за время его отсутствия мог справляться с его работой. Это во время работ. Во время же отдыха (днем отдыха считалось воскресенье) все члены коммуны чередовались в своих поездках на сторону.

Ведение хозяйства всей коммуны направлялось общими совещаниями всех членов ее. После этих совещаний каждый член, имевший свое определенное дело, знал, какие произвести в нем изменения и проч.

Лишь школьное дело коммун еще не было точно определено, потому что старого типа школу коммуны не желали восстанавливать. Из нового остановились на анархической школе Ф. Ферера¹² (о которой часто доклады читала и о которой распространяла брошюры группа анархо-коммунистов), но, не имея подготовленных к ней людей, они старались через группу анархо-коммунистов вызвать для постановки этого дела более сведущих товарищей из городов, и в крайнем случае намечалось первый год обойтись тем, чтобы пригласить в свои коммунальные школы к детям учителей, знающих лишь методы преподавания школьных предметов.

Таких сельскохозяйственных коммун в семи-восьмиверстном расстоянии от самого Гуляй-Поля было четыре. По району их было много. Но я останавливаюсь на этих четырех коммунах, так как организовывал их сам непосредственно. Все их лучшие здоровые начинания проводились на моих глазах. В серьезных случаях — после совещания с мной. Одной из них, пожалуй самой большой, я уделял два дня в неделю своего физического труда: во время весенних посевов в поле за буккером или сеялкой, до посевов и по окончании последних; на домашних работах: на плантациях или возле механика электромашин и проч. Остальные же четыре дня недели я работал в Гуляй-Поле в группе анархо-коммунистов и в районном революционном комитете. Этого от меня требовали все члены группы и все коммуны. От них же требовал момент революции, диктовавший им свои условия стягивания и группирования революционных сил против надвигавшейся с запада прямой контр-революции в лице немецких и австро-венгерских монархических армий и Украинской Центральной рады.

Во всех коммунах были и крестьяне-анархисты, но в большинстве своем члены их были не анархисты. Однако чувствовалась во

всей их коммунальной жизни анархическая солидарность, которую могут выявлять в практической жизни только простые натуры тружеников, не вкусившие еще городского политического яда, от которого всегда несет затхлостью обмана и измены и которым дышат даже многие называющиеся анархистами.

Каждая коммуна состояла из десятка крестьянских и рабочих семей, насчитывая по сто, двести и триста сочленов. Эти коммуны взяли себе по трудовой норме земли, т.е. столько, сколько они могут обрабатывать своим трудом. Живой и мертвый инвентарь они получили тот, который в усадьбе был, по постановлению районных съездов земельных комитетов.

И свободные труженики-коммунисты под звуки свободных песен о радости, песен, отражающих собою дух революции, тех борцов, которые многие годы проповедовали ее и умерли или остались живы и непоколебимы в борьбе за ее «высшую справедливость», которая должна восторжествовать над несправедливостью, окрепнуть и стать путеводительницей жизни человека, засевали поля, расчищали сады и огороды, веря в самих себя, в свое искреннее и чистое намерение впредь не допустить более поселиться на завоеванной земле тем, кто никогда на ней не трудился, но по праву государства владел ею и стремился снова завладеть.

Население сел и деревень, расстилавшихся недалеко от этих коммун, в своей менее сознательной, еще не совсем освободившейся от лакейства перед кулаками, среде завидовало этим коммунарам, не раз высказывая желание отобрать у коммунаров весь живой и мертвый инвентарь, который достался им от бывших помещиков, и распределить его между собой. Пусть, дескать, свободные коммунары затем его купят у них... Но это поползновение абсолютным большинством тружеников на сходах-собраниях и на всех съездах резко осуждалось. Большинство трудового населения видело в организации сельскохозяйственных коммун здоровое начинание новой социально-общественной жизни, которое, по мере того, как торжество революции подойдет к своему творческому созидательному завершению, должно будет разрастись и дать толчок применению свободного коммунального образа жизни если не по всей стране, то во всем районе, в селах и деревнях.

Свободный коммунистический строй населением района принимался за высшую форму общественной справедливости. Однако переходить на него сейчас же население в массе не решалось, ссылаясь на наступление немецких и австрийских армий, на свою неорганизованность и беспомощность защитить этот строй от новых «революционных» и контрреволюционных властей. Благодаря этому трудовое население района ограничивалось в этой области дела подлинной революции лишь тем, что стремилось всячески поддержать в своей среде отдельных смельчаков, организовавшихся между собой и поселившихся в бывших помещичьих имениях, ведя свою личную и хозяйственную жизнь на свободных коммунистических началах.

Нашлась часть помещиков, кулаков-хуторян и немецких колонистов, которая поняла, что так или иначе, но остаться на долгие годы господами, владеющими тысячами десятин земли, эксплуатируя на ней чужой труд, им уже не удастся. Она сдалась сразу революции и занялась на общих основаниях, т. е. без батраков и без права сдавать землю в аренду, устройством своей общественной жизни...

В марте 1918 года город Киев и большая часть Правобережной Украины были заняты экспедиционными монархическими немецкими и австро-венгерскими армиями. По договору с Украинской Центральной радой, которая возглавлялась украинскими «социалистами» под председательством престарелого украинского социалиста-революционера проф. Грушевского, эти армии вступили на революционную украинскую территорию и повели свое гнусное наступление против революции. При прямом содействии как самой Украинской Центральной рады, так и ее агентов немецко-австрийско-венгерское монархическое командование установило по всей Украине свою шпионскую сеть против революции. Немецко-австрийско-венгерские экспедиционные армии и отряды Украинской Центральной рады были еще на правой стороне Днестра, как уже вся левобережная часть Украины кишела многочисленными их агентами, шпионами и провокаторами.

Трудящиеся Гуляй-Польского района и самого Гуляй-Поля не знали в этот период того дня, в который не было бы митинга, где бы их не провоцировали в деле революции на пользу контрреволюции. Наводнение шпионами и провокаторами самой революционной части Украины, какой являлась ее левобережная часть, естественно объединило Гуляй-Польских украинских шовинистов в организацию «революционного» характера под знаменем социалистов-революционеров. Во главе этой организации стояли агроном Дмитренко, П.Семенюта (Рябко), А.Волох, Волков и Приходько. Четыре последних — прапорщики. Большинство из них крупные собственники-землевладельцы. Волков — владелец мануфактурного магазинчика...

С прославлением того, что немецко-австро-венгерские контрреволюционные армии с такими же контрреволюционными отрядами Украинской Центральной рады идут, рвут и топчут все живые силы революции, выступали Гуляй-Польские социалисты-«революционеры»-шовинисты на каждом митинге. А то, что революционные труженики их за это гнусное дело не преследовали, считая, что свобода слова, как и свобода убеждений, есть неотъемлемое право каждого человека, ободрило этих социалистов-«революционеров». И они созвали самостоятельно всеобщий сход-собрание Гуляй-Польских тружеников. Выступление социалистов-шовинистов на этом сходе-собрании обещало быть особенно интересным и сильным. Его организаторы темой своего выступления намечали выяснение вопроса: кто из Гуляй-Польских тружеников за Центральную раду (а следовательно, и за немецко-австро-венгерское юнкерство, ведущее шестисоттысячную армию против революции) и кто против нее? И если против, то под

каким флагом? Все выступавшие ораторы изошрялись в своих речах до пошлости. Никаких границ для лжи во имя «неньки Украины» с ее независимой государственностью, тюрьмами и тюремщиками с палачами.

Все: революция, свобода, все труженики села и города, бросавшиеся навстречу революции и, подхватив ее лучшие цели, развивавшие ее, — должно умереть.

В противном случае, говорили ораторы, социалисты-шовинисты, мы с нашими братьями-союзниками (имея в виду Вильгельма II немецкого и Карла австро-венгерского с армиями) умертвим все это силой.

Кто не сопротивляется могущественным армиям наших союзников, тех немецкое командование при содействии Центральной рады... снабжает сахаром, мануфактурой, обувью, которые в тысячах поездов идут вслед за ними. Был период ужасного голода в этих предметах, говорили труженикам ораторы «социалисты».

Но кто сопротивляется, тем нет пощады! Села и целые города уничтожаются огнем, население их забирается в плен и десятый по счету расстреливается, а остальные... остальные понесут тяжелую кару за свою «зраду» (измену) от своих же «братив-украинцев»...

Услышав эти заявления, я внес предложение о том, чтобы все митинговые ораторы со стороны организаторов митинга придерживались в своих речах справедливых данных. Затем я обратился к гражданам с кратким словом пояснения положений, высказанных ораторами — сторонниками позорного союза Украинской Центральной рады с монархами, и сделал выводы из того, что говорилось этими ораторами и их оппонентами. И митинг окончился не в пользу его организаторов и всего того, что они выдвигали и защищали перед присутствовавшими на нем массами тружеников. Абсолютно подавляющим большинством голосов была вынесена резолюция, призывающая всех трудящихся к активной вооруженной борьбе против Центральной рады и ведомых ею немецко-австро-венгерских контрреволюционных армий.

Резолюция не удовлетворила организаторов митинга. Они упросили собрание проголосовать, под каким знаменем может быть проведена эта активная вооруженная борьба против Украинской Центральной рады и ее союзников, «братски протянувших ей свою руку в деле спасения Украины».

Собрание исполнило их просьбу, проголосовало... и в результате разделилось на три группы, одна из коих перешла на сторону организаторов митинга, следовательно, и Центральной рады. Другая приняла сторону левого эсера Миргородского. Третья осталась вокруг Гуляй-Польской крестьянской группы анархо-коммунистов.

При попытке сделать учет численности каждой группировки группа, перешедшая на сторону левого эсера Миргородского, слилась со сторонниками организаторов митинга вместе со своим «временным» лидером. Трудно было понять роль левого эсера Миргородского в данном случае. Попытались его запросить о его

поведении, но он не нашел удовлетворительного для нас ответа и сознался в ошибке своего маневра лишь тогда, когда митинг кончился.

Однако и при объединении двух групп сторонники Украинской Центральной рады оказались в абсолютном меньшинстве. Резолюция, вынесенная гражданами, присутствовавшими на митинге, при первом же запросе их мнения была утверждена и пополнена еще более резкими порицаниями рады и шедших с нею немецких армий.

Тогда лидер украинской шовинистической организации, называвшейся организацией социалистов-революционеров, прапорщик Павел Семенюта-Рябко взобрался на трибуну и воинственно-поднятым голосом заявил трудящимся: «Ну ничего! Придет время, вы расклетесь. Но не всем будет прощено, в особенности анархистам. Недалек тот час, когда наша армия вступит в Гуляй-Поле: тогда мы поговорим с вами. Помните, что наши союзники-немцы сильны! Они помогут нам восстановить порядок в стране, и анархистов вы не увидите больше возле себя».

Эти истерические выкрики и угрозы возмутили всех труженников, но анархисты — крестьяне Гуляй-Поля поспешили выступить с заявлением, что этот вызов прапорщика Семенюты принимают. Но мы просим, сказал один из анархистов, чтобы прапорщик Семенюта-Рябко пояснил эти надежды на то, что немцы помогут Украинской Центральной раде провести в жизнь страны свои законы и восстановить порядок, при котором анархистам суждено быть в тюрьме.

— Там будете проповедовать свои идеи! — воскликнул увлеченный прапорщик.

В рядах слушающих его речь раздались голоса: «Гоните его с трибуны! Бейте его!»

Анархисты опять уполномочили одного из своих товарищей заявить всем присутствовавшим на митинге, что для них совершенно ясной стала теперь надежда украинской шовинистической организации на приход контрреволюционных немецких армий сюда, в Гуляй-Поле. С помощью этой грубой силы украинская шовинистическая организация задается целью «помститься» (отомстить) над революцией.

— Не над революцией, а над большевиками и анархистами! — раздался голос со стороны группы украинских шовинистов-«социал-революционеров», окружавшей своего лидера прапорщика Семенюту-Рябко.

— Ну так знайте же, господа шовинисты, мы, анархисты, будем реагировать на ваш гнусный вызов, — заявил секретарь группы анархистов...

Гуляй-Польская крестьянская группа анархистов-коммунистов довела до сведения революционного комитета о том, что она объявляет террор против всех, кто осмеливается сейчас или готовится в будущем, после победы контрреволюции над революцией, преследовать анархическую идею и ее безыменных носителей. Первым

шагом к этому группа считает убийство прапорщика Семенюты-Рябко, который был в момент этого второго группового заявления в комитете и ввиду неполучения своевременного от него ответа был убит членами группы. Весть об этом убийстве вызвала тревогу в революционном комитете. Каждый член комитета ходил, ничего не делая и ни с кем не говоря, словно пришитбленный. Представители же группы спокойно взялись за работу.

После этого я пошел на заседание группы, где выступил за отмену объявленного террора и выслушал ряд укоров за это. Многие товарищи усматривали в моем выступлении защиту активных агентов контрреволюции и, не стесняясь, высмеивали меня. Их дерзость меня злила, а самостоятельность радовала и сильнее давала мне чувствовать, что моя работа с молодыми членами группы даром не пропадает.

Но приведенные мною доводы «за» и «против» террора в конце концов были группой приняты за основу пересмотра объявленного ею террора, и в результате ряда заседаний и деловых товарищеских споров группа отменила свое предыдущее постановление о терроре и зафиксировала в своем протоколе, что, пока враги революции только кричат против нее и оружия в руки не берут, намеченные против них террористические акты отменить.

Молодые члены группы долго не хотели понять отмены этих актов. И не раз бросали в мою сторону, что «товарищ Махно хочет явных контрреволюционеров переубедить, чтобы они стали революционерами. Этим товарищ Махно может нанести тяжелый удар единству группы» и т.д. (...)

Однако момент был такой, что считается с тем, что кто-либо выйдет из группы, ни в коем случае нельзя было. То был момент, когда контрреволюция, несомая на штыках немецких армий, уже определенно брала перевес над разрозненными защитниками революции — красногвардейскими отрядами. Следовательно, для такого района, как Гуляй-Польский, который мог бы выставить большие силы для защиты революции, работа должна была вестись в другом направлении. В Гуляй-Поле нужно было еще сильнее и выпуклее утверждать межпартийный мир, равенство и свободу революционных мнений, потому что Гуляй-Поле в данный момент являлось базой формирования духовных и вооруженных сил защиты революции.

Наивные выкрики моих юных друзей по моему адресу меня поэтому не занимали. Передо мной встал во весь рост вопрос об организации вольных батальонов против Центральной рады и ее союзников — шестисоттысячной немецкой и австро-венгерской армии...

События разрастались. Немецко-австро-венгерские армии под предводительством генерала Эйхгорна подходили уже к городу Екатеринославу с одной стороны. С другой же, именно со стороны Кичкаса, бросали уже через Днепр снаряды по городу Александровску (в 80 верстах от Гуляй-Поля).

Красногвардейские отряды под командованием Егорова, а также многочисленные автономные отряды, которые от Егорова и началь-

ника красных резервных войск Юга России Беленкевича получали только вооружение, а действовали на свой риск и страх зачастую на тех участках, где противника не было, все оттягивались в спешном порядке из-под Крыма в район Верхний Токмак — Пологи. Приятно уже не могло быть и речи о том, чтобы эти части в нужный момент можно было выгрузить с эшелонов. Они были сняты с фронта преждевременно, и это отразилось на их боевом настроении. Теперь они говорили уже о глубоком тыле и таких железнодорожных узлах, как Ясиноватая, Иловайск. Правда, через день-два эти части были продвинуты далее вперед навстречу противнику, который, кстати сказать, все еще был на правой стороне Днепра. Ряд автономных отрядов и группа красногвардейцев большевистско-левоэсеровского блока героически отражали попытки противника переправиться через Днепр. Но силы их изнурялись без отдыха, без сна и с малым количеством запаса боевого снаряжения. Это вызвало тревогу в Гуляй-Поле и во всем районе, а отсюда тревога эта передалась на все другие прилегающие к Гуляй-Полю районы.

Агенты наступавшей контрреволюции подняли выше головы и громче заговорили против Советов, против тружеников, видевших в революции свое освобождение и всем содействовавших ее развитию. Это обстоятельство отражалось тяжело на настроении тружеников. Во многих селах и деревнях чувствовалась растерянность, которая свойственна массе всегда, когда последняя не информируется вовремя о позиции, занимаемой ее революционно-боевым авангардом.

Растерянность в районе внесла дух слабости и колебания и в Гуляй-Поле. В это время дни и ночи происходили в Гуляй-Поле революционные совещания Советов крестьянских и рабочих депутатов, профсоюза, революционного комитета и группы анархо-коммунистов. Теперь все представители упомянутых организаций ждали моего совета. Они настойчиво добивались от меня, чтобы я сказал, что делать. А что я мог на эту тему в такой грозный момент сказать им, кроме того, что посоветовать взять себя в руки и связать свое решительное и сильное слово против контрреволюции с таким же решительным и великим делом. Я настоял перед представителями нашего чрезвычайного совещания о немедленном выпуске от имени представляемых ими организаций воззвания к трудящимся района с точным освещением положения дела революции и того, что нужно сделать, чтобы спасти ее.

Воззвание к трудящимся района было выпущено. В нем мы призывали к организации вооруженного выступления против фиктивной освободительницы тружеников — Центральной рады и шедших с нею немецких армий.

На зов этого решительного голоса из Гуляй-Поля отозвался весь район. Со всех концов сбегалась молодежь и старики к своим местным Советам и в само Гуляй-Поле, чтобы записаться и тут же стать в ряды вольных батальонов. Сами Гуляй-Польцы организовали свой Гуляй-Польский вольный батальон, составившийся из шести рот в 200-220 человек каждая. Еврейское население Гуляй-Поля выделило роту

бойцов, которая тоже влилась в батальон. Группа анархо-коммунистов организовала из своих членов и кандидатов в таковые сильный, в несколько сот человек, вооруженный винтовками, револьверами и шашками отряд, причем половина отряда была уже на лошадях под седлами. Этот отряд был передан в распоряжение революционного комитета. Всем населением Гуляй-Поля было избрано главным командованием со мной во главе. Учитывая всю важность того, чтобы командиром Гуляй-Польского вольного батальона был член революционного комитета, я выдвинул на этот пост матроса Полонского. Батальон его принял и утвердил своим командиром.

Гуляй-Польская интеллигенция по инициативе всеми уважаемого в Гуляй-Поле доктора Абрама Исааковича Лося организовала санитарные отряды, подготовила здания под лазареты, распределила свои роли в деле медицинской помощи революционному фронту.

Я лично выехал на сутки в Пологи, в штаб начальника резервных красных войск Юга России Беленкевича. Я познакомил его с задачами Гуляй-Польского революционного комитета в данный момент, осветил ему организацию дела защиты революции, которое Гуляй-Польский революционный комитет и группа анархо-коммунистов выдвигают на первый план.

Беленкевич серьезно принял во внимание все то, что я ему изложил, и обещал через сутки приехать в Гуляй-Поле, где мы и выясним, чем он может помочь Гуляй-Польскому революционному комитету и группе. Меня это не удовлетворило. Я настаивал, чтобы Беленкевич не откладывал своей поездки в Гуляй-Поле на сутки, а чтобы сегодня же дал мне ответ: может ли он снабдить организацию вольных батальонов вооружением?

Беленкевич, видя мое непреклонное желание скорее выяснить этот вопрос, прибыл в Гуляй-Поле вместе со мной в тот же день.

Убедившись на месте в справедливости моих слов в настаивании снабдить нас оружием, он обещал революционному комитету, что, как только возвратится в Пологи и посоветуется с кем следует в штабе, сейчас же сообщит комитету, чем штаб резервных красных войск может помочь революционному Гуляй-Полю.

По дороге из Гуляй-Поля в Пологи я завез Беленкевича в коммуну № 1, повез его в поле, где работали свободные коммунары. Он наблюдал за их работой, расспрашивал их о том, что их толкнуло к такому образу жизни, и от восторга расчувствовался...

По дороге с поля на поздний полдник в столовую коммунаров Беленкевич мне пожал руку и сказал: «Я почувствовал к вам, товарищ Махно, особое доверие и говорю теперь, чтобы вы прислали сегодня ночью своих людей принять от моего штаба оружие, винтовки и пулеметы для вооружения организовавшихся Гуляй-Польцев...»

На другой день я с несколькими артиллеристами выехал на Гуляй-Польскую станцию, чтобы посмотреть, что получили из штаба Беленкевича для нас. Здесь мы увидели шесть орудий (из них четыре — французской системы, две русские гаубицы), три тысячи

винтовок, к ним два вагона патронов и девять вагонов снарядов к орудиям.

Радости не было границ. И все, что было нужно в первую очередь, перевезли в революционный комитет, распределили по ротам. Мы готовились теперь уже окончательно к выступлению на фронт против Центральной рады и ее союзников — немецко-австро-венгерских монархов.

Отряд, организованный группой, был кавалерийский отряд. У красногвардейского командования кавалерии почти не было. Наш отряд скоро понадобился на боеучасток Екатеринославского направления. Он в свое время был переброшен по моему распоряжению на боеучасток под Чаплино. Одновременно спешно подготовились к выступлению на фронт Гуляй-Польский, Конско-Раздорский, Шанжаро-Туркеновский и другие вольные батальоны...

По дороге от Волновахи до Царевоконстантиновки вследствие отступления красногвардейских эшелонов я задержался на разных станциях лишних часа три-четыре... А по приезде на станцию Царевоконстантиновка мне принесли из Гуляй-Поля новые сведения, более тревожные.

Читаю: «Дорогой Нестор Иванович. Ночью под 16 апреля отряд анархистов ложным распоряжением за твоей подписью отозван из-под Чаплина и в дороге разоружен. В Гуляй-Поле все наши товарищи, все члены революционного комитета, Совет крестьянских и рабочих депутатов, арестованы. И сидят в ожидании выдачи их немецкому командованию и командованию Центральной рады для казни. Изменой руководят шовинисты А. Волох, Ив. Волков, Осип Соловей, начальник артиллерии В. Шаровский и другие...

Неизменно твой Б. Веретельник. 16 апреля. 9 часов дня».

В то время как я читал это письмо от товарища Веретельника, на станцию Царевоконстантиновка подошел отряд Марии Никифоровой. Я сообщил ей о случившемся в Гуляй-Поле. Она сейчас же вызвала к аппарату командира красногвардейского отряда некоего матроса Полупанова, который в это время завязал бой с мариупольскими якобы «белогвардейскими» голодными инвалидами. Никифорова предложила ему вернуться на Царевоконстантиновку, чтобы вместе повести наступление на Гуляй-Поле...

Никифорова и Петренко (командир сибирского отряда) решили вернуться на Пологи и силою занять Гуляй-Поле, чтобы освободить в нем всех арестованных анархистов и беспартийных революционеров, а также вывести обманутые вооруженные силы крестьян, если они пожелают, или увезти оружие, чтобы оно не досталось немцам.

За то время, пока эти командиры готовили свои отряды, а я метался по перрону, рвал на голове волосы и проклинал себя за то, что выслал из Гуляй-Поля на фронт первым отряд, организованный нашей группой, я получил третье письмо от товарища Веретельника.

В нем он сообщал мне: «Дорогой друг Нестор Иванович, подлые руководители измены чего-то испугались и освободили меня и то-

варища Горева с условием, правда, не выезжать из Гуляй-Поля. Мы, я и Горев, воспользовались случаем и устроили по сотням, в каждой роте и с участием стариков крестьян, митинг. В своих постановлениях крестьяне требуют от штаба измены немедленного освобождения всех арестованных, и в первую очередь анархистов. Наши товарищи все освобождаются...

Немцы приближаются к Гуляй-Полю. Наши товарищи группами скрываются. Крестьяне и рабочие спешно прячут винтовки, пулеметы и патроны и уезжают — кто в поле, кто в другие села.

Я с несколькими друзьями думал задержаться до последней минуты в Гуляй-Поле. Может быть, удастся убить Льва Шнейдера. Он во время ареста наших товарищей в бюро группы заскочил первый с гайдамаками в бюро, порвал знамена, порвал, потоптал портреты Кропоткина, Бакунина, Саши Семенюты. Этот позорный поступок его видели многие рабочие, крестьяне и крестьянки.

Я сам не видел еще Льва Шнейдера, но от многих уже слышал, какую подлую речь держал он перед гайдамаками. Правда, об этом будем говорить после. Смотри не вскочи в лапы немцев. Лучше воздержись от приезда в Гуляй-Поле. Теперь ты не поправишь здесь нашего дела: немцы заняли города Орехов и Покровское. Через два-три часа будут, вероятно, в Гуляй-Поле.

Мы тебя найдем.

Пока же будь осторожен.

Неизменно твой Б. Веретельник. 16 апреля 3 часа дня».

Прочитав письмо товарища Веретельника, я сразу же побежал с ним к Никифоровой, а с нею к товарищу Петренко. Я прочитал им обоим письмо и высказал свое мнение, что наступать на Гуляй-Поле уже поздно. Немцы, очевидно, уже заняли его. А выбить их из Гуляй-Поля вашими отрядами нельзя, да и вообще допустят ли немцы нас в Гуляй-Поле? Ибо если верно, что они заняли город Орехов, то можно предполагать, что они подходят уже к Пологам; а если верно, что красногвардейцы оставили Чаплино и эвакуируют Гришино, то Гуляй-Поле находится уже в тылу немецкого фронта.

Товарищи Никифорова и Петренко, хоть и посмеялись надо мной, обзвав меня ничего не понимающим в деле их стратегии и не знающим боеспособности их отрядов, однако принуждены были в эту же минуту и в спешном порядке перевести паровозы своих эшелонов из Пологовского направления по направлению станции Волноваха, а о Пологах и Гуляй-Поле перестали даже говорить со мной.

На мой вопрос: «Что за горячка у вас? Что вы, вероятно, получили какие-либо тревожные сведения об этом участке?» — Никифорова объявила мне, что немцы заняли станции Пологи и Верхний Токмак и отрезали по линии Верхний Токмак — Бердянск анархический отряд товарища Мокроусова.

«Если хочешь, — добавила мне Никифорова, — то садись в мой вагон. Я сейчас делаю распоряжение эшелону двигаться дальше по направлению Волноваха — Юзовка». Тут же вполголоса, извинительно, полусмеясь, заявила мне: «Ты совершенно прав, с на-

ступлением на Гуляй-Поле мы опоздали, все подступы к нему уже заняты немецкими войсками».

Однако продвигаться с отрядом Никифоровой в тыл я отказался, заявив, что я остаюсь пока что здесь; тем более что отряд Петренки решил продержаться здесь всю ночь. Я надеялся, что за это время кто-либо из Гуляй-Польских товарищей прибудет сюда. Я ведь еще при первом известии о том, что Гуляй-Поле предательски сдано, выслал от себя в Гуляй-Поле Александра Лепетченко с определенным поручением: самому Лепетченко объяснить направление для отступления коммунарам и вместе с ними отступать. А товарищам Веретельнику, Гореву, Марченко, Полонскому, Калашникову, Петровскому, Лютому, Савве Махно, Т.Шепелю, М.Калиниченко, П.Сокруте и другим во что бы то ни стало поспешить покинуть Гуляй-Поле и пробираться к красному фронту. Я буду на фронте.

За это время, пока отряд Петренки оставался на станции Царевоконстантиновка, я встретился с рядом товарищей, остававшихся в Гуляй-Поле до вступления в него немецко-австро-венгерских войск с разведывательным отрядом в 40-50 человек Украинской Центральной рады. Они сообщили мне о том, что за два дня моего отсутствия в Гуляй-Поле происходило. Со слезами на глазах они рассказали мне о гнусной измене нашего групповика Льва Шнейдера и вообще еврейской роты, обманутой штабом измены...

Рассказали мне эти товарищи также и о том, как вступали немецко-австро-венгерские войска и отряд Центральной рады в Гуляй-Поле и как их агенты — Гуляй-Польские граждане — прапорщики времен Центральной рады А.Волох, Ив.Волков, Л.Сахно-Приходько (социалист-революционер), Пидойма, Осип Соловей, Шаровский (эсер), агроном Дмитренко (эсер) и другие подготавлились к встрече немецко-австро-венгерских палачей революции, в надежде доказать им на примере, что и они душиатели революции и всего лучшего в ней. Они ширее ширых украинцы-патриоты, так сказать, «лучший цвет своего народа», сейчас, по примеру немецко-австро-венгерских солдат, оставивших своих отцов и матерей, жен и детей в своем родном краю голодными и холодными и пришедших сюда убивать людей. Они, подерживая этих сознательных и бессознательных прямых убийц трудового населения Украины и разрушителей народного революционного дела, готовы сделать еще худшее, они готовы пойти в авангарде этих пришлых убийц и затопить его в крови, лишь бы сохранить за собой право на золотые погоны несчастных прапоришек, право собственности на землю, чтобы быть в почете у всемогущих, власть имеющих политических владык, предателями, прикрывающимися флагом социализма приведенных сюда, на революционную территорию, против революционных тружеников.

Эти глашатаи идеи оккупации революционной территории контрреволюционными немецко-австро-венгерскими армиями и следующей вслед за этой оккупацией истребления революционных тружеников при проходе по улицам Гуляй-Поля отдельных отрядов

вышеупомянутых армий подвезли их командованию в подарок орудия, пулеметы и несколько сот винтовок.

Командование их поблагодарило за верность контрреволюционному делу.

Подлые глашатаи идеи оккупации, как и все, приспособившиеся вместе с ними к надвигающемуся режиму контрреволюционных банд, не скрывали своего восторга от благодарности сильных.

О, какой позор!..

Какую месть вызывают они в душе революционера. Месть всем и каждому, кто топчет право и разрушает волю, кто рвет и топчет жизнь социально замученного, политическим насилием изуродованного и духовно порабощенного трудового народа!

Нет! Больше не будет пощады врагам трудящихся. Да, да, пощады не будет никому на пути моей активной и по возможности полной деятельности в революции, говорил я тогда своим товарищам и так делал.

Это читатель увидит в последующих моих книгах.

Книга II

ПОД УДАРАМИ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

(апрель-июнь 1918 года)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я очень сожалею о том, что личный конфликт с Нестором Махно помешал мне проредактировать первый том его воспоминаний, вышедший еще при жизни автора. Отсутствие опытной редакторской руки отразилось неблагоприятно на этой первой книжке. А так как и самое содержание ее не представляет еще исключительного интереса, то неудивительно, что появление этой первой части записок Махно вызвало некоторое разочарование.

Незадолго до смерти Н. Махно мои личные отношения с ним несколько наладились. Я подумывал предложить ему проредактировать, при его участии, дальнейшие воспоминания. Его смерть помешала осуществлению этого замысла.

После смерти Махно товарищи, заинтересованные в опубликовании продолжения записок, поручили мне проредактировать их, а также снабдить пояснительным предисловием и некоторыми необходимыми примечаниями к тексту. (Примечания эти читатель найдет в конце книги.)

Считаю необходимым прежде всего отметить, что моя редакторская задача сводилась исключительно к приданию запискам Махно минимально литературной формы. Я не только не делал в тексте никаких изменений, которые могли бы хоть отдаленно повлиять на смысл, но больше того: насколько это было возможно, я сохранял нетронутым и самый стиль подлинника, своеобразный и местами очень красочный. Внесенные в текст исправления имели в виду исключительно удобочитаемость книги. Для непосвященного читателя добавлю, что Н. Махно обладал лишь элементарным образованием, а литературным языком не владел и в малой степени (что, впрочем, как уже сказано, не мешало ему иметь собственный характерный «стиль»). Местами, в особенности там, где он увлекается пространными теоретическими рассуждениями, его рукопись становится синтаксически безграмотной. Гораздо лучше удаются ему описания живых событий. Страницы, посвященные живому рассказу о таких событиях, могут оставаться почти нетронутыми.

По своему содержанию настоящая, II книга воспоминаний интереснее первой. Наблюдения Махно во время его поездки через всю Россию летом

1918 года, его встречи и разговоры, его размышления, огорчения, разочарования и, наконец, его окончательное решение посвятить себя целиком организации крестьянского восстания на Украине для борьбы за новый, безвластный общественный строй — все это чрезвычайно характерно и ярко. Пребывание Махно в Москве, его беседы с Лениным и Кропоткиным описаны очень живо. Читатель отчетливо видит постепенное нарастание основной идеи Махно. Приближаясь к концу книги, мы превосходно понимаем психологию автора. Перед нами встает яркий образ человека, целиком и бесповоротно преданного своей идее. Конец книги исполнен большой душевной напряженности.

Настоящий, II том воспоминаний Махно доведен до конца июля 1918 года. Автор останавливается как раз в преддверии того огромного крестьянского восстания, главным вдохновителем и организатором которого он делается после июля. Следующий, III том («Украинская революция»), доведенный до конца 1918 года, еще более интересен и значителен. Он дает полное представление о первой, подготовительной стадии движения махновщины. Он выйдет в свет непосредственно за II томом.

К сожалению, на III томе записки Махно обрываются. Болезнь и смерть помешали ему довести работу до конца. Потеря невознаградимая, так как никто лучше его самого не мог бы рассказать о движении.

Написанные им три книги дают, однако, достаточное понятие, во-первых, о личной роли и о психологии Махно и, во-вторых, о как раз наименее известном периоде махновщины: о ее первых шагах и первых успехах. Начиная с 1919 года движение лучше известно. Прежде всего, имеется книга П. Аршинова «История махновского движения»¹³, вышедшая в 1923 году и ведущая последовательный рассказ, начиная именно с 1919 года. Затем живы некоторые участники событий 1919—1921 годов, способные подробно о них рассказать. Наконец, существуют, несомненно, и многочисленные документы, хотя они в данное время и рассеяны по частным рукам.

Я не нахожу ни нужным, ни возможным давать в небольшом предисловии критическую оценку махновщины или же взглядов Н. Махно. Кое-какие замечания, касающиеся некоторых его суждений в настоящей работе, читатель найдет в примечаниях к соответственным главам в конце книги. Что же касается критического очерка движения, то я предполагаю в ближайшем будущем выпустить небольшую работу, посвященную оценке движения и вытекающих из него — для анархистов и для интересующихся народными движениями — уроков.

В. М. Волин

Июль 1936 года
Париж

Глава I

НА ПУТИ ОТСТУПЛЕНИЯ

В апреле 1918 года я вызван был в штаб Егорова¹⁴ — штаб красногвардейских войск. В указанном мне месте штаба, однако, уже не оказалось: он отступил под натиском немецко-австрийских войск, и, где остановился, пока не было известно. За время, что я ездил по линиям железных дорог, в Гуляй-Поле произошли крупные перемены. Оно было занято врагами революции — германо-австро-венгерскими экспедиционными частями и их проводниками, отрядами Украинской Центральной рады.

Красноармейские и красногвардейские отряды бегут. За ними бегут и другой формации революционные отряды. Бежит местами и население, к злорадному удовольствию врагов.

Весть о занятии Гуляй-Поля застала меня на станции Царевоконстантиновка и потрясла. А бегство революционных сил я видел сам. Тяжело было смотреть на это бегство. Что-то непонятное, тяжелое сдавило мне сердце и лишало меня возможности яснее представить все то, что произошло там, в Гуляй-Поле, за мою двухдневную отлучку из него. Все совершившееся настолько потрясло и сковало меня, что я оказался совершенно не в состоянии противопоставить свои физические силы этой тяжести. Тут же, на станции, я прилег, положив голову на колени одного из красногвардейцев, и бессознательно выкрикивал:

— Нет, нет, я этой изменнической роли шовинистов не забуду! Может быть, и стыдно революционеру-анархисту питать в себе мысли о мести, но они поселились во мне, и я сделаю из них для дальнейшей своей революционной деятельности необходимые выводы...

Об этом мне красноармейцы рассказали впоследствии. Говорили они еще, что я заплакал и уснул в вагоне на колених все того же красногвардейца. Однако я этого не помню.

Мне казалось, что я не спал и лишь чувствовал себя в какой-то тревоге. Это чувство было тяжело, но я мог ходить, говорить. Помню, что я никак не мог сообразить, где я... Лишь когда я вылез из вагона и увидел, что все еще нахожусь на станции Царевоконстантиновка, я извинился перед окружавшими меня красногвардейцами и направился к вокзалу.

По дороге я встретился с несколькими товарищами и своим братом Саввой Махно, бежавшим из Гуляй-Поля. Это свидание

меня обрадовало. Я набросился на них с расспросами о том, при каких обстоятельствах было сдано Гуляй-Поле, какие жертвы понесли отряд анархистов и другие революционные организации.

Но товарищи, увидев меня полубольным, нервным, уклонились отвечать подробно, ограничиваясь самыми краткими фразами вроде: «Гуляй-Поле сдано, но не все в ней погибли» и т.п.

Это меня очень бесило, но делать было нечего. Я не мог принудить их рассказывать мне подробности, так как знал, что все воинские поезда были на отходе и нам нужно было успеть найти в одном из них себе место. Я сказал об этом брату, и он нашел нам места.

Через 5-10 минут мы сидели уже в одном из красногвардейских вагонов и обсуждали, во всей широте и со всей ясностью, создавшееся положение на Украине. Это обсуждение не могло бы быть для нас полным, если бы оно велось вне связи с Гуляй-Подем, с его широким и просторным районом, с той колоссальной работой, какую нам, живя и развивая в нем свои идеи, уже пришлось проделывать на пути революционного действия.

Да и сама тема связывала нас с Гуляй-Подем. Занятие врагами этого пункта мысленно уносило нас туда, к нашим упущениям в деле организации вольных батальонов революции против контрреволюции, несшейся на штыках грозных экспедиционных немецко-австро-венгерских армий и жалких по своей боеспособности, но подлых по своим делам отрядов их прислужницы — Украинской Центральной рады.

Упущения эти заключались в том, что при формировании вольных батальонов нами было допущено свободное вступление в них всякого желавшего без какой бы то ни было проверки. Это привело в ряды вольных батальонов сторонников Украинской Центральной рады и ее преступного против революции союза с немецким и австро-венгерским правительствами. Правда, лично я в этом упущении не находил большого зла. Большое зло видел я в совершенно другом упущении, как со стороны революционного комитета, так и с нашей стороны: упущении, которое помогло пяти-шести сознательным подлецам сыграть на руку немецко-австро-венгерскому командованию и Украинской Центральной раде в деле занятия Гуляй-Поля без боя и затем в осуществлении расправы над многими тружениками. Упущение это заключалось, по-моему, в слишком поспешной и стратегически неразумной (хотя морально и тактически по отношению к остальным отрядам оправдываемой) высылке из Гуляй-Поля на фронт отряда анархистов-коммунистов. Отряд этот нужно было держать в Гуляй-Поле в непосредственном ведении революционного комитета и секретариата группы анархо-коммунистов до тех пор, пока другие вооруженные революционные части находились здесь же. Лишь в момент общего выступления вооруженных сил на революционный фронт надо было вывести и отряд анархистов, выдвинув его в авангард. В самом деле, очевидцы происшедших в мое отсутствие Гуляй-Польских событий мне рассказали, что арестом революционного комитета, членов Совета ра-

бочих и крестьянских депутатов и секретаря группы руководили пять человек, пользуясь в кое-каких случаях поддельными документами, а также вооруженной силой еврейской роты, неустойчивой, в массе своей склонной приспособляться. Находишь отряд анархистов в то время в Гуляй-Поле (пусть даже в мое отсутствие), заговорщики ни за что не решились бы заменить вне очереди одну дежурную по гарнизону роту на другую, именно еврейскую. Командир этой роты, не еврей, склонен был, особенно в тревожное время, ориентироваться в сторону сильных. Он с помощью самих заговорщиков и при молчаливом подчинении роты произвел нападение на революционный комитет и арестовал его, а затем пустил роту на поимку отдельных членов Совета, стариков крестьян и рабочих анархо-коммунистов...

Будь отряд анархо-коммунистов в это время не на фронте против экспедиционных армий и отрядов Украинской Центральной рады, а в Гуляй-Поле, он не допустил бы агентов командования этих армий и отрядов организовать вооруженное нападение на революционный комитет и сорвать его работу в деле организации фронта против контрреволюции. К сожалению, все то, о чем мы говорили, свершилось. Помню, я говорил тогда своим товарищам:

— Теперь в Гуляй-Поле, да и во всем его районе можно ожидать со стороны крестьян и рабочих крайне нежелательной для дела революции, недостойной ненависти к евреям вообще. Сознательные и бессознательные враги революции могут эту ненависть использовать как они захотят. И мы, так много потрудившиеся над тем, чтобы убедить тружеников-неевреев, что еврейские рабочие им братья, что их необходимо втянуть в дело общего социально-общественного строительства на равных и свободных началах, мы можем очутиться перед фактом еврейских погромов. Об этом мы должны тоже подумать, и подумать серьезно...

— Совершенно верно, ненависть крестьян и рабочих к евреям сейчас сильная, — отвечали мне друзья, — но не мы виноваты в этом... Евреи никогда в Гуляй-Поле не были изолированы от общественной жизни нееврейского населения. И лишь акты еврейской роты 15-16 апреля поставили нееврейское население на путь ненависти к евреям. Покидая Гуляй-Поле, мы не можем не видеть, что в нем появился дух антисемитизма... Но что сделаешь, мы бессильны теперь бороться с ним. Наши силы все в подполье, и в значительной степени из-за действий еврейской роты...

— Вот в том-то и дело, — настаивал я, — что с торжеством контрреволюции и благодаря глупой выходке еврейской молодежи над Гуляй-Подем веет дух антисемитизма. И наша прямая обязанность не дать ему осесть, укрепиться в Гуляй-Поле. Гуляй-Поле — сердце нашей новой борьбы против контрреволюции. Мы должны возвратиться в него, чего бы это нам как группе революционеров-анархистов ни стоило. Находясь в Гуляй-Поле, мы сможем, и это прямая наша обязанность, предупредить зло, нашедшее себе место в гуще крестьян и рабочих после действий еврейской роты... А

предупредить его мы сможем тем, что своевременно разъясним революционным труженикам, кто виноват в произведенных арестах... Если мы не проявим надлежащего действия в этой области нашей борьбы, то, помните мое слово, друзья, трудовое еврейское население будет избиваться...

— Ты совершенно прав, — отвечали мне друзья, — но мы здесь ни при чем. Не из-за нас же все это совершится... Мы не оспариваем того, что нам об этом нужно подумать серьезнейшим образом, что нам придется против всего этого бороться... Но все это будет тогда, когда мы будем в Гуляй-Поле. Сейчас же мы должны подумать о том, где мы задержимся на временное жительство, чтобы собрать всех своих товарищей, которые будут пробираться к красному фронту и искать тебя...

Мы решили задержаться на некоторое время в Таганроге. Последний в это время являлся центром украинского большевистско-левоэсеровского правительства. Сюда сбегались со всех мест южной Украины агенты этого правительства. Сюда же отступали в большинстве своем красногвардейские отряды. Здесь, в Таганроге, одним из бегущих указывались маршруты дальнейшего перекочевывания, над другими производились аресты, насильственные разоружения и суды.

Итак, в Таганроге мы задержимся недельку-две. За это время съедутся остальные наши товарищи. Здесь мы устроим конференцию, на которой и решим окончательно: какими путями и в каком порядке мы начнем возвращаться обратно в свои районы для подпольной работы против восторжествовавшей контрреволюции.

Тем временем, что мы обсуждали этот вопрос, эшелоны отряда Петренко получили распоряжение в спешном порядке покинуть железнодорожный Царевоконстантиновский узел и двигаться по направлению к Таганрогу, под которым красногвардейское командование группировало свои силы с целью дать повторное генеральное сопротивление немцам и Центральной раде.

Эшелоны тронулись... Тяжело и больно было расставаться с районом, среди населения которого мы так много работали. Однако другого исхода не было. Расстаться с ним на время было необходимо не только физически, но и нравственно. Ведь только со стороны можно было теперь проверить все то, во что мы верим, с чем переплеталась великая надежда, — что торжество контрреволюции непрочно, что пройдут месяцы, и украинское революционное трудовое население, дезорганизованное сейчас, с одной стороны, большевистским Брестским договором¹⁵, а с другой — гнусной, провокационной политикой немецко-мадяро-австрийского вассала — Украинской Центральной рады, опомнится и поймет гнусную роль этих вершителей судеб его и революции. Трудовое население организуется на сей раз самостоятельно у себя на местах и низвергает своих палачей без опеки провокаторов из лагеря социалистов-шовинистов...

Зная настроение тружеников деревни, с каким они готовились к неудавшейся своей борьбе против нашествия немецко-австро-вен-

герского юнкерства и банд Украинской Центральной рады, зная и веря, что это настроение в них было естественным настроением, которое не может измениться только потому, что основанная на нем организация тружеников на первых порах потерпела тяжелые неудачи, я глубоко в себе питал надежду на возрождение этой организации и на новое воспитание, на сей раз более выдержанное в своей тактике и более сильное духом. И я, и мои друзья — Савва Махно, Степан Шепель, Ваня Х., которые были присланы ко мне навстречу из Гуляй-Поля, чтобы предупредить меня ни в коем случае не предпринимать попыток возвратиться нелегально в Гуляй-Поле, все мы приняли живое участие в переоценке вчерашнего. Мы пришли к тому, чтобы поспешить как можно скорее собрать наших товарищей по группе в Таганроге и сообща наметить план организованного возвращения в Гуляй-Поле и его район с целью продолжать в нем подпольную работу. Правда, мы сознавали всю опасность, которая грозила жизни каждого из нас как в пути, так и на месте нашего возвращения. Но мы сознавали и то, что разгром немецко-украинской контрреволюции при лояльности к ней в силу Брестского договора со стороны русских большевиков, их «пролетарской революционной власти» и организованной этой властью военной силы может осуществиться лишь в том случае, если планы его будут построены на внутренне содержательном революционном настроении трудовых масс, и притом построены самими тружениками. И мы не останавливались ни перед чем в своем стремлении снова очутиться в своих местностях, в рядах этих тружеников.

Но, повторяю, перед нами было задание предварительно собрать всех отступавших разными путями от контрреволюции товарищей и сообща разработать и утвердить планы как нашего возвращения в свои местности, так и нашей подпольной работы в них.

С этой целью мой брат Савва Махно выехал из Таганрога в зону военно-революционного фронта, верстах в семидесяти от города, разыскивать товарищей и направлять их в Таганрог.

Я же пока связался с некоторыми членами Федерации таганрогских анархистов, а также с другими друзьями и занялся нашумевшим в те дни в Таганроге делом командира одного из анархистских отрядов Марии Никифоровой.

Глава II

РАЗОРУЖЕНИЕ ОТРЯДА МАРИИ НИКИФОРОВОЙ

Как делали все большевистские красногвардейские отряды, которые, спасаясь от ударов организованной силы немецко-австро-венгерских экспедиционных армий, находили возможным искать более или менее продолжительных передышек в глубоком тылу, на приличном расстоянии от линии боевого фронта, так поступали

и многие анархистские отряды. В этом проявлялся тот дух разгильдяйства и безответственности, который многими, — о, как многими! — из революционеров молча читился, в результате ли предательства революции в Бресте, предательства, в котором виноваты и русские большевики, и украинские социалисты, или в силу других причин, о которых говорить в данной главе я не считаю нужным. Но такое разгильдяйство и безответственность в рядах революционеров, борющихся против контрреволюции за революцию, были. Думаю и даже убежден, что по причине этого отвратительного «духа» я очутился в далеком от линии боевого фронта тылу наряду со многими отрядами и анархистским или, вернее, анархистствующим отрядом Марии Никифоровой. Большевикско-левоэсеровская власть, как и всякая власть, не могла простить отряду его окраску и в связи с этим придралась к его отступлению в тыл. Власть ведь ставила своей задачей использовать анархистов-революционеров в борьбе против контрреволюции так, чтобы эти носители непримиримости духа революции оставались на боевых фронтах до издыхания; а тут вдруг перед нею отряд под командой анархистки вместе с ее большевикскими отрядами в тылу. Задачи власти дерзко нарушены, и она взялась за дело восстановления нарушенного. Время для этого черного ее дела было благоприятное: это ведь было время, когда Ленин и Троцкий разнуздались совершенно, разгромили анархистские организации в Москве, объявили поход против анархистов в других городах и селах. Левые социалисты-революционеры в центре этому не противились. Вот почему и украинская большевикско-левоэсеровская власть поспешила действовать против отряда анархистки Никифоровой, очутившегося вместе с их красногвардейскими отрядами в Таганроге.

Украинское правительство приказало своему бежавшему с фронта красногвардейскому отряду под командой большевика Каскина арестовать анархистку Марию Никифорову, а ее отряд разоружить. Солдаты Каскина арестовали Марию Никифорову на моих глазах в здании УЦИК Советов. Когда ее выводили из этого здания в присутствии небезызвестного большевика Затонского, Мария Никифорова обратилась к нему за разъяснением: за что ее арестовывают? Затонский лицемерно отнекивался: «Не знаю за что». Никифорова назвала его подлым лицемером. Итак, Никифорову арестовали, а ее отряд разоружили.

Однако отряд Никифоровой не разбрелся и не пошел на служение в отряд большевика Каскина. Он настойчиво требовал от власть имущих ответа, где они запрятали Марию Никифорову и за что его разоружили.

К этому его требованию присоединились все отступившие из Украины в Таганрог и таганрогские анархисты. Таганрогский комитет партии левых социалистов-революционеров поддержал анархистов и бойцов отряда Никифоровой.

Я в спешном порядке дал за своей и Марии Никифоровой подписью телеграмму главнокомандующему Украинским красным

фронтом Антонову-Овсеенко¹⁶ с запросом его мнения об отряде анархистки Марии Никифоровой и просьбой сделать распоряжение куда следует, чтобы освободить Никифорову, вернуть ее отряду оружие и указать участок боевого фронта, куда отряд должен отправиться по получении своего вооружения и снаряжения.

Главнокомандующий Антонов-Овсеенко на нашу телеграмму дал ответ властям, осевшим в Таганроге, с копией нам по адресу Федерации анархистов.

Телеграмма носила чисто деловой характер опытного командира: *«Отряд анархистки Марии Никифоровой, как и товарищ Никифорова, мне хорошо известны. Вместо того чтоб заниматься разоружением таких революционных боевых единиц, я советовал бы заняться созданием их».* (Подпись.)

В то же время много телеграмм, протестующих против поступка властей или просто сочувствующих Никифоровой и ее отряду, поступило в Таганрог с фронта от зарекомендовавших себя в боях большевистских, левозеровских и анархистских отрядов и их командиров.

Екатеринославский (Брянский) анархистский бронепоезд под командой анархиста Гарина прибыл в Таганрог, чтобы выразить свой революционный протест зарвавшимся, за спиной революционного фронта, властям.

Все это было не на руку как тем, кто распорядился арестовать Марию Никифорову и обезоружить ее отряд, так и тем, кто выполнял это распоряжение. Такое положение дела побудило центральную власть — власть, кочующую по тылам, — собрать ложные данные против Марии Никифоровой и ее отряда, данные, уличавшие ее якобы в разграблении Елисаветграда, когда она заняла его в марте 1918 года, выгнав из него украинских шовинистов. Таким образом ей создали уголовное дело.

Нужно сказать правду: большевики — хорошие мастера на измышление лжи и на всякие подлости против других. Они насобирали больше, чем нужно было, данных против Марии Никифоровой и ее отряда, и дело было создано.

В двадцатых числах апреля состоялся революционный суд над Марией Никифоровой. По партийности суд представлялся двумя левыми социалистами-революционерами таганрогской федерации, двумя большевиками-коммунистами таганрогской организации и одним большевиком-коммунистом от центральной большевистско-левозеровской власти на Украине.

Суд происходил при открытых дверях и носил характер суда революционной чести. Здесь следует отметить, что левые социалисты-революционеры выявили себя настолько же беспристрастными по отношению к обвиняемой Никифоровой, насколько беспощадными в отношении обвинителей-агентов со стороны власти.

Центральная власть на вербовала из беглецов массу свидетелей против Никифоровой, стараясь всеми правдами и неправдами на-

цепить ей уголовное преступление и казнить. Но суд был поистине революционный, беспристрастный и, главное, политически и юридически в большинстве своем совершенно независимый от провокации правительственных наемных агентов.

Суд использовал в качестве свидетелей многих из свободных посетителей зала заседаний, придав разбирательству этого дела чуть не характер трибуны, с которой можно было все говорить свободно.

Помню, как сегодня: одним из знавших Никифорову и ее отряд по фронту выступил перед судом товарищ Гарин. Он в горячей речи сказал судьям и всем присутствовавшим на суде гражданам, что он убежден в том, что «если товарищ Никифорова и сидит на скамье подсудимых сейчас, то только потому, что она видит в большинстве судей прямых революционеров и верит, что, выйдя из суда, она получит обратно свое и своего отряда оружие и пойдет сражаться против контрреволюции. Если бы она в это не верила и предвидела бы, что революционный суд пойдет по стопам правительства и его провокаторов, то я об этом бы знал и заявляю от имени всей команды бронепоезда, что мы освободили бы ее силою...».

Это заявление Гарина возмутило революционных судей. Тем не менее они ответили ему, что суд сформировался на началах полной независимости от власти и доведет дело до логического конца. Если Мария Никифорова окажется виновной, она свое получит от тех, кто ее арестовал. Если данные против нее окажутся неверными, суд предпримет все меры к тому, чтобы Никифорова получила свое вооружение и снаряжение и выехала из Таганрога на фронт или куда она захочет...

В результате разбирательства суд постановил, что осудить Никифорову за ограбление Елисаветграда нет никаких оснований. Суд постановил немедленно освободить ее из-под стражи и, возвратив ей и ее отряду отобранное отрядом Каскина вооружение и снаряжение, предоставить ей возможность составить себе эшелон и выехать на фронт, тем более что она и отряд ее к этому стремятся.

На следующий день Никифорова была уже в Федерации таганрогских анархистов. Мы выпустили листовку за подписью совета анархистов, которая изобличала центральную украинскую большевистскую власть и командира Каскина в фальсификации дела против Никифоровой и лицемерно подлом отношения к самой революции. Листовка эта была написана лично мною и не одобрялась некоторыми из товарищей за ее резкость против Каскина.

Затем, пока отряд Никифоровой формировался, я, Никифорова и один товарищ из таганрогской федерации устроили от имени федерации ряд больших митингов: на таганрогских кожевенном и металлургическом заводах, в центре города, в театре «Аполло» и в других районах города. Тема митингов была: «Защита революции на фронте против экспедиционных контрреволюционных, немецко-австро-венгерских армий и Украинской Центральной рады и в тылу — против реакции власти, которая сильна в тылу и беспомощна на фронте». Всюду, на афишах и на митингах, я выступал под

псевдонимом «Скромный» (мой псевдоним на каторге). В этом вопросе на многих митингах нас поддерживали таганрогские левые эсеры. Мы имели колоссальный успех.

Помню, на один из митингов (на кожевнном заводе) приехали большевистские «знаменитости» Бубнов¹⁷ и Каскин от эсеров «центра». С каким разочарованием большевики принуждены были прекратить свои речи и кричать, топая ногами, на тысячные массы рабочих, когда массы кричали: «Довольно засыпать нас вопросами! Мы просим товарища Скромного на трибуну, он вам ответит!..»

Когда я ответил главным образом Бубнову (Каскину отвечала Никифорова), массы рабочих освистали Бубнова и Каскина, крича: «Товарищ Скромный, гоните их с трибуны».

После таганрогских митинговых выступлений Никифорова занялась подготовлением своего отряда к выступлению на фронт.

Я же занялся приготовлениями к конференции Гуляй-Польцев, которые поодиночке начали уже прибывать в Таганрог.

Глава III

НАША КОНФЕРЕНЦИЯ

Как только мой брат Савва Махно добрался в условленные участки красного фронта, он встретил там товарищей Алексея Марченко, Исидора (он же Петя) Лютого, Бориса Веретельника, С.Каретника и многих других. Всех их он направил по указанному адресу в Таганрог, а сам оставался некоторое время на фронте. Когда все разысканные нами товарищи съехались в Таганрог, мы назначили день нашей конференции в Доме федерации таганрогских анархистов. Она состоялась в конце апреля 1918 года. Я открыл ее предложением всем присутствующим товарищам высказаться, какие мы сделали промахи в организации вольных батальонов и еще о том, замечал ли кто-нибудь заранее признаки того, что агенты Украинской Центральной рады и немецкого командования решатся на арест революционного комитета, членов Совета рабочих и крестьянских депутатов и членов нашей группы вообще?

Общий обмен мнениями привел нас к тем же выводам, какие я делал в разговорах с некоторыми товарищами еще в Царевко-стантиновке, а именно: не вышли революционный комитет отряда группы анархистов-коммунистов на фронт, а держи его при себе до дня выступления всех боевых частей, заговор провокатора не имел бы никакого успеха, даже если бы я отсутствовал в Гуляй-Поле. Еврейская рота не была бы вызвана вне очереди сменить преждевременно не окончившую своего дежурства другую роту. Да и вообще, еврейская рота, при всей ее обывательской склонности приспособляться к чему бы то ни было, никогда не решилась бы выступить против революционного комитета в пользу немцев и

Украинской Центральной рады, если бы она знала, что в центре Гуляй-Поля расположены еще кроме нее другие вооруженные части. Но заговорщики убедили ее, что других частей в центре Гуляй-Поля нет, что она должна только начать дело, а завершать его будут немецкие полки и отряды Центральной рады, которые, дескать, кругом одержали победу и находятся уже недалеко от Гуляй-Поля.

«Евреям-обывателям это было на руку, — говорили некоторые из моих друзей, — они ведь так падки на прославление их, да еще кем! — высшим начальством завоевателей...» Немецко-австро-венгерское командование их действительно поблагодарило, равно как и главарей этого гнусного контрреволюционного заговора.

Конечно, это правдивое освещение роли еврейской роты в заговоре было криком душевной боли тех, кто так много потрудился в борьбе против антисемитизма и кого евреи не только арестовывали, идя рука об руку с антисемитами на это гнусное дело, но готовы были «охранять» до вступления в Гуляй-Поле немцев, австро-венгерцев и шовинистов — прямых погромщиков украинцев, чтобы затем выдать их на казнь палачам. Заглушить эту душевную боль товарищей было невозможно, находясь в бездействии. У многих на конференции эта боль была так сильна, что они плакали. Но никто, конечно, не помышлял о погромах, о мести евреям за это гнусное дело некоторых из них. Вообще, все те, кто называют махновцев погромщиками, лгут на них. Ибо никто, даже из самих евреев, никогда так жестоко и честно не боролся с антисемитизмом и погромщиками на Украине, как анархо-махновцы. Мои записки докажут это неопровержимыми фактами.

Видя, что душевная боль и настроение отчаяния, охватившие почти всех моих друзей, начинают все больше отодвигать на второй план дело обсуждения задач, в которых конференция наша должна была разобраться, сам начиная болеть той же болью, я употребил все свои усилия на то, чтобы преодолеть этот наплыв чувств, и снова поставил перед конференцией один, основной вопрос: возвращаемся ли мы на Украину, в свои районы, или же мы остановимся в каком-либо из городов России и вот так, как сейчас, будем собираться и хныкать о том, что было, чего уже не вернуть и не исправить?

— Возвращаемся! Возвращаемся! Все возвращаемся!.. — посыпались один за другим совершенно бодрые голоса всех тех, кто всего минуту назад сидел на стуле притаившись, как будто его нет в зале.

Затем мы поставили перед собой еще три вопроса, которые и были разрешены нами в положительном смысле. Вот эти решения.

1. Мы возвращаемся в свой район нелегально и организовываем среди крестьян и рабочих инициативные группы по 5-10 человек чисто боевого характера, чтобы через них втянуть широкое трудовое крестьянство в борьбу против немецко-австро-венгерских экспедиционных армий и Украинской Центральной рады, стараясь, в

каждом случае общественного возмущения против этих контрреволюционных завоевателей, быть в гуще этих возмущений, придавая им более определенный и решительный характер.

2. Возвращение всех нас в свой район не может быть одновременным; однако первые же товарищи, очутившись в нем, должны ознаменовать свое благополучное возвращение организацией беспощадного индивидуального террора против командного состава немецко-австро-венгерских армий и отрядов Украинской Центральной рады, а также организацией коллективных крестьянских нападений на всех тех помещиков, которые в дни земельного передела и отображения у них излишнего живого и мертвого инвентаря бежали из своих усадеб, а с нашествием экспедиционных армий и подсобных им отрядов Центральной рады возвратились снова в «свои» усадьбы. В задачу крестьянских нападений на помещиков должно на первых порах входить уничтожение как самих помещиков, так и тех штабов помещицких карательных отрядов, которые (по заявлениям приезжающих оттуда крестьян) имеют в своем распоряжении особого рода отряды из регулярных немецко-австро-венгерских армий.

Целью этих контрреволюционных штабов является руководство отображением от крестьян земли, живого и мертвого инвентаря, шомполование, порка и расстрелы непокорных.

Целью нами намечаемых организованных крестьянских нападений на помещиков, на осевшие у них штабы и отряды должно явиться: а) обезоруживание помещиков, их штабов и отрядов, б) конфискация их денежных средств, убийство тех из них, кто так или иначе причастен к шомполованию, порке и расстрелам крестьян и рабочих. Причем установлением их виновности в этих злодеяниях должен служить опрос крестьян тех сел и деревень, где эти господа устраивают свои самосуды или содействуют немецко-австро-венгерскому командованию устраивать таковые.

3. Защита революции требует вооружения и снаряжения. Эти средства трудящиеся должны добыть у своих врагов. Поэтому, возвращаясь в свой район с одной мыслью: умереть или разбить фронт контрреволюции и жить свободно во имя нового свободного общества, мы, все вместе и каждый в отдельности, должны стремиться организовывать по селам, среди тружеников, вольные батальоны и подсобные им легкие боевые отряды для внезапных войск и отрядов рады с целью обезоружения их, а в минуты жестокого сопротивления — просто уничтожения.

Эти три простых пункта, выработанных нашей таганрогской конференцией для борьбы с теми, кто непрошено пришел на революционную территорию, насильственно осел на ней и казнит всех, кто только осмеливается выступать за свои права на независимую и свободную жизнь, — эти три пункта окончательно и прочно связали всех нас с мыслью о возвращении в Гуляй-Поле.

Разрабатывая детали осуществления этих положений, детали, которые, как это можно было предвидеть, окажутся чрезвычайно важными в неравной борьбе, я незаметно для самого себя стал

суровым вдохновителем всех окружавших меня в то время товарищей на подвиг, который, как нам всем казалось, требовал от каждого из нас самопожертвования и сознания тяжелой ответственности на намеченном пути. Понимание всего этого вселяло в нас тревогу. Тем не менее мы решили во что бы то ни стало напрячь все усилия для достижения цели и испробовать на этом пути свои силы.

Итак, мы возвращаемся в Гуляй-Поле, в его район. Возвращаемся затем, чтобы поднять восстание крестьян и вместе с ними бороться, и, если нужно, умереть в этой борьбе за социальную революцию, за расчистку необходимого для этой последней широкого пути, за возможность творческой, созидательной деятельности коммунистического анархизма.

Но как возвращаться? Группами или же одиночками?

Разрешить этот вопрос мы предоставили каждому из нас самостоятельно. Важно лишь, чтобы к концу июня или в первых числах июля мы все встретились в Гуляй-Поле или возле него. Это время полевых работ. Все крестьянство в поле: косит хлеба. Мы легко сможем с крестьянами встречаться. Говорить, о чем нужно. Узнавать их мнения, истинное настроение. Выбирать из них более стойких и преданных делу освобождения, объединять их, группируя из них авангард для всего Гуляй-Поля и его района. Мы знали, что только Гуляй-Поле может стать центром революционной инициативы в деле поднятия повсеместного восстания крестьян. Мы знали, что, несмотря на провокаторский акт агентов немецкого командования и Центральной рады в апреле, население Гуляй-Поля и района верит в революционную инициативу Гуляй-Польцев. На долю Гуляй-Польцев ложится прямая обязанность восстать первыми и позаботиться о том, чтобы двинуть на этот путь все трудовое население других районов, ясно определив те цели, во имя которых это население должно на него вступить.

— Выработанные конференцией положения в трех пунктах, — говорил я товарищам, — до некоторой степени уже приближают нас к определению перед трудовым населением тех целей, к которым оно может прийти только через повсеместное восстание — восстание крайнего революционного напряжения, как по своей важности, так и по своей непримиримости. Но положения эти только приближают нас к определению этих целей. Окончательно же мы определим эти цели вместе с трудящимися на местах в процессе развертывания, сообща с ними, нашего прямого действия против контрреволюции...

Затем товарищ Веретельник поднял вопрос о члене нашей группы Льве Шнейдере и его гнусной изменнической роли в момент Гуляй-Польских событий 15-16 апреля.

Веретельник осветил эту роль члена группы как предательскую и по отношению к группе, и по отношению к идее анархизма.

— Лев Шнейдер, — сказал Веретельник, — растерялся ли он в эти дни, или же его революционность незаметно для него самого

подменилась обывательской психологией, — так или иначе, он был на стороне тех, где сила... Но этого мало. Лев Шнейдер стал на сторону силы и внутренне: он не только был в рядах еврейской буржуазии, встречавшей немцев и хулиганов из отрядов Украинской Центральной рады с хлебом-солью, но и первый выступил перед контрреволюционерами с речью на украинском языке — контрреволюционной речью — и первый среди гайдамашни вскочил в бюро нашей группы, первый начал рвать наши знамена, рвать и топтать портреты Бакунина, Кропоткина, Александра Семенюты¹⁸, которого, по его же заявлениям, он так любил... Вместе с шовинистским хулиганьем он разгромил групповую библиотеку, и это тогда, когда даже в рядах шовинистов были люди, которые тут же подбирали нашу литературу, книги, газеты, прокламации и уносили к себе, а некоторые передавали потом нашим товарищам, что подобранная ими литература когда угодно может быть нам возвращена.

— И я, — волнуясь, заявил Веретельник, — я настаиваю на том, чтобы члены нашей группы, присутствующие на конференции, высказались определенно об изменнике Шнейдере. Роль его — провокаторская роль, и я считаю, что Лев Шнейдер должен быть убит за нее.

Все, что говорил Веретельник о Шнейдере, товарищи подтвердили. Но вопрос о том, как все мы или каждый из нас в отдельности должны поступить при встрече со Шнейдером, мы оставили открытым, считая, что окончательно вопрос этот разрешится в Гуляй-Поле, и всей группой. Сама конференция единогласно полагала, что вопрос может решиться только в смысле убийства Шнейдера.

Закончилась наша конференция предложением всем присутствовавшим на ней товарищам использовать остающиеся полтора месяца на то, чтобы ознакомиться с положением крестьян и рабочих на Дону, поскольку это позволяет военное положение и условия переезда через него. Решено было также посетить ряд больших городов в центре России: Москву, Петроград, Кронштадт и др. — и посерьезнее присмотреться к тому, что делают там как большевистско-левоэсеровские власти, так и сами труженики, которые хоть и много крови пролили и продолжают проливать в борьбе за новое, свободное общество, но не закладывают (нам, крестьянам-анархистам, так казалось) истинного фундамента для этого общества сами, непосредственно, своими руками, а отдают это прямое свое дело в руки новым властителям...

С этой целью мы разбились по группам. Я и Веретельник решили посетить Москву, Петроград и Кронштадт. Мой брат Савва Махно, Степан Шепель, С. Каретник решили пойти на фронт, так как думали сквозь фронт этого боевого участка пробираться в Гуляй-Польский район.

Ваня «Степановский», П. Краковский, Коростелев, А. Марченко, Исидор Лютый, Х. Горелик, Коляда решили тоже посетить Москву, а оттуда повернуть на Орел и Курск. В последнем городе

они предполагали задержаться де тех пор, пока я и Веретельник возвратимся к ним, чтобы вместе пробираться на Украину через фронты, в курско-харьковском направлении.

Разъехались мы при общем твердом желании — в конце июня, не позже первых чисел июля, встретиться в своем Гуляй-Польском районе, чтобы ликвидировать засевшую в нем контрреволюцию.

Глава IV

ОТСТУПЛЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОММУН И ПОИСКИ ИХ

В то время, когда мы с Веретельником покидали Таганрог, я получил сведение, что через Таганрог проследовали эшелоны, в которых отступали члены сельскохозяйственных коммун, организованных в Гуляй-Польском районе нашей группой. (В первом томе своих записок я уже писал, что был членом одной из них и выполнял в ней известные работы.) Получив эти сведения, я расстался с Веретельником и поехал вдогонку за отступавшими коммунарами. Хотелось повидаться со своей подругой, которая, как член коммуны, вместе со всеми отступала, и вообще хотелось видаться со всеми, хотелось обменяться с ними своим мнением о дальнейшем нашем общем деле. Хотелось подбодрить их и искренне, не скрывая ничего, поделиться с ними всем тем, что я мог предвидеть на пути, намеченном нашей Таганрогской конференцией. Я был одним из первых их вдохновителей в деле организации коммунальной жизни и чувствовал на себе известную ответственность за это. Теперь я направлял все свои мысли им вслед, чтобы нагнать их, обнять, расцеловать за их смелое начинание, связавшее их на деле с одной чистойшей, прямой революционной практической задачей трудящихся.

Перед выездом из Таганрога в *Ростов-на-Дону* я встретился с матросом Полонским, командиром Гуляй-Польского вольного батальона, и его братом. Теперь наш Полонский заявил мне, что он не хочет ни идти снова в свою левоэсеровскую партию, ни оставаться в рядах анархистов, а попытается изучить большевизм. Если же и в нем не увидит той силы, которая могла бы свернуть голову вооруженной контрреволюции, то он становится на обывательский путь нейтральности, так как, дескать, жалеет свое здоровье, *«без которого жить нельзя в рамках существующего»*.

Я изрядно посмеялся над ним и, дав ему просимые тысячу рублей из сумм революционного комитета, уехал в Ростов-на-Дону. В Ростове-на-Дону я три дня лазил по линиям железной дороги, искал своих коммунаров, но тщетно. Здесь я встретился снова с начальником красных резервных войск Юга России Беленкевичем, который снабдил Гуляй-Поле вооружением (см. том I моих запи-

сок). Мы без всяких обиняков откровенно поговорили об общих причинах столь быстрого отступления красногвардейских войск и, в частности, о Гуляй-Польских событиях 15-16 апреля.

Беленкевич был человеком особенно прямым и откровенным, и эта черта придавала ему вид подлинного солдата революции. Однако он — большевик, который не только мыслит, но и действует по программе своего центра из трех — пяти «владык». Это обстоятельство вызывало во мне протест, так как я успел уже пережить на пути солдата революции несколько таких моментов, когда необходимо действовать не по указке из центра, а так, как того требует конкретная обстановка, лишь бы, конечно, эти действия не шли вразрез с руководящей идеей революции.

Беленкевич сообщил мне, что он лично распорядился подать отдельный эшелон нашим коммунарам, чтобы они были свободны в своем отступлении. По его словам, они проезжали здесь. «Сейчас, очевидно, направились далее, в глубь страны, но трудно определить, — сказал товарищ Беленкевич, — по Северо-Кавказской линии железной дороги они направились или же через Лиски и Воронеж». Пускаться вдогонку за ними в направлении на Лиски-Воронеж Беленкевич мне не советовал, так как, по его словам, на этой линии очень часто казачьи контрреволюционные отряды останавливали поезда и всех мало-мальски подозрительных из пассажиров расстреливали...

Эта предупредительная любезность Беленкевича задержала меня на несколько дней в Ростове.

Глава V

МОЯ ВСТРЕЧА С РОСТОВО-НАХИЧЕВАНСКИМИ И ПРИЕЗЖИМИ В РОСТОВ АНАРХИСТАМИ

Не знаю, чем занимались наши ростово-нахичеванские товарищи в эти тревожные для Ростова дни. До того, весь 17-й год и минувшие месяцы 18-го, эти товарищи издавали серьезную еженедельную газету «Анархист»¹⁹. По газете видно было, что товарищи имели идейное влияние на трудящихся города и окрестностей и вели среди них воспитательную и организационную боевую работу, пытаясь одновременно ввести в строго организационные формы анархистское движение. Теперь же, в первые дни моего пребывания в Ростове, я не нашел этой газеты и не встретил никого из товарищей ростово-нахичеванской группы.

Зато в первый же день, как только я потерял всякую надежду разыскать членов сельскохозяйственных коммун Гуляй-Польского района и остановился в Ростове с целью разыскать анархистов, я натолкнулся на вечернюю газету «Черное знамя», формата в 1/6 печатных листа, с информационными сведениями на обеих страницах исключительно о положении фронта революции против

контрреволюции, с неполными, в большинстве случаев неточными и даже ложными сведениями.

Редакция этого пресловутого анархического органа перемещалась из одного отеля в другой, и это затрудняло не только меня лично, но и многих анархистов, прибывших в Ростов из Одессы и других городов Юга Украины, желавших разыскать ее, выяснить лиц, представлявших ее.

Помню, я проходил по базару-толкучке с намерением купить исподнее белье, чтобы после трех недель переодеться. Я встретил на этом базаре товарища Григория Борзенко — серьезного товарища, работавшего в свое время в Одессе и Харькове. Лично мы друг друга до этой встречи не знали. Но при первой же встрече (нас познакомила товарищ Рива, один из членов Мариупольской группы анархо-коммунистов) первым моим вопросом к нему было: «Не знаете ли вы, товарищ Борзенко, кто издает уличную вечернюю газетку «Черное знамя?»»

Ответ товарища Борзенко был курьезный: «Говорят, что эту газетку какие-то три анархиста издают. Но мне кажется, ее издают люди, желающие пристроиться возле сильных: стало быть, наши враги».

Встретиться с издателями этой спекулянтской вечерней «анархистской» газетки мне так и не удалось. Видимо, и многим другим нашим товарищам это не удалось, хотя многие между собой говорили об этой газетке и о ее издателях; говорили, что издают ее люди, которые имеют в кармане деньги и хотят иметь их еще больше. Для меня лично после прочтения двух-трех номеров этой газетки было несомненным, что она издается людьми предприимчивыми именно в области торговли и вещами, и своей совестью; людьми, которые через фронт только проехали, а крестьян и рабочих видели, вероятно, только тогда, когда, в силу революции и роли в ней трудящихся, последних никак нельзя было обойти, ибо они всюду были впереди — и в часы побед революции, и в часы смерти за нее.

Но предпринять против этих лжеанархистов сейчас ничего нельзя было. С одной стороны, потому, что наше движение, будучи разрознено на множество групп и группок, не связанных между собой даже единством цели, не говоря уже о единстве действий в момент революции, вмещало в свои ряды всех, кто уклонялся от ответственности момента и бежал из своих лагерей, делая под прикрытием анархического принципа «Свобода и равенство мнений есть неотъемлемое право каждого человека» от имени анархизма все, вплоть до шпионства, в пользу большевистско-левоэсеровской власти за денежное вознаграждение. А с другой стороны, еще и потому, что в это время поход против анархизма Ленина и Троцкого не был еще прекращен, и наше выступление против людей, именовавших себя анархистами, могло быть ложно истолковано, могло сыграть на руку преследовавшей нас власти.

Беда была в том, что, будучи разрозненными, не имея за собой организованных широких трудовых масс, русские анархисты расте-

рялись и в большинстве своем вступили на путь — полумолчаливый путь — симпатии по отношению к делам большевистско-левоэсеровской власти. Все это власть учла с особым удовлетворением и с намерением извлечь из такого положения известные выгоды, так как самыми опасными оппозиционерами для нее были революционные анархисты.

Власть шаг за шагом начала допускать снова выход анархистской прессы; начала разбираться, с какими анархистами следует считаться, а с какими не следует. Отсюда заметно начинает появляться в наших рядах мысль о приспособленчестве, некрасивом, иезуитском приспособленчестве. Наиболее сведущий в области торгашеского приспособленчества элемент перестает думать об организации сил своего движения; он перебегает к большевикам, оставаясь со званием анархиста. И эту свою перебежку часто смешивает с принципом «свободы мнений», с которым он, дескать, ничуть не порывает связи, а, наоборот, стремится укрепить его в анархических рядах.

В самый тяжелый и для революции, и для анархизма момент — требующий тяжелых усилий анархического коллективного ума и энергии — анархисты, получившие образование за счет трудящихся еще до их вступления в анархические ряды, научившиеся как будто кое-что понимать, научившиеся красиво говорить и писать, потянулись целыми веренищами, по-над фронтом борющихся с оружием в руках трудящихся масс, в большевистские культурно-просветительные отделы консультантами... И создавалось впечатление, что для этого рода анархистов-революционеров жизнь анархического движения чужда, ибо для движения нужно было слишком тяжело, и с большими опасностями на тяжелом пути, работать. А они призваны ведь не работать, а только советовать другим, как надо работать. Этим своим грубо неверным пониманием задач революционного анархизма в момент революции, когда, помимо фронтов контрреволюции, появляются и на теле самой революции язвы, ведущие к ужасам политического, а иногда и физического взаимоистребления самих носителей ее идеалов, наши товарищи, с именем и сознанием (в большинстве случаев неизвестно только чего), наносили удар за ударом не только своим единомышленникам, но и тем широким революционным трудовым массам, которые частично в революциях бывают более чуткими, чем те, кто хотел бы им только советовать, не беря на свои плечи никакой ответственности, даже не задерживаясь на более или менее продолжительное время среди тех, которым советуют. Правда, не лучше понимали задачи революционного анархизма в революции и наши товарищи рабочие, в особенности же рабочие, которые в силу тех или других условий и обстоятельств, в большинстве своем чисто случайных, тоже возомнили, что они полны сил и знания, чтобы только советовать своим братьям по труду, не беря и не неся за свои советы никакой ответственности. Эти товарищи были еще более наглы в своем профессионализме. Но можно ли их за все это

винить? Нет, нельзя. В их поведении виновата та расхлябанность, та дезорганизованность нашего движения, которая порождает в нем всевозможные отрицательные силы, губительно отражающиеся на его росте и развитии.

Моя недолгая жизнь в Ростове-на-Дону, мои встречи с анархистами, в особенности с анархистами, приехавшими в Ростов, а также ежедневный просмотр спекулянтской вечерней газетки «Черное знамя», все более притягивали мое внимание к этим развертывавшимся на моих глазах отрицательным сторонам, силой обстоятельств укрепившимся в нашем движении и разъедавшим его здоровый революционный организм. Однако, несмотря на все это и даже на то, что дом ростово-нахичеванской группы при наступлении на Ростов контрреволюции немцев и Белого Дона был окончательно разграблен отступавшими с участием, говорили нам, тех, кто называли себя анархистами и только поэтому получили в нем приют, чтобы неделями, без всякого стеснения, свободно, *как приезжий, уставший, заслуженный работник движения*, валяться на его роскошной мебели, поплывывая в потолок, — несмотря на все это, я был полон веры и надежд, что впереди я встречу несравненно лучшее среди своих близких, дорогих товарищей. Вера и надежды эти во мне усилились после того, как я побывал на митинге, организованном местными ростово-нахичеванскими анархистами в Ротонде. Мысли, высказанные ими на этом собрании, показали мне, что и здесь имеются наши здоровые силы. Момент общего отступления революции приковал их к своим групповым планам подполья. И не их вина, если *заслуженные приезжие работники нашего движения*, в спокойное время находившие братский приют в доме анархистов, в момент тревоги и отступления не смогли отстоять этот дом, а пошли по течению грабежа и содействовали разграблению его обстановки и украшений.

С верой и надеждами на лучшее впереди, я с 30-35 товарищами из разных городов Украины в дни эвакуации революционного города Ростова-на-Дону пристроился при артиллерийской красной базе под командой симпатизировавшего анархистам товарища Пашечникова и ожидал выезда из Ростова на Тихорецкую, откуда артиллерийская база должна была пройти по Северо-Кавказской линии железной дороги, через Царицын и Балашов на Воронежский боеучасток фронта.

Все мы были зачислены как команда эшелона, и многие товарищи несли дежурства по охране его. Будучи уже при эшелоне, я еще раза три выступал перед рабочими ростовских заводов и фабрик от имени крестьянской группы анархистов с целью оттенить ту позицию, какую занимала спекулянтская вечерняя «анархистская» газетка «Черное знамя», а также осветить роль революционных анархистов по отношению и фронта против контрреволюции, и всех тех явлений, которые разрушали его. Однако момент для таких выступлений был неблагоприятный. Революционный Ростов в спешном порядке готовился к эвакуации. Командующий Ростов-

ским округом Подтелкин переселился уже из особняка в вагон при двух паровозах на полных парах. Его примеру последовали и другие революционные учреждения. Само собой разумеется, что тревога власть имущих вызывала тревогу и среди населения, поддерживавшего революцию. Приезжее население и разные учреждения в Ростове начали первые бежать из него подальше. За ними потянулись военные и гражданские власти Ростова и его округа, а вместе с ними и то местное население, которое активно поддерживало дело революции.

Картина отступления, одних по направлению Лиски-Воронеж, других на другую сторону реки Дона, в Батайск, где красное командование воздвигало фронт и думало держаться до последнего, — картина была поистине кошмарная. Тем более что при отступлении среди населения, и казачьего населения в особенности, которое в это время в массе стояло еще на раздорожье красной левизны и белой правизны, быстро рождались кадры воров, которые поддерживались профессиональными ворами, вообще разбегавшимися по стране, хватая то там то сям рыбку в мутной водиче. Грабежи росли с необыкновенной быстротой и в чудовищном масштабе, росли под влиянием исключительно низменных страстей грабежа и мести: мести и тем, кто радовался победам контрреволюции, и тем, кто по-обывательски занимал нейтральную позицию...

Наблюдая, поскольку это можно было, за чуждыми революцией явлениями, я не один раз задавал себе вопрос: неужели с этими явлениями нельзя справиться?

И находил ответ: да, в такие минуты, как поспешное отступление авангарда революции, почти невозможно обращать свои взоры туда, где не можешь и на минуту задержаться и устыдить тех, кто пользуется неограниченным правом свободы, не неся никакой ответственности в борьбе за ее реальное воплощение в нашу практическую социально-общественную жизнь. А между тем, чтобы впитать в себя реальную свободу, эта жизнь нуждается в прямом и искреннем содействии со стороны людей, которые одни только и могут осуществить и защищать для себя и для своего общества, и через общество, такую свободу.

Вставали передо мной и другие вопросы при наблюдении за ростовскими явлениями в дни эвакуации революционного Ростова. Например: не создаются ли эти явления «официально» подпольными организациями контрреволюции? Ведь это так возможно и так выгодно в смысле компрометирования революции в глазах масс, так полезно для подкрепления контрреволюционных сил. Но... режущий глаза факт вагонов, переполненных всевозможными проходимцами, переезжавшими на сторону отступавшего населения, в тыл революционного фронта, не позволил мне сделать заключение по этому вопросу. И с болью на сердце, полным сил и боевой энергии революционера-анархиста, я простился с Ростовом, с которым духовно был так связан через газету «Анархист», которая у нас, в Гуляй-Поле, читалась всегда с особым интересом и крестьянами, и рабочими...

В ПУТИ С ЭШЕЛОНОМ КРАСНОЙ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БАЗЫ

Вследствие загромождения железнодорожной линии отступающими мы ехали от Ростова до Тихорецкой около двух суток. Так как у нас не было запасов хлеба и других продуктов, то в Тихорецкой командир эшелона послал наших товарищей на базар купить эти продукты, рассчитывая на недавнее еще право каждого красногвардейского отряда иногда совсем не платить торговцам, а если платить, то одну треть стоимости.

Товарищи пошли, потянув и меня с собой. Накупили по списку всего с расчетом, чтобы хватило до города Царицына, в который мы рассчитывали прибыть через неделю.

Лавочники сами погрузили товар на извозчиков, но когда дошло до расчета и они увидели, что товар у них реквизируется, они резко запротестовали. Протест их опирался на шаткое, беспочвенное положение большевистско-левоэсеровской власти в этом районе. То было время, когда в этой местности оперировали сотни белогвардейских отрядов и население молчаливо стояло на их стороне. На этот протест лавочников сбежались красные власти. Они приказали Тихорецкому гарнизону оцепить эшелон артиллерийской базы и далее не пропускать до их особого распоряжения.

Когда эшелон был оцеплен верноподданническими войсками (которые, видно было, сами еще не поели своих запасов, даже не реквизированных, а просто набранных у различного рода торговцев), тихорецкие «революционные» власти вызвали от команды эшелона артиллерийской базы двух человек для выяснения вопроса о попытке реквизировать продукты первой необходимости.

Командир Пашечников упросил меня и товарища Васильева (из юзовской анархической организации) пойти на вызов тихорецких властей и объясниться с ними.

Мы пошли, а власти нас арестовали и в вежливой форме заявили, что мы подлежим расстрелу в военном порядке.

Я сперва думал, что представитель власти шутит, и ответил ему: «Хорошо, что мы попадаем под расстрел в военном порядке, а не прямо к стенке»... Но вижу, с нами не шутят. К нам приставили двух вооруженных преглупейших казаков, которые без всякого стеснения, вслух говорят между собой, что на нас хорошая одежда и жаль только, что одна из них, моя одежда, будет мала на них.

Товарищ Васильев говорит мне: «Нужно требовать сюда председателя революционного комитета. Ибо может случиться, что ему доложат, что задержали из какого-то эшелона двух грабителей, а он ответит: *«Расстрелять их»*. Тогда никакие протесты не помогут. Нас сразу же сплавят...»

Мы тут же начали требовать председателя ревкома. Но в ответ нас обвиняли в контрреволюции. На шум и пререкания наши со

стражей приезжал какой-то «революционный» чинишка, накричал на нас и на стражей. Последние, чтобы оправдаться, избili нас прикладами. Это так вывело меня из себя, что я дал пощечину одному из стражей и начал кричать во весь голос: «Давайте сюда товарища председателя революционного комитета. Я хочу знать, что это здесь за хулиганье собралось и под знаменем революции проводит свои гнусные, контрреволюционные дела...»

Крик и ругань мою услышали во всех комнатах революционного комитета, и многие представители власти выскочили к нам. Однако никто ничем нам не помог. Нам пришлось еще около часу скандалить, и скандалить так, что наши охранители в конце концов отошли от нас к двери и раскрыли ее.

Власти запротоколировали скандал. Через некоторое время нас вызвали к председателю революционного комитета. Этот владыка нас опросил и тоже грозил расстрелом, пока товарищ Васильев не заявил ему: «Вы можете расстреливать нас, но сперва скажите нам, кто вы такой? Кто избрал вас главой органа революционного единения?...»

Эти мысли товарища Васильева мною были подхвачены заявлением: «Не так давно, всего две недели, я оставил руководящий революционный пост по защите революции. Мне лично приходилось встречать многих революционеров, но я не видел у них такого хулиганства, как здесь у вас». Я объяснил ему, зачем нас вызвали в революционный комитет, что нам объявили и как обращались с нами представители власти и их слуги казаки, которым все еще кажется, что и революция на манер самодержавия держит путь через их нагайки и приклады...

Председатель, нервничая, кусал ногти. Иногда перебивал меня. Потом с извинениями попросил у меня документы.

Я дал ему сперва мой старый документ, свидетельствовавший о том, что я — председатель Гуляй-Польского районного Комитета защиты революции; затем документ, свидетельствовавший о том, что я — начальник вольных батальонов революции против контрреволюции немецко-австро-венгерского юнкерства и Украинской Центральной рады.

Владыка наш долго держал в своих руках мои документы, а затем вдруг, поднявшись со стула, сказал: «Черт подери, и на самом деле меня окружают какие-то дураки. Вы извините, товарищи, здесь какое-то недоразумение. Я все это выясню. Вы свободны и идите в свой эшелон. Я о нем имею сведения: он должен без всяких задержек двигаться по своему маршруту».

Так, перенервничав, получив по несколько ударов прикладами, переболев душой и телом за четыре с лишним часа под глупым арестом, мы освободились и приехали к своему эшелону, который все еще находился под охраной местной власти.

Пока мы рассказывали товарищам о происшедшем, охрана эшелона была снята. Эшелон выталкивали из тупика на прямую линию с целью дать ему возможность двигаться далее.

Через час мы уже ехали по линии Северо-Кавказской железной дороги. Перед нами расстилались равнины казачьих земель, частью покрытые зеленью озимых и яровых хлебов, частью же кормовыми травами, в особенности пыреем и целиной-травой с отдельными, выше ее простирающимися мелкими, но многочисленными кустиками серебристого ковыля. Плодородие этих земель, на которых когда-то осели потомки монгольских завоевателей (впоследствии, в процессе своего обособленного развития, независимого от княжеских, а затем и царских глупых режимов образовавшие казачье войско²⁰ с особыми привилегиями от царей), — плодородие это, по описаниям, было известно мне и раньше. А теперь, когда я увидел эти равнины, покрытые сочными кормовыми травами, озимыми и яровыми хлебами, обещавшими быть урожайными, я сам убеждался в этом необыкновенном плодородии, и радовалась душа, что в этих зеленых, толстых и сочных стебельках растет великая, не подлежащая цифровой оценке помощь революции. Нужно только, чтобы революционные власти поумнели и отказались от многого в своих действиях; иначе ведь население пойдет против революции; иначе население, трудовое, не найдет в завоеваниях революции полного удовлетворения и одним только своим отказом оказать революции добровольную, материальную (в смысле пищи) помощь нанесет ей удар несравненно более сильный, чем какие бы то ни было вооруженные отряды калединской, корниловской или иной контрреволюции... Но в пути мне попадались газетные сведения. И рассказывали они о том, как революционные власти там-то разгромили анархистские группы, там разогнали социалистические собрания, там подозревают крестьян в контрреволюционности и готовятся разорвать их трудовой организм на части с целью обессилить его и произвольно подчинить условиям города... Сведения эти говорили мне, что революционные власти не умнеют, а дуреют, и этому не может воспротивиться «мудрость» Ленина. Ибо и она, эта мудрость Ленина, позволившая революционной власти большевиков и левых эсеров так быстро и высоко подняться над революцией и исказить ее подлинный антигосударственный смысл, оказывается бессильной понять, что, урезывая права анархической мысли на свободу и связанную с ней творческую революционную деятельность среди крестьян, власть тем самым становится на путь контрреволюции. А на этом пути, вынужденная в дальнейшем прикрывать свое истинное существо, она уже не может сознавать свои ошибки, ведущие к гибели и революцию, и ее самое. Правда, все эти газетные сведения о дурной, по моим заключениям, деятельности революционной власти казались мне несколько сгущенными. А то обстоятельство, что действия революционных властей на местах не находили себе истинных сторонников в недрах широкой трудовой революционной массы на Украине, мне казалось, окажется хорошим уроком для центра, и я смогу еще встретить в России события, которые меня обрадуют и которым я отдам свои полные энергии революционно-боевые силы. Да, да, говорил я себе, это

должно быть так... И у меня появлялась надежда, что и большевики, и левые эсеры, как революционеры, не откажутся от того, чтобы серьезней подумать о положении революции, о тех силах разрушения и созидания, которыми она живет и благодаря которым может еще, при всем своем нынешнем уродстве, выровнять свою линию и оправдать великие надежды трудящихся...

Воодушевляясь этой мыслью, я, при стоянке в Великокняжеской станице, выступил на одном митинге казачьего населения, призывая его порвать всякие связи с прошлым, осудить акты восстания белого казачества и активно выступить на защиту революции.

— Казачество Дона, — говорил я, — должно раз и навсегда осудить свое прошлое, которое делало казаков палачами всякой свободы, всякого свободного начинания в жизни русского народа. Вместо жалких царско-помещичьих привилегий, которые казачество получало за свою дикую удаль в позорной кровавой борьбе с трудовым народом, казаки должны взять в руки оружие против тех, кто награждал их до сих пор этими привилегиями, кто дурачил их, используя их боевые силы против народа и его стремления к свободе, к новому свободному обществу...

Казаки говорили: *«Мы все стоим за революцию»*. Некоторые из толпы, однако, выкрикивали: *«Мы до сих пор не поймем, за что нам быть: за революцию или за те земли, которые революция у нас отымает, за те косяки (косяки — это табуны лошадей), которых мы растили, а у нас их забирают...»* — *«Это не у нас коней забирают, их забирают у нашей буржуазии»*, — перебивали их третьи голоса из казачьей же толпы... Долго беседовали мы потом на эту тему. Но только что беседовали, а решений никаких. Это и понятно. Казачество того периода революции в общем держалось еще крепко за идеи своего старого наказного атамана и войскового круга, которые еще верили во внутренние русские контрреволюционные силы и, в надежде на их поддержку, подняли большую часть казачества против революции под лозунгом обусловленной конституцией царской короны Романовых.

* * *

В дальнейшем пути по линии Северо-Кавказской железной дороги на одном из полустанков, перед станцией Котельниково, наш эшелон был задержан на несколько часов по случаю налета белогвардейского казачьего отряда на близко от станции расположенные хутора. К эшелону собралось много казаков. Все они суетились, высказывая соображения о том, чтобы общими усилиями отбить возможное нападение этого отряда как на станцию, так и на эшелон артиллерийской базы. Наша команда вооружилась. Установили на платформах в разные стороны легкие полевые орудия, так как отступать назад от количественно незначительного кавалерийского отряда мы не думали. Тем более что само население было с нами. Оно быстро и аккуратно сообщало нам, когда и где этот отряд

останавливался и в какую сторону двигался. Однако странная суетливость толпы настолько усиливалась, что у меня невольно явилась мысль: нет ли во всем этом какой-либо провокации?

Я предложил командиру артиллерийской базы двигаться вперед, высказав ему свое подозрение как по поводу чересчур уж аккуратных сообщений нам о белогвардейском казачьем отряде со стороны казачьего населения, так и по поводу того, что толпа казаков, не отходя от нашего эшелона, что-то уж больно суетливо переговаривается меж собою. Мое подозрение сводилось к тому, что это казачье население является сторонником восстания белых и попытается нас обезоружить.

Выслушав меня, командир эшелона расстроился и чистосердечно сознался, что он теряет, не знает, что делать, чтобы население, сгруппировавшееся на полустанке спереди и сбоку нашего эшелона, отошло подальше, в стороны, так как, дескать, если оно намерено нас разоружить, то оно при первом же нашем свистке отхода бросится на нас. И будет лишняя кровь, будут лишние жертвы, жертвы главным образом с нашей стороны, если первый наш огонь окажется несвоевременным и не по цели. «Помогайте мне, — сказал командир. — Я буду рад. Ваша помощь подбодрит меня. Я буду решительнее». Я предложил командиру, во-первых, немедленно распорядиться, чтобы артиллеристам стать у боевых орудий (с целью пристрелки по горизонту, откуда может появиться белогвардейский отряд), а во-вторых, предупредить машинистов локомотива, а также дежурного по станции: первых о том, чтобы, раз тронувшись с места, не останавливались уже до следующей станции, а второго о том, что мы-де снимаемся с места для продвижения вперед только версты на две-три, чтобы сделать хорошую пристрелку по всем сторонам и возвратиться обратно. (Только в этом случае можно было ожидать со стороны дежурного по станции правдивого сообщения о том, свободен ли путь.)

Командир сделал все, что я предложил ему, в мгновение ока.

Затем мы попросили казаков, толпившихся возле полустанка спереди и сбоку нашего эшелона, удалиться на время в сторону, противоположную той, куда будут лететь снаряды. И мы тронулись вперед с редкой стрельбой из пулеметов в пространстве. Когда полустанок с многочисленными возле него казаками-ротозеями (которые, быть может, и не думали о том, чтобы обезоружить нас) остался позади, наши локомотивы запыхтели сильнее и мы помчались полным ходом по направлению к станции Котельниково, убеждая друг друга в том, что если бы мы оставались на полустанке до ночи, то были бы обезоружены и наполовину, если не все, расстреляны.

Командир эшелона зазвал меня и товарища Васильева к себе в купе и с особым уважением изливал мне свои чувства благодарности за то, что я натолкнул его на решительное действие. Нельзя сказать, чтобы эта его благодарность не ласкала моих эгоистических чувств. Но я тут же с болью думал о том, как не подготовлены

революционеры к практическим, разнообразным по характеру самостоятельным действиям в революции, несмотря на то что они свою свою тяжелую жизнь проводят в подготовке революции.

Прибыв на станцию Котельниково, мы узнали, что отсюда редко какой отряд пробивался далее. Все отряды по распоряжению из центра здесь задерживались и разоружались, подвергаясь тщательной проверке: из кого они состоят, каким пропитаны духом и т.д.

Отряды, которым удавалось воспротивиться разоружению здесь, далее Царицына все же не продвигались. В Царицыне они разоружались. И отряды, в которых не оказывалось «контрреволюционного», с точки зрения власти, элемента, снова вооружались и вливались в какую-либо красноармейскую часть. Отряды же, в которых обнаруживалась «контрреволюционность» (а для этого достаточно было, чтобы командир его был анархистом или беспартийным и имеющим свое суждение о делах новой власти революционером), разгонялись, а то и расстреливались, как это было, например, с Петренко и частью его отряда в Царицыне.

За неумелость и беспомощность новой социалистической власти заинтересовать широкие трудовые массы делом добровольной вооруженной защиты революции, на которую со всех сторон двигалась вооруженная контрреволюция, тяжелее всего расплачивались отряды, которые были скомплектованы из украинского элемента. С этими отрядами большевистско-левоэсеровская власть абсолютно не церемонилась. Благодаря своей «дальнозоркости», она видела в этих отрядах то, чего в них не было. И она опасалась пропустить их на Курск и Воронеж, откуда украинские революционные рабоче-крестьянские отряды, отступавшие из Украины, думали с помощью сил русской революции прорваться обратно в центр Украины, чтобы снова при помощи уже некоторого опыта сразиться с контрреволюцией немецко-австро-венгерского юнкерства и Украинской Центральной рады. Сердце обливалось кровью, когда приходилось наблюдать за черным делом власти, совершавшимся над людьми, в которых было так много революционного духа, но к которым нужно было уметь подойти, чтобы пробудить в них этот дух и помочь ему пробиться на простор, не мешать его свободным творческим выявлениям в общем деле трудящихся, в деле подлинного экономического, политического и духовного освобождения.

Здесь же, на станции Котельниково, усердные агенты центра поспешили предложить сложить оружие и артиллерийской базе. Для нас, анархистов, ехавших с этой базой, это было особо показательным примером того, как глупы бывают лакеи со звездами на лбу и орденами Красного Знамени на груди. Они даже не подумали запросить, что из себя представляет наш эшелон, чей он и куда направляется, а просто прислали человека заявить командиру эшелона сложить оружие.

Слушая заявление сложить оружие (в противном случае, дескать, силой разоружат), командир эшелона, зная свои обязанности, имея при себе распоряжение красного командования вовремя

быть в Воронеже, с ума сходил и в отчаянии готов был возвращаться назад, по направлению Тихорецкой.

Мы, анархисты, пришли ему на помощь. Мы убедили его в произвольном, преступном действии агентов центра по отношению к революции. И на этом основании мы все предложили ему открыть оружейный и пулеметный огонь по станции, разрушить ее и расстрелять власти, которые так подло действуют во вред делу защиты революции.

Когда команда эшелона заняла свои места у орудий и пулеметов и властям был предъявлен ультиматум — очистить эшелону путь дальнейшего продвижения или оказаться под нашим огнем, то гнусные контрреволюционные (хотя и со звездами на лбу) заправилы по разоружению разбежались. Путь для дальнейшего нашего продвижения вперед по направлению к Царицыну был свободен. И мы, оставив станцию Котельниково «неприкосновенной», двинулись далее.

В пути командир эшелона очень беспокоился, что прибег к таким крайним мерам на станции Котельниково (по отношению, по моему, контрреволюционных властей). Но другого выхода не было. Это он сознавал. И это сознание подготавливало его стать перед судом власти — если придется — с достоинством революционного солдата, призванного, как он выражался, сознательно служить делу революции.

* * *

На пути от Котельниково до Сарепты (станция, расположенная в 24 верстах от Царицына) я тоже начал хандрить. В голове стали появляться какие-то несуразные мысли о том, что революции суждено погибнуть по вине самих революционеров; что на пути ее развития стоит палач из рядов революционеров, имя которому — правительство: правительство двух революционных партий, которые, при всех своих потугах, подчас колоссальных и достойных уважения, не могут вместить в рамки своих партийных доктрин ширь и глубину жизни трудящихся. В связи с ростом и развитием революции, думалось мне, трудящиеся все яснее и определеннее проявляют свой интерес к ней, свой интерес к тому, чтобы найти в ней тот простор, ту свободу, которая позволила бы им реорганизовать свою жизнь на совершенно новых началах, независимо от тех или других правителей, не живущих их жизнью и, следовательно, беспомощных понимать ее, давать ей то или другое направление... Сперва я думал, что эти мысли о положении революции и о вытекающих из него последствиях — случайные мысли, порожденные контрреволюционными явлениями, с которыми я встретился на своем пути с эшелонами артиллерийской базы. Но скоро я убедился, что мысли эти не случайны. Контрреволюция жила всюду, где только могла: жила она и в массах, жила она и в тех, кто сидел в центре и приказами заставлял революцию на

местах вращать свое историческое колесо. Я ее видел ясно. И от этого мои надежды встретить впереди лучшее начали расстраиваться и уползать. И больно, и тяжело становилось на сердце. Иногда я делался зол на всех и вся, притом на себя в первую очередь, за все те промахи в деле организации вольных батальонов против контрреволюции на Украине, которые теперь еще более были мне чувствительны...

Но вот мы на станции Сарепта. Вокруг нее большие лесные пристани, лесопильные заводы. Здесь тысячи рабочих. Я загораюсь страстью побывать на их митингах и в пылу этой страсти забываю все, о чем только что болел сердцем.

А когда командир эшелона сообщил мне, что станция получила распоряжение из Царицына, в силу которого путь на Царицын закрыт для всяких воинских эшелонов, и что мы задержимся здесь, видимо, на несколько дней, я совсем подпал под влияние внутренней, бессознательной, но сильной страсти побывать среди рабочих на их митингах, услышать, что они думают о революции, о ненормальных явлениях в рядах ее носителей и защитников и т.д. и т.п.

Наши товарищи разбрелись всюду по поселкам... Они узнали, где и когда рабочие собираются. И на другой день (это был день отдыха) мы, несколько человек, выступили на митинге сарептских лесопильщиков-рабочих. Здесь мы выяснили, что рабочие тесно связаны с делом революции; что они все стоят за Советы, в которых первое место и руководящая роль должны принадлежать им, рабочим; что всякие партийные представители могут участвовать в этих Советах в том лишь случае, когда рабочие сознательно считают себя родственно связанными с их идеями...

Мы узнали от рабочих на этом митинге, что они известный процент своих товарищей уже проводили на фронт вооруженной борьбы против Белого Дона (так называлось казачье контрреволюционное движение).

— Одного мы никак не можем понять, — говорили нам на этом митинге рабочие, — мы здесь все стремимся к организации своих сил для развития и защиты революции и тех идей, которые двигают революцию. А в Москве, и в других больших городах нет такого единства. У нас и большевики, и левые эсеры, и анархисты организованно стоят за то, чтобы разбить контрреволюционное движение казаков. Даже по инициативе анархистов мы начали практиковать выделение известной части наших сил на фронт, против этого дикого казачьего движения, с таким расчетом, чтобы и заводы не стояли. А там, в Москве и других городах Центральной России, анархистские организации разгоняются, непокорные расстреливаются...

И тут же один из рабочих берет старый номер уже потертой большевистской газеты и просит одного из моих друзей прочесть вслух статью о разгроме анархистов на Малой Дмитровке (в Москве).

— Чем объяснить все эти действия нашей советской власти? — кричали голоса из толпы.

Надо представить себе наше сознание, что мы стояли перед революционными рабочими, среди которых было немало большевиков, эсеров и анархистов, безымянных борцов за свои идеалы, борцов, умевших в минуты дискуссионной страсти ненавидеть друг друга, кричать друг на друга, топтать ногами и махать чуть не под носом руками, но умевших в то же время и понимать друг друга, признавать за каждым право на свободную проповедь «своего», выступать, бороться за «свое»...

Они, эти безыменные, вышедшие из трудовой семьи революционные борцы, понимали значение для революции проповедоваемых ими идей лучше, чем воцарившиеся за счет их труда и усилий верхи, заседавшие в Кремле... Они, эти безыменные борцы, с большим достоинством, чем их верхи, оценивали роль своих идей в революции. Поэтому они признавали равное право за каждым революционером проповедовать свои идеи. Они ценили жизнь этих людей... И поэтому их революционное чувство не могло не тревожиться за гнусные действия своих верхов в центре. Их совесть была беспокойна, ибо она была чиста по отношению к революции, порожденной и двигавшейся так или иначе всеми революционными идеями. А анархическая идея в этом смысле занимала чуть ли не первое место. Сознательные рабочие-революционеры не могли этого не сознавать. И поэтому, когда они услышали о гнусных деяниях своих вождей против анархистов, они болели за это их постыдное хамство.

С особой резкостью против разгрома анархистских организаций в Москве и преследования всюду активных анархистов (как о том сообщала большевистская печать) выступили товарищи Васильев и Тар. Рабочие большевики и левые эсеры с болью в сердце признавали право за анархистами на такие выпады против зарвавшихся их любимцев — Ленина и Троцкого. Мне же, отступившему из Украины, мне, которому приходилось в таких трудных условиях работать во имя торжества революции, которую теперь оседлали государственники и пытались задушить, мне было еще больнее, так как я предвидел последствия разгрома анархистских организаций: я предвидел, что теперь всякий неустойчивый и недоброкачественный элемент начнет перебегать из анархических рядов на сторону сильных, отрекаясь трижды от анархизма, и под диктовку сильных будет топтать и грязнить анархизм. Это вызовет еще большую дезорганизованность. Лучшие работники анархизма очутятся в ВЧК и за смелое утверждение высшей социальной справедливости и индивидуальной неприкосновенности человека умрут с великими мучениями по застенкам ВЧК.

Но не все то, о чем и думал во время выступления моих товарищей, я говорил на митинге. То был момент, когда я фанатически горел. Революция, выявление в ней анархического бунтарства и его творческих начал в деле практического социально-общественного строительства были для меня главными путеводителями. На этом деле я надеялся все-таки встретить если не всех, то громадное

большинство своих идейных товарищей в центре России. Мне казалось, что задача спасения революции поможет анархистам твердо стать на путь выявления тех творческих задач, которые анархизм поставил себе в этой чуждой буржуазно-республиканского либерализма русской революции. Я верил, что большинство анархистов будут жить надеждой если и не разрешить полностью эти задачи, то, во всяком случае, сроднить с ними трудящихся настолько, чтобы трудящиеся поняли эти задачи не в извращенном большевиками смысле и поспешили бы, в новой решительной борьбе за свое подлинное освобождение, разрешить их вместе с анархистами, так как от своевременного и правильного их разрешения будет зависеть весь дальнейший процесс революционного продвижения вперед на пути творческих достижений освободительного движения трудящихся. Поэтому, выступая перед рабочими сарептовских лесопильных заводов, я останавливался, главным образом, на мысли найти общий революционный язык с широкой массой революционных тружеников, осадить зарвавшихся Ленина и Троцкого и призывать к спасению общими усилиями революции, с одной стороны, изнемогавшей под ударами организованной контрреволюции, а с другой — задыхавшейся в петле новой государственности.

Рабочие все были на моей стороне. Ни один из большевиков не протестовал, кроме провокаторов, донесших об этом нашем выступлении в Царицынский революционный комитет...

После этого митинга рабочие обещали устроить еще ряд собраний и просили нас прийти и выступить с продолжением того, что мы затронули на этом митинге. Но нам больше не удалось посетить этих рабочих. На другой же день после митинга на станцию Сарепта прибыл мадьярский большевистский конный отряд из Царицына и, оцепив эшелон артиллерийской базы, предложил командиру эшелона Пашечникову «выдать ему всех анархистов, которые, по их сведениям, пробираются в этом эшелоне в Царицын». Мандат на арест анархистов был подписан командиром Царицынского фронта Гулаком и, если не ошибаюсь, председателем революционного комитета Мишиным.

Командир нашего эшелона заявил скороиспеченным мадярам коммунистам (они все были пленные солдаты австро-венгерской монархической армии): «Под моей командой нет никакой анархической организации. Артиллерийская база обслуживается революционной прислугой, убеждений которой я не знаю, но знаю, что прислуга эта достойна звания революционеров, и с ней я пробираюсь на Воронежский фронт».

Коммунисты-мадяры тотчас же выстроились в колонну и, рассчитавшись по порядку номеров, уехали обратно в Царицын.

Мы все недоумевали: почему они так быстро снялись? Потому ли, что командир своим ответом их удовлетворил? Или потому, что как раз в это время на станцию Сарепта начали прибывать эшелоны чехословаков, которые держали направление на Сибирь и которых красное командование свободно пропускало, не подозре-

вая, что они объединятся с контрреволюцией Колчака и окажут ей помощь в борьбе против революции?

С чехословаками мадьяры ссорились, когда были еще на положении пленных; а теперь, когда и те, и другие были вооружены, они, видимо, как следует поскандалили бы.

Я лично считал, что коммунисты-мадьяры поспешили оставить наш эшелон в покое по случаю прибытия чехословаков, ибо ответ командира нашего эшелона, как он ни был хорош по тону, не мог удовлетворить тех, кто имел в руках мандат для ареста анархистов. Этот ответ оказался удовлетворительным для них только тогда, когда прибывавшие чехи, увидя мадьярские шапочки, начали кричать, гикать и свистать на них.

Через сутки после посещения нас коммунистами-мадьярами мы тоже оставили приветливую Сарепту и прибыли в Царицын. Здесь мы расстались с эшелонам артиллерийской базы, ибо надеялись встретиться с анархистами и узнать о действительном положении революционных дел вообще в стране.

Командир и команда эшелона очень грустили. Многие из команды, как и сам командир, хотели бы, чтобы мы вместе с ними продвигались далее, к Воронежу, а там и на фронт. Но многие из нас решили в Царицыне разбиться по два-три человека и разъехаться по своим организациям, если таковые еще уцелели по городам. Мы простились с командой эшелона и, заручившись разрешением в первые дни, пока мы не найдем себе квартир, а эшелон будет стоять на станции, приходиться к нему на ночь спать, разошлись по городу.

Царицын был, видимо, в какой-то тревоге: возле Совета пост с автоброневиком; к революционному комитету трудно подойти, стоит усиленная охрана. Красные сыщики, в то время еще не столь опытные, но уже многочисленные, всюду снуют, что-то обнюхивают, кого-то как будто ищут.

Казалось, над городом нависли черные тучи грозы. Многие мои дорожные товарищи, мне не известные, но называвшиеся анархистами, были в недоумении: что бы это значило, что царицынские революционные власти так себя охраняют, что трудно добраться до них?..

Всюду: по паркам, в столовых, возле вокзала и в других общественных предприятиях — слышен разговор о герое, не позволившем себя разоружить соплякам, которые сидят в городе, словно кем-то избранные боги.

В чем дело? Это нас интересует. Начинаю ближе и серьезнее прислушиваться. Начинаю расспрашивать, кто этот герой.

— Да какой-то сибиряк Петренко! — отвечают мне. — Наши правители, никем не избранные, захотели показать, что они сильная власть и могут все сделать. Они выехали навстречу какому-то красногвардейскому отряду под командой сибиряка Петренко. Так он вот какого задал перцу нашим правителям!.. Ну, вот они, кто остался целехоньким, прибегли и весь город взбунтовали: го-

ворят, пишут, кричат на митингах, что этот сибиряк Петренко идет боем на Царицын. Нужно-де его обезоружить...

Зная отряд Петренко, а также то, как власти по линии Северо-Кавказской железной дороги поступают с каждым красногвардейским отрядом, я в живых чертах представил себе весь рассказ обывателей Царицына. А через сутки жители Царицына и облежавших его поселков-хуторов пережили на себе столкновение красногвардейского отряда Петренко с царицынскими красными правителями и их красноармейскими частями.

Глава VII

БОЙ ОТРЯДА ПЕТРЕНКО С ЦАРИЦЫНСКОЙ ВЛАСТЬЮ. ХИТРОСТИ ВЛАСТИ И АРЕСТ ПЕТРЕНКО

Как известно из первой книги моих записок («Русская революция на Украине»), красногвардейский отряд под командой Петренко отступил (под натиском немецко-австро-венгерских армий) от красного фронта мелитопольского направления самым последним.

Этот отряд последним отступил и из-под Таганрога. Отряд был боевой и числился в рядах первых по боеспособности красногвардейских отрядов, какими были анархистские отряды под командой Мокроусова, Марии Никифоровой, Гарина и большевистские под командой Полупанова и Степанова. Теперь отряд Петренко по примеру многих отрядов направлялся на другие красные фронты. По непроверенным данным, Петренко был из Сибири и получил разрешение из центра переброситься на Сибирский красный фронт, против контрреволюции генералов Дутова²¹ — Колчака²².

Но власти «Царицынской Советской Республики» приказали разоружить его еще в пути, до Царицына. Отряд Петренко не подчинился этому приказу и, разбив высланные против него красные части, подошел к Царицыну в надежде выяснить недоразумение, тормозящее его передвижение вперед, и поехать далее. Однако власти во главе с Мининим и Гулаком (Ворошилов тогда только подымался и многим не казался еще таким великим, как первые два, хотя он был уже тогда умнее и выдержаннее их) решили разоружить отряд Петренко во что бы то ни стало. Носились слухи, что военный народный комиссар Троцкий тоже был согласен на разоружение этого отряда. Это еще более ободряло царицынских правителей в их выступлении против отряда Петренко.

Но Петренко, как и его отряд в целом, сознавая за собою крупные революционные боевые заслуги на Украинском фронте против контрреволюции, не мог примириться с тем, чтобы их — ничем противореволюционным себя не запятнавших — имели право разоруживать те, кто до того времени революционного боевого фронта даже не видел, а со спокойной совестью сидел себе определенные часы в ревкомитетах, по городам, и подписывал не всегда для дела

революции полезные бумажонки, а в свободное время преспокойно прогуливался в парке или на катере по широкому раздолью Волги с одной-двумя «свободными работницами революции», как их называли грубоватые, но честные сотоварищи Петренко по оружию.

Поэтому отряд Петренко и на сей раз запротестовал против того, что власти приказали ему сложить оружие, и запротестовал так, как может протестовать революционный боец, веривший в идею солидарности равных, но увидевший власть и ее подлое поползновение оседлать революцию, загнать ее в чисто партийные рамки, кастрировать ее в интересах политического господства партии.

Отказ отряда Петренко сложить оружие перед властью Царицынского ревкома вызвал вооруженное наступление против него. Из города потянулись красноармейские части, которые всего несколько дней как сбросили с себя имя красногвардейских и как будто стройнее шли на бой, поддерживая престиж армейщины. За ними тянулись пулеметы, орудия. Жители города насторожились. Кто не знал, в чем дело, расспрашивал другого.

А контрреволюционная сволочь всюду рыскала в толпе и нюхала: не подошли ли казачьи белогвардейские отряды к Царицыну, не время ли начать в тылу революции свои грязные контрреволюционные делишки решительнее и более открыто. И когда эта сволочь узнавала, что казачьи белогвардейские отряды от Царицына слишком далеко, а бой затевается между своими, она хотя и радовалась, но решительность свою теряла и натягивала поплотнее свои маски.

Какая-то жуть охватывала нас, украинских революционеров, отступивших из Украины и надеявшихся встретить в России всех тружеников за прямым своим делом — за революционным строительством, свободным и самостоятельным, чуждым какой бы то ни было политической авантюры со стороны тех, кто подошел к ним под флагом социализма и на словах стремился помочь им избавиться от векового рабства. Мы встретили всюду ложь, приказы и окрики начальников, поддерживающих эту ложь.

Вооруженное наступление против отряда Петренко особенно подчеркивало торжество лжи над правдой, правдой, на основе которой трудящиеся с первых дней революции пытались закладывать фундамент своего нового свободного общества и с этой целью распределяли свои силы, группируя их в армии построения этого общества и защиты его. Хотелось броситься навстречу шедшим против отряда Петренко красноармейским колоннам и кричать: «Куда вы идете? Вас ведут убивать своих — тех, кто честно боролся на фронте революции и не по своей вине отступает с мыслью, чтобы с другой стороны, на другом участке ударить против контрреволюции...» Хотелось тем более остановить эти колонны, что они были в шесть-семь раз многочисленнее отряда Петренко и лучше вооружены. Однако то обстоятельство, что части уже наэлектризованы и двинулись с места, что их уже никто и ничто со стороны не может остановить, меня удерживало от вмешательства, и я с тя-

желой болью в душе постыдно остановился и стал в ряды нейтральных наблюдателей за черным делом власти: власти новой, рожденной и воспитывающейся под влиянием «социализма»...

Царицынские красноармейские войска проходили уже Северо-Кавказский вокзал Царицына, вытягиваясь по направлению хутора Ольшанское, где остановился эшелон с отрядом Петренко. Казалось, они его сотрут. Но... закаленные в длительных боях с отрядами Центральной рады и немецко-австро-венгерскими армиями, рабочие и крестьяне отряда Петренко верили в свою правоту, и эта вера вселяла в них дух стойкости революционных бойцов, держащих в своих руках оружие не по принуждению, а добровольно и во имя подлинного освобождения трудящихся.

«С этой здоровой мыслью, — говорили мне впоследствии бойцы из отряда Петренко, — мы шли на фронт против контрреволюции Украинской Центральной рады и ее союзников — немцев, мадяр и австрийцев. С этой же мыслью мы решили встретить и людей, продавшихся власти, шедших нас здесь убить».

Я наблюдал начало боя. Я видел, как отважно сражались обе стороны. Видел также, что на стороне отряда Петренко было все население хутора Ольшанское и прилегающих к нему других хуторов. Оно возило воду, хлеб, соль отряду Петренко. Оно собирало винтовки и патроны для него, все время и вовремя ставя его в известность о том, откуда его обходят и откуда могут обходить войска власти.

Я видел, наконец, как отряд Петренко, в 6-7 раз уступавший числу своих убийц, обратил этих последних в бегство, заставив бросить не только подбитые автоброневики, но и целые — с ранеными и убитыми бойцами.

Однако отряд Петренко, как и сам Петренко, этим выгодным для себя положением не воспользовался. Как революционный отряд, до сего времени действовавший в солидарности с революционной властью, он хотел от нее только справедливого разрешения случившегося; или если она стыдится разрешать в справедливой форме то, что сама же натворила, то от нее требовали только открыть отряду свободное продвижение через Царицын в требуемом направлении.

Тогда власти прибегли к иезуитской хитрости: они предложили переговоры отряду Петренко. А когда переговоры приближались к концу и Петренко нечего было уже остерегаться (как утверждали бойцы из его отряда), власти схватили Петренко и заточили в тюрьму, а от отряда потребовали якобы даже за подписью самого Петренко сложения оружия. Этот иезуитизм царицынской власти помог ей обезоружить отряд и, раздробив его, влить в красноармейские части, некоторое время не давая разбитым по частям бойцам оружия на руки.

* * *

Как раз в то время, когда Петренко был схвачен и посажен в тюрьму, а его отряд обезоружен и разбит на группы по вернопод-

данническим красноармейским частям, находившимся в эшелонах на Северо-Кавказском царицынском вокзале, я посетил некоторых из этих бойцов с целью разузнать о характере переговоров, которые велись после боя их с властью, а также о судьбе арестованного их командира. Бойцы эти знали меня еще из Украины: вместе с ними я и мои товарищи Гуляй-Польцы отступали до Таганрога. Они не ожидали от меня злонамеренных подходов. Они знали, что я анархист-коммунист, и были откровенны в своих разъяснениях сути дела.

Все они с особой радостью рассказывали мне о том, что они переживали на Украинском фронте, когда боролись под высшим командованием Антонова-Овсенко против нашествия контрреволюционных немецко-австро-венгерских армий и отрядов Украинской Центральной рады, которая действовала на Украине против тружеников, творивших революцию. При этом радость их иногда соединялась с чувством счастливого удовлетворения и сознания, что они, труженики села и города, поняли наконец, что освободить себя они могут только силою оружия и сами своею твердостью воли и смелостью непосредственных действий в осуществлении своих целей. Но когда речь переходила на их настоящее положение, на положение уважаемого ими всеми их командира Петренко, радость на их лицах быстро исчезала. Некоторые, понуриив головы, замолкали. Другие с горечью рассказывали мне, что к их отряду власти начали придираться от самой станции Тихорецкая. Придирки эти выражались в саботаже своевременной отправки эшелона, в несодействии закупке провианта, в несмелых, но понятных намеках на то, что отряды, вышедшие из Украины, не могут двигаться вооруженными по России: они должны разоружиться, объявив себя беженцами, и т.д.

— Для нашего отряда, — говорили они, — хотя он и состоит в большинстве из украинцев, крестьян и рабочих, а не русских, такое отношение революционных властей было крайне обидным. Ибо мы прежде всего — революционные труженики. Мы взяли в руки оружие и боремся за революционные цели тружеников. И нам казалось, что мы имели право ехать по революционной стране, не складывая оружия, тем более что наш командир Петренко ходатайствовал перед высшим командованием о том, чтобы последнее разрешило нам переброситься в Сибирь против генералов Дутова — Колчака, и высшее командование якобы не против этого.

— А правда ли, что ваш командир — житель из Сибири? — спросил я у бойцов.

— Родственники его переселились якобы в Сибирь, на поселение. Сам Петренко и его отец живут на Украине. Многие из нас его знают, — ответили мне мои собеседники.

— А что грозит ему? — спросил я их.

— Нам объясняют, что он будет освобожден. Но мы этому не верим и думаем, что, как только получим на руки оружие, мы употребим все свои силы, чтобы освободить его.

Произнесший эти слова повернулся к своим товарищам как бы за подтверждением, и его слова были подхвачены хором:

— Да, мы не остановимся ни перед чем, когда мы будем вооружены. Наш Петренко должен быть с нами. Это наша гордость. С ним мы пойдем на самый опасный фронт против контрреволюции.

— Вы, — говорили мне мои собеседники, — были с нами на Украине, кажется на станции Царевоконстантиновке. Вы видели, что все чисто большевистские отряды почти первые бежали из этого боеучастка, боясь быть отрезанными немецкими отрядами. А мы оставались на фронте. Наш Петренко сказал нам, что немцы отрезали под Бердянском анархический отряд матроса Мокроусова. Мы старались втянуть в дело все проходившие мимо нас отряды, чтобы помочь Мокроусову выбраться из кольца. И хотя нам не удалось это выполнить, мы оставались на фронте до последней минуты, пока можно было. За это время мы точно выяснили, что отряд Мокроусова прорваться в направлении, куда отступают все красногвардейские отряды, не может, и поэтому грузится в Бердянском порту на баржи и будет к Таганрогу отступать по морю. Когда наш Петренко получил точные сведения, что Мокроусов уже погрузился и благополучно отчалил из Бердянского порта, тогда только мы, петренковцы, снялись с фронта, на котором несколько дней оставались одни-одинехоньки, и направились по направлению к Таганрогу.

— Вы, товарищ комиссар, — обращались мои собеседники ко мне, зная меня по предъявленному мною еще на Украине, на станции Царевоконстантиновке, документу главным комиссаром временного Комитета защиты революции, — должны знать, чем занимались, в то время, когда мы оставались на фронте, такие хваленые большевистские, вперемежку с анархистами, отряды, как отряд матроса Полупанова. Он был далеко от фронта, в Мариуполе, и воевал с инвалидами-фронтниками, которых вся вина была в том, что они выявили свое недовольство революционной властью, отказавшейся заботиться об этих калеках — жертвах преступного самодержавия. И вот этот, сомнительный в смысле революционной чистоты красногвардейский отряд находится на почетном месте у революционной власти. С ним так подло власти не поступят, как поступили с беспартийным революционным героем Петренко и его отрядом!

Этот выкрик рядового бойца из отряда Петренко был стоном души всего отряда. Тяжело было дальше говорить с этими безымянными носителями идеи самодетельности, которая зашевелилась в проснувшейся от векового рабства широкой массе трудящихся села и города. За ним, за этим стоном, скрывалось слишком много гнева массы против всех, кто не может или может, но не хочет ее понять.

К тому же бойцы, услышав сигнал к обеду, начали прощаться и спешно уходить на обед. Лишь один из них положил мне на плечо руку и на ходу подавленным голосом, волнуясь, сказал мне:

— Не говорите ни с кем на стороне о том, что вы услышали от нас. Время опасное, нас преждевременно могут, как кур, перестрелять...

— Я, конечно, нигде об этом не заикнусь, — ответил я наивному красногвардейцу. — Но советую вам всем быть осторожными. И если вы думаете силою освободить своего командира из тюрьмы, вы должны точно выяснить, что именно ему грозит, а затем уже, когда узнаете, что обезумевшие власти хотят над ним потешиться, думаю, расстрелять, то вы должны выяснить, как ваш командир охраняется и какие шансы могут быть у вас на то, чтобы его сейчас же вывезти из Царицына. Ибо ваши действия на этом пути могут принести слишком большой вред и самому Петренко, и вам в особенности, если они окажутся несвоевременными и недостаточно решительными.

— Спасибо за совет, — сказал мне на все это красноармеец Б., — но я должен вам сказать, что мы и не думаем о том, чтобы, когда освободим Петренко, вывезти его сейчас же из Царицына. Мы думаем, что мы теперь не остановимся перед тем, чтобы весь город занять; и мы это сделаем, как только наш боевой командир Петренко будет нами освобожден. Мы знаем теперь настроение в царицынском гарнизоне, знаем его и среди тех красноармейцев, с которыми мы находимся. Мы уверены, что эти красноармейские части, среди которых мы находимся, мы разоружим в тот момент, когда выделенный из нас отряд пойдет за Петренко. Это все уже обсуждено и рассчитано.

— Я не верю в успех вашего дела, — заметил я своему собеседнику. — Я убежден, что вы провалитесь на этом деле уже по одному тому, что вы ставите задачей занятие города, вместо того чтобы отважно налететь на тюрьму, где Петренко сидит (об этом вы должны точно узнать), и, забрав Петренко, сейчас же переправить его с пятью — десятью товарищами-красногвардейцами (наиболее надежными) через реку Волгу или в другие отдаленные от Царицына места... Этого от вас требует и долг по отношению к Петренко, которого вы все поддерживали в его отказе сложить оружие перед царицынскими властями, и по отношению к революции, знамя которой вы не опускаете, а думаете с ним идти еще смелее вперед...

Красногвардеец несколько смутился моим замечанием и растерянно глянул на меня, а затем, тесно прижав мое плечо к своей груди, сказал:

— Я с вами, товарищ, очень откровенен, и это потому, что я в вас уверовал... Вы помните меня? Я на станции Царевоконстантиновка (еще на Украине) держал вашу голову на своих коленях, когда вы отдыхали... Правда, тогда я заботился о вас не по своему желанию; мне это было поручено нашим взводным, который видел ваши документы (когда их смотрел сам Петренко); он знал, кто вы, и он приказывал всем красногвардейцам того вагона, в котором вы поместились, чтобы вам место было и чтобы все держали себя

с вами, как подобает революционным бойцам. Так я говорю вам, товарищ, я в вас уверовал и откровенен с вами. Будьте же и вы таким, скажите мне чистосердечно: вы оправдываете царицынские власти в том, что они повели переговоры с нами, а в конце, когда наш отряд должен был обратиться ко всем отрядам и населению Царицына и округа с пояснением, что столкновение между ним и революционной властью произошло по недоразумению, что контр-революционеры не могут питать надежды на то, чтобы, пользуясь этим столкновением, развивать свое черное дело против революции и т. д., — они, эти непрошенные властители, провокаторским образом схватили Петренко и, при помощи поддельных его подписей, повлияли на отряд, так что он допустил к себе их силы и дал им разоружить себя?.. Вы оправдываете это подлое дело власти?.. Скажите мне чистосердечно... Меня просили мои товарищи спросить вас об этом.

На все это я ответил:

— Я не только против черного дела по отношению Петренко и всего вашего отряда со стороны царицынских властей, я против самое власти также... Но задуманное вашим отрядом дело — слишком ответственное дело. Белогвардейцы по всему фронту гонят красные войска Кубано-Черноморской Советской Республики²³. Из под Ростова-на-Дону красные войска отступают тоже. Насколько верно (власти это скрывают), на Царицынском боеучастке фронта революции тоже тревожное состояние. И если ваш отряд совершит нападение на Царицынский революционный комитет, на штаб фронта, он, очевидно, всех там перебьет, не рассуждая о том, удержит ли он Царицын в своих руках и не поколеблет ли этим своим действием фронта против казаков, который и без того шаток. Революционеры должны все это учесть. В противном случае все неудачи на фронте против казаков будут связаны с вашим действием против царицынских революционных властей. Все труженики вас обвиняют в контрреволюционных намерениях и строго осудят... Это даст право властям при вашей неудаче перестрелять вас всех без всякого суда или опроса вас о том, что вас побудило на это смелое и открытое повторное действие против нее в столь тяжелый момент для фронта революции против контрреволюции... Поэтому мое искреннее и, как вы выразились, чистосердечное мнение может быть в данном случае только одно: если у вас в отряде есть дельные товарищи, которые полны отваги и сил, чтобы вырвать из тюрьмы Петренко или умереть вместе с ним (ибо если дело будет проиграно, то ни с этими людьми, ни с самим Петренко революционные власти возиться не будут, положение дел на фронте заставит их раз и навсегда освободиться от Петренко и от людей, покушающихся его освободить...), то я советовал бы вам всем действовать только через этих готовых на все товарищей и в направлении только освобождения и увоза из Царицына Петренко. В этом направлении на вашей стороне много шансов при условии, повторяю, если действия ваших людей будут своевременны и решительны...

— Гм... гм... А нам казалось дело освобождения Петренко, занятие города Царицына, разгон из него всех властей, которые так много наделали нам подлостей и против которых почти все население города и окрестностей, делом совсем легким, — медленно, уставшим голосом заметил мой наивный товарищ красногвардеец и тут же добавил: — Обо всем, что я сейчас говорил с вами и что вы ответили мне, я сегодня же или завтра, не позже, поговорю со своими близкими, и тогда мы подойдем к делу более решительно... Приходите завтра к трем часам на вокзал. Я вас буду ожидать с двумя хорошими своими товарищами Мы еще кое о чем посоветуемся с вами. Вы только не говорите, пожалуйста, об этом ни с кем на стороне...

Это были последние его слова о «деле». Он стиснул мне руку своей крепкой крестьянской мозолистой рукой и, тяжело вздохнув, с тоскливой улыбкой повернулся и ушел...

Я долго смотрел ему вслед, ожидая, что он оглянется. Но вспомнив, что *украинские крестьяне всегда и везде одинаковы в своей прямоте*, я пошел, также не оглядываясь, в своем направлении.

* * *

По дороге я продумал все слышанное из уст красногвардейца и ощущал сильную боль на сердце за все, все!.. И в первую очередь за то, что мы, анархисты, так бесшабашны в смысле организованности... Это делает нас такими беспомощными в смысле влияния на ход революционных событий в стране, что становится стыдно... Стыдно мне было не только перед широкими трудовыми революционными массами, которые в настоящей революции видели средство к их подлинному освобождению от экономического и политического рабства, но и перед самим собою. Я вполне отчетливо сознавал, что в настоящей революции можно будет лишь создать *подлинные средства* для такого освобождения тружеников. И нужно было питаться глубокой верой и порожденными ею надеждами, что анархисты опомнятся и проявят себя в этой области так, как этого требует время, чтобы преодолеть в себе ощущение этой боли.

Ведь будь мы способны организованно войти в ряды трудящихся и оказывать им в их прямых действиях в тылу и на фронтах за революцию надлежащую организованную помощь, то разве воцарившаяся за счет этих борющихся масс большевистско-левоэсеровская власть позволила бы себе заниматься совершенно безнаказанно такими черными делами, как присвоение себе права по своему усмотрению одних революционеров разогнать, другим запретить иметь свое мнение о ней, третьих под всевозможными предлогами обезоружить, расстрелять? Никогда, ни за что! При всей силе соблазненных ею латышских, китайских и мадьярских штыков, эта власть не осмелилась бы так подличать по отношению к революции, питающей свое широкое русло всеми революционными идея-

ми, всеми на них воспитанными и ими созданными трудовыми силами...

Размышляя об этом, я вдруг почувствовал острую тоску по Гуляй-Полю, по его трудовому революционному району, который теперь был занят настоящими палачами революции на Украине: немецко-австро-венгерским юнкерством и бандами Украинской Центральной рады. Я мысленно, по тем отрывочным сведениям, которые получал из Гуляй-Польского района, будучи еще в Таганроге, представлял себе дикий разгул этих палачей. Все это еще сильнее помогало мне чувствовать справедливое возмущение красногвардейцев-петренковцев деяниями царицынских революционных властей против как самого Петренко, так и его боевого революционного отряда.

Однако планы этого отряда освободить Петренко, занять город, разогнать из него всех представителей власти, что, по моему мнению, могло быть успешно осуществлено лишь при поголовном уничтожении сопротивлявшихся, эти планы петренковского отряда меня тревожили. Зная бойцов этого отряда, видя их и беседуя с ними, я ничуть не сомневался в том, что они, если решат действовать, будут действовать, как львы, с убеждением, что они борются за цель, за которую не жаль и умереть. Но цель эта, по моему мнению, должна была создать для них такие условия, из которых им было бы не выбраться: они все погибнут с запоздалым резким осуждением самих себя.

Поэтому я, учитывая все те опасности, какие могли обрушиться на меня за мое посещение петренковцев, решил все же во что бы то ни стало видеться с ними на другой день в условленные часы и еще раз подчеркнуть им, чтобы они поспешили лишь освободить из тюрьмы Петренко и увезти его подальше от Царицына, не думая о бессмысленном занятии всего города и о сведении счетов с его правителями...

На такое решительное отговаривание петренковцев от их планов занять город и посчитаться с его правителями — помимо того, что в этих планах петренковцев я видел несбужденную жажду мести, бессильную оправдать себя, — меня толкало еще и то обстоятельство, что я в этот же день наткнулся на Ворошилова, в то время создававшего 10-ю армию. Он выступал перед массой портовых рабочих, освещая им положение Царицынского фронта революции против контрреволюции. По речи, чисто деловой, но сильной речи Ворошилова, я понял, что на фронте революции неудачи, что его нужно поддержать свежими силами. Я тут же выступил после речи Ворошилова и осветил этим труженикам то, что творят немецкие юнкера и отряды Украинской Центральной рады над революционными украинскими тружениками. Я тоже призывал их оказать помощь вооруженному фронту революции против казаков, которые своей ближайшей задачей ставили занятие Царицына, как центра группирования революционных сил.

Помнится, Ворошилов тогда имел большой успех. Рабочие вынесли резолюцию, что они пойдут на фронт...

Итак, нарисованное Ворошиловым на митинге портовых рабочих тяжелое положение на Царицынском фронте усилило во мне решение во что бы то ни стало отговорить красногвардейцев-петренковцев от мысли нападения на революционный комитет и Совет рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов Царицына с целью овладения городом и разгона, как петренковцы выражались, засевших в нем правителей. Поэтому на другой день в указанный час я был на месте. И когда красногвардейцы-петренковцы встретились со мной (их было на сей раз пять человек), я без стеснения заявил им, что я серьезнейшим образом обдумал их планы и нашел их никуда не годными, а последствия их выступления вредными для нашего общего революционного дела.

Я объяснил им положение на Царицынском фронте, пояснил, какой удар этому положению они нанесут своим выступлением в городе, и упорно настаивал при этом, чтобы они и сами высказались по этому вопросу.

В конце концов петренковцы сказали мне:

— Мы долго обдумывали то, о чем вы вчера говорили с Алексеем, и считаем, что вы правы. Мы решили, что нельзя нам делать то, что и не под силу, и может оказаться непоправимо вредным для всех нас, для нашего общего дела и революции... На этом мы определенно остановились... Но мы не покидаем мысли о нашем командире, Петренко. Мы хотим его освободить. У нас есть люди, которые рискнут на все, и они к этому готовятся. Беда лишь в одном, что нам до сих пор не выдают на руки оружия. Мы до сих пор болтаемся среди вооруженных без оружия, хотя представляем часть вооруженных.

На мой вопрос, ходите ли вы к Петренко на свидание, я получил ответ: *«Этого нельзя делать: нам говорят, что над ним скоро будет формальный суд, после чего он будет освобожден... Мы этому не верим. Поэтому мы выделяем людей, чтобы освободить его силой»*.

— Вот об этом, на мой взгляд, вы должны позаботиться: освободить Петренко от казни — ваш прямой долг, и чем скорее вы его исполните, тем лучше будет для Петренко, да и вы будете спокойны за его жизнь.

На освобождении Петренко силою из тюрьмы я упорно настаивал. На мой взгляд, это могли сделать 8-10 человек даже без винтовок, а с револьверами и бомбами. А так как у петренковцев охотников на это дело было, по их уверениям, более двухсот человек, то дело обстояло еще лучше. Из этого количества можно было выбрать 10-25 человек самых дельных, и они бы все сделали... Это и советовал петренковцам. На этом я настаивал, так как считал сопротивление Петренко и петренковцев зазнавшимся революционным властям актом справедливости, которым они отстояли свою революционную честь. Наоборот, иезуитские переговоры этих властей с Петренко и затем предательскую западню для него, с помощью которой они уверили Петренко, что конфликт между ни-

ми совершенно ликвидируется и что он через день-два сможет свободно уехать на фронт, а затем схватили его и посадили в тюрьму, готовя для него смертный приговор, я считал хамской наглостью, свойственной именно подлым иезуитам. А ведь царицынские власти были революционерами в то время! И это возмущало меня; это побуждало меня советовать петренковцам взять своего командира силою оружия из-под стражи этих властителей, хотя бы это стоило больших жертв со стороны тюремных палачей.

В этом акте я усматривал лучшую и показательнейшую насмешку над властями, думающими тюремной стеной и решетками сбить с пути чувство долга и справедливости. Освобождение Петренко самими петренковцами убедило бы воочию царицынские революционные власти, что хотя по глупости, поддерживаемой подкупленными штыками, можно затеять все, что угодно, но сила долга и справедливости тех, против кого власти что-то обдумывают, могут всегда предотвратить то, что властями затевается.

Я слышал среди «революционных» кругов, отступивших из Украины вместе с центральной украинской Советской властью или под ее покровительством до Царицына и днем где-то вылеживавшихся, а с 4 часов пополудни появлявшихся разодетыми и подпудренными в царицынском парке среди публики, прогуливавшейся вокруг клумб, — слышал я в этих кругах разговоры о том, что Петренко давно расстреляли или если еще не расстреляли, то не сегодня завтра расстреляют...

Несколько раз я был у председателя революционного комитета Минина. Пытался заговаривать о Петренко с ним и его приближенными. Но в революционном комитете я ни разу не слышал таких авторитетных сведений о Петренко, как в «революционных» кругах царицынского парка. В революционном комитете я слышал всегда один и тот же монотонный ответ: «Петренко предается трибуналу. Какие будут решения трибунала, сейчас трудно сказать»...

В парке же от уставших на Украине в «тяжелой борьбе» (скорее всего с дамами, — тоже по паркам) «революционных» кругов, отдохавших теперь в гостеприимном для них Царицыне, я всякий раз слышал о Петренко хотя и меняющиеся, но зато более утвердительные сведения. Это говорило мне, что отдохавшие «революционные» круги гораздо лучше осведомлены о деле Петренко, — обстоятельство, которое увеличивало их престиж и давало им, как всем нахалам, право быть более смелыми в своих рассказах как о самом Петренко, так и о том, что над ним уже свершилось или если еще не свершилось, то *не сегодня завтра свершится*.

Все это меня, правда, только злило, но не говорило мне ничего определенного, на основании чего можно было бы дать петренковцам материал, который заставил бы их поспешить забрать Петренко из-под стражи.

Я советовал им спешить с этим делом, и они приняли мой совет во внимание. Они спешили. Но... власти их опередили. Петренковцы, разбитые по группам и влитые в другие, чуждые по духу

красноармейские части, были высланы на фронт... а Петренко был убит в подвале чеки!.. И, характерно, убит он был не как красный командир, не подчинившийся красным правителям, по глупости своей требовавшим от него сложения оружия, а как злостный контрреволюционер.

Для меня этот позорный акт революционной власти был настолько злостным по отношению и к самой революции, и к чести носителей ее идей, что я не находил ему никакого оправдания и на минуту усомнился в том, что эта власть преследует вообще какие бы то ни было революционные цели...

Этот позорный акт царицынской революционной власти, акт, клеймивший Петренко злостным контрреволюционером, запечатлелся в моей памяти с такой же силой, как акт агентов немецкого юнкерства и Украинской Центральной рады в Гуляй-Поле в апреле месяце (см. первый том моих записок), хотя эти акты позора, по существу, несравнимы. Но оба они всегда терзают мою душу, напоминая мне о том, что они были и что имеется почва для их повторения.

Глава VIII

ВСТРЕЧА С ЛЮДЬМИ ИЗ «РЕВОЛЮЦИОННЫХ» КРУГОВ

Часть коммунаров, из-за встречи с которыми я отстал от Б. Веретельника (с ним я должен был посетить Москву, Петроград и Кронштадт), прибыли недели полторы тому назад в Царицын и, не выгружаясь из вагонов, переезжали с одного вокзала на другой: постоят день-два в одном тупике, а затем их перегоняют в другой. Они, мои близкие, дорогие, за которыми я гнался из Таганрога и след которых потерял в Ростове-на-Дону, они теперь в Царицыне.

Кто-то из «революционных» кругов, отдыхающих в Царицыне, видел кого-то, кто сказал, что Гуляй-Польские коммунары тоже здесь.

Бегаю, словно угорелый, ишу этого «кого-то»...

С трудом напал наконец на след — не своих коммунаров, нет! — на след этого «кого-то». В парке среди прогуливающихся «революционных» кругов, отдыхающих в Царицыне, я нашел кой-каких осведомленных лиц. Я подробно расспросил их о том, не знают ли они, кто из них видел Гуляй-Польских коммунаров здесь и где именно?

Мне ответили: Гуляй-Польских коммунаров видели здесь люди из «революционных» кругов. Подробности можно узнать лишь завтра на базаре-толкучке. И тут же указали мне, где я могу найти этот базар.

Поблагодарив любезных представителей «революционных» кругов, я пошел к себе в отель. По дороге я подумал: лучше всего

сейчас же разыскать этот базар, чтобы утром идти туда прямо, не затрудняя ни себя, ни милиционеров расспросами.

Пошел и нашел.

В отеле я встретился с александровскими людьми. Они принадлежали тоже к «революционным» кругам. Из них женщины торговали своим телом, а мужчины получали от Царицынского Совета для себя и для этих женщин бесплатные номера в отеле и занимались какой-то другой профессией — какой, за один вечер трудно было определить. Среди этих представителей «революционных» кругов нашлось много таких, которые меня узнали. Они видели меня в январские дни в городе Александровске в революционном комитете на могиле видного большевистского работника, убитого в те дни из пулемета в Александровском революционном комитете. Эти люди напомнили мне даже некоторые подробности, например после кого я на этой могиле выступал (мы, анархисты, как члены революционного комитета, принимали участие в похоронах этого молодого, но славного большевистского работника, нашего сотоварища в Александровском революционном комитете). Такие данные этих людей обо мне привели меня к мысли, что я встретился действительно с людьми революционных кругов, несколько поопустившимися вследствие тяжелых условий. И я, не задумываясь, набросился на них с расспросами о том, не видели ли они здесь кого-либо из Гуляй-Польских коммунаров. Как же, видели и даже ели у них вареники, получил я в ответ.

И эти люди рассказали мне, что на берегу реки Волги, на одном из тупиков линии железной дороги, стоят эшелоны с беженцами.

— Мы там были и наткнулись на Гуляй-Польских коммунаров, которые варили на треножниках, в больших чугунных казанках, вареники с сыром. Эти вареники нас заинтересовали, и мы обступили костер, где они варились, а потом попросили попробовать вареников, нам их и дали.

— О, чудные вареники! — кричал один.

— Я хотел их все закупить для наших людей, так не продали, сказали: мы не продаем, — кричал другой.

Это повествование о людях, с которыми я вместе рос, долгие годы жил под гнетом самодержавия, от которых затем был оторван тюрьмой, каторгой и с которыми снова встретился в дни революции на деле организации сельскохозяйственных коммун, это повествование сорвало меня с места. Я упросил одного из рассказчиков сесть со мной на извозчика и поехать к тому месту, где он ел вареники у Гуляй-Польских коммунаров. Упросил я его с трудом. По общему мнению, именно он был наиболее свободен в 12-м часу ночи. Остальные были чем-то особо важным заняты.

Вышли из отеля, прошли саженей с тридцать, взяли извозчика, поехали к пароходным пристаням. У места подъехали к одному эшелону, соскочили, разбудили в одном из вагонов спавших беженцев. Спросили, откуда? Оказались не те, кого ищем. И так к другому, третьему, четвертому эшелонам. Всюду нас бранили, но

мой проводник знал все дневные и ночные порядки Царицына: он по-чиновничьи покрикивал на ругавших нас, разбуженных нами беженцев, и те умолкали. В четвертом эшелоне нам сказали, что Гуляй-Польские коммунары вчера переведены куда-то на другую линию. Но мы дальше не могли уже их разыскивать. Человек из революционных кругов предупредил меня, что он должен спешить обратно в отель, он должен приготовиться к базару. Поэтому мы возвратились в отель.

По дороге в отель я уговорился со своим проводником, чтоб вместе с ним пройтись на базар, и уже не заходил к людям из «революционных» кругов — людям, имевшим право всю ночь жечь свет в номерах, орать как кому вздумается, и прочее. Я зашел в свой номер, заперся и лег прилечь.

* * *

Наутро я поднялся, сбегал в столовую позавтракать и заполнил пропущенную часть дневника. Затем поднялся к людям из «революционных» кругов, узнал, когда мой ночной проводник пойдет на базар, вышел во двор, сел на скамейку и начал поджидать его. А когда он вышел с какими-то пачками под руками, мы пошли на базар.

Базар наполовину уже собрался. Мой проводник быстро присел возле одного торговца, по виду тоже из «революционных» кругов, но который, как более практичный, успел уже откупить себе на базаре постоянное место и раскладывал на нем всевозможные товары. Товары были различные: здесь лежали мужские и дамские шляпы, часы, ботинки, портмоне, очки и пенсне, всевозможные — правда, в небольшом количестве — парфюмерные товары.

Мой проводник быстро развернул свои пачки, вынул из них свои товары. Они заключались в мужских и дамских кожаных и парусиновых поясах, подтяжках, различного качества и величины цепочках и браслетах. Он обвешал себя ими и сказал мне:

— Пока до свидания. Мне нужно поторговать. А вы поищите здесь людей, которые, вероятно, знают, где ваши Гуляй-Польцы.

Я не удержался и спросил своего проводника:

— Да вы что, и в Александровске торговали этими вещами?

— Что вы, что вы! В Александровске мы работали в продовольственной управе... Эти товары мы приобрели в Ростове во время отступления. Мы как знали: на них здесь большой спрос, мы их сбываем, — ответил мне, не краснея и не смеясь, мой проводник.

Я смутился. Бывший мой проводник, сейчас торговец «красивым трудом» приобретенными, пусть даже у грабителей буржуа, товарами, заметил мое смущение и поспешил меня подбодрить следующими словами:

— Вы, товарищ Махно, смущаетесь, что видите меня торговцем... Теперь такое время. Все наши, отступившие от контрреволюции, этим занимаются...

— Тем позорнее для них, — сказал я ему.

— О, что с вами, товарищ Махно, — говорит, — вы не хотите подумать, как жить. Вы думаете, легко здесь жить? Э-э-а, это не дома. Если бы мы здесь не трудились, мы были бы голодны и оборванны уже, как жулики. А впрочем, поговорим об этом после... Сейчас некогда, нужно подработать. До свидания! Ищите здесь знающих, где ваши коммунисты, — заключил мой бывший проводник и исчез в базарной толпе.

«Вот так революционные люди», — думал я в ту минуту. Но думы мои быстро сменились новыми впечатлениями. Мне на глаза начали попадаться десятки людей из «революционных» кругов с разнообразнейшими товарами на руках и на плечах. Всех их я видел раньше в царицынском парке обсуждавшими ежедневно вопросы о революции, о ее успехах и поражениях на многочисленных фронтах борьбы против вооруженной контрреволюции...

Среди встреченных мною на этом базаре новых торговцев из «революционных» кругов я видел многих, которых до Царицына встречал среди большевиков, социалистов и анархистов. Это причиняло мне глубокую боль, мне, веровавшему в революцию как в единственное средство освободить трудящихся от власти капитала и государства, мне, до фанатизма зараженному верой, что в момент революции все угнетенные примут посильное участие в той или иной области и этим самым помогут ей проявить себя в подлинном трудовом народном духе и творчески завершиться без политических уклонов, без смертельных поражений... И я страдал болью этого фанатика революционера-анархиста. Но в то же время я был счастлив этой встрече с торговцами из «революционных» кругов, отступавших из Украины и нашедших себе отдых с правом торговли всем и вся в гостеприимном Царицыне. Я был счастлив потому, что не видел среди них ни одного из своих братьев по классу: крестьян.

Эти люди в большинстве своем были ремесленники, мелкие лавочники, еврей-торговцы, всякие полубуржуа, а в меньшинстве — оторвавшиеся от своего прямого дела в революции рабочие или по крайней мере бывшие рабочие. Ни одного крестьянина среди этих людей из «революционных» кругов не было. И это действительно поддерживало меня морально. Это делало счастливым меня, верившего в крестьян и надеявшегося с ними еще и еще раз выпрямиться во весь рост в практическом деле революции и сразиться с врагами ее.

Среди всех этих людей я встретил наконец человека, который видел моих «коммунистов» (как он выразился) закупавшими на этом базаре продукты. Этот человек был тот самый, который привел меня на базар и час тому назад убежал от меня. Теперь со стыдом, изменившим его лицо, он свернул свои товары и провел меня в одну из улиц, идя по которой и никуда не сворачивая я наткнулся на линию железной дороги, пролегающей над рекой Волгой. Здесь стояли вагоны, в которых помещались Гуляй-Польские коммунары. Еще не дойдя до места, я встретился с одним из коммунаров, Василевским, который и довел меня к месту.

ВСТРЕЧА С КОММУНАРАМИ, РАЗМЕЩЕНИЕ ИХ
НА ХУТОРЕ ОЛЬШАНСКОЕ И МОЙ ОТЪЕЗД ОТ НИХ

Никто из коммунаров не думал встретить меня в России. Все они знали, что сидеть без дела я не буду нигде. И все предполагали, что я вернулся уже на Украину, в свой родной район, и если не попался немцам, то что-либо готовлю для них ужасное, как для палачей революции.

Лишь моя подруга, милая Настенька — она была накануне родов, — и слышать не хотела о том, что я не постараюсь встретиться с нею перед родами. Она ожидала меня каждый день. Иногда она тосковала о том, что ее ожидания, по рассказам коммунаров, могут оказаться напрасными. Теперь ее ожидания сбылись. Теперь, оставив Василевского далеко позади себя, натянув шляпу и понунив голову, я подходил к вагонам, в которых жили коммунары, никем не замечаемый. И когда я подошел умышленно не к тому вагону, в котором помещалась моя дорогая, милая подруга, и сказал, обращаясь к коммунарам: «Как же вы, друзья, здесь поживаете?» — то все друзья, мужчины и женщины, и их подростки-дети, бросились ко мне, хватая меня в свои искренние, какие могут иметь только крестьяне, объятия и целовали меня. В это время из другого вагона выскочила моя подруга и за нею все другие коммунары, и радости всех нас не было предела...

Начали обмениваться новостями, какие кой-кто привез из Гуляй-Поля, из окружающих коммун, а также тем новым, что кой-кто пережил уже на пути отступления.

Первое, что я услышал от своих дорогих и близких, была новость (для меня) об их отъезде из коммуны номер 1 (Класенской экономии). Коммуна эта была расположена в 8 верстах от Гуляй-Поля. В дни переворота в Гуляй-Поле заговорщики захватили при помощи европейской роты дальнобойные орудия и, как раз в то время, когда коммунары грузились на подводы, чтобы вырваться из коммуны, открыли по коммуне ураганный артиллерийский огонь. Все думали, что к коммуне подошли немцы, и потому бросали все, что имели из одежды, и, под взрывами снарядов вытаскивали своих детишек, никогда не слыхавших такой бешеной артиллерийской канонады и кричавших, заглушая оханья, стоны и крики своих матерей...

Теперь все — и матери, и дети — смеялись, рассказывая мне об этом, но тогда они не сознавали, кто что делал, куда, кто и на что бросался...

Далее мои близкие рассказывали мне, как они отступали, с какими красногвардейскими отрядами, как панически покидали Ростов (они, оказывается, отступали в тот же день, что и я (из Ростова), где и как скитались после Ростова. Все их рассказы носили потрясающий характер.

— В дороге много наших друзей, — говорила за всех коммунаров одна женщина, — осталось. Не могли переносить того ужаса, какой выпадал на нашу долю в каждом городе при отступлении от немцев. Но мы, вот эти несколько семейств, решили держаться до тех пор, пока не узнали бы, где вы находитесь, Нестор Иванович, а потом поплелись бы все до вас, чтобы вместе с вами идти на свою батьковщину — отвоевывать ее широкие степи и богатые зеленые нивы.

Эти слова молодой коммунарки, окруженной тремя маленькими детками, меня сильно тронули. Но я старался никому не показывать этого и ограничился на сей раз утверждением, что ни один из нас не должен и не будет здесь болтаться без дела: все пойдем на вооруженный фронт революции, чтобы спасти ее, ибо только через революцию отвоюем мы те широкие украинские степи и богатые зеленые нивы, на которых теперь торжествует пьяное немецко-австро-венгерское юнкерство со своими подлыми лакеями — отрядами Центральной рады, и о которых только что говорила Мелаша.

Далее я узнал от коммунаров, что и они попользовались кое-чем из награбленного в Ростове. Красногвардейцы большевистского отряда под командой матроса Степанова снабдили их соломенными шляпами.

Говоря мне об этом, коммунары знали, с какой болью я буду выслушивать их. Они знали, что я наброшусь на всех них, буду много говорить им о том, как все это нереволуционно; о том, как вредно для чувств революционера, когда он сознает себя таким; о том, что, взяв себе чуть не в разгроме магазинов приобретенную шляпу, каждый из них показывает погромщикам, что он тоже сделал бы, что он вполне с ними солидарен на этом пути. Но они не хотели ничего скрывать от меня. Они были честны с самими собою и хотели быть такими же честными со мною, которого привыкли видеть всюду первым *среди равных*. Они дорожили мною, они ценили не на словах, а на деле мое мнение именно потому, что я был для них равным. И они предпочли выслушать мои резкие нападки на всех, кто сознательно совершил недостойное революционера; они предпочли переболеть из-за этого душою вместе со мною, так же как и я... Они рассказали мне все... А после среди них нашлись такие, что поломали эти соломенные шляпы и выбросили из вагонов.

Теперь коммунары посмелели. Я предложил им покинуть вагоны и переселиться в квартиры где-либо близ города. Согласились. Мы — я, товарищи Александр Лепетченко и Гр. Василевский — ушли на весь день искать квартиры. Брат мой, Григорий Махно, пошел разузнавать, как дороги в Царицыне ломовые извозчики, чтобы можно было брать первого попавшегося на случай переезда из вагонов в село.

Остальные коммунары и коммунарки оживленно занялись: одни — хозяйственными работами, другие — связыванием вещей...

Мы нашли на хуторе Ольшанское, в 4 верстах от Царицына, ряд квартир по очень дешевой цене. Еще сутки, и мы все переехали на хутор Ольшанское...

Как только все мы устроились в Ольшанском, я поставил своих друзей в известность о всем том, что мы обговаривали с рядом товарищей на нашей семейной Таганрогской конференции в конце апреля и к чему пришли. Друзья узнали, какая на мне лежит обязанность по отношению Гуляй-Польского района. Они поняли, что я не сегодня завтра заявлю им о своем отъезде от них, и сперва впали в уныние, а потом заявили, что они все — и мужчины, и женщины, и дети — едут со мною. Я резко запротестовал против их поездки со мною, исходя из того, что они все почти семейные и что, коль они так дружно держатся коммунальных заветов, то им пока что следует оставаться здесь.

Моя подруга долго крепилась, все не поддавалась тяжелому, перед родами в особенности, чувству одиночества и теперь плакала...

Все эти разговоры привели нас к ряду серьезных заседаний, на которых мы пришли единогласно к выводу, что сидеть без дела в ответственное время нельзя, что все должны идти на фронт. Поэтому товарищи-коммунары должны устроить свои семьи как следует, оставив одного-двух мужчин возле них для связи с фронтом и для помощи женщинам по хозяйству, а сами идти добровольно на фронт здесь же, на царицынском участке, не ожидая того времени, когда фронт не выдержит ударов казачьей контрреволюции и начнет безостановочно отступать.

Мысль эта отстаивалась мною, ибо я глубоко верил, что если нам, Гуляй-Польцам, удастся организовать восстание на Украине против контрреволюции и если оно разовьется, то нам легко будет при содействии красного командования перевести всех своих людей в Гуляй-Поле.

Товарищи коммунары и коммунарки с этим согласились. Мужчины стали готовиться в добровольцы на царицынский боеучасток фронта революции. А я подготавливал свою подругу к тому, чтобы она мужественно на время рассталась со мною, живя вместе с коммунарами, как жила до сих пор, всегда помня, что я оставляю ее во имя великого дела украинских тружеников, которые задыхаются в петле немецко-австро-венгерской реакции.

Подруга соглашалась со всеми моими доводами о том, что я не могу празднично сидеть возле нее, я должен быть к июлю в Гуляй-Поле во что бы то ни стало; но чувства брали перевес над разумом, и она, словно дитя, рыдала. Все это создавало во мне удручающее состояние духа. Все это наталкивало меня на мысль взять ее с собою, ибо вдвоем с близким, дорогим легче умирать у дела... Но такое решение она и сама считала безумием. Она уже мало ходила, больше лежала в постели...

Наконец под стоны и всхлипывания моей подруги, под плач некоторых матерей-коммунарок и всех детей и под звуки песен моих славных товарищей мужчин-коммунаров я распрощался со

всеми и думал сейчас же оставить город Царицын. Но по дороге, сопровождаемый своими товарищами, я наткнулся на один из царицынских киосков, где красовалась газета под заголовком «Анархия» (то была ежедневная газета наших московских анархических организаций)²⁴. Я ее сейчас же купил и в ней прочел, что в Москве организован «Союз идейной пропаганды анархизма». Декларация этого союза подтверждала этот факт.

Эта весть привела меня и моих товарищей в неописуемую радость. Правда, с идейной стороны эта газета — по-нашему — далеко уступала газете Ростово-Нахичеванской группы наших товарищей, газете «Анархист». Но одно то, что газета «Анархия» после наглого разгрома ее издателей — анархических организаций в Москве на Малой Дмитровке 12 апреля — все-таки выходит, радовало нас. И под влиянием этой опять-таки чисто крестьянской искренней радости я вместе со своими товарищами-коммунарами вернулся обратно на хутор Ольшанское.

Среди коммунаров мы прочитали газету еще раз вслух и долго думали о том, чтобы хоть мысленно представить себе позицию анархического движения в целом по отношению к катастрофическому положению революции. И долго рассуждали и спорили о том, что анархическое движение, поскольку оно не организовано, является беспомощным поднять массы против зарвавшихся правителей из Кремля, что сейчас оно проявляет себя только в лубочной, безответственной литературе, на деле же оно — жалкое, тщедушное. Для того чтобы оно было могучим в действительности, нужно его организовать и вооружить средствами социального действия, соответствующими времени и техническому прогрессу, из которого черпают средства враги революции в своей борьбе с нею.

— Анархисты, нужно сказать правду, — говорил я тогда же своим товарищам, — проявили себя настолько беспощадными за год революции, что надеяться на то, что мы увидим свое движение организованным и могучим в смысле влияния на развитие и плодотворные результаты революции, можно лишь, если мы сами имеем силу воли и сами будем работать для этого. А наши силы известно какие...

И больно было за свое бессилие и за силы тех, которые их имеют, но тратят не на то, на что, по-моему, нужно было бы их тратить...

Товарищи и друзья-коммунары заметили мое расстройство при беседе на эту тему и осмелились предложить мне никуда не уезжать, отдохнуть возле них. Я не понял их предложения, а усталость чувствовал большую и лег отдохнуть.

Товарищи думали, что я отложил свой отъезд, и радовались этому. Но через три часа их радость кончилась. Я, как только проснулся и увидел, что время уже позднее, что уже второй мой пароход ушел, я, вторично уже ни с кем не прощаясь, кроме своей подруги, покинул хутор Ольшанское.

У царицынских пароходных пристаней я встретил своих товарищей из анархистов других городов Украины. Они пропустили два парохода в ожидании меня и за это изрядно меня выругали.

Теперь мы взяли билеты до города Саратова и уехали на пароход.

Еще час, и мы были в дороге к краевому в то время городу Поволжья — Саратову.

Глава X

САРАТОВ. АНАРХИСТЫ ПРИЕЗЖИЕ И САРАТОВСКИЕ. МОЕ БЕГСТВО С РЯДОМ ТОВАРИЩЕЙ

Только по прибытии в город Саратов я определенно узнал, что Украинская Социалистическая Центральная рада, приведшая шестисоттысячную немецко-австро-венгерскую контрреволюционную армию под верховным руководством барона фон Эйхгорна на Украину, 29 апреля 1918 года была низвергнута украинской и русской буржуазией при прямом содействии этих ее же союзников в борьбе против революции.

По газетным сведениям (правда, уже старым для момента) я узнал, что как раз в то время, когда эта пресловутая рада была низвергнута, она заседала, принимая проекты земельной реформы, утверждавшей право (для кулаков и помещиков, нужно понимать) собственности на землю не свыше 30-40 десятин, и что с 29 апреля Центральной рады вообще не существует на Украине. Теперь там «выборный царь» — гетман Павло Скоропадский.

Все эти сведения лишний раз подчеркивали правильность моей позиции по отношению Центральной рады и ее политики. Но во всем совершившемся на Украине в пользу гетманщины виноваты были, по-моему, и большевики, и левые социалисты-революционеры. Первые — своей политикой Брестского договора с немецкой контрреволюцией. Вторые — тем, что не разорвали сразу же своего блока с правительством Ленина, не выступили из ВЦИК Советов и не повели борьбы против оккупации Украины немецкой контрреволюцией вместе с массами непосредственно на местах. Это был момент, когда украинские революционные трудовые массы шли на всякие жертвы во имя недопущения на свои земли, в свои села и города немецких и австро-венгерских контрреволюционных армий, а также разведывательных отрядов, шпииков и провокаторов Центральной рады, которые указывали этим армиям сокращенные и верные пути передвижения, доносили и помогали пороть шомполами, вешать на телеграфных столбах, загонять в тюрьмы, а затем расстреливать по ночам непокорных и революционных украинских крестьян и рабочих.

Перечитывая все, какие мне попадались, газеты и видя из них, что свершилось на Украине, я обвинял в происшедшем все поли-

тические партии: в первую очередь украинские, а затем и кремлевские, т. е. большевиков и левых социалистов-революционеров. Принимая все прошедшее близко к сердцу, как, вероятно, каждый революционер, понимавший, что революция совершается не для привилегий партии, а для экономического равенства и социальной и духовной независимости трудящихся от их порабощителей-капиталистов и их слуги, государства, роль которого выражается в организации грабежа и насилия меньшинства над большинством, я остро почувствовал в себе смесь гнева и жалости по отношению к революционерам всех направлений и за все. Затем я сейчас же взялся за письма своим друзьям-коммунарам, оставшимся в хуторе Ольшанское. В них я сообщал подробности низвержения Украинской Центральной рады и восстановления на ее место Гетмана, окруженного и поддерживаемого украинской и российской контрреволюционной нечистью, с одной стороны, и немецко-австро-венгерским юнкерством — с другой.

«Палач воссел на трон украинского самодержца, — писал я коммунарам, — и ставит своей задачей закончить недоконченную Центральной радой казнь над революцией на Украине. Время самое тяжелое для революции. Я спешу на Украину. Вы же, друзья, поспешите оставить своих жен и детей, идите сейчас же добровольцами в отряды 10-й Красной Армии. При ликвидации контрреволюции вы извне, мы, подпольщики, изнутри встретимся и братски отпразднуем торжество подлинной народной украинской революции...»

Когда я оторвался от просмотра по газетам событий на Украине, я разыскал Саратовский дом коммуны. Это дом-ночлежка для всех приезжих революционеров. В этой ночлежке я встретил анархистов из Екатеринослава: Льва Озерского и Тарасюка.

Первому из них было простительно валяться в ночлежных домах коммуны. Он из революционера-анархиста превратился в короткое время, чуть ли даже не за время отступления, в крайнего пацифиста, осуждавшего всякое насилие даже при обороне себя от нападающего.

Второй же оставался революционером анархо-синдикалистом. Над ним я подтрунил, и дошло чуть не до скандала. Правда, я не оправдываю себя целиком. Но мне казалось странным в дни жестокой схватки революции с контрреволюцией валяться в постели ночлежки до 16 часов в день, пусть даже и во время гонения на нас со стороны оподлевших в то время Ленина и Троцкого с большевистскими и левозеро-скими чекистами. Я в своем миропонимании мыслил революционера действующим в гуще народа. Видеть товарищей валяющимися по неделям в ночлежных домах доставляло мне много боли. И я страдал, хотя и отдавал себе отчет, что не одиночки повинны в создавшемся положении. Не сами по себе одиночки повинны в том, что они, словно испуганные вороны, мечутся с места на место зачастую без всякого дела, просто потому, что-де «в таком-то городе что-то нашими делается, поеду туда»...

И едет такой одиночка иногда недели и месяцы, палец о палец не ударяет и даже на месте не думает ударять во имя дела нашего движения... Нет! Не сам этот одиночка повинен в том. Вины формы и внутреннее содержание наших анархических организаций. Организации эти нездоровы в своем существе. Они сами приемлют и развивают неправильное понимание цели не только всего нашего движения в целом, но даже своей маленькой организации. «Нет, от подобного рода формы и внутреннего содержания анархической организации надо бежать, — убеждал я себя. — Момент требует идеологического и в особенности тактического объединения анархических сил, ибо только тактическое единство поможет нам творчески выявить среди заинтересованных в успехе революции трудовых массах практические начала анархизма, от которых, в свою очередь, почти полностью зависит рост, развитие и защита революции в том ее понимании, какое приемлемо для ее прямых творцов; а таковыми всегда являются сами трудовые массы в своих непосредственных действиях у себя на местах».

Тут же, в эти дни, я встретился с членами нашей Гуляй-Польской крестьянской группы анархо-коммунистов: Павлом Сокрутой, Владимиром Антоновым и Петровским. Они искали этот Дом коммуны, надеясь в нем узнать что-либо о том, что они хотели знать.

Я рассказал им о том, что мы устраивали конференцию в Таганроге и к чему на ней пришли. Все они приняли целиком постановление конференции и решили возвратиться как можно скорее на Украину, поближе к Гуляй-Полю, вера в революционный дух населения которого во всех них жила, как и во мне.

Вместе с этими своими друзьями и товарищами по группе, а также с рядом других съехавшихся в Саратов анархистов при участии наших саратовских товарищей мы устроили в Саратове конференцию, пытаясь, во-первых, поддержать общими усилиями саратовскую анархическую газету «Голос анархии», которая была в это время накануне своей смерти; во-вторых, мы хотели определить более точно свое отношение к позорным актам Ленина и Троцкого, а через них и всей Советской власти на местах по отношению к нашему движению вообще и, в-третьих, мы надеялись использовать газету «Голос анархии» для коллективного призыва ко всем анархистам, отступившим под натиском контрреволюции из Украины в Россию: призыва установить единство тактики в своих анархических действиях и поспешить возвратиться на Украину, где повсеместно, общими силами, начать организацию свежих сил для организованной борьбы за революцию, за выявление в ней более конкретно ее практической цели.

В этих видах мы все, приезжие анархисты, пожелали выслушать доклад от саратовских анархистов: каково положение анархистов и их работы в Саратове и не будет ли с их стороны помехи нам в намечаемом деле?

Доклад об этом мы заслушали из уст Макса Альтенберга (он же Авенариус). В своем выступлении докладчик сперва объяснил

нам, что газета «Голос анархии» вряд ли будет выходить дальше из-за отсутствия денег. На это я со своими товарищами по группе ответил тем, что дали редакции денег на один номер.

Далее докладчик объяснил нам положение анархической работы среди рабочих в городе и среди крестьян по селам. Оно было печальным. Работа саратовских анархистов в городе и по селам, облегающим его, была очень слабой и для момента неудовлетворительной, так как она выражалась в освещении теории анархизма, и только; практические же стороны его в момент революции, когда с анархическим движением революционные власти считались, а трудовые массы к нему прислушивались, в него верили и надеялись, что из-под боевых знамен анархизма начнется их организация и в деле потребления, и в деле производства, и в деле защиты тех насущных свободнических творческих начал, без которых формулировать, развивать и разрешать эти три основные задачи нового социально-общественного строительства немислимо, — эти стороны почти не затрагивались. А если и затрагивались, то, благодаря неподготовленности к ним анархистов, последние не могли ни сами как следует воодушевиться ими, ни воодушевить ими трудящихся, кровно заинтересованных в торжестве свободы над произволом, равенства над бесправием и в переходе к ним, труженикам, завещанного им историей общественного капитала: земли, фабрик, заводов, железных дорог и т.д. и т.д.

Докладчик Макс Альтенберг бессилен был удовлетворить съехавшихся в Саратов анархистов как своим пониманием момента революции, так и своим освещением роли нашего движения в ней. Не мог он удовлетворить их и своей осведомленностью о том, в каком направлении и как город Саратов соприкасается с фронтом контрреволюции. В этом вопросе докладчик старался затушевать и скрыть от аудитории свою неосведомленность. Не раз повторял он, что он очень близок с «Саратовским Смольным» (революционный краевой комитет), и бесцеремонно лгал нам, что, дескать, город Саратов накануне эвакуации. К нему-де со стороны городов Балашова и Калача продвигаются чехословаки, а потому, мол, «вы разъезжайтесь из Саратова», просил нас докладчик.

Большинству аудитории нашей конференции было ясно, что докладчик, предлагая нам покинуть Саратов, выполняет поручение его близких: врагов анархического движения из «Саратовского Смольного». Из-за этого пункта многие товарищи, в том числе и я, поссорились с докладчиком. Мы хорошо знали, что чехословацкие воинские части в этой области в то время не предпринимали вооруженных действий против большевистско-левоэсеровского блока. Поэтому для нас неопровержимо ясно было, что докладчику и его товарищам после разгрома большевиками анархических групп в Москве и других городах выгодно было приспособляться к тону «Саратовского Смольного». Докладчик, как и «Саратовский Смольный», не хотел, чтобы съехавшиеся из Украины анархисты занялись делом анархического движения в Саратове. Чувствуя неопровержимую правильность этого объяснения, ряд товарищей

обрушились на докладчика с резкими нападками, и на этом саратовская конференция закончилась. Многие товарищи в тот же день рязехались по другим областям России.

Здесь, в Саратове, я впервые встретился с анархисткой Аней Левиной. Помню, товарищи сказали мне, что она — бывшая каторжанка. Последствия режимов царской каторги дают себя чувствовать. Она лежит в больнице. Я не замедлил посетить ее. В группе товарищей, отступившей из Украины, оказался товарищ Ани Левиной — Рива (член мариупольской группы анархо-коммунистов). С нею я и пошел в больницу навестить товарища.

Аня приняла нас и долго мило беседовала с нами о прошлом и о настоящем. Помню, как сегодня, я спросил ее о состоянии здоровья, а она в ответ просила рассказать ей, что делается нашими анархическими группами и организациями. Это меня радовало. Я сознавал, что жить и болеть тем, что делается всюду в стране нашими группами и организациями, может только испытанный и искренний товарищ. Именно таким она мне казалась, и я от всей души желал ей как можно скорее окрепнуть и выписаться из больницы.

— Наше движение, — говорил я ей, — могучее, но дезорганизовано; его нужно организовать и вооружить новыми средствами, свежими и здоровыми волею силами.

Попрощавшись с Аней, мы оставили ее в больнице. И больно было на сердце, что в такое время и таким именно товарищам приходится валяться по больницам, залечивать раны — последствия прошлого строя.

* * *

Товарищи мои по Гуляй-Польской группе анархо-коммунистов — Павел Сокрута, В. Антонов, Петровский — выехали тоже в направлении Украины.

Я же, державший направление на Москву, остался с рядом товарищей пока что в Саратове. Из мариупольской группы со мной остались Любимов (матрос) и Рива; из юзовских товарищей — Васильев; из екатеринославских — Гарин. Фамилии и места проживания многих других оставшихся со мною товарищей я забыл.

Тем временем мои друзья завязали связи с организацией моряков-матросов кронштадтцев и черноморцев. Эта организация была в то время в Саратове единственной силой, которая могла помешать развитию самодурства краевой саратовской власти. Она и готовилась к выступлению против чеки и за раскрепощение свободы слова. Мне лично эта организация матросов казалась контрреволюционной. Я об этом говорил своим товарищам. Но в ее требованиях, во имя которых она готовилась к вооруженному выступлению против чеки, было так много справедливого, что кричать против нее открыто я стыдился. Чека была явно контрреволюционной силой по сравнению с этой организацией.

В это же время прибыл в город Саратов отряд одесских террористов. Он насчитывал до двухсот пятидесяти человек. Все были вооружены с ног до головы. Все те бойцы из этого отряда, с которыми я виделся в городе (отряд со своим эшелонном остановился в городке-поселке при городе Саратове), заявляли себя «одесскими анархистами-террористами». Этот отряд, как и многие-другие, отступил из Украины, не остановился на фронте и не дал разоружить себя под Царицыном. Он пробирался теперь через Центральную Россию на противонемецкий и гетманский фронт, на Украину и считал наиболее удобным переход границы в курском направлении.

Когда этот отряд прибыл в Саратов, он остановился в городке. Но отдельные бойцы его начали шататься по городу, в Саратове. Бдительная краевая «советская» власть, которая в это время уже нащупала организацию матросов Балтики и Черноморья, обратила свое внимание и на этот отряд террористов... Помню, некоторые матросы говорили: «Наша организация почти раскрыта. Вследствие этого многие из нас на время покидают Саратов...» Террористы же из одесского отряда заявляли: «А мы не боимся власти. Если она нас затронет, мы ее разгоним из Саратова...»

Все эти обстоятельства заставили меня прибегнуть к некоторой осторожности. Я с Васильевым и Ривой перешел из гостиницы «Россия» на частную квартиру, подалее от центра города. Остальные наши товарищи остались в «России». Они имели знакомых среди одесских террористов. Последние манили их в свой отряд, и они, хотя и осуждали название и поведение этого отряда, продолжали с ними встречаться...

Как-то раз, когда ряд одесских террористов ранним утром зашли в гостиницу «Россия» посетить своих знакомых из наших товарищей — попутчиков от самого Ростова, гостиницу оцепили чекисты и обезоружили террористов, среди которых оказался и сам командир их, а заодно с ними и всех наших товарищей.

Обрадовавшись тому, что среди обезоруженных террористов находился и сам их командир по прозвищу «Миша», саратовские чекисты, оставив всех обезоруженных в гостинице «Россия» под охраной двенадцати вооруженных карабинами красноармейцев, сами, схватив этого командира Мишу с собой на извозчика, окружили себя конными коммунистами-чекистами и быстро помчались в направлении городка, чтобы разоружить весь отряд одесских террористов.

По дороге к городку чекисты наткнулись на троих людей из отряда террористов, которые шли в город, видимо, тоже в гостиницу «Россия». Чекисты решили и их схватить. Но люди эти, заметив, что останавливавшие их чекисты везут с собою их командира, не задумываясь, начали бросать в гущу чекистов бомбы, в результате чекисты, и пешие, и конные, разбежались, оставив командира отряда террористов связанным, но невредимым на извозчике. Таким образом, и эти три человека, которые метали бомбы в чекистский отряд, пытавшийся их задержать, и их командир спаслись.

Акт трех человек из отряда террористов в мгновение ока стал известен в центре города, в частности в гостинице «Россия». Услышав о нем, обезоруженные террористы и наши товарищи, оставшиеся в этой гостинице под охраной 12 конвоиров, напали на последних, быстро обезоружили и повязали их, вышли из гостиницы и скрылись.

Через полчаса двое из них прибежали на одну из квартир наших товарищей и сообщили через эту квартиру мне о случившемся в гостинице «Россия», в частности, об акте трех человек из отряда террористов. А еще через час-два мы в числе 15-20 человек, поодиночке и по два, сходились у паровой пристани «Русь», где уселись на один из отходивших пароходов (кажется, по имени тоже «Русь») и в послеобеденное время плыли уже вниз по течению Волги, в город Астрахань, без всяких, конечно, гарантий за то, что нас чекисты не схватят на пароходе и не расстреляют без всякого опроса и разбора. Правда, одна гарантия у нас была: это — револьверы, бомбы и сила воли, чтобы в случае чего овладеть пароходом и причалить к берегу там, где нам нужно. Но оказалось, что мы уселись на пароход никем из чекистских сыщиков не замеченные и доехали до Астрахани благополучно.

Глава XI

АСТРАХАНЬ. МОЙ УХОД ОТ ПОПУТЧИКОВ. ПОИСКИ РАБОТЫ. ВСТРЕЧА С АСТРАХАНСКИМИ АНАРХИСТАМИ И ВЫЕЗД ИЗ АСТРАХАНИ

Как только мы все вступили на мостовую города Астрахани, мы в первую очередь обратились в Астраханский Совет с просьбой дать нам квартиры. В Совете нам дали записку на занятие номеров в одном отеле, в котором я и переночевал одну ночь. А затем я с товарищами Любимовым и Ривой пошел искать работу, чтобы неделю-две прожить, не навлекая на себя никакого подозрения. Да и хотелось познакомиться с населением Астрахани, с его отношением к революции и к новой власти.

Товарищ Любимов нашел себе работу матросом на частном пароходе. Я познакомился с одним из местных максималистов, который осветил мне положение астраханского фронта и посоветовал мне обратиться в краевой Астраханский Совет, который помещался в это время в Астраханской крепости, в архиерейском доме. Там, дескать, мне посодействуют найти подходящую работу. Товарищу же Риве работы на пишущей машинке не попадалось, и она, оставив поиски работы, возвратилась к остальным товарищам.

Добился я пропуска в краевой Астраханский Совет. В Совете меня принял товарищ председателя — максималист Авдеев. Долго говорил он со мною, расспрашивая меня то о том, кто я — большевик, или социалист-революционер (правый, левый), или макси-

малист, или анархист, то о положении противонемецкого фронта, то о том, как украинские труженики встретили немецкие армии, и т.д.

Обо всем я говорил с ним совершенно свободно и откровенно, ~~лишь~~ не сказал, к какой революционной группировке принадлежу. На желание максималиста узнать это я ответил тремя десятками слов:

Зачем вам лезть в мою душу? Документы мои говорят, что я революционер, и говорят о том, какую я играл роль в известном районе на Украине. К контрреволюционерам я не принадлежал и не принадлежу.

Товарищ Авдеев несколько смутился моим ответом, однако был мил и искренен в дальнейшем разговоре. Он спросил меня, не желаю ли я остаться пока что в агитотделе при краевом Совете?

Я ответил:

— Я хочу работать и буду работать где угодно, кроме чрезвычайки и милиции.

Он вызвал председателя агитотдела, который через 10 минут прибыл. Последний был грузин. Авдеев познакомил меня с этим грузином, «левым» большевиком по убеждениям, и я был зачислен членом агитотдела, на паек хлеба и на бесплатную квартиру. От квартиры я отказался, так как уже нанял с Любимовым.

В тот же день я перешел от своих товарищей из отеля и поселился вместе с Любимовым. Помню, мои попутчики были недовольны, что я от них ухожу. Но я хотел уединиться, хотя бы в ночное время, от споров и крика. Я вел записи о своем отступлении из Украины, о связанном с ним путешествии и поэтому на возмущение товарищей я не обращал внимания, тем более что эти мои товарищи нашли себе дешевые номера и решили задержаться в Астрахани на несколько месяцев, тогда как я должен был во что бы то ни стало быть к 1 июля на Украине, если и не в самом Гуляй-Поле, то обязательно в его районе. Сперва товарищи удивлялись и моему уединению, и моему бесчувствию к их ропоту; но когда узнали, в чем дело, они начали посещать меня, во всем советоваться вплоть до моего отъезда.

За те дни, что я числился в агитотделе, я разыскал астраханскую группу анархистов коммунистов. Она издавала газету «Мысли самых свободных людей». Товарищи из этой группы показались мне очень славными работниками; но они не могли развернуть своей работы: они были связаны чекой. Им нельзя уже было свободно выступать с идейной критикой против всех ужасов, творившихся чекой. В их бюро всегда находились чекисты — правда, не официально, а под видом рабочих или интеллигентов, разочаровавшихся в той или иной идее и теперь ищущих себе духовного удовлетворения в анархизме. Большинство дней моего пребывания в Астрахани я и проводил то с тем, то с другим товарищем из группы астраханских анархистов. Тут же, в Астрахани, в газете «Мысли самых свободных людей», я поместил первое свое стихо-

творение, написанное на московской каторге, под названием «Призыв» и за подписью «Скромный» (мой псевдоним на каторге).

За эти дни я имел возможность походить по городу, свободно осмотреть развалины его зданий.

— Почему он так разрушен? Что здесь, жестокие уличные бои были, что ли? — спрашивал я и у своих товарищей, и у официальных максималистов и большевиков. И получал один ответ.

Во время революции здесь восстание против царской власти и власти Временного правительства делали кавказцы. В их представлениях революция тесно связана в ее практической стороне с грабежом. Они жгли буржуазные дома, жгли магазины. Требовалась большая организационная сила и энергия со стороны революционеров, чтобы очистить от этой примеси принципы революции.

И действительно, кто мог взглянуть на этот город в то время, тот мог бы сказать, что спасение другой его части от разрушения стоило колоссальных усилий тем, кто вел за собой массы угнетенных властью, оскорбленных и униженных обратным грабежом со стороны буржуазии всех видов, которая, под покровительством власти, совершала его над этими массами.

Однако возвращусь к моему агитотделу. За неделю, что я в нем числился и ходил на его совещания, я заметил, что за мною следят, что-то подмечают. Но, не показывая виду, я набрался нахальства: наравне с другими видными членами агитотдела вносил свои поправки по тем или другим вопросам, вмешивался в споры об экономической и политической стороне жизни страны. И это как будто проходило мне. Но проходит день, другой, третий, я сдержан, но определенно говорю красногвардейцам, ухивившимся на петровский боеучасток фронта революции, что в задачу нас всех, трудящихся, входит одна цель: это полное экономическое и политическое раскрепощение себя. Революционный солдат должен над этой целью серьезнейшим образом подумать и провозгласить ее лозунгом дня. Это воодушевит трудящихся во всех уголках страны, и наша победа над контрреволюцией завершится празднеством мира, равенства и свободы, на основе которых начнет строиться новое свободное коммунистическое общество...

За то, что я осмелился говорить с революционными солдатами не по программе агитотдела, я получил особое замечание с выдачей мне на дорогу денег и с запросом: «Вы, кажется, стремитесь в Москву?»

— Да, да, я должен пробираться в Москву, — ответил я своим коллегам из астраханского агитотдела. А затем зашел в группу астраханских анархистов и, попрощавшись с ними, заглянул к товарищу Любимову на работу, попросил его пойти и купить мне на какой-либо паровой пристани билет до Саратова, а сам начал укладывать свои вещицы в чемодан с расчетом, чтобы сегодня же покинуть полуразрушенный, на взгляд социально-демократический, но в действительности чуждый демократизму и социализму город Астрахань.

Товарищ Любимов пошел за билетом, но не купил его. Вернулся ко мне без билета и заявил, что я ошибся, дав ему денег на билет до Саратова.

— Тебе, — говорит, — билет нужен до Царицына; ведь твои друзья-коммунары и твоя жена находятся под Царицыном...

Словно кипятком, ошпарил меня товарищ Любимов, не взяв мне билета потому, что я, дескать, ошибся, куда мне нужно было ехать:

Я с ума сходил от досады, тем более что пароходы были, но теперь уже ушли. Я должен был оставаться еще на сутки в Астрахани.

Итак, я остался, не поехал. Любимов был рад и не скрывал этого.

Лишь когда я ему объяснил, что могу опоздать вовремя возвратиться на Украину и что мне теперь не до коммунаров и не до жены, поселившихся на крестьянских квартирах и живущих в мирной обстановке, он смутился. От злости теряю равновесие, тычу ему под нос кучу газет, кричу:

— На, смотри и читай, что делается на Украине: всюду шом-полуют, стреляют, вешают революционных крестьян и рабочих, а ты мне говоришь, что я ошибся в названии места, до которого нужно было купить мне билет. Ты говоришь, будто я думал взять билет до Царицына, а сказал до Саратова. Сумасшедший ты, дружище!

А когда мы оба успокоились и сели за стол поужинать, я снова прочел сведения из Украины о том, как возвращаются в «свои» усадьбы бежавшие из них во время революции помещики и как с помощью солдат немецкой и австрийской армии у крестьян отбирают живой и мертвый инвентарь, как крестьян наказывают... Параллельно с этим вспомнил я и сопоставил все те наказания, которым я лично подвергался на каторге за непокорность режиму. Это напомнило мне мое обещание, данное сидя еще в гнусных казематах тюремных стен, вырваться на волю и отдаться всецело делу борьбы трудящихся с их бесправием соответствующими средствами.

Я перебирал мысленно причины нашего отступления из Украины, все те практические соображения, которые понудили меня после таганрогской конференции двинуться с рядом товарищей на известное время из Таганрога далее, в глубь России, благодаря чему я теперь путаюсь в полуразрушенной Астрахани. Я передумывал все это и жестоко укорял себя за выезд из Украины. А время несло своим чередом. И мне казалось, оно так быстро и так много уносит от меня того, что, быть может, другие будут переживать, на чем, быть может, многие погибнут там, на Украине, в вооруженной схватке революции со своими палачами...

Все это меня возбуждало, усиливало во мне гнев на самого себя, на товарища Любимова, на всех, с кем я связался в пути следования на Москву... Но больше всего злился я на большеви-

стско-левоэсеровскую власть, которая мне казалась самой главной виновницей того, что трудовой организм страны разорван на разного рода политические группировки, благодаря чему народ оказался беспомощным поднять все свои силы на борьбу с вооруженной контрреволюцией и помешать ей овладеть Украиной. Во имя авантюристических целей отдельных политических шовинистов, во имя их власти над украинским трудовым народом истреблялось теперь все лучшее в революции, вырывались из ее рядов самые преданные революционные сыны, убивались они, а с ними и надежды многомиллионных украинских тружеников села и города на победу революции. Правда, подлейшая Центральная рада сдала уже в это время свою власть гетману. Вся эта контрреволюционная сволочь, которая, видимо, сама не замечала, куда шла до сих пор и куда вела своих союзников — немецких и австро-венгерских сатрапов, — была теперь в плену у этих самых союзников. Она уже не могла сама творить того гнусного дела против революции, которое она творила и позволяла от своего имени творить этим своим союзникам. И эти «добрые, славные» союзники, на которых Центральная рада так надеялась в своей борьбе с большевиками, левыми социалистами-революционерами, анархистами, в борьбе со всей революцией, теперь низвергли свою союзницу и предоставили украинским буржуа водрузить на ее место гетмана. Теперь он, этот новоиспеченный царь-бандит, дал свое имя немецким и австро-венгерским бандитам, чтобы они могли творить свое гнусное дело над украинским трудовым народом. Бандит-гетман обязался перед Вильгельмом II немецким и Карлом австро-венгерским продолжать в союзе с ними дело Украинской Социалистической Центральной рады, и продолжать более определенно и с еще большими гарантиями, чем можно было ожидать от Центральной рады. Немецкие и австро-венгерские цари и буржуа так нуждались в украинском хлебе и мясе, так желали расцвета украинской монархии и помощи от нее не только хлебом и жировыми веществами, но и живым человеческим мясом, если не против республиканской Франции, то хотя бы против Русской Революции, этой рассадницы революционных бурь и пожаров, предвещавших гибель буржуазному классу, и в первую очередь царям и их коронам!..

На этом деле бандиты нашли общий язык. Украинский бандит, судя по газетам, принял все планы немецко-австро-венгерского военного командования и в отношении украинского трудового народа, и в отношении его богатств. Предвиделось полное ограбление тружеников — ограбление, начатое немцами и австрийцами еще вместе с радой. Теперь оно имело шансы еще более разрастись. Но неужели же украинские революционные труженики не воспрепятствуют ему?.. Нет, они опомнятся, они положат конец всей этой подлости. Нужно ехать к ним, нужно быть среди них...

Так, освещая товарищу Любимову положение на Украине, каким оно мне представлялось по последним сведениям, я присидел почти до утра.

Товарищ Любимов заявил мне, что и он едет со мною, но я ему отсоветовал, мотивируя тем, что я сам еще не знаю путей через границу, которая, по сведениям, на всем своем протяжении бдительно охраняется немцами.

Мы условились, что я из Москвы, а в крайнем случае из Курска напишу ему подробности о границе и он немедленно покинет Астрахань.

Наутро я в сопровождении Любимова и Васильева был уже на пароходных пристанях и в последний раз наблюдал всероссийское богатство, выражавшееся в непрерывном движении тысяч пароходов, шхун, лодок и лодочек, прибывавших и отбывавших с товарами во всех направлениях. Это живописное движение сочеталось с природной красотой дельты реки Волги, окаймленной песчаными берегами и черными заметами на диком пустыре по-над берегом. А в десять часов утра мы все трое пожали друг другу руки, облобызались, обещая встретиться на Украине, и я влез в каюту парохода «Кавказ и Меркурий». Был час отправки. Покуда пароход отчаливал, мы еще раз перекликнулись двумя-тремя фразами, перебросились, словно дети, двумя-тремя братскими поцелуями, махнули платочками, от чего я расчувствовался... А далее я выскочил на палубу парохода и устремил взор в оставляемую Астраханскую пристань, на всю ширь Волги, подходящей здесь к Каспийскому морю, и не отрывался от этих видов, пока движение парохода не скрыло их от меня.

Глава XII

В ПУТИ ОТ АСТРАХАНИ ДО МОСКВЫ

Против течения пароход шел не так быстро, как я представлял себе. До Саратова путь далекий, и это дало мне возможность наедине сосредоточиться и подумать о том, куда я еду и зачем.

Куда я еду — это было просто и понятно. Я еду до Саратова пароходом, а там сяду в поезд и отъеду в Москву. В центре бурной революции я увижусь, с кем пожелаю; поговорю, о чем захочу, и направлюсь на Украину. Так мы ведь решили на таганрогской конференции!.. Кажется, тоже все просто и понятно. Однако я о чем-то тревожился. Что-то нагоняло на меня какую-то навязчивую боязнь ответственности перед тем, что предстоит мне с рядом товарищей начать на Украине в связи с борьбой не на жизнь, а на смерть со всеми явными и тайными силами контрреволюции. И вот я еще раз пересмотрел газеты с сообщениями о деяниях немцев и гетманщины на Украине; еще раз продумал ту цель, во имя которой я и многие мои близкие, дорогие друзья и товарищи по группе должны быть к первым числам июля на Украине. Во всем, что я продумывал я сознавал замысел великого дела, в особенности если мы начнем его удачно, если разовьем и

предохраним его от искажений, которые могут найти себе место в нем хотя бы уже потому, что мы растворимся в массе тружеников, сбросим белые перчатки с рук и слащавую идеализацию с уст и поведем за собой в бой против контрреволюции широкие массы, действие которых встретит жестокое противодействие со стороны наших врагов, врагов подлинной революции, а это обстоятельство придаст нашей борьбе всеразрушающий, всеуничтожающий на пути противодействия характер. В этой жестокой борьбе моральные стороны преследуемой нами цели неизбежно будут уродоваться и будут такими уродливыми казаться всем до тех пор, пока связанное с этой целью намечаемое нами дело борьбы не будет признано всем населением *своим* делом и не начнет развиваться и охраняться непосредственно *им самим*... Да да, все это так... «Но правилен ли подход к этому делу?» — задавал я себе вопрос. Можно ли посредством отдельных групповых выступлений против помещиков, немецко-австрийского и гетманского командования и устанавливающих под военной охраной учреждений поднять на борьбу широкие трудовые массы? Ведь прошло уже больше месяца с тех пор, как над украинскими тружениками села и города царит деспотия упомянутых палачей. Неизвестно, какие психологические изменения произошли в среде тружеников за это время. Ведь может случиться, что они убаюканы (если не застрашаны казнями) этими палачами так, что перестали и думать о своем позорном положении... Может случиться, что весь бунтовской дух украинских тружеников под давлением жестоких казней пал; что его заменил дух уныния, дух рабства, сковывающий вольную мысль дерзания на лучшее... Все это может быть, рассуждал я сам с собою, в своей одинокой тихой каюте...

Но когда я это «может быть» отбрасывал в сторону и ставил себе вопрос, мог ли бы я лично примириться с тем, что сейчас воцарилось на Украине, с тем, что совершается над ее трудовым населением, именно я, вышедший из недр этого населения, знавший его рабскую жизнь и то, как оно, наполовину свергнув гнет опутавшего его экономического и политического рабства и ощутив на этом пути свободу, стремилось воспринять для своей жизни новые идеи, разобратся в их содержании и, вступая на путь строения новых форм социально-общественной жизни, вооружало ее новыми порядками, новым правом, которое обеспечивало бы свободу и социальную справедливость одинаково за каждым человеком, — когда я ставил себе этот вопрос, тогда мое допущение, что, может быть, украинские труженики психологически изменились под давлением казней и утратили свой бунтовской дух, свою готовность к новой, более цельной борьбе за свое освобождение, быстро теряло значение для моей оценки положения на Украине. В моей непримиримости с тем, чтобы на Украине надолго воцарились корона гетмана и немецкое юнкерство, я чувствовал и видел непримиримость украинских революционных крестьян, на которых единственно была надежда, что они способны пережить

всю деспотию гетманщины на себе, но не помириться с нею. Наоборот, при первом удобном случае, они восстанут против нее и, не щадя себя, постараются уничтожить как ее самое, так и те черные силы, которые способствовали ее приходу к власти над страной.

Эта моя глубокая вера в украинское революционное крестьянство заслоняла для меня все те явления, которые на Украине развивались в это время на пользу гетманщины и которые, не имея в себе веры в крестьянство, могли бы поколебать меня в моих планах возвращения нашей анархической группы на Украину и организации крестьянского восстания. С помощью этой веры в крестьянство я сумел критически отнестись к тем явлениям, какие наблюдал месяц-полтора тому назад на Украине, какие видел в пути по России и какие предполагал снова увидеть в недалеком будущем на Украине. И так как это недалекое будущее представлялось мне отстоящим всего на один месяц, то я к нему готовился, заранее радуясь той свободе, которую, по-моему, украинское революционное крестьянство должно было в будущем, намечаемом нами восстанием завоевать себе.

* * *

Пароход подходил к Царицынской пристани. Зная, что он здесь пристанет, я подумал: а может быть, заехать на день-два к своим коммунарам, к подруге, которая, вероятно, уже родила мне сына или дочь?.. Повидаться со всеми ними... Обнять, поцеловать дитя... И тут же вспомнил, что ведь Москва должна была взять у меня недели две, так как в центре бумажной революции я лелеял мысль встретить многих и разного направления революционеров... Я принужден был отказать себе в счастье увидеть своих родных, дорогих, близких. Я ограничился тем, что написал им несколько теплых приветственных слов на открытке и опустил ее в почтовый ящик.

На Царицынской пристани я купил свежие газеты. Они были полны сведений об Украине, о разгуле по ее городам и деревням экспедиционных карательных отрядов из немецко-австрийских оккупационных контрреволюционных армий и из армий «державной варты» гетмана. Все эти сведения об Украине переплетались со сведениями о боях Красной Армии с чехословаками²⁵, прорывавшимися через Центральную Россию в Сибирь, где в то время нашла себе широкий плацдарм контрреволюция адмирала Колчака и возлагавших на него большие надежды, а потому облепивших его социалистов-учредителей.

Все эти сведения, вместе взятые, наводили на меня грусть, смывавшуюся подчас боязнью то за окончательную гибель революции и всех ее завоеваний, то за то, что мне не удастся пробраться к назначенному времени на Украину, или если и удастся, то вряд ли я что успею сделать в области организации новой, более мощной по характеру и по вооружению социальными средствами действия

крестьянской революционно-боевой силы. Эта боязнь за то и за другое иногда овладевала мною настолько сильно, что бывали часы, когда я не мог говорить ни с кем из пассажиров даже о необходимом и не отвечал, когда кто-либо из них меня о чем-нибудь спрашивал.

Так, замкнувшись в самого себя, с подавленным чувством негодования на ход событий, на себя, на людей, так или иначе ответственных за такие зигзаги в ходе этих событий, не замечая ряда пристаней между Царицыном и Саратовом, на которых во время моего переезда я выходил, делая нужные покупки, наблюдая невольно приковывающие взор отлоги волжских берегов, я приехал в Саратов, из которого всего две с половиною недели тому назад бежал...

Теперь Саратов, как и его краевая «Советская» власть, показались мне совсем другими. За этот сравнительно короткий промежуток времени власть достигла больших «побед»: она разоружила отряд одесских террористов и посадила его в тюрьму; она сразилась на улицах города с организацией матросов Балтики, Черноморья и Поволжья, и хотя и потеряла свое роскошное здание — «Смольный», в котором заседала и разрешала судьбы «своего» края (это здание было разрушено из орудий восставших), но разогнала и эту организацию. И теперь она хотя и помещалась в одноэтажном хиленьком домишке, но чувствовала себя полной победительницей и хозяйкой города.

В Саратове я бросился сперва в сторону анархистов, но их уже там не было. Выехали в направлении Самары. «Один только Макс с какими-то двумя барышнями путается возле революционного комитета. Его там всегда можно найти», — сказал мне один из товарищей, знавший меня со времени конференции приезжих анархистов.

Разыскивал я этого Макса и возле ревкома, и в самом ревкоме, но не нашел. Это был период начала приспособленчества многих анархистов к официальным большевикам. Их трудно было разыскивать в это время приезжему анархисту, в особенности при помощи расспросов у тех, возле кого они вертелись. И то, что я не разыскал его, Макса, притом там, где он, по указаниям товарища, путался, лишь усилило во мне подозрение к нему. Я прекратил расспросы и поиски и взял в ревкоме бумагу на получение внеочередного плацкартного билета до Москвы. На получение такой бумаги я, по своим документам (председатель Гуляй-Польского районного Комитета защиты революции), имел право, и я получил ее без всяких промедлений.

А через три-четыре часа я был уже в поезде и ехал в Москву.

В пути вследствие каких-то железнодорожных недоразумений, которых мне не удалось выяснить, поезд задерживался очень часто на станциях и полустанках. Публика роптала, а кондуктора ее успокаивали пояснением причин таких частых задержек поезда. Причины эти были разные: здесь были и чехословаки, выступавшие

против соввласти, и дутовцы... Но вернее всего частые задержки поезда происходили от разрушенного железнодорожного транспорта, от нехватки угля, дров и т. п.

В Тамбове я задержался на целые сутки. Спал в номере отеля. Днем бродил по городу, искал бюро анархистов. Но, увы, найти не нашел. Попал к левым социалистам-революционерам. Среди них встретил немало бывших каторжан, знавших меня с московских Бутырок. От них я узнал, что в Тамбове сейчас что-то никого из анархистов не слышно. Не то ушли в подполье, не то просто, не имея почвы в широкой массе тамбовских тружеников, разъехались из города...

Больно мне было слушать от эсеров такое повествование об анархистах, но в нем была доля правды. Поэтому я опять, как только уселся в поезде на Москву, мысленно бросился за поисками тех социальных средств для социальных действий анархизма, которых анархизм, по-моему, не имеет у себя, без которых анархизм бессилён организовать под своими знаменами широкие массы трудящихся и формулировать им в их решительной борьбе задачи дня.

Копаясь в этих мыслях, я невольно бросал взор на деятельность социалистов-революционеров, левых и правых, социал-демократов — большевиков и меньшевиков. В этом лагере социализма я видел кипучую работу среди трудовых масс. Правда, работа социалистов этого рода сводилась, главным образом, к интересам их партии, но работа эта у них имела свое организационное лицо, с определенным выражением их воли, и была колоссальная работа. Почему бы и нам, анархо-коммунистам, не заняться организацией своего движения и выявлением среди широких трудовых масс деревни и города организационных начал мыслимого нами социально-общественного строя, задавал я себе вопрос. И тут же отвечал: мы не способны. У нас нет сил и нет навыка, нет практики держаться единства действий в целях нашего движения. Мы до сих пор не хотим понять того, что наши группы и группки в разнородных, подчас вовсе не анархических действиях, в которых мы привыкли видеть цели нашего движения, не могут справляться с теми требованиями времени, идя навстречу которым наше движение становилось бы все понятней трудовым массам, так что они за него ухватились бы как за единственное подлинно революционное движение... Но так ли будет у нас, на Украине, когда мы все благополучно возвратимся и займемся делом нашего движения, делом революции? Задавал я себе вопрос, и хотя не отвечал на него, но чувствовал, что так никогда у нас не будет...

Время на восходе солнца. Показалась Москва, со своими многочисленными церквями и фабрично-заводскими трубами. Публика в вагоне заворошилась. Каждый, кто имел у себя чемодан, вытирал его, так как в нем было у кого пуд, у кого полпуда муки, которая от встрясок вагона дала о себе знать: выскакивала мелкой пылью из сумок, сквозь замочные щели чемодана... Публика не рабочая. Предлагает попавшемуся встречному бешеные деньги за помощь

пронести из вагона, сквозь цепи заградительного отряда при выходе из вокзала, свои вещи. Многие берутся, но большинство отказывается, заявляя: «Боюсь, попаду в Чрезвычайную комиссию по борьбе со спекуляцией и контрреволюцией...»

Еще минута-две — и поезд подошел к вокзалу. А еще минута-две — пассажиры с мукой в чемоданах отмыкали свои чемоданы перед стоявшими агентами заградительных отрядов, арестовывались и вместе с мукой отправлялись в надлежащие штабы.

Глава XIII

МОСКВА И МОИ ВСТРЕЧИ С АНАРХИСТАМИ, ЛЕВЫМИ ЭСЕРАМИ И БОЛЬШЕВИКАМИ

По приезде в Москву, как только я вышел из вокзала, я сразу же взял извозчика и поехал на Введенку, дом номер 6, к А.А.Боровому²⁶. Лично я Борового не знал, но по газетам узнал, что у Борового можно встретить секретаря *Московского союза идейной пропаганды анархизма* товарища Аршинова²⁷. Этот последний мне известен был еще с 1907 года, а на каторге я встретился с ним лично. И на каторге, и по выходе из нее я верил, что мне придется с Аршиновым работать вместе на Украине. Но вскорости мы пошли каждый своим путем, то есть он, по примеру большинства анархистов, предпочел деревне город и остался в Москве, я же уехал в деревню, и хотя не порывал связи с городом, но работал в деревне среди широкой массы населяющих ее труженников.

Теперь, очутившись временно, не по своей вине, за пределами Украины, я решил посетить Москву. В этом центре «бумажной», как я уже выразился, революции нашли себе прочную оседлость все видные революционеры всех толков и направлений. Именно со всеми ими, поскольку мне позволит время, я, проделавший уже до некоторой степени опыт практической борьбы на Украине, и думал встретиться, поговорить, посоветоваться кое о чем. Но прежде всего я хотел встретиться с Аршиновым, хотел узнать от него, в каком положении находится наше движение в Москве после разгрома его большевистско-левоэсеровскую «Советской» властью 12 апреля.

Товарищ Аршинов, как бывший секретарь Федерации московских анархических групп, а в это время секретарь Союза идейной пропаганды анархизма, должен был, по-моему, знать положение нашего движения в Москве. Поэтому я его и искал.

Нашел я Введенку. Поднялся в квартиру Алексея Алексеевича Борового. Позвонил. Дверь открылась, и меня встретил среднего роста интеллигентный человек, красивый и хорошо, с особой четкостью, говорящий по-русски. Он провел меня далее в коридор и указал дверь в кабинет-библиотеку.

Не успел я перешагнуть порог этой двери, Алексей Алексеевич меня спросил: кого я здесь хочу видеть.

Я ответил:

— Товарища Аршинова.

Последовал ответ:

— Он здесь бывает два раза в неделю: по вторникам (если не ошибаюсь. — Н. М.) и пятницам.

Тогда я попросил у Алексея Алексеевича разрешения оставить у него свой чемодан, полный тамбовских белых булок, которые я, слыша, что в Москве хлеба нет, привез с собою. И услышав, что чемодан можно оставить, я оставил его, простился с Алексеем Алексеевичем и ушел в город.

Время подходило к обеду. Зашел неподалеку от Пушкинского бульвара в ресторан. Пообедал. Обед плохой и дорого, хлеба мало. Здесь я узнал, что хлеба можно достать сколько хочу, но какими-то задними ходами и за большие деньги. Это меня так рассердило, что я готов был поднять скандал. Однако, не будучи уверен в том, что распродажа хлеба за особую цену и задними ходами не производится самим хозяином ресторана вместе с большевистскими и левоэсеровскими чекистами, а также имея при себе револьвер, за который чекисты в то время могли даже не довести меня до Дзержинского — расстрелять, я воздержался от поднятия скандала.

И оказалось — был прав. Всего через пять минут по выходе из ресторана я встретил бывшего своего товарища по каторге, польского социалиста, некоего Козловского. В то время он был уже коммунист-большевик и занимал должность участкового милицейского комиссара. Он с большой радостью встретил меня. Повел меня в свой комиссариат, показал мне своих сотрудников и много кое о чем говорил со мною, извинительно подчеркивая мне, что, если бы не требования революции, он ни за что не был бы на должности милицейского комиссара. Революция, дескать, от него этого требует.

Я изрядно посмеялся над его аргументацией, приведшей его на пост палача революции. Узнал я от него трамвайную линию до Анастасьевского переулка, где помещался Комиссариат внутренних дел; а возле него (после разгрома московских анархистов на Малой Дмитровке) большевистско-левоэсеровская власть милостиво разрешила московским анархистам занять себе для нужд секретариата и редакции помещение-сарай, в котором до прихода анархистов «упражнялись футуристы в своих футуристических занятиях», сказал мне комиссар.

Мой бывший товарищ комиссар Козловский провел меня к нужному трамваю, и я простился с ним, пообещав еще встретиться. Поехал я в Федерацию анархистов, надеясь встретить там и Аршинова.

Подступ к Федерации для новичков казался прямо-таки опасным. С одной стороны, потому что он занят был непрерывно шагающими агентами чеки, наблюдавшими за каждым проходящим,

чуть не хватая его. С другой же стороны, вид здания Федерации не внушал к себе доверия: казалось, здесь помещается не Федерация анархистов, а живут агенты чеки, охраняющие сбоку стоящее роскошное здание, в котором находился Комиссариат внутренних дел.

Я долго стоял при входе в этот переулок со стороны Тверской, наблюдая за прохожими. А затем прошел по переулку, минул дверь Федерации, пошел дальше, взшел по ступеням к двери Комиссариата внутренних дел. Она была заперта. Я повернул от двери, спросил чекиста, когда откроется Комиссариат внутренних дел, и, получив ответ: «В три часа», пошел уже прямо в Федерацию анархистов.

В Федерации я застал многих товарищей: одни сидели за низким, широким столом и что-то записывали в большие книги; другие что-то переписывали; третьи перекладывали большие кипы связанной, видимо, нераспроданной ежедневной газеты «Анархия».

Как только я подошел к столу и спросил у сидевших за ним, где можно встретить товарища Аршинова, меня сейчас же отослали в другой угол, где стояли три-четыре товарища и о чем-то оживленно говорили между собою. Из них первым заговорил со мною товарищ Бармаш, которого я лично знал еще с марта месяца 1917 года. Он сказал мне, что Аршинов сюда редко когда заходит. Товарищ же Гордин-младший прямо заявил мне:

— Аршинов не захотел работать с рабочими и ушел к интеллигенции.

Он перечислил мне имена интеллигенции: Борового, Рощина²⁸, Сандомирского²⁹ и других.

Я сперва как будто рассердился на Гордина³⁰, а затем подумал: быть может, он прав. Ведь люди, не сознающие того, что без рабочих и крестьян они никогда не воспитали бы в себе революционеров дела (только честно наблюдая за тяжелой жизнью и борьбой рабочих и крестьян, интеллигенты становились и становятся подлинными революционерами дела), эти люди так часто зазнаются перед рабочими и крестьянами. Может быть, что *рабочий* Аршинов дальше Москвы не постарался заглянуть в рабочие ряды, именно теперь, в дни революции. И может быть, предпочел рабочим организациям группу интеллигентов...

Впрочем, это были отвлеченные мысли. Как только я ушел из Федерации, я почувствовал еще большее желание встретиться с Аршиновым и воочию убедиться в том, что услышал от Гордина.

Наступал вечер... Идти в отель мне не хотелось. Поэтому я возвратился опять в Федерацию анархистов и заявил товарищам, что у меня нет квартиры, где я мог бы ночевать. Товарищ Серeda, посоветовавшись со своей подругой, предложил мне ночевать у него, предупредив, что спать придется в одной с ними комнатухе и на полу, так как, дескать, нет кроватей и постелей.

Предложение Середы я принял и пошел с ним, его подругой и еще несколькими товарищами, которые жили в том же особняке,

к нему на квартиру... Здесь в доме, где жил Середа, я впервые познакомился с известным автором «ассоциационного анархизма» Львом Черным³¹. С этим последним я много говорил о нашем анархическом движении на Украине (которой он никак не признавал и называл только Югом России), об организационном ничтожестве там нашего движения. Все, что я говорил Льву Черному, он принимал с особой болью. Но тут же протестовал против моих мыслей, что анархизму пора отказаться от раздробленной на сотни и тысячи групп и группок формы организации; что анархизм, благодаря этой своей бессодержательной форме организации, выявил себя в революции беспомощным овладеть трудовыми массами, пойти с ними в бой с капиталом и государством и вывести из этого боя труженников победителями...

Это был главный пункт нашей беседы с Львом Черным. На нем мы разошлись. Однако и после часто встречались в том же особняке.

Из наблюдений моих над Львом Черным я скоро убедился в том, какой он безвольный человек, как он бесхарактерен в отношениях и к друзьям, и к врагам. Помню, однажды он ходил по комнатам с книжечкой и переписывал мебель. На мой вопрос: «Что вы, товарищ Черный, здесь хозяин, что ли?» — я услышал ответ: «Еще хуже...»

Я поинтересовался расспросить об этом и его, и других. Я узнал, что большевистско-левоэсеровские хозяйственники пришли в этот двор и заявили товарищу Черному, что отныне он комендант этого двора, он за ним должен смотреть, он за него ответствен...

— И что же вы, товарищ Лев, им ответили? — спросил я Черного.

Он сказал:

— Что же я мог им ответить? Они такие нахалы, так навязчивы, что я не мог им отказать в этом. И вот теперь вожусь здесь... Товарищи не понимают моего положения: и на ночь, и в полночь появляются здесь. Если ворота заперты, лезут через верх, нарушают покой обитателей, которые обижаются, заявляют об этом мне, а я не могу говорить об этом ни товарищам, ни квартальному комитету... Думал как-то сбежать отсюда, но устыдился самой мысли об этом.

Больно было слушать и смотреть на этого деликатного человека, но еще обидней было мне видеть и нем безвольного человека, человека-тряпку, с которым другие делают что хотят, а он, как безвольное существо, не имеющее необходимого в его положении характера, не может все это презреть и покинуть.

Да разве такие люди могут что бы то ни было сделать в круговороте революционных бурь, где у человека без воли, без характера не хватит ни терпения, ни нервов преодолеть те ненормальности, которые первыми всплывут на поверхность практической борьбы — той борьбы, через которую широкая масса трудящихся стремится обрести себе свободу и право на независимость

от власти капитала и государства?! Разве такие безвольные люди могут быть способны находиться в рядах этой массы и оказывать ей своевременную нужную помощь?! Никогда в жизни!.. Такие люди могут лишь освещать прошлое, если им попадетсa верный материал о нем и если правительственные хозяйственники не будут их назначать в коменданты. Вот с этой лишь стороны они могут оказать помощь: но уже не тем, кто сейчас действует, а идущим им на смену поколениям.

От всей души жалел я Льва Черного и в то же время возмущался его безволием и бесхарактерностью. Человек этот обладал талантом оратора и писателя, был искренен и в том, и в другом проявлении себя, но не умел уважать себя, ограждать свое достоинство от той грязи, которая, судя по моим расспросам и личным наблюдениям, липла к нему. Эта сторона его индивидуальности мешала ему, как многим известным анархистам мешали другие стороны, выбраться на широкий путь массового действия анархизма в революции и занять на нем надлежащее место, очень далекое от комендантского поста в московском особняке...

* * *

Расстался я с особняком и с товарищами Середой и Львом Черным лишь тогда, когда разыскал наконец Петра Аршинова. Последний проживал в одном из отелей на базарной площади (близ Театральной площади) — не комендантом, конечно, а у коменданта, распорядившегося этим отелем от имени крестьянской секции при ВЦИК Советов.

Встреча с Аршиновым, а также и с комендантом этого отеля Бурцевым была для меня радостью. Все мы друг друга знали из московской каторги. Все чувствовали взаимное уважение друг к другу. Это нас сближало без того, что мы все считались анархокоммунистами.

От Аршинова я узнал, что он действительно ушел от работы Федерации московских анархических групп, потому что не нашел в ряде товарищей серьезного отношении к делу нашего движения.

Кто из них прав, я, конечно, не старался выяснить. Я старался понять, чем дышит теперь Аршинов и чем занимается.

В ряде бесед, а также при совместном с Аршиновым посещении Алексея Алексеевича Борового и из беседы с последним, я выяснил, что Аршинов работает в качестве секретаря и организатора лекций для членов Союза идейной пропаганды анархизма.

Вскоре после нашего посещения А.А.Борового Аршинов организовал лекцию «О Толстом и его творчестве», которую читал Иуда Гроссман-Рощин, со вступительным словом товарища Борового.

Эта лекция, как и вступительное слово к ней Борового, меня, крестьянина-анархиста, очаровали; в особенности, должен сознаться, очаровало меня слово Борового. Оно было так широко и глубоко, произнесено с такой четкостью и ясностью мысли и так

захватило меня, что я не мог сидеть на месте от радости, от мысли, что наше движение не так уж бедно духовными силами, как я себе представляю. Помню, как сегодня, что я, как только Алексей Алексеевич окончил свою вступительную речь к лекции Рощина, выскочил из зала и побежал в фойе, чтобы позвать ему, Алексею Алексеевичу, руку и выразить свое чувство товарищеской благодарности. Зайдя в фойе, я встретился лицом к лицу с Алексеем Алексеевичем, прохаживавшимся по фойе. Я был полон радости за него, за его успех перед аудиторией, которая — я видел и переживал это вместе с ней, я был в этом убежден — аплодировала с такой радостью и чувством благодарности. Затем, разговорившись с ним, я подал ему руку и выразил ему все то, что чувствовал... По-моему, он вполне заслужил такое выражение признательности.

Но Алексей Алексеевич был скромен и, крепко держа мою руку в своей, полусмеясь и глядя на меня и на стоявшего рядом со мной Аршинова, сказал:

— Благодарю, но мне кажется, что я несколько обидел товарища Рощина: заставил его долго ожидать конца вступительного слова.

Я подхватил:

— Нет, вам, Алексей Алексеевич, мало времени дали!..

Мы обменялись еще несколькими фразами и разошлись. Он, Алексей Алексеевич, пошел на кафедру и сел возле начинавшего свою лекцию Рощина, а мы, я и Аршинов, пошли в зал и уселись на скамьи слушателей.

Товарищ Рощин говорил. Публика тихо, с напряженным вниманием смотрела на него и слушала.

Лекция была серьезная, и прочитана она была очень удачно. Успех был колоссальный. Помню, я говорил о ней и с Рощиным, и с Аршиновым, который в то время считал Рощина звездой среди молодых теоретиков анархизма. Заметно было, что Аршинов перед ним таял, хотя и отмечал, что он, Рощин, страшно бесшабашный. (Я думал, это потому, что Рощин на целый час опоздал на свою лекцию; за ним посылали товарища, и, как выяснилось, он забыл, что сегодня читает лекцию.) Я сказал ему и Аршинову, что лекция очень хороша, но язык, которым она излагалась перед аудиторией, ни к черту не годится. Рощин смеялся, а Аршинов как будто был недоволен этим моим замечанием.

Вскоре после этой лекции я попал в том же зале на лекции товарища Гордина. Он тоже показался мне с запасом знания анархизма, но незнанием того, что носители его идей должны делать во время революции, где они должны группировать свои силы. В общем же лекция Гордина мне понравилась, я этого не скрывал, а товарищ Аршинов назвал ее «мусором возле анархизма». Это мне, правду сказать, не нравилось.

Так протекали июньские дни моей жизни в Москве. Как-то Аршинов затащил меня к Александру Шапиро³², который был в то время — если не ошибаюсь — хозяином издательства «Голос тру-

да»³³. В этом издательстве Аршинов издавал ряд книг П.А.Кропоткина. Как раз в этот момент в нем закончилась печатанием книга «Хлеб и воля». Аршинов разносил ее пачками по магазинам.

Товарищ Шапиро тоже произвел на меня впечатление опытного и делового товарища. Однако Шапиро еще до встречи моей с ним был мне известен как крайний синдикалист. Я над этим средством анархизма мало задумывался и продолжал по традиции считать его «меньшевистским» средством в анархизме. Поэтому я без особого интереса прислушивался к тому, что он говорил о некоторых вопросах с Аршиновым, и без особого же интереса отвечал ему, товарищу Шапиро, когда он расспрашивал меня о том, как трудящиеся на Украине (по Шапиро — на Юге России) прониклись идеей революции? Какое сопротивление оказывали оккупационным немецким и австрийским контрреволюционным армиям и т.д.? Раза три я был вместе с Аршиновым у Шапиро, на складе «Голос труда». Раза два я заставлял его одного с маленькой, казавшейся умненькой его дочуркой за работой. Оба раза, при виде Аршинова и меня, он бросал свою работу, подходил к нам и подолгу говорил. И, нужно сказать правду, оставил во мне хорошее впечатление. Но одна мысль о том, что он синдикалист, да еще правого пошиба, который с рядом своих единомышленников переехал вслед за центральной большевистской и левоэсеровской властью из Петрограда в Москву только потому, дескать, что *стремится представлять там какой-то центр* (слова чужие), одна эта мысль дробила и разрушала во мне то более или менее цельное впечатление о Шапиро, которое я вынес при встречах с ним.

Впоследствии я встречался еще с рядом анархистов из студентов, из которых наиболее яркой фигурой мне показался товарищ Саблин. С ним я часто встречался, много говорил. Он был особенно чуток и принимал близко к сердцу все те слабые стороны нашего движения, которые тормозят его рост и развитие. И глубоко верил, что все это скоро заметят все действующие анархические группы и вопрос будет выяснен и разрешен в пользу того, чтобы создать определенную организацию и жизненно усилить наше движение.

Однако я должен заметить, что все это и со всеми были беседы отрывочного характера, и только. Фактически не было таких людей, которые взялись бы за дело нашего движения и понесли бы его тяжесть до конца. Или если они и были, то, видимо, не хотели задумываться над катастрофическим положением нашего движения. Между тем его нельзя было не заметить с первых же дней, как только правящая орда большевиков разбила наше движение, объявив свое право сперва на чистку его рядов, а затем и на ликвидацию его боевых, не склонявших голов перед этой ордой сил. У меня, по крайней мере, сложилось такое впечатление после того, как я встретился со многими товарищами и увидел, чем они занимаются в такой острый момент и для революции, и для нашего движения. Не знаю, сознавали ли все товарищи то, что большинство из них болталось в это время без дела. Я-то видел это от-

четливо. Часто тот или другой товарищ, осевши в Москве на более или менее продолжительное время, шатался там совершенно праздно или же находил такое дело, которое посильна была выполнять только организация, а он за него брался лишь с целью показать, что он и вне организации работает, что он и вне организации проводит дело организации. Все это меня, силою контрреволюции оторванного от кипучей массовой революционной работы на Украине и очутившегося временно в Москве, убеждало в том, что я прав был, мысля о Москве как о центре «бумажной» революции, которая привлекает к себе всех, и социалистов, и анархистов, любящих особенно сильно в революции одно только дело: это много говорить, писать, и бывающих не прочь посоветовать массам, но на расстоянии, издалека...

Правда, Аршинов мне не раз рассказывал, как товарищи из Московской федерации и известные революционные двинцы (двинский полк солдат под командой нашего товарища Грачева) сражались на улицах Москвы. Эти его рассказы не один раз вызывали во мне чувство гордости за московских анархистов и самого Грачева и всех двинцев. Однако и при этих рассказах я не раз задавал себе вопрос: почему же многие друзья и товарищи теперь, на мой взгляд, шатаются без дела?

Я не удовлетворялся даже той работой Аршинова в Союзе идейной пропаганды анархизма, которая мне была известна. Эта работа, как она товарищам ни представлялась важной и необходимой, казалась мне праздною — по крайней мере, в то время, когда я был в Москве. Дело это было на руках у Аршинова. Но многие, очень многие, считавшие себя работниками нашего движения, слонялись совершенно без дела. И это меня беспокоило. И это ставило передо мной вопрос: неужели же и я заражусь этим? Нет, отвечал я себе, никогда, ни за что! Разве не хватит сил, сделаюсь неспособным ходить, говорить с теми, кто может и хочет действовать в революции, растить и развивать в ней силы нашего движения, подымать его положение в жизни и борьбе угнетенных, за свое освобождение, за освобождение всего своего класса, народа, человечества, — тогда не ручаюсь, быть может, придется опуститься до этого... Но пока я в силах ходить, общаться с угнетенными, я до этого не опущусь. Ведь цель нашего движения в революции так велика! Здесь есть место каждому из нас. Этого места не умеет найти только тот, кто растерялся перед торжеством враждебных нашему движению доктринерских партий — большевиков и левых эсеров, — тот, кто, благодаря своей духовной неопределенности и отсутствию твердой воли и практической организационной устойчивости не видит, где в действительности зарождаются здоровые силы для нашего движения. И я спешил при этом успокаивать себя надеждой на то, что я скоро и благополучно переберусь на Украину, где постараюсь сделать все для того, чтобы на деле показать всем друзьям бумажной революции, где надо искать живые и здоровые силы для нашего анархического движения. И чем глубже я

погружался в этот вопрос, тем отчетливее сознавал, что старые методы анархистов, признававшиеся до этого дня, бессодержательны. И поэтому я решительно осуждал их, не думая ими пользоваться в будущей своей работе на Украине.

Здесь же, в Москве, я особенно остро почувствовал, как далеко ушел я с рядом своих друзей и товарищей по Гуляй-Польской группе анархо-коммунистов в понимании положительных задач нашего движения в революции от большинства анархистов, которые до сих пор встречались мне на моем пути по России. Это последнее явление меня беспокоило, но не обескураживало. Я был глубоко убежден, что разброду в наших рядах будет положен конец, что мы их выровняем, вооружим новыми, более содержательными методами и средствами борьбы и положение нашего движения улучшится. Это мое убеждение крепло в ожидании намеченной рядом товарищей из Одессы, Харькова и Екатеринослава конференции. Я был приглашен на нее за неделю ранее и ожидал от нее очень многого.

Глава XIV

КОНФЕРЕНЦИЯ АНАРХИСТОВ В МОСКВЕ В ГОСТИНИЦЕ «ФЛОРЕНЦИЯ»

На конференции присутствовали ряд товарищей из Одессы во главе с товарищами Молчанским и Красным, Иуда Роцин (Гроссман), Аршинов, Борзенко Григорий, какая-то дама, гордившаяся тем, что была контрразведчицей от большевистско-левоэсеровского командования, что часто попадалась в руки контрреволюционному командованию, что умело все узнавала от последнего и привозила сведения в штаб революционного командования. Был еще и целый ряд товарищей поменьше, болтавших попусту много чепухи.

Все товарищи, присутствовавшие на этой конференции, особо почитали Иуду Гроссмана-Роцина. В него все верили, и в особенности товарищи из Одессы: Красный, Мекель и упомянутая дама. От него, Роцина, ожидали чего-то сверхнеобыкновенного на этой конференции.

Но Роцин оставался тем же бесшабашным, каким он, видимо, был много лет до этого времени. Он засыпал товарищей фразами, подчас обещая помочь нам всем, желающим очутиться на Украине в царстве гетманщины. Конечно, не все из присутствовавших на этой конференции думали о поездке на Украину и не все верили в его обещания. Это было очень заметно. Но те, кто верили, что большевистская власть снабдит их документами и деньгами на дорогу, те упивались его баснями. И лишь когда Красный поставил Роцину прямо вопрос, чтобы он пошел к кому следует из большевистских владык и раздобыл средства для бюро по отправке анархистов на Украину для подпольной работы против гетманщины

(которое одесситы мечтали создать), и когда Гроссман-Роцин от этой миссии отказался, мотивируя свой отказ тем, что он не видит цели этого бюро, лишь тогда у знаменитых одесситов вера в Рощина несколько поблекла и потеряла свою выпуклость — по крайней мере, на то время, что длилась конференция.

После неудавшейся попытки прямых рошинцев использовать самого Рощина (а через него и большевистских владык, которые в то время чувствовали уже оппозицию себе со стороны левых социалистов-революционеров и действовали теперь в кое-каких делах на свой риск и страх) для дела, которое одесским анархистам во главе с Красным было более всего близко, ряд товарищей поставили перед конференцией общий вопрос: намереваясь пробраться на Украину для подпольной работы самостоятельно, не обращаясь к большевикам за материальной помощью, они хотят установить здесь, на конференции, определенный взгляд анархистов на то, какие методы борьбы наиболее целесообразны в нашей деятельности против реакции гетманщины, за низвержение последней?

По этому вопросу высказались почти все товарищи. Однако к определенному единому взгляду не пришли и ограничились лишь общим пожеланием быть бескомпромиссными в своей деятельности, идти в массы и воспитывать их в таком же духе...

Помню, когда мы оставили гостиницу «Флоренция», я шел по тротуару Тверской с Аршиновым и перебросился с ним несколькими словами о конференции. Он видел мое возмущение идеологическим разбродом и безответственным поведением одесситов, которые, на мой взгляд, определенно склонялись на путь лакейства перед большевиками. Аршинов, по натуре человек более сдержанный, чем я, не был так резок в своем мнении о роли одесситов *Красного* и *Мекеля* на этой конференции. Но в принципе он целиком разделял мое мнение об их поведении.

* * *

После этой нашей конференции я еще раз подчеркнул для себя неопровержимую правду о том, почему наше движение в первые дни революции так быстро увлекало за собою трудящихся, а с течением времени начинает слабеть и отпугивать их от себя. Помоему, все это происходит потому, записывал я для себя, что в нашем движении не выявлены положения об общественности. Наше движение не имеет в своем распоряжении тех средств, к которым борющиеся массы питали бы доверие, веря, что с их помощью они могут выйти в своей борьбе на открытый, свободный и независимый путь нового социально-общественного строительства. Наше движение питается все еще чисто философскими принципами в своих подходах к массам и к их повседневной реальной борьбе. И поэтому при всем превосходстве его идей перед идеями государственного социализма оно бессильно убедить трудящиеся массы в том, что, поддерживая его, следуя за ним, они достигнут высшей, более сво-

бодной и счастливой формы организации для общественной и индивидуальной жизни.

Но значит ли это, что его нужно признать совсем неспособным справиться со своей исторической миссией в жизни и борьбе угнетенного трудового человечества? Безусловно, нет, таким признавать его нельзя. Оно слишком сильно и могуче уже и в наш век. И располагай оно достойными его цели социальными средствами для своих социальных действий, большая часть трудового человечества давным-давно признала бы его и усовершенствовала бы его методы борьбы... И оно явилось бы в жизни и борьбе трудящихся руководящей идеей, дающей вовремя и на все запросы дня точные ответы.

Увлекаясь этими мыслями, я, однако, отдавал себе отчет, что осуществлять эти мысли в практической борьбе в настоящее время нелегко, что для этого нужны силы, а их почти нет в России. При этом я неоднократно думал о П.А.Кропоткине. Думал: что же он, этот маститый вождь анархизма, делает теперь? О чем он думает? Неужели он не видит тех причин, которые делают анархизм бессильным выявить в действии, полно и отчетливо, перед трудовыми массами все то, чего он ищет в великой борьбе? Ведь не может же быть, чтобы этот великий борец, награжденный здоровым и сильным умом, борец, который всю свою жизнь проповедовал идею анархизма и боролся за права угнетенных, не может быть, чтобы он не думал об этом, не принимал никаких мер!..

Мысленно рассуждая так, я не раз говорил себе: «Пойду сейчас к нему, он на все исчерпывающе мне ответит». И потом спрашивал у Аршинова:

— Ты не знаешь, Кропоткин в Москве сейчас?

(Хотя я хорошо знал, что он в Москве.)

А когда получал от Аршинова утвердительный ответ, я находил почему-то неудобным идти к нему и продолжал мучительно терзать себя вопросами, на которые сам не мог дать исчерпывающих ответов.

Однажды, когда я проходил по одной из московских улиц вместе с Аршиновым (кажется, после разноски по магазинам вышедшей из печати книги «Хлеб и воля»), товарищ Аршинов мне говорит:

— Ты хотел побывать у Кропоткина. Вот здесь недалеко живет Кропоткин. Я советую тебе посетить его...

— С тобою, что ли? — спросил я Аршинова.

— Нет, я сейчас не собираюсь посещать его, но тебе советую; тем более ты уезжаешь в Екатеринославщину. Перед отъездом стоило бы посетить старика, поговорить с ним...

— Постараюсь зайти, — сказал и в ответ Аршинову и погрузился в размышления о том, с чем, с какими важными вопросами я найду к старику беспокоить его. Вопросов было очень много. На четырех из них — на вопросе об отношении к оккупации немецко-австро-венгерскими армиями в союзе с Украинской Центральной Социалистической радой Украины, на роли в этой оккупации украинских революционеров и социал-демократов, возглавлявших ра-

ду, на отношении к сменившему в это время раду гетману Скоропадскому и, наконец, на анархических методах борьбы против всех этих видов контрреволюции — я сосредоточил свое внимание и собрался к дорогому нашему старику Петру Алексеевичу.

* * *

Я попал к нему накануне его переезда в Дмитров (под Москвой). Он принял меня нежно, как еще не принимал никто. И долго говорил со мною об украинских крестьянах...

На все поставленные мною ему вопросы я получил удовлетворительные ответы...

Когда я попросил у него совета насчет моего намерения обратиться на Украину для революционной деятельности среди крестьян, он категорически отказался советовать мне, заявив:

— Этот вопрос связан с большим риском для вашей, товарищ, жизни, и только вы сами можете правильно его разрешить.

Лишь во время прощания он сказал мне:

— Нужно помнить, дорогой товарищ, что борьба не знает сентиментальностей. Самоотверженность, твердость духа и воли на пути к намеченной цели побеждают все...

Эти слова Петра Алексеевича я всегда помнил и помню. И когда нашим товарищам удастся полностью ознакомиться с моей деятельностью в русской революции на Украине, а затем в самостоятельной украинской революции, в авангарде которой революционная махновщина играла особо выдающуюся роль, они легко заметят в этой моей деятельности те черты самоотверженности, твердости духа и воли, о которых говорил мне Петр Алексеевич. Я хотел бы, чтобы этот завет помог им воспитать эти черты характера и в самих себе.

Глава XV

ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД ТЕКСТИЛЬНЫХ ПРОФСОЮЗОВ

В июне под председательством Максима Горького открылся съезд текстильных профсоюзов.

Это съезд тружеников. Вопросы, которые будут разрешаться на нем, должны быть важны и для меня, думалось мне. И вместе с товарищами Аршиновым, Масловым и другими я пошел на его заседание, надеясь увидеть там и услышать виднейших социалистов.

Действительно, у стола президиума этого съезда сгруппировался лучший цвет проживавших в то время в центре бумажной революции социалистов. Они выступали один за другим, говорили, махали руками, кричали один сильнее и лучше другого. Лишь обиженный лидер центра социал-демократии, гражданин Мартов, который много и временами, помню, мне так казалось, неискренне,

но дельно говорил, лишь он, этот непримиримый враг Ленина, как ни надувался выкрикнуть громче и сильнее, чтобы как можно ярче оттенить в своей речи то, что, видимо, считал самым важным, лишь он бессилен был кричать. Его хриплый голос не позволял ему сравняться с гораздо менее крупными и по мысли, и по ее выражению ораторами. Он махал руками, кряхтел, сопел, но остался мало услышанным, мало понятым, по крайней мере задними колоннами делегатов и простых посетителей съезда. Кроме того, специально большевиками мобилизованные свистуны своим демонстративным шумом и свистками мешали делегатам слушать этого маститого правоверного социал-демократа меньшевика. Правда, это специально мобилизованная большевиками шайка демонстрантов мешала делегатам выслушивать не только социал-демократических меньшевистских ораторов, но и левозеро-вских, и даже большевистских. По крайней мере, я был очевидцем того, как один из ораторов-большевиков (не помню точно его фамилию) выступил и уже чуть не на половине речи был заглушен свистком. Этот свисток имел большие шансы быть подхваченным и пополненным другими свистками, если бы свистун не был своевременно одернут и предупрежден (видимо, специальным руководителем шайки), что-де *«речь двигает наш, большевик!»*.

Все вопросы, какие съезд текстильных профсоюзов съехался обсудить, а также и решения по ним меня, крестьянина-революционера, и радовали, и в то же время угнетали.

Радовали они меня тем, что по ним я видел в пролетариях города понимание их трудовых интересов и целей, связанных с этими интересами. По ним можно было убедиться, что боевой фронт городских пролетариев растет, что намечаемые ими пути социальных достижений уже вполне могут быть предохранены от покушения на них со стороны новой государственной политической власти и что благодаря этому можно питать надежду, что революцию, столь во многом уже обкорнанную во имя государственности и в противовес свободной общест-венности двумя господствующими в стране политическими партиями, революционные пролетарии могут еще спасти.

Угнетало же меня в вопросах и решениях съезда то, что я не видел на нем выражения прямой воли представленных здесь пролетариев. Мне лично казалось, что, хотя вопросы съезда и разрешались самими как будто пролетариями и именем их класса, кровно заинтересованного в них, они все-таки разрешались под влиянием воли и интересов политических партий, которые каждая по-своему и в своих партийных интересах истолковывала перед пролетариями их цели и обязанности в смысле строительства социалистического государства, со всеми его многочисленными органами власти. А это резко отмежевывало всегда и отмежевывает теперь городских пролетариев от трудового, не эксплуатирующего чужого труда крестьянства, которое все определеннее и резче проявляет в своей практической жизни оппозицию к власти, к ее претензиям выдумывать и писать для него законы.

Без тесного сотрудничества с крестьянством властолюбивому городу и заражающему поневоле его властолюбием городскому пролетариату самому не построить новой свободной общественной жизни. Эта истина уже подтвердилась на опыте даже при условии, когда вместо строения подлинного социалистического общества строилось полусоциалистическое, полукапиталистическое государство, каким, в сущности, являлось под именем «государства диктатуры пролетариата» государство большевистско-левоэсеровского блока. Это государство взяло на себя руководство социально-общественным строительством, что не требовало от пролетариев ни самостоятельности и инициативы, ни здорового трезвого ума и соответственного организационного подхода к общественному делу. За них подходили к нему по рецепту буржуазного государства большевики и левые эсеры. Пролетариям же оставалось лишь выполнять то, что говорили большевики и левые эсеры.

И если даже при таком урезанном порядке вещей город без деревни не мог ничего широкого и плодотворного начать и с успехом закончить, то при подлинном и полном социалистическом строительстве городские пролетарии без прямого братского содружества с трудовым, не эксплуатирующим чужого труда крестьянством, засосутся омутом государственнических доктрин, которые крестьянство не признает, и в долгих муках недостатка самого главного — сырья и пищи — принуждены будут или во многом отказаться от государственности, или же пойти против крестьянства, извратить идеи социализма и предаться своему исконному врагу — буржуазии. Это во-первых.

Во-вторых, подчинение пролетариев как класса каким бы то ни было политическим партиям, которые никогда не имеют в виду подчинить свои политические цели экономическому освобождению пролетариев, отдает их, пролетариев, в распоряжение этих партий на самое позорное издевательство во всех отношениях: и в экономическом, и в политическом, и в моральном.

Отсюда в наиболее политически развращенных уже пролетариях зарождается мысль о борьбе не за полное экономическое и политическое освобождение их класса, а за смену ролей на пути политического господства одного класса над другим.

— Мы осуществили диктатуру пролетариата! — выкрикивали некоторые ораторы на съезде текстильных профсоюзов. — И мы вправе сказать врагам своим, чтобы они замолчали, ибо воля пролетариата их сокрушить...

Видимо, эти безответственные крикуны, а с ними и их соперники — пролетарии с мест и не думали о том, что созданием этой диктатуры они разбивали единство своего классового трудового организма на пользу не революции, а врагам ее. Они не думали о том, что в недалеком будущем им самим придется бороться против подобного распыления трудовых сил. На это их толкнет само существование власти — «диктатуры пролетариата», которую они по своему невежеству создали и против которой, можно ожидать,

окажутся долгое время бессильными бороться реальными средствами, чтобы заменить ее чем-то другим, более соответствующим, которое отвечало бы идеям трудящихся, этого авангарда человечества, который создал все богатства мира и должен ими пользоваться свободно, и в зависимости от потребностей, а не затрачивать снова своих сил на то, чтобы оплатить их еще дороже.

Правда, политические партии, восторжествовавшие в русской революции, над этим менее всего задумывались. Политическая государственная власть, это юродивое шарлатанство, в котором вожди государственного социализма видят средство избавления угнетенных от экономического рабства, была в их руках. Они строили, согласно принципам своей власти, программы борьбы и жизни для тружеников, указывая последним, что, следуя только их программам, можно отыскать, понять и устранить причины рабства, нашедшего себе место в их жизни. Городские пролетарии первые бросались в объятия власти этих программ, первые стремились реализовать их в своей жизни и властвовать, управлять, согласно этим программам, своими братьями по труду — крестьянами.

Отсюда начало развиваться в более отчетливом виде то историческое недоверие крестьян к городским пролетариям, которое нам известно на протяжении всей истории. А это усиливающееся недоверие ставило под прямую угрозу Великую Русскую Революцию и все те прямые завоевания трудящихся, которыми последние начинали жить.

Таково было положение Великой Русской Революции в июньские дни 1918 года. Спрашивается, сознавали ли это положение создавшие его партии? Можно с уверенностью ответить, что нет: они его не сознавали и продолжали свою грызню из-за своего партийного престижа в трудовых массах. Лишь часть городских пролетариев и трудовое крестьянство под влиянием анархических идей спохватились, что их обманули, что за их счет правящие партии перевели революцию с пути ее прямого действия на путь правительственных декретов и этим загнали ее в тупик. Они, эти труженики, требовали простора для революции. Но их голос заглушался окриком Вильгельма Второго, который через своего посланника Мирбаха ставил препятствие развитию русской революции, угрожая и ей, и тем, кого пролетарии деревни и города по своей наивности допустили управлять ее судьбами. И партия большевиков-коммунистов во главе с Лениным и Троцким, которая в это время фактически уже брала перевес над партией левых эсеров, предпочла пойти на уступки Вильгельму II, чем поднять выше знамя революции или по крайней мере не мешать пролетариям, заметившим, что оно поникло до земли и топчется, поднять его.

Правда, это предательское поведение партии большевиков по отношению к революции раздвинуло окончательно в большевистско-левоэсеровском блоке трещину, которая с резкой определенностью наметилась уже 3 марта 1918 года, в день заключения Брестского договора. Но, благодаря «мудрости» и особенному по-

литическому влиянию Ленина, эта трещина искусственно склеивалась, сжималась и временами, казалось, становилась почти незаметной.

Теперь эта трещина раздвинулась окончательно, и «мудрость» Ленина становилась бессильной повлиять на главарей партии левых эсеров, чтобы еще раз склеить ее. Левые эсеры устыдились своего лакейства перед Лениным, который раньше никогда не имел такого авторитета среди российских тружеников и интеллигенции, какой имела их мать — старая, революционно-боевая партия социалистов-революционеров, мать, убитая провокатором Азефом. Теперь сироты этой матери — левые эсеры — готовы были на все, но не на то, чтобы идти за Лениным или, что еще хуже, обезличить себя в истории русской революции. Нет, они попытаются поравняться с Лениным и посчитаться с самим «ленинизмом». По крайней мере, мне это так казалось, когда я прислушивался к голосу большевистских ораторов, которые уже не скрывали того, что левые эсеры готовятся дать им бой по всем вопросам внешней политики на предстоящем V Всероссийском съезде Советов³⁴. Хотя я должен признаться, у левых эсеров шансов на успех этого боя, по-моему, не было, потому что у них не было, кроме двух-трех человек, людей, подготовленных, ну, скажем, на посты Ленина и Троцкого, заменить которых ни Спиридоновой³⁵, ни Камковым³⁶, ни тем более Штейнбергом³⁷, ни даже Устиновым³⁸, имевшим до некоторой степени ленинскую практику, в то время нельзя было. Правда, эта партия за время своего блокирования с большевиками сумела воспитать и выдвинуть из числа своих членов под идейным и практическим руководством большевика Ф. Дзержинского кадры чекистов; и такие из них, как Закс³⁹ и Александров, были хорошими головами. Но разве из людей, заразившихся аракчеевской полицейщиной, могут выйти серьезные политики, какие нужны были в это время левозэсеровскому государству? Я думаю, что если этого не могли понять некоторые горячие головы среди главарей левозэсеровщины, то это понимали в ее же рядах люди с более спокойными нервами и с более трезвым умом. Эти люди, я думаю, способны были так же искренне и честно, как М. Спиридонова и Б. Камков, отстаивать против узурпации большевиков права трудящегося, угнетенного народа. Так же как Спиридонова и Камков, они могли жертвовать своим личным благополучием, даже самими собой ради лучшей жизни этого народа, но только не с такой нервозностью, не с таким до истеричности пафосом, какими обладали эти два в своем роде вождя левозэсеровщины, когда они блокировались с большевизмом-ленинизмом, когда они примкнули к управлению революционной страной, злоупотребляя доверием страны, попирая во многих случаях права революционных трудовых масс на свое свободное, трудовое и независимое от государства с его полицейщиной самоопределение.

Правда, левые эсеры не признают таким уж гнусным свое поведение по отношению революционных масс, придерживавшихся

анархических идей в русле русской революции. Как говорят некоторые из них, они не признали за большевистскими лидерами — Лениным и Троцким — права на разгром 12-13 апреля 1918 года Федерации московских анархических групп, о котором знаменитый в своем роде левозеро́вский чекист Закс по долгу своей роли в чека и партии делал ЦК партии доклад. Говорят, что Спиридонова не желала даже слушать этот доклад и якобы с возмущением покинула зал, где ЦК партии его заслушивал. Но мы хорошо знаем, что *возмущаться* — это одно, а *действовать* в согласии со своим возмущением против акта несправедливости — совсем другое. Этого действия против величайшего злодеяния чекистов и главарей партии большевиков по отношению к анархистам со стороны левых эсеров не было потому ли, что возмущение М. Спиридоновой было слабо сравнительно с другими ее возмущениями, или же потому, что левые эсеры из ЦК партии того времени, упиваясь надеждами низвергнуть большевиков и стать непосредственно у кормила власти, считали для себя удобнее официально скрыть это возмущение и перед большевиками, и перед революционной страной. И они замяли свой протест против палачей, поправших свободу и права анархистов на деятельность в революции. А между тем анархисты были наипреданнейшими сынами этой революции. Они шли всюду в ее авангарде. Правда, шли они раздробленными рядами, но первыми и честно отдавая ей эти свои раздробленные силы. Судить анархистов по тем одиночкам, которые попадали в ряды анархизма с корыстной целью и вместо работы среди трудящихся для общего дела освобождения разъезжали по стране из города в город, ничего не делая, — судить по этим одиночкам анархизм и анархистов было нельзя. И если большевистские лидеры прибегали к такой аргументации против анархистов, а левые эсеры с определенной целью обошли этот акт своих союзников молчанием, то виною в этом является та традиционная безответственность и лживость большевиков, которые ведут свое начало еще от Карла Маркса в его борьбе с Бакуниным. Хотя эти черты и известны были левым эсерам, но о них последние по «долгу» блокирования с большевиками напоминать, видимо, не могли. Не могли они говорить большевикам, чтобы они устыдились лгать на своих идейных противников и чтобы сознались, что эта ложь по отношению анархистов не может быть полезной для революции. По-видимому, лидеры партии левых эсеров думали по низвержении большевиков, по провозглашении и утверждении себя у власти над страной и над ее дальнейшим революционным развитием разобраться в этом исторически и фактически столь важном для дела революции вопросе... Но это только наше предположение, не более.

В КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕКЦИИ ВЦИКА СОВЕТОВ

Как только я приехал в Москву и попал на временное жительство в отель, который находился в распоряжении коменданта от крестьянской секции ВЦИКа Советов, я заинтересовался этой секцией и ее президиумом, во главе которого стояла лидерша левозсеровщины М.Спиридонова. Ее, как заслуженного революционера, я считал важным увидеть лично, услышать непосредственно. И я посещал заседания этой крестьянской секции. На этих заседаниях я много раз слышал М.Спиридонову и Б.Камкова. Из левых эсеров я этими двумя фигурами больше всего интересовался. Они были наиболее популярны в рядах левозсеровщины в тот период. Правда, бывали там иногда и другие столпы левозсеровщины, но они широко воодушевлены и менее привлекательны. Во всяком случае, имена Спиридоновой и Камкова произносились массами всюду с явным чувством уважения к ним. Казалось, они были первыми среди равных главков левозсеровской партии.

На многочисленных заседаниях крестьянской секции ВЦИКа Советов Спиридонова проявляла свою яркую волю и знание задач своей партии. Все ее выступления с особой четкостью выявляли задачи партии на предстоящем V Всероссийском съезде Советов. Ее выступления всегда наполняли зал заседания каким-то радостным чувством для революционера, болеющего за судьбу революции. В них всегда можно было уловить, что левые эсеры почувствовали свои промахи и ошибку своего блока с большевиками, что они не сегодня-завтра круто повернут в сторону углубления и расширения революции. А в этом направлении они были бы поддержаны анархистами-коммунистами и синдикалистами, ибо такое направление было бы родственным тем целям, которые преследовались авангардом революционного трудового народа, жаждавшим революции, хотевшим ее и вынесшим ее на своих плечах.

Однако я относился осторожно к впечатлению, что левые эсеры опомнились. Мне казалось, что вообще-то они, как и большевики, менее всего думали о своих первоначальных промахах на пути революции, промахах, которые положили начало их преступлениям по отношению к последней. Все они не хотели считаться с тем, что революция в селе проявляла себя в явно антигосударственном духе. Они, как и большевики, не брезгуя нарушением доброй воли крестьянства, уродовали этот дух революции на селе во имя идеи государственности и всех вытекающих из нее властных институтов. Кроме же того, цели политических партий во многих случаях бывают чуждыми целям трудящихся. Это особо ярко показали большевики и левые эсеры, придя к государственной политической власти над страной по низвержении керенщины. Все-го этого я не мог не замечать в жизни и борьбе трудового крестья-

яинства, находясь в его революционном авангарде. И это ставило передо мной вопрос: смогут ли левые эсеры пойти настолько далеко в своей оппозиции большевикам, что мои впечатления об их готовности посчитаться с ленинизмом оправдаются целиком? А если бы так случилось, то станут ли левые эсеры на верный путь революции: не мешать трудящимся углублять и развивать революцию без указов и приказов левоэсеровской власти, которую эти люди будут стараться навязать трудящимся. Ибо без нее они не могут быть эсерами. На этот вопрос я отвечал: нет. У левых эсеров, как и у нас, анархистов, хороших желаний очень много, но очень мало тех сил, которые оказались бы достаточными на такое грандиозное дело, как реорганизация пути революции. Оставаться же на том пути, по которому левые эсеры шли до сих пор вместе с большевиками, им нельзя: они и пять дней не продержатся на нем; большевики разобьют их одним авторитетом Ленина и Троцкого, укреплению которого в массах левые эсеры до сих пор содействовали столько же, сколько ему содействовали сами большевики.

— Ну а если допустить, — рассуждал я однажды с товарищем Масловым, — что левые эсеры окажутся настолько в большинстве на V съезде Советов, что провалят большевиков с их политической ориентацией на «передышку», то неужели анархисты что-либо выиграют от этого? Конечно нет, и вот почему. Первое. Спор между левыми эсерами, по-моему, не есть спор о глубоком, основном идейном расхождении по тем или иным вопросам политики управления революционной страной. Глубокой сущностью этого спора между ними, отмечал я тогда, является то обстоятельство, что большевики по всему фронту Советской власти начали заметно брать перевес над левыми эсерами. Этот факт, с одной стороны, подбодрил большевиков на то, чтобы не считаться с протестом партии левых эсеров против заключения Брестского договора. А с другой стороны, перед большевиками реально встал вопрос о том, чтобы как можно скорее и полностью развернуть свой авторитет над трудовой революционной страной, а затем заявить левым эсерам, что-де они, большевики, являются полными господами политического и социального положения в стране, а потому им, левым эсерам, ничего не остается делать, как только влиться в партию большевиков-коммунистов и заняться более решительно экспериментом «научного» государственного социализма-коммунизма. Или же нам, мол, с вами не по дороге.

Такова была, по-моему, политическая ориентация большевиков по отношению к своим соратникам в борьбе за захват государственной власти. Партия левых эсеров не могла не замечать этого намерения партии большевиков-коммунистов. Она его и замечала. Однако она сознавала, что фактически уже бессильна противостоять большевикам. Она видела, что позорный Брестский договор фактически входит в силу. Другой, более сильной аргументации против большевиков у нее не было. И это приближало ее как партию, мечтавшую играть историческое первенство в окончатель-

ном решении судеб русской революции, к неминуемому разрыву с большевиками. Вот почему она, эта партия, метала гром и молнии против Брестского договора даже тогда, когда он уже был подписан. Она стремилась теперь как можно тщательнее затушевать то, что неминуемый разрыв с большевиками у нее должен произойти в силу полного господства большевиков во всех государственных и профессиональных учреждениях, господства, повелительно требующего от диктаторствующей большевистской партии полной и единой ее воли по всему фронту государственной власти. Для партии левых эсеров было несравненно выгоднее показать, будто этот назревающий разрыв с большевиками происходит отнюдь не по причине того, что большевики, окрепшие за счет левых эсеров и вообще революционеров, взяли перевес над ними и теперь, не нуждаясь больше в них как в самостоятельных социально-политических силах революции, стараются всосать их в свою партию или просто ликвидировать. И партия левых эсеров решила оказать этим замыслам большевиков решительное сопротивление, вплоть до провозглашения их контрреволюцией. Это чувствовалось в речах и просто беседах левых эсеров — руководителей крестьянской секции ВЦИКа Советов. Так дело понималось и мною лично, и рядовыми эсерами. Событие ожидалось многими с особым напряжением нервов. Бесцеремонная позиция большевиков, которую последние, в связи со своим явным партийным торжеством над эсерами в деле их обоюдного властвования над революционной страной, уже не скрывали, выявляя ее все ясней и понятней для масс и для несправившейся с делом организации масс партии левых эсеров, эта позиция большевиков, оболыщенных властью и ее безответственным хозяйничаньем уже не только над безымянной, слепо им доверившейся массой, но и над массой, большевикам не доверившейся, над массой, осознававшей себя и объединившейся под знаменем других революционных партий и организаций, — эта позиция тревожила, заставляла нервничать каждого революционера, и партию левых эсеров в особенности, потому что она начинала понимать, что недоценила своих сил и государственных организационных способностей, на основе коих она мечтала и революцию «спасти», и партию большевиков оборвать, дав ей почувствовать, что она одна, без блока с нею (с левозеро́вской партией), не справится с революцией, что революция высвободится из-под ее власти... А если революция действительно высвободится из-под власти, то это для социалистов-государственников (и большевиков-коммунистов и левых эсеров), почти уже оседлавших революцию, будет прямым историческим позором...

Но партия большевиков уже настолько опьянела от своей фактической и формальной государственной власти в стране, что и подумать о чем-либо, связанном с левозеро́вским политическим беснованием, не находила времени. Она все решительнее толкала свои силы и связанные с ними трудовые массы на то, чтобы целиком и полностью перейти на свой собственный путь, который в

ее партийном представлении понимался как путь создания прочного «пролетарского» государства с такой же прочной «пролетарской» властью во главе.

Все то, что я услышал в Москве, за чем наблюдал и в наших анархических рядах, и в рядах социалистов, большевиков-коммунистов и левых социалистов-революционеров, все это меня, вовсе не интересовавшегося «правом» тех или других на власть, считавшего спасение революции первым и важнейшим делом в этой реакционной обстановке, которая в силу нашей дезорганизованности не позволяла анархизму ставить решительные ультимативные условия зарывавшемуся большевизму, — все это, говорю, меня угнетало подчас так тяжело, что я собирался прекратить все свои наблюдения, все свои знакомства с людьми и их делами и уехать без всяких документов на Украину, поближе к Гуляй-Полю раньше, чем это было условлено с товарищами на нашей таганрогской конференции. Подчас казалось, что все революционные завоевания народа гибнут по вине самого же народа и что помешать этому процессу окончательно развиться уже поздно. Кроме того, я заметил, что комендант отеля, наш товарищ Бурцев, начинал тяготиться нашим проживанием у него. Это обстоятельство поставило передо мной задачу: использовать мои официальные документы и достать бесплатную комнату от Московского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Я пошел в Совет. Однако в Моссовете мне дали только пропуск в Кремль, во ВЦИК Советов, где я должен-де предъявить свои документы, и уже тогда ВЦИК Советов сделает на них свою отметку, по которой Московский Совет может дать мне ордер на занятие бесплатной комнаты.

Глава XVII

КРЕМЛЬ, СВЕРДЛОВ И МОЯ БЕСЕДА С НИМ

Я подошел к воротам Кремля с определенным намерением: во что бы то ни стало повидаться с Лениным и по возможности с Свердловым, поговорить с ними.

У ворот, ведущих в Кремль, дежурная комнатунка. В ней сидит доверенное лицо, которое по предъявлении документа-ордера из Московского Совета осматривает его, прилагает к нему свой маленький ордерок и отпускает желающего пройти в Кремль. Тут же сбоку этой комнатунки прохаживается часовой-красноармеец из латышского стрелкового полка. Проходишь мимо этого часового при входе из ворот во двор Кремля и натыкаешься на другого часового. Можешь спросить его, в какой корпус ты хочешь пройти, он тебе укажет. А далее хочешь, ходи по двору и осматривай разнокалиберные пушки и ядра к ним допетровских и петровских времен, Царь-колокол и другие достопримечательности, о которых ты мог только слышать, но до входа во двор Кремля ты их не видел, или же иди в дворцы-палаты.

При входе во двор Кремля я повернул влево, прямо во дворец (не помню его названия), поднялся по трапу, кажется, на второй этаж и по коридору этого этажа пошел влево, не встречая ни одного человека и лишь читая на одних дверях — «ЦК партии» (коммунистов-большевиков), на других — «Библиотека» (не узнал, какая). И так как ни «ЦК партии», ни «Библиотека» мне в это время не были нужны, то я прошел мимо них, неуверенный даже в том, что за дверями с этими надписями кто-либо был.

Проходя далее по тихому длинному коридору, я встречал еще какие-то надписи на дверях, но все они не говорили мне ничего о тех, к кому я пришел. Я повернул назад и, дойдя до двери с надписью «ЦК партии», постучал в нее. Раздался голос: «Войдите». И я вошел. В комнате сидело три человека. Один из них мне показался Загорским, которого я всего два или три дня назад видел в одном из большевистских партийных клубов. К ним, этим сидевшим в гробовой тишине за какой-то работой трем людям, я и обратился с просьбой показать мне, где помещается ВЦИК Советов.

Один из них (если не ошибаюсь, Бухарин) вскочил и, взяв под руку портфель, сказал, обращаясь к своим товарищам, но так, чтобы и я слышал:

— Я сейчас ухажу и этому товарищу, — показывая на меня кивком головы, — покажу, где ВЦИК.

И в ту же минуту направился к двери. Я поблагодарил их всех и вышел вместе с казавшимся мне Бухариным в коридор, в котором по-прежнему царил гробовая тишина.

Мой проводник спросил меня, откуда я приехал. Я ответил ему: из Украины. Он очень заинтересовался тем, какой террор царит на Украине и как я пробрался в Москву. При этом мы уже не шли, а стояли у ступеней, по которым я поднимался в этот коридор.

Затем мой случайный проводник указал мне на дверь по правую сторону от входа в этот коридор, за которой я, по его словам, мог узнать все, что касается ВЦИКа, и, попрощавшись, спустился вниз, к выходу из дворца во двор.

Я пошел к указанной мне двери. Постучал. Вошел. Меня встретила девица. Спросила, что мне нужно.

— Я хочу видеть председателя Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов товарища Свердлова, — ответил я на вопрос девицы.

Девица, ничего мне не говоря, села за письменный стол. Затем взяла мой документ и пропуск в Кремль, кое-что выписала из них, написала мне карточку и указала номер другой двери, куда я должен зайти.

Там, куда меня направила барышня по особому пропуску, помещался секретарь ВЦИКа Советов — крупный мужчина, видно выхоленный, но с изнуренным лицом. Он спросил меня, что мне нужно. Я пояснил. Тогда он попросил бумаги, удостоверения. Я дал. Мои бумаги его заинтересовали. Он переспросил меня:

— Так вы, товарищ, с Юга России?

— Да, я из Украины, — ответил я ему.

— Вы председатель Комитета защиты революции времен Керенского?

— Да.

— Значит, вы — социалист-революционер?

Я отвечаю:

— Нет.

— Какие связи имеете или имели от партии коммунистов вашей области?

— Я имею личные связи с рядом работников партии большевиков, — ответил я ему.

И тут же назвал председателя Александровского ревкома товарища Михайлевича и кое-кого из Екатеринослава.

Секретарь замолк на минуту, а затем принялся расспрашивать меня о настроении крестьян на Юге России, о том, как крестьяне отнеслись к немецким армиям и отрядам Центральной рады, каково отношение их к Советской власти и т. п.

Бегло я ему ответил и видел, что секретарь был доволен; а я лично жалел, что не мог распространяться с ним на эту тему.

Затем он позвонил куда-то по телефону и тут же предложил мне пройти в кабинет председателя ВЦИКа товарища Свердлова.

Это напомнило мне легенду и контрреволюционеров, и революционеров, и даже моих друзей — противников политики Ленина, Свердлова и Троцкого, распускавших слухи, что к этим в своем роде земным богам добраться недоступно. Они окружены, дескать, большой охраной, начальники которой на свое лишь усмотрение допускают к ним посетителей, и, следовательно, простым смертным к богам этим не дойти.

Теперь я остро почувствовал вздорность этих слухов и свободно подходил к двери кабинета Свердлова. Последний сам открыл нам дверь и с мягкой, казалось, товарищеской улыбкой подал мне руку и повел меня к креслу.

Секретарь вернулся в свой кабинет.

Товарищ Свердлов показался мне несколько бодрее, чем его секретарь. Мне показалось также, что он глубже заинтересовался тем, что в действительности происходило на Украине за последние два-три месяца. Он сразу выпалил мне:

— Товарищ, вы с нашего бурного Юга; вы чем там занимались?

— Тем, чем занимались широкие массы революционных тружеников украинской деревни. Трудовая украинская деревня, приняв живое, непосредственное участие в революции, стремилась к полному своему освобождению. В ее передовых рядах я, можно сказать, был всегда первым на этом пути. Лишь теперь, в силу поражения и отступления общего революционного фронта из Украины, я очутился временно здесь.

— Что вы, товарищ, говорите, — перебил меня Свердлов, — ведь крестьяне на Юге в большинстве своем кулаки и сторонники Центральной рады.

Я рассмеялся и не слишком распространенно, но выпукло нарисовал ему действия организованного анархистами крестьянства в Гуляй-Польском районе против нашествия немецко-австро-венгерских экспедиционных армий и отрядов Центральной рады.

Товарищ Свердлов, как будто и поколебленный, не переставал, однако, твердить:

— Почему же они не поддерживали наших красногвардейских отрядов? У нас есть сведения, что южное крестьянство заражено крайним украинским шовинизмом и всюду встречало экспедиционные немецкие войска и отряды Центральной рады с особенной радостью, как своих освободителей.

Я начал нервничать и горячо осуждать их сведения об украинской деревне. Я сознался ему, Свердлову, что сам являюсь организатором и руководителем ряда крестьянских вольных батальонов для революционной борьбы против немцев и Центральной рады и что я знаю, крестьянство могло бы выделить из себя могущественную революционную армию против немцев и Центральной рады, но оно не видело боевого фронта революции. В красногвардейские отряды, которые вели борьбу по линиям железных дорог, всегда держа своих эшелонов и при первом же неудачном бое не всегда даже грузившихся в эти эшелоны, а отступавших на десятки верст, не видя противника (движется он по их следам или остановился), — в эти отряды крестьянство не верило, ибо сознавало, что, будучи без оружия, оно останется само одиноким в своих селах на растерзание палачам революции. Красногвардейские отряды свои эшелоны не бросят в 10-20 верстах от деревни, чтобы прийти в нее и не только вооружить и, подбодрив, толкнуть крестьян на революционный подвиг, в бой против вооруженных врагов революции, но и самим пойти вместе с ними на этот подвиг...

Свердлов слушал меня с особым вниманием и лишь время от времени переспрашивал меня:

— Да неужели же это так?

Я указал ему на ряд красногвардейских отрядов из групп Богданова, Свирского, Саблина и других, указал в более спокойном тоне на то, что красногвардейские отряды, будучи прикреплены к путям железных дорог, к эшелонам, при помощи которых они привыкли быстро наступать, но чаще всего отступали от противника, не могли внушать серьезного доверия к себе со стороны крестьянской массы. А сама эта масса видела в революции средство избавления себя от гнета не только помещика и богатея-кулака, но и от слуги этих последних — власти политического и административного чиновника сверху и поэтому совершенно сознательно была готова защищать себя, защищать свои завоевания от казни и разрушения их немецким юнкерством и гетманщиной.

— Да, да, на счет красногвардейских отрядов вы, пожалуй, правы... Но мы их уже реорганизовали в Красную Армию. Теперь у нас растет могучая Красная Армия, и если южное крестьянство так революционно, как вы мне его представили, то мы имеем боль-

шие шансы на то, что немцы будут разбиты, гетман низвергнут в самом недалеком будущем и власть Советов на местах восторжествует и там, на Украине, — сказал мне Свердлов.

— Это будет зависеть от того, какая подпольная работа будет вестись там. Я лично считаю, что теперь больше, чем когда-либо, там нужна подпольная работа революционеров, работа главным образом организационная, боевого характера, которая помогла бы массам выйти на путь открытого восстания по городам и деревням против немцев и гетмана. Без восстания чисто революционного характера внутри Украины нельзя немцев и австрийцев заставить отступить из Украины, а гетмана и гетманцев пленить или заставить бежать вслед за немцами и австрийцами. Наступление Красной Армии немыслимо в силу Брестского договора и тех условий чисто политического характера, которыми наша революция окружена извне.

Когда я все это говорил товарищу Свердлову, он делал какие-то отметки для себя, говоря мне:

— Вашу точку зрения в данном случае я целиком разделяю. Но скажите мне, кто вы такой, коммунист или левый эсер? О том, что вы украинец, видно из вашего разговора, а к какой из этих двух партий принадлежите, нельзя понять.

Этот вопрос меня если и не смутил (потому что секретарь ВЦИКа мне его уже задавал), то, во всяком случае, поставил в затруднительное положение. Передо мной встал тоже вопрос: как быть? Сказать ему, Свердлову, прямо, что я — анархист-коммунист, товарищ и друг тех, чьи организации его друзья по управлению революционной страной и по партии разрушили всего два месяца тому назад в Москве и в ряде других городов, или скрыться под другим флагом?

Я боролся с самим собой, и это было заметно для Свердлова. Открыть свою социально-революционную и политическую принадлежность в середине разговора я не хотел. А скрываться под другим флагом мне было противно. Поэтому я после некоторого раздумья сказал Свердлову:

— Почему вас так интересует моя партийная принадлежность? Разве вам недостаточно моих документов, удостоверяющих, кто я, откуда и какую роль играл в известном районе в организации тружеников деревни и города, в организации их боевых отрядов и вольных батальонов против контрреволюции, разгуливающей на Украине?

Товарищ Свердлов извинился передо мной, просил меня не подозревать его в нереволуционной чести и недоверии ко мне. Извинение его показалось настолько искренним, что я почувствовал себя нехорошо и без всяких дальнейших колебаний заявил ему, что я — анархист-коммунист бакунинско-кропоткинского толку.

— Да какой же вы анархист-коммунист, товарищ, когда вы признаете организацию трудовых масс и руководство ими в борьбе с властью капитала?! Для меня это совсем непонятно! — воскликнул Свердлов, товарищески улыбаясь.

На это удивление председателя ВЦИКа я ответил коротко:

— Анархизм, — сказал я ему, — идеал слишком реальный, чтобы не понимать современности и тех событий, в которых так или иначе участие его носителей заметно, чтобы не учесть того, куда ему нужно направить свои действия и с помощью каких средств...

— Так-то так, но ведь вы же совсем не похожи на анархистов, которые здесь (в Москве) осели было на Малой Дмитровке, — сказал мне Свердлов и хотел рассказать мне что-то об анархистах из Малой Дмитровки, но я заметил ему:

— Разгром вашей партией анархистов на Малой Дмитровке следует считать печальным явлением, которого в дальнейшем нужно избегать хотя бы во имя революции...

Свердлов несколько раз буркнул что-то себе под нос, а затем быстро поднялся со своего кресла, подошел ко мне, взял меня за плечо и, полунагибаясь, сказал мне:

— Знаете что, товарищ, вы очень многое знаете о нашем общем отступлении из Украины и в особенности о действительном настроении крестьян. Ильич, или товарищ Ленин, выслушал бы вас с особым вниманием и был бы доволен этим. Хотите, я позволю ему?

Я ответил, что больше того, о чем я говорил с ним, я вряд ли скажу и Ленину, но Свердлов уже позвонил по телефону к Ленину и сообщал ему, что он имеет у себя товарища, который привез весьма важные сведения о крестьянах на Юге России и их отношении к немецким экспедиционным армиям. И тут же уговаривался, когда можно будет зайти к нему.

А через минуту Свердлов положил трубку и быстро написал мне, за личной своей подписью, пропуск к себе. Вручая мне этот пропуск, он сказал:

— Товарищ, завтра в час дня зайдите прямо сюда, ко мне, и мы пройдем к товарищу Ленину... Смотрите, непременно зайдите.

— Я зайду... Но как же с тем, чтобы достать от секретариата ВЦИКа бумагу в Московский Совет, чтобы указали мне временную и бесплатную квартиру? В противном случае я принужден буду ночевать где-нибудь в сквере на лавке, — спросил я Свердлова.

— Все устроим завтра, — ответил он мне. И я, распрощавшись с ним, вышел из царских палат во двор Кремля, снова обошел круг лежавших под стенами ядер и пушек, бросил лишний раз свой взор на Царь-пушку и покинул Кремль. До завтра...

Теперь я не пошел в номера, принадлежавшие крестьянской секции ВЦИКа Советов, где заведующим был однопроцессник Аршинова Бурцев, который многих, в том числе и Аршинова, приютил возле себя и постепенно начинал тяготиться ими. Я пошел к заведующему Домом профсоюзов, к анархисту Маслову.

Будучи знаком с Масловым по каторге, я заявил ему, что, не имея сейчас где ночевать, я останусь на ночь-две у него.

Маслов не возражал мне, и я остался у него.

Сверх ожиданий Маслов оказал мне особое гостеприимство, не смотря на мое издевательство над его своеобразным индивидуализмом, поставившим его вне всяких более или менее серьезных товарищеских связей со своими бывшими товарищами по старой московской организации анархистов-коммунистов.

Глава XVIII

МОЯ ВСТРЕЧА И РАЗГОВОР С ЛЕНИНЫМ

На другой день ровно в час дня я был опять в Кремле, у председателя Всероссийского Центрального Комитета Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов товарища Свердлова. Он провел меня к Ленину. Последний встретил меня по-отцовски и одной рукой взял за руку, другой, слегка касаясь моего плеча, усадил в кресло. Затем попросил Свердлова сесть, а сам прошелся к своему, по-видимому, секретарю или переписчику и сказал ему: «Вы, пожалуйста, закончите это к двум часам», — и лишь тогда сел против меня и начал расспрашивать.

Первое: из каких я местностей?.. Затем: как крестьяне этих местностей восприняли лозунг «Вся власть Советам на местах!» и как реагировали на действия врагов этого лозунга вообще и Украинской Центральной рады в частности? И бунтовались ли крестьяне моих местностей против нашествия контрреволюционных немецких и австрийских армий?.. Если да, то чего недоставало, чтобы крестьянские бунты вылились в повсеместные восстания и не слились с красногвардейскими отрядами, с таким мужеством защищавшими наши общие революционные достижения?..

На все эти вопросы я отвечал Ленину кратко. Ленин же со свойственным организатору и руководителю умением старался так обставлять свои вопросы, чтобы я как можно подробнее на них останавливался. Так, например, на вопрос, как крестьяне тех местностей, откуда я, воспринимали лозунг «Вся власть Советам на местах!», Ленин переспрашивал меня три раза, и все три раза удивлялся тому, что я говорил ему, а именно, что этот лозунг крестьянами воспринят своеобразно: власть Советов на местах — это по-крестьянски значит, что вся власть и во всем должна отождествляться непосредственно с сознанием и волей самих трудящихся; что сельские, волостные или районные Советы рабоче-крестьянских депутатов есть не более и не менее как единицы революционного группирования и хозяйственного самоуправления на пути жизни и борьбы трудящихся с буржуазией и ее прихвостнями — правыми социалистами и их коалиционной властью...

— Думаете ли вы, что это понимание крестьянами нашего лозунга «Вся власть Советам на местах!» — правильное понимание? — спросил меня Ленин.

Я ответил:

— Да.

— В таком случае крестьянство из ваших местностей заражено анархизмом, — добавил Ленин.

— А разве это плохо? — спросил я его.

— Я этого не хочу сказать. Наоборот, это было бы отрадно, так как это ускорило бы победу коммунизма над капитализмом и его властью.

— Для меня это лестно, — сказал я Ленину, полуусмехаясь.

— Нет, нет, я серьезно утверждаю, что такое явление в жизни крестьянства ускорило бы победу коммунизма над капитализмом, — повторил мне Ленин и добавил: — Но я только думаю, что это явление в крестьянстве неестественно: оно занесено в его среду анархистскими пропагандистами и может быть скоро изжито. Я готов допустить, что это настроение, будучи неорганизованным и подпав под удары восторжествовавшей контрреволюции, уже изжило себя.

Я заметил Ленину, что вождю нельзя быть пессимистом и скептиком.

Свердлов перебил меня:

— Так, по-вашему, нужно развивать это анархическое явление в жизни крестьянства?

— О, ваша партия развивать его не будет, — ответил я ему.

А Ленин подхватил:

— А во имя чего нужно бы его развивать? Во имя того, чтобы раздробить революционные силы пролетариата, чтобы открыть путь росту и развитию контрреволюции и в конце концов пойти самим и повести весь пролетариат на ее эшафот?

Я не сдержался и нервно заметил Ленину, что анархизм и анархисты к контрреволюции не стремятся и не ведут к ней пролетариат.

— А разве я это сказал? — спросил меня Ленин и далее пояснил: он хотел этим сказать, что анархисты, не имея серьезной своей организации широкого масштаба, не могут организовывать пролетариат и беднейшее крестьянство и, следовательно, не могут поднимать их на защиту, в широком смысле этого слова, того, что завоевано всеми нами и всем нам дорого.

Далее мы перевели разговор на другие его вопросы. И на один из них, на вопрос о «красногвардейских отрядах и их революционном мужестве, с которым они защищали наши общие революционные достижения», Ленин заставил меня ответить ему подробнейшим образом. Этот вопрос, видимо, беспокоил его, или же он восстанавливал в памяти то, что еще так недавно проделано было красногвардейскими группами и отрядами на Украине, проделано как будто успешно, с достижением той цели, которую Ленин и его партия ставили перед собой и во имя которой посылали эти группы и отряды из далекого Петрограда и других больших городов России на Украину. Помню, как Ленин с особым душевным

беспокойством, которое может быть только у человека, живущего страстью борьбы с ненавистным ему строем и жадной победы над ним, тревожился, когда я сказал ему:

— Я — участник разоружения десятков казачьих эшелонов, снявшихся с противогерманского фронта в конце декабря 17-го и в начале 18-го года, и хорошо знаком с «революционным мужеством» красногвардейских групп и отрядов, а в особенности их командиров... И мне кажется, что вы, товарищ Ленин, имея о нем сведения из второстепенных и третьестепенных рук, преувеличиваете его.

— Как так? Вы его не признаете? — спросил меня Ленин.

— Были и революционность, и мужество в красногвардейцах, но не такие уж великие, как вы себе их представляете. Были моменты в борьбе красногвардейцев с гайдамаками Центральной рады и в особенности с немецкими полками, когда революционность и мужество и самих красногвардейцев, и их командиров были очень бледны и ничтожны. Правда, по-моему, это объясняется во многих случаях тем, что красногвардейские формирования производились наспех и придерживались методов борьбы с противником, непохожих ни на партизанские, в глубоком смысле этого слова, ни на фронтовые. Ведь для вас должно быть известно, что красногвардейские группы и отряды, как бы они ни были многочисленны или малочисленны, производили наступления свои против противника по-над линиями железных дорог. Расстояние в 10-15 верст от железных дорог оставалось свободным; в нем могли находиться сторонники либо революции, либо контрреволюции. И в зависимости от этого в большинстве случаев находился успех наступлений. Лишь на подходах к узловым станциям или городам и селам, пересекаемым железной дорогой, красногвардейские части принимали фронтовую линию и производили свои атаки. Но и тыл, и окружность атакуемого места оставались невыясненными. От этого наступательное дело революции страдало. Потому что при таком ведении его красногвардейские части не успевали даже выпустить свое воззвание ко всему району, как контрреволюционные силы уже переходили в контрнаступление и зачастую заставляли красногвардейцев бежать на десятки верст, бежать опять-таки по путям линий железных дорог, в эшелонах. Таким образом, население деревень их и не видело. И только поэтому оно не могло их поддерживать...

— Что же революционные пропагандисты делают по деревням? Разве они не успевают подготовить деревенских пролетариев к тому времени, когда красногвардейские части проходят мимо них, чтобы пополнять их свежими борцами или создавать новые самостоятельные красногвардейские отряды и занимать новые боевые участки против контрреволюции? — нервно спросил меня Ленин.

— Не нужно увлекаться. Революционных пропагандистов по деревням так мало, и они там так беспомощны! А там же сотни

пропагандистов, тайных врагов революции, приезжают ежедневно. Ожидать от революционных пропагандистов, что они создадут новые силы революции в деревнях и организованно противопоставят их контрреволюции, во многих местах и в большинстве случаев не приходится. Ведь время, — в заключение ответил я Ленину, — требует решительных действий всех революционеров и во всех областях жизни и борьбы трудящихся. Не учитывать этого — у нас, на Украине, в особенности — значит дать возможность контрреволюции гетманщины свободно развиваться и укреплять свою власть.

Свердлов, глядя то на меня, то на Ленина, с нескрываемым восторгом улыбался. Ленин же, сложивши палец меж пальцев кисти своих рук и нагнувши голову, о чем-то думал. Затем выпрямился и сказал мне:

— Обо всем, что вы мне сейчас осветили, приходится сожалеть.

А далее, поворачивая голову к Свердлову, добавил:

— Реорганизовав красногвардейские отряды в Красную Армию, мы идем по верному пути, к окончательной победе пролетариата над буржуазией.

— Да, да, — быстро сказал Свердлов.

Потом Ленин спросил меня:

— Чем вы думаете заняться в Москве?

Я ответил, что здесь задержался ненадолго: по решению нашей повстанческой конференции в Таганроге я должен быть к первым числам июля на Украине.

— Нелегально?

— Да.

Ленин, обращаясь к Свердлову, говорит:

— Анархисты всегда самоотверженны, идут на всякие жертвы, но близорукие фанатики, пропускают настоящее для отдаленного будущего... — И тут же просит меня не принимать это на свой счет, говоря: — Вас, товарищ, я считаю человеком реальности и кипучей злобы дня. Если бы таких анархистов-коммунистов была хотя бы одна треть в России, то мы, коммунисты, готовы были бы идти с ними на известные условия и совместно работать на пользу свободной организации производителей.

Я лично почувствовал, что начинаю благоговеть перед Лениным, которого недавно убежденно считал виновником разгрома анархических организаций в Москве, что послужило сигналом для разгрома их и во многих других городах России. И я глубоко в душе начал стыдиться самого себя, быстро ища подходящего ответа ему.

Я выпалил в него словами:

— Анархисты-коммунисты все дорожат революцией и ее достижениями; а это свидетельствует о том, что они с этой стороны все одинаковы...

— Ну, этого вы нам не говорите, — сказал смеясь Ленин. — Мы знаем анархистов не хуже вас. Большинство из них если

не ничего, то, во всяком случае, мало думают о настоящем; а ведь оно так серьезно, что не подумать о нем и не определить своего положительного отношения к нему революционеру больше чем позорно... Большинство анархистов думают и пишут о будущем, не понимая настоящего; это и разделяет нас, коммунистов, с ними.

При последней фразе Ленин поднялся со своего кресла и, пройдясь взад и вперед по кабинету, добавил:

— Да, да, анархисты сильны мыслями о будущем; в настоящем же они беспочвенны, жалки исключительно потому, что они в силу своей бессодержательной фанатичности реально не имеют с этим будущим связи...

Свердлов усмехнулся и, обращаясь ко мне, сказал:

— Вы этого отрицать не можете. Замечания Владимира Ильича верны.

— А разве анархисты когда-либо сознавали свою беспочвенность в жизни «настоящего»? Они об этом никогда и не думают, — подхватил Ленин.

На все это я сказал Ленину и Свердлову, что я полуграмотный крестьянин и о такой запутанной мысли об анархистах, какую Ленин сейчас мне выражал, спорить не умею.

— Но скажу, что ваше, товарищ Ленин, утверждение, будто анархисты не понимают «настоящего», реально не имеют с ним связи и т. п., в корне ошибочно. Анархисты-коммунисты на Украине (или, как вы, коммунисты-большевики, стараясь избежать слова Украина, называете ее Югом России) дали уже слишком много доказательств тому, что они целиком связаны с «настоящим». Вся борьба революционной украинской деревни с Украинской Центральной радой велась под идейным руководством анархистов-коммунистов и отчасти русских эсеров (которые, правда, имели совсем другие цели в своей борьбе с радой, чем мы, анархисты-коммунисты). Ваши большевиков по деревням совсем почти нет, а если есть, то их влияние там совсем ничтожно. Ведь почти все сельскохозяйственные коммуны и артели на Украине были созданы по инициативе анархистов-коммунистов. А вооруженная борьба трудового населения Украины с вооруженной контрреволюцией вообще и с контрреволюцией в лице экспедиционных немецко-австро-венгерских армий была начата исключительно под идейным и организационным руководством анархистов-коммунистов. Правда, не в ваших партийных интересах признать все это за нами, но это факты, которые вы не можете опровергнуть. Вам, я думаю, хорошо известны по численности и боеспособности все революционные отряды на Украине. Ибо неспроста же вы мне подчеркивали революционное мужество, с которым они так геройски защищали наши общие революционные достижения... Из них добрая половина находилась под анархическими знаменами. Ведь командиры отрядов Мокроусов, М. Никифорова, Чередняк, Гарин, Черняк, Лунев и многие другие, имена которых, чтобы перечисть, потребуют много

времени, — они все анархисты-коммунисты. Здесь я не говорю еще о себе лично, о группе, к которой я принадлежу, и обо всех тех отрядах и вольных батальонах защиты революции, которые были нами созданы и которые не могли быть неизвестными вашему высшему красногвардейскому командованию... Все это достаточно убедительно говорит о том, как ошибочно ваше, товарищ Ленин, утверждение, что мы, анархисты-коммунисты, беспомощны, жалки в «настоящем», хотя любим много думать о «будущем». Выше мною сказанное не подлежит сомнению, оно верно, и оно говорит обратное вашим заключениям о нас. Оно говорит всем, в том числе и вам, что мы, анархисты-коммунисты, всем своим существом погрузились в «настоящее», работаем в нем и именно в нем ищем приближения нас к будущему, о котором, да, мы думаем, и думаем серьезно...

В это время я взглянул на председателя ВЦИКа Свердлова. Он покраснел, но улыбался мне.

Ленин же разводил руками и говорил:

— Возможно, что я ошибаюсь.

— Да, да, вы, товарищ Ленин, в данном случае жестоко осудили нас, анархистов-коммунистов, только потому, я думаю, что вы плохо информированы об украинской действительности и о нашей роли в ней, — заметил я ему.

— Может быть. Я этого не отрицаю. Ошибаться свойственно каждому человеку, в особенности в такой обстановке, в какой мы находимся в настоящий момент, — твердил, разводя руками, Ленин. И тут же, видя, что я немного разнервничался, старался потцовски успокаивать меня, с утонченным мастерством перевода разговор на другую тему.

Но скверный, если можно так выразиться, характер мой при всем моем уважении к Ленину, которое я питал к нему при данном разговоре, не позволил мне интересоваться дальнейшим разговором с ним. Я чувствовал себя как бы обиженным. И вопреки сознанию, что передо мною сидит человек, с которым следовало бы о многом и многом поговорить, у которого многому можно научиться, настроение мое изменилось. Я не мог уже быть таким развязным в своих ему ответах, ибо почувствовал, что во мне что-то оборвалось, мне стало тяжело.

Нельзя сказать, чтобы этих быстрых перемен в моем настроении Ленин не заметил. Он их заметил и старался подорвать перемену во мне разговорами на совершенно отвлеченные темы. И заметив, что я начал постепенно выправлять свое настроение (я это чувствовал) и таять перед его красноречием, он вдруг совершенно неожиданно для меня повторно спросил меня:

— Итак, вы хотите перебраться нелегально на свою Украину?

Я ответил:

— Да.

— Желаете воспользоваться моим содействием?

— Очень даже, — ответил я.

Тогда Ленин обратился к Свердлову со словами:

— Кто у нас непосредственно стоит теперь в бюро по переправе людей на Юг?

Свердлов ответил:

— Товарищ Карпенко не то Затонский⁴⁰. Лучше всего справиться.

— Позвоните, пожалуйста, и узнайте, — попросил его Ленин, а сам повернулся ко мне.

В то время как Свердлов звонил по телефону, справляясь, кто — Затонский или Карпенко — непосредственно стоит у дела переправы людей на Украину для подпольной работы, Ленин убеждал меня, что из его отношения ко мне я должен заключить, что отношение партии коммунистов к анархистам не так уж враждебно.

— И если нам, — сказал Ленин, — пришлось энергично и без всяких сентиментальных колебаний отобрать у анархистов с Малой Дмитровки особняк, в котором они скрывали всех видных московских и приезжих бандитов, то ответственны за это не мы, а сами анархисты с Малой Дмитровки. Впрочем, мы их теперь уже не беспокоим. Вы, вероятно, знаете: им разрешено занять другое здание, там же, недалеко от Малой Дмитровки, и они свободно работают.

— А имеются ли у вас данные, — спросил я Ленина, — которые уличали бы анархистов с Малой Дмитровки, что они скрывают у себя бандитов?

— Да, Всероссийская чрезвычайная комиссия их собрала и проверила. Иначе наша партия не позволила бы ей действовать, — ответил Ленин.

В это время к нам снова подсел Свердлов и сообщил, что непосредственно у дела стоит товарищ Карпенко, но товарищ Затонский тоже в курсе всех этих дел.

Ленин тотчас же подхватил:

— Так вот, товарищ, зайдите завтра, послезавтра или когда найдете это нужным к товарищу Карпенко и попросите у него все, что вам нужно для нелегальной поездки на Украину. Он вам укажет и надежный маршрут через границу.

— Какую границу? — спросил я его.

— Разве вы не знаете? Теперь установлена между Россией и Украиной граница. Она охраняется немецкими войсками, — нервно заметил Ленин.

— Да вы же считаете Украину Югом России, — заметил я ему.

— Считать — одно, товарищ, а в жизни видеть — другое, — ответил Ленин.

Я на это ничего ему не возразил, так как он продолжал:

— Карпенко вы скажите, что я направил вас к нему. Если будет сомневаться, пусть справится по моему телефону. Адрес, где вы можете видеть товарища Карпенко, такой-то.

И мы все трое поднялись, пожали друг другу руки, сердечно, казалось, поблагодарили друг друга, и я вышел от Ленина, забыв даже напомнить Свердлову о том, чтобы он распорядился по своему секретариату сделать нужную отметку на моих документах на право получения от Моссовета ордера на занятие бесплатной квартиры.

Я быстро очутился во дворе Кремля, так же быстро вышел из него и пошел в номера, к товарищу Бурцеву.

Глава XIX

МОИ ВСТРЕЧИ С НОВЫМИ ЛЮДЬМИ И НОВЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ. МОИ ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ОТЪЕЗДУ НА УКРАИНУ

Как я уже отмечал выше, товарищ Бурцев тяготился тем, что мы зажились в заведомых им номерах. Тяготился он нами, быть может, потому, что свихнулся в сторону левой эсеровщины, в гущу которой он попал по приезду на IV Всероссийский съезд Советов в качестве делегата от одного из крестьянских районов Смоленской губернии. В крестьянской секции ВЦИКа Советов он и был избран заведовать ее номерами, в которых жили как постоянные, так и приезжающие и отъезжающие члены этой секции. А может быть, и что-либо другое побуждало его тяготиться тем, что несколько товарищей (и не все постоянно) у него жили... Трудно было выяснить это, а он сам ничего не говорил. Поэтому идти к нему мне было тяжело. Однако и не пойти нельзя было, так как мне нужен был Аршинов, которого можно было найти только у Бурцева... Я пошел. И к радости моей застал Бурцева в хорошем расположении духа. Он меня встретил с распростертыми объятиями. Рассказал мне, что много крестьян приехало из провинции, привезли ему хлеба (которого в то время в Москве трудно было достать: его не хватало; поэтому только чиновники правительственных учреждений получали его; рабочие же и тем более обыватели получали по карточкам вместо хлеба селедку или крупу). Дружески справился он о том, голоден ли я, и накормил меня.

На вопрос мой, здесь ли ночевал товарищ Аршинов и скоро ли он будет тут, Бурцев ответил, что трудно сказать, когда придет, не раньше ночи во всяком случае. И с особым недовольством начал рассказывать мне, что все наши товарищи ни черта не делают. Все подедалось лентяями: проводят время от 12-2 часов дня после обеда до 12-2 часов ночи где-либо по паркам, а остальное время за сном.

— Конечно, ты и Аршинова к этим лентяям причисляешь? — спросил я Бурцева.

Ответ последовал:

— Да.

— Но ведь он же занимается изданием книжек Кропоткина, — возразил я Бурцеву.

— Разве это работа?.. Книжечки по месяцу, по два лежат в типографии, — ответил Бурцев.

Этому неожиданному для меня мнению Бурцева о том, перед кем он прежде преклонялся, я не придавал значения, ибо я видел Аршинова за работой в качестве секретаря Союза идейной пропаганды анархизма. Хотя эта работа мне лично (да и вообще для того момента революции) казалась праздною, но Аршинова и его сотоварищей — Рощина, Борового, Сандомирского и других — она, очевидно, удовлетворяла.

Однако, как бы легко я ни отнесся к словам Бурцева, дышавшим гневом, рассуждения его подчеркнули мне мои собственные выводы после наблюдений во многих городах, в том числе и в Москве, за положением и развитием нашего анархического движения в то время. Я сравнивал то и другое с тем влиянием анархизма, которое мне хотелось бы видеть если не на самый ход событий, то хотя бы на руководителей этими событиями... Рассказ Бурцева глубоко запечатлелся в моей душе, что я заметил, как только ушел от него на ночлег к товарищу Маслову, где мог вспомнить его и продумать...

На другой день я опять зашел к Бурцеву, где и встретил Аршинова. Оба они, и Бурцев, и Аршинов, выразили мне свое удивление, почему я не прихожу к ним ночевать. Ответив на их вопрос, я сказал Аршинову, что был у «богов», в Кремле. Но он особенного значения этому не придавал, и я прекратил разговор, заявив, что в ближайшие дни выезжаю на Украину.

Этим последним вопросом товарищ Аршинов интересовался. Мы обсуждали его, начиная с первой же встречи нашей по приезде моем в Москву, и теперь еще живей принялись за него. Аршинов заручился от меня согласием на то, что я, зная, в каком положении находится наше движение в Москве вообще и в Союзе идейной пропаганды анархизма в частности, не буду забывать поддерживать его движение в финансовом отношении. И я ушел в город искать адреса тех, у кого можно было получить паспорт из Украины, способствующий совершенно свободно перейти русско-украинскую — гетманско-немецкую — границу.

Ленин направил меня за содействием по адресу какого-то Карпенко. Встреча же моя с товарищем Михайлевичем, председателем Александровского уездного революционного комитета, и беседа с ним о возвращении моем на Украину помогли мне уяснить конспиративный характер выдачи паспортов из местностей, занятых теперь немцами и гетманщиной. Дело это сосредоточивалось в руках товарища Затонского. Поэтому я с Михайлевичем и направился к Затонскому.

Михайлевич имел к нему какое-то еще свое дело и пошел вперед, а через несколько минут позвал и меня. Он отрекомендовал

меня Затонскому как своего хорошего знакомого и человека, известного на революционном поприще в деревне, на Украине.

Затонский стоя выслушал меня о том, чего я от него хочу. Я объяснил ему, что он, как член украинского Советского правительства, может и должен дать мне надлежащий паспорт из местности, оккупированной немецко-австрийскими армиями, чтобы я мог свободно перебраться в харьковском направлении через границу на Украину.

Он долго, с особым интересом расспрашивал меня: в какой район я думаю пробираться; знаю ли, что путь мой связан с большим риском, и главным образом не в пограничной полосе и не на самой границе, а внутри Украины, и т.д.

На все это и ему ответил, что все это мною продумано.

Затем, перебросившись несколькими фразами чисто отвлеченного характера со мною и с Михайлевичем, он попросил меня зайти к нему на другой день...

* * *

В ожидании завтрашнего дня я использовал время и разыскал польского социалиста — друга своего по каторге Петра Ягодзинского, где встретился с Махайским (основоположником особого рода теории и формы классовой борьбы трудящихся с капиталом). У Ягодзинского я и провел время за взаимным рассказом о том, кто из нас и наших друзей по каторге за что взялся по возвращении в свои местности.

Здесь же я узнал, что следственная комиссия из бывших политических московской каторги при чека обратилась ко всем узникам этой каторги с предложением сообщить ей данные, какие у кого имеются, о деспотах-надзирателях каторги. Последние были по распоряжению чека перееарестованы и теперь находились под следствием.

Помню, во мне закипело чувство гнева по отношению к этим деспотам-надзирателям и зародилось желание помстить им. Я думал пойти в эту следственную комиссию и дать о многих из них свои показания. Но мысли эти разлетались в клочья, когда я сосредоточивался на вопросе: допустимо ли революционеру-анархисту питать в себе такие чувства к тем, которые побеждены революцией? Я ответил себе: нет. Я допускаю месть, и жестокую месть только по отношению к тем, кто является виновниками строя, не могущего обойтись без тюрем. Этот вывод заставил меня воздержаться от участия с другими политическими каторжанами в обвинении даже тех деспотов, тюремных палачей, которые, по-моему, должны быть убиты в первый же день нашего освобождения. Такое убийство не вызвало бы ни у кого из нас — тех политических каторжан, которые не имели ни денег, ни склонности подкупать этих палачей (как это делала вся почти и всех политических группировок официальная интеллигенция), — ни боли, ни печали. Все

были бы довольны тем, что революция не прощает никому злодейских преступлений по отношению к ее сынам. Сейчас же, когда время прошло, революция торжествует, сейчас смерть, как и жизнь, этих негодяев казалась мне безразличной... С таким решением я вышел от Ягодзинского и поспешил отправиться на митинг Л.Троцкого, которым как оратором увлекался не только я за время своего пребывания в Москве, но и многие друзья и противники его. И нужно сказать правду, он этого заслуживал. Его речей нельзя было равнять ни с речами шелкопера Зиновьева, ни с речами Бухарина. Он умел говорить; и им можно было увлекаться. Правда, этому много помогало особо острое в смысле боевизма партии большевиков время.

В этот же день я встретился с Ривой, которая, мне казалось, была ответственным членом Мариупольской группы анархистов-коммунистов; таковой ее считали и другие члены этой группы, которые вместе с нею и со мною от самого Ростова ехали в глубь России. Лишь в Астрахани мы разъехались. Она держалась своих друзей и с ними застряла в Астрахани.

Теперь она перебралась в Москву. Хороший была товарищ, но как-то быстро покатила по наклонной плоскости от анархизма к большевизму, нашла себе друга большевика и затерялась в рядах большевиков до полного революционно-политического обезличения.

Поздним вечером возвратился я на ночлег к Бурцеву, который сверх ожидания встретил меня дружески. Аршинова еще не было. Я улегся спать.

Наутро я опять пошел к Затонскому. Теперь он был более определен. Расспросил меня более основательно о том, почему я стремлюсь в село, а не в город. Сообщил мне, что Михайлевич отрекомендовал ему меня с очень хорошей стороны. На этом основании он, дескать, говорит со мною совершенно откровенно. Предлагал связи в Харькове:

— Ведь если вы поедете на Украину с целью организации боевых повстанческих групп против немецких войск и гетмана, то Харьковский район самый подходящий для этого. И сейчас все анархисты и большевики обращают внимание на этот район...

На откровенность Затонского я ответил ему, что никакими посторонними обязанностями я свой путь на Украину не могу загромождать. Ни в одном городе задерживаться не могу и не хочу. Направляюсь на Запорожье в села, где я со своими товарищами слишком много поработал, и могу глубоко верить и питать надежды, что мое присутствие и готовность ко всяким жертвам там в настоящее время принесут пользу для украинской революции.

— Гм... гм... Ну тогда скажите: на какое имя и фамилию вы хотите сделать себе паспорт? — спросил меня Затонский.

Я ему написал: *Иван Яковлевич Шепель*, Матвеево-Курганской волости, Таганрогского округа, Екатеринославской губернии. Учитель. Офицер.

— Почему же вы избрали такую отдаленную от Запорожья местность?

Я ответил:

— Чтобы отвести всякое желание у пограничных властей подозревать меня, что я из тех районов, где революция имела наиболее яркое свое практическое выражение, и чтобы не погибнуть прежде достигнутой цели.

Затонский засмеялся и сказал: «Верно». И тут же попросил меня зайти к нему за паспортом через два дня.

Это меня несколько смутило, но делать было нечего. Я попрощался с ним и ушел.

Казалось, что я не получу этого паспорта и застряну если не в самой Москве, то в каком-либо другом городе на продолжительное время. А июль надвигался быстро, и не быть в первых его числах в Гуляй-Поле или где-либо поблизости от него — это значило не выполнить нашего, Гуляй-Польцев-революционеров, таганрогского постановления и впасть в общую болезнь — отделиться от всех и вся и в одиночку путаться из города в город, бесстыдно лицемеря перед незнающими тебя, будто ты разъезжаешь с каким-то поручением, будто ты чем-то занят и что-то делаешь в этом своем шатании. Этой болезни я не мог терпеть; всем своим существом я презирал ее. Поэтому ожидание, пока пройдут эти два дня, по истечении которых я должен буду получить паспорт, мучило меня, в особенности когда я встречал то тех, то других приезжих в Москву революционеров, которые чуть не все беззащитно лицемерили, что они озабочены судьбами революции на Украине, и жили, жили, ничего или почти ничего не делаая; жили, как достойные бойцы после неравной, но успешной борьбы с врагами. В особенности так жили люди из правительственных партий большевиков и левых социалистов-революционеров. Противно было смотреть на все это лицемерие. Но выйти из его прошлого омута, чтобы не замечать его хотя бы среди своих близких, нельзя было. Кольцо его слишком крепко охватывало в это время жизнь Москвы, и из него можно было выбраться, только покинув Москву, эту бестолково шумную Москву, подлинно революционный дух которой в это время постепенно уже замирал во властническом политическом круговороте... можно сказать, растерянную Москву, к которой я питал особую злобу, как к содержанке тысяч путавшихся в ней бездельников, не перестававших не только льстить, но и орать во все горло о себе как о неустанных работниках движения.

Когда по деревням и другим городам в них нуждались, когда там они могли бы если не сделаться действительно неустанными работниками нашего движения, то по крайней мере стать полезными для него и для тех, силой которых наше движение ставит себе задачу осуществить исторические цели революции, многие и многие из нас, анархистов, в особенности чуть-чуть теоретически определившихся, попусту тратили время на ложные

потуги отыскать в анархизме что-то сверхсовершенное, чему нет места в жизни настоящего. Место ему, дескать, только в будущем, и то неизвестно в каких формах. Эти бессодержательные для рабочего революционного анархизма потуги исказили самый смысл и содержание анархистского действия в революциях «настоящего». Благодаря им анархист должен теперь сознавать свое организационное ничтожество, несмотря на то что был одним из первых предвестников идеи социальной революции, и по долгу должен бы был не только морально, но и организационно оправдать ее зачатки, дать толчок к дальнейшему их развитию и углублению. Да неужели же это так будет и там, куда я лечу, чтобы страдать и радоваться в борьбе за освобождение угнетенных?

Нет! Нет! В украинской действительности повторный этап революции пойдет хотя и более резким, но зато и более верным путем, думал я в последние минуты перед выездом из Москвы. Здесь революция приняла окончательно бумажный характер: все ее дело проводится по декрету. Но украинские труженики, наученные горьким опытом, будут избегать этого, и революция будет подлинно трудовой революцией; социальные вехи ее неминусом должны принять глубоко революционный характер; и это поможет труженикам деревни и города снести на своем пути весь партийный политический авантюризм. При этом передо мною беглой вереницей проходили все съезды, собрания, митинги — анархистов, большевиков, левых эсеров... Я погружался целиком в самого себя. Многое мешало мне, однако, полностью останавливаться на всем, что приковывало мое внимание. Поэтому все мои воспоминания носили отрывочный характер. Так, например, я сосредоточился на съезде текстильщиков. Я вспомнил, как представители рабочих разрешали те или другие вопросы, хотя и от имени своего класса, но не его подлинной волей, а волей политических партий, из которых, как известно, каждая хотя и считала себя представительницей пролетарского класса, но по-своему и прежде всего в своих партийных интересах понимала и истолковывала его цели и обязанности в момент строительства социалистического государства (которое ему, пролетариату, нужно, как пятое колесо в телеге). А понимание и истолковывание это в умах и устах политических партий сводилось к тому, что пролетариат должен создать себе власть и надеяться и ожидать, что она, эта власть, создаст для него новые условия свободы и радости в жизни. А это, по-моему, во-первых, резко отмежевывало пролетариат и его цели в революции от трудового крестьянства, без взаимного сотрудничества с которым трудовая жизнь и классовая борьба за нее не могут достигь своих целей настолько, чтобы не дать места внутри себя политической и даже экономической реакции пролетариев города против пролетариев деревни. Во-вторых же, такое автоматическое подчинение пролетариев вообще как класса

каким бы то ни было политическим партиям отдаст его этим партиям на самое позорное издевательство как в духовном, так и в физическом отношениях. Это соответствует зарождению и развитию в огромной части городского пролетариата России и Украины мысли о необходимости «своей» государственной политической власти и ее диктатуры именно в духе толкований тех или других политических партий. Во имя этой власти часть пролетариата, которая сама коренным образом ничего изменить не может (это ей одной не под силу), разбивает единство всего трудового организма. Во имя нее же эта часть пролетариата создает новые, якобы «пролетарские» кадры, совершает поход против несогласившихся с нею, хотя и не вредящих ей, или борется зачастую за то, что в недалеком будущем во имя свободы, вольного труда и равенства сама же будет отбрасывать в сторону как хлам, искусственно вызванный к жизни в момент революции, которая сама же первыми своими практическими шагами показала, что она перешагнула через этот хлам и движется вперед. Благодаря всем этим явлениям, в тружеников деревни и города со временем закрадывается (и развивается) недоверие одних к другим. И благодаря ему же труженики всегда в результате всех своих исторических битв с властью капитала и его слуги — государства оставались в плену этой власти.

Идеологи политического авантюризма, по которому равняется почти все их принципиальное отношение к каждому освободительному движению тружеников, подхватывают это недоверие одних тружеников к другим, истолковывают причины, вызвавшие его в ложном виде, и на нем строят свои партийные программы, указывающие труженикам, что, только следуя их положениям, можно отыскать, правильно понять и устранить причины этого недоверия. Городской пролетариат, а также и трудовое крестьянство, потеряв свою целость, то трудовое единство, из которого единственно можно было бы черпать силу для общей и великой борьбы за общее и полное свое освобождение, за своевременную взаимную поддержку и за знание, поддаются на эту удочку политического авантюризма и бросаются в объятия той или другой политической партии, вспоенной и воспитанной на атом авантюризме. Тем самым пролетариат и крестьянство дробят, расплющивают свой трудовой фронт, обессиливают свою классовую мощь, за счет которой все, кому только не лень, и во всех отношениях живут и наживаются во благо свое, своих близких, но только не на благо рабочих и крестьян. Правда, устои этой подлости революция пошатнула в корне. Но уничтожит ли она их совсем — это вопрос, на который я не могу ответить утвердительно теперь, когда я проехал десятки городов и побывал в самом сердце этих городов — их политическом руководителе — Москве, где вижу, как слабы, ничтожны, да к тому еще и неорганизованы те наши общие революционные силы, которые самой историей, казалось,

были призваны в революцию, чтобы вывести ее из буржуазно-политического тупика на простор революционно-социального действия. Простором этого действия завладели политические партии. Они не задумываются серьезно ни над временем, ни над его подлинными требованиями. На их долю выпало стать во главе революции. Правда, революция эта чревата последствиями, но пока что они хозяева и властители дум широких трудовых масс. Они уродуют эти думы и направляют по своему партийному руслу, считая все это ввиду таких-то и таких-то причин (как они обыкновенно выражаются) неизбежным, даже необходимым.

То обстоятельство, что двум политическим партиям — большевиков и левых эсеров — посчастливилось стать во главе революции, что эти партии умело подошли к широким трудовым массам в деревне и городе и организованно овладели ими, — это обстоятельство в значительной степени помогло им лишиться профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты и производственные кооперативы трудящихся возможности развиваться в духе подлинной революционной хозяйственности, возможности создать из этих организаций исходный пункт и операционную базу, чтобы двигаться вперед в борьбе с контрреволюцией, определенно осознавая свои цели, предостерегая себя от недочетов и ошибок. Весь политический путь революции делал профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты и производственные кооперативы трудящихся, а также и самих трудящихся не только бессильными, но и неспособными без опеки политических партий и их государственной власти самостоятельно отвоевывать себе право на социальную независимость, самостоятельно отвергать одни принципы во имя других, наиболее отвечающих характеру революции.

Политические партии, даже самые левые из них над этим серьезно никогда не задумывались. Не задумываются они и над последствиями своих действий в русской революции. Увлекаясь сами своими «успехами», они увлекают за собой и слепо им доверившиеся трудовые массы, увлекают часто в такой омут сумятицы и неопределенностей, которого и сами не в состоянии ни понять, ни расклевать... Такое положение я сейчас лично наблюдаю и думаю, что его многие чувствуют в эти июньские дни восемнадцатого года в России не только в рядах широкой трудовой массы, но и внутри самого большевистско-левоэсеровского блока, когда, с одной стороны, Вильгельм Второй через своего посланника Мирбаха и через самих большевиков ставит препятствия развитию русской революции, а с другой стороны, пролетариат и крестьянство на всех своих съездах требуют для революции широкого простора. Хотя благодаря этому большевистско-левоэсеровский блок и дал окончательную трещину и можно ожидать боя, но это обстоятельство не может стереть того преступления, какое этот блок уже совершил по отношению к широким трудовым массам, которыми и во имя которых революция совершалась.

Так думалось мне. И еще задумывался я над тем, что будет, когда широкие трудовые массы, которые так искренне и глубоко верили в чистоту принципов Октябрьской революции, узнают, как эти принципы попираются в Москве, к которой как к духовному центру они все-таки прислушивались. Ведь им легко будет убедиться в том, в чем теперь убедился я, что, совершая революцию, борясь и умирая за нее, они прежде всего приносят пользу политическим партиям, которые управляются особой интеллигентской кастой; а последняя, по самому существу своих специфических классовых интересов, чужда тех идеалов широких трудовых масс, во имя которых последние совершают революцию. Утешал я себя тем аргументом, что *таков исторический ход всякой революции, кроме подлинно социальной. Только последняя в своем стихийном беге сметает всякий политический авантюризм, прежде чем переходит на свой организационный созидательный путь. Это, быть может, и спасает ее положительные результаты...*

В период развития социальной революции, думал я далее, политические авантюристы со своей демагогией болтаются больше всего в ее хвосте. А те из них, которые идут вместе с массами, но и со своими лукавыми намерениями, при всей их хитрости зачастую погибают на этом пути... И лишь те революционеры, кто вступает в ряды борющихся трудовых масс не с лукавыми намерениями своих партий или групп и не как повелители, а как бойцы и советчики, зачастую выигрывают вместе с массой или если погибают, то оставляют глубокие, даже неизгладимые следы для будущих битв.

Были ли такими образцами в стихийном беге русской революции из большевиков — Ленин, Троцкий, Свердлов, Каменев, Коллонтай; из эсеров — Спиридонова, Камков; из анархистов — А. Боровой, Рошин, Атабекян⁴¹, Бармаш⁴², с которыми я встретился в Москве и которых слышал на митингах, я не знал. Но после всего передуманного во мне еще более укрепилась мысль о необходимости стараться, чтобы трудовое крестьянство и пролетарии города заботились о себе сами, непосредственно у себя на местах. Теперь уже во мне бурлила кровь — желание во что бы то ни стало быть на Украине. И все взоры мои были направлены туда, чтобы совместно с народом учесть все недочеты, все ошибки недавнего прошлого и броситься в жестокую борьбу против немецко-австро-венгерских и гетманских сатрапов и их вооруженных контрреволюционных банд; в борьбу, чтобы или умереть, или освободить Украину от них.

В душе поднялось властное желание путем воли и усилия самого трудового народа создать на Украине новый строй жизни,

Где не было бы ни рабства,

Ни лжи, ни позора!

Ни презренных божеств, ни цепей,

Где не купишь за золото любви и простора,

Где лишь правда, и правда людей. .

Такой строй в настоящее время я мыслил вполне возможным в форме вольного советского строя, при котором вся Украина и Россия, все другие страны мира должны покрыться местными, совершенно самостоятельными хозяйственными и общественными самоуправлениями, или советами труженников, что одно и то же.

Через свои районные, областные и общенациональные съезды эти местные, хозяйственные и общественные органы самоуправления устанавливают общую схему порядка и трудовой взаимности между собою. Создают учетно-статистическое, распределительное и посредническое федеративное бюро, вокруг которого тесно объединяются и при помощи которого в интересах всей страны, всего ее свободного трудового народа согласовывают на поприще всестороннего социально-общественного строительства свою работу.

Над практическим осуществлением вольного советского строя я часто задумывался. Часто болел из-за того, что видел, как все в то время шло по ложному пути и этим говорило мне, что, чтобы разрушить этот ложный путь, нужны великие усилия и жертвы трудящихся, которые одни только и могут это сделать. Но они к этому не подготовлены. Более того, они от этого своего прямого дела уже отведены политиканами-государственниками в сторону и прикованы к делу этих политиканов. Вместо воли начала коватьсь неволя самими трудящимися и для самих себя. Политиканы-социалисты и коммунисты-государственники, стоявшие во главе на этом ложном пути революции и приведшие трудящихся к партийному повиновению, довольны своими успехами. Широкие же трудовые массы, которыми и во имя которых совершалась революция, этого чисто политического довольства политиканов не могут заметить и еще решительнее отдают свои права на свободу и независимость в жизни и борьбе за новые общественные идеалы, самих себя, свою жизнь под опеку этим поистине зарвавшимся вершителям судеб трудящегося люда.

И опять размышляя об атом, я находил некоторое успокоение в своей глубокой вере в то, что на Украине, при новом оживлении революции, труженники будут осмотрительнее и не отдадут себя и свое прямое дело под опеку политиканов. Волнуемый этой верой и вытекавшими из нее надеждами, что я сам буду работать в этом направлении, будут работать все мои друзья и идейные товарищи, я решил ни одного лишнего дня не оставаться в Москве. Решил зайти к тов. Затонскому, спросить его, приготовил ли он обещанные мне украинские документы, и получить их, если они приготовлены; если же нет, в тот же день уехать в направлении Курска.

Затонский принял меня на сей раз совсем по-товарищески. Сообщил, что документы сделаны, и тут же вручил их мне.

Затем мы долго говорили об Украине, о ее революционных районах и т. п. Он еще раз предложил мне остановиться в Харькове, где я могу, по его заверениям, встретить многих анархистов и хороших работников-большевиков и откуда действительно может

начаться серьезная революционная работа против немецко-гетманской реакции.

Я и на этот раз заявил Затонскому, что я обусловлен большой ответственностью быть в первых числах июля в Запорожье, в селах, и спешу только туда. Всякая моя задержка может дурно отразиться на работе, начатой нами, анархо-коммунистами.

Затонский засмеялся и сказал:

— Разве анархисты способны организовать что-нибудь серьезно и в большом масштабе? Анархисты способны только разрушать...

— По вашей демагогии, — ответил я ему и тут же добавил: — Когда-либо увидите, что мы способны и создавать.

Он пожелал мне хорошего успеха, и я вышел от него.

Лишь идя по дороге от Затонского, я искренне сам себе признался, что я переборщил, сказав, *что мы способны создавать*. Как организация мы, анархисты, ни на что серьезное и в широком масштабе в это время способны не были. Это убедительно говорил мне каждый шаг моих дерзких попыток увидеть, что наша анархическая организация сделала по городам за этот период революции. Я ничего не заметил, потому что ничего не было. Все разрозненные попытки многих анархических групп заложить прочный фундамент нового свободного строя на совершенно новых началах, без государства и его инициативы, потерпели полное поражение только потому, что они были единичными и неповсеместными попытками. Порознь они легко и с надеждой, что не повторится, властью разрушались. Противостоять этому гнусному делу революционной власти они не могли своими разрозненными силами. А единой и мощной организации, которая знала бы, чего она хочет и как действовать среди тех безыменных крестьян и рабочих-революционеров, которыми выносятся вся тяжесть событий, мы, анархисты, не имели и пока что не имеем. Впрочем, человеку-политикану я сказал, *что мы способны создавать*, думал я дальше: было бы лучше и правильнее, если бы я сказал ему, что его власть мешает нам создать что-либо большое и серьезное. И это соображение меня успокаивало.

Глава XX

В ДОРОГЕ НА УКРАИНУ

Итак, распрощавшись с товарищами-москвичами, я в сопровождении Аршинова отправился 29 июня 1918 года на Курский вокзал в Москве. Здесь, в ожидании поезда на Курск, Аршинов еще раз напомнил мне, чтобы я, если благополучно доберусь до места, не забывал страждущей материально анархической Москвы. Конечно, он имел в виду в данном случае анархическую Москву в лице Союза идейной пропаганды анархизма, и только это

меня удерживало, чтобы не разразиться по адресу анархической наезжей Москвы руганью за ее бессодержательное, пустое болтание вдали от живой, плодотворной работы среди крестьян. Я сдержанно и с чувством сознания анархической обязанности помогать всем, чем могу, движению ответил ему, что помогать буду, если буду жив...

А когда поезд подошел, Аршинов помог мне влезть в вагон и мы, распрощавшись, расстались, мне казалось, навсегда; ибо я и по своему темпераменту, и по своему сознанию считал долгом быть в этот грозный для революции момент среди масс, в самой их гуще. Я сознавал ответственность за возможное поражение революции хоть и в разной степени, но за всеми революционерами, и мне казался противным слет анархистов в Москву и бессодержательное пустое шатанье по ней. Передо мной во всей своей ясности стояли простые и хотя злобные, но правдивые слова П.Бурцева о том, что большинство, если не все приезжие наши товарищи в Москву, путаются в ней почти без дела или если и берутся за какое-либо дело, то только от стыда перед своим противником и часто для того лишь, чтобы не пухнуть с голода.

Я краснел перед самим собою за подобного рода явление в наших рядах. И если что-либо меня утешало, так это полнота веры в то, что, если мне удастся пробраться на Украину в Гуляй-Польский район и если удастся также и остальным моим товарищам пробраться к Гуляй-Полю и устроить хорошее общение с крестьянами и рабочими Гуляй-Поля и района, наша организационная и боевая работа будет освобождена от случайных элементов и примет совершенно новый вид как по форме, так и по практическому содержанию: вид борьбы против контрреволюции, за идеал свободы, равенства и вольного труда.

Утешаясь этим, я чувствовал себя, несмотря на тесноту, духоту и вонь в вагоне, лучше, чем в Москве, этой соблазнительной издалека и как будто способной чему-то научить Москве, из которой я теперь бежал на простор живого действия украинской революционной деревни. На этом просторе, в гуще тех, кто способен его создать и на его основании закладывать фундамент новой жизни, я найду духовное удовлетворение, говорил я себе, и уносился мыслью к нему, к этому простору...

Так, с полным чувством увлечения и неопишуемой радости, я доехал до Орла. Здесь поезд задержался. Я не утерпел и вышел из вагона, а потом уже за давкой не мог попасть в него и остался на целые сутки в Орле.

Побродил по этому городу. Он многое напоминал мне собою. Ведь это город, в котором при самодержавии глупого Николая II Романова существовала каторга. На этой каторге в особенности не было предела разнужданности по отношению политкаторжан. Дух антисемитизма здесь гулял в той мере, в какой только смогли проявлять его управители каторги, начиная от начальника и кончая

темным невежественным надзирателем — ключевым или постовым — у дверей камер при выходе на прогулки, на самой прогулке. Это в Орловской каторге чуть не каждого прибывающего в нее политкаторжанина под воротами спрашивали: «Жид?» И если отвечал: «Нет», заставляли показать крест. А когда не оказывалось последнего, били, приговаривая: «Скрывает, мерзавец, свое жидовство». Били до тех пор, пока не срывали с него арестантского костюма и не убеждались на половом члене. Но и в этом случае били, только теперь уже за то, что не носит креста...

Одно воспоминание об Орловском центре, о котором мне мои друзья так много рассказывали, сдавливало мне горло и леденило мозг.

Хотелось мне разыскать анархическое бюро, повидаться с анархистами, узнать, уничтожены ли надзиратели и начальство этой каторги. Чувствовалось, что было бы легче на душе, если бы знал, что революция этим палачам не простила за их подлые злодеяния. Однако анархистов я в Орле не нашел: революционная власть большевиков-левоэсеровского блока дико плясала на мертвом теле революции, как везде.

На другой день, ночью, я был уже в Курске. Здесь я встретил много анархистов и большевиков. Все они готовились к отъезду на Украину. Они были несколько смелее меня насчет отъезда. Они имели связи и проводников. Не были они стеснены и материально.

В Курске я пробыл недолго. Я побывал там, где должен был встретиться с Веретельником⁴³ и другими товарищами, и как только выяснил, что их никого еще не было, я сейчас же направился к границе по направлению Белгорода. Высадился я на станции Беленкино и по дороге от нее к границе встретился в тысячной толпе мешочников и людей других профессий со многими Гуляй-Польцами. Один из них — сын одной хорошо знакомой мне еврейской семьи, некий Шапиро — бросился мне на шею. Он многое сообщил мне о положении крестьян в Гуляй-Поле, ни словом, конечно, не заикнувшись о гнусной провокаторской роли еврейской роты вольного Гуляй-Польского батальона, благодаря первым инициативным действиям которой под руководством агентов Украинской Центральной рады и немцев Гуляй-Польские крестьяне попали в это тяжелое положение.

От этого Шапиро и ряда других еврейских парней я узнал, что дом моей матери сожжен немецкой и украинской властями. Старший мой брат Емельян, который, как инвалид войны, не принимал никакого участия в политической организации, расстрелян. Другой старший брат, Савва, который участвовал в революционном движении с 1907 года, как только возвратился после нашей таганрогской конференции, тотчас же был схвачен и посажен в Александровскую тюрьму. За мое отсутствие из Гуляй-Поля немцами совершено много расстрелов, главным образом крестьян-анархистов. А мать моя скитается по чужим квартирам...

Эта коротенькая весть о жизни в Гуляй-Поле так повлияла на меня, что я душевно заболел. Я способен был на то, чтобы возвратиться в Москву, в ту самую Москву, которую я возненавидел за мое пребывание в ней. Это смятенное состояние еще более усиливало боль моей души. Я остановился на дороге. Толпы народа шли непрерывно из Украины в Россию с радостными улыбающимися лицами, видимо потому, что благополучно пронесли что-то с собой через границу.

Долго я раздумывал. Гуляй-Польцы, с которыми я встретился на этом месте, уходя от меня, не советовали мне пробираться на Украину. Но разум диктовал мне совершенно противоположное. Он напоминал мне ответственность мою перед тем, что я наметил, будучи еще в Гуляй-Поле, что формулировал особо выразительно на таганрогской конференции Гуляй-Польцев и что целиком было конференцией принято. Ведь во имя этого решения я еду на Украину. Я переборол свое чувство боли, подбодрил себя мыслью, что кому-либо нужно было умирать из моего рода за освободительные идеи народа, но что смерть их рано или поздно вызовет за собою взаимные смерти, я в этом клянусь перед своей совестью. И я, упоенный этой мыслью, тронулся дальше в путь.

Теперь я больше ни о чем другом не думал, как о том, чтобы благополучно пройти мимо немецких пограничных пикетов. Я нанял по примеру других подводку, положил свой чемодан, сам уселся в нее и спокойно, по праву гражданина гетманско-немецкой Украины, проехал пикеты Красной Армии и немецкие пикеты.

Дорога была удачная. Никто никого не трогал. Я освободил своего подводчика, поставил чемодан и сел на него, чтобы отдохнуть, только потому, что так делали все переезжавшие.

Освободившись быстро от мысли, что за мной могут следить, я подошел к одному, к другому из граждан, чтобы узнать, какая и где же находится станция. Все указывали назад, на станцию Беленикино, находящуюся в зоне красных. Этой же станции, где мы сидели, никто не знает. Перестал и я заботиться о том, чтобы узнать ее название. Тем более что я уже узнал, что поезд из Белгорода подойдет к этому месту, где сидят пассажиры, и мы здесь будем садиться в него.

В скором времени поезда один за другим начали подходить, забирать пассажиров и отправляться обратно в Белгород и далее, до Харькова.

Пассажиров было очень много. Поезда наполнялись в мгновение ока через двери и через окна вагонов. На крышах вагонов было также полно. Я поджидал случая, что мне удастся попасть в вагон через дверь, и остался на месте посадки до самой ночи. Правда, были вагоны железнодорожных служащих, в которых место было, но немецкие власти запрещали им брать к себе пассажиров. Кроме того, железнодорожные служащие гетманского царства поделались такими «украинцами», что на вопросы, обращенные к ним на русском языке, совсем не отвечали.

Я, например, хотел от них узнать, идет ли этот эшелон и далее, из Белгорода. Мне пришлось подходить к целому ряду вагонов, но ни один из железнодорожников на мой вопрос ни слова не ответил. И только позже, когда я, истомленный, проходил обратно рядом с этими вагонами, один из них подозвал меня и предупредил, чтобы я ни к кому не обращался со словами «товарищ», а говорил бы «шановний добродію», в противном случае я ни от кого и ничего не добьюсь.

Я поразился этому требованию, но делать было нечего. И я, не владея своим родным украинским языком, принужденно должен был уродовать его так в своих обращениях к окружавшим меня, что становилось стыдно...

Над этим явлением я несколько задумался, и, скажу правду, оно вызвало во мне какую-то болезненную злость, и вот почему.

Я поставил себе вопрос: от имени кого требуется от меня такая ломота языка, когда я его не знаю? Я понимал, что это требование исходит не от украинского трудового народа. Оно — требование тех фиктивных «украинцев», которые народились из-под грубого сапога немецко-австро-венгерского юнкерства и старались подделаться под модный тон. Я был убежден, что для таких украинцев нужен был только украинский язык, а не полнота свободы Украины и населяющего ее трудового народа. Несмотря на то что они внешне становились в позу друзей независимости Украины, внутренне они цепко хватались, вместе со своим гетманом Скоропадским, за Вильгельма немецкого и Карла австро-венгерского, за их политику против революции. Эти «украинцы» не понимали одной простой истины: что свобода и независимость Украины совместимы только со свободой и независимостью населяющего ее трудового народа, без которого Украина ничто...

Ночью с немалым трудом на свой риск и страх я взобрался с рядом, видимо, подобных мне стрелцов на крышу одного вагона и таким образом приехал в Белгород, где переоделся в офицерский костюм, к которому имел соответствующий документ. Это помогло мне беспрепятственно доехать до Харькова.

Тут я в ожидании поезда на Ростов задержался на несколько часов и потом переехал в Синельниково (в 60-70 верстах от Гуляй-Поля). Радости моей не было границ. И вероятно, из-за нее я попал бы в руки немецким и гетманским агентам, если бы не считался с тем, что того Синельникова, которое я знал раньше, уже не было, как не было уже вообще всего того, что было 2¹/₂ месяца тому назад. Теперь ничего ни украинского, ни русского нигде по станциям, в дороге и в самом Синельникове, я не видел. Всюду: у дверей станции, на досточках, висевших на паровозах, красовались надписи: «Deutsch Vaterland» (немецкое отечество), а по перронам шатались или сидели группами солдаты контрреволюционных армий, вышедших из этого «Deutsch Vaterland».

Это сдерживало порыв моей радости. Я непрерывно думал: где же я? Неужели же я попал не туда, куда так рвался из Москвы? И зло, о как зло смеялся я над всеми этими надписями!..

Но этот мой смех быстро сменился ужасом, когда один из Гуляй-Польских евреев подошел ко мне и, протягивая мне руку, назвал меня по фамилии. Я ужаснулся, хотя знал, что он был честный человек и на то, чтобы предать меня властям, не пойдет. Я просил его быть осторожным с моей фамилией и в ту же минуту убежал от него, переделался в штатское платье и с первым попавшимся поездом выехал по направлению Гуляй-Поля.

Теперь положение мое несколько изменилось. Если от Белгорода до Синельникова — около 400 верст — мне везло в пути (помогали: военная форма, погоны прапорщика, фальшивое расшаркивание и такие же поклоны), то от Синельникова до Мечетной, каких-либо 30-40 верст, путь мой сделался чрезвычайно тяжелым. Каждую минуту ожидала смерть. Мое старание выглядеть «щирым гетманцем» кой-как сходило с рук по глупости гетманской государственной стражи. Но рассчитывать на этот прием оказалось возможным только до станции Мечетное. Начиная же от этой станции, мое имя начало все чаще упоминаться в вагоне. И на одном из разъездов мне Гуляй-Польский гражданин Коган и другие сообщили, что немецкие жандармы ищут меня в других вагонах.

Я быстро передал Когану свой чемодан с вещами; сказал, кому сдать его в Гуляй-Поле, а сам, накинув на себя плащ, вышел из вагона в поле и скрылся в его зарослях. Когда же поезд отправился дальше, я поднялся и ушел.

25 верст я прошел пешком и попал в нужное мне село Рождественка, с левой стороны которого всего в 20 верстах находилось мое родное Гуляй-Поле, которое я даже видел, подходя к Рождественке. На сердце чувствовалась нежная любовь к одному имени: Гуляй-Поле... Однако в Рождественке крестьянин З. Клешня и все близкие сообщали мне нерадостные вести о Гуляй-Поле, о жизни в нем трудового населения, о расстрелах лучших сынов его и т.д.

Однако, как ни трудно было мне снестись с Гуляй-Польскими крестьянами и рабочими-анархистами (теми, которые не были известны как анархисты шовинистической украинской и буржуазной еврейской сволочи, выдававшей всех революционеров немецким палачам на казни, и только поэтому оставались в живых), я все-таки письменно снесся с ними, дав им знать, что не сегодня завтра буду среди них, чтобы вместе с ними обсудить ряд важнейших вопросов революционно-боевого характера. И несмотря на то что от них я получил ответ — воздержаться от переезда в Гуляй-Поле, пока они не пришлют за мною своего человека, а это делало меня пленником, я чувствовал, что я на Украине, и верил, что отсюда и раскачаю начатое еще весной дело организации восстания.

Да, именно этот район оказался центральным пунктом организации революционного крестьянского восстания под моим личным и всей нашей группы идейным и организационным руководством.

Гуляй-Поле со своим трудовым и революционным населением и его стремлением возродить казенную революцию стало основным руководящим ядром этого восстания. В нем, Гуляй-Поле, я с рядом преданнейших делу социальной революции анархистов-крестьян создал операционную базу, на основе которой Гуляй-Польское трудовое население первое восстало против палачей революции — немецко-австро-венгерского юнкерства и гетманщины. Своими усилиями, своей отвагой и революционным мужеством на этом пути оно сделало все, чтобы увлечь за собою другие села и районы трудового населения.

Все это, конечно, не сделалось в мгновение ока, по мановению «волшебных палочек», как это многие паяцы из политиканов-социалистов, большевики и многие анархисты, не понимая широкой массы и чаще всего стоя в стороне от нее, позволяют себе не только думать в своей среде, но и писать с пафосом для других, пафосом, обыкновенно заменяющим знание предмета.

Все это требовало от нас величайших усилий и упорства стоять на одном, бить в одном направлении, чтобы убедить широкую трудовую массу в нашей преданности ей не только на словах, но и на деле в ее практической жизни, в ее борьбе за ограждение своего революционного пути от мусора со стороны главным образом замаскированных врагов революции, которые чаще всего появляются в ее рядах под знаменем социализма.

Этого предмета я уже касался во вступительной книге к моим запискам («Русская революция на Украине»).

Исчерпывающим изложением всей этой столь важной темы я займусь в последующих моих книгах: в третьей и в четвертой, т.е. там, где будет речь о практической и организационной стороне руководимого мною крестьянского революционного восстания на Украине, представлявшего собою украинскую революцию.

УКРАИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

(июль-декабрь 1918 года)

ПРЕДИСЛОВИЕ

После всего, сказанного мною в предисловии и примечаниях ко второй книге, нет надобности говорить пространно о третьей.

Упомяну, что и при редактировании этой третьей книги я старался по возможности сохранить язык подлинника. Здесь задача была проще, так как рассказ изобилует живыми описаниями событий, вообще хорошо удававшимся автору. Страница за страницей разворачивается почти без перерыва цепь ярких, красочных эпизодов. Рассказ доведен до конца 1918 года.

Повторю, что интерес настоящей книги исключителен. Она дает прежде всего полное и последовательное представление о зарождении и о первой, подготовительной стадии (июль-декабрь украинской «крестьянской войны» (1918—1921 годы), известной по имени ее вдохновителя и руководителя как махновское движение. Но и помимо ее чисто исторического интереса книга насыщена живым бытовым и драматическим материалом, захватывающим читателя.

Повторю, наконец, что, к величайшему сожалению, на этом третьем томе, т.е. на конце декабря 1918 года, заканчиваются последовательные записки Н. Махно. Изложить дальнейшие события — задача, главным образом, будущих историков русской революции.

Имеются, однако, отдельные, разрозненные заметки и записки Махно, относящиеся к последующим годам. Комиссия по изданию его рукописей предполагает собрать впоследствии эти записки и издать их отдельной книгой вместе с оставшимися после него — частью в рукописях, частью же в газетных и журнальных статьях — материалами. Статьи эти печатались в различных анархических изданиях.

Просьба ко всем лицам, располагающим интересующими комиссию документами, присылать таковые в подлинниках (которые, по желанию, могут быть возвращены) или в копиях, заказными пакетами, по адресу: Librairie Franssen, 11, rue de Cluny, Paris (5), France, с припиской: Pour Commission Makhno.

Комиссия настаивает на своей просьбе тем более, что некоторые ее члены — участники или близкие свидетели движения — предполагают продолжить рассказ, начатый самим Нестором Махно. Всякого рода материалы очень помогли бы осуществлению этой задачи.

Март 1937 года

В. М. Волин

Глава I

ПОД ГНЕТОМ ГЕТМАНЩИНЫ

Июль 1918 года. Я снова на Украине, в своем родном Гуляй-Польском районе. Прибыл я сюда согласно постановлению нашей таганрогской конференции Гуляй-Польских анархистов-революционеров для того, чтобы заняться организацией восстаний крестьян против насильников: непрошенных хозяев земли, свободы и жизни украинских тружеников — хозяев, имя которым Украинская Центральная рада и ее союзник немецко-австрийское юнкерство. Прибыл я вовремя и с надеждой, что мне на сей раз удастся полностью и с особой организационной четкостью разрешить намеченную задачу и выполнить мою идейно-руководящую роль.

В это время пресловутая рада была уже низвергнута. Напрасно она в угоду буржуазии, изменив своим принципам в области земельной политики, признала право частной собственности на землю до 30-40 десятин. Буржуазия, увлекшись своими временными победами над революцией, над носителями ее идей — революционными тружениками деревни и города, не удовлетворилась этой позорной изменой рады трудящимся. При поддержке грубого юнкерства буржуазия низвергла раду и поставила на ее место своего представителя в лице гетмана Павла Скоропадского⁴⁴.

Теперь в порядке царско-помещичьих прав Украина опутывалась еще более крепкими цепями реакции. На почве этой реакции обосновалась, росла и развивалась гетманщина; развивалась исключительно при помощи всех тех же контрреволюционных, карательных в отношении украинских трудовых масс сил.

Тяжело и больно было революционеру смотреть на этот произвол. Но я — на Украине, утешал я себя мыслью, сидя на чердаке у крестьянина села Рождественки Захария Клешни, окруженный крестьянскими искренностью и заботами, в особенности заботами о том, чтобы вовремя все доставить от меня в Гуляй-Поле и привезти из Гуляй-Поля мне.

Гетмано-немецкая власть на местах была, как я уже сказал, контрреволюционная и реакционная власть. Жить нелегально было очень трудно. Однако сознание, что я снова на Украине, снова среди ее широких степей и веселых сел, среди того самого революционного крестьянского населения, которое до прихода сюда Украинской Центральной рады с ее могущественными союзниками и

защитниками — немецко-мадьяро-австрийскими контрреволюционными экспедиционными армиями с такой смелой настойчивостью заявляло о своем торжестве не только над несправедливостью старого царско-помещичьего режима, но и над несправедливостью режима полупомещичьего (керенщины и Центральной рады), — это сознание бодрило меня, рождало во мне новые силу и веру в то, что революционное крестьянство терпит произвол этой насильственно свалившейся на него власти лишь временно, что стоит только провести энергичную пропаганду в его среде против этой власти — оно восстанет против нее с такой энергией и желанием разбить ее раз и навсегда, каких враги революции в нем даже не подозревают.

Произвол немецко-гетманской власти казался мне временным. Я верил, что он при первом же решительном вооруженном выступлении крестьян по деревням и рабочих в городах падет безвозвратно. И вот, сидя на своем чердаке, я продумывал все постановления нашей конференции в Таганроге, все те обязанности, которые каждый из ее членов взял на себя. И я чувствовал себя счастливым оттого, что на мою долю выпало продолжить идейно-руководящую роль в деле организации крестьянских сил революции, деле, которое врагами этих сил тормозилось весной 1918 года и поэтому только не получило полного своего революционно-боевого оформления и не достигло полного расцвета.

Глубокая вера в то, что революционное крестьянство такие силы в себе таит, отвлекала меня от того факта, что я встречаю крестьян физически изнуренными, забитыми, политически придавленными в свободном выражении своих мыслей и порывов, немymi и как будто совершенно отчаявшимися.

Эта вера подсказывала мне, что именно среди этих замкнутых, политически и экономически бесправных и ограбленных крестьян нужно искать ту силу для борьбы против гетманщины, за возрождение революции, которая может проявить себя в Гуляй-Польском районе повторно и более удачно и окажется единственной силой Запорожско-Приазовской области, способной вызвать трудящихся украинской деревни и города вообще на путь решительного действия за свои исконные права на независимую, свободную жизнь и вольный труд.

Так, бодрое самочувствие мое поддерживалось несокрушимой верой в то, что живые силы революции в деревне велики, и опасаться, что немецко-гетманская власть деморализует их окончательно и усыпит на долгие годы, нет никаких оснований. Нужно только действовать. Ибо только через действие одних сила эта пробуждается в других и ищет своего выявления.

Да, да! В трудовой крестьянской семье эти силы есть, и их нужно организовать. Так мыслил я в эти дни и стремился как можно скорее очутиться в этой семье и увидеть себя за прямым своим и ее делом.

Да, да, нужно действовать, убеждал я себя, убеждал и тех, кто временно появлялся ко мне и исчезал.

Это душевное состояние толкнуло меня на то, чтобы, не дожидаясь возвращения из России остальных друзей своих, дать знать всем крестьянам и рабочим в Гуляй-Поле, что я нахожусь недалеко от них и думаю не сегодня завтра кое с кем из них видаться. Вера в Гуляй-Польских крестьян и рабочих отгоняла от меня всякие мысли о том, что все могло измениться, что крестьяне и рабочие могли отвлечься от своих прямых дел, определившихся в процессе революции, и могут не отозваться на мое обращение к ним. Я написал им следующее письмо:

«Товарищи, после двух с половиною месяцев моего скитания по революционной России я возвратился снова к вам, чтобы совместно заняться делом изгнания немецко-австрийских контрреволюционных армий из Украины, низвержением власти гетмана Скоропадского и недопущением на его место никакой другой власти. Общими усилиями мы займемся организацией этого великого дела. Общими усилиями займемся разрушением рабского строя, чтобы вступить самим и ввести других наших братьев на путь нового строя. Организуем его на началах свободной общественности, содержание которой позволит всему не эксплуатирующему чужого труда населению жить свободно и независимо от государства и его чиновников, хотя бы и красных, и строить всю свою социально-общественную жизнь совершенно самостоятельно у себя на местах, в своей среде. Во имя этого великого дела я поспешил возвратиться в свой родной революционный район, к вам. Так будем же работать, товарищи, во имя возрождения на нашей земле, в нашей крестьянской и рабочей среде настоящей украинской революции, которая с первых своих дней взяла здоровое направление в сторону полного уничтожения немецко-гетманской власти и ее опоры — помещиков и кулаков.

Да здравствует наше крестьянское и рабочее объединение!

Да здравствуют наши подсобные силы — бескорыстная трудовая интеллигенция!

Да здравствует Украинская Социальная Революция!

Ваш Нестор Иванович 4 июля 1918 года».

Письмо это в Гуляй-Поле переписывалось в десятках экземпляров и ходило по рукам крестьян и рабочих. Оно многих из них подбодрило. Многие хотели, чтобы я не задерживался и одного дня где-то на районе, а сейчас же переезжал в самое Гуляй-Поле. Как я узнал после, из-за этого желания одних получился серьезный разлад с другими, предупреждавшими меня воздерживаться от переезда в Гуляй-Поле до тех пор, пока они не пришлют за мною надежных людей.

«Гуляй-Поле полно шпиков и провокаторов, — писали мне другие крестьяне. — Вы, Нестор Иванович, вероятно, еще не знаете ничего о том, при каких обстоятельствах, кем и под чьим руководством во время Вашего отсутствия 14—15—16 апреля были произведены аресты почти всех членов революционного комитета, Совета крестьянских и рабочих депутатов, а также отзывание с

фронта анархического отряда и разоружение его. Вся эта гнусность производилась центральной еврейской ротой под руководством ее командира Тарановского и членов полевого штаба И. Волка, А. Волоха, О. Соловья и В. Шаровского. Еврейская молодежь этой травлей увлекалась. Еврейская буржуазия приветствовала эту молодежь и всячески ублажала немецких агентов Волка, Соловья, Шаровского и агронома Дмитренко (который, кстати сказать, разъезжал с кавалерийским отрядом по всему району и вылавливал анархистов и большевиков с целью выдать их немецким палачам для казни). В настоящее время В. Шаровский глубоко скорбит о том, что он был в рядах заговорщиков, совершивших величайший акт измены трудящимся.

Тарановский клянется, что если бы он не отпускал взводов из своей роты для производства арестов членов революционного комитета и Совета, то его убили бы Волк, Волох и компания. Он утверждает, что вышеупомянутые лица действовали по приказу немецкого командования.

Далее крестьяне спрашивали меня: «Как посоветуете нам, Нестор Иванович? Мы хотим убить всех этих негодяев. Но предупреждаем, ответ пишите и присылайте, но сами не приезжайте, ибо все более или менее революционные крестьяне частью сидят в тюрьме, частью же не спускаются ни они сами, ни их квартиры с глаз тайных и явных шпионов. Вас тут скоро схватят. О шпионах и провокаторах есть многое рассказать Вам, но об этом мы Вам расскажем, когда встретимся. Пока же будем все работать для того, чтобы Вы были среди нас. Вы только потерпите, не приезжайте без нашего ведома.

Ваши Павло, Лука, Грыцько и Яков».

Письмо этих товарищей еще более подбодрило меня. Я решительнее начал приходить к тому, чтобы ускорить свою встречу с Гуляй-Польцами и взяться за решительные действия. На все предупреждения меня о том, чтобы я не переезжал в Гуляй-Поле, я смотрел совсем несерьезно, думая, что мои товарищи — крестьяне — переборщили в своем намерении законспирировать мое пребывание в районе. Я готовился к переезду в Гуляй-Поле без их ведома. Поэтому я им на их письмо по существу не отвечал, а лишь предупредил их, чтобы они пока что никого из изменников и провокаторов не трогали; и в особенности чтобы они не трогали никого из евреев и не возбуждали против них никого из населения, так как это может создать почву для зарождения антисемитизма. А последний не может создать тех условий для революции, которые так нужны ей и без которых не оправдаются надежды крестьян освободиться от реакции, изгнать гетмана со всей его помещичьей сворой, не допустить на свою шею других властей и насильников и зажечь своей настоящей жизнью на началах независимого от каких бы то ни было властей свободного общественного самоуправления.

Одновременно я запросил Гуляй-Польцев о том, как многочисленны и какого рода оружие немецко-австрийских войск, располо-

женных как в самом Гуляй-Поле, так и вокруг него, в ближайших от него деревнях. Много ли в Гуляй-Поле развелось местных шпионов вообще и из крестьянской среды в частности?

На этот мой запрос я скоро получил ответ от многих крестьян. Он сводился в общем к тому, что шпионов и провокаторов много, но они оперируют главным образом в центре Гуляй-Поля. Выдающиеся из них: Прокофий Коростелев, Сопляк (который был сыщиком еще в царское время), молодой Леймонский (бывший взводный командир еврейской роты) и многие другие. «Но, — писали мне крестьяне, — больше всего шпионов и провокаторов у нас в Гуляй-Поле развелось среди богатых евреев. Об этом вы, товарищ Нестор Иванович, подробно узнаете, когда придете к нам. Мы много кое-чего вам расскажем и покажем».

Мне лично тяжело было перечитывать все эти записки по одному уже тому, что в них чувствовался антисемитский дух. А я воспитал в себе глубокую ненависть к антисемитизму еще со времен 1905—1906 годов.

Но то, что Гуляй-Польские крестьяне до 1918 года были чужды антисемитского духа (об этом ярко свидетельствует хотя бы тот факт, что, когда в 1905 году громили из «Союза истинно русских людей»⁴⁵ под руководством Щекатихина и Минаева громили в городе Александровске евреев и присылали своих гонцов в Гуляй-Поле для организации еврейского погрома, Гуляй-Польские крестьяне на ряде своих общественных сходов категорически высказались против погромщиков и их гнусных погромческих дел в Александровске), заставило меня отнестись к этим записочкам менее сурово, чем они этого заслуживали. Я хочу сказать, что, вместо того чтобы порвать с ними переписку и, покинув село Рождественку, не отзываться на их зов, я написал им письмо (одно на всех), в котором постарался, как мог, разбить их неосновательную мысль о евреях. И сделал я это тогда, когда уже знал, что еврейская рота под влиянием агентов Украинской Центральной рады и немецкого командования первая арестовала всех анархистов, всех членов революционного комитета, большую часть членов Совета крестьянских и рабочих депутатов в Гуляй-Поле (в апреле 1918 года). Арестовала с целью выдать всех этих крестьян и рабочих революционеров немецкому командованию на суд. Я знал, что еврейская буржуазия радовалась поведению этой роты. Но я считал долгом революционера доказать крестьянам, что не одни только евреи так гнусно действовали в то время по отношению к революции и к революционерам; что среди неевреев было также много негодяев, подобных тем негодьям-евреям, на которых крестьяне указывали мне в своих записках, и что в этом столь серьезном и сложном вопросе мы разберемся, когда я буду среди них. Теперь же, просил я крестьян и рабочих в своем письме, этот вопрос надо отложить в сторону, чтобы если и нельзя его совсем забыть, то, во всяком случае, возвратиться к нему тогда, когда мы, освободившись от гнета гетманско-немецкой власти, сможем свободно, в

порядке общественных сходов разобраться в том, почему именно еврейская рота и еврейская буржуазия так гнусно действовали против революции в пользу Центральной рады и немецкого командования.

Я убеждал крестьян и рабочих в том, что еврейские труженики — даже те из них, которые состояли в этой роте бойцами и были прямыми участниками в контрреволюционном деле, — сами осудят этот позорный акт. Буржуазия же, причастная к провокационным делам в Гуляй-Поле, свое получит независимо от того, к какой национальности она принадлежит.

И должен отметить, что письмо мое оправдало мои надежды. Крестьяне и рабочие согласились целиком с моими доводами касательно их нападок на евреев и теперь просили лишь моих указаний: «Что делать? Как и с чего начинать, раз Вы не советуете нам заняться уничтожением виновников апрельского выступления?» И конечно, в заключение опять подчеркивали, чтобы я потерпел еще немного, чтобы не рвался сейчас же в Гуляй-Поле.

«Ваше появление в Гуляй-Поле, — писали они, — станет скоро известным в штабе немецких войск и вызовет еще более тяжкие репрессии в отношении крестьян и рабочих вообще, потому что немцы и гетманцы считают всех Гуляй-Польских крестьян и рабочих Вашими друзьями. А более тяжкие репрессии совсем помешают нам встречаться друг с другом».

Все эти отрывочные сообщения из Гуляй-Поля меня беспокоили. Я начинал нервничать и задумываться над тем, отвечать ли крестьянам на их просьбу, указать им, что делать, или же, ничего не отвечая, самому поехать к ним.

Посоветовался я кое с кем из окружавших меня рождественских крестьян. Они высказались против того, чтобы я, не предупреждая Гуляй-Польцев, переезжал к ним. А предупреди последних, так они снова завопят, чтобы не ехал, обнадеживая меня, что они скоро сами придут и заберут меня к себе. Долго терзался я мыслью о том, чтобы не откладывать больше своего переезда в Гуляй-Поле. Однако пришел к тому, что на этот раз еще отвечу. Но дальше — нет, дальше не хватит терпения, да и времени терять нельзя, рассуждал я с рождественцами.

«Первой нашей задачей, — писал я Гуляй-Польцам, — должно быть разделение наших людей в Гуляй-Поле так, чтобы они были в каждой сотне (участок села) в достаточном количестве. На этих людях лежит обязанность группировать вокруг себя возможно большее количество энергичных и смелых, готовых на самопожертвование крестьян. Затем они должны выделять из этих группирований особо смелых крестьян и с ними совершать в разных местах и по возможности одновременно нападения на помещичьи и кулацкие имения с целью разгона из них как хозяев, так и призванных ими к себе немецко-австрийских солдат-охранителей, которые, как известно, состоят из двенадцати всадников при полном боевом вооружении. (С этим количеством охраны следует всег-

да считаться при посылке наших сил.) Если нападения не могут быть организованы одновременно в разных местах, то должны иметь место по крайней мере с небольшими промежутками времени одно после другого и повторно. Нападения не должны носить характера грабежа.

Когда группирование наших трудовых и революционных сил будет достаточным для выполнения ряда таких нападений, тогда мы должны будем напасть своими силами и на Гуляй-Польский немецко-гетманский гарнизон. Разоружив его, мы займем Гуляй-Поле и будем во что бы то ни стало удерживать его за собой до тех пор, пока можно будет или по крайней мере пока не отпечатаем воззвание нашего Гуляй-Польского подпольного революционно-повстанческого комитета ко всем крестьянам и рабочим Украины. Воззвание это разъясняет цели нашего восстания и зовет крестьян и рабочих присоединиться к нам, восстать в своих районах против угнетателей и помогать нам сеять революционный дух по всей Украине.

Имя Гуляй-Поля нам много поможет на этом пути. Во всей Запорожско-Приазовской области оно достаточно известно как одно из передовых и революционных сел. Вопреки весеннему выступлению в нем темных сил реакции оно осталось для района тем же передовым и революционным селом. На его зов отзовутся многие районы. И если мы окажемся на своих местах, т.е. если мы не будем спать антиреволюционной спячкой, какой спят, я видел, многие революционеры в городах России (да, как видим, спят они по городам и у нас на Украине), то мы организуем все эти районы вокруг Гуляй-Поля и из него двинемся в поход, на сей раз более решительный и грозный против всех наших угнетателей.

Нужно только держать выше и решительнее черное знамя нашей крестьянской группы анархистов-коммунистов, на котором, как вам, друзья, известно, написано: «С угнетенными против угнетателей всегда!»

Да здравствует братский союз тружеников села и города!

Да здравствует средство полного их освобождения — социальная революция!»

В согласии с вышеотмеченными положениями в апреле сего года прошла в городе Таганроге конференция отступивших Гуляй-Польцев. Участники этой конференции не сегодня завтра будут среди вас. Но ожидать их сложа руки было бы великим преступлением перед делом революции, перед делом трудящихся села и города, которое мы начали, но ввиду многочисленных врагов его не успели ввести в русло организованно-созидательного расцвета и развития.

Итак, потрудимся над этим великим и ответственным делом!

Ваш Нестор
7. VIII. 1918 года

Р. С. По получении этого письма сообщите мне сейчас же, что вы думаете предпринять, или же укажите, когда и к кому из вас

мне наиудобнее приехать самому. Время не стоит, а движется, а дело стоит и обречено не двигаться с места».

С нетерпением ожидал я ответа на это свое послание. Надеялся, что на этот раз он будет удовлетворительным. В ожидании ответа я старался договориться с крестьянами села Рождественки обо всем, касающемся организации боевых крестьянских групп.

Так провозился я еще около пяти-шести дней в Рождественке. Наконец моя старушка мать привезла мне ряд писем из Гуляй-Поля. Одно из них носило коллективный характер за рядом подписей. Оно гласило:

«Дорогой Нестор Иванович!

Категорически предупреждаем Вас самому не переезжать в Гуляй-Поле. Более того, мы настаиваем, чтобы Вы переехали из Рождественки еще далее от Гуляй-Поля, потому что у нас среди гетманцев носятся упорные слухи, что Махно приехал в Гуляй-Поле и поселился нелегально где-то на окраине его. Мы накануне повального обыска во всем Гуляй-Поле.

Неужели Вы не верите нам, что мы так же, как и Вы, если не еще больше, хотим Вас перетащить к себе?.. Ваше письмо мы обсуждали и еще будем обсуждать. Согласно его положениям начнем нашу работу. Как только увидим, что нам можно собираться, мы сейчас же перетащим и Вас сюда. Но сами Вы не приезжайте. Вы погибнете здесь раньше дела. За Вас немцы не пожалеют заплатить хорошие деньги, и могут найтись люди, которые Вас выдадут за эти деньги...

Подписи: Яков, Павло, Михаил, Грыцько».

В этой группе крестьян участвовал мой племянник, Михаил Махно, спасшийся от расстрела (так же как и брат мой Савва Махно) благодаря трусости помещиков, услышавших, что я возвратился из России и недалеко от Гуляй-Поля нелегально организовываю по селам крестьян. Эти помещики отстояли Михаила перед немецким командованием. За час до расстрела его освободили. Этому другу я очень доверял и решил было на недельку-две совсем замолчать и даже выехать из Рождественки. Но то было время, когда мысли могли быстро меняться. Через день я изменил свое решение. Я почувствовал в себе большую ответственность за бездействие в такое время. Кроме того, я решил присмотреться самому лично к жизни Гуляй-Поля и Гуляй-Польцев. Я окончательно решил переехать в Гуляй-Поле. Окружавшие меня революционеры-крестьяне просили не предпринимать этого рискованного преждевременного шага. Но это не помогло. Я был в ту минуту упорен и стоял на своем: настойчиво просил подвезти меня к Гуляй-Полю, а там-де я сам найду дорогу пробраться к своим близким.

МОЕ ПЕРВОЕ НЕЛЕГАЛЬНОЕ ПРЕБЫВАНИЕ
В ГУЛЯЙ-ПОЛЕ

В одну ночь два крестьянина, вооружившись винтовками (я имел при себе две бомбы и хороший револьвер системы «кольт»), повезли меня по направлению к Гуляй-Полю. В трех верстах от Гуляй-Поля я соскочил с подводы и, крикнув «Прощайте!», скрылся промеж копен ржи...

А в два часа ночи я был уже на Подолянах (часть Гуляй-Поля) в одной крестьянской семье, хозяин которой все еще считался погибшим на войне. Здесь я чувствовал себя в полной безопасности. Ибо и хозяйка, и дети были в высшей степени конспиративные люди. А наутро вся эта семья сделалась моими рассылными по Гуляй-Полю. Помню, первой прибежала ко мне жена моего товарища и друга С. Она принесла мне оружие и сообщила, что муж ее еще не возвратился из России.

— Но если тебе нужен помощник, — сказала мне Харитина, — я могу заменить мужа. Я знаю, что ты начнешь действовать против немцев и гетманцев, и я буду во всем тебе помогать.

Я тут же поручил ей употребить все силы и направить всю свою крестьянскую сметливость на то, чтобы достать мне с десятков бланков Гуляй-Польской земской управы за подписью головы управы Григория Чучко, которые мне нужны были для документов ряду лиц неГуляй-Польцев.

После нее меня посетили многие крестьяне, но никто из них не был так воинственно настроен, как она. Большинство из посетивших меня в первый день моего приезда в Гуляй-Поле убеждали меня выехать обратно в Рождественку еще на месяц-два, так как мое пребывание в Гуляй-Поле скоро станет известным властям, и задуманное дело провалится. Однако я решил побывать у многих старых своих друзей — крестьян-революционеров, которые уже получили немецких шомполов и сидели молча, как мне передавали друзья помоложе.

За несколько ночей я побывал у многих из них. Устроил два собеседования с двумя десятками крестьян на тему «За что мы должны прежде всего взяться». Окончательно уяснил себе картину того контрреволюционного переворота в Гуляй-Поле, который был совершен в мое отсутствие.

Переворот этот, как я выяснил, задуман был агентами Украинской Центральной рады и немецко-австрийского командования, сынками кулаков, которые, приехав с внешнего фронта, объявили себя украинскими социалистами-революционерами: Иваном Волком (ныне комиссар Чертковского района у большевиков), Аполлоном Волохом, Осипом Соловьем (путаются где-то в деникино-врангелевских бандах), Василием Шаровским и агрономом Дмитренко.

Под руководством этих лиц и силами центральной еврейской роты переворот был совершен в порядке ареста всех членов революционного Гуляй-Польского комитета и большей части членов Совета крестьянских и рабочих депутатов. Был также отозван с противонемецкого и гайдамацкого фронта анархический отряд. Он в пути был разоружен и наполовину арестован. Арест производился с целью выдать всех этих передовых революционеров Гуляй-Поля и района немецко-австрийскому командованию на уничтожение.

Переворот удался. Буржуазия его приветствовала. Она быстро, в течение нескольких дней, сделалась снова хозяином во всем районе. Начались погромы революционных организаций.

Некоторые подробности событий произвели на крестьян особое впечатление. Так, например, в Гуляй-Поле, под руководством «анархиста» Левы Шнейдера, владевшего помимо еврейского языка и украинским, было разгромлено бюро анархистов. На украинском языке он обратился к шовинистическим бандам:

— Брати, я з вами вмру за неньку Украину!

С такими словами вскочил этот «анархист» в бюро анархистов, начал хватать и рвать черные знамена, срывать со стен портреты Кропоткина, Бакунина, Александра Семенюты, разбивать их и топтать. Даже шовинисты-украинцы не делали того, что делал он, этот новоиспеченный украинский патриот, говорили мне очевидцы.

Такой поступок еврея-«анархиста» еще более развязал руки еврейской молодежи из роты. Буржуазия, зная, что делать в такие минуты, указывала молодежи на пример «анархиста». И еврейская молодежь под руководством все тех же агентов Центральной рады и немецкого командования усердствовала.

— А где же теперь этот Лева Шнейдер? — спрашивал я крестьян.

— Он убежал из Гуляй-Поля, когда немцы и австрийцы окончательно осели здесь. Говорят, он «работает» подпольно где-то в Харькове вместе с большевиками и анархистами, — отвечали мне крестьяне и с особой настойчивостью требовали моего мнения об этом гнусном поведении «анархиста» еврея Льва Шнейдера.

Что я мог им ответить? Я, конечно, старался доказывать им, что *еврей* здесь ни при чем; что *неевреев*, игравших гнусную роль в перевороте, было несравненно больше. Я пересчитал ими же указанные мне имена этого большинства. Но убедить их не мог. Они, крестьяне, предложили мне пойти вечером в центр Гуляй-Поля и убедиться в том, кто по улицам и площадям веселится, кроме евреев, «участвовавших раньше вместе с нами в походе против контрреволюции, а теперь вместе с контрреволюцией веселящихся на трупе революции». Чувствовалась великая злоба у крестьян против евреев — злоба, которой Гуляй-Поле еще не переживало.

Я тревожился. Передо мною ясно вставал грозный призрачный нарождающегося антисемитизма. Я собирался с силами, чтобы преодолеть эту заразу в массе крестьян — заразу, привитую преступлением од-

них и глупостью других, самих же евреев. Я согласился переодеться в женское платье и пойти в центр Гуляй-Поля.

— Да, да. Вы, Нестор Иванович, пойдите туда. Вы увидите, что там свободно гуляют и веселятся только те, кто выслужился перед властью немцев и Центральной рады своими позорными действиями против революции, — говорили мне крестьяне.

В один из вечеров я с рядом крестьян и крестьянок побывал в центре Гуляй-Поля и действительно видел свободно гуляющими только тех, кто жил в центре. (Среди них было много евреев.) Приходящих же из окраин патрули разгоняли, записывали, нередко арестовывали, избивали прикладами и указывали им дорогу к дому.

На одном из собеседований с крестьянами на Песках (одна из окраин Гуляй-Поля) я остановился подробнейшим образом на революции, на ее задачах и на антисемитизме. Я охарактеризовал подлинные широкие задачи революции и подчеркнул истинную роль и громадную опасность антисемитских настроений. Я напомнил крестьянам их героическую борьбу против погромов в 1905 году. Я еще раз указал им на то, каким должно быть дело подлинного анархиста-революционера, стремящегося к тому, чтобы трудящиеся могли наконец свободно и решительно выявить свои творческие силы.

— За этим свободным и решительным выявлением сил трудящегося крестьянского люда, — сказал я, — простирается широкий путь ко всенародному счастью. Будем же, товарищи, работать во имя возрождения разбитой у нас на Украине революции, чтобы, пользуясь ею как средством, прийти к счастью. Работа эта серьезная и ответственная. Она требует настойчивости и героических жертв, ведущих по одному пути, к одной цели. Всякое отвлечение в сторону будет срывать ее и тем самым губить новые наши силы. А они пока так невелики, что бросаться ими как попало будет великим преступлением. Вот во имя этого я против того, чтобы что-либо предпринимать сейчас по отношению к тем изменникам и провокаторам, которые совершали гнусный весенний переворот и теперь живут под крылышком палачей революции.

— Так что же вы, Нестор Иванович, стоите за то, чтобы этих провокаторов не трогать? — спросили меня в один голос все присутствовавшие на этом собеседовании.

— Нет, я за то, чтобы их притянуть к ответу. Но на это будет время. Я глубоко верю, — сказал я этим своим нетерпеливым друзьям, — что мы общими усилиями организуем наши крестьянские силы на более прочных основаниях и изгоним немецко-австрийские контрреволюционные армии вместе с их ставленником гетманом Скоропадским. Тогда мы всех уцелевших провокаторов притянем к всенародному суду через сходы и собрания революционных крестьян и рабочих. И им не будет пощады. Как подлые провокаторы, они должны быть уничтоженными, и мы их уничтожим. Но уничтожать их теперь, по-моему, не следует. Это повредит или может повредить делу нашей организации как

инициативной силы на пути объединения крестьянских революционных сил против внешних и внутренних врагов революции, врагов свободы и независимости трудящихся от власти капитала и его кровавого детища — государства. Это, — подчеркивал я друзьям своим, — мы должны серьезнейшим образом учитывать при подходе к практическим действиям против известных нам провокаторов.

* * *

Многих моих друзей-крестьян я не мог уже видеть: одни были расстреляны, другие посажены в тюрьму, где они по закону немцев и гетманцев исчезали бесследно.

Те же, кто остались в живых, были ограблены, чуть ли не еженедельно подвергались обыскам и избивались прикладами и шомполами.

У оставшихся в живых крестьян я уже не замечал того энтузиазма, той сплоченности и веры в свои стремления, которыми они жили всего два с половиною — три месяца тому назад. Но это меня не особенно беспокоило. Я верил, что, стоит только начать дело организации крестьян против их угнетателей, они восстановят и энтузиазм, и веру в себя и в свое дело. К этому возрождению действия я стремился с особым подъемом сознания долга революционера-анархиста вопреки анархистам, живущим в наше время одним только голым отрицанием. И скоро я при встрече и разговорах с крестьянами и крестьянками окончательно убедился в том, что весь их угнетенный и как будто безразличный вид — явление временное.

* * *

Мы много говорили с крестьянами на разные темы. Между прочим, крестьяне рассказали мне подробно о вступлении немецко-австрийских и гетманских отрядов в Гуляй-Поле; о том, как их встречала буржуазия; наконец, о том, как вели себя и чем занялись эти поистине дикие контрреволюционные банды в Гуляй-Поле.

В первую очередь они нашли нужным отомстить мне как организатору революционных сил района. Они оцепили двор моей старушки матери, выгнали ее из дому и начали бросать бомбы в дом. Побили все окна, повыврывали двери, нанесли соломы в дом и зажгли. Зажгли дом и все постройки во дворе: клуню (овин), сарай и хлев.

Затем переехали к старшему моему брату, инвалиду мировой войны Емельяну Махно, который вследствие своей инвалидности (он потерял глаз и был сильно контужен, всегда болен) активной роли в революции не играл. Они арестовали его и отправили в свою комендатуру. Хату и сарайчик сожгли, оставив жену его,

мать пятерых маленьких детишек, вместе с детками во дворе смотреть, как горит все, что они своим трудом долгие годы наживали: жалкая хатенка, сарайчик да бричка.

Так объезжали эти глупые изверги культурной Европы двory всех крестьян, сыновья которых были активными революционерами и ушли в подполье, и жгли их двory, грабя и насилуя.

В эти же дни по провокации социалистов-шовинистов, действовавших под предводительством агронома Дмитренко, поймали молодого славного революционера-анархиста из бедной еврейской среды Горелика и зверски мучили его. Ударяли его по яичкам, плевали ему в глаза, заставляли раскрывать рот и плевали в рот. При этом ругали его за то, что он — неподкупный еврей. И в конце концов убили этого славного юношу-революционера.

Вскоре решили судьбу и моего брата. Чтобы наиболее жестоко поиздеваться над ним, над его женой и маленькими детишками, власти решили расстрелять его вблизи соседей, проведя его предварительно мимо его же двора. Снарядили шесть человек для исполнения казни над ним. Когда они приближались к двору, их увидели дети Емельяна и их мать. Дети постарше, увидев своего отца, окруженного штыками, заплакали. Младшие же, ничего не понимая, бросились к своему папе навстречу, ожидая, что он возьмет их на руки, как это он всегда делал, и, предварительно поцеловав их, скажет, что он им купил. Но грубая солдатская свинота закричала на детей, истерично угрожая им винтовками. Дети опешили и остановились. А потом, увидев, что сердитые люди повернули влево от двора и повели с собою их дорогого отца, они бросились к матери, стоявшей со старшим мальчиком во дворе, словно прикованной к земле, теребили ее за платье и просили сказать им, куда австрийцы увели их «тата». Мать целовала их и плакала вместе с ними. А слепые убийцы отвели Емельяна от его двора через балку в огород Левадного и там убили его.

Еще более потрясающей была сцена расстрела Моисея Калениченко.

Всего через день-два после убийства Емельяна Махно власти узнали, что Моисей Калениченко находится в Гуляй-Поле. Калениченко был анархист, из крестьянской семьи. Один из лучших мастеров-механиков в Гуляй-Поле. Один из честнейших и мирнейших людей в районе. При организации Гуляй-Польскою группю анархо-коммунистов отрядов против экспедиционного нашествия он по постановлению группы принял энергичное участие в этой работе. Во время одной поездки он упал с лошади и сломал себе ногу. Это обстоятельство принудило его остаться в Гуляй-Поле, в постели, в доме своих братьев.

Теперь по доносу все тех же «социалистов» власти его нашли. Но, зная о возмущении населения за дикий расстрел Емельяна Махно, они решили теперь для вида запросить мнения о Калениченко у общества. Был поставлен вопрос:

— Хто такий Калениченко: злодій чи добрий чоловік?

Оставшееся неарестованным трудовое население ответило, что оно за Моисеи Калениченко ручается как за хорошего гражданина села Гуляй-Поля. Но командование с этим ответом не считалось. Оно заслушало мнение о М. Калениченко собственников-землевладельцев Резника, Цапко, Гусененко, купцов Митровниковых, хозяина мыловаренного завода Ливинского, которые доносили: Моисей Калениченко — «злодй», он был членом Гуляй-Польского революционного комитета и помощником Нестора Махно в организации черни.

Немецко-австрийское командование на Украине в это время устанавливало закон о том, что Украина есть немецкий «тыл», и подумывало просто превратить ее в неотъемлемую часть своего отечества. Оно нашло, конечно, лучшим признать вместе с землевладельцами, помещиками и купцами товарища Калениченко «злодеем». Оно распорядилось расстрелять его. Товарищ Калениченко был убит.

Его вывезли в Харсунскую балку в Гуляй-Поле и поставили у края оврага. Шесть человек в форме рядовых немецких солдат дали по нем залп. Он тяжело, но не смертельно раненный упал. Собравшиеся неподалеку крестьяне и крестьянки бросились убежать, ругая убийц. Но скоро они остановились и стали смотреть в сторону совершавшегося преступления. Раненый поднялся и закричал:

— Убивайте же, убийцы, скорее!

Раздалась команда из группы трех крутившихся тут офицеров и по Калениченко дали другой залп. Он снова упал, корчась, опрокинулся на другую сторону и снова начал подыматься. Но в это время к нему подскочил один из офицеров (слухи были, что это был помещик Гусененко, переодетый в офицерскую форму) и в упор выстрелил в него, целясь, видимо, в висок, но попал в щеку. Калениченко снова упал, но тотчас приподнялся на колени и, маша руками, кричал:

— Убивайте же, палачи, не мучьте!..

Неизменных шесть солдат дали еще подряд два залпа. Один, когда Калениченко еще стоял, другой уже в лежачего. Тело его было изрешечено пулями.

Кошмарная смерть постигла и товарища Степана Шепеля. Он тоже крестьянин-анархист, можно сказать, мой воспитанник. Я ввел его в свой кружок и затем в группу. Он был сын хорошей, мирной, трудовой крестьянской семьи. После нашей таганрогской конференции он вернулся вместе с моим братом Саввой Махно и Семеном Каретником ⁴⁶ нелегальными путями в Гуляй-Поле для подпольной организационной работы. В одну из ночей Степан пошел домой, чтобы помочь жене и деткам своим, которых было четверо, расчистить от сорных трав ток для молотбы. Он был выслежен шпионами и на следующую ночь схвачен немецко-австрийским ночным патрулем именно за этой домашней работой.

Как и всех революционеров в Гуляй-Поле, власти расстреляли его днем, на глазах у населения.

Перед расстрелом мужественный Шепель сказал своим убийцам: — Сьогодні ви вбиваєте мене за мою вірність своїм братам працьовникам. Цим ви викликєте нас, анархістів-комуністів, на шлях помсти! Я вмираю за правду анархії. Вмираю від рук сліпих але підлих катів революції. За це завтра мої товариші вб'ють вас...

Товарищ Степан Шепель, как и Моисей Калениченко и мой брат Савва Махно, были все очень преданы делу нашей группы и участвовали во всех ее революционных делах среди крестьян и вместе с крестьянами. Поэтому отсутствие их в эту грозную минуту возле меня, когда к тому же не было еще других моих друзей и товарищей из числа отступивших в Россию, особо остро чувствовалось.

Товарища Павла Коростелева (он же Хундай) избили прикладами и шомполами так, что он через несколько дней умер.

Секретаря нашей группы А. Калашникова ⁴⁷ и Савву Махно со многими беспартийными революционными крестьянами не расстреляли только потому, что среди богатеев, немцев, помещиков и кулаков-крестьян пронесся слух, что Нестор Махно вернулся из России и ведет усиленную подпольную организацию вокруг Гуляй-Поля с целью поднятия восстания против них. Они, лицемеры перед трудовым населением Гуляй-Поля и его района, хотели показать этому населению, что стоят вместе с ним за то, чтобы крестьян-революционеров во главе с Саввой Махно и А. Калашниковым не убивали. Но крестьяне отлично видели и понимали их лицемерие.

Их, действительно, не убили, а посадили в тюрьму вместе с сотнями других ни в чем не виновных крестьян. Все они при низвержении Центральной рады остались в тюрьмах, перейдя «по наследству» гетманщине.

Товарищи крестьяне хотели еще многое рассказать мне об учиняемых над революцией и жизнью лучших ее сынов насилиях. Но я дальше не мог их слушать. Их рассказы настолько взвинтили меня, настолько истерзали мне сердце, что я в этот вечер никак не мог успокоить себя, успокоить их, рассказчиков, рыдавших предо мною, словно дети. С огромным трудом я овладел собою. И, помню, сказал всем собравшимся:

— Все то, о чем я вам, друзья, говорил, и все то, что вы мне рассказали, все это, вместе взятое, повелительно говорит нам о том, что мы не имеем никакого права сидеть сложа руки. Мы должны стараться группировать свои силы, силы широкой крестьянской массы, на основе одного лозунга: восстание против немецко-австро-гетманского произвола в стране за возрождение и развитие революции во имя полного освобождения крестьян и рабочих, всех тружеников деревни и города от власти помещика и фабриканта, а также их слуги — государственной власти вообще.

В связи с этим лозунгом мы тут же постановили признать необходимым с завтрашнего же дня организовать по районам в Гуляй-Поле инициативные группы в три-пять человек каждая. Эти группы в своей подпольной работе по организации населения со-

вершенно свободны, но тесно связаны между собою через своих уполномоченных. А эти уполномоченные связываются непосредственно со мною и таким образом направляют всю работу групп к одной цели: цели объединения вокруг революционного Гуляй-Поля широкого трудового населения районов и поднятия его на беспощадную борьбу против гетманщины и немецко-австрийских контрреволюционных армий.

Так была заложена вторично под моим идейным и организационным руководством Гуляй-Польскими крестьянами-анархистами крестьянская революционная организация для борьбы с контрреволюцией.

На этом решении мы закончили наше ночное собрание.

* * *

Я рвался на Украину для новой организации крестьянских отрядов и вольных батальонов революции, для того, чтобы прежде всего с их помощью добыть как можно больше оружия у врагов революции и затем поднять против этих последних все трудовое население сперва в Гуляй-Поле и его районе, потом во всей Запорожско-Приазовской местности, трудовое население которой, по моим наблюдениям 1917 и весны 1918 годов, казалось мне наиболее революционно-бунтарским и наиболее способным на то, чтобы на него опереться в поднятии революционного крестьянского восстания по всей Украине.

Этой идеей я руководствовался и при отступлении из Украины в апреле, и при организации таганрогской конференции, и на самой конференции. Во имя ее я в спешном порядке направил из Таганрога на Украину ряд товарищей и возвратился сам на Украину.

Однако теперь, узнав подробности об аресте и расстрелах упомянутых товарищей, я, приступая к намеченной работе, в то же время как будто забыл об этой идее... Я невольно стал отыскивать средства для отмщения палачам, казнившим моих друзей и товарищей, этих безымянных честных сынов социальной революции.

Я отыскал несколько бомб и решил взорвать в Гуляй-Поле штаб немецко-австрийского командования и гетманской державной варты.

Так как совсем один я выполнить этот акт технически не мог, я начал подготавливать к нему двух человек, женщину и мужчину, которые нужны были мне только как помощники по подготовке акта. Совершить же его я считал своей обязанностью и готовился выполнить его.

Но в этот момент на горизонте нашей подпольной жизни и работы всплыли новые условия, снова прервавшие все мои начинания.

Через день после только что описанного мною собрания мы сошлись с крестьянами снова в другом месте. На этот раз среди нас находились и представители от сел Воздвиженки и Воскресенки.

Воскресенцы нам сообщили, что они прочитали крестьянам мои письма, переданные им Гуляй-Польцами. Крестьяне решили действовать согласно им. Я испугался. Испугался потому, что письма мои из Рождественки были писаны только для своих близких. Они же пустили их по селам и этим, естественно, открыли мое пребывание под Гуляй-Подем.

Но было уже поздно предпринимать что-либо в том направлении, чтобы письма эти не печатались и не распространялись. Воскресенские крестьяне начали уже действовать. Они организовали отряд и назвали его «Махновским». Под этим именем они напали на карательный немецкий отряд, разбили его, убили командира и нескольких солдат.

По выслушании доклада крестьян-воскресенцев об этом нападении мы разошлись в ожидании новых событий. Мы не ошиблись. Действие воскресенских крестьян отразилось и на Гуляй-Польцах. Немецко-гетманские власти установили, что засада была устроена на границе воскресенско-Гуляй-Польских земель, и бросились с повальными обысками по районам этих волостей. Снова пошли многочисленные аресты, шомполование и денежные штрафы, выколачивание всякими пытками у крестьян оружия и выдачи революционеров-инициаторов.

Я убедился, что далее мне оставаться в Гуляй-Поле нельзя ни одного дня.

Меня в спешном порядке вывозят из Гуляй-Поля в Рождественку. Но волна обысков и арестов быстро перекинулась на весь Гуляй-Польский район и добралась до Рождественки. Я принужден был покинуть и это гостеприимное село и перебраться на 80 верст далее от Гуляй-Поля, в деревню Терновку.

Глава III

ДЕРЕВНЯ ТЕРНОВКА И ЗАГОВОР УБИТЬ МЕНЯ

В деревне Терновке (она же Протопопово) я поселился у своего дяди, брата моей матери, Исидора Передерия под видом родственника, по профессии учителя из Матвеево-Курганской волости Таганрогского округа, по имени Иван Яковлевич Шепель. Документ на это имя был сделан мне раньше по моей просьбе Затонским, известным украинским большевиком.

Родственники мои пустили по деревне слух, что я летом совершенно свободен и приехал к ним на все лето с целью уйти подальше от прифронтового шума и неурядиц. А так как в это время в 75 верстах от Таганрога, у Батайска, как раз велась ожесточенная борьба между революционными войсками и контрреволюцией, то этот пущенный родственниками слух сошел за истину. К тому же жил я на окраине деревушки и мало кому показывался на глаза, что тоже содействовало тому, чтобы не вызывать у населения лишних толков.

Но вот сын моего дяди, так сказать, настоящий хозяин дома, умер. Это заставило меня оставить квартиру стариков и перебраться в другую семью родственников, живших почти в центре деревушки. Здесь чаще всего появлялись немецко-гетманские карательные отряды, что принуждало меня иногда днем быстро уходить из деревни, прятаться в поле, в лесных посадках или в кукурузах и возвращаться домой по ночам.

Такая моя жизнь скоро показалась странной крестьянской молодежи, так или иначе участвовавшей в революции. Эта молодежь взяла меня под подозрение. Она пыталась узнать от моих родственников, в чем дело, кто я такой, почему только по ночам показываюсь на деревне? Но не получив, видимо, удовлетворительных ответов, молодежь решила, что я — тайный гетманский шпион.

Около недели молодежь эта собиралась по соседству с моей квартирой и обсуждала, как я после узнал, вопрос, как поступить, чтобы избавиться от меня.

Я же, ничего не подозревая, продолжал временами ходить в ночное время от одного сына или племянника моего дяди к другому и этим самым еще более навлекал на себя подозрения теперь уже и со стороны многих пожилых крестьян. Я не знал, что жители деревни давно уже усиленно расспрашивали обо мне моих родственников.

И вот в один из воскресных дней крестьянская молодежь собирает между собой деньги, покупает пива и самогону и устраивает все там же, по соседству с моей квартирой, «пирушку» с целью затянуть ее до поздней ночи, а затем силою схватить меня, вывезти в поле, убить и бесследно зарыть в землю.

В этот день молодежьковыривала из земли сохранившееся у нее от весеннего красногвардейского увлечения оружие: револьверы, винтовки с отрезанными дулами, называемые теперь «обрезами», и шашки. С нетерпением ожидала она ночи, а потом и казни — дикой, звериной казни надо мной.

Итак, эти люди приготовились. Среди них был сын моего двоюродного брата, то есть мой племянник. Однако решившая убить меня молодежь ничего не поведала ему о своем решении. Теперь же кое-кто из собравшихся, подпив немного, начали добиваться от моего племянника, кто я такой и почему он никогда не приведет меня к ним: они хотели бы, дескать, со мною познакомиться.

Мой племянник долго отговаривался, но в конце концов согласился с ними и пришел за мною.

Я был свободен и охотно принял приглашение. Оно было для меня в некотором отношении даже важным, так как из Гуляй-Поля пришли сведения, чтобы я поспешил со своим возвращением. Я решил организовывать силы для задуманного повстанческого авангарда отсюда. И я пошел.

Собрание имело место через улицу от моей квартиры во дворе, в большом крестьянском сарае. Посреди сарая стоял большой низкий стол. Вокруг него сидела молодежь. А сбоку, прямо на за-

стланной рядом земле, по-цыгански сидели крестьяне постарше, лет по 30-40. Первые выпивали и пели песни о крестьянской доле. Вторые играли в карты, в распространенную у нас на Украине в зимнее время по деревням игру, в так называемую «арбу».

Мое появление в сарае кое-кого смутило, но кое-кого явно обрадовало. Почему, я еще не знал, но заметил. В сарае становилось уже темно. Кто-то, видимо из старших, крикнул:

— Хлопцы, угостите чужого человека пивом!

Я не прочь был выпить стакан пива, но чувствовал какую-то непонятную для меня тревогу и воздержался, упросил не настаивать на том, чтобы я пил, так как я-де нездоров и пить не буду. Меня попросили сесть и поиграть с ними в карты. Я и от этого отказался и сделал им в сжатых выражениях пояснение о том, что момент теперь такой тяжелый для крестьян и рабочих, что этим труженикам есть о чем подумать несравненно более серьезном, чем картежная игра.

Пока я им это говорил, молодежь слушала внимательно. Люди же постарше, я заметил, подталкивали друг друга под бока, подмигивали глазами и каждый себе под нос посмеивался. Однако я на это не обратил особенного внимания. Разговор на эту тему меня втягивал все более в роль пропагандиста. Я вообразил себе тут же, что из этой молодежи можно создать солидный по количеству кружок, а из кружка выбрать более стойких людей и создать боевую группу для начальной деятельности в целях поднятия всей трудовой крестьянской массы против контрреволюции. Я увлекся своей речью и не заметил, как молодежь вся насторожилась, как игроки в карты бросили свою игру, прекратили свой глупо-злой смех и тоже, одни сидя, другие вставши и стоя, повернулись ко мне и слушали меня с разинутыми ртами.

А когда я, кончая, заговорил о непрошенных властелинах — германе и немецко-австрийском юнкерстве, об установленной ими черной реакции над жизнью трудящихся вообще и крестьян в особенности, причем особенно ярко рассказал о том, как власть поступает с крестьянами в тех районах Украины, где крестьяне отобрали у помещиков и кулаков землю, живой и мертвый инвентарь; когда я упомянул о том, что в этих районах крестьян вешали на телеграфных столбах, расстреливали мужей и отцов на глазах жен и детей с целью запугать все трудовое население, молодежь не выдержала. Многие повскакали с мест и начали кричать, что «у нас знают только играть в карты!..».

Крестьяне постарше в свою очередь бросали в сторону молодежи:

— Мы, старые глупцы, научились только играть в карты!.. Это скверно, но это правда, и мы от этого не отказываемся... А вот вы сбоку нас учитесь пьянствовать...

На все это молодежь подавала свои смешанные голоса. А в результате и те и другие чуть не каждый, не зная даже сами для чего, подходили ко мне и, дружески улыбаясь, ничего не говоря

или произнося что-то расчувствованно-подавленным голосом, пожимали мне руку.

А затем двое из них, подойдя ко мне близко и повернувшись к своим, сказали:

— Товарищи, оказывается, этот товарищ (указывая на меня) совсем не такой человек, как мы думали о нем, и ему нужно об этом сказать!

— Верно, правильно, — раздались голоса.

И тогда эти два человека (это были Коробка и А. Ермакратьев) отвели меня в угол сарая, приподняли лежавшую здесь кучу одежды и, отбросив ее в сторону, сказали мне:

— Смотри, товарищ!

Я посмотрел. То была куча «обрезов», винтовок, револьверов, шашек и штыков.

— Это оружие, — продолжали они мне пояснять, — добыто нами в рядах красногвардейцев весной. Оно приготовлено против тебя, товарищ. Мы думали, что ты шпион. И решили сегодня ночью схватить тебя, вывезти в поле и там рубить тебя по кусочкам, чтобы выпытать, кто ты, а затем добить и зарыть в землю...

Сперва я слушал их спокойно. Но под конец не выдержал. По моему телу пробежала дрожь и тотчас сменилась жаром. Минуту-две я волновался до крайности. А когда преодолел это волнение, я спросил их:

— Чем же все-таки я навлек на себя такое подозрение?

Все они уклонились от прямого ответа.

— Теперь, когда мы услышали твою речь, — уверяли они меня, — у нас этого подозрения уже нет. Мы только жалеем, что твои родственники были настолько глупы, что боялись сказать нам правду о тебе. Мы могли сегодня ночью убить тебя, товарищ, как шпиона.

Но я чувствовал себя нервно окончательно расстроенным и, попросившись с ними, ушел к себе на квартиру. Главари кружка проводили меня до самой двери и все извинялись за задуманное ими против меня злодейство.

* * *

В скором времени я написал прокламацию к крестьянам этой же деревни и расклеил ее возле сельского управления перед сельским сходом. Ее читала почти вся деревня. Некоторые сельские подзревали, что ее написал я, но пустили слух, что с вечера пролетал аэроплан и спускался в поле на землю. А после-де кто-то видел двух матросов по улицам деревни. Лишь один кулак заявил на сходе, что все это вздор, что никакой аэроплан революционеров здесь пролетать не мог. Нужно, мол, серьезнее присмотреться к родственнику Исидора Передерия (т. е. ко мне) и сообщить об этом случае державной варте⁴⁸. Родственник Передерия, мол, учитель, а все учителя — крамольники, и прокламация писалась не без его

ума. Однако многие крестьяне восстали против утверждений кулака, уверяя его, что сами видели двух матросов. А ночью этот кулак, спавший на своем гумне, кем-то из крестьян был накрыт рядом и сильно избит палками с приговариванием, чтобы не подозревал невинных людей. А если и есть основание подозревать кого-нибудь в революционности, то чтобы не был провокатором и не болтал.

Соседи этого кулака говорили мне, что после происшедшего он стал поучать своих сыновей, чтобы они, если что знают о врагах гетмана, ни с кем об этом не говорили, потому что время настало такое, что нельзя сразу понять, где правда, на стороне ли гетмана или на стороне революционеров.

Такое отношение крестьян деревни Терновки к гетману и гетманщине, с одной стороны, и к революционной прокламации — с другой, меня радовало, и я старался подойти к ним ближе.

Теперь я начал вести между ними собеседования более положительного характера и организовал из них боевую группу. В задачу ее должно было входить не только группирование вокруг себя крестьян, чтобы в нужный момент не отстать от других волостей и восстать против гетманщины и немецко-австрийского хозяйничанья в стране, но и непрерывные нападения теперь же, до момента восстания на помещичьи усадьбы, на немецко-австрийские военные транспорты, на державную варту и т.п.

В боевую группу вошло несколько человек, самостоятельно мысливших о реакции на Украине. Они будировали крестьян против нее, и это обстоятельство толкало меня на более решительные действия. Тем более что я замечал в гуще окружавшей меня крестьянской молодежи стремление к тому, чтобы как можно скорее заняться реальным делом: отучить гетманские и немецко-австрийские карательные отряды от диких налетов на деревни, от обысков, арестов и избиений непокорных крестьян.

Помню, на одном из моих собеседований с крестьянами молодежь решительно настаивала на том, чтобы я разработал ей план засад и уничтожения этих карательных отрядов в открытом поле. Зная, что за такие действия немецко-гетманские власти взыскивают со всего населения данной местности, я объяснял молодежи, что разработать нужные планы засад и действий нетрудно, но что такими действиями мы можем вызвать против себя возмущение со стороны крестьян и этим утеряем их живые силы для восстания. Молодежь возражала, что все население готово на жертвы, лишь бы жертвы эти не были напрасными, лишь бы жертвы эти послужили сигналами для всеобщего восстания трудящихся против насиликов и эксплуататоров.

Так шли дни за днями. Я проводил собеседования. Советовал терновцам не прибегать к вооруженным действиям, не взвесив их цели всесторонне и не сговорившись с Гуляй-Подем, где есть силы и оружие и где выработан определенный план согласования действий крестьян и рабочих широкого района.

— Гуляй-Поле с его революционной частью крестьян и рабочих имеет уже опыт и авторитет у населения других районов, — говорил я терновцам. — С этими районами нужно во что бы то ни стало связаться, прежде чем начать открытые действия. Открытое действие требует организованности. Кроме того, оно должно быть достойно революционной организации. Это значит, что необходимы: революционная определенность в цели и упорство в практическом дерзании. Надо согласовать пути и действия, при помощи которых нам всем в разных концах района, области и всей Украины придется непрерывно, не зная усталости и отдыха, подавать сигналы, звать всех угнетенных тружеников деревни и города на борьбу и давать живой пример в этой борьбе. В Гуляй-Поле в революционную часть его населения я верю. Оно пойдет на этот подвиг с открытым лицом и с честью будет защищать его. Вот почему я советую не только вам, товарищи, но и всем, кого я видел до встречи с вами, связаться с Гуляй-Подем и согласовать с ним ваше выступление против насильников.

И мы решили связаться с Гуляй-Подем. За этой связью поехал я и со мною два товарища из терновцев. Но мы доехали только до села Рождественки. Здесь меня встретили мои старые товарищи, которые по причине бушевавших в Гуляй-Поле репрессий сами оставили его. А репрессии эти разбушевались, главным образом, на почве того, что Гуляй-Польские крестьяне отказывались свозить обратно помещикам урожай с отобранной у помещиков и кулаков земли.

Немецко-австрийское командование распорядилось по своим и гетманским карательным отрядам принудить крестьян-бунтарей силою штыка, тюрем и расстрелов свозить их урожай в амбары помещиков и кулаков.

Это сообщение остановило меня на три дня в Рождественке, где я постарался тщательно проверить все полученные сведения. А проверив, возвратился снова в Терновку.

Терновская молодежь была рада моему возвращению. И решил действовать пока в этом районе. Окружавшая меня крестьянская среда к этому действию была уже подготовлена. Поэтому я, не задумываясь, сразу же толкнул ее на путь вооруженных нападений на помещичьи имения и кулацкие хутора с целью разгона из этих контрреволюционных гнезд всех группировавшихся в них бездельников, разного ранга хозяйчиков и охраны.

Лозунг наш был «Смерть всем, силою немецко-австрийско-гайдамацкого штыка дерзнувшим отымать у крестьян и рабочих революционные завоевания». Этот лозунг воодушевлял крестьян. Они запрягали лошадей в брички и, невзирая на недостаток в огнестрельном вооружении, бросались на помещиков и кулаков, на разъезжавшие по району немецко-австрийские и гайдамацкие отряды и сражались с ними.

При одном из нападений на помещичье имение мы наткнулись на хорошо вооруженную охрану. Она состояла исключительно из

немецких солдат. С трудом нам все-таки удалось разоружить охрану. Но хозяин вместе с офицерами охраны и офицерами из Синельниковского гарнизона, которые часто группами гостили у этого помещика и были как раз в это время у него, забаррикадировались в доме «барина», решив защищаться. Картина была жуткая. Крестьяне, оцепив дом, требовали от помещика удалиться из имения, забыть, что он хозяин. Крестьяне требовали этого на том основании, что он в дни революции покинул имение, в дни же контрреволюции во главе с немецко-австрийскими армиями возвратился в него и с помощью этих армий отобрал у крестьян землю; более того — порол крестьян и загонял их в тюрьмы. Крестьяне считали недопустимым, чтобы этот помещик оставался жить по соседству с ними.

Помещик грозил из дома, что он уже протелефонировал в Синельниково и вызвал немецкий отряд, который, дескать, через час-два прибудет сюда. С этим отрядом он-де разыщет крестьян-бунтарей и накажет их так, как еще никогда не наказывал.

Крестьяне бросились к дому с целью взять в нем и помещика, и его гостей офицеров. Но последние, будучи хорошими стрелками, метким огнем отбили наступление. Это заставило меня и другого товарища (Кирилла) подползти к окнам и с двух сторон бросить в дом по бомбе хорошей силы. В результате — сильный взрыв. Помещик и его защитники замолкли. А крестьянам больше ничего и не нужно было. Разграблением имения они не занялись. Батракам-рабочим они сказали:

— Вы здесь хозяева. Продолжайте молочение хлеба. Недалеко время, когда вся Украина скинет произвол. Революция снова окрепнет и положит начало тому, как следует поступить с землей и всеми капиталами на ней. Тогда мы с вами встретимся и сообща решим, за что нам нужно будет взяться в первую очередь на этом пути.

Батраки слушали и, вздыхая, спрашивали:

— А не повесит нас барин, когда вы уедете?

Барин, напуганный бомбами, их не повесил. Он перебрался из «своего» имения в Синельниково.

И не только этот барин перебрался поближе к вооруженным силам контрреволюции. После ряда решительных действий крестьян против помещиков немало бар убрались из своих имений. А немецко-австрийские и гетманские карательные отряды сделались после этого менее дикими в своих налетах на села и деревни.

Так крестьяне терновского района под моим руководством входили в роль суровых мстителей всем тем, кто были повинны перед трудящимися за казнь над революцией. Роль, по преданиям буржуазной и социал-демократической морали, не из благородных. Тем не менее крестьяне ее на себя взяли. А я всем, чем мог, помогал им в этой роли. Ибо я хорошо видел гнусную роль буржуазии по отношению к крестьянам и рабочим, по отношению к их правам на свободу и независимость от власти помещика, завод-

чика и их наемного слуги — государства. Я видел, как буржуазия заставляла крестьян молчать о своих правах на землю; как она при помощи наемных убийц-солдат расправлялась с теми крестьянами, которые не желали этому ее повелению подчиняться. И я всем своим существом, не зная отдыха, часто недоедая и недосыпая, стремился к тому, чтобы использовать каждую возможность вопреки нелегальной обстановке моей жизни побывать среди крестьян, поговорить с ними, указать им, что я считал полезным для революции, и толкать их на путь решительного и смелого действия.

Таким образом созданная мною терновская инициативная крестьянская группа повстанцев для организации в этом районе восстания была окончательно сформирована. Тайно она поддерживалась в своей деятельности широким трудовым населением.

Такое положение вещей скоро позволило властям узнать о присутствии в деревне Терновке какого-то приезжего учителя. Начались розыски. Это принудило меня перебраться в Славгород, а затем в Ново-Гупаловку.

И в Славгороде, и в Ново-Гупаловке я с помощью товарищей крестьян из деревни Терновки организовал инициативные крестьянские повстанческие группы. Я не успел, однако, повести их вооруженными против помещиков и немецко-гетманских властей. Я как-то быстро был заподозрен агентами гетманской державной варты. Однажды она попыталась схватить меня. К моему счастью, в это время у меня находились два товарища из терновцев и третий — славгородский учитель, социалист-революционер по убеждениям. Я учил их обращаться с револьверами системы «маузер» и «кольт». Мы оказали агентам вооруженное сопротивление и скрылись.

Теперь я, опять-таки с помощью верных мне и делу революции товарищей крестьян, перебрался на правый берег Днепра, в район Звонецкой Вовниги. Здесь я быстро связался со скрывавшимися гайдамаками из «синежупанников», дивизия которых не то была разоружена по распоряжению гетмана как заразившаяся большевизмом, не то была только еще предназначена к разоружению. Во всяком случае, часть ее разбежалась с оружием и прятала его по островкам Днепра. По данным информации, сделанной мне рядом гайдамаков, их насчитывалось в этом районе более трехсот человек. По сведениям обывателей, все они были «большевистски» настроены. Но именем «большевиков» враги революции называли тогда всех революционеров. Такое положение дел меня радовало. Я представлял себе эту группу в триста человек внушительной силой, с которой можно начать в более широких размерах поход против врагов революции. И я остался среди них.

С неделю я скрывался с частью гайдамаков на одном из днепровских островков, питаюсь одной рыбой, которую мы ловили, тут же варили и ели. Много говорил я гайдамакам о врагах революции, о том, как нужно бороться с ними, и т.д.

Но в этой подготовительной работе я наскочил на их руководителя, который, хотя и заявлял себя «большевиком», в действи-

тельности был сторонником гетманщины без немецко-австрийской поддержки. Он восхищался тем, что она крепнет, и, как на факт, ссылаясь на то, что Раковский от Москвы, а Кистяков от гетмана и гетманщины ведут в Киеве переговоры о признании гетманщины и о мире с нею.

Этот лидер «синежупанников»-гайдамаков сильно мешал моей деятельности по внушению гайдамакам идеи всеобщего восстания крестьян и рабочих.

В конце концов я с рядом гайдамаков, вооруженных винтовками и пулеметами, покинул днепровские островки и перебрался опять в деревню Терновку. Здесь я оставил пулеметы и часть бывших гайдамаков, а сам с двумя из них направился в Гуляй-Поле.

По дороге к Гуляй-Полю мы останавливались по нескольку дней в селах Лукашево, Бразолово, Ново-Николаевка, Рождественка, и, пользуясь тем, что крестьяне этих сел знали меня по революционной работе за 1917 и весну 1918 года, мы пропагандировали среди них идею восстания и организовывали из их среды инициативные группы, наделяя каждую паролями связи с Гуляй-Подем. Таким образом я добрался до Гуляй-Поля, на сей раз уже не один, а с несколькими товарищами.

Глава IV

ВТОРОЕ ТАЙНОЕ ПРЕБЫВАНИЕ МОЕ В ГУЛЯЙ-ПОЛЕ. ВСТРЕЧА СО СТАРЫМИ ТОВАРИЩАМИ И ПЕРВЫЕ РЕШЕНИЯ ПО РЯДУ ВАЖНЕЙШИХ ВОПРОСОВ ОРГАНИЗАЦИИ ВОССТАНИЯ КРЕСТЬЯН И РАБОЧИХ

Как раз в то время, когда я во второй раз прибыл нелегально в Гуляй-Поле, прибыли в него из России и мои старые товарищи: Исидор (Петя) Лютый⁴⁹ и Алексей Марченко⁵⁰. Я скоро разыскал их, а через них и Семена Каретника.

Встреча с этими товарищами очень укрепила меня в решении не терять времени и во что бы то ни стало перейти к открытой вооруженной партизанской борьбе против врагов.

Помню, товарищ Марченко заикнулся о том, что он в Курске видел многих анархистов и со многими говорил. Они, дескать, тоже стремятся на Украину с целью борьбы против контрреволюции.

— Так не обождают ли нам их выступления, тем более что они группируют свои силы вместе с большевиками, а последние имеют средства вооружения, — говорил он.

Я категорически восстал против этого. Указал товарищам на целый ряд виденных мною во время поездки по России примеров, прямо говорящих о том, что большинство наших товарищей — городских анархистов — не знают крестьянства и не сумеют к нему подойти. Даже больше того: они, как и марксисты, впали в глупейшую ошибку в отношении крестьянства и считают его реакци-

онно-буржуазным классом, не могущим дать живых творческих сил для революции.

— Следовательно, — говорил я товарищам, — надеяться на них, что они приедут из России и начнут дело революции среди крестьян, вместе с крестьянами, я считаю недопустимым и безобразным. Ибо наши городские товарищи в деревню не пойдут, а по примеру семнадцатого года окопаются в городах и из городов через своих посланцев будут завязывать связь с крестьянством. А крестьянство к такого рода связям относится с недоверием. В особенности если связи эти крестьян с анархическими группами городов будут завязываться только через брошюрки или через легкий налет митингового пропагандиста. Крестьяне — реалисты. Они требуют от инициаторов конкретных организационных предпосылок для действия. Когда эти предпосылки перед ними налично, тогда они, крестьяне, идут на любое действие. Но этих-то предпосылок крестьяне от наших городских товарищей и не дождутся даже в том случае, если бы эти городские товарищи были рабочими от городского станка, которые и психологически, и физически связаны с интересами трудящихся и к которым крестьяне относятся до некоторой степени с открытым доверием. Но нельзя закрывать глаза на то, что в нашем анархическом движении по городам масса элемента и нерабочего. В нашей партии по городам, как и во многих политических партиях, к сожалению, есть много элементов, вышедших из нетрудового класса, притом класса не интеллигентского, а купеческого, чуждого интеллигентности, ибо воспитанного на принципах всякого рода спекуляции и мародерства. Этот элемент широкой крестьянской массе не внушает никакого доверия. Опыт моей работы среди крестьян и рабочих в 1917 году, работы, о которой каждый из членов нашей группы знает, достаточно ярко показал мне, что крестьяне редко когда выслушивали наших товарищей из этих рядов, хотя многие из них были, быть может, более преданы делу нашего идеала и крестьянскому делу, чем даже многие из нас, которые вышли из трудовой семьи, с нею жили и воспитывались. Мы, готовые пожертвовать своими жизнями, дерзающие поднять широкую трудовую крестьянскую массу на восстание, организовать ее и повести в бой со всякого рода врагами как самой революции, так и заметно светящегося в ней некоторыми своими сторонами анархо-коммунистического идеала, — мы не считаться с этим фактом не можем. Мы обязаны считаться с ним, иметь его в виду при всяком нашем деле там, где дело это связывает с нами массы тружеников. Отчасти на этом основании, а отчасти и на основании виденного и пережитого мною во время поездки моей по революционной России я не могу, подобно товарищу Марченко, питать надежду на то, что где-то наши городские товарищи вместе с большевиками группируют свои силы для переборки их на Украину с целью организовать восстание против укрепившейся немецко-гетманской контрреволюции. В эти силы я не верю. В

Курске я их видел. Силы эти посредственные. Они будут выполнять заказы большевистских центров и в угоду этим центрам, может быть, когда-либо забредут и в деревню, к крестьянам. Но главное свое внимание и свои помыслы личного, быть может, даже спекулятивного характера люди эти сосредоточат в городе, на жизни и деятельности городских тружеников. А деятельность городских тружеников у нас на Украине в настоящее время мы видим. Мы видим, как городские труженики в погоне за куском хлеба спокойно и мирно работают в строе казвивших революцию палачей. И наоборот, мы видим, как трудовое революционное крестьянство бунтует против этих палачей, попадая за это в тюрьмы и под расстрел. Следовательно, надеяться на тех наших товарищей, которые вместе с большевиками идут на Украину из Курска, мы не можем. Силы подлинной революции находятся в трудовом крестьянстве по деревням и в рабочих массах (поскольку эти последние не оравлены ядом власти и не стремятся к ней) по городам. Мы пробрались сквозь рогатки контрреволюции к крестьянству, верные сыны которого нас знают и пойдут с нами. И мы должны пользоваться случаем, не терять, в связи с недостойными нашего внимания надеждами, напрасно времени и действовать на смерть всем нашим врагам, за жизнь революции, нашего в ней идеала и тружеников мира.

— Правда, — подчеркивал я своим старым товарищам, сомневающимся в своих силах, — мы слабы. Мы беремся за грандиозное и ответственное дело, которое требует огромных и разнообразных интеллектуальных сил. У нас их налицо нет. Даже более того: их почти нет во всем анархическом движении. Мы ими очень бедны. Будучи в Москве, я это не только чувствовал, но и видел. И то, что я видел, отчасти дает мне моральное право менее прислушиваться к кому-то и более делать самому. В самом деле, друзья. В Москве я встречался с рядом анархистов — московских и приезжих из других городов. Я встречал среди них выдающихся работников революционного анархизма. Но большинство из них в данный момент не только не находятся, по-моему, на своем месте, но даже занимаются в настоящее время не тем делом, каким им следовало бы, с моей точки зрения, заниматься. Многие наши товарищи, от которых есть, кажется, чему поучиться всем нам, читают там лекции, пишут много журнальных статей, но не все эти лекции к моменту. Я был на лекции товарища Рощина. Лекция о Л.Н.Толстом и его творчестве, если не ошибаюсь. Во всяком случае, о Толстом. Эта лекция, несмотря на сопровождавшее ее серьезное вступительное слово товарища А. Бороваго, ни рабочим, ни близко стоящей к ним революционной интеллигенции, по-моему, не нужна в настоящее время. Ничему революционному она не учит. Ничего конкретного в связи с переживаемым нашим движением, движением революции, моментом, не намечает. А между тем ее устраивали ответственные работники нашего движения. Работники, по заявлению на-

ших же товарищей из Московской федерации анархических групп, настолько ответственные, что не могут мириться ни с какими ошибками органа этой федерации, ежедневной газеты «Анархия», и поэтому не участвуют в нем, а выделились в особый Московский Союз идейной пропаганды анархизма. Здесь, на Украине, в связи с удушением революции и попытками со стороны власти тормозить развитие революции и там, в России, наше движение переживает момент, когда есть над чем подумать, чтобы заставить себя и товарищей заняться насущными вопросами хотя бы в области влияния на психику трудовых масс. Необходимо развивать и поддерживать в них дух бунта и непримиримости по отношению к попыткам со стороны социалистов-государственников исказить революцию. Лично я над этим уже достаточно подумал. И мне становится совершенно ясно, что наш революционный путь здесь — путь, вступив на который мы в районе нашей работы имели значительный успех среди трудовых масс, — верный путь. Нужно иметь лишь мужество удержаться на нем и быть всегда верным тем целям, которые ставит нам наш идеал. Правда, вы можете заметить мне, что мы слабы и мало сведущи в практических положениях анархизма. Я против этого не буду возражать. Напротив, с горечью повторяю, что это так. Но знания практических постулатов нашего идеала нигде нельзя почерпнуть, кроме как в нашем непосредственном действии и действии тех широких трудовых масс, во имя которых и силами которых мы до сих пор старались расчищать путь развитию революции, борясь со всякого рода попытками представителей разных партий и их правительств всячески исказить подлинную сущность целей нашей революции. Эту сущность трудящиеся с помощью истинных своих друзей, революционеров-безвластников, должны наметить и в процессе решительной борьбы стараться во что бы то ни стало реально закрепить за своей жизнью. Борьба эта уже началась. По всей Украине крестьяне и рабочие кровно заинтересованы в том, чтобы изгнать отсюда немецко-австрийские контрреволюционные армии, низвергнуть гетмана и притянуть ко всенародному революционному суду социалистов из Украинской Центральной рады, приведших эти контрреволюционные немецко-австрийские силы против революции и тем не менее нагло до сих пор считающих себя друзьями украинских тружеников. И хотя эта борьба носит пока что слабый, главным образом психологический характер, но отсюда недалеко до того момента, когда она примет характер повсеместного и прямого действия. Отдельные акты такого действия начинают все чаще и чаще давать врагам нашим себя чувствовать. Необходимо эти акты теперь же расширить и участиить, придавая им в то же время организованный и идейно устойчивый характер. Об этом на нашей таганрогской конференции я уже говорил. Тогда товарищ Марченко целиком меня поддерживал. Тогда же была вынесена нами резолюция. И я считаю, что эта резолюция не устарела. Согласно ее положениям, я вел

здесь работу до вашей, товарищи, встречи со мною. Думаю, что теперь мы эту работу расширим и выявим в открытом вооруженном выступлении.

Товарищ Марченко вместо ответа плакал и целовал меня. Семен Каретник, А. Семенюта, Лютый и многие другие товарищи согласились целиком со мною. Они настаивали, однако, на том, чтобы до открытого вооруженного выступления в Гуляй-Поле уничтожить руководителей весеннего контрреволюционного переворота: Ивана Волка, Аполлона Волоха (оба офицеры), Осипа Соловья (рабочий-механик), Дмитренко (агроном; по убеждениям украинский эсер), Василия Шаровского (украинский социалист-революционер), командира еврейской роты Тарановского (приказчик лавчонки, прапорщик военного времени), взводного командира этой же роты Леймонского (приказчика по профессии, по убеждениям — куда ветер дует), а также и ряд шпионов, во главе которых стояли: старый испытанный шпион Сопляк, И. Закарлюк и Прокофий Коростелев.

С этим мнением товарищей я согласился, но предложил не трогать командира роты Тарановского и начальника артиллерии В. Шаровского.

Против убийства Тарановского я стоял потому, что он не руководил арестами членов Совета крестьянских и рабочих депутатов и революционного комитета. Он лишь по требованию штаба заговорщиков сдал со своей ротой дежурство по гарнизону; нес дежурство за него его помощник, по приказаниям которого и посылались части роты в распоряжение штаба заговорщиков, чтобы каждая в своей области действовала против революции.

Взводный командир Леймонский усердствовал при аресте революционеров, а в то время, когда о нем шла речь, служил шпионом в немецком штабе. Против убийства его, как и Сопляка, Ивана Закарлюки, Прокофия Коростелева, Ивана Волкова, Аполлона Волоха, Дмитренко, Гихона Быка (председатель делегации от заговорщиков к немецкому командованию) и многих других, я не возражал. Как и все мои товарищи по группе, я считал этих людей преступниками, достойными смерти именно от руки нашей организации.

Но в то же время я несколько опасался такого похода против изменников и провокаторов в революции. Опасался я того, чтобы этот поход не превратился в поход и против еврейской буржуазии. Разумеется, эта буржуазия радовалась действиям еврейской роты не одна, а вместе с русской и украинской буржуазией, явно поддерживая, угощая и всячески восхваляя главных воротил штаба заговорщиков. Но еврейская буржуазия осталась в глазах Гуляй-Польского населения более заметной, чем нееврейская. Поход против нее мог отразиться в тот момент на евреях вообще, приняв массовый характер.

Вот почему я, повторяю, боялся того, чтобы до нашего открытого выступления против немецко-гетманского произвола заняться террористическими актами против провокаторов.

Что касается Василия Шаровского, то он, как я узнал, с первого же момента возмутился против совершенного переворота. При передаче штабом провокаторов немецкому командованию орудий, пулеметов и винтовок, которых бойцы вольного батальона не успели полностью попрятать, Шаровский первый решил на то, чтобы сдать немцам орудия и оружие в негодном состоянии. С орудий он снял прицелы и панорамы, а с некоторых даже замки и все это попрятал с намерением при первом же удобном случае передать все эти вещи нашей организации. Об этом он сообщил мне через крестьян, как только услышал, что я нахожусь где-то недалеко от Гуляй-Поля. При этом он старался быть осторожным, чтобы не попасться мне на глаза. Мне было ясно, что В. Шаровский ясно сознавал, что, как член штаба заговорщиков, он должен заплатить жизнью, так как эта измена взяла ряд жизней революционеров (немецкий штаб их расстрелял).

Но в то же время для меня было ясно и то, что В. Шаровский отстал от изменников. Так, несмотря на требования штаба немецкого командования указать, куда делись прицелы, панорамы и замки от орудий, он не сознался.

С этим поступком Шаровского я очень считался. Кроме всего этого я знал Шаровского за выдающегося знатока артиллерийского дела и имел в виду использовать его знания в намеченном восстании.

На этом основании я настаивал перед группой своих товарищей, сторонников немедленного проведения в жизнь террористических актов против изменников и провокаторов, чтобы В. Шаровского совсем изъять из списка изменников, подлежащих уничтожению.

После долгих споров товарищи согласились со мной. В. Шаровский был, казалось, на время вычеркнут из списка лиц, по-нашему, достойных смерти.

Через неделю после этого члены нашей группы выследили старого и опытного шпиона царского сыска, некоего Сопляка, и убили его.

Убийство этого сыщика вызвало у трудового Гуляй-Польского населения немалое удовлетворение. Крестьяне с усмешкой перетерпели ряд повальных обысков. Однако обыски эти повредили нашим нелегальным беседам с крестьянами и даже моему пребыванию в Гуляй-Поле.

Товарищи — сторонники немедленного террора против провокаторов, изменников и сыщиков скоро почувствовали правильность моего сопротивления террористическим актам до поднятия крестьян на открытую вооруженную борьбу.

* * *

Переехав в ближайшую от Гуляй-Поля деревню Марфополь, я использовал все мое идейное влияние на своих товарищей в том направлении, чтобы организовать ряд повторных крестьянских вооруженных нападений на многочисленных вокруг Гуляй-Поля помещиков и их охрану.

Гуляй-Польские крестьяне выделили из себя около сотни вооруженных бойцов. Деревни Марфополь и Степановка тоже. Поход против помещиков и их наемной охраны начался. Скоро смерть и разрушение постигли тех из помещиков, которые при отобрании у крестьян завоеванной ими земли, живого и мертвого инвентаря занимались сами или заставляли своих наемных немецко-австрийских и гетманских собак запарывать крестьян до полусмерти плетью и засекать шомполами.

Но этот поход крестьян против помещиков вынудил меня со всем основным ядром нашей организации опять расстаться с районом.

Правда, мы (я, Марченко, Каретник, Лютый, Ф.Рябко и прибывшие на сей раз со мною из-под Днепра товарищи) сделали серьезную попытку удержаться в нем. Мы перебрались на лучшие наши нелегальные квартиры в самом Гуляй-Поле. Однако через день немецко-гетманские власти с помощью своих лучших шпионов раскрыли нас и в одно утро застали меня, Марченко, Лютого и двух приднепрянцев еще в постели.

На наше счастье, в этой группе солдат и вартовых был человек, который однажды попался нам в руки и обещал покинуть службу вартового. По моему настоянию он остался на этой полицейской службе с целью добывать и сообщать мне через своих родных все сведения, какие мне нужны из боевой жизни немецких карательных отрядов и связанной с ними гетманской державной варты.

Это был молодой и серьезный парень, беженец из Волыни во время мировой войны. Попал он в Гуляй-Поле со всей своей родней, которая вследствие безработицы сильно голодала. Он поступил на полицейскую службу временно, чтобы выйти самому и вывести своих близких из положения голода. Зная меня по революционно-общественному посту еще до немецко-австрийской оккупации Украины, этот молодой человек поклялся мне и моим товарищам, что он хочет служить делу революции, но нужно спасти родителей от голода. И он в царстве гетманщины не может переезжать с места на место, чтобы найти работу. Поэтому, сказал он, он поступил здесь в вартовые.

Мы снабдили его семью мукой и салом, но, повторяю, я настоял, чтобы он остался на посту вартового.

Вот этот-то молодой человек первый соскочил с лошади и громко крикнул хозяину нашей квартиры:

— Ты кого у себя придержишь?

Его крик был нами услышан раньше, чем дом был окружен цепью убийц. Мы выскочили в противоположное окно дома полуодетые, оставив даже несколько бомб в изголовье своих постелей.

Заскочив в комнату, где мы спали, этот вартовой опять-таки первым бросился к нашей постели. Увидев бомбы, он быстро прикрыл их разной одеждой, делая вид перед своими коллегами по полицейской службе, будто он тщательно перетрушивает эту одежду. Этим он спас хозяина квартиры от расстрела.

А мы, перебежав ряд дворов и затем захватив у одного крестьянина лошадей, сбежали в другую деревню.

Мы надеялись, что хотя мы уже и открыты (многие кулаки видели нас во время перебега через их дворы), нам все-таки удастся до открытого восстания организованных и организуемых нами крестьян удержаться если не в самом Гуляй-Поле, то хотя бы в ближайших от него деревнях. Мы считали эту возможность удержаться здесь настолько важной для организуемого нами дела, что готовы были ради успеха на любой риск.

Однако сила контрреволюции разбила наши надежды.

В один из наших переездов из деревни в деревню мы наткнулись на карательный немецко-гетманский отряд, в перестрелке с ним потеряли двух товарищей убитыми и долго не могли отделаться от преследования. В конце концов мы ушли, но зато покинули нужную нам деревню, оставив далеко в стороне и самое Гуляй-Поле.

Потом мы попали в такую деревню, где чуть не половина всех крестьян сидела в тюрьмах, в распоряжении немецко-австрийских и гетманских «особых комиссий». Это положение деревни произвело на нас удручающее впечатление. Кое-кого из нас охватило даже тяжелое разочарование в организации задуманного восстания крестьян. Нам казалось, что все наши начинания в этом направлении напрасны, что мы слишком малочисленны и слабы. И становилось больно за свою малочисленность и слабость.

Но в то же время мы все были упорны и поддаваться надруганию над революцией не намеревались.

Мы готовились к жестокой, необходимой для дела освобождения трудящихся от власти буржуазно-капиталистического общества борьбе. Больше того: мы уже боролись с этим обществом. Но борьба наша все еще носила частичный характер. От этого сознания мы страдали. Это кое-кого из нас заставляло иногда впадать в уныние, вплоть до чувства безнадежности углубить нашу групповую борьбу и превратить ее в борьбу широких крестьянских масс.

Видя настроение товарищей, я настоял перед ними на том, чтобы еще раз вернуться в Гуляй-Поле.

Когда мы вернулись, я переоделся в дамское платье, надел соответствующий грим и с товарищем Лютым в качестве барышни пошел в центр села. Здесь мы намеревались взорвать весь штаб немецко-австрийского командования над Гуляй-Польским районом. Штаб этот расстрелял слишком много революционных крестьян и еще большее количество загнал в тюрьмы, откуда эти безымянные революционные бунтари забирались и расстреливались.

Однако взорвать штаб нам не удалось.

В момент первого нашего подхода к помещению штаба в нем никого не было. Я и Лютый были против того, чтобы бросать бомбу в пустой штаб, не казнив никого из палачей революции.

Второй наш поход был очень удачным. В зале штаба, видимо, все были в сборе и веселились.

План был таков: один миг, и товарищ Лютый убивает часового, который прохаживается под окнами, а я бросаю шестифунтовую бомбу в зал, и мы проскакиваем через двор Никущенко (соседний со штабом) на набережную и далее к речке. Путь нашего бегства очень удобен для нас и охраняется товарищами Каретником, Марченком, Рябком и другими.

Но когда мы подошли поближе к зданию штаба, мы заметили, что в зал веселящихся вошло несколько дам с детьми. Дамы сиделись, а дети подходили к окнам и, указывая друг другу в сторону соборной площади, мило смеялись.

Товарищ Лютый обратился ко мне:

— Вы готовы? — и начал было отделяться от меня в сторону часового.

— Стой, Петя! — кричу я ему вполголоса и сам отхожу от тротуара к ограде церкви. Лютый почти подбежал ко мне и взял меня под руку.

— В чем дело? — спрашивает.

— Нельзя убивать детей и женщин. За что они должны погибнуть среди палачей? Нужно выждать, — сказал я ему.

И мы начали ходить взад и вперед среди гуляющей публики, обмениваясь фразами и чуть не бранясь. Петя настаивал, чтобы ни с чем не считаться.

— Момент удачный, и штаб должен быть взорван, — горячась, шептал он мне.

Я уговорил его удалиться от площади к кинотеатру. По дороге спешно разъясняю ему, что задуманный нами акт — серьезный и ответственный акт. Он должен послужить, как мы это уже и обсуждали, не только агитацией, но и прямым сигналом к открытому и решительному выступлению нашей повстанческой организации во всем районе. Смерть же при этом акте невинных, быть может, женщин, а главное, безусловно, невинных детей, вызовет у населения района и к самому акту, и к нам не симпатию, а вражду. А это может погубить все наше дело.

Товарищ Лютый долго не хотел соглашаться со мною. Но, видя, что я говорю с ним без каких бы то ни было ужимок и колебаний, а категорически и решительно, последовал за мною. Мы направились к набережной. По дороге встретили С. Каретника, Марченка и других товарищей. Я сообщил им, почему мы не взорвали штаб. И мы, оставив центр Гуляй-Поля, возвратились на свои отдаленные от него нелегальные квартиры у крестьян.

На другой день наше решение взорвать штаб немецко-австрийского районного командования подверглось более спокойному пересмотру. Я и С. Каретник пришли к тому, что, в сущности, уничтожение штаба карательных немецко-австрийских войск не столько принесет пользы организации восстания, сколько может ей повредить. Нам не дадут возможности работать среди Гуляй-Польцев. А вооруженная революционная сила была налицо пока что только в Гуляй-Поле и прилегавших к нему деревнях. Поэтому

мы поставили вопрос перед остальными товарищами: не лучше ли нам еще раз объехать район, еще раз убедиться в твердости революционного духа крестьян по району? Товарищи Марченко, Лютый, Рябко и другие настаивали на том, чтобы штаб взорвать теперь же, не откладывая на будущее. Они требовали от всех товарищей присоединиться к их предложению.

— Ивана Яковлевича (так они меня тогда звали) не пускать в центр Гуляй-Поля. Мы сами бросим бомбы. А если погибнем на месте преступления, то Иван Яковлевич должен будет организовать серьезное отомщение нашим палачам.

Я лично не противился этому их предложению, хотя и боялся, что они в пылу страстной ненависти к палачам сделают все, но неудачно. Мне почему-то казалось, что они убьют и часового, и всех, кто на подходе к штабу будет им мешать, но самого штаба не уничтожат.

А Семен Каретник прямо запротестовал против этого их предложения, мотивируя свой протест тем, что уж если решить уничтожить штаб, то метание бомбы поручить только Ивану Яковлевичу — как наиболее хладнокровному и умеющему хорошо обращаться с бомбами.

И товарищи решили сделать все для того, чтобы расчистить мне путь к окнам здания штаба. Вечером мы пошли опять в центр Гуляй-Поля. Сколько воодушевления проскальзывало тогда в каждом из шедших со мною!.. Увы, по дороге мы встретились с нарядом державной гетманской варты, и нельзя было его обойти. Мы должны были отряд остановить, скомандовать вартовым «Руки вверх» и похватать их.

Среди схваченных оказался и голова (шеф) варты. Нужно было его повесить на первом же попавшемся огороде. Но так как среди этих вартовых был и наш человек, который нами один раз уже был схвачен и не уничтожен, потому что был сторонником революции и теперь исправно и вовремя информировал нас всегда обо всем, мы тут же решили никого не уничтожать, а пустить на этот раз их всех и самого шефа живыми и невредимыми.

Все они были отпущены. Но это же решение помешало нам совершить задуманный акт. Произведенный задержанием наряда шум заставил штаб устроить облаву по всему Гуляй-Полю. А это заставило нас в ту же ночь покинуть Гуляй-Поле.

Глава V

В ПУТИ ПО РАЙОНАМ И ВОКРУГ ГУЛЯЙ-ПОЛЯ

Мы выехали из Гуляй-Поля в районы под Синельниково — Славгород.

На этот раз наша поездка по району оказалась настолько затруднительной вследствие рейсирования по нем гетманско-австрийских карательных отрядов, что мы принуждены были лишь

по два, по три человека перебираться из одного села в другое. И даже при такой осторожности мы двух товарищей потеряли. На них наскочил один из немецких карательных отрядов и, так как они не сдавались, расстрелял их, как кур, на расстоянии.

Так, проезжая, а кое-где переходя пешком из села в село, мы связывались с организованными нами ранее инициативными группами, давая им руководящие указания общего характера.

Мы добрались опять к берегам Днепра, в район, где хранилось несколько пулеметов и винтовок. Здесь я посоветовал крестьянской молодежи ряда деревушек и села Васильевки собраться и в последний раз заслушать мой доклад о том, когда мы, Гуляй-Польцы, думаем выступить открыто против гетмана и немецко-австрийских армий и больше в подполье не залезать.

Через два-три дня крестьянская молодежь этого района собралась. И я в последний раз, одушевленный несокрушимым революционным энтузиазмом, выступил перед нею с докладом на тему: когда мы, Гуляй-Польцы, выступим на путь открытого вооруженного единороства с палачами революции на Украине, с чем мы выступим и какой беспощадный метод борьбы мы будем стараться применять по отношению к этим палачам и поддерживающей их буржуазии.

Молодежь этого района не один уже раз слушала меня до этого дня говорившим о наступлении близкого часа расправы трудящихся подневольной украинской деревни над ее врагами. Но она еще не слышала меня говорящим с таким подъемом чувства негодования против палачей и в то же время надежды, что торжеству их скоро наступит конец, нужно только решительно и повсеместно действовать всем, и старым, и малым, труженикам. Это я чувствовал сам, и это молодежь отметила мне при расставании со мной. Друг перед другом и передо мной, перед моими близкими из Гуляй-Поля молодежь эта поклялась теперь в том, что она при первом же выстреле из Гуляй-Поля восстанет повсеместно, разгонит чиновников правительства гетмана, займется разоружением немецко-австрийских воинских частей и, твердо держа знамя восстания в своих трудовых руках, сольется с угнетенными города воедино во имя углубления и расширения общего и единого фронта революции и торжества через эту революцию идей свободы и права на самоуправление тружеников без опеки государства.

Следует, впрочем, отметить, что я и мои близкие из Гуляй-Поля, хотя и рады были такому воодушевлению крестьянской молодежи, которая увлекала и стариков за собою, предпочитали все же быть осторожными в своей радости, так как вести из Гуляй-Польского района получались далеко не благоприятные.

Однако колебаниям уже не было места ни в одном из нас.

* * *

22 сентября 1918 года мы, приготовив нужные нам ручные пулеметы и пулеметы системы «максим», захватили с собой несколько

ких товарищей из Тернового и Васильевки и выехали в направлении Гуляй-Поля с расчетом покрыть девяностоверстное расстояние в девять часов.

По дороге недалеко от села Лукашево с нами встретился конный гетманский отряд под командой двух офицеров. Сам я тоже был в форме капитана. Блеск моих погон, видимо, внушал руководителям этого отряда доверие, и они подпустили нас к себе на 70-80 шагов. Это дало мне возможность стать во весь рост на тачанке с пулеметом, с которым я ехал впереди, и командовать конному гетманскому отряду остановиться и сдать оружие.

Но отряд в мгновение ока схватил свои винтовки с плеч и взял их наизготовку.

Наш «максимка» затрещал, и пули его пролетали над головами всадников. Они все соскочили с лошадей и дали сигнал о сложении оружия.

Повстанцы быстро их окружили и разоружили.

Опрашивая офицеров, мы выяснили, что они — помещики. Один из них поручик Мурковский. Он еще весной организовывал на свои средства отряды помощи немецко-австрийской оккупации Украины, а теперь руководил конным отрядом Александровской государственной стражи.

Мы в свою очередь назвали карательным отрядом по борьбе с революционерами. Я и мои товарищи отрекомендовались. Я сказал, что прислан из Киева по распоряжению самого гетмана в этот бунтарский Александровский уезд, чтобы навести в нем распатанные революцией порядки.

Далее начальник разоруженного отряда объяснил мне, где он со своим отрядом был и куда направляется. Направлялся он в имение своего отца погулять день-два, поохотиться за дичью и за крамольниками в ближайших от имения деревушках. Рассказал он мне и о том, в каких деревнях и хуторах впереди моего пути стоят немецко-австрийские войска; где, какого количества и рода оружия и в каком направлении передвигаются из деревни в деревню карательные отряды. И вообще начальник этот настолько разболтался передо мной о доблести своей и карательных отрядов в борьбе с бунтующим революционным крестьянством Запорожья, что не заметил нервно вздрагивавших при выслушивании его моих глаз, губ и вообще мускулов лица. Под конец разговора начальник сказал мне:

— Может быть, угодно вам будет пожаловать с нами в наше имение? Поужинаем и поохотимся на диких уток на пруду. А завтра, если вас ожидает спешное дело, съметесь в путь.

Я зло рассмеялся и ответил ему:

— Вы, господин поручик, меня не понимаете. Я задался целью борьбы с негодяем-гетманом и с его опорой — всей контрреволюционной сволочью, с немецко-австрийским юнкерством во главе. Вы, по-видимому, не узнали меня? Я — революционер Махно. Фамилия вам, кажется, достаточно известная, не правда ли? Я со

своим отрядом несу смерть всем палачам и убийцам свободы и жизни трудового народа Украины и революции, через которую трудовой народ завоевывал себе свободу, а палачи ее казнят...

Начальник бросился на колени, делая попытку схватить меня за ноги, чтобы поцеловать. Его подчиненные тоже упали на колени. Но когда я сделал три-четыре шага назад от него, он начал сперва рвать на себе волосы, а затем, придя в себя, предлагать мне подъехать с ним в имение, и он даст мне сколько я захочу денег.

Из рядов его подчиненных тоже посыпались предложения подобно же характера. А шурин начальника, тоже офицер (или, во всяком случае, носил офицерские погоны) прямо заявил мне:

— Сколько вы, господин революционер Махно, захотите денег, я и мои родственники вам не дадут, но двадцать тысяч рублей я вам обещаю.

Мои хлопцы, держа перед каждым из этих жалких людишек винтовки наизготовку, не выдержали. Они расхохотались над их предложениями денежного подкупа и закричали мне:

— Вы думаете этих негодяев пощадить?

— Конечно, убивать их нельзя, — сказал я друзьям. — У нас нет данных об их зверских действиях в борьбе с революцией, против труженников. Повяжите их и быстро отвезите в сторону от дороги саженой на сто — сто пятьдесят и бросьте их там где-нибудь в ложбинке. Ночью их никто не развяжет, а могут их развязать только наутро пастухи или кто-либо из проезжих по полю крестьян. За это время мы будем совсем в других районах, за Днпром. (Слово «Днепр» я упомянул умышленно, для отвода глаз. В действительности мы держали путь на Гуляй-Поле.)

Но разоруженные наемные слуги гетманщины в это время кинулись убежать во все стороны. Мы бросили лошадей и подводы и все, как один, бросились за ними вдогонку. Кого легко настигали, тех хватали и сводили к подводам, а кого трудно было поймать, тех пристреливали.

Офицеров и нескольких рядовых вартовых мы поймали. Мои хлопцы снова закричали мне:

— Вы и теперь еще будете нянчиться с ними?

— Нет, видно, это верные слуги негодяя-гетмана и немецко-австрийского юнкерства, — ответил я своим на их возмущенный крик. И тут же добавил: — Сегодня они пытались подкупить меня, завтра попытаются подкупить других и, быть может, наскочат на слабых и подкупят. Нет, нет, пощады им никакой! Отпускать тех, кто служит за деньги палачам революции и помогает им уничтожать нас, труженников, мы не можем, тем более после этой их попытки убежать от того, чтобы не быть связанными и молча пролежать известное время где-либо в поле, пока мы, не просившие их встречаться с нами, уедем дальше...

Я даже не успел сформулировать свое конкретное решение, как поступить с этой частью отряда. Мне пришлось лишь смотреть,

как она выстраивалась бойцами на расстрел, и добавить ко всему сказанному:

— Не возитесь же долго!

И остаток этого отряда был расстрелян...

* * *

Теперь мы сели на лошадей этого же отряда, хороших и сильных лошадей, ибо они почти все были «собственностью» бывших их всадников. То был момент, когда помещики и кулаки, идя в гетманскую конную державную варту, приводили с собою своих коней.

И мы, зная теперь, где в деревнях и какие стоят немецко-австрийские войска и гетманские отряды, пустились далее по дорогам к Гуляй-Полю.

Мы отъехали пять-семь верст от места уничтожения отряда и проезжали мимо старинных барских усадеб, раскинутых по земле «пана Миргородского», когда из одной из этих усадеб выскочил нам навстречу голова Лукашевской державной варты, тоже поручик, и спросил:

— Не знаете ли вы, что за стрельба была в направлении, откуда вы едете?

Я ему ответил:

— А вы начальник варты и не знаете, что делается в вашем районе? Мы никакой стрельбы не слышали...

Начальник варты рассвирепел и выпалил по адресу военных карательных отрядов:

— Все военные отряды получают деньги за свои объезды, но никогда ничего не знают.

Я его грубо оборвал, а затем спросил:

— А вы кому служите?

— Державі та її голові, вельможному панові гетьманові Павлові Скоропадському, — последовал ответ.

— Так вот, возитесь нам с вами некогда, — сказал я ему и, обратясь к товарищам, добавил: — Обезоружьте его и повесьте, как собаку, на самом высоком кресте на кладбище. Оставьте на нем все как есть, но прищипьте на груди ему записочку с девизом: «Нужно бороться за освобождение трудящихся, а не за палачей и угнетателей...»

* * *

Уничтожение отряда с помещиком Мурковским во главе, уничтожение головы Лукашевской варты — это были лишь дорожные эпизоды, но еще не действия наши против контрреволюции.

— К действиям решительным, не знающим колебания, мы только-только готовимся и начнем их из Гуляй-Поля и его района, — твердил я сам себе и всем друзьям-повстанцам, мчась без

остановок, в ночную пору через хутора и деревушки, нередко занятые немецко-австрийскими войсками, погруженными в сон, за исключением часовых. Но при встречах с часовыми нам очень помогли в эту ночь фуражки с желтыми околышами, погоны и куцые бесхвостые лошади уничтоженного нами отряда.

23 сентября 1918 года мы вскочили в Гуляй-Поле. Но оказалось, оно полно немецко-австрийских войск. Нас спасло только то, что мы не перескочили мост, ведущий в центр, а свернули влево и окраиной Гуляй-Поля проскочили его.

Остаться в Гуляй-Поле было невозможно. Мы оставили в нем только одну подводку с пятью бойцами, лошади которой отказались следовать дальше. Наши бочанские (окраина Гуляй-Поля) крестьяне, невзирая на утро, могущее их выдать, в мгновение ока спрятали и эту нашу подводку, и людей, и лошадей. Нам, Гуляй-Польцам, обидно было, что именно мы не можем остановиться в это утро в Гуляй-Поле. И мы с бочанской стороны перескочили в Песчанскую, надеясь, что в этой самой отдаленной от центра окраине мы разместимся. Тем более что в этой части Гуляй-Поля имелись самые лучшие наши нелегальные квартиры. Но оказалось, что в ней идут облавы всю неделю, и не исключена возможность, что мы будем сразу же накрыты. Поэтому мы, снова выехав на дорогу, направились на деревню Марфополу, в 5—7 верстах от Гуляй-Поля.

Когда мы въехали в эту деревню, то солнце уже подымалось. Следовательно, прятаться в деревне было нельзя. Да и квартиры, в которых мы должны были остановиться, оказались пустыми. Хозяева и хозяйки их — крестьяне — были все переарестованы немцами и сидели в Гуляй-Поле под строжайшей охраной как укрыватели «опасного, но неуловимого Махно и его ближайших товарищей».

Это обстоятельство заставило нас направиться в поле в поисках удобной балки, где можно было бы скрытно от прохожих и проезжих людей остановиться, попасть лошадей и самим отдохнуть.

Как только мы выскочили за деревню, в поле, — мы сейчас же свернули в сторону одной из больших и длинных балок: в так называемую Хундаеву балку. Здесь мы остановились. Обставили место расположения пулеметами при одном дежурном пулеметчике, расседлали лошадей, а других распрягли и пустили пастись. А сами легли, чтобы прилечь.

Но недолго нам пришлось отдыхать. На нас наткнулись пастухи, к которым в час обеда съезжаются многие из Гуляй-Поля доить коров. Естественно, увидев нас, пастухи начнут рассказывать об этом съезжавшимся к ним. Нервы и без того натянуты, а тут еще черти несут пастухов...

Подымаюсь я сам. Решил открыть себя. Иду к пастухам. Со зываю их в одно место. Объясняю им, почему мы остановились в этой балке. Убеждаю, что они об этом нигде ни словом не должны обмолвиться. Говорю им о том, что нужно бороться с немецко-австрийской армией, с гетманом и его правительством, с законами этого правительства и что они, пастухи, должны в этом помогать

борющимся хотя бы тем, что не выдавать их, если увидят, властям или их секретным агентам, так называемым шпикам.

Объясняю им, что борьба борющихся против немцев и гетмана должна превратиться в великую украинскую крестьянскую революцию, и тогда мы, труженики, их победим. Спрашиваю их мнения о том, что сказал им. А они остановились (все это я говорил им на ходу, идя вслед за коровами) и, разинув рты, молчат. Почему? Оказывается, они перепугались, неожиданно увидев меня. Начинаю их уговаривать быть смелыми и хорошими сынами трудового крестьянства. А они мне рассказывают, что им известно, что я набрал у Гуляй-Польских крестьян много денег и убежал в Москву. Купил там роскошный барский дом и живу в роскоши, а о крестьянах даже и не вспоминаю.

Я добиваюсь, где и от кого они все это слышали. Они говорят:

— Нам многие из наших буржуев говорили, да и прокламацию немецко-австрийского штаба читали.

И тут же один из них побежал в свой пастушечий курень и принес мне эту прокламацию на украинском и русском языке.

Я, прочитавши эту прокламацию, начал было их разубеждать, доказывая, что это буржуазия умышленно брешет на меня, чтобы крестьяне объединялись вокруг нее и боролись против революции и революционеров. На это мои слушатели заявляют мне, что они этой прокламации и не думали верить.

— Але нам болюче було тому, що ви виїхали з Гуляй-Поля. А тепер ми бачимо, що ви повернулися і це дуже добре, — сквозь слезы говорили мне пастухи.

После они снабдили меня хлебом, двумя арбузами и обещали молчать, никому ни слова не говорить о том, что они видели меня. Я их поблагодарил, и на этом мы закончили нашу беседу.

Я хотел уже уходить от них, как вдруг между скотом пробивается к нам Лютый. Он был очень сердит, что я так долго задержался возле пастухов, и, не спрашивая меня, о чем мы говорили и чем кончился разговор, вынимает из-за пояса револьвер и, обращаясь к пастухам, говорит, указывая на меня:

— Вы видели Нестора Ивановича и меня. Если мы узнаем, что вы где-либо сегодня до вечера проболтаетесь об этом, вы будете убиты.

Несчастные пастухи насмерть перепугались. Пришлось поссориться с Лютым, а их минут десять успокаивать.

В конце концов я склонил Лютого к тому, чтобы он перед ними извинился за то, что, не выяснив того, как они смотрят на предателей, начал угрожать им. Лютый извинился, и мы расстались друзьями.

* * *

Время приближалось к полудню. Мы поели, и теперь я, предложив товарищам свести к ставу напоить лошадей и к трем часам

дня оседлать их всех и упряжных из них приготовить, лег, чтобы эти три часа поспать.

Но и в три часа мы не могли сняться со своей стоянки. Слишком уж много проезжало народу по трактовым дорогам, и мы предпочли не показываться проезжим.

Так мы продержались в скучной Хундаевой балке, кормя лошадей и сами отдыхая, почти весь день.

Но к вечеру как-то неожиданно нависли над нами, одна над другой, дождевые тучи и полил дождь. Это было похуже для нас. Перед нами встал вопрос: что же делать? На ночь оставаться в поле нельзя. Каждый из моих славных друзей обращался ко мне, словно я один виноват в том, что мы очутились в балке, что пошел дождь, что предстоит неизвестное будущее и как будто только от меня зависит определенное решение о том, что делать.

Я был не в духе. Сердит, сам не зная на кого, скорее на создавшееся положение, и ответил им:

— Если вы, друзья, будете во всем надеяться, что только я один могу придумать, как выйти из создавшегося положения, то мы ни черта не сделаем.

— Брось дурака валять, — закричали Марченко и Каретник, — мы вступаем в полосу решительных военно-революционных действий. Инициатива этого дела — твоя инициатива. Мы и полагаемся на тебя. Мы будем тебе помогать, поправлять тебя, если это нужно будет, но мы всегда считались с твоими предложениями, и мы ждем, что ты скажешь о настоящем нашем положении.

Я рассмеялся и сказал им:

— Если это от меня зависит, если вы хотите, чтобы я решил, как нам следует сейчас поступить, чтобы выйти из создавшегося положения, то я стою за то, чтобы переехать на ночь в деревню Степановку и в крайнем случае в Марфополь. А дальше видно будет, что мы предпримем. И чтобы не терять понапрасну времени, — добавил я, — я сейчас же с кем-либо из вас поеду в Степановку подготовить квартиры для всех нас. Согласны с этим?

Все товарищи выразили свое согласие, и я тотчас же с двумя из них сел на лошадей и поскакал в деревню Степановку.

В деревне мы быстро созвали нескольких крестьян. Я рассказал им, что невдалеке, верстах в семи от Степановки, в поле, под открытым небом, находится наш отряд с пулеметами на тачанках и несколькими всадниками. Оставаться в поле под дождем нельзя. Мы к утру промерзнем и потеряем всякую энергию к борьбе, которую, надеюсь, вы, мол, всемерно поддержите. А потому отряд нужно перевести в деревню и расквартировать.

Наши крестьяне вообще не любят много говорить. Они тут же снарядили и выслали своих гонцов к отряду в Хундаеву балку.

После захода солнца отряд был приведен в деревню и расквартирован.

Почти всю ночь пожилые крестьяне и молодежь провели в беседе со мною о том, как их гетманцы обманывают. Гетманцы им говорят: «Вот и уважаемый и поддерживаемый вами весь 1917 и весну 1918 года Махно. Он бросил вас и уехал к москалям, к кацапам в Москву. Купил себе там роскошный барский дом и живет себе припеваючи. Такие все революционеры, как Махно, они только наживаются на вашем неблагоразумии».

— Все время, — говорили крестьяне, — гетманцы стараются перетянуть нас на свою сторону, чтобы вместе с ними заниматься ловлей революционеров и выдачей их немецким и австрийским властям.

— И что же вы теперь скажете им, когда видите меня в своем кругу? — спросил я их.

— Что ж тут говорить? Мы и раньше знали, что они, гетманцы, нам врут, но мы не могли говорить им это прямо в глаза, нас за это перестреляли бы и поубивали. Теперь же можно хоть сейчас пойти ко всем этим провокаторам, забрать их и проучить.

Конечно, степановские крестьяне как говорили, так и сделали бы, если бы я сказал им: «Да, идите» или «Идите сейчас же и уничтожьте гетманцев». Но браться за этих провокаторов было не в нашей цели, тем более в эти дни.

Перед нами стояла прямая задача: как можно решительнее перейти самим и призвать все нами организованные и инициативные повстанческие группы к решительным вооруженным действиям против гетманщины и немецко-австрийской вооруженной силы, водрузившей гетманщину в стране и целиком и во всем защищавшей ее своими штыками.

Чем отважней и, без всякого политического доктринерства, прямее мы подойдем сейчас же к действиям против контрреволюции, твердил я каждый день своим друзьям и товарищам по группе анархистов-коммунистов, тем лучше трудовое крестьянство нас поймет и тем скорее мы его подыдем, в широком смысле этого слова, на борьбу, организуем его и через его организованную революционную мощь поставим во всей полноте и перед самими собою как инициативной силой авангарда революции, и перед трудящимися вообще вопрос о задачах украинской революции, которая хотя и явится продолжением русской революции на Украине, но по характеру и антигосударственному духу будет украинской революцией. Размах вольности, размах независимости, духа свободы и революционной самодеятельности примет здесь специфический характер украинской шири, которая стремится выявить себя на просторе, и притом именно так, как того требует реальная действительность, т.е. учетом как сил самих развертывающихся событий, так и сил, сопротивляющихся этим событиям.

И спасибо моим друзьям: они предоставили мне полное право мыслить именно в этом направлении и обдумывать наши организационные действия только в этом духе.

Последовательное развитие этих моих мыслей и связанные с ними практические действия нашей организации совершенно оторвали меня от городского анархизма того времени, как от какой-то абстракции, искусственно, по-моему, толкнувшей лучших моих идейных товарищей в городах на путь нереальности, безжизненности, совсем далеко в сторону от практического дела революции и нашего анархического движения в ней.

В селе Степановке я лишний раз подчеркнул это своим товарищам. И хотя я получил от них резкую отповедь, вроде «Ты слишком зарываешься» и т.п., мне становилось все яснее, что надеяться в настоящий момент на город в смысле влияния нашего городского движения на ход развертывающихся событий не приходится. Городская ненормальность расшатала силы нашего движения в городе и повергла их в тяжелое, все более дезорганизованное положение.

За такими мыслями и разговорами со степановскими крестьянами и со своими друзьями и товарищами, теперь уже составлявшими отряд и кое в чем мне подчинявшимися, я провел всю целиком ночь и следующий день. И лишь на другую ночь мы, предварительно сговорившись с крестьянами деревни Марфополь, переехали в эту деревню.

Здесь у нас было особо важное совещание, после которого я написал ряд пакетов в Гуляй-Поле и другие волости к нашим инициативным группам (которые нами понимались, как подотделы моей группы) и разослал эти пакеты через нашего марфопольского курьера.

На запрос нашей группы у Гуляй-Польцев, готовы ли они к открытому выступлению, мы получили в тот же день ответ: «Присутствие ваше, Нестор Иванович, здесь необходимо. А поэтому мы настаиваем, чтобы вы в эту же ночь перебрались к нам».

Мы посоветовались между собою. Назначили Марченко и Каретника на мое место в отряде. Я приготовился в ночь на 26 сентября перебраться из Марфополя в Гуляй-Поле. Однако не успел. Нас предупредили Гуляй-Польская варта и немецко-австрийские карательные части. Они по обыкновению два-три раза в неделю делали свои дикие налеты на деревушки и учиняли обыски. Искали оружие и неблагонадежного в политическом отношении элемента среди крестьян. И вот как раз в этот последний день они совершили налет на деревню Марфополь.

При этом налете одна из карательных частей наскочила на наше расположение. Хозяева квартиры, где находились я, Марченко и Петя Лютый с одним пулеметом и прислугой к нему, растерялись. Им ведь грозила верная смерть. Но ввиду того что и мы, и они об этом наперед знали, растерянность хозяев нас не могла тронуть. Мы решительно и быстро постановили дать должный революционный отпор наглým налетчикам. Поэтому спешным делом, мало задумываясь над последствиями нашего решения, я приказал (вопреки «священным принципам» кабинетного анархизма) в опе-

ративном порядке своим друзьям бросить верховых лошадей у их корыт, снятые седла прикрыть половиной, соломой и чем попало, а выхватывать со двора лишь тачанку с пулеметом, на которую я сам сел, предупреждая первого номера пулеметчика сохранять максимум хладнокровия и действовать пулеметом только тогда и так, когда и как я прикажу.

Мои беззаветно храбрые и честные друзья бросили все, кроме карабинов и патронов, в своих квартирах и, через дворы и огороды, отступали вслед за мною, ехавшим, стоя на тачанке, с пулеметчиком и кучером, управлявшим лошадьми.

Человек 22—25 немцев, австрийцев и вартовых бросились за нами, крича «Стой!» и целясь в нас. Я крикнул кучеру:

— Поворачивай лошадей назад и держи направление параллельно бегущим негодьям!.. ГАВРЮША, ВОЗЬМИ ПРИЦЕЛ!

Гаврюша (пулеметчик), словно присосался, прилег к пулемету. Кучер же с лихорадочным волнением, но быстро повернул лошадей в указанном направлении и, как бы теряясь, нервно натягивал вожжи, будто хотел остановиться. Каратели-налетчики приблизились к нам уже шагов на 20—25, направляя дула своих карабинов прямо на нас.

Я поднял левую руку и крикнул этим негодьям:

— Пан, стой, не стреляй! Мы — милиция.

Со стороны врагов раздался злобный ответный голос:

— Яка міліція?

И они как будто перестали целиться в нашу сторону.

Я крикнул Гаврюше: «Бей!» И сам выстрелил в сторону нападавших. Пулемет «максим» заговорил как бы с задержкой, но так метко, что ни один из нападавших не устоял. Все упали, частью разорванные пулями, частью легко раненные, но притворившиеся убитыми.

Товарищи, отступавшие в пешем порядке, быстро окружили нападавших и предложили им подняться. Тех, которые позалезали в кусты и оттуда отстреливались, расстреляли тут же. Несколько раненых подобрали и увели с собою. Затем бросились — одни выхватывать своих оставшихся по дворам крестьян, лошадей и седла, другие в погоню за убегающими немецко-австрийскими солдатами и гетманскими вартовыми, не успевшими попасть под наш пулемет. Я лично с тремя товарищами кинулся к телеграфным и телефонным столбам, ведущим к Гуляй-Полю, и перерезал на них провода.

Товарищи, бросившиеся в погоню за убегающими солдатами и вартовыми, поймали нескольких из них. Среди пойманных оказался и начальник Гуляй-Польской варты. Последний был тут же пристрелен. Солдат и рядовых вартовых мы забрали на свои подводы.

«Как же быть с убитыми?» — мгновенно мелькнуло у меня в голове. — Ведь за них гетманское правительство и немецко-австрийское командование взыщет с крестьян деревни. (То был период, когда за каждого погибшего немецкого и австрийского солдата или

вартового, погибшего в самой ли деревне или на земле этой деревни, власти взysкивали с крестьян этой деревни в виде расстрела известного количества крестьян и наложения на всех крестьян тяжелой денежной контрибуции, которая должна была быть внесена в указанные часы. Невыполнение контрибуции каралось новыми расстрелами крестьян, конфискацией имущества и т. п.)».

И я тут же распорядился, чтобы сбежавшиеся нам на помощь крестьяне взяли лопаты и, подобрав все трупы убитых, вывезли их за деревню, в помещичий лесок, и там прикрыли бы их землей или просто так бросили бы их там...

Трупы были подобраны и вывезены из деревни в помещичий лесок.

Мы же, попросившись с крестьянами, выехали в направлении села Туркеновки и по дороге, как бы обходя это село, остановились в одной из балок. Здесь я опросил захваченных в плен. Среди них оказались два человека украинцев-галичан из австрийской армии. Мы с ними сговорились написать под мою диктовку письмо к немецким и австрийским солдатам, в котором наша повстанческая организация предлагала им не слушаться своих офицеров, перестать быть убийцами украинских революционеров, крестьян и рабочих и палачами их революционного освободительного дела, а убивать своих офицеров, которые привели их на Украину и делают из них убийц лучших сынов трудового народа, и уезжать на свою родину: творить там революцию и освобождать своих угнетенных братьев и сестер. «В противном случае, — подчеркивалось в этом письме, — украинские революционные труженики под знаменем восстания против власти ваших офицеров и поставленного ими гетмана Скоропадского принуждены будут убивать и вырезывать всех вас поголовно вместе с вашими офицерами и агентами гетмана как убийц и палачей...»

Вручив это письмо пленным и отпустив их, мы сами на их же глазах тронулись в одном направлении. А как только наступила ночь, мы свернули влево, а затем назад и остановились в 17 верстах от Гуляй-Поля, в деревне Шанжаровке.

Глава VI

НЕМЕЦКО-АВСТРИЙСКИЕ ВОЙСКА В ДЕРЕВНЕ МАРФОПОЛЬ ПОСЛЕ УНИЧТОЖЕНИЯ НАМИ ИХ ОТРЯДА. МЫ В ГУЛЯЙ-ПОЛЕ

Как только мы оставили деревню Марфополь, туда прибыли войска. По вступлении в деревню они сразу же расстреляли старшего из хозяев той квартиры, где я с Марченко и Лютым сутки помещались. Затем согнали сельский сход. Перепороли шомполами тех из крестьян, чья физиономия не нравилась озверевшим офи-

церам. Кое-кого из крестьян арестовали и отправили в Гуляй-Поле в штаб, где их пытали и истязали при допросах. И потом уже наложили на всю деревушку непосильную, в шестьдесят тысяч рублей наличными, контрибуцию, которую крестьяне в течение суток должны были собрать между собою и внести в их штаб в Гуляй-Поле.

Многие крестьянские семьи не в силах были внести требуемое с них палачами. Начались избиения прикладами, порка шомполами этих крестьян. Стоны избиваемых в этой деревне быстро долетали до нас: вести о событиях распространялись всюду по другим деревням и селам Гуляй-Польского района. Но в этих столах не чувствовалось отчаяния, и этого-то обстоятельства глупые палачи не понимали и не учитывали.

Само собою понятно, что наглого насилия по отношению к крестьянам деревни Марфополь со стороны немецко-австрийских и гетманских сатрапов ни мы, ни крестьяне простить этим непрошеным хозяевам и властелинам не могли.

На другой же день мы, посоветовавшись между собою, разделились: товарищи с берегов Днепра и из некоторых других районов выехали сейчас же в свои местности с целью ни минуты больше не ждать, а повсеместно выступать и решительно действовать, увлекая на этот путь все лучшее и преданнейшее делу революции в крестьянстве. Мы же и обитатели других сел и деревень перебросились в само Гуляй-Поле, из которого в это время главные немецко-австрийские силы выехали в район охотиться за революционными крестьянами, оставив в нем лишь одну роту своих солдат и усердно ей прислуживавших человек 80 гетманской варты.

В Гуляй-Поле мы совсем раздробили свои силы и разослали их по району, оставив для Гуляй-Поля всего-навсего семь человек во главе со мною. Наша Гуляй-Польская организация, которая все время оставалась в нем, в следующую же после нашего прибытия ночь постановила созвать в ближайшую ночь все свои вооруженные силы неподалеку от Гуляй-Поля, в открытом поле, чтобы я мог видеть этих бойцов и поговорить с ними.

Выезд крестьян в одном направлении из Гуляй-Поля был подозрителен и для них очень рискован. Тем не менее съехалось более четырехсот человек. В каждом из нас, совершенно нелегальных, рождались новые силы. Мы были переполнены желанием борьбы за волю и независимость трудящихся, за революцию и ее идеалы, за построение на их началах свободного общества тружеников.

Я лично, да и я ли только, глядя на боевые крестьянские колонны в открытом поле, на стройные их ряды, расчувствовался. Хотелось тут же лишний раз спросить своих близких, иногда подтрунивавших над моими часто резкими выпадами по адресу родственников нам по идее городских групп, обращавших мало внимания на деревню, на ее живые и плодотворные силы, — хотелось снова спросить их о том, кто же виноват, что эти силы до сих пор не

организованы в стране вообще. Однако я тут же сознавал, что на эту праздную болтовню нет времени.

Мы все сели, а кое-кто даже лег на землю и занялись разрешением вопроса: когда и в каком направлении начнем мы свою революционную атаку из Гуляй-Поля, а затем и по всему району, — атаку против немецко-австрийских армий и гетманских банд.

Все высказались: в следующую ночь!..

Тогда были сделаны указания: пешанам и гурянам с вечера занять все пути входа и выхода из Гуляй-Поля со стороны сел Федоровки, Воскресенки и Полог, где стояли внушительные по количеству силы немецко-австрийских войск. А бочанцы, ярмарковцы, подолянцы и вербовцы (все это районы Гуляй-Поля) пойдут в центр Гуляй-Поля и, захватив его в свои руки, разгонят гетманскую варту и немецко-австрийскую роту, по возможности захватывая пленных, чтобы уничтожить весь их штаб.

Затем все мы спокойно и тихо разбрелись по своим квартирам.

Эту ночь ни я, ни мои близкие друзья не спали. Я писал две прокламации с надеждой, при занятии центра Гуляй-Поля, сейчас же их отпечатать и распространить по всем районам, которые наша организация взялась организовать и поднять на борьбу. Товарищи обдумывали детали плана намеченного действия.

На следующий день в Гуляй-Поле возвратилась еще одна рота немецко-австрийских экспедиционных войск. Мы было немного успокоились, но не отменили задуманного на вечер действия. Вечером все бойцы во всех районах Гуляй-Поля были готовы к бою, и мы повели наступление. Легко и безболезненно (для себя, конечно) разогнали и немецко-австрийских солдат, и гетманских вартовых. К сожалению, лишь штаба их не схватили: последние раньше всех своих подчиненных сбежали.

Сейчас же по занятии Гуляй-Поля мы установили своих контрольных на почте, телефонной станции и на станции железной дороги. Я с товарищем Каретником и с хозяевами типографии провел ночь и полдня в наблюдении за работой в типографии, и наши листовки были отпечатаны. Одна — в виде призыва к крестьянам поддерживать своими представителями революционно-повстанческий штаб и смело, не теряя времени, организовывать в своей среде из добровольцев боевые отряды и объединять их вокруг штаба с целью выгнать из Украины не прошенных трудовым народом опричников. Другая листовка разъясняла задачи крестьян после изгнания всех этих владык.

Гуляй-Польские крестьяне зашевелились. Устроили митинг, на который собрались отцы и матери со своими детьми. Все высказались сами о моменте и запрашивали моего мнения, мнения Гуляй-Польской группы анархистов-крестьян о том, за что же взяться прежде всего? Что прежде всего нужно освободить, чему надо прежде всего расчищать путь? Чувствовался голос подлинной революции в устах этих не один раз избитых прикладами, выпоротых

шомполами, раздетых, ограбленных и физически временно побежденных тружеников украинской деревни.

Само собою понятно, что, действуя в самом Гуляй-Поле, мы не оставили без внимания и его район. Здесь крестьяне тоже воспрянули духом и взялись за дело своего освобождения. И хотя крестьянам на районе как имевшим в своем распоряжении мало оружия местами тут же и попадало — на них тут же наскакивали гетманская варта и карательные немецко-австрийские отряды и разбивали их, — но дух революции уже носился всюду. И казалось, еще день, еще два и Гуляй-Польцы дружно и мужественно пойдут целым фронтом против своих врагов, пойдут на поддержку другим селам и другим районам. К этому мы стремились и в этом направлении проделали известную работу.

Но нужно отметить, что и австрийско-немецкое командование не дремало. Оно, располагая крупными денежными суммами, успело подкупить помимо своих шпионов и многих из рабочих, крестьян-кулаков, купцов и лавочников, и через этих людшек держало себя, почти всегда вовремя, в курсе наших дел. Не решаясь напасть на Гуляй-Поле с одной какой-либо стороны, оно спешно стягивало свои войска и группировало их вокруг Гуляй-Поля с расчетом окружить его так, чтобы не выпустить уже больше из него неуловимого, как они меня прозвали, Махно с его помощниками.

Это обстоятельство заставляло нас все ночи напролет разъезжать вокруг Гуляй-Поля, ставить секреты и заградительные заслоны, ожидая наступления врага.

Вдруг в одно утро немецкий районный штаб из Полог, австрийский из Покровского и из Рождественки вызывают по телефону Гуляй-Поле, революционный комитет, просят «господина» Махно к трубке.

Сажусь на лошадь и скачу на телефонную станцию. Говорим. Из Полог предлагают революционному комитету или штабу повстанчества разрешить ввести в Гуляй-Поле немецко-австрийские войска численностью с батальон. Я отвечаю, что народ этого не пожелает. А если вздумаете вступать в Гуляй-Поле сами, произвольно, то встретим с оружием в руках.

Покровский австрийский штаб запрашивает:

— Правда ли, что штаб повстанчества перерезал всех богачей в Гуляй-Поле?

Отвечаю:

— Вздор. Все богачи сбежали вместе с вами.

Австрийский штаб из Рождественки грозит двинуть свои войска на Гуляй-Поле и уничтожить его вместе с жителями, если штаб повстанчества не освободит попавших в плен хозяйственников его войск. Отвечаю:

— Двигайтесь. Посмотрим, как вы будете подмазывать свои пятки и удирать... Тем более что мы только что вооружили несколько тысяч крестьян, съехавшихся сюда в распоряжение нашего повстанческого штаба. Они вас ждут.

Отовсюду телефонные звонки, отовсюду грубая ругань переводчиков немецко-австрийского командования.

Пока все эти «герои» из штабов вели переговоры с революционно-повстанческим штабом (он же и революционный комитет), штаб отпечатал еще две прокламации и часть их сейчас же распределил среди крестьянских гонцов, которые должны были развезти их во все села и деревушки, а также, по возможности, и к рабочим в города Александровск, Павлоград, Юзовские Шахты (теперешний Донбасс), Мариуполь), часть же погрузил на свои подводы, считая, что не сегодня завтра немецко-австрийское командование двинет свои силы со всех концов на Гуляй-Поле, и нам придется временно опять оставить село и продолжать рейд своим хорошо вооруженным, но количественно небольшим легким отрядом по районам с целью провести агитацию и распространить самому эту часть прокламаций.

Помню, мои друзья увлекались успехом и хотели верить, что мы удержимся на сей раз в Гуляй-Поле на весьма продолжительное время, тем более что из районов начали поступать на сей раз сведения более утешительные. Некоторые наши повстанческие группы одержали победу над гетманскими и немецко-австрийскими карательными отрядами и намереваются прибыть в Гуляй-Поле. Но я был осторожен и убеждал друзей, что увлечение их может привести к непоправимым ошибкам. Следуя увлечению, мы должны будем призвать всех крестьян и рабочих Гуляй-Поля к тому, чтобы дать решительный бой врагу, какие бы силы ни наступали на Гуляй-Поле. Однако боя этого мы до конца не выдержим. А поражение наше создаст катастрофические последствия для дальнейшего развития наших повстанческих групп, все взоры и помыслы которых обращены к Гуляй-Полю в ожидании его инициативных идейно-руководящих положений. И я говорил:

— В случае решительного наступления врагов на Гуляй-Поле мы и на этот раз сейчас же оставим его. Притом мы должны оставить его так, как будто население только слушало нас, но не оказывало нам активной поддержки.

Необходимо отметить, что за все время нашего пребывания в Гуляй-Поле вооруженное население только по ночам выезжало на заставы вокруг села, на станцию и на другие пункты, в которых могли появиться войска врага. Днем же мы ограничивались силами отряда и некоторыми смельчаками из крестьян.

— Так и должно продолжаться, — настаивал я перед своими помощниками. — Мы в момент натиска на Гуляй-Поле вражеских сил оставим его, сообщив лишь вовремя населению, чтобы оно тщательнейшим образом попрядало оружие и сохраняло мужество и хладнокровие как ни в чем не бывало: как будто мы своим отрядом произвольно все здесь проделывали.

Мои друзья были очень недовольны таким моим маневром, но решительно против него ни один из них не протестовал. Наоборот,

теперь они делали все то, что в совещании со мною обсуждали и решали.

На этом решении наш штаб остановился определенно. Согласно этому, товарищ А.Марченко оповестил о нашем решении через своих военных «атташе» все сотни населения Гуляй-Поля. И лишь теперь наш штаб несколько освободился от кипучей местной работы.

* * *

В один прекрасный день я снова был вызван немецко-австрийским штабом из Полог к телефону. Начальник этого штаба повел со мною разговор: почему я в своих воззваниях к украинскому трудовому народу называю немецко-австрийские регулярные войска бандами, а их командиров убийцами и т.п. Я «разъяснил», и разговор наш затянулся.

Я инстинктивно почувствовал, что начальник затягивает разговор со мною с определенной целью, и поспешил предупредить гг. Марченко и Каретника быть особенно бдительными и усилить внимание наблюдателей с колокольни и на заставах.

— Сегодня, видимо, враги решили действовать, — говорил я им, — и мы должны своевременно знать, откуда, какими и какого рода оружия силами они начнут это свое действие.

Сам я продолжал оставаться у трубки телефона, а это время наш штаб вызывался из Покровского и Рождественки, но с ними мне не пришлось говорить. Действительно, случилось именно так, как предполагал. Начальник железнодорожной станции сообщил нашим наблюдателям, что из Полог вышли два воинских эшелона на Гуляй-Поле. Пока курьер донес мне это сведение (по телефону сообщить его нельзя было), тот же начальник станции сообщил мне:

— Нестор Иванович, карательные войска в количестве двух эшелонов, не дойдя до станции, остановились посреди пути, выгружаются и направляются на село.

Я в ту же минуту бросил трубку и изолировал нужные телефонные районные линии. Спешно с двумя пулеметами, 15—17 пехотинцами и несколькими кавалеристами я выехал за Гуляй-Поле навстречу этим всемогущим и «непобедимым» немецко-австрийским боевым частям. Части эти подходили и были уже на поддороге к селу своими неразвернутыми колоннами. Мы подпустили их еще ближе и обстреляли метким пулеметным огнем. Тем самым мы заставили их сперва лечь, а затем развернуться фронтом и открыть бешеный огонь со своей стороны.

Мы, задорно смеясь и над своими силами, и над силами и маневрами противника, продолжали изредка, но метко стрелять. А когда заметили с фланга группу его кавалерии, то тотчас же снялись и, перескочив Гуляй-Поле поперек, закрепились на другой стороне его и продолжали отвечать наступавшим на их бешеную

пальбу, сосредоточенную исключительно на колокольне и центре Гуляй-Поля.

За это время к нам подошло несколько десятков вооруженных крестьян с намерением целиком разделить участь нашего отряда в пути по району. Остальные около 1000 человек вооруженных, из которых 300—400 человек все время, до сегодняшнего дня, несли службу на заставах по охране Гуляй-Поля, теперь сидели по своим квартирам, ожидая «неожиданностей», какие в это время вообще создавались.

На этой, Бочанской стороне Гуляй-Поля мы, стянув все свои подводы, оставались, пока не подошли вражеские отряды и с других сторон. (Делали мы это с целью укоротить для врага дневное время.) Но подход неприятельских частей с других сторон заставил нас сняться и, сказав населению Гуляй-Поля «До свидания! Через неделю-две мы возвратимся!», покинуть Гуляй-Поле.

Мы направились в районы Юзово, Мариуполь, чтобы таким образом расширить район своей деятельности и в то же время сбить с нашего следа врагов, жаждавших настичь и раздавить нас. По пути мы отобрали у помещиков, кулаков и охранявших эту свору немецко-австрийских солдат несколько тачанок, один пулемет, несколько кавалерийских лошадей с седлами и кой-какое оружие. Кое-кого из помещиков мы уничтожили заодно с их усадьбами, так как они отстреливались при нашем появлении.

Остановились мы лишь во второй половине ночи в селе Больше-Михайловка (или Дибривки) с его знаменитым Дибривским лесом.

Глава VII

НАША ОСТАНОВКА В СЕЛЕ БОЛЬШЕ-МИХАЙЛОВКЕ. ВСТРЕЧА С ОТРЯДОМ ЩУСЯ И ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЭТОГО ОТРЯДА К НАМ

Подъехав к селу Больше-Михайловка, мы решили не въезжать в него по мосту через речку Волчью. Мы пустили вброд через эту речку свою конную разведку, которая, обследовав улицы и выяснив, что немецко-австрийские войска вот уже около трех дней отсутствуют, перевела затем и весь отряд. Это помогло нам тихо проехать через центр села и остановиться на подлесной окраине его. До рассвета оставалось еще 3—4 часа. Отряд наш расположился возле двора одного крестьянина с расчетом охранять себя только с трех сторон. Все, кроме часовых, улеглись спать.

На рассвете к нам собралась толпа крестьянских детишек. От них мы узнали о пребывании в лесу отряда товарища Щуся⁵¹. Об этом отряде я и раньше слышал. Но тогда он был под командой матроса Бровы, которого я не знал. В описаниях отряд этот изображался как отряд типа кавказских разбойников. Поэтому я его

деятельностью не интересовался. Теперь же он оказывался под командой товарища Щуся. Последнего я смутно припоминал. Он был славным бойцом весною в отряде нашей Гуляй-Польской группы, действовавшем против нашествия на Украину немецко-австрийских армий. Каретник помог мне еще яснее вспомнить Щуся, так что в конце концов я действительно хорошо припомнил его как участника на нашей таганрогской конференции.

Мы все обрадовались прежде всего тому, что он, Щусь, благополучно пробрался через фронт из-под Таганрога. Да и то, что он не сидит сложа руки, а действует, нас радовало.

Я постарался тут же выяснить, в какой части леса этот отряд расположен. Я выслал двух гонцов, чтобы они разыскали этот отряд и привели ко мне одного-двух человек от него. Задача была выполнена. После этого я лично выехал в лес к этому отряду.

Товарищ Щусь получил от гонцов мою записку и согласился встретиться со мною. Однако он не доверял тому, действительно ли это я, а не кто-либо из агентов гетманщины. Поэтому он весь свой отряд, человек в 50—60, вывел в сторону от устроенного им в лесу неприступного блиндажа, оставив в нем только раненых. Он готовился, если встреча со мною есть ловушка, оказать решительное сопротивление.

Когда я подъехал к поляне, где должен был выйти мне навстречу товарищ Щусь, я увидел выстроенный в каре отряд наполовину в немецко-австрийском одеянии. Думая, что я влетел в немецко-гетманскую засаду, я быстро повернул назад лошадь, чтобы как-либо улизнуть. Но в это время послышался голос:

— Товарищ Махно, это я, Щусь.

В то же время он отпустил ко мне оставленного у него как заложника одного из моих гонцов. Последнее обстоятельство меня окончательно убедило. Я направился прямо на полянку, к отряду. Поздоровался с отрядом и с самим Щусем. Теперь только я, глядя на Щуся, одетого в гусарскую немецкую форму, плотно облежавшую его красивую и стройную фигуру, и вооруженного до зубов, узнал в нем того самого красавца матроса Щуся, которого знал раньше. Мы обнялись и поцеловались. Отряд его был также хорошо, хотя и разнообразно, одет в немецкую, австрийскую, украинскую гайдамацкую форму и в крестьянскую одежду и тоже был вооружен до зубов. Это придавало ему боевой вид. В отряде чувствовался восторг, когда мы со Щусем облобызались.

Затем я поставил Щусю вопрос:

— Что ты, товарищ Щусь, делал с этим отрядом до сих пор и что намерен делать в дальнейшем?

Ответ был краткий:

— До сих пор я совершал нападения на возвратившихся помещиков и уничтожал их и всех их охранителей, немецких и австрийских солдат.

— А как ты относишься к гетманской варте? — спросил я его.

— Варту я обычно разгонял.

— И только? — переспросил я его.

— Иной работы я пока не предвижу, ибо уничтожаемых мною «гадов» еще очень много.

В этих кратких фразах товарища Щуся для меня было все ясно и понятно. Он следовал в своей борьбе против угнетателей своеобразно им понятным постановлением наших Гуляй-Польцев на конференции в городе Таганроге. Поэтому советовать ему что-либо другое в это короткое время я не мог. Однако, видя его теперь лично и припоминая отзывы о нем друзей, я очень не хотел, чтобы он, этот по натуре своей, по мужеству и отваге славнейший человек, так безумно сторел в том способе борьбы, какого он придерживался до сих пор. Подумав, я предложил ему выслушать меня о моих намерениях, о намерениях всей нашей повстанческой организации, члены которой, хотя еще и не все, съехались.

Я рассказал ему о том, какая работа нами проводится. И в заключение я сказал ему:

— Я прошу тебя, брось лес, выйди со своим отрядом на простор, в села и деревни; бросайся с ним сам и зови крестьян, и особенно крестьянскую молодежь, в революционную бурю с ясными, определенными и для всех понятными общими целями, дающими нам, революционерам, право поднять свое оружие, свой карающий меч вместе с трудовым народом против всех тех, кто, во имя власти и привилегий буржуазии, подымает свой меч против трудящихся, против их воли и прав, задавая целью уничтожить всех нас. Идя в авангарде трудового народа, борющегося против контрреволюции, за революцию, мы, преданнейшие сыны его, ринемся в открытый бой с нашими палачами...

Товарищ Щусь, низко наклонив голову и глядя в землю, долго ни слова не возражал мне. Он лишь изредка посматривал на бойцов своего отряда и спрашивал их, слышат ли они, что я говорю. И сам слушал меня. А затем, когда я его спросил, что он может возразить на высказанные мною мысли, он быстро выпрямился и, по-детски улыбаясь, схватил меня в свои здоровенные объятия, выкрикивая:

— Да, да, я пойду с тобою, товарищ Махно!

В отряде раздались возгласы:

— Слава! Слава!

Мы все — я, Щусь, мои и его близкие друзья — тут же устроили маленькое совещание о выводе его отряда из леса в село и о том, чтобы, не теряя попусту времени, заняться организацией дибривских крестьян.

По окончании совещания Щусь подошел к отряду и спросил у своих бойцов, как они смотрят на то, чтобы выйти из леса в село, разъяснив им цель этого выхода. Бойцы решение наше одобрили. Я со своими друзьями уехал к своему отряду, а Щусь начал собираться ехать в село.

У выхода из леса у села Больше-Михайловка встретились теперь два отряда: отряд дибривчан и отряд Гуляй-Польцев. Они тут же были слиты в одно нераздельное целое. Новый отряд представлял собою сильную духом и волей боевую единицу. Передо мною теперь с еще большей ясностью представилась будущая наша деятельность. Я тут же подумывал (пока что про себя) о том, чтобы силами этой единицы проделать большой рейд по-над Юзовом, Мариуполем, Бердянском, по всем селам, деревням и хуторам с целью агитации и организации бунта, революции и собирания оружия и средств для поддержания этого великого дела.

Одно меня тревожило: в отряде Шуся было несколько человек раненых. Их нигде нельзя было, казалось мне, оставить. Их нужно возить с собою. А это явится, думал я, большим тормозом для нашего рейда между многочисленными вооруженными силами контрреволюции, так как на первых порах некому будет за ними ухаживать. Но моя тревога скоро рассеялась благодаря тому обстоятельству, что почти у каждого из раненых оказалась в селе невеста. Эти женщины при выходе из леса отряда были уже возле раненых своих друзей и мило за ними ухаживали. А те из них, друзья которых были особо тяжело ранены, сейчас же объявили себя повстанками, желающими разделить участь своих друзей и всего отряда в походах и в боях.

Теперь мы были окружены многочисленной толпой крестьян и крестьянок и вытягивались из-под леса в центр села. А когда вступили в центр, мы увидели уже возле себя почти все трудовое население. Одни просили сказать, что нужно сготовить на ужин для повстанцев. Другие просили принять их в отряд. Жизнь становилась какой-то напряженной и в то же время радостной.

С первых же дней выступления я был противником того, что бы объедать трудовое население, когда можно обойтись без этого. Я попросил собравшееся население сказать открыто, где живут кулаки, имеющие овец, телят, чтобы можно было у них взять две-три овцы на суп бойцам. А к супу крестьяне снесут хлеба, и отряд таким образом будет накормлен.

Население указало кулаков, а некоторые из них сами поспешили откликнуться и предложили нам для отряда по одной овце. Так вопрос с кормежкой бойцов отряда был разрешен самим населением, и быстро.

Воспользовавшись громадным сельским сходом, я провел митинг на тему о борьбе с немецко-австрийскими контрреволюционными войсками, гетманщиной и организовывавшимися как раз в это время реставрационными силами генерала Деникина. И так как, на мой взгляд, эта последняя организация была более осмотрительна и более предана делу, чем гетманская, то я и остановился в своем выступлении на ней, на том, как она с помощью своих отрядиков

в 20—30 человек, под прямым покровительством гетманщины и немецко-австрийского командования разгуливает по стране, наводя страх на трудовое население и в то же время ведя подготовительную работу. Я указывал трудовому населению, как эта организация, в лице полковника Дроздова и его отряда, в Бердянском уезде проводит свое гнусное дело на службе у гетманщины, а в Мелитопольском уезде агенты какого-то генерала Тилло тоже не дремлют, используя глупую и преступную гетманщину для дела остатков русского самодержавия

— Против немцев, австрийцев, гетмана и гетманщины мы наеемся поднять такой бунт, какого еще никто не устраивал, и их мы победим. Но не нужно упускать из виду, что на Украину обращены взоры атаманов Белого Дона и Добровольческой армии генерала Деникина. Шайки бандитов под руководством опытных офицеров уже рейсируют по нашим районам. Деникинщина и Белый Дон поглядывают на наши районы, усыпанные тысячами помещичьих и кулацких гнезд, богатые немецкими колониями, население которых вооружено до зубов приведенными к нам Радою немецко-австрийскими армиями. В этих районах организация реставрации, деникинско-красновская организация, чувствует для себя почву. Она связывается с ними и духовно, и организационно, несмотря на то что главной задачей этой организации является сохранить за собою Кубань и Дон и расчистить себе путь к Москве. Без хорошего тыла она не может обойтись, а таким является Юг Украины.

— Вот почему, — подчеркивал я крестьянам, — мы должны, борясь против немецко-австрийской оккупации и гетманщины, заодно с корнем вырывать и уничтожать и зародыши этой белой деникинской организации. Все, что имеет отношение к вооруженной силе этой организации, должно быть сметено с нашего пути. Ибо в этой, так сказать, генеральской организации, русско-монархической по духу, мы усматриваем одного из серьезнейших наших врагов, будущность которого несравнима ни с тщедушной гетманщиной, ни с преступно распоряжающимися нашими правами и жизнями немецко-австрийскими палачами. Ни тем, ни другим от нас не должно быть пощады!

Таким призывом к дибривскому населению закончил я тогда свое собеседование. И в крестьянской массе долго повторялось: ни тем, ни другим не должно быть пощады.

А когда я встретился со своими друзьями, то они на меня набросились, почему да зачем я говорю крестьянам сразу об этом. Это их, дескать, испугает, и они, подобно многим рабочим, займут выжидательную позицию в отношении своих врагов. А это приведет все наши начинания в борьбе за революцию к нулю.

Такое непонимание крестьян моими друзьями крестьянами же, сознаюсь, меня испугало. Быть может, я на сей раз целиком разделил бы их мнение. Быть может, если бы я не находился на руководящем посту, я поленился бы серьезно разобраться в общей

украинской действительности того времени и сказал бы друзьям своим: вы правы. Или если бы не сказал этого, то молчаливо поддерживал бы те лозунги, которые они выбросили бы вместо моего: ни тем, ни другим из наших врагов не должно быть пощады!

Но инициативная и руководящая роль моя в основной нашей организации, а теперь и в отрядах принудила меня быть несколько осмотрительнее и в то же время решительнее. Подумав, я без колебаний, считаясь с реальной действительностью, ответил друзьям моим:

— События настолько понятны, что затушевывать их с тех сторон, из-за которых они могут пугать широкие крестьянские массы, не приходится. Мы должны считаться с наличием сочувствия масс к нашим революционным начинаниям и на нем строить. Тем более что лозунги восстания нами уже брошены. Восстание нами организованных крестьян во многих селах уже началось. Кровь полилась, и полилась она под нашим знаменем и под влиянием нашего лозунга: жить свободно и строить новую общественную жизнь на началах свободы, равенства и вольного труда или умереть в борьбе против тех, кто мешает нам в достижении этой великой цели. Что же нам, организаторам восстания, остается делать, как не сказать честно и во всеуслышание: пусть же сильнее разразится буря в этом восстании! И, сказавши это, отдаться целиком борьбе, руководя ею и помогая ей своевременно находить верные пути.

— Ты прав, — ответили мне в конце концов мои друзья, — и мы не намерены перерешать того, что нами давно решено и согласно чему мы уже действуем. Нас встревожило передавание из уст в уста расходящимися с митинга крестьянами и крестьянками девиза: ни тем, ни другим из наших врагов не должно быть пощады. Нам кажется, — подчеркивали А. Марченко и Щусь (который сам до сего дня действительно никому не давал пощады), — что дибривские крестьяне этого испугались и завтра вряд ли соберутся.

Конечно, беспокойство моих друзей оказалось напрасным. Наутро вся площадь и улицы, ведущие к ней, были полны крестьянами. Даже из других сел начали съезжаться крестьяне. Одни, чтобы записаться в отряд; другие, чтобы получить оружие и инструкторские указания.

* * *

Так простояли мы в селе Дибривки еще два дня. Отряд наш разросся до полутора тысяч человек. Но из этого количества три четверти было без оружия. Безоружных мы брали только на учет, но не вводили пока что в действующий отряд.

На третий день я опять на митинге. Крестьяне выделили из своей среды совет. Опять затронули вопросы об организации повсеместного восстания крестьян против власти гетмана и немецко-австрийского командования. До позднего вечера я проводил этот

крестьянский митинг. А потом до поздней ночи писал инструктивного и оперативного характера распоряжения всем нашим отрядам, действовавшим на стороне от нашего штаба и отряда, и рассылал их через крестьянских гонцов по всем районам.

И, как никогда прежде, чувствовал я себя почти одиноким. Как никогда, сердился я на всех своих идейных товарищей из городов, которые теперь менее, чем когда-либо, казались мне достойными того, чтобы их эта широкая крестьянская масса уважала, но которые, будь они среди этой массы, могли много полезного — о, как много! — сделать для нашего движения вместе с этой массой.

Теперь мне хотелось говорить: говорить с товарищами Марченком, Каретником, Рябком, Щусем и другими. Но приставленный ко мне с первого же дня существования нашей военно-революционной организации товарищ Петя Лютый (почти за моего охранителя) сообщил мне, что никого из них в волостном совете, где я помещался, нет. И я в тоске распластался на столе, чтобы поспать.

Вдруг я спохватился, что еще не осведомился о том, как расставлены на переправах в село наши заставы. Я встал, надел на себя оружие и пошел, куда нужно, чтобы узнать обо всем этом.

Все оказалось в порядке. Я зашел во двор совета, где среди двора лежали раненые повстанцы из отряда Щуся. Один из них, товарищ Петренко, был тяжело ранен и стонал. Невеста его сидела возле него и плакала. Обидно было, что мы не могли положить его в больницу. Но ничего нельзя было сделать.

— Нужно теперь же хорошо уложить его на подводу на ночь, — сказал я дежурившим возле раненых, — ибо, если будет тревога, тогда поздно будет.

Меня заверили, что все наготове на случай тревоги. Раненые быстро и хорошо будут усажены на подводы. Тогда я ушел в здание совета, бывшее волостное управление, и опять улегся за отсутствием кушетки на столе, чтобы хотя немного уснуть. Здесь я получил сведения от Марченка, что он, Каретник и Щусь находятся среди бойцов отряда. Это меня совсем успокоило, и я уснул.

Однако спать пришлось недолго. Лютый сильным стуком в дверь меня разбудил. Проснувшись, я услышал пулеметную стрельбу. Вскрываю, как ошалелый, хватаю оружие и выскакиваю во двор. Повстанцы все, кроме тех, что стоят на заставах, сбегаются к штабу. Я узнаю, что первыми открыли стрельбу наши заставы со стороны Успеновки и Покровского.

— В чем дело?

— Австрийцы наступают.

Тревога ужасная. Противник из-за речки Волчьей обстреливает из пулемета двор совета. Убил уже нескольких лошадей от подвод раненых. Щусь и Марченко выстраивают отряд. Товарищ Каретник уехал на заставу со стороны села Покровского, где усилился огонь. Сбежались несколько крестьян, спрашивают:

— Что делать?

Паника нескольких растерявшихся товарищей рассердила меня. Врываюсь в их гущу и решительно приказываю вскочить во двор, выкатить со двора на руках все тачанки, пустые и с ранеными, и запрягать в них лошадей, какие есть на улице под прикрытием домов.

Марченку же и Щусю было дано распоряжение выстроить взвод по направлению стрелявшего неприятельского пулемета и залпами заставить его сняться или перевести огонь со двора, где наши подводы и куда он метко попадает.

Тем временем товарищ Каретник со своим подкреплением и заставой на мосту отбил назойливого противника и выяснил, что между нападавшими есть солдаты в австрийской форме и есть не военные, штатские люди. Но выяснить, кто именно были нападавшие, австрийцы ли или же помещичьи, немецких колонистов или кулацкие карательные отряды, определенно не удалось.

Когда подводы были выхвачены из-под обстрела и лошади в них запряжены, мы решили выгодным для наших сил выехать до утра из села в лес. Тихо сняв свои заставы, мы так же тихо снялись и из центра села направились к лесу.

Жуткая картина открылась перед нами по дороге к лесу. Дорога заполнена была крестьянами и крестьянками со своими маленькими детьми. Полукрича-полуплеча, крестьяне говорили нам:

— Не покидайте нас на издевательство нашим угнетателям. Общими силами мы их наступление как-нибудь отобьем.

Становилось больно на сердце слышать этот отчаянный стон поработанных. Но, не выяснив, как велики силы нападавших и кто они в действительности, каким оружием располагают, мы оставаться в центре села до утра ни в коем случае не могли. Мы должны были скрыть свои силы от противника на случай столкновения с ним. Это отстаивалось всеми нами. А товарищ Щусь даже и не помышлял о том, чтобы можно было дать бой наступавшим в самом селе.

Несмотря на плач крестьянок и их детей, я крикнул по частям: «Дать повод!» И мы все мелкой рысцой направились к воротам, ведущим в лес.

Нападавшие тоже, видимо, чувствовали неуверенность и страх. Вместо того чтобы подпустить нас к воротам леса тихо и в темноте, они, услышав наше приближение к воротам, зажгли один из крестьянских дворов и начали палить из пулеметов и ружей в сторону нашего движения.

Это заставило нас броситься в другую часть села, к другим воротам, ведущим из села в лес. Но здесь мы были более осторожны. Здесь, прежде чем пропустить наш обоз в лес, я спешил из него человек 30—35 бойцов и поставил их угольником так, чтобы одна сторона его обстреливала лес в направлении, куда нам нужно было продвигаться, а другая — хребет, простилавшийся по ту сторону речки Волчьей, по-над дорогой из Успеновки в Боль-

ше-Михайловку (Дибривки), откуда было начато первое ночное на нас наступление. Это условие давало нам возможность в случае не слишком сильного обстрела нас в лоб или с правой стороны (по нашему следованию) безболезненно провести наши обозы и малочисленную кавалерию в лес.

Но увы! Едва я расставил этим углом бойцов, знавших местность (бойцов из отряда товарища Щуся), и успел крикнуть: «Щусь, давай вперед обоз!», как из лесу раздался залп приблизительно из 15—20 винтовок и ручного пулемета. Затем другой и третий залпы, которые быстро превратились хотя и в беспорядочный, но частый огонь в сторону, где я находился с этими 30—35-ю товарищами повстанцами.

Я крикнул своим: «Ложись!» и затем: «Огонь в сторону неприятеля!» и тут же дал два-три выстрела сам из своего карабина. Но, к сожалению, я услышал с нашей стороны только эти свои два-три выстрела. Весь мой взвод убежал в сторону, под прикрытие, где стояли все наши остальные части.

Неприятель не переставал обстреливать намеченный нами проход в лес.

Видя себя одиноким на полянке, да еще осыпаясь пулями, я тоже схватился и перебежал к частям под прикрытие.

Бойцы начали волноваться. Приближался рассвет. Рассвет всех нас тревожил. Мы сознавали, что если неприятель окажется регулярными немецко-австрийскими частями и в достаточном количестве, то он на рассвете поведет наступление и на лес. В особенности он должен будет это сделать, если увидит, хоть приблизительно, количество наших сил. Поэтому все мы, одни сознательно, другие инстинктивно, сознавали необходимость войти в лес до рассвета.

Видя, что бойцы заволновались, я несколько прикрикнул на них и на их командиров и тут же отобрал из них опять не больше 30—40 человек. Затем я установил в одном из крестьянских дворов пулемет «максим» и указал, как открыть из него бешеный огонь в известное время в сторону, откуда стреляет неприятель. А сам с этими 30—40 бойцами спустился со двора через глубокий овраг в лес и с фланга, в свою очередь наступая, открыл частый огонь в сторону стрелявшего неприятеля. Сочетание огня с двух сторон, и видимо меткое, дало себя почувствовать неприятелю. Мы, вступившие в лес, как-то быстро достигли места расположения неприятеля и принуждены были дать сигнал своему пулемету прекратить огонь, так как он поражал уже нас.

Но неприятеля на месте не оказалось. Он бросил нам два или три ящика патронов, 8 подседланных и привязанных к деревьям лошадей, а сам куда-то скрылся.

В скором времени мы овладели полностью проходом в лес и начали переправлять через него оставшиеся в селе наши части.

По лошадям, оставленным неприятелем, мы узнали, что с этой стороны на нас наступали помещицы и кулацкие гетманские ка-

рательные отряды. Теперь нам оставалось лишь выяснить, сами ли только эти отряды наступают на нас или же они поддерживаются регулярными немецко-австрийскими войсками. На выяснении этого все мои друзья настаивали, за исключением товарища Щуся. Последний предлагал нам сейчас же перебраться в его неприступный блиндаж и сидеть в нем, никому не показываясь, пока войска будут находиться в селе Дибривках.

Я товарища Щуся вполне понимал. Сам он был бесстрашен, но он жалел раненых, жалел село, которое (мы все сознавали) должно будет жестоко поплатиться. Из-за этого он и стоял на том, чтобы попрятаться в вырытые им действительно неприступные норы и сидеть в них до благоприятного часа, как это он всегда делал до нашего приезда в это село.

Но Каретник, Марченко, Рябко, Троян, Лютый, я, весь наш отряд и добрая половина бойцов из отряда Щуся стояли за то, чтобы выяснить силы нападавших и, если они равные или не в пять и в десять раз больше наших сил, дать им решительный бой. Сделать это позволяло нам еще и то обстоятельство, что все трудовое население села целиком стояло на нашей стороне.

Товарищ Щусь в это время еще не думал о том, что штаб нашей организации может притянуть его к делу в порядке организационных обязанностей. Он нашего совещания до конца не дослушал. Он выстроил часть своих людей и тачанки с ранеными и уехал в глубь леса, по направлению к своему блиндажу. Мы же — я, Каретник и П. Петренко (брат раненого) — с незначительной частью бойцов решили снова направиться к тем воротам, куда мы направлялись из села в первый раз, но откуда вследствие обстрела свернули в эти, через которые с трудом пробрались в лес.

Марченко шел с остальными бойцами глубиной леса, держа связь и с нами, и со Щусем.

У ворот неприятеля уже не было. Хозяин сторевшего возле этих ворот дома сообщил нам, что на воротах было около полуроты австрийцев и с десятков помещичьих и кулацких сынков, которые вообще, за спиной немецко-австрийских войск, изошрялись в уничтожении революционеров-крестьян по селам и в порке шомполами тех, которые хотя активной революционности и не проявляли, но не могли скрыть своей ненависти к помещикам и властям.

Сюда же к воротам леса начали сбегаться из села крестьяне и крестьянки. Одни доносили нам о том, какие силы угнетателей вступили в село; другие просто не хотели видеть этих угнетателей за обысками и расправой над крестьянами: они покидали свои дворы и уходили в лес с надеждой, что скоро возвратятся обратно в село.

Мы теперь уже знали, что войск в селе всего около батальона австрийцев, затем отряд человек в 80—100 из помещиков, немецко-колонистов и кулаков да гетманской официальной варты около ста человек. Сила далеко не равная нашим силам, и это нас угнетало. Я лично внешне не хотел с этим соглашаться и послал в село двух разведчиков, опытных, старой службы солдат-пограничников: Ва-

силы Шкабарню и еще одного, фамилии которого не помню. Посланы они были с наказом точно выяснить количество неприятеля по роду оружия и место его расположения. Одновременно я послал записку товарищу Щусю, чтобы он с людьми прибыл к воротам. Через два с лишним часа разведчики возвратились с донесением, приблизительно совпадавшим с показаниями крестьян.

Товарищ Щусь отказался прибыть к воротам и приглашал меня со всеми бойцами прийти к его блиндажу, где до вечера просидим вместе, а с наступлением ночи разведемся куда-нибудь.

Этот ответ Щуся меня чуть с ума не свел. Тем не менее я нашел в себе волю сдерживать гнев и послал вторично и разведку в село, и записку Щусю. Содержание записки было таково: «Товарищ Щусь, не будьте малодушным мальчиком. Человеку, приобщившемуся к идее революционного восстания, занявшему серьезное и ответственное место в его передовых рядах, это не подобает. Это может вызвать во многих не только из нас, но и в рядах Вашего отряда недоверие к Вам как к отважному борцу и руководителю. Поэтому я, Вам не лстя, говорю прямо и требовательно: сейчас же прибыть со всеми оставшимися при Вас бойцами к воротам. Здесь будет виднее, что нужно предпринять для выхода из создавшегося положения.

Ваш Нестор».

На сей раз товарищ Щусь прибыл к воротам. Вскорости вернулась и вторая наша разведка, которая принесла сведения о численности неприятеля — те же, что и крестьяне, и первая разведка. Но о месте его расположения сведения теперь были более точные. Противник расположился на церковной площади, а его штаб во дворе Совета.

— Носятся слухи, — донесли мне разведчики, — что неприятель ожидает подкрепления из села Покровского (14 верст от Дибривок).

— Ага, — говорил я тогда своим друзьям, — противник думает окружить лес и уничтожить нас в нем.

Когда мы говорили между собою на эту тему, возле нас находилось много крестьян, некоторые со своими семьями. Чувствуя, что большинство из них заражаются моим настроением, притом настолько сильно, что вмешиваются в разговор вооруженных повстанцев, излагают свои соображения и т.д., я предложил всем своим близким и Щусю, и Петренко сделать партизанский налет на противника сейчас же, не дожидаясь, пока он начнет свое наступление на лес.

Командиры раздвоились в своих мнениях об этом моем предложении. Товарищ же Щусь решительно высказался против, считая мое предложение чуть ли не безумием.

Я, помню, ответил ему, что и я лично считаю свое предложение безумием, но безумием нужным и выполнимым для революционе-

ров. И, не ожидая на это ответа товарища Щуся, я тут же обратился ко всем вооруженным бойцам и присутствующим возле нас крестьянам с речью, в которой без всяких ораторских красот, просто, как всегда мне приходилось выступать перед крестьянской массой, я подчеркнул, что некоторые из товарищей колеблются совершить налет на наших убийц. Я же лично считаю, что они не поняли всю ту глубину моего предложения, которая лишь со стороны и лишь позже может быть понята. Я считаю, что для меня, полного сил и энергии для борьбы с палачами революции, для меня при сложившихся условиях лучше умереть в неравной, но решительной схватке с этими палачами на глазах терзаемого ими трудового народа и этой своей смертью показать народу, как крестьянские революционные сыны умирают за свою и его, трудового народа, свободу, чем сидеть в лесу и ожидать, пока придут буржуазные сынки и наемные убийцы и уничтожат нас.

С главными положениями речи согласились и многие крестьяне, убежавшие из села в лес и группировавшиеся возле нас. Вооруженным одиночкам повстанцам и товарищу Щусю ничего не оставалось больше делать, как только или сейчас же подкрепить чем-либо новым свое несогласие и уйти от нас, или же целиком принять мое предложение, принятое почти всеми, и активно принять участие в обсуждении технических сторон дела.

Щусь был искренним и прямым борцом за народ. Он не мог отойти от нас. И он в конце концов согласился на налет.

Тогда все присутствующие вооруженные и невооруженные крестьяне заявили мне: «Мы с вами, товарищ Махно!»

И вот здесь-то, на полянке Дибривского леса, я впервые от всех присутствующих крестьян услышал:

— Отныне ты наш украинский Б а т ь к о, и мы умрем вместе с тобою. Веди нас в село против врага!

Нужно было быть революционером анархической ориентации, чтобы не увлечься и не пасть перед тем, чем тебя по наивности, но с открытой душой, честно и с глубокой верой масса тружеников награждала. Кажется, я таковым был. Кажется, все мои действия подтверждают это...

Мы, инициаторы и организаторы, быстро обменялись мыслями о том, кто из нас, с какими силами и с какой стороны села пойдет на этот «безумный» по своей отваге налет. И я тут же дал товарищу Щусю с несколькими бойцами при одном пулемете «максим» распоряжение, согласно которому он должен был выполнить задачу обходного характера и быть в указанном месте как раз в то время, когда я, Каретник, Марченко и Лютый со всеми остальными бойцами атакуем наших врагов.

ДИБРИВСКИЙ БОЙ. РОЛЬ ДИБРИВСКИХ КРЕСТЬЯН В НЕМ. ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТОГО БОЯ

Итак, налет на вступившие в село контрреволюционные войска мы сделаем теми силами, которые были выбраны Каретником, Марченко и Лютым из всего нашего объединенного отряда. А Щусь частью отряда окажет нам помощь с совершенно неподозреваемой неприятелем стороны, и налет закончится с полным успехом. Так представлял я себе его результаты, не скрывая этого перед всеми бойцами в последнюю минуту раздела их на две группы и прощания друг с другом.

Товарищ Каретник был угрюм, но определенно соглашался с этим тоже. И наконец товарищ Щусь, уходя от нас, сказал мне: — А дело наше все-таки будет выиграно! Я вижу это по настроению товарищей повстанцев.

— Ваше мнение, товарищ Щусь, меня очень радует, — ответил я ему, и мы разошлись: товарищ Щусь в одном направлении, а я с главными силами в другом. В группе, шедшей со мною, было два пулемета «люйса». Это для уличного боя тоже было хорошо.

— Пулеметы, бомбы, винтовки с хорошим запасом пуль — все это хорошо, а вот людей-то маловато, — сказал мне теперь только Семен Каретник.

На это я ему ничего не ответил. Мы рассыпались цепью и шли вместе с бойцами через дворы, перелезая, часто с затруднением, через заборы и загаты (соломенные загороди), теперь уже молча, в направлении расположения неприятеля. На пути, чуть не в каждом квартале, на улице или во дворах, нас встречали крестьяне и крестьянки сами или подсылали своих взрослых детей и говорили нам сквозь слезы:

— Куда ви идете, їх, ворогів вашіх, багато. Ви загинете...

Но никто из нас не смущался. Мы были уже все в роли непреклонных мстителей и только просили крестьян:

— Если вы боитесь за нашу судьбу, то оставьте нас в покое, не внушайте нам тревоги!

А сами, скрепя сердце и заглушая в себе все тревожные мысли, шли все вперед и вперед.

Таким образом мы достигли предпоследней улицы от площади, где стояли сознательные и бессознательные наши враги. В это время со стороны одна из крестьянок подскочила к нам и крикнула, указывая на бегущую сзади нас женщину, которая, крадучись от нас, старалась проскочить вперед на ту же площадь:

— Задержите, задержите эту женщину скорее! Это любовница одного из вартовых. Она бежит сообщить ему, что вы наступаете!..

Не видя, что делается впереди, и я, и Каретник, и ряд шедших за нами товарищей бросились в погону за этой женщиной. С трудом нагнали ее. Но она уже начала кричать:

— Банды Щуся наступают! Банды вот недалеко наступают!.. Товарищ Марченко не сдержал себя и ударил ее по голове револьвером. Я крикнул друзьям:

— Завяжите ей рот и тащите к отряду!

А сам схватил товарища Марченко за руку и быстро побежал обратно к отряду, еле дыша. И когда подскочил к крайним товарищам, я почти сквозь зубы им крикнул:

— Передавайте по цепи, чтобы быстро продвигались во дворы последней улицы от базара! Иначе опоздаем...

Через пять минут мы все выглядывали из дворов на церковную площадь и осторожно, по одному проскакивали на базар под лавочки. Здесь я в последний раз сказал своими друзьям-повстанцам:

— Ну, мы в руках смерти. Кто из нас окажется наиболее отважным, того она не возьмет, тот с нею в силах еще сразиться. Будем же, друзья, безумно отважными, этого требует наше дело!

Я тут же расставил смельчаков, очутившихся со мною под лавочками, цепью. Сам с товарищем Лютым подполз под лавочкой на сторону, откуда видны были почти все силы напавших на нас австрийцев, помещиков и кулаков. Из австрийских солдат кое-кто сидел, а большая часть лежала. Пулеметы стояли прикрытые брезентиками. А помещики и кулаки с винтовками и централками за плечами сустились чего-то, расхаживая по три и пять человек вместе взад и вперед.

Я сейчас же вылез из-под лавочки обратно к бойцам. Здесь меня поджидал человек с донесением от Щуся. От него я узнал, что товарищ Щусь с группой повстанцев уже на своем месте. Возле него группируются крестьяне.

Ни слова не отвечая Щусю (план действия не изменен), я махнул рукой в сторону наших людей, оставленных по дворам вокруг площади, чтобы они перебежали ко мне, а к занимавшим позиции при мне по-над базарными лавочками обратился с вопросом, готовы ли к атаке, и тут же подал команду:

— Огонь!

Вследствие того что австрийцы и помещичьи отряды находились от нас всего в 80—100 шагах, наш огонь был настолько меток, что эти непрошеные пришельцы не успевали сразу стрелять в нашу сторону. Увидев это, я крикнул, обращаясь к бойцам:

— В атаку! Ура!

И мы все бросились в атаку на врагов. В это же время отряд с товарищем Щусем во главе открыл сильный пулеметный и оружейный огонь по врагам справа. И наши враги бросились панически бежать в сторону села Покровского, кто по улицам, кто через дворы села, оставив нам пулеметы, массу винтовок с большим запасом патронов и больше 20 хороших подседленных кавалерийских лошадей.

Убегая, враги наши кое-где зажигали крестьянские дома и все, что быстро могло воспламениться в дворах. Часть кулаков и вар-

товых бросилась в сторону речки Волчьей. Здесь наши льюисисты их загнали в речку. Зрелище неописуемое! Эти господа бросают свои винтовки и централки и, захлебываясь водой, стараются спастись через речку вплавь.

Трудовое население села зашевелилось, точно муравейник. Крестьяне и отважные крестьянки выскакивали из своих дворов с вилами, лопатами, топорами, ружьями и беспощадно убивали панически убежавших мимо них солдат австрийской армии, гетманских вартовых, кулаков. Нашлись среди крестьян и такие, которые выскочили на своих лошадях с вилами или железными лопатами в руках и окружали врагов в поле, стараясь заградить им путь бегства, чтобы наши пулеметчики скорее могли их настичать на удобных для огня равнинах и беспощадно косить.

В этот грозный час для наших убийц, пришедших в село, чтобы раздавить нас, чтобы покарать революционных тружеников села, а после ограбить их, забрать у них посредством контрибуции жалкие их копейки, набрать скота, нажраться до отвала, побить все в домах и затем с раскрасневшимися от звериного напряжения инстинктов лицами, с песней победителей идти далее, в другие села и деревушки, издеваться над правом и жизнью тружеников, — в этот грозный для этих сознательных и бессознательных палачей революции час впереди не видно было пути отступления. Они бежали в направлении села Покровское, а попадали совершенно в другие села. Так, например, многих австрийцев и грозных «мадьяр» из их отряда крестьяне встречали под Успенровкой, под Гулай-Полем и даже под Времьевкой, район которой был очень неподходящим, чтобы в него отступать. Встречали их крестьяне всех почти босыми, без винтовок, без мундиров и... без шапок. И когда их спрашивали: «Пан, где твоя одежда и оружие?», то получали ответ: «Там, на Махна». (Это значило: «Махно отобрал».)

Так, неожиданным для врагов, внезапным и смелым налетом мы выбили из села этих пришельцев-убийц и преследовали их жестоко. Мы хотели показать не только им одним, но и тем, кто их прислал, что преданнейшие сыны революционного крестьянства — крестьяне-революционеры — бывают сентиментальны и могут нянчиться со слепыми исполнителями палаческого дела над революцией лишь тогда, когда они по ошибке думают, что сознательные, а главное, и бессознательные палачи могут опомниться и остановиться перед своим черным делом. Но когда находятся среди крестьян лица, которые быстро освобождаются сами от этих наивных иллюзий и жертвуют собою во имя того, чтобы помочь освободиться от этих иллюзий и другим своим братьям, тогда к сентиментальности подходят более серьезно и в зависимости от реальных обстоятельств. Тогда всенародное революционное дело, судьба и воля трудящихся в практической борьбе за него ставятся несравненно выше жизни палачей, даже бессознательных. Тогда они должны умереть наряду с сознательными палачами. Это — закон борьбы, к которой я долгие

годы готовил сам себя и к которой подготавливал более слабых волею, чем я.

Вот почему мы так жестоко атаквали и преследовали в этом дибривском бою австрийских солдат, гетманских вартовых и разнородную по своему социальному положению буржуазию, съехавшуюся на помощь австрийским солдатам и вартовым.

* * *

Итак, бой кончен с большим успехом для нас. Теперь только, возвращаясь с поля, я обратил внимание на село, в котором девять крестьянских дворов, зажженных разбитыми врагами при отступлении, совсем уже догорали. Их, оказалось, никто не спасал, не тушил. Крестьяне почти все были за селом. Они стягивали сюда пленных австрийцев и вартовых и, избивая их, приговаривали:

— Коли ми вже здихаємося вас, паршиві ві свині...

И хорошо, что я наткнулся на них как раз в тот момент, когда они поймали человек 20—25 из убежавших австрийских солдат и вартовых и, уже раздев и кое-кого из них избив, готовились линчевать их всех.

С трудом отстоял я этих теперь несчастных и сделавшихся жалкими жертв от линчевания и, не отходя от них, провел их в центр села. Здесь пришлось им готовить ужин, накормить, раненых перевязать и всех под охраной повстанцев-кавалеристов ночью вывести за село, наказав, чтобы больше не шли против революции или по крайней мере чтобы больше не попадались нам. Затем их пустили по дороге на село Малую Михайловку, недалеко от которой находится станция Просяная, где, по данным крестьян, находились австрийские штабы.

Вартовых же гетманской службы, в особенности если они были из среды крестьян или рабочих, неоднократно уже призывавшихся нами к тому, чтобы бросить эту полицейскую службу и бороться против гетманщины, решено было уничтожить как подлых и неисправимых изменников. Все захваченные вартовые были самими же повстанцами дибривчанами расстреляны. Вместе с ними была расстреляна и любовница начальника варты, которая во время нашего наступления бежала сообщить варте, что наступают «банды Щуся».

После боя был устроен огромный митинг для населения и для вооруженных повстанцев нашего отряда. Я провел его с особым воодушевлением, зовя крестьян, в особенности съехавшихся из района, ни часу не оставаться без дела в селе Дибривки, а, разъехавшись по своим деревням, собирать везде лучшие, революции преданные крестьянские трудовые силы и вместе с ними, не боясь того, что их могут постигнуть на первых порах неудачи, восставать против своих врагов и насильников.

После митинга, казалось, последнее дело, входившее в задачу дня, было сделано. Я со своими близкими Исидором Лютым, Мар-

ченко, Каретником, Щусем и другими, а также с рядом крестьян, представителей от села вместе поужинали. Товарищ Щусь и Петр Петренко были в полном восторге от успешного налета. Они готовы были держать меня в своих объятиях до утра и расспрашивать, что предполагаю я сказать им завтра, когда наступит день и перед нами встанут новые задачи.

Не помню точно, что я им отвечал. Но помню, я просил их как самых близких и дорогих людей, к тому же хорошо знавших все подступы к селу, по которым враги революции могли подвести свои силы и атаковать нас врасплох, чтобы они позаботились понаблюдать за этими подступами серьезнейшим образом сами, не надеясь на других, именно в эту ночь.

Потом в сопровождении товарища Лютого я ушел в помещение Совета и опять улегся на стол, на сей раз не раздеваясь и не снимая с себя оружие. Как только улегся, сразу же заснул мертвецким сном.

* * *

В день нашего партизанского налета в Дибривках было не так уж много крестьян из района. Но наутро следующего дня крестьяне стали съезжаться со всех концов. Ряды наших вооруженных сил начали пополняться с невероятной быстротой. Притом пополнялись они крестьянами, которые готовы были каждую минуту оставить, если нужно, свой район и уехать с нами куда угодно, целиком подчиняясь нашим организационным и боевым условиям.

И теперь уже приложенное к моей фамилии слово «*Б а т ь к о*» не сходило с уст старых и малых крестьян, обывателей и революционных отрядов. Мне лично казалось и странным, и неудобным слышать обращение ко мне крестьян и повстанцев вместо «товарищ Махно» «*Батько Махно*», а иногда — «товарищ Батько Махно». Но эпитет «Батько» помимо моей воли прилип к моей фамилии, начиная с дня событий в селе Больше-Михайловка (Дибривки). Он стал передаваться крестьянами, крестьянками и даже детьми из уст в уста: в домах, в семьях, на улицах и собраниях. Слово *Батько Махно* сделалось единым, нераздельным словом в устах крестьянской массы. С каким-то особенным уважением и малопонятными для меня любовью и гордостью оно передавалось крестьянами из деревни в деревню по всей почти Левобережной Украине. Подхватывалось оно и всеми решительно революционными повстанцами, и их отрядами, о многих из которых я, до присылки ими в штаб движения своих постановлений именоваться «отрядами имени Батька Махно» и всецело подчиняться его штабу, ничего не слышал и не знал вообще, что они существуют.

Я часто спрашивал себя: честно ли допускать до того, чтобы меня так возвышали, чтобы передо мною же мои братья-труженики мною так благодарственно восторгались, подчеркивая этим, что они

видят во мне человека, неизменно преданного им, и сами искренно во всем доверяют мне?

Часто, как еще часто, в эти же дни и в последующие за ними месяцы я говорил об этом со своими лучшими друзьями в движении. И они мне говорили: «За вами идут массы! Они дали вам это имя и вы его не отбрасывайте. Задачи организуемого нами повстанческого движения слишком серьезны. Через ваше имя и наши общие революционные действия нужно завоевать у масс доверие полностью и так же полностью его оправдать. Крестьяне верят вам. Они вам доверяют, потому что вы не стремитесь властвовать над ними. Нужно только стараться, чтобы через это их доверие найти пути подлинного практического выражения для нашего движения». Эти соображения меня успокаивали.

* * *

Две ночи и день прошли спокойно. Многие из нас, чувствуя себя победителями в дибривском бою, жили это время с приподнятым настроением. А то, что «всемогущий» враг не наступал это время, давало право некоторым из нас подумывать даже о наступлении на него.

На следующее утро решено было выехать из Дибривок. Но ввиду того что к нам со всех концов начали съезжаться крестьяне, чтобы записаться в отряд и бороться против власти немецко-австрийского юнкерства и гетмана, мы отложили свой отъезд еще на сутки. Это заставило меня, тревожившегося за становившееся уже опасным наше пребывание в Дибривках (я знал, что враги стягивают в районе большие силы), теперь уже самому объехать все заставы вокруг села, кое-какие из них усилить, а кое-где поставить новые. А затем я пригласил с собою прапорщика войны крестьянина Петренко в качестве «военного эксперта» и выехал к лесу, чтобы осмотреть его окружение и наметить на всякий случай более или менее удобную для отряда позицию.

Отъезд мой занял у меня около трех часов времени. За это время наши наблюдатели и конные разведчики открыли наступление наших врагов в двух направлениях, что заставило меня поспешить возвратиться в село.

Но на обратном пути в село меня встретил почти весь наш отряд, который, сняв все свои заставы и оставив центр села, мчался на своих легких тачанках и бешеных конях к воротам леса.

Здесь я подробно узнал о наступлении на село врагов. Наша кавалерия в 35—40 человек под руководством Марченко и Каретника и с поддержкой пулеметной команды выскочила было навстречу неприятелю, но, отдав себе отчет в его силах, возвращалась к воротам леса.

Теперь я видел перед собою почти всех друзей несколько расстроенными. Я хотел было подтронуть кое над кем из них, желавших не так давно наступать на врагов, но выстрелы и разрывы

снарядов со стороны врага помешали. Я, глубоко вздохнувши, сказал:

— Направляйтесь все в такую-то часть леса, — и приказал кучеру повернуть своих лошадей и ехать вслед за ними.

Тем временем, что мы пробирались по селу к лесу, австрийское командование установило другую батарею и открыло бешеный огонь по селу, бросив одновременно, на обхват села и леса, с одной стороны — с батальон пехоты при эскадроне кавалерии, а с другой — с батальон пехоты и два-три эскадрона кавалерии.

В то же время показались тянувшиеся к ним на помощь со всех концов Дибривского района многочисленные мелкие помещичьи и кулацкие отрядики и отряды гетманской варты. Тянулись эти отряды и отрядики уверенно и торопливо, не задерживаясь в селе, прямо к лесу, напевая:

Возьмем Щуса и Махно
И порядок наведем!
Мы — отважные гетманцы.
Все разрушим, все сождем!..

Мы все сознавали теперь, что бессильны этим силам дать отпор. Тем не менее, не теряя ни одной минуты на излишние в такие моменты разговоры, совещания и пересовещания, мы заняли с двух сторон леса позиции, с которых нас можно было выбить врагам лишь в том случае, если бы мы совсем не имели патронов и не хотели бы защищаться. Другие же стороны леса защищались двумя глубокими в этом месте речками: Каменкой и Волчьею. Следовательно, эти стороны нашего расположения требовали от нас не устройства позиции на них, а лишь наблюдения за ними при помощи незначительных вооруженных сил.

Регулярные австрийские части несколько раз, наступая на лес, пытались сбить нас с наших позиций. Но мы каждый раз легко заставляли их своим огнем или убегать в улицы села, или же ложиться и, прижимаясь к земле, не подыматься, когда им этого хотелось бы.

Отряды же гетманской варты и помещичьи, видя, что регулярные части не могут овладеть входами в лес, даже не пытались атаковать наши позиции. Они лишь издали беспорядочно обстреливали их.

День приближался к вечеру.

Крестьяне целыми семьями непрерывно бегут из села: одни — в лес, другие на подводах стараются убежать в какое-либо из соседних сел. Австрийские войска и гетманцы одних из убегающих крестьян заворачивают назад, в село, у других лишь забирают лошадей, а их пускают, третьих избивают прикладами, иных кладут на землю и портят шомполами и плетьюми, а кое-кого и пристреливают на месте. Нам с нашей позиции хорошо видны все эти надругательства над крестьянами. Хочется броситься на убийц, но нет нужных сил.

Мы ничем не могли помочь в этот час своим друзьям и братьям. В то время как одни убийцы творили свое черное дело за селом над жизнями убежавших крестьян, крестьянок и их детей, другие силы наступавших убийц орудовали в селе. Они ходили группами из двора во двор с факелами в руках и зажигали крестьянские дворы подряд. Село превратилось в сплошное огнище, в величайший костер.

Солнце было на заходе. Огромное село горело. Теперь враги перевели огонь одной из батарей с села на лес и нащупывали наше расположение снарядами беспорядочно учащенным огнем, раскидывая их по всему почти лесу.

А когда солнце совсем зашло и наступили сумерки, они перевели на лес огонь и другой своей батареей, пустив теперь и все пехотные свои части на окружение леса со стороны, нами защищаемой.

Однако врагам нашим не везло главным образом потому, что они поспешили зажечь село. Им следовало дожидаться ночи и в темную ночь атаковать наши позиции. В сущности, они этой ночи и дожидались, убедившись в дневных своих атаках, что им нас с наших позиций ни за что днем не сбить. Теперь же, когда наступили сумерки, они оказались в том же положении, ибо сумерки были где-то далеко-далеко от села Дибривки; в селе же, около него, как и в самом лесу, от пылавшего, зловеще подпрыгивавшего до неба пламени, охватившего село, был тот же день. Мы по-прежнему при каждой попытке австрийских солдат или помещичьих и кулацких отрядов приблизиться к нашим позициям давали им должный отпор.

Но вот вдруг один, а вскорости другой и третий батарейный залп попадает в нашу цепь и кое-кого из нас разрывает или зацепляет не очень-то приятными гранатными осколками. Задевает Щуся, меня и Исидора Лютого. К счастью, меня зацепили эти осколки совсем легко; Щуся и Лютого серьезней. Мы с помощью Каретника и Петренко и по их настоянию затушевали перед остальными бойцами наше ранение, объяснив, что нас лишь воздухом опрокинуло, и не настолько сильно, чтобы мы не могли оставаться на позиции. Однако, ввиду нашего ранения, я, узнав от товарища Щуся, в каких местах наиболее надежно можно перебраться через речку Каменку, не отдаляясь далеко от леса, тут же распорядился сняться всему отряду с позиции и тихо, не разговаривая и не подымая паники, выехать из леса, чтобы переправиться как можно скорее через речку Каменку и вдоль ее держать путь на село Гавриловку.

Крестьяне и крестьянки, убежавшие днем из села и все время находившиеся возле нас, увидев наш выход из леса, несколько засуетились. Они хотели, чтобы мы оставались в лесу. Мы их просили не падать духом, клялись перед ними, что весь тот кровавый ужас, который наши враги учинили над селом Дибривки и над его населением, не сегодня завтра

обернется против них. Не сегодня завтра мы все вооружимся против них средствами, соответствующими их действиям против нас и всего трудового населения. Мы просили крестьян терпеть и готовиться к полной поддержке нашей организации в этом направлении.

Тяжело было нам расставаться с ними, этими тружениками села Дибривки. Они группами окружали меня, Щуся, Каретника и Петренко и, простирая к нам руки, просили нас:

— Дайте нам оружие, мы сейчас же пойдем с вами. Мы сейчас всею душою с вами и готовы так же, как и вы, драться и умереть вместе с вами за свободу...

Оружия у нас не было. Теперь только встал передо мною вполне ясно вопрос о собирании оружия. И мы чуть не со слезами на глазах принуждены были оставить всех этих крестьян в лесу и только с боевыми силами выезжать из леса.

Глава IX

В ПУТИ ПО ДИБРИВСКОМУ И ДРУГИМ РАЙОНАМ

Мы выехали из леса и перебрались через речку, не замеченные нашими врагами. Быстро привели мы в порядок отряд, подсчитали раненых и убитых. Затем медленно двинулись вслед за нашей конной и пешей разведкой, которая осматривала каждый кустик, каждую горку, каждую балочку и этим предохраняла весь отряд от засад и внезапных нападений со стороны врагов. Огнище пожара, охватившего село Дибривки, делая ночь днем, помогало разведке своевременно останавливать отряд, иногда свертывать с дороги и двигаться между кустами, вне дороги, но в направлении, отводившем нас от леса и от горевшего села, окруженного со всех сторон врагами.

Так мы добрались до села Гавриловки, расположенного в 12—15 верстах от Дибривок.

Село Гавриловка также освещалось огнем дибривского пожара, и это не давало покоя гавриловскому населению. Оно все вышло из своих дворов на улицы села и, направив взоры в сторону Дибривок, обменивалось мнениями об ужасе, постигшем Дибривки. А когда наш отряд, узнав, что в селе нет гетманской варты, въехал в улицы села и остановился, все население бросилось к нам с расспросами о том, кто мы такие, кем и против кого ведется артиллерийская стрельба в Дибривках?

Отряду было сделано распоряжение перед въездом в село говорить населению, что мы губернияльна державна варт¹, и спрашивать у крестьян, не бежали ли через село «банды» Махно и Щуся.

¹ Губернская государственная стража (полиция).

Такое наше заявление о себе и такие расспросы сразу же отпугнули от нас сознательное трудовое население села. На всех улицах нам отвечали одно и то же:

— Мы таких банд не знаем и о них ничего не слышали.

Но, отвечая на наши расспросы, крестьяне тут же ставили нам свои вопросы:

— А что это горит в направлении дибривского леса? Кто устроил это страшное пожарище? Что за стрельба, с чьей стороны и против кого слышится оттуда?

И когда повстанцы отвечали им на вопросы, «що це ми, губерніяльна державна варта, та наші добрі спільники, німці та австрійці, запалили село Дібрівкі й що то наші гармати бухкають по лісі, куди втікли банди Махна та Щусь з підтримуваними їх злиденними селянами та селянками, котрі лютують проти батька всієї України ясеневельможного пана гетьмана та проти його закону» и т.д. и т.д., некоторые из крестьян злорадно повествовали нам:

— Ага, отак им і треба! Там десь і наші сини поїхали допомогти владі побороти дібрічан, котрі об'єдналися міцно до купи і весь час нас лають за те, що влада німців та батька гетьмана повернула нам відібранну від нас революцією землю та инвентарь...

Большая же часть, а именно трудовая часть крестьянства, волнуясь и тяжело вздыхая, почти сквозь слезы спрашивала нас своими многочисленными голосами:

— Братіки, та скажите же правду, та невже ж ото так таки й запалили все село? А де ж ділися селянки зі своїми дітками? Та це ж не можливо, це ж прямо вбивство...

И некоторые из них, чувствовалось, от злости и ненависти плакали, пытаясь прямо сказать нам, что мы им врем, что это злодеяние совершили не мы над Дибривками...

После долгих объяснений с ними они прямо сказали мне:

— Та ви ж, дорогеньки, не голова державно варті, виє Батько Махно, а от біля вас товарищ Щусь.

Далее скрывать от них имя отряда и свое я не стал. Я тут же распорядился похватать всех кулаков, «диты» которых поехали под Дибривский лес помогать власти немцев и гетмана издеваться над революционным крестьянством, и потребовать от них оружие, которым, я знал, гетманские и в особенности немецко-австрийские карательные отряды их щедро вооружали, надеясь найти себе в них лучшую опору по борьбе с революцией.

Кулаки были схвачены, и от них было потребовано оружие. Те, кто отдавал оружие, и патроны к нему находились, тех сами бойцы, которым они лгали и удержать которых от мести в эти часы никто не мог, расстреливали. Если же таковых приводили в штаб отряда, — перед которым наиболее ярко вырисовывалась роль кулаков в сожжении села Дибривок (а оно все еще пылало и напоминало нам о себе, о своих перебитых, убитых и изнасилованных жителях), то штаб — ни над чем другим в эти часы не задумываясь, как только над тем, чтобы дать озверевшим врагам почувствовать,

что час расплаты настал, что с ними сентиментальничать никто из революционных борцов-крестьян не намерен, что их злодеяния над революцией не пройдут им безнаказанно, — штаб распорядился расстреливать их тут же, на улицах села.

Смерть! Смерть! Смерть за смерть каждого революционера, смерть за каждую изнасилованную крестьянку должна постигать каждого немецкого и австрийского солдата и офицера, гетманского вартового или кулацкого сына, действующего вооруженно или наминающего других драться против революции.

Таким был наш первый лозунг в тяжелой и неравной борьбе против не прощенных крестьянами хозяев-убийц, казвивших революцию и попиравших права трудящихся на землю, на хлеб и волю.

Этот лозунг продиктован был нам не кабинетными размышлениями людей, стоявших в стороне от практики, резавшей все схемы и планы, построенные этими размышлениями; он был продиктован реальностью фактов, согласно которым помещики и все кулачье под организационным предводительством немецко-австрийского юнкерства группировали свои контрреволюционные силы против великой Русской Революции и подымавшейся Украинской Революции.

Минутами казалось, что такое отношение наше к помещикам и кулакам, к их главной опоре — контрреволюционным немецко-австрийским армиям нужно серьезнейшим образом пересмотреть. Но в эту ночь нашего отступления из-под Дибривок горело село Дибривки, зажженное австрийскими солдатами, помещиками и кулаками. И в селе Гавриловке нами зажигались и разгорались дворы всех кулаков, которые сами уехали или послали своих сыновей «карать» дибривских тружеников-крестьян, сжигать их дома, вылавливать и уничтожать крестьянские революционные отряды и т.д.

Момент для пересмотра вопроса о том, как наши революционные отряды должны относиться к помещикам и кулакам, ведущим вооруженную борьбу против революции, был неподходящим.

Мы снялись из села Гавриловки и направились в село Ивановку. И в этом селе, узнав, кто из кулаков выехал на помощь властям разбить дибривчан, сжечь их дома, поиздеваться над ними и над их стремлением освободиться от непрошенных хозяев и властелинов, мы также зажгли их дома и постройки во дворах, забрали нужные нам подводы и лошадей.

Отсюда мы направились в одну из помещичьих усадеб, расположенную в четырех верстах от села Ивановки, чтобы накормить лошадей и урвать время посоветоваться о дальнейшем нашем пути. Кроме того, все мы были очень уставшими, и нам необходим был хоть маленький отдых.

**НАША ОСТАНОВКА В ПОМЕЩИЧЬЕМ ИМЕНИИ
И ДАЛЬНЕЙШИЙ ПУТЬ ПО РАЙОНАМ.
НАШИ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ ПОМЕЩИКОВ И
КУЛАКОВ — УЧАСТНИКОВ НАПАДЕНИЯ НА ДИБРИВКИ**

Подъехав к имению барина, наша кавалерия оцепила его и расспросила батраков-сторожей, дома ли «барин» и вся его семья, как он вооружен, бежал ли из имения в дни революции, когда возвратился и т.д.

Оказалось, хозяин имения не убежал. При отобрании земли и урезывании его в живом и мертвом инвентаре он оставался в имении и приучался сам работать. Но с приходом немецко-австрийской армии, с восстановлением на Украине царства гетманщины, возвратившей помещикам отобранные у крестьян силою оружия землю и инвентарь, он все это принял и живет опять по-барски, за счет батраков.

Пока разведчики выясняли через сторожей, что нам нужно было знать, в имении поднялся шум. Кое-кто из преданных барину людей бросился бежать, но неудачно: заставы их частью задержали, частью же перестреляли уже вдогонку как проскочивших заставы и не остановившихся и не отозвавшихся на оклик секреток.

По выяснении всего того, что входило в задачу разведчиков, и после случившейся неожиданности с ненужными, но по положению неизбежными жертвами отряд вступил в имение и разместился в нем.

Вступление в имение, естественно, вызвало много шума в его дворах.

Хозяин-барин в тревоге. Он выскочил с ружьем на крыльцо и начал было злобно звать к себе сторожей. Но вместо сторожей он увидел перед собой товарища Исидора Лютого, Щуся и меня. Я ему сказал:

— Не волнуйтесь и напрасно не кричите. Сторожа ваши называют нашим солдатам сараи, в которых можно было бы разместить лошадей.

Барин отвел свое ружье в сторону и, не спросив, кто мы, произнес:

— А, милости просим, господин начальник, в дом!

Исидор Лютый и Щусь расступились и дали мне дорогу вперед. Мы пошли за барином в дом. Не успели войти в залу, как он, «барин-то наш», кричит жене, детям и горничным:

— Ложитесь и спите спокойно. Это — свои люди.

И, повернувшись к нам, спрашивает:

— Правда, я не ошибаюсь, вы — военные, свои люди, вероятно, из Александровска или из Мариуполя?

— Нет, нет! Мы из Екатеринослава, державная варта, — поспешил ответить ему товарищ Щусь.

— Тем лучше. Мы имеем честь видеть в своем доме высшее начальство охраны государства, — полусухо сказал Щусю барин и в то же время побежал из зала в другую комнату.

Во время отсутствия барина из зала я попросил товарища Лютого снять с меня погоны и спрятать их. Когда барин вскочил к нам вторично в залу, я был уже без шинели и без погон. Это его несколько смутило. Но я дальше не стал уже ждать, пока он придет в себя и начнет нас расспрашивать снова. Я попросил его созвать всех обитателей этого дома в залу, чтобы я мог их предупредить кое о чем.

Барин побелел, как стенка. Ноги его задрожали, и он, расставив руки и полукрича, вот-вот разрыдается, произнес:

— Так в чем же дело, господа? Вам деньги нужны? Я вам дам их сейчас, только, ради бога, я вас умоляю, не убивайте меня! — и, всхлипывая, нагнув лицо в пол, стал перед нами на колени.

Я и товарищ Щусь подскочили к нему и, схватив его за руки, подвели его. Он весь дрожал и твердил:

— Я не шел против народа. Поверьте, что если бы не сама власть отобрала у народа землю и инвентарь, я сам никогда не пошел бы против народа...

И теперь он плакал, словно маленький мальчик.

Товарищ Лютый, зло усмехаясь над барином, над его жалкой трусостью, ни с того ни с сего выпалил:

— Батько, бросьте вы возиться с ним! Поверьте, что он с вами никогда не возился бы, а поспешил бы если не убить, то дать вам сапогом в лицо или прикладом по голове...

Я несколько укоризненно взглянул на товарища Лютого, и он замолчал.

С большим трудом я и товарищ Щусь уговорили барина перестать плакать и свести всю свою семью со всеми слугами и служанками дома в залу, чтобы я мог их предупредить, чтобы они не пытались убежать из имения и т.д.

Пока мы возились с барином, барыня давно оделась и приказала своим слугам одеться. Это ускорило дело, и вышедший за ними хозяин сразу же привел их в залу. Всем им я сказал:

— Господа, не бойтесь и не волнуйтесь. Ничто плохое вас не ожидает. Я только прошу вас всех за время нашей стоянки здесь не делать никаких попыток к бегству из имения. В противном случае имение будет сожжено, скот угоним с собою, а убегающих уничтожим, независимо от того, будут ли они сами хозяева, т.е. бары, или их рабыни — прислуги.

Прислуги по обыкновенной рабско-лакейской своей глупости, выслушав все, что я говорил, посмеивались. А одна даже заспорила с нами о том, что ей через час нужно будет готовить для «барыни» и она везде пойдет из дому и т.д.

Хозяйка долго всматривалась в нас и после того, как я сказал:

— Теперь вы все свободны, освободите нам залу, — спросила:

— Кто же вы такие, господа?

Это дало мне повод рассказать ей вкратце, что мы — враги помещиков и кулаков, враги их царя-гетмана, враги посадивших его на трон немецко-австрийских офицеров и исполняющих их распоряжения подчиненных им солдат.

— Мы, — в заключение добавил я барыне, — боремся за волю всех униженных и оскорбленных властью людей вашего, мадам, и вам подобного барского положения, силою которого воздвигаются троны дураков, вроде преступного по отношению к трудовому народу Украины гетмана Павла Скоропадского, строятся тюрьмы для того, чтобы гноить в них тех, кого ложь вашего и вам подобного барского положения делает преступниками и ворами, строятся эшафоты, чтобы казнить на них лучших по своей отваге борцов за свободу угнетенных, и вообще строится много, несравненно больше того, что можно вам, мадам, еще сказать, преступного по отношению к тем, трудом которых вы живете, за счет пота и крови которых вы и вам подобные бездельничаете и которым при малейшем вашем капризе вы находите себя вправе плевать в лицо, выгонять со службы, ничего не уплачивая или по крайней мере стараясь не платить за затраченный ими на вас до этого дня труд...

Барин сидел и плакал. Прислуг и барчат уже не было. Барыня хотела нас еще слушать, и когда услышала от меня, что нам нужно отдохнуть («будьте любезны оставить нас одних в зале»), лишь тогда она, кряхтя и краснея, начала подыматься с кресла и, став уже одной ногой за дверь, все-таки не утерпела переспросить нас:

— Так вы, господа, своей честью заверяете нас, что жизнь наша останется неприкосновенной?

— Пока вы не возьмете в руки оружие, — ответил ей товарищ Лютый.

— Ах, кстати, насчет оружия! — воскликнул товарищ Щусь и тут же, подскочив к хозяину, попросил его сию же минуту снести все огнестрельное и холодное оружие, какое имеется в доме, к нам в залу.

Барин совершенно раскис и просил Щуся сказать об этом барыне.

Товарищ Щусь нагнал за дверью барыню, прислушивавшуюся, о чем мы говорим с ее баринком, и повторил то же самое ей.

Через 20 минут все оружие: шашки, кинжалы, револьверы — было снесено к нам в залу. И теперь только мы могли покинуть дом барина и выйти во двор, чтобы повидаться с Марченко, Каретником и Петренко и посоветоваться с ними о дальнейшем нашем движении.

На дворе близилось к рассвету. Часть бойцов, раскинувшись посреди двора, мертвецки спала; другая часть охраняла место нашего расположения; третья же часть, зарезав двух барских бычков, занималась приготовлением завтрака для всего отряда.

Товарищ Петренко указал мне в сторону села Дибривок и сказал:

— А Дибривки горят, Батько.

Действительно, огромное зарево виднелось в той стороне. Я только взглянул туда, но ничего не сказал ему в ответ. Надо сказать правду, товарищ Петренко хотел услышать от меня утешительный ответ. Он был немного растерян в это время. Вместо ответа на его ко мне обращение я предложил всем встретившимся со мною, кроме дежурившего товарища Каретника, идти со мною в дом барина, в отведенную нам залу, и ложиться спать. Мы пошли в дом.

До этого, когда я со Щусем и Лютым вышли из дома барина, мы оставили у дверей залы, куда было снесено барыней оружие, часового. Барыня не утерпела и попыталась подкупить его, прося сказать ей правду: кто мы и что мы думаем сделать с ее семьей?

Все это было, конечно, пустяками. Но повстанец-часовой толкнул барыню прикладом в грудь. Она разъярилась и выхватила револьвер, но повстанец умело отбил его, ударив барыню по руке винтовкой. Теперь она находилась в истерическом состоянии.

Вся эта история нас сильно раздосадовала. Барыня не приходила в чувство нормальной женщины. Я сразу бросился к ней с извинениями за часового, но напрасно: барыня настроилась непримиримо и кричала:

— Вон из моего дома! Вон из моего имения!

Махнув на нее рукой и поставив вокруг дома часовых, мы ушли во двор и там легли, чтобы немного поспать.

* * *

Солнце взошло. Я приподнялся и невольно бросил свой взор в сторону Дибривок (25 верст расстояния). Теперь уже никакого огня отсюда не было видно. Подымались лишь черные клубы дыма, закрывая собою синеву неба и своей страшной чернотой напоминая нам вчерашний день, который не изгладится из моей памяти всю мою жизнь.

Я долго лежал и думал об этом вчерашнем дне, долго и с болью на сердце думал о том, как реагировать по отношению к нашим врагам, прямым участникам во вчерашних событиях... Однако усталость брала свое. Я повернулся на другой бок и снова уснул.

Пока я и бойцы спали, наши дежурные разведочные части, находясь в разъезде, поймали тачанку с тремя вооруженными немцами, кулаками из немецкой колонии Мариентала. Товарищ Каретник сам не решился их опросить и расстрелять. Он разбудил меня и остальных товарищей.

Я уже знал, что задержаны они нашими разведчиками под именем губернской варты, и поэтому, как только подошел к ним, я их спросил:

— Вы, бандиты, почему с оружием разъезжаете? Где были?..

— Мы не бандиты, мы ездили бить бандитов, — услышал я в ответ.

Далее я узнал от них, что они ездили в село Дибривки помогать немецко-австрийским войскам поймать Махно и Щуся и проучить дибривских крестьян, не признававших власти гетмана и немецко-австрийского командования.

— И что же, поймали вы Махно и Щуся? — спросил я их.

— Нет, не поймали мы их из-за трусости регулярных австрийских войск, — ответили мне эти «герои». — Но зато все село сожгли! — воскликнул один из них.

Я начал нервничать и постепенно становился зол. К тому же по нашим следам прибежало еще несколько человек крестьян из села Дибривок, и товарищ Щусь завел их ко мне. Они рассказали мне, что видели всех этих кулаков в селе, как они жгли их дворы, и что село почти все сожжено и догорает.

Далее я прекратил опрашивать этих немецких кулаков. Перестал и держать себя перед ними как начальник гетманской варты. Я сам сорвал с себя офицерские погоны и тут же заявил им:

— Больше говорить мне с вами, господа, не о чем. Я есть тот самый Махно, которого вы ездили в Дибривки ловить. А это, — указал я на стоявшего сбоку меня Щуся, — мой друг, Федор Щусь. Мы оба — те самые Махно и Щусь, которых вы ездили ловить, чтобы посмеяться над нами, а затем убить нас и с нами всех тех, кого вы считаете крестьянами-бунтовщиками, не признающими власти гетмана и немецко-австрийского командования над революционной страной...

Слушая меня, кулаки-колонисты судорожно согнули свои колени и упали наземь крича:

— Товарищ Махно, мы... мы пойдем с вами и будем верно служить вашему делу и вам!..

И что-то еще выкрикивали они, но я не мог уже дольше выслушивать их. Услышав их первые слова, я схватился за голову и заплакал, убегая из помещения от них и от своих друзей. Больше меня уже не интересовали ни их смерть, ни жизнь. Я видел в них дешевых и подлых негодяев и старался не видеть их.

Я выскочил из помещения без фуражки на просторный двор барской усадьбы и, точно помешанный, ходил по этому двору, нет-нет да и глядя в сторону Дибривок, откуда по-прежнему виднелись подымавшиеся черные клубы дыма, застилая собою небо... Потом я попытался остановиться, так как почувствовал в себе какие-то новые вопросы. И уже остановился, но вместо сосредоточения на этих вопросах я выхватил из кармана браунинг и совершенно безотчетно, то нажимая на курок, то целуя браунинг, приставил его к виску. Но вдруг я отчетливо почувствовал его холодное прикосновение. Во мне подымалось что-то непонятное, страшное. Я испугался сам себя и постарался увидеться с кем-либо из близких мне людей. Направляюсь к навесу, под которым отдыхал. Под навесом много бойцов уже подымалось. По пути я встретился с Каретником. Он шел сообщить мне о том, что наши разъезды поймали еще несколько тачанок с вооруженными

собственников-«хуторянами» (кулаками), возвращавшимися по домам из села Дибривки.

— А куда вы дели первых трех негодяев? — спросил я его.

— Расстреляли.

— Убейте и этих собак! Никому и никакой пощады из вооруженных врагов революции с сего дня мы не дадим!..

— Такого же мнения и я, — ответил Каретник. — Но, — добавил он, — Марченко против.

— С Марченко мы поговорим сообща. А пока скажи ему от меня: пусть он положит свою сентиментальность в карман! Он занял, кажется, сегодня дежурство по отряду. Пусть приговляет отряд к выезду по дороге на Комарь (греческое местечко).

И Семен Каретник ушел от меня. Я остался опять один, но теперь я уже не волновался. Я обдумывал цель нашего выезда. Она заключалась в том, чтобы как можно скорее облететь районы и информировать крестьянство о том, что совершила буржуазия вместе с немецко-австрийскими войсками над населением села Дибривки. За это время отряд выстраивался и поджидал последних своих разъездов.

Я подошел к отряду, поздоровался с бойцами и начал с ними беседу о нашем пути и действиях. Пока окружившие меня друзья-повстанцы выслушивали меня, к нам наши разъезды подвели еще одну тачанку с тремя вооруженными кулаками-колонистами и четвертым — связанным по рукам и ногам и избитым крестьянином из-под Дибривок. Его эти кулаки заподозрили в революционности и при своем возвращении из Дибривок взяли с собою в свою колонию для пыток.

Я закричал на своих разведчиков:

— Почему вы не разоружили их?

А кулаки отвечают мне:

— Мы свои. Нас не нужно разоружать. Мы оружие получили от властей...

Но мы их все-таки разоружили.

Избитый крестьянин меня узнал и разрыдался. Его развязали. Он рассказал нам о том, что вообще творилось палачами в Дибривках. От него мы узнали, что в селе наиболее свирепствовали немцы-колонисты из колонии Красный Кут.

Записав эту колонию и определив ее месторасположение, я предложил этому крестьянину сказать откровенно, что хочет он сделать с этими кулаками, которые его взяли на дороге под селом, избили до неузнаваемости, затем связали и везли к себе в колонию для дальнейших пыток. Крестьянин просто и ясно ответил мне:

— Они дураки. Я им ничего худого не хочу делать.

Но другие крестьяне, ранее прибежавшие к нам, его односельчане, да и вооруженные повстанцы кричали на него, обзывая его глупым и требуя кулаков в свое распоряжение. Они взяли этих кулаков и тут же отрубили им всем головы.

Тяжелая это была картина — уничтожение жизней разнуздавшихся в борьбе с революцией кулаков. Но уничтожение это было необходимо хотя бы уже потому, что не только мы, передовые застрельщики бунта и революции, перестали видеть у врагов революции какое бы то ни было идейное побуждение в борьбе с нею и начали их тем сильнее ненавидеть, но перестала видеть в них идейных врагов и широкая масса украинских труженников. Их и масса начала ненавидеть так же, как ненавидел их каждый из нас за их гнусные преступления против народа и против всего лучшего, к чему трудовая масса стремилась.

Скоро собрался весь наш отряд и мы тронулись в путь на Комарь. В последнем разогнали гетманскую варту и созвали все население на митинг. Я и товарищ Марченко выступили на этом митинге. Осветили населению нападение буржуазии и немецко-австрийских войск на село Дибривки и все то, что нападавшие учинили над населением этого села и самим селом. Потом обратились к трудовой части населения села Комарь с призывом передавать по всему Комарскому району об учиненных над дибривскими крестьянами злодеяниях и восставать с оружием в руках повсеместно, против буржуазии и ее защитников — немецко-австрийских экспедиционных армий.

В селе Комарь к отряду сразу же присоединилось несколько человек греческой крестьянской молодежи на своих лошадях

Отсюда мы направились на татарское село Богатырь и провели в нем большой митинг. Потом повернули на Большой Янисель (тоже греческое село) и Времьевку. И всюду, неся смерть гетманской варте и разрушение ее учреждениям, а также разгоняя немецко-австрийские карательные воинские части и уничтожая их штабы, мы проводили митинги, призывая крестьян, рабочих и трудовую интеллигенцию не сидеть молча и сложа руки под гнетом гетманщины, а решительно выступать самим и призывать других к выступлению против нее, беспощадно вырывая и уничтожая на этом пути все, что от нее исходит против революции и что немецко-австрийские штыки вколачивают в нашу трудовую жизнь.

Времьевские крестьяне готовы были в тот же день к открытому выступлению вместе с нами. Но не было достаточно оружия. Тогда они, не считаясь с завтрашним днем — с тем, что будет им завтра, когда мы оставим их село и выедем далее, — предложили нам вмешаться в их дела с кулаками, отобравшими у них при помощи немецко-австрийских войск завоеванные революцией и превращенные в общественное достояние мельницы и маслобойни, где теперь сымалась с крестьян большая плата за помолы и выделывание масла.

— Мы тогда отдельно созвали богатеев и кулаков и предложили им отказаться от мельниц и маслобоен в пользу всего общества, став равными и свободными членами его.

В результате серьезных и спокойных наших бесед выяснилось, что положение с этими предприятиями таково, что если хозяева и

откажутся от них в пользу общества, то все равно общество ими пользоваться не будет. Гетмано-немецко-австрийские власти скорее их закроют, чем допустят, чтобы в конкретной общественной жизни крестьянства на местах торжествовали принципы революции.

Повстанческая масса, даже ряд командиров, в особенности беднота села Времьевки, настаивала на том, чтобы взорвать и сжечь эти общественные предприятия.

— Раз, — говорили крестьяне, — власть немцев и гетмана отобрала эти предприятия от всего общества, которое завладело ими по праву завоеваний революции, и передала их опять богатым с угрозой, что если они откажутся от них в пользу общества, то она их опечатает и закроет, то пусть же их не будет совсем в нашем селе. Прогоним власть, тогда построим новые.

Такое намерение крестьян и повстанцев меня несколько встревожило. Я пошел снова на собрание, на общий сход крестьян. И на сей раз мы сообща решили установить временно, до изгнания буржуазии и ее власти, минимальную плату за помолы и выделывание масла, оставив эти предприятия в ведении их «хозяев». Одновременно мы поставили богатым, хозяевам их, на вид, что если они с этим постановлением тружеников не примирятся и, чтобы нарушить его, обратятся за силой немецко-австрийских штыков, то они в любой день заплатятся за это своими жизнями, за которыми повстанческие отряды войск имени Батько Махно всегда смогут сюда прибыть...

Хозяева предприятий поклялись, что они останутся верны народному решению и будут подчиняться ему.

Тут же, в селе Времьевке, повстанцы узнали подробности о колонии Красный Кут.

— Это — немецкая колония, — говорили крестьяне, — она вооружена с головы до ног. Она является руководящим центром борьбы кулаков и гетманцев с революционными крестьянами-бедняками. Всего несколько дней назад из этой колонии здесь разъезжали гонцы. Они собрали всю варту и многих из кулаков по всему району, куда-то увели их с собою и еще не возвратились обратно. Носятся слухи, что они выехали в какие-то другие районы воевать с повстанцами...

Для меня ясно было, куда все эти гетманские отряды выехали. Это они нас атаковывали регулярными немецко-австрийскими частями в селе Дибривках. Теперь они остались в Дибривках и грабят село или же где-либо плетутся по нашим следам, но не успевают настичь нас, отстают.

Я сказал крестьянам, что мы думаем эту колонию разоружить, и спрашивал у них, большая ли она.

— О, — зашумели крестьяне. — Вы ее не разоружите. Она хотя и небольшая, всего 60—70 дворов, но она хорошо вооружена. Люди ее — отчаянные стрелки и имеют большие запасы оружия. Они часто обучаются стрельбе из пулеметов...

— Ага, с такими хорошо и сразиться! — раздавались голоса в рядах нашего отряда. — Веди нас на эту колонию, Батько!

И мы из Времьевки взяли направление на эту колонию. В дороге я созвал командиров отряда. Мы заранее распределили роли в предстоящем деле окружения и занятия этой колонии по возможности без жертв. В два часа дня мы ее окружили и повели наступление на нее.

Колонисты только что начали съезжаться из села Дибривки по домам. Они встретили нас сильным ружейным и пулеметным огнем. Мы ответили им тем же. И скоро наша кавалерия в 35-40 человек ворвалась в колонию. Но ввиду того что жители ее засели в бойницах, специально поделанных для защиты от возможных наступлений, наша кавалерия была сразу же частью перебита, а частью выброшена метким огнем из колонии.

Ко мне подбежали командиры и просили посоветоваться, стоит ли нам эту колонию занимать. Она-де хорошо защищается и, вероятно, будет защищаться до конца. Мы напрасно потеряем много бойцов.

Я, спокойно стоя окруженный своими друзьями-помощниками, выслушал их и опять настаивал на том, что мы должны эту колонию взять. Она богата оружием. Мы должны его у нее забрать.

Командиры разъехались по своим местам. Я с Каретником, Лютым, Щусем и другими рядовыми бойцами вскочили с огорода в один двор. Овладев двором, взяли человек пять в плен и вышли с ними на улицу. Огонь и с той, и с другой стороны начал затихать. И наша кавалерия снова ворвалась в колонию. А с другой стороны ворвалась и пехота.

Таким образом колонию заняли. Но случилось нам только четыре человека колонистов. Всего мы насчитали перед собою 10 человек. Остальные — часть еще не возвратилась из своего похода на село Дибривки, а часть, возвратившаяся и теперь борющаяся с нами, попряталась. Однако мы их не искали. Колония была подвергнута обыску с целью найти оружие. Насчет же попрятавшихся колонистов я лишь предупредил командиров и повстанцев быть особенно бдительными и смотреть в оба, чтобы не быть перебитыми из-за углов.

Тем временем, пока отряд возился с обыском и забирал хороших, нужных отряду лошадей, наши заставы вокруг колонии задержали массу колонистов, съезжавшихся из-под Дибривок, из которого они с помощью регулярных немецко-австрийских войск нас выбили и которое сожгли почти все, перестреляв предварительно многих крестьян и переизнасиловав многих крестьянок.

Всех их свели в одну группу и привели ко мне вместе с подводами патронов, винтовок, седел, шашек и разного калибра немецких и австрийских бомб. Это немецко-австрийское командование наградило их за оказываемое ими его войскам содействие по борьбе с революцией.

Все подведенные ко мне «герои» борьбы с безоружным населением села Дибривки и вообще с революционным украинским населением были запыленные и до смерти перепуганные негодяи.

Хотелось посмеяться над этими сознательными и бессознательными исполнителями роли палачей. Однако мое положение, да и время мне не позволили заниматься шутками. Я спросил их лишь об одном:

— Для чего вы, господа, свозите такую массу разного оружия?

— Защищаться от всевозможных банд, — ответили они мне.

— А разве население села Дибривки — бандиты? — переспросил я их. Ответа не последовало. Все они молчали.

— Так вот, господа, — сказал я им, — ваше злодейство в отношении населения села Дибривки, в отношении революции и революционеров поставило нас, революционных повстанцев, на путь отомщения вам и вашему классу вообще, с оружием в руках действующему против революции.

Они что-то хотели мне сказать, но я ушел от них, чтобы сделать распоряжение по отряду, производившему обыск в колонии: объявить всему населению колонии выйти из нее в поле, а колонию зажечь.

Через полчаса все жители колонии и скот были выведены в поле, а колония от края до края охватывалась огнем. Легкий ветерок поспособствовал задаче. Колония быстро превратилась в сплошной костер.

И только теперь попрытавшиеся ее защитники выскакивали из своих подземных нор. Но они тут же погибали. Во всех дворах, в скирдах соломы и сена, в клунях и сараях — везде в этой колонии было попрытано множество патронов, всякого оружия, бомб. В одном дворе находились трехдюймовые снаряды. Все это теперь было охвачено сплошным огнем и с силой почти в каждом дворе взрывалось. Это не давало никакой возможности ни повстанцам вскакивать в колонию, в ее дворы, чтобы переловить защитников ее, ни этим последним выскочить в те стороны, где не было повстанцев. Защитники ее начали стреляться, и, кажется, все пострелялись, или же были убиты тем, что они приготавливали для убийства других.

Находившееся в поле население колонии Красный Кут спрашивало у повстанцев:

— Куда вы нас увезете?

Повстанцы им отвечали:

— Мы вас никуда не повезем. Все вы свободны. От вас, вероятно, часовые сейчас отзовутся, и вы, — советовали им повстанцы, — идите себе туда, куда пошли дибривские крестьяне и крестьянки со своими детьми. И делайте вы то же, что будут делать они, дибривские крестьяне и крестьянки, над которыми ваши отцы, мужья и сыновья грубо посмеялись, которых ваши отцы, мужья и сыновья частью избили, частью переизнасиловали, а хаты сожгли...

Услышав этот грубоватый, но, по существу, справедливый ответ повстанцев, я подошел поближе к этой группе жителей, среди которых большинство были женщины, и, извинившись перед ними

за то, что мы не нашли данных, чтобы можно было их колонию оставить в неприкосновенности, добавил к совету повстанцев:

— Да, да, повстанцы правильно вам сказали, куда вам идти. Указанный ими путь сроднит вас всех с трудовым крестьянством. Идите странствовать и временно, до торжества революции, быть может, страдать. Но своим, близким вам из буржуазного класса, говорите откровенно, за что мы сожгли ваши богатые дворы, за что уничтожаются жизни ваших отцов, мужей и сыновей. Рассказывайте им правду и внушайте всем вашим близким, поддерживающим гетмана и немецко-австрийское юнкерство в их преступлениях против трудящихся, что на эти их преступления лучшие сыны трудового крестьянства обратили должное внимание. Эти их преступления вызовут небывалую в мире месть украинских тружеников всей буржуазии под нашим организационным руководством. Никто и ничто ее от этого не спасет, если она своевременно не опомнится и добровольно не откажется от своего господского положения в стране.

Жители колонии пошли в направлении других колоний и кулацких хуторов. Больно было смотреть на их растянувшееся вереницею шествие. Но иначе поступить в отношении колонии Красный Кут мы не могли. Мы не могли оставить ее в неприкосновенности. Мы должны были уничтожить эту колонию вместе с той частью ее хозяев, которая, не будучи никем принужденно мобилизованной, а ради одного только удовольствия поиздеваться над революционным крестьянством, бросила своих жен и детей, бросила свои домашние работы и, взяв в руки оружие, поехала под село Дибривки помогать экспедиционным войскам убивать его трудовое население.

Уничтожением этой колонии и последовательно ряда других кулацких хуторов по возможности вместе с их хозяевами, прямыми участниками в сожжении села Дибривки, в издевательствах над его жителями, в убийстве лучших из молодежи, мы должны были сделать последнее наше предупреждение буржуазии. Мы должны были дать ей знать, что мы, революционные крестьяне, взяли за оружие с целью решительной и полной победы над нею, над ее строем и политическими режимами; что на этом пути мы ни перед чем не остановимся; что чем больше буржуазия допустит кровавых ужасов и уничтожающих села пожаров в целях удержания за собою власти произвола и подлости в отношении трудовой части украинского народа, тем с большей ожесточенностью мы будем ее атаковать со всех сторон, на всех путях, уничтожая и ее самое, и ее усадьбы...

* * *

Итак, жители колонии Красный Кут в большинстве своем ушли. Ушли в другие колонии, в другие хутора района. Вслед за ними была опрошена и отпущена часть схваченных во время боя и на заставах. Часть же, в особенности из тех «героев», которые были

схвачены на заставах с запасами вооружения и снаряжения, полученными ими от австро-немецких штабов после выхода на село Дибривки, была тут же расстреляна...

Теперь наш отряд был пополнен лучшими свежими лошадьми, тачанками и боевым снаряжением. Двинувшись в обход вокруг колонии с целью удалиться от пылавшего костра, он вытягивался на прямую дорогу, в сторону Фесуновских хуторов. Это были хутора крупных собственников-землевладельцев, которые почти все вместе с колонистами нападали на нас в селе Дибривки. Так же как и краснокутцы, при занятии этого села они жестоко расправлялись с трудовой частью его населения; так же как и краснокутцы, ходили с факелами из двора во двор и поджигали.

По показаниям краснокутцев, задержанных нами под колонией, хуторяне эти оставались еще где-то под селом Дибривки. Но это было утром. Теперь же время подходило к вечеру. Они, должно быть, только-только съезжаются и готовятся к хорошему ужину в виде тризны победителей. Ни я, ни штаб, ни отряд не могли исключить их из списка лиц, подлежащих беспощадному уничтожению как немедленному, по свежим следам, возмездия за их кровавые действия против крестьян.

Я сказал Каретнику и Щусю:

— Поспешим на эти хутора, чтобы заскочить в них, к их хозяевам, в хороший вечерний час, словно гости, без которых, по крестьянскому обычаю, добрый хозяин сам не сядет за стол. Поспешим, чтобы хозяева этих хуторов не успели сделать этот первый вечер своего возвращения из похода на Дибривки вечером ликования для себя и для прилегающих хуторов. Уничтожим эти подлые гнезда, выращивающие в себе силы позора и преступления на свободной земле!..

— Отряд уже вытянулся, — ответил мне Каретник и позвал коноводов с лошадьми.

Мы все, словно сговорившись, разом сели на коней и тронулись в путь по следам ушедшего под горку отряда.

Вдруг слышим позади нас крик:

— Стойте! Стойте!

Оглянулись мы и увидели крестьянскую бричку. С нее соскочило три человека крестьян. Оставив лошадей на зятанутых вожжах, они бежали к нам, крича:

— Мы к Батьке Махно. Батько Махно нам нужен!

Товарищ Щусь их узнал и, сказавши мне: «Это дибривские дядьки», бросился к ним спросить их, в чем дело.

— Мы к нему, к Батьке Махно, с хлебом-солью и с миром приехали, — ответили они товарищу Щусю. Щусь подвел их ближе ко мне. Снявши шапки, они поздоровались со мною. Затем один из них подошел вплотную к моему коню и подал мне большую крестьянскую паляницу (хлеб) фунтов в семь весом с воткнутым в нее сверху большим куском соли.

Товарищ Щусь тихо говорит мне:

— Это — дибривские кулаки.

Я дал понять товарищу Щусю, что услышал его, и тут же поставил дядькам вопрос:

— В чем дело? Что вы хотите выразить этим хлебом-солью нам, повстанцам?

И я получил ответ:

— Мы приехали к вам, Батько Махно, чтобы сообщить вам, что мы, селяне дибривчаны, помирились с немцами, австрийцами и всеми в округности хуторянами (читай — собственниками). Мы хотим миру и с вами...

Я задумался. Товарищи Щусь и Каретник не сдержались и нагубили. Я попросил их извиниться перед дядьками, что они сейчас же и сделали. (Впрочем, дядьки приняли их грубость за шутку.) Затем я взял переданный было товарищу Лютому хлеб с солью обратно в свои руки и вернул дядькам, заявивши:

— Вашего хлеба с солью я от вас не могу принять. Возвращаю его вам обратно и прошу вас, скажите мне правду, кто вас с ним послал к нам?

— Посланы мы к вам, Батько Махно, попом отцом Иваном вместе со съехавшимися уже в село селянами.

— Всеми селянами?

— Нет, теми, которые съехались.

— Так вот, — сказал я дядькам, — уезжайте вы обратно в село Дибривки и передайте вашему священнику от меня, чтобы он дурака не валял и глупостями не занимался. В противном случае если мы заедем в Дибривки, то мы ему так отстегаем задницу за то, что он берется за дело примирения крестьян с их прямыми врагами и убийцами, что он закажет и своим правнукам.

— Та, Батько, мы ж так открыто не можем попу сказать. Вы передайте ему что-либо другое, — просили крестьяне.

— Да вы можете священнику ничего не говорить, — ответил я теперь более спокойно, — но крестьянам всем передайте от меня, чтобы они не слушались глупого попа и вместо мира готовились бы к самой беспощадной борьбе со своими палачами... Так, возвращайтесь обратно в село и все, все передайте крестьянам. До свидания!..

Я протянул им руку. Они все подошли и, приподымая шапки, попрощались. Потом ушли к своей подводе.

Щусь сел на лошадь, и мы тронулись с места. А дядьки, став на колени и скрестив руки на груди, крикнули нам вслед:

— Так помогай же вам боже побороти всіх ваших і-наших злодіів!

Мы все тоже сняли шапки и помахали ими в их сторону, а затем пришпорили коней и быстро скрылись от них за бугорком, где Марченко и Петренко, остановив движение отряда, поджидали нас.

Подскочив к отряду, я вкратце рассказал бойцам о том, для чего приезжали эти три кулака из Дибривок, что я им ответил и

что передал дибривским крестьянам. Я высказал им также мое предположение, что враги революции дрогнули, узнав о наших действиях в ответ на их злодеяния. И я подчеркнул, что мы менее всего можем с этим считаться именно теперь, когда мы должны полностью использовать момент в целях поднятия восстания против них трудящихся — восстания повсеместного и решительного, в котором бы их строй и силы, защищающие его, нашли себе действительно разрушение и смерть...

Отряд с особым вниманием выслушал меня и в искренних словах выразил свое удовлетворение.

Теперь мы окончательно дали повод и нигде не задерживались до самых Фесуновских хуторов.

Солнце уже совсем зашло, когда мы окружили эти хутора. Но жителей в них почти не было, в особенности участников нападения и сожжения села Дибривки. Все они за два часа до нашего прибытия на эти хутора бежали кто куда мог.

Здесь, в этих хуторах, отряд сделал маленький привал, чтобы накормить и напоить лошадей.

А через три часа отряд выстроился, выделил из себя команду, которая быстро и все в этих хуторах зажгла, и вытянулся в поле в направлении села Дибривки.

Всем в отряде хотелось воспользоваться случаем, что вооруженные силы врагов, шедшие по нашим следам, где-то сбились с дороги и потеряли нас из виду. Хотелось воспользоваться этим случаем, чтобы залететь в Дибривки и воочию убедиться в том, что случилось с селом, как оно разрушено и т.д.

Поэтому, когда Фесуновские хутора были зажжены и охвачены сплошным пламенем, отряд был направлен по дороге на Дибривки со стороны этих хуторов.

По дороге в эту темную ночь мы наткнулись на имение помещика Гизо. Наши конные разведчики схватили самого Гизо, который, по словам его арендаторов, подтвержденным им самим и другим помещиком, его соседом, задержанным вместе с ним, когда они, в эту ночную нору, прогуливались по аллеям, только что приехал. У обоих помещиков были револьверы. У Гизо оказалась еще фотографическая карточка товарища Щуся. На поставленный Гизо самим Щусем вопрос, где он, Гизо, взял эту фотографию, Гизо стал врать, будто ему подарили ее близкие знакомые отца Щуся и т.д.

Но когда товарищ Щусь доказал ему, что он лжет, так как это была единственная фотография у Щуся, которую он подарил своей матери и жене, тогда Гизо сознался, что он, присутствуя со всеми помещиками и хуторянами при обысках и сожжении в селе Дибривки дома матери Щуся и интересуясь Щусем как бесстрашным партизаном, сам снял эту фотографию со стены в доме Щусевых родных.

Показание Гизо свело с ума и самого Щуся, и многих из присутствовавших при его опросе. Каретник и я и в особенности

товарищ Марченко хотели подробнейшим образом опросить Гизо и его соседа. Но опросить Гизо нам не удалось. Товарищ Щусь, словно лев, набросился на него и безрассудно, с дикой ненавистью хотел разорвать его. Гизо вырвался и побежал по двору. Повстанцы занялись погоней за ним, бросив второго помещика, соседа Гизо, который, к месту отметить, крепко пристал ко мне и ни на шаг не отходил. Два раза ловили повстанцы Гизо, но он благодаря его хорошим собакам, которых он вовремя спустил с цепи, оба раза вырывался от них. Это озлило всех. Никто не думал уже о том, чтобы бросить его, пусть-де убегает. Нет, все хотели его поймать. Его арендаторы этому содействовали. Видимо, надоел он им или же они были так подлы, что думали на его смерти поживиться, не понимая, что революция им этого не позволит, что она выдворит их из этой усадьбы, как выдворила бы и самого Гизо, поскольку он не захотел бы сам трудиться наравне с труженниками. Эти арендаторы, куда бы Гизо ни спрятался, его находили и указывали повстанцам. Ловля его была тяжелой морально и изнурительной физически. Как-то его в который уже раз указали арендаторы и два повстанца бросились в тот угол, где он прилип к стенке сарая. Он бросился от них прямо на меня, стоявшего с товарищем Лютым и соседом Гизо. Я выхватил пашку и кричу: «Стойте!» Он свернул мимо меня, и я его зацепил по затылку. Удар мой был совсем слаб, но Гизо все-таки упал. Это решило его судьбу.

Товарищ Щусь схватил его и приподнял. Повстанцы, в особенности дибривчане, кричали:

— Никакой пощады ему! Смерть ему!..

Товарищ Щусь спрашивал моего мнения. Я при тех обстоятельствах, при каких был схвачен Гизо с фотографией Щуся, не мог высказаться в его пользу. Каретник и Марченко тоже. И тогда как другого помещика, соседа Гизо, мы сейчас же освободили, дав ему всадника, чтобы вывести его за наши заставы вокруг имения, Гизо был товарищем Щусем и повстанцами зарублен.

Имения Гизо мы не тронули, а лишь взяли несколько подвод овса для лошадей.

Отсюда мы направились в село Дибривки. В дороге, ввиду ночи, свернули и заехали в имение Серикова, в семи верстах от Дибривок. Здесь мы остановились до утра.

В имении Серикова нас нагнали наши разведчики и гонцы от других отрядов с радостными донесениями в основной наш штаб, гласившими об успехах борьбы отрядов в ряде районов и уездов. Это еще более подбодрило и без того бодрствовавший наш основной штаб и отряд.

Наступало обеденное время. Я всем гонцам от других отрядов дал письма к их командирам и выпроваживал тех из них, кому нужно было скорее возвращаться в свои районы.

Товарищ Щусь с дежурным по отряду тем временем приготовили около тридцати всадников и два пулемета на тачанках.

Я со Щусем и тридцатью всадниками при двух пулеметах сели на лошадей и вне дорог, полем поскакали через горку в село Дибривки.

Когда мы перескочили горку, нам открылось село. В нем оказались то здесь, то там уцелевшие домики. Церковь и лес говорили за то, что это именно село Дибривки.

Чем ближе мы подъезжали к селу, тем яснее нам становились полуразрушенные стены домов с их обгоревшими, черными верхушками. Но людей не видно было. На сердце становилось тяжело при виде всего этого. Товарищ Щусь и некоторые из повстанцев-дибривчан долго и молча всматривались в село. Затем Щусь, всхлипывая и вытирая слезы, катившиеся из глаз, как у ребенка, спросил меня:

— Батько, ты видишь, что сделано с селом?

И тут же прилег на переднюю ключицу седла и замолк...

Я повернулся к повстанцам и крикнул: «Повод!» Это заставило товарища Щуся снова выпрямиться в седле и, пришпорив лошадь, поравняться со мною.

Я повернулся к нему и стал тихо упрекать его за несдержанность перед повстанцами. В то же время я спросил его о том, как он думает насчет нашего въезда в село: не вскочим ли мы в лапы врагов?

Он был категорически против того, чтобы въезжать в село.

— Подскажем к мосту. Если кого-либо увидим, то расспросим, есть ли неприятель в селе; если же никого не увидим, то посмотрим со стороны на село и возвратимся к отряду, — сказал мне товарищ Щусь.

Однако другие повстанцы хотели побывать на своих улицах, посмотреть на стены своих домов. Это заставило нас, меня и Щуся, повернуть в сторону от моста и галопом подскочить к селу с противоположной стороны, в случае чего наиболее удобной для бегства.

На этой стороне села мы встретили нескольких крестьян. Бедняги, настрадавшись, бросились сразу же к нам. Но ни один из них не жаловался на свое положение. Лишь указывали нам на свои сожженные и разрушенные дворы, и то, когда мы их спрашивали: «Как ваш двор?» или: «Сожгли ли вас?» В этом лишь случае они указывали нам каждый в сторону своего двора и, пожимая плечами, приговаривали:

— Ничего, перебудуем, а все-таки не станем на сторону гетманцев и их союзников, немцев и австрийцев. Будем страдать, а будем против них, вместе с вами...

Слыша от крестьян эти простые, искренние слова, я радовался и, отбросив все расспросы о селе, начал расспрашивать их о том, какие силы врагов были в действительности в селе, когда они зажали его?

— Трудно сказать вам, Батько, нам нельзя было присматриваться, нас избивали, — ответили мне крестьяне. — Во всяком случае, мы должны вам сказать, что немецкие и австрийские сол-

даты мало палили наши двory. Их палили наши украинские буржуи из хуторов да из немецких колоний.

— Не знаете, много ли сгорело всех дворов в селе?

— Шестьсот восемь дворов, — получил я ответ.

— А под лесом или в центре села, на площади, нет ли теперь немецких солдат?

— Ни одной души ни солдат, ни варты нету. Все уехали по вашим следам, как говорили, в погоню за вами, — ответили мне крестьяне.

Мы, повстанцы, переглянулись между собою. Я предложил:

— Проскочим, сынки, через село, что ли, чтобы лучше его развалины разглядеть?

— Проскочим, Батько!

Затем я обратился к крестьянам и пожелал им держаться тех намерений неподчинения произволу, которые они мне только что высказывали, и ожидать от нас оружия и общего призыва в поход на врагов.

Эта группка крестьян бодрилась и радостно приветствовала наше обещание явиться к ним с оружием для них. Мы, попрощавшись с ними, прищпорили своих коней и вскочили группками, по пять-шесть человек в каждой, в речку. Переплыли последнюю, вскочили в улицы села и понеслись по ним галопом. Но, по мере того как мы приближались к подлесью, мы (как после выяснилось из наших объяснений друг другу) осаждали бег лошадей, стараясь присмотреться вперед и по сторонам, нет ли врагов.

В селе крестьян почти не было. А если кто-нибудь и был, то сидел в своем дворе под разваленными стенами хаты. Многие еще не возвратились из соседних сел и деревушек. Проезжая улицы одну за другою, мы изредка встречали перебежавших через них собак, нехотя, с грустью лаявших на нас, проскакивавших мимо них, или натыкались на бегавших, видимо ничего не евших, хрюкавших свиной и ревевших телят.

Так мы, мало кого замечая в селе, проскочили большую половину его и выскочили на одну из площадей, ведущую прямо в лес. Здесь нас встретил поп с группой, человек в 20, крестьян. Товарищ Щусь с тремя бойцами подскочил к этой группе и расспросил ее, откуда они идут.

Оказывается, поп и его прислужники узнали, что мы приехали в село, еще тогда, когда мы были по ту сторону речки, и, схватив свой крест и два церковных знамени, собрал вокруг себя несколько крестьян-старичков и пошел к лесу, чтобы встретить нас.

Когда Щусь подскочил ко мне и доложил об этом, я еще более озлился на этого попа за его дурачество и, волнуясь, задумался, что ему, попу, уже раз предупрежденному не заниматься глупостями, сделать.

Щусь, видя меня в состоянии раздумья, предложил мне распорядиться, чтобы повстанцы выпороли попа.

От этого я отказался, заявив, что в такой момент неудобно так поступать с ним.

А поп желал подойти ко мне с намерением что-то сказать мне. Я отказался от этого и передал ему через Щуся последнее свое распоряжение: никогда не выводить навстречу мне крестьян и самому не подходить ко мне с крестом в руке.

Как товарищ Щусь передавал мне, поп обещал больше этого не делать, но теперь просил меня принять хотя бы хлеб-соль от него и от окружавших его крестьян.

Я категорически и от хлеба отказался.

И поп повел своих людишек обратно к церкви. А мы собрались и шагом спустились по направлению к речке, где был брод, который легко было перейти всадникам, не замочившись.

Теперь по дороге к речке мы видели уже больше крестьян. Они сидели, каждый под стенами своего сгоревшего дома, кто один, а кто окруженный детками, что-то рассказывая им. Когда замечали нас, поднимались и, снимая шапку, помахивали ею в знак приветствия. А детки подбегали к улице и махали своими ручонками. Некоторые сидели, понунив голову, задумчиво и печально глядя в землю, и откликались лишь на зов знавших их повстанцев.

Здесь картина была более жуткая. Она задела мое сердце. Я почувствовал ужасную боль и не мог несколько минут ни с кем ни словом обмолвиться...

Это мое состояние, состояние расчувствованности, от которого я, став во главе отрядов, все время старался быть свободным, настолько сдавило меня, что я чуть было не заплакал по примеру товарища Щуся и других повстанцев.

Скоро показалась речка Волчья и спуск ее к берегу. Я подал команду: «Повод!» Мы быстро вскочили в ее холодную осеннюю воду и остановились лишь на другом берегу.

Затем мы поднялись в гору и на дороге, ведущей к имению Серикова, где стоял и ждал нас наш отряд, мы еще раз остановились, чтобы посмотреть на развалины села Дибривки.

У троих из нас были бинокли. Они ходили из рук в руки. Каждый из нас хотел увидеть кроме развалин во дворах этого села еще что-то необъяснимое, но определенно вызывавшее в каждом из бойцов бурю гнева и мести к своим врагам.

Стояли мы на этой дороге долго. Бойцам хотелось стоять и стоять и смотреть на село, хотя все мы были мокрые и мерзли. К счастью, лошади никак не хотели стоять. Они тоже перемерзли и проголодались. Они рванулись в путь, словно зная, что место стоянки недалеко, что они там поедят и согреются.

Мы тронулись с места и теперь уже неслись бешено, ни о чем не говоря между собою, глядя лишь вперед и по сторонам, чтобы не влететь в засаду к врагам.

Когда мы подсказывали к имению Серикова, оставшийся в нем наш отряд был весь усажен на подводы и на лошадей и начинал вытягиваться в сторону села Дибривки.

— Почему? В чем дело? — спрашивал я разведчиков, ехавших впереди.

— Распоряжение товарища Каретника, — был ответ

Оказывается, Каретник, Марченко и Петренко потеряли терпение в ожидании нас. Они пришли к мысли, что нас враги или окружали, или схватили сразу всех, или же погнали в другую сторону. Поэтому они решили ехать по нашему пути всем отрядом. Теперь вопрос выяснили и весь отряд снова расстановивался по своим местам.

Мы, побывавшие в селе Дибривки и изрядно вымокшие в речке, переоделись и уже согрелись по квартирам, осаждаемые распросами со стороны оставшихся в имении бойцов.

Я сделал доклад бойцам о том, что буржуазия сделала с селом Дибривки.

Бойцы и до этого доклада были взволнованы нашими рассказами о том, что мы видели в Дибривках. Теперь же, когда все это было связано одной нитью и изложено перед бойцами, рассказ мой их не столько встревожил, сколько взбунтовал. Теперь они все кричали мне:

— Нужно мстить, мстить, мстить! Веди нас, Батько, на врагов, мы им отомстим!..

Надо отметить, что все содеянное нашими врагами в селе Дибривки могло послужить лучшей пропагандой бунта и возмущения масс против них. Это я сознавал и раньше, когда наблюдал за их гнусными действиями. Но я знал также и то, что психологически бунт трудовых масс нужно уметь направлять в сторону революции и за революцию. Я, наблюдая за бойцами и слушая их в эти минуты, глубоко почувствовал в себе веру в них и в то, что, встретясь мы сейчас с любым немецким или австрийским полком, мы его разобьем так, как его командиры никогда себе и представить не смогут. Не говоря уже о том, что в эти дни пусть не попадается нам ни один гетманский отряд, ибо он будет на месте раздавлен. Но я хорошо знал, что цель наша не есть специально беспощадная месть врагам. Наша цель была отчетливо формулирована нашей Гуляй-Польской группой анархистов-коммунистов: физически сломить силу врагов и духовно преодолеть или по крайней мере наметить общие черты для преодоления той идеи, на которой базируются и сила этих врагов, и вся ложь, охраняемая ею.

Придерживаясь в основном этой главной мысли группы, я согласно ей поспешил своевременно внести в ряды повстанцев положения о нашем общем отношении к врагам, которых мы еще только вчера беспощадно уничтожали вместе с их именами.

Положения эти приводили к отрицанию *мести* врагам. Цели организованного восстания требовали теперь крутого поворота от вчерашних наших действий в другую сторону — в сторону серьезного разоружения буржуазии и вооружения революционных тружеников деревни. И я на этом же докладе формулировал этот крутой наш поворот так:

— В задачу революционно-повстанческих отрядов имени Батько Махно (как они себя тогда называли) отныне должно входить: отобрать от наших врагов как можно больше оружия и денежных средств и как можно скорее поднять крестьянские массы известных нам районов; объединить их, до зубов вооружить и повести широким фронтом против существующего строя и его защитников.

— Мы — я, Каретник, Лютый, Марченко, Щусь и Петренко, — говорил я повстанческой массе, — этот вопрос уже обсудили. Эти товарищи целиком разделяют мое мнение. Теперь остановка за тем, что вы, бойцы, скажете?..

Многие повстанцы, помню, недоумевали и упорно спрашивали меня о том, как же, мы так и не будем мстить врагам за уничтожение ими села Дибривки, за переизнасилование и расстрелы в нем его жителей и т.д.?

Требовалось осторожное и серьезное разъяснение этого вопроса повстанцам. А это требовало времени.

Между тем немецко-австрийские войска не спали. Они, узнав, где мы стоим, спешно окружали нас в этом районе. Об этом нам доносили крестьяне со всех сторон, и мы не могли не считаться с этим. В спешном порядке мы приняли по этому вопросу следующую резолюцию:

В целях быстрого вооружения революционного крестьянства, основной штаб повстанческого революционного движения и находящаяся при нем основная повстанческая вооруженная сила постановили от октября месяца 1918 года ввести в порядок действий всех наших отрядов правило, согласно которому каждый наш отряд, занимая тот или другой хутор собственников-землевладельцев, немецкую колонию или помещичье имение, должен в первую очередь созвать всех хозяев этих владений и, выяснив состояние их богатств, наложить на них денежную контрибуцию и объявить сбор оружия и патронов к нему. Все это должно производиться под непосредственным руководством командиров отрядов и под самой строжайшей революционной ответственностью их, командиров.

При этом за каждую сданную собственниками-богатеями винтовку с пятьюдесятью патронами к ней отряды должны возвращать им три тысячи рублей из общей контрибуционной суммы.

Если хозяев, желающих сдать оружие, не находится, отряды должны производить у них самые тщательные обыски (опять-таки под руководством и за ответственностью, в смысле революционной чести, их командиров).

Если при обысках оружие не будет обнаружено, оставлять хозяев этих в покое, неприкосновенными. В противном же случае каждого, у кого будет обнаружено оружие, расстреливать.

Лошади, необходимые для подвод и всадников организуемой нами революционной повстанческой силы, берутся у упомянутых хозяев по принципу: у кого их свыше 4—5 — одна-две лошади берутся безвозмездно. У кого от двух до четырех — одна-две берутся взамен другой, худшей лошади.

Тачанки (тип немецких рессорных четырехместных дрожек. У нас они называются еще каретами) берутся безвозмездно.

Брички, у кого одна или две, берутся с заменой. У кого свыше двух, две берутся безвозмездно.

Все *активные вооруженные* враги нашего движения и революции, которую движение наше подготавливает, расстреливаются на местах их действия и сейчас же после сбора о них сведений через население.

В виде лучшего способа революционного суда над ними должен практиковаться всегда и всеми отрядами имени Батько Махно предварительный опрос крестьянских сельских сходов тех местностей (сел и деревень), где они действовали и попались нашим отрядам.

Неподчинение этому совету-распоряжению повлечет за собою революционные меры вплоть до объявления всенародно этих отрядов ничем не связанными с общим штабом революционно-повстанческого украинского движения во главе с Батькой Махно.

Подписали эти постановления я, Щусь, Каретник, Марченко и ряд других повстанцев, уполномоченных бойцами.

В рядах рядовых бойцов сначала видно было разочарование. Некоторые из них сознавались, что теряют надежду отомстить врагам за уничтожение села Дибривки. Но они быстро поняли, что наше вышеотмеченное постановление при строго последовательном проведении его всеми нашими отрядами в жизнь окажется более сильным средством для побед нашего движения над палачами революции, чем один, два, пять успешных поражений врагов, непосредственно участвовавших в сожжении села Дибривок.

Как только постановление наше о сборе оружия было принято, подписано и отпечатано на машинке в многочисленных экземплярах, мы сразу же разослали его повсюду при посредстве крестьян и прибывавших от наших отрядов гонцов. Сами же решили перестоять еще одну ночь в том же Сериковском имении и рано, на рассвете следующего дня, направиться по кулацким хуторам и колониям Мариупольского уезда за оружием.

Солнце уже «село на землю», как выражались крестьяне, когда разъезды наши донесли, что враг нигде не обнаружен. Хотелось как следует поесть и лечь отдохнуть. Все к этому стремились. Поэтому и ужин, и смена застав и разъездов приготавливались дружно и быстро.

Вдруг неожиданно со стороны села Дибривки раздался свист и взрыв гранатного снаряда. Сперва одного, а затем другого и третьего. И тут же, с другой стороны — со стороны Темировки, затрещал вражеский пулемет, а в ответ ему заговорил наш пулемет на заставе.

Тревога перемещалась с совершенно неожиданной для меня паникой. Бойцы старались схватить лошадей — тактика, которую я в корне осуждал в такие моменты. (Я всегда требовал, чтобы часть бойцов, независимо какого рода оружия, сейчас же старалась выйти

навстречу врагу и занять удобную для себя позицию. Другая же часть, не теряясь, мужественно должна приготовить ей подводы и лошадей и, доложив кому следует об этом, должна ожидать распоряжения, когда нужно или подать их части, занявшей позицию, или же выйти под указанное прикрытие и поджидать, когда снимется с позиции эта часть и сама подойдет к ним.)

К нашему счастью, нападавшие на нас оказались помещичьими отрядами. Наши пулеметчики их быстро рассеяли. Австрийские же части оставались под Дибривками (6—7 верст от нас) при батарее и оттуда без толку, частью с недолетом, частью с перелетом, стреляли снарядами в направлении нашего расположения.

Эту глупость австрийцев быстро заметили сами наши бойцы и скоро восстановили в своих рядах порядок.

Товарищ Каретник в эти сутки был дежурным по отряду и был ужасно зол за тревогу. Долго и деловито упрекал он бойцов за их маленькую растерянность, а они наивно обещали ему, что больше этого не получится.

Наступила ночь, и мы, оградив себя усиленными боковыми разрезами, снялись со своей стоянки как раз в тот момент, когда австрийская батарея стала в другое место и теперь уже попадала прямо по имению. Ночью, когда шрапнель разрывается над головами, люди, даже привычные к ее разрывам, чувствуют себя очень скверно. Тем более неприятно отражалось падение снарядов на нашем еще молодом отряде. К тому же снаряда два гранатных упали среди нас, снаряда три шрапнельных разорвалось над нами и отняли несколько жизней у нас. Отряд принужден был раза два-три то рассказываться, то снова собираться в свои колонны, поспешно уносясь из-под обстрела.

Глава XI

ЗА СБОРОМ ОРУЖИЯ И В НОВЫХ БОЯХ

Собирание или, вернее, выколачивание оружия у буржуазии, у сторонников гетмана Скоропадского и у агентов немецко-австрийского командования (последние рассматривали Украину не более и не менее как прочный тыл Германии и Австро-Венгрии) было совсем нелегким делом. Однако оно было крайне важно, необходимо для ведения борьбы. Обезоружить буржуазию или вообще врагов революции — значит создать возможность трудящимся даже в условиях политической реакции находить пути и средства к решительному определению того, что нужно делать, чтобы выйти из этой реакции. Так мыслил я и убеждал в этом других своих близких. И поэтому мы целиком отдались теперь этому делу. Теперь мы мало где останавливались по селам и деревням. Мало где проводили крестьянские митинги. Теперь мы заскакивали в одни только хутора или колонии кулаков и имения помещиков и каждый

раз, собрав этих носителей идеи новоиспеченной украинской гетманской государственности, тут же вместе с ними определяли через особых их и своих уполномоченных состояние богатства каждого богатея. Затем мы накладывали на них денежную контрибуцию и предъявляли им требование на предоставление нам установленной суммы денег, а также холодного и огнестрельного оружия в течение двух часов времени. Мы быстро все это получали и переезжали в другие хутора. Так переезжали мы из одного района в другой, наводя своим внезапным появлением и своим иногда чрезмерным, чуждым сентиментальности, решительным требованием страх и ужас не только на самое буржуазия, но и на ее защитников: слепых, но, по своим действиям против революции, подлых немецко-австрийских и гетманских солдат.

В течение полутора-двух недель мы собрали большие денежные суммы и громадное количество огнестрельного оружия, главным образом винтовок и массу патронов к ним. За нами шли уже большие обозы с этим боевым снаряжением, отнятым у буржуазии, а местами и у попадавшихся нам карательных гетманских, немецких и австрийских отрядов.

Эти обозы, а равно и энтузиазм сопровождавших их повстанцев и крестьян-подводчиков, служили ярким показательным примером для трудового и нетрудового населения сел, что повстанчество под руководством Махно взялось не на шутку за врагов революции.

Осевшая было снова в своих усадьбах под защитой немецко-австрийского юнкерства украинская и русская буржуазия, приступившая к отобранию силою от крестьян завоеваний революции, не только дрогнула перед действиями повстанчества, но начала в спешном порядке опять покидать насиженные контрреволюционные гнезда, убегая в районы большого скопления немецко-австрийских войск. Все это облегчало нашу митинговую пропаганду идей повстанчества и содействовало быстрому созданию новых инициативных повстанческих групп, действия которых в идейном и оперативном смысле целиком направлялись нами (т.е. Гуляй-Польским штабом).

Таким образом мы своим легким конно-тачаночным боевым отрядом изъездили часть Бердянского, весь Мариупольский и часть Павлоградского уездов. И теперь, будучи убеждены в том, что симпатии трудового крестьянства в этих уездах на нашей стороне, мы возвращались прямо под Гуляй-Поле, чтобы овладеть этим действительно революционным, инициативным центром вольных батальонов и их подсобных отрядов революции и установить в нем главный оперативный штаб движения повстанчества махновцев.

По дороге на Гуляй-Поле, в 40 верстах от него, под местечком Старый Кременчик, мы встретились с батальоном австрийцев и отрядом уже денкинских формирований под командой офицера Шаповала. Мы приняли их атаку против нас. И нужно сказать правду, как ни стоек был этот, денкинской формации, контрреволюционный отряд, а возле него австрийские части, мы их

так поколотили, что они помимо того что бросили нам три пулемета, массу винтовок и раненых своих бойцов не задержали своего бегства даже в Старом Кременчике, куда мы и не думали вступать.

Победа над этими частями еще больше подымала революционный дух и была очень показательна для трудового населения данного района, которое активно еще не выступало вместе с нами против контрреволюционных сил в стране, но серьезно следило за нашими действиями и готовилось в каждую минуту перейти от пассивной к активной поддержке нас. Теперь уже эта часть населения следила более внимательно и за неприятельскими передвижениями и быстро сообщала о них нам. Это еще более воодушевляло и нас, уже выступивших и действовавших на пути решительной вооруженной борьбы, и широкое население.

Нужно было только не терять голову, т.е. не увлекаться, и шаг за шагом идти твердо и неуклонно к намеченной цели.

Из-под Старого Кременчика отряд наш направился через хутора и немецкие колонии на деревню Темировку, где предполагалось заночевать и дать лошадям и людям дневной отдых, а затем сделать внезапный налет на Гуляй-Поле, в котором стоял один лишь полк немецко-австрийских войск. Овладев Гуляй-Подем, мы предполагали, как я уже отмечал, остановиться в нем на более или менее продолжительное время.

Глава XII

НАША СТОЯНКА В ДЕРЕВНЕ ТЕМИРОВКЕ. НАЛЕТ НА НАС ОДНОГО ИЗ КАРАТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ МАДЬЯРСКИХ ЧАСТЕЙ АВСТРИЙСКОЙ АРМИИ И ЕГО ПОБЕДА НАД НАМИ

Деревня Темировка — небольшая деревня. Отряд разместился в ней тесновато, но зато очень хорошо обставил себя заставами со всех сторон деревни. Это позволило даже мне, все эти недели не спавшему раздетым, наконец-то раздеться и хорошо уснуть на крестьянском «поликке», в крестьянских подушках, под теплым, из овечьей шерсти сотканным «лижньком», заменяющим собою городское одеяло. Лишь в 4 часа утра я был разбужен дежурным по гарнизону товарищем Марченко, который представил мне помещика Цапко, жившего по соседству с этой деревней и захваченного нашими разведчиками невдалеке от деревни.

Шататься в ночное время возле деревни — это что-то подозрительно, подумали наши разъезды, задержали его и привели в деревню.

Товарищ Марченко знал всех Цапко по району. Знал он и об их гнусных действиях вместе с гетманской вартой и немецко-австрийскими войсками во время отобрания у крестьян земли, живого

и мертвого инвентаря, отнятых у буржуазии революцией и переданных крестьянским обществам. И Марченко хотел было, по его собственному заявлению, вывести этого Цапко за деревню и пустить ему пулю в лоб. Но потом решил завести его ко мне, имея в виду, что со мной находятся товарищ Лютый и С. Каретник и мы сообща разрешим вопрос, как поступить с ним.

Сам Цапко оказался неглупым человеком. Он быстро сообразил, как выпутаться из создавшегося положения, и заявил, что он шел к Батьке Махно получить разрешение на переезд через деревню Темировку жениха и невесты, которые должны были ехать рано утром в село Санжаровку в церковь венчаться.

Это заявление показалось мне уже совсем подозрительным. Я быстро оделся и распорядился по отряду: приготовиться к выезду. Потом заявил гражданину Цапко, что свадьба их может себе ехать горой по дороге, ведущей по-над деревней, если она думает ехать до рассвета к церкви. Если же она выедет на рассвете, то тогда нас в деревне уже не будет, и она может ехать через деревню. Тут же я распорядился, чтобы разведчики вывели Цапко за деревню и пустили его на все четыре стороны. Разведчики исполнили мое распоряжение.

Однако сам я, да и товарищи, обидевшиеся на меня за то, что я отпустил Цапко, когда его нужно было убить, по их мнению, были в тревоге. Хотя и сделали распоряжение по отряду расстроиться снова по своим квартирам до особого распоряжения о выезде, тем не менее не раздевались и не ложились больше. Даже более этого, я сделал предложение товарищу Марченко, как дежурному, распорядиться, чтобы наши раненые бойцы оставались на тачанках, раз уж они погружены, до утра...

Вдруг всего через 30—40 минут после того, как Цапко был отпущен, со стороны имения Серикова на нашей заставе затрещал пулемет. А вслед за ним затрещали с двух сторон деревни неприятельские пулеметы. Мы все, кто был в моей квартире, выскочили во двор. Пули со стороны неприятеля со свистом перелетали через деревню.

Быстро и решительно делаю распоряжение всем командирам и близко расположенным от стрельбы частям выступить навстречу врагам, а остальному отряду выстроиться и вытягиваться через горку к Малой Темировке, занять поудобней под горкой позицию и закрепиться на ней. Сам же с Каретником и Исидором Лютым бегу к заставе, которая первой открыла огонь. Увы, было уже поздно: наш пулеметчик был ранен и заставка отступала. Я оглянулся и увидел, что на улицу выскакивают наши бойцы и спешно вытягиваются за горку, а с другой стороны чуть виднеются в рассветном тумане стройно идущие на деревню боевые мадыарские стрелки, то стреляя изредка из карабинов, то бросая вперед бомбы по пути своего шествия.

— Хорошие это бойцы, видимо, — сказал я товарищу Каретнику и тут же, обернувшись к Лютому, схватил у него ручной

пулемет системы «люис». Лютый быстро стал на колени, я с его плеча прицелился по этим колоннам и начал по ним стрелять. Мне казалось, что я стреляю неудачно, но я быстро заметил, как колонны разорвались, и я начал пускать по ним одну ленту за другой.

В это время Марченко выскочил из деревни с нашими бойцами, человек 60—70, и бросился в атаку на неприятеля. Но напрасно. Стрелки в его рядах были меткие и отважные: они как-то быстро отбили нашу атаку и захватили наш пулемет. Мы группками в 10—15 человек каждая начали отступать через дворы на противоположную сторону деревни, еле-еле успевая выхватывать своих раненых.

Мадьярские стрелки уже в деревне. Они хотя и теряют товарищей из своих рядов (мы в них тоже хорошо попадали), но не останавливаются. Их бомбометчики идут впереди и бомбами очищают им путь вперед по деревне.

— Учитесь, учитесь, сынки, у этих отважных стрелков, как нужно брать села у неприятелей, — кричал я своим друзьям-повстанцам. И в то же время я старался воодушевить их и с риском для себя выскакивал со Щусем, Каретником, Лютым, Петренко и другими рядовыми повстанцами на улицы деревни и отстреливался от неприятеля, всячески стараясь отбить и приостановить его удачное наступление. Так мы подошли к последним дворам деревни. Дальше поле. Часть бойцов с Марченко во главе, выскочив на вспаханное поле, залегла в его бороздах. В это же время один, другой, третий повстанцы из связи от частей возле меня падают убитыми. А сестра, она же невеста тяжело раненного еще в Дибривках младшего Петренко, подбегает ко мне и сообщает:

— Ваша, Батько, жена с подводой осталась в деревне.

— Ничего, теперь уже поздно спасать ее, — ответил я и тут же спросил ее:

— А где раненый Петренко?

— Тоже остался в деревне, — услышал я в ответ.

И только что я подскочил к Щусю, который тянул одного из наших раненых повстанцев с улицы в последний двор, в котором мы, находившиеся последними под ударами мадьярских стрелков из деревни, группировались, как вдруг товарищ Щусь падает. Пуля попала ему ниже бедра и прошла обе ноги навывлет.

— Петя! — кричу я старшему Петренко. — Бери Щуся на плечи и тащи через гору к обозу!

Сам с несколькими повстанцами еще раз выскакиваю на главную улицу деревни и из ручных пулеметов и винтовок осаживаю стрелков неприятеля. Тем временем остальным нашим бойцам было сделано распоряжение отступать с перебежками за горку.

Когда наши бойцы выскочили в поле, им можно было без поражения перебежать через горку. Но они залегли на вспаханной земле, желая теперь дать возможность своим обстрелом противника легко отступить со двора мне и оставшимся возле меня повстанцам. Этим самым они навредили себе. Мадьярские стрелки, потеряв надежду выйти из главной улицы в поле, как-то быстро оказались с

другой стороны деревни и теперь уже решительно и никому из нас не давали возможности перебежать полем своим метким ружейным и пулеметным огнем. Все те из наших бойцов, которые только схватывались с земли, были сейчас же сражены пулями.

Ужасно тяжело становилось на душе. Всюду — на улице, во дворе, в поле — падали наши бойцы, пока товарищ Подгорный не собрал человек 15 кучеров из обоза и с одним пулеметом не зашел сбоку этим стрелкам и не начал их поливать градом пуль. Это спасло наше положение. Большая часть бойцов наших перебежала через горку, не зацепленная пулями.

Вышли в поле и все повстанцы со двора под командой Лютого. Лишь я и С. Каретник остались еще во дворе, пытаюсь взять с собою трех тяжело раненных повстанцев. И мы их взяли, но не донесли до обоза и сами не дошли до него.

За то время, что мы дрались с этим отрядом мадьярских стрелков, к ним подошли со всех сторон подкрепления, и теперь уже они нас совсем почти окружали. Поэтому наш выход со двора был кошмарно тяжелым, тем более что мы, 10 человек, несли троих раненых. Мишень оказалась лучше не надо для врагов. Товарища Каретника сразу ранили. Сестра, которая возилась с ранеными все время под огнем, была убита наповал. Прошли мы еще немного далее, и было убито еще четыре бойца, из них двое тех, которых мы несли. А еще далее нас осталось живыми всего три человека вместе с раненым Каретником. Человек пять наших повстанцев из-за горы бросились было к нам, чтобы взять тех из нас, кто послабее, на руки и вынести из-под огня, но трое из них тут же были сражены и упали мертвыми. Теперь мы, оставшиеся три человека, в поле, на версту расстояния от своих и на двести саженей от наступавших врагов, расскочились друг от друга на несколько саженей и то и дело то бежали, то падали, когда пули совсем близко ложились возле нас. Наконец у одного из нас, у товарища Лазаренко из-под Днепра, нервы не выдержали. Он прикладывает к виску свой наган и пускает себе пулю.

Не хотелось оставить врагам его револьвера. Я подскочил к застрелившемуся и забрал его наган. В это время Каретник был уже далеко от меня. Я остался один и бежать дальше не мог. Я начал уже пробовать этот же револьвер, чтобы приложить его к своему виску, ибо увидел и сбоку, и спереди меня людей, как будто врагов. И в это время слышу чистый, искренний голос:

— Батько, Батько, сюда!

То кричал Исидор Лютый. Он был с двумя друзьями, Марченко и Петренко. Я к ним подбежал. Они усадили меня на винтовки и бегом унесли через горку к обозам.

Только здесь моя подруга, о которой сестра говорила, что она осталась в деревне с подвойдой, и вообще командиры и повстанцы, осматривая меня, лежавшего на тачанке, нашли, что я ранен в руку. Верхняя моя одежда и шапка были прострелены в нескольких местах. Я же этого не чувствовал и не замечал...

Но я скоро пришел в себя и видел всех командиров, оставшихся в живых, вокруг меня. Семена же Каретника я среди них не видел, и это меня очень встревожило. Каретник — один из друзей, в котором я с первых дней восстания заметил твердость революционного борца, и это меня с ним особенно сроднило. Я наделал шуму: «Где Каретник?..» Оказывается, он, не перевязавши свою рану, как только добежал до остатков отряда, схватил пулеметчиков с пулеметами и помчался под горку навстречу победоносным врагам.

Я распорядился, чтобы он снялся с позиции. Когда он прибыл, отряд наш, оставив врага под Старой Темировкой, вытянулся через Малую Темировку на село Санжаровку, не меняя маршрута на Гуляй-Поле.

Я несколько раз отъезжал в сторону от отряда и со стороны смотрел на него, на то, как поредели его ряды. И больно было на сердце, и тяжело отзывалось это на моей усталости. Но я не терял веры в то, что силы наши оправятся и пополнятся новыми и что конечная победа над палачами все-таки будет на стороне нас, трудящихся, в самые ближайшие недели, и убеждал в этом своих друзей-повстанцев и чувствовал, что они бодрствовали и старались делать все для того, чтобы все это сбылось.

В Санжаровке мы встретились со свадьбой, о пропуске которой через Старую Темировку помещик Цапко ночью приходил хлопотать. От ряда лиц из этой веселой свадьбы мы узнали, что отряд мадьярских стрелков подночевывал в имении Цапко. Вопрос стал ясным. Цапко приходил в Старую Темировку под предлогом просить пропуск для проезда жениха и невесты со всем свадебным поездом в разведку.

Было сделано распоряжение повстанцам конфисковать все тачанки с лошадьми этой кулацко-помещичьей свадьбы. Повстанцы выполнили распоряжение и любезно предложили этой веселой кулацко-помещичьей толпе проводить жениха и невесту домой пешком, так как их тачанки и хорошие лошади нужны были повстанческой армии для посадки на них пулеметов и пулеметчиков.

Отсюда отряд направился в объезд вокруг Гуляй-Поля с целью очистить окрестность его от снова съехавшихся в свои богатые и роскошные усадьбы помещиков и крупных кулаков. Чтобы охранять их, немецко-австрийское командование снова насадило в этих усадьбах свои, теперь уже сводные, конно-пехотные отряды, преступно и глупо надеясь при их помощи приучить крестьянство уважать право помещицко-кулацкой собственности на землю и на паразитические привилегии.

До появления нашего повстанческого отряда под Гуляй-Подем немецко-австрийские отряды в этих усадьбах и простилавшихся возле них деревушках и даже в самом Гуляй-Поле с помощью гетманской варты торжествовали, ибо ни один из наших многочисленных мелких отрядов не в силах был справиться с ними. Они всегда при столкновении брали верх над отрядами и этим несколько запугивали население района.

Это-то и заставило штаб повстанчества распорядиться, чтобы район Гуляй-Поля в первую очередь был раз и навсегда очищен от помещиков и их охраны с расчетом, чтобы они никогда уже не могли возвращаться в эти свои гнезда.

Делая этот объезд вокруг Гуляй-Поля, наш отряд принужден был под каждым именем задерживаться по несколько часов, выдерживая контратаки помещиков и кулаков с помощью немецко-австрийских солдат. При этом нам, конечно, пришлось нести большие жертвы. Тем не менее мы не могли отступить. И мы в конце концов всюду врагов окружали и уничтожали.

Эти наши бои вокруг Гуляй-Поля, повторные и упорные бои повстанцев с врагами революции, с врагами права трудящихся на землю и вольный труд, на свободу и независимость, с помещиками, кулаками и грубой силой немецко-австрийских штыков на сей раз привлекли к себе внимание очень широкой трудовой крестьянской массы.

Массы стали быстро группироваться вокруг созданных нами инициативных повстанческих групп и начали под их руководством решительно восставать в ряде районов почти одновременно.

Это ошеломило тупое немецко-австрийское и гетманское командование на Екатеринославщине так, что оно в первые дни даже не знало, что, какими силами и в каких местностях прежде всего предпринять, чтобы подавить начавшееся подлинно народное восстание.

Так, штаб повстанцев-махновцев в третий раз осуществил чистку окрестностей Гуляй-Поля от контрреволюционных сил и заставил широкие трудовые массы реально вывить свое отношение к этому решительному действию. И когда окружность Гуляй-Поля была очищена от контрреволюционных сил, массы не только морально, но и реально поддержали наше дело. На время по крайней мере центральные рычаги контрреволюционных вооруженных сил были парализованы. И тогда штаб и главное ядро вооруженных повстанческих сил вступили в Гуляй-Поле с определенными задачами.

Глава XIII

ТРЕБОВАНИЕ-МАНЕВР К НЕМЕЦКО-АВСТРИЙСКИМ И ГЕТМАНСКИМ ВЛАСТЯМ. ПЕРВЫЕ КОМАНДИРЫ БОЕУЧАСТКОВ. ПРОВОКАТОРЫ И ШПИОНЫ. НАШИ ПЛАНЫ ДАЛЬНЕЙШЕЙ БОРЬБЫ С ВОЗВРАТИВШИМИСЯ ПОМЕЩИКАМИ И КУЛАКАМИ. МОЙ ОБЪЕЗД РАЙОНОВ

Октябрь 1918 года. Отряд вступил в Гуляй-Поле. Созвали большой митинг для повстанцев и населения. Я и товарищ Марченко осветили перед всеми тружениками задачи повстанчества в данный момент. Был затронут вопрос об организации отнятия у буржуазии оружия, о том, что проделал наш отряд на этом пути и что должны повсеместно по всей Украине проделать все наши отряды, все тру-

довое население, желающее быть свободным от государства вообще и от гетманской государственности в частности.

Население Гуляй-Поля и повстанцы целиком одобрили задачи нашего повстанческого махновского движения. Население, еще не взявшее в руки оружие, постановило поддерживать движение повстанчества всеми материальными и техническими средствами, заверив при этом, что вся молодежь считает себя от сего дня в распоряжении штаба Батьки Махно.

С этого времени наши подпольные инициативные участковые группы стали открытыми органами формирования революционно-боевых единиц повстанчества. Симпатии, бдительность и активная помощь трудового населения явились их охраной в работе над этим делом. Таким образом, Гуляй-Поле, изменнически преданное немецко-австрийскому и Украинской Центральной рады командованию в апреле, теперь восстановило свое революционное положение в районе. И снова из него начала исходить проповедь крестьян-анархистов о подлинной революции трудящихся как о средстве разрушения старого царско-помещичьего строя и создания на его месте строя нового, красивого и свободного от власти собственников и политических авантюристов, подлинного свободного общества тружеников.

В день занятия Гуляй-Поля повстанческий штаб обсудил вопрос о судьбе схваченных австрийскими властями наших товарищей — А. Калашникова, секретаря Гуляй-Польской группы анархистов-коммунистов, и членах этой группы: Савелии Махно, Филиппе Крате, Прохоре Коростелеве и других, заточенных в Александровскую тюрьму.

Теперь мы решили действовать не только на фронте, но и на телеграфе против врагов революции. Мы выработали телеграмму немецко-австрийским и гетманским властям в городе Александровске, которая предъявляла требование об освобождении наших товарищей из тюрьмы. В ней мы говорили им:

«Разбив и разогнав немецко-австрийские и гетманские силы под Гуляй-Подем, штаб повстанчества временно задержался в Гуляй-Поле, откуда нашел наиболее удобным потребовать от немецко-австрийской и гетманской власти города Александровска немедленного освобождения из тюрьмы всех крестьян Гуляй-Польского района. И в первую очередь представить из них в Гуляй-Поле Савву Махно, А.Калашникова, Прохора Коростелева, М.Шрамко, Филиппа Крата. При невыполнении требования штаба повстанчества штаб принужден будет двинуть все свои силы на Александровск, и тогда немецко-австрийское командование и гетманские власти пусть гневаются сами на себя. Восставший народ не даст им пощады».

Телеграмма эта пошла за подписью Батьки Махно и его адъютанта Щуся.

На это наше требование комендатура города Александровска нам ответила, что она считает требование штаба повстанческих революционных войск имени Батьки Махно вполне резонным при

создавшемся положении, но выполнить его не может, так как освобождение требуемых лиц из тюрьмы, в особенности лиц, поименованных в списке, не подлежит ее санкции. Комендант города Александровска от себя может сделать лишь то, что ни с одного из поименованных в списке лиц ни один волос с головы не упадет до суда над ними. За это господин комендант ручается и велел сообщить об этом в Гуляй-Поле, в штаб повстанческих войск.

Ответ из Александровска был для нас показателем того, насколько враги с нами считаются. С этой стороны он нас удовлетворил, и мы полностью использовали его в своих агитационных целях. Здесь же, в Гуляй-Поле, штаб движения и представители от повстанцев и всех инициативных групп заслушали мой доклад о необходимости в спешном порядке стянуть все уже организованные и вступившие в открытый бой с врагами революции отряды в районы Чаплино — Гришино и Царевоконстантиновка — Пологи — Орехово и создать определенные повстанческие фронты: 1) против немецко-австро-гетманской вооруженной контрреволюции; 2) против казачьих отрядов Белого Дона; 3) против Дроздовского отряда со стороны города Бердянска и 4) против помещицко-кулацких отрядов под предводительством агентов генерала Тилло со стороны Крыма.

— Настало время, — говорил я в этом своем деловом докладе, — перейти от отрядов мелкого состава к крупным отрядам, вплоть до вольных батальонов большой численности и хорошего боевого качества, которые могли бы выполнять задачи революции в борьбе с контрреволюцией в фронтовом порядке. Неуязвимо же легкие боевые, конно-пехотного состава, с пулеметами на тачанках, партизанского характера отряды займутся делом партизанским по всей Левобережной Украине против врага и явятся лучшими подсобными боевыми единицами для батальонов защиты революции на фронте. Враги сильны и человеческим мясом, и техническими средствами. Они строят фронт, и мы не должны упустить момента вовремя создать против него свой революционный, трудовой фронт. Иначе наше восстание будет увлечено на путь излишней мести врагам и обессилит себя физически и морально в выполнении своей роли, идя к прямой гибели на этом ложном пути. Фронт против красновщины; фронт против дроздовщины и тилловщины, представляющих собою, как вам известно, деникинщину; фронт против немецко-австрийско-гетманских сил; следовательно, фронт, охраняющий Гуляй-Поле, как идейный вдохновляющий центр нашего восстания и как центр организации и общего руководства восстанием — вот что должно быть отныне нашим лозунгом дня!

— Это невозможно, мы бессильны выполнить это дело! — раздавался голоса некоторых товарищей.

— Он с ума сошел, — подавал свой голос товарищ Марченко против меня и выдвинутых мною положений о фронте.

А я, сознавая, что все эти реплики ни на чем не основаны, радовался, ибо видел, что положения эти будут приняты нашим

чрезвычайно важным заседанием и что тот же товарищ Марченко будет ревностно, как подобает истому революционеру, работать над тем, чтобы привить идею этих положений широким трудовым массам и вместе с ними проводить ее в жизнь. Поэтому друзья мои услышали от меня в ответ на их возражения следующее:

— Непосильного мы ничего не будем делать. Но то, что нужно, что можно, что должны мы делать, мы все будем делать для того, чтобы широкие трудовые массы деревни, а по возможности и города проявили, так же, как и мы, и в том же направлении, что и мы, свой пафос революционного бунта против контрреволюции. Воодушевленные этим пафосом широкие массы могут выйти на широкий простор революционных действий и смогут побеждать своих врагов. Пример этому вокруг нас — всюду, где наши отряды проявили максимум своей воли, энергии, отваги и чести в борьбе. Я не буду возражать против того, что выдвинутые мною положения о стягивании отрядов в одно целое и о создании фронтов не требуют от нас больших жертв. Я предвижу все, что от нас в первую очередь потребуется на этом пути. От нас потребуются акты самопожертвования и жертвы. И я, и вы все до сих пор это сознавали и всегда были к этому готовы. Ведь только благодаря вашему, товарищи, самопожертвованию мы до сих пор так стойко держимся в этом серьезном окружении нас нашими врагами. И как еще держимся! Заставляем врагов трепетать перед одним лишь донесением, что мы против них идем, вот-вот недалеко от них. А создание фронта и решительная борьба и в фронтовом порядке, и партизански лишь дадут нашим врагам сильнее почувствовать нашу решимость бороться против них не во имя примирения с ними, а во имя полного уничтожения их как силы преступной и губительной для дела освобождения рабов от господ... Правда, товарищ Марченко прав, когда он опасается того, что мы, не имея подготовленных к руководству фронтовыми операциями людей, можем сами нанести нашей организации непоправимый удар на пути фронтовой борьбы с врагами. Но он совершенно не прав, когда из-за боязни этого находит меня сошедшим с ума. Я не только верю, но убежден и знаю, что с этим делом на первых порах его организации и действия наших организованных сил мы справимся имеющимися в наличии здесь нашими силами. В самом деле, разве товарищи Петренко, С.Каретник, тот же Марченко, Мощенко или младший Тыхенко — разве все эти товарищи не справятся с начальным делом формирования из мелких отрядов более крупных боевых единиц, чтобы заняться с ними фронтовым делом борьбы? Да и я в вашей среде, друзья, кое-чего тоже ведь стою именно в делах нашей организации. Неужели же мы, которые полны революционной страсти и желанием бороться и побеждать, не сможем отдаться этому крайне необходимому, серьезному, прямому делу отрядающихся с той же верой в правоту нашего идеала — революции, с теми же смелостью и самопожертвованием, с которыми мы взяли за организацию партизанских отрядов и с которыми уже ведем дело нашей орга-

низации по пути воспитания в массах бунта и революции?! На первое время мы с ним справимся. Я в это глубоко верю. А далее восставшее революционное крестьянство выдвинет из своей среды новые кадры борцов, которые или заменят нас, или же будут искренне помогать нам на этом пути. И намеченное нами создание революционных фронтов для борьбы, которую мы согласуем с партизанскими действиями наших отрядов специального характера, поможет нам осуществить наши задачи: изгнать из Украины дикие немецко-австрийские и гетманские орды и не допустить вторгнуться и восторжествовать по их следам таким же, если еще не худшим, ордам красново-деникинских контрреволюционных формирований. Эту задачу я обдумывал долгие месяцы. Осуществить ее является прямым долгом нашей организации именно теперь. Откладывать это дело наша организация не имеет права. Всякое промедление может явиться величайшим, непоправимым преступлением в отношении революции и на Украине, и в России. Поэтому я лично стою за то, чтобы мы или, вернее, ряд наших товарищей, и товарищ Марченко в первую очередь, изгнали из себя дух боязни за то, что у нас нет офицерского кадра для формирования из мелких единиц крупных, чтобы занимать ими фронты, и занялись бы вместе с нами, верящими в самих себя, этим делом. Тогда мы общими усилиями приступим к делу и создадим все то, что условиями момента от нас требуется. Итак, друзья, возьмемся за это великое и неотложное дело с верой, что мы его с успехом выполним в начальных его формах. А там придут широкие массы тружеников, они его закончат.

После меня выступали многие товарищи и высказывались в положительном смысле по этому вопросу.

Товарищи Марченко и Щусь воздержались от выступления, заявив, что они будут делать все, что чрезвычайное наше совещание в большинстве своем решит и возложит на них.

Воздержание товарища Марченко от активного выступления против положения о создании фронтов и фронтовой борьбы против врагов революции лишь укрепило решение этого важного вопроса. Совещание назначило кандидатов командиров для организации главных по тому времени фронтовых боеучастков: чаплино-гришино-очеретенского, с одной стороны, и царевоконстантиновско-пологово-ореховского — с другой.

В результате совещания по вопросу о командирах были утверждены: П. Петренко, младший Тыхенко и матрос Красковский. Этим товарищам совещание дало наказ, который в общих чертах гласил: «Боеучастковые командиры в своей инициативе по стягиванию повстанческих отрядов в известной местности в одну боевую группу и по введению в ней революционной дисциплины самостоятельны. Они вводят и закрепляют в жизни группы эти организационные начала с согласия повстанческой массы данной группы. В оперативном отношении они целиком подчиняются главному штабу повстанческих войск имени Батьки Махно и самому Батьке непосредственно».

Уполномоченные чрезвычайным совещанием и утвержденные штабом командиры были: Петр Петренко — на чаплино-гришинское направление, а младший Тыхенко и Красковский — на пого-царевоконстантиновское.

Ореховское направление штаб решил временно оставить открытым, без всякого заслона, имея в виду поручить его в ближайшее время формирующейся как раз в этом участке группе Правды.

Таким образом, командиры Петренко, Тыхенко и Красковский выехали в местности указанных выше направлений к нашим инициативным повстанческим группам с самыми незначительными силами и занялись при прямом и полном содействии этих групп стягиванием мелких отрядов и организацией из них более заметных и в количественном, и в качественном отношении боевых групп, согласно предположению основного штаба: создать серьезную фронтную линию борьбы на известной территории восставшего крестьянства против власти немецко-австрийского командования и гетмана «всего Украины» Скоропадского и, как я уже подчеркивал выше, против только-только поднимавшихся контрреволюционных сил на Украине красново-деникинской формации.

После всего этого наше чрезвычайное совещание заслушало мой доклад о необходимости реорганизовать и переименовать все наши инициативные повстанческие группы в подотделы основного штаба повстанческих войск. В этой реорганизации и, конечно, в более тесном сцеплении их между собою и с основным штабом я лично усматривал подлинную гарантию, с одной стороны, торжества федеративного принципа в жизни и борьбе повстанчества, а с другой — того, что все эти действия примут тождественный характер с задачами и целями повстанческой анархо-махновской организации как таковой.

Эта реорганизация групп в подотделы, на мой взгляд, необходима была еще и для того, чтобы основной штаб повстанчества мог легче справиться со своими оперативными заданиями однородного ударного характера не только на определенных своих боевых участках, но и повсеместно, на местах действия бунтующего, восстающего трудового крестьянства против врагов революции и свободы.

Совещание целиком одобрило мой доклад о реорганизации всех наших инициативных повстанческих групп в подотделы основного штаба повстанческих войск и высказало свое пожелание, чтобы я лично занялся этим делом, как лицо, пользующееся у этих групп абсолютным доверием, и как человек, много рисковавший на революционном пути во имя общего дела трудящихся. Я обещал совещанию все это выполнить в ближайшее время.

* * *

Помимо вышеизложенных общих задач наше чрезвычайное совещание вменило в обязанность штабу сделать все от него зависящее, чтобы агроном Дмитренко, командир взвода еврейской роты вольного

батальона весеннего периода 1918 года Леймонский, Прокофий Хундай-Коростелев и Тихон Бык были уничтожены теперь же, не дожидаясь окончательного установления штаба в Гуляй-Поле.

За что?

1) Агронома Дмитренко, именовавшегося эсером, за то, что весной, в ночь перед тем, как штабу вольных батальонов защиты революции нужно было иметь непрерывную связь с командованием красногвардейского фронта, собрал молодых «шовинистов», выехал с ними за Гуляй-Поле и перерезал все телеграфные и телефонные провода. Поступок Дмитренко, предательски контрреволюционный, принес большой вред. Он крестьянами-революционерами не может быть прощен, тем более что этот самый Дмитренко отлично жил в Гуляй-Поле при немцах и гетманщине, тогда как все другие революционеры частью были расстреляны этими палачами, частью же принуждены скрываться. И по чьей вине? По вине все того же Дмитренко, развезжавшего во главе конного отряда по району и вылавливавшего всех их, чтобы выдать на казнь немецко-австрийскому командованию как союзнику Украинской Центральной рады, спасавшему, по выражению Дмитренко, «Украину от революции и кацапов».

2) Леймонского — за то же, за что и Дмитренко. Леймонский, пользуясь доверием еврейской молодежи, занимался со своим взводом, в угоду буржуазии и контрреволюционных заговорщиков, нападениями на квартиры членов Гуляй-Польского районного революционного комитета и членов Совета рабочих и крестьянских депутатов, обезоруживал их, затем арестовывал и сводил в штаб заговорщиков для выдачи немецко-австрийским и Центральной рады палачам. Теперь он служит шпионом в немецко-австрийском районном штабе. Это вызывает сильное возмущение широкого населения уже не только против него, Леймонского, но вообще против евреев, среди которых отдельные негодяи вроде «анархиста» Льва Шнейдера (который, как известно, первый вскочил с гайдамаками в бюро анархистов, рвал знамена, бил и топтал портреты Бакунина, Кропоткина, Александра Семенюты и вообще помогал громить богатейшую библиотеку группы) оказались предателями. Леймонскому, как и Шнейдеру, не может быть пощады — единогласно решило чрезвычайное совещание.

3) Прокофия Коростелева — за то, что он гетманский шпион.

4) Тихона Быка — за то, что он весной, при заговоре украинских офицеров-шовинистов в пользу немецко-австрийской и Центральной рады контрреволюции, был первым организатором и председателем тайной «от трудового населения Гуляй-Поля и его района» делегации к командованию контрреволюции и, как таковой, вел переговоры с этим командованием по вопросам о сдаче Гуляй-Поля без боя, об отозвании с фронта и разоружении анархического отряда и вообще о разоружении вольных батальонов защиты революции.

Помню, совещание особенно резко высказывалось именно против этого Быка. Оно готово было в ту же минуту послать двух своих членов на квартиру Быка, чтобы убить его.

Я поклялся перед совещанием, что все изменники в нашей весенней борьбе с нашествием немецко-австрийских и Центральной рады банд на революционную Украину будут уничтожены. Но я просил совещание не настаивать на том, чтобы штаб повстанчества занялся этим делом теперь, когда он пока что состоит всего из трех человек: А. Марченко, Семена Каретника и меня с двумя моими личными адъютантами Щусем и Исидором Лютым (остальные товарищи: Петренко, Красковский, Тыхенко и другие — уже имели определенное занятие на командных постах и не могли приниматься в расчет) — и завален вопросами первостепенной важности. Я просил совещание верить моим обещаниям, что в будущем штаб все предпримет для того, чтобы изменники были уничтожены, и в этом случае предоставить вопрос на разрешение самому штабу повстанчества. Я предлагал ни в коем случае не уничтожать Тихона Быка сейчас же, ибо если его сейчас уничтожить, то мы должны одновременно уничтожить целый ряд подобных Быку негодяев. А это может непоправимо подорвать симпатии к нам и к делу восстания со стороны населения, которому доказывать целесообразность и, главным образом, правоту наших актов в отношении всей этой нечисти у нас нет ни времени, ни технической возможности.

Товарищи долго спорили между собою и в конце концов передали этот вопрос на разрешение штаба.

В это самое время наши заставы на станции поймали в одном из проходящих поездов Прокофия Коростелева и представили его на совещание. При опросе он дал полное сознание в том, что он под видом охотника на дичь занимался шпионскими делами в пользу немецко-гетманских властей, вербовал в шпионскую сеть новых агентов и получал за это приличное вознаграждение.

На вопрос Фомы Рябка: «А молодой Леймонский, взводный командир еврейской роты весеннего периода, тоже агент твоей шпионской сети?» — Коростелев заявил, что молодой Леймонский именно и ввел его в эту организацию. Затем Коростелев раскрыл нам целую группу лиц, занимавшихся шпионским делом по выслеживанию скрывающихся крестьян-революционеров и провокациями разного рода. Руководители этой группы были большей частью приезжие в Гуляй-Поле люди. Группа имела своих членов главным образом в центре села; по разъездным делам ею вербовались евреи из спекулянтски-торгашеского мира; по окраинам Гуляй-Поля и по заводам вербовались члены из рабочих и крестьян кулацкого происхождения.

Несмотря на чистосердечное признание Прокофия Коростелева и на раскрытие шпионской организации, революционеры-крестьяне не пощадили его. Он был тут же вывезен к месту свалки падали — дохлых лошадей, свиней и т.д. — и расстрелян. А совещание решительно вменило в обязанность штабу повстанчества уделить максимум внимания проверке, вылавливанию и беспощадному уничтожению всех членов шпионской группы врагов революции.

Штаб принял настаивания совещания во внимание, но считал более важным дело немедленного объезда ряда районов, проверки в них деятельности инициативных групп и затем последовательной неуклонной реорганизации этих групп в подотделы основного штаба разраставшегося повстанческого движения.

Поэтому как только чрезвычайное совещание кончило свои занятия, а санитарный отдел распределил раненых повстанцев — в том числе Щуся — по крестьянским избам на излечение, штаб снял главные силы своего отряда с Гуляй-Поля и с хуторов и направился в известные районы по этому специальному делу. С точки зрения штаба важно было убедиться непосредственно в плодотворной деятельности инициативных групп и подготовить почву для реорганизации их в его подотделы, чтобы скорее и легче справиться с делом организации повстанческих сил в широком масштабе для занятия определенных, фронтового характера, боевых участков против вооруженной контрреволюции. Только при таком порядке ведения борьбы можно было надеяться в это трудное для революции время, что восстание наше оформится в определенную организованную революционную силу, создаст себе определенный тыл и сможет наметить общие положительные основания для тех общественных единиц, которые нужны трудовому люду как средство социального действия на пути определения и создания новых форм нового свободного общества тружеников.

Как ни чувствовали все мы, и я, ближайшие мои помощники, что эти задачи повстанчества слишком ответственны и непосильны для нас, мы считали своим долгом использовать все то время, в течение которого революция носит социальный характер, надеясь, что нас услышат те из революционеров, с которыми я во время поездки по России в апреле, мае и июне встречался и от которых слышал, что они ищут благодарной почвы для применения своих знаний и сил. Они, эти революционеры, думалось нам (я тогда не мог еще допускать мысли, что они в большинстве своем обыкновенные болтуны), придут к нам и применят на пользу повстанческого движения, его живых и здорвых идей эти свои знания и силы.

* * *

При объезде интересовавших нас районов Александровского и Павлоградского уездов нам пришлось вести большие бои с многочисленными немецко-австрийскими и гетманскими вооруженными силами, а также с разного рода отрядами немецких колонистов и кулацких хуторов, вооруженных командованием оккупационных войск и бывшей Центральной рады. Теперь эти отряды являлись уже скрытыми основными ячейками денкинских военных формирований. Они были уже теперь многочисленны. На каждом шагу они открывали нас и тормозили наше продвижение вперед.

Немецко-австрийские и гетманские войска, пользуясь этими отрядами, местами успешно достигали нас, атаковывали и били.

Около трех недель мы рейсировали по районам. Кое-где успешно проводили в жизнь наши групп новые организационные начала. Кое-где успевали только условиться с одиночками, членами этих групп, по важным для дела организации вопросам. Затем мы направились к Днепру за пулеметами и вообще за оружием, которое бывшими гайдамаками было там попрято. Некоторые из них обещали передать его нам.

В районе Синельниково нам пришлось выдержать серьезный бой с немецко-австрийскими войсками. Мы потеряли здесь много сил убитыми и ранеными.

Бой завязался совершенно неожиданно и с незначительными силами противника. Первое время схватки наш отряд заметно взял перевес. Несколько увлекшись успехом, он скоро попал в опасное окружение и очутился в безвыходном положении. Если бы не подоспели другие наши отряды со стороны и не предприняли бы решительных мер с тыла против сил противника, весь наш отряд вместе с основным штабом движения был бы перебит метким ураганным огнем хороших стрелков немецко-австрийских армий. Но многочисленные, хотя сравнительно и мелкие наши партизанские отряды, узнав от населения пройденных нами сел, что это именно мы окружены немецко-австрийскими войсками, бросились, не щадя своих сил, на противника со всех сторон и принудили его бежать.

Здесь отличился своей боевой стойкостью и умением маневрировать под градом вражеских снарядов Ульяновский отряд в 240—270 человек, поголовно из крестьян, бывших солдат.

Радости нашей не было границ, когда мы выбрались из этого окружения и, прогнав противника верст за 10, встретились с этим Ульяновским отрядом. Но то было время, когда не только штаб с командирами, но и каждый рядовой революционный боец сознавал особенность и ответственность положения. Поэтому отряды не могли долго оставаться вместе. Ульяновский отряд получил задание от штаба уйти в район Чаплино — Гришино и объединиться с группой, восстанавливавшей под руководством старшего Петренко фронт против немецко-австрийско-гетманских сил, с одной стороны, и казачьих (со стороны Белого Дона) — с другой.

Отряд же, которым начато было дело восстания, то есть основной отряд, со штабом направился к берегам Днепра, в пути постоянно натываясь то на врагов (и тогда сражаясь с ними), то на своих (и тогда давая им советы о перегруппировании мелких отрядов в более крупные и о подтягивании их к районам, где намечено было создать определенные плацдармы для организации фронтов и их боеучастков).

Как-то раз переезжая через линию железной дороги Синельниково — Александровск, мы наткнулись на военные эшелоны немецких войск и приняли с ними бой при следующих обстоятельствах.

Теперь мы лучше знали и немецкое командование, и немецких солдат. Поэтому, наткнувшись на эти эшелоны, мы прежде всего

повели с ними переговоры о том, чтобы они, оставив себе для самоохраны на каждый эшелон по 10 винтовок и по ящику-два патронов, остальное оружие немедленно сложили перед нами. Однако, несмотря на эти переговоры, мы быстро заготовили все имевшиеся на станции Новогупаловка паровозы, чтобы пустить их навстречу эшелонам, если придется применять силу для их разоружения. В то же время подрывщики были на своем месте. И вообще, все было приготовлено, что в таких случаях полагается, как с нашей своеобразной крестьянской точки зрения, так и с точки зрения чуждой, местами нам, крестьянам, малопонятной академической стратегии.

В переговорах немецкое командование как будто согласилось с нашими требованиями. Но когда оно отпустило нашу делегацию, то начало высаживать из эшелонов войска и развертывать их во фронт. Это вызвало решительный протест с нашей стороны. Скоро между нами завязался бой не на жизнь, а на смерть. Наши паровозы, пущенные по обоим путям, сделали все, что надо было. Немецкое командование и его войска жестоко поплатились за свои лицемерные переговоры с нами, за лицемерное соглашение сложить оружие без боя. Поплатились настолько, что, оставив нам много вооружения (на поле и в разбитом нашим первым паровозом самом крупном эшелоне), бежали в сторону Александровска.

В эшелоне оказалось кроме оружия и патронов тысячи банок разного варенья, настоек, фруктов, которыми русская буржуазия в Крыму одаривала этих палачей Украинской революции. Не говорю уже о том, сколько здесь было разной обуви и кожи для обуви, т.е. вещей, награбленных немецкими войсками всюду, где можно было: и по магазинам, и у крестьян при обысках, порке, арестах и расстрелах.

Для того чтобы широкая крестьянская масса могла видеть, какие вещи были в этом эшелоне, и серьезно подумать о том, где они могли быть приобретены немецко-австрийскими войсками, я распорядился, чтобы местные новогупаловские повстанцы сообщили в село крестьянам — выйти к эшелону, посмотреть на содержимое в нем и такие вещи, как кожа, сахар, варенье, забрать и распределить в общественном порядке, между беднейшими в первую очередь. Население все это награбленное богатство эшелона видело и глубоко возмущалось.

А мы ушли далее, к Днепру, к месту Днепровских порогов, туда, где шум быстрых и сильных потоков всегда что-то говорит имеющим силы бороться за широкие просторы и за волю.

У порогов я лично и отряд повстанцев сели на плоты и двинулись по Днепру под руководством опытных лоцманов-крестьян, чтобы прощупать на дне Днепра пулеметы бывших гайдамаков-синежупанников, заподозренных гетманом и немецко-австрийским командованием в революционности и частью разоруженных, частью же разбежавшихся по Украине с оружием и попрятавших часть этого оружия в Днепре.

Пулеметы мы нащупали и около восьми штук вытянули. Хотя масло с них и было уже смыто, они еще сохранились и были пригодны на позициях и в боях. Здесь же, у Днепра, крестьяне снесли нам около двадцати ящиков патронов к русским и австрийским винтовкам.

Но здесь же, впервые за время нашего открытого вооруженного выступления против врагов революции и трудящихся, два повстанца (один, между прочим, лучший друг товарища Щуся) опозорили наш отряд, тайком от всех наложив на мельницу денежную контрибуцию в размере 3000 рублей. Они получили эту сумму и позащивали ее себе в шапки.

Об этой контрибуции я узнал при моем выступлении с речью перед крестьянским сходом села Васильевки. Никогда за все время моей революционной деятельности я не чувствовал на сердце такой боли, как во время этого своего выступления. Мысль, что в отряде есть люди, которые тайно совершают непозволительные преступные акты, не давала мне покоя. И отряд не вышел из этого села до тех пор, пока лица эти не были раскрыты и хоть и с болью, но без всяких колебаний расстреляны в этом же селе. Теперь я, братья Каретники, Марченко, Лютый, Мощенко, юный и до бесконечности честный Гаврюша Троян и другие — все были в тревоге перед сознанием, что в отряд просачивается элемент, преследующий цели грабежа и личной наживы. И мы решили не останавливаться ни перед чем, чтобы с корнем вырывать его из повстанческих рядов и уничтожать.

* * *

Изъездив многие районы Павлоградского и Александровского уездов, кое-где реорганизовав наши инициативные повстанческие группы в подотделы основного штаба повстанческих войск имени Батьки Махно, мы повернули на Гуляй-Поле, опять-таки через село и станцию Новогупаловку.

При стоянке в селе Новогупаловке штаб выяснил, что по линии Синельниково — Александровск вот уже несколько дней почти непрерывно рейсирует подозрительный поезд в три-четыре вагона. Я лично придал этому поезду известного рода разведывательное значение, однако не сделал распоряжения подрывщикам конной разведки подложить в известных местах фугасы и взорвать его. Штаб в это время постоянного начальника не имел. Обе функции — и начальника штаба, и командующего — сосредоточивались в моих руках. Поэтому дежурные по штабу — старший Каретник и А. Марченко — сами тоже не дали распоряжения об этом подрывщикам. Отряд стоял спокойно и пополнял свои ряды свежими, стекавшимися к нам в этом районе силами.

Целые сутки нас никто из врагов не беспокоил. Но вот мы снялись из села Новогупаловки и направились на переезд через линию железной дороги. Разведчики наши заняли станцию и уз-

нали, что со стороны станции Софиевка вышел этот поездок в 3—4 вагона. Узнали даже, что он сопровождается несколькими русскими и украинскими (гетманскими) офицерами.

В группе разведчиков имелось, во главе с младшим Каретником и Василием Шкабарней, около двенадцати человек лучших солдат, пограничников старой военной службы, людей очень опытных и серьезных.

Подзываю младшего Каретника и делаю ему распоряжение остановить этот поездок у подхода к вокзалу:

— Если не надеешься на свои силы, возьми человек 30 из пехоты, с лойсистами.

И тут же даю распоряжение товарищу Клерфану отпустить эти силы из пехоты.

Младший Каретник говорит:

— Мы его остановим и возьмем силами разведчиков.

И тотчас бросается галопом к своим людям.

Отряд наш пересек линию и как будто начал удаляться от станции. Но как только передние его части скрылись за бугорок, командир Клерфан быстро повернул вправо с целью обойти поездок сзади и отрезать его. Маневр товарища Клерфана оказался, однако, бесполезным. Поездок этот подскочил к станции и как будто начал останавливаться по сигналу подскочивших в нему младшего Каретника, Шкабарни и других. В действительности он останавливался с целью, чтобы команда его взяла более верный прицел. На этом тихом ходу из поездка посыпался град пулеметных и ружейных пуль, скосивших на месте Шкабарню и с ним еще четырех лучших бойцов. Был также тяжело ранен младший Каретник. Были ранены его и моя лошадь. Обстреляв наших, поездок помчался вперед по направлению Славгорода — Синельниково.

Такая опрометчивость, главным образом моя и младшего Каретника, в распоряжении которого были фугасы, так что он мог впереди поездка посадить подрывщика, глубоко запечатлелась в памяти и у меня, и у самого Каретника с раздробленной левой рукой, и у всего отряда. Потеря в один день лучших конных разведчиков, преданнейших борцов за народное дело, дни и ночи долгое время мучила меня. С этого времени я глубоко и серьезно затаил в себе мысль о назначении специального отряда для занятия города Александровска и уничтожения в нем всех офицеров известных мне войск службы гетмана. (Впоследствии читатель увидит, что мысли мои по этому вопросу целиком были осуществлены нашим отрядом под командой Коробки при занятии города Александровска.)

Подобрав убитых и раненых бойцов, мы отъехали от станции Новогупаловки верст за 15 и в одной из деревушек оставили убитых при нескольких товарищах, чтобы крестьяне похоронили их за счет штаба.

Сами мы продвинулись в направлении к селу Лукашево, где имелся хороший хирург, чтобы попытаться спасти руку младшему Каретнику и сделать необходимые операции другим повстанцам.

На наше счастье, мы встретили этого доктора-хирурга в дороге. Он как раз ехал из Новониколаевки домой в Лукашево. Я ему объяснил положение раненых. Он тотчас же пересел на нашу подводу и быстро помчался в Лукашево. Там он забрал нужные инструменты (перевязочные материалы у нас были) и приехал ночью в указанную мною деревню Алеево, где расположился наш отряд.

Почти всю ночь напролет наш славный доктор провозился с ранеными в оказал всем им и вообще отряду неоценимую помощь.

Все это происходило приблизительно в 20-х числах ноября 1918 года. В этой же деревушке Алеево наутро, когда, присутствовал всю ночь при производстве операций раненым повстанцам, устав и изнервничавшись, я наконец немного отдохнул, я счел нужным устроить митинг крестьянам этой деревни. Пришел на их сход и начал говорить им об их рабском положении под гнетом гетмана и водрузившего его немецко-австрийского юнкерства, приведенного сюда и посаженного им на шею Центральной радой.

В этот день в этой деревушке была как раз получена первая телефонограмма из Александровска, сообщавшая «всем, всем, всем» о том, что в Киеве совершен переворот. Гетман Скоропадский низвергнут. Организовалась Украинская Директория⁵² под председательством В.Винниченко⁵³. Директория объявила всем политическим узникам амнистию и т.д. и т.п.

Помню, с каким воодушевлением один из граждан деревни, учитель, читал эту телефонограмму крестьянскому собранию. С пафосом незаурядного деревенского оратора и «щирого» украинца он произнес затем речь и поставил мне в упор вопрос:

— Какую позицию вы, Батько Махно, со своими революционно-повстанческими силами займете по отношению к Украинской Директории, во главе которой, как вам теперь известно, стал человек, заслуживающий не только уважения, но и полного доверия от трудового народа.

Сведения о киевском перевороте меня лично мало тронули. В нем я видел все тот же политический шантаж, какой я видел и в водворении гетмана Павла Скоропадского шесть месяцев тому назад.

Но вопрос, поставленный мне учителем, застал меня врасплох. В этой деревушке я его не ожидал, и поэтому он меня несколько смутил, тем более что на собрании присутствовала масса повстанцев, а вопрос о политическом доверии Винниченко был чрезвычайно серьезным: ответ на него требовал не только правды, но и серьезного, ответственного обоснования. Хорошо помню, как я, начав говорить и в то же время обдумывая ответ, вначале нервничал, глотал слова и заикался. Это даже принудило меня остановиться, прекратить речь и попросить кружку воды. Так я выиграл время, овладел своими нервами и затем начал отвечать на поставленный мне учителем вопрос.

Украинским труженикам, говорил я, мало когда везло в истории их борьбы. За их спинами почти всегда действовали изменявшие им вассалы если не польской шляхты, так русских царей. Я, ко-

нечно, не знаю Винниченко лично; но я знаю, что он — социалист, притом социалист, принимавший и принимающий участие в жизни и борьбе трудящихся. Он обладал и обладает социалистической верой, пафосом чувствования и действия. По крайней мере, я так понял Винниченко. Однако до политического доверия к нему отсюда еще далеко. Особенно в настоящее время, когда трудовой народ, освободившись от политического рабства в 1917 году, стремится к коренному переустройству социальной жизни, а многие Винниченко вели его к совсем другим берегам... Я точно не осведомлен о том, какую роль играл Винниченко в деле заключения Украинской Центральной радой союза с немецким и австрийским царями, союза, приведшего на Украину против революции 600 000-ю армию сознательных и бессознательных убийц, рвущих и топчущих вот уже около 6—8 месяцев тело украинской революции, убивших уже десятки тысяч крестьян и рабочих и продолжающих убивать по сей день. Но я знаю, что Петлюра⁵⁴, военный министр бывшей Украинской Центральной рады во время нашествия этих орд на Украину, шел в авангарде с гайдамацкими бандами, дико расправлявшимися с каждым революционно мыслящим крестьянином и рабочим. И я знаю, что теперь Винниченко рука об руку с этим самым Петлюрой создает на Украине новое правительство. Где же, я вас, товарищи, спрошу, в революционных украинских селах и городах найдутся среди тружеников такие дураки, которые поверили бы в «социализм» этого петлюровско-винниченковского украинского правительства или Украинской Директории, как оно себя величает?.. Я знаю, что для вас и для ваших друзей, щирых патриотов, Винниченко и Петлюра являются лучшими представителями украинского дела. Но, по-моему, украинское дело должно быть революционно-освободительным делом самих тружеников, без немецкого царя, который бросил весь немецкий народ в кровавую бойню... Вот почему я не думаю, что революционно-повстанческое движение под моим руководством может найти общий язык с этой Украинской Директорией; тем более что нам, повстанцам-махновцам, неизвестна еще программа Украинской Директории, равно как и то, кем она избрана. Украинское революционное повстанчество имеет перед собою в настоящее время одну задачу: окончательно деморализовать и разбить немецко-австрийские армии на Украине и раздавить гетманщину. Дело великое, уже повстанчеством начатое. Менять его на задачи Директории революционному повстанчеству не придется. Директория ничего живого и здорового, связанного с чаяниями украинских тружеников, не даст, даже если бы и стремилась к тому. По примеру всех либеральных правительств, какие иногда бывают в республиканских странах, она скоро сделается поборницей прав буржуазии как класса материально богатого и выгодного для правителей. Она скоро запутается в буржуазных делах и потеряет тот социалистически-демократический характер, какой, вы верите, Винниченко своим председательством вложит в нее. Я и революционное повстанчество в эту комедию-

чудо не верим. Украинской Директории мы признавать не будем. И если перед лицом более опасных контрреволюционных сил на Украине мы и не будем сейчас вооруженно бороться против Директории, то мы будем дни и ночи недосыпать, будем серьезнейшим образом готовиться к этой борьбе против нее. В лице Украинской Директории, по-моему, неестественно родился и так же неестественно может вырасти и временно окрепнуть новый палач подлинного политического и экономического освобождения украинских тружеников. Революционное повстанчество, не останавливаясь ни перед какими жертвами, бесстрашно идет вперед и умирает за идеи подлинного освобождения трудящихся от власти имущего буржуазного класса и его наемного слуги — государства. На этом пути повстанчество встретило серьезнейшую преграду в лице немецко-австрийских и гетманских вооруженных сил. Оно проламывает эту преграду вот уже два месяца с лишним. Враги дрогнули, и преграда зашаталась. Повстанчество повалит эту преграду и пойдет далее против деникинщины и Украинской Директории с открытым лицом и глубокой верой, что трудящиеся его поддержат в этом деле. «Смерть всем врагам освобождения трудящихся!» — должен сказать каждый труженик в селе и в городе и в согласии с этим действовать против врагов...

Крестьяне деревни Алеєво наградили меня словом:

— Вы, Батько Махно, наш неизменный друг. Мы пойдем все в повстанчество и будем бороться с буржуями и их властью...

Человек, поставивший мне вопрос о Директории и об отношении к ней повстанчества, пожимал плечами, приговаривая, что если действительно так может быть с Директорией, он тоже будет против нее...

А мои друзья, в особенности Алексей Марченко, признали мое выступление перед крестьянами по вопросу об Украинской Директории настолько удачным и верным, что готовы были сейчас же снарядить группу всадников и послать меня с нею в специальный повторный объезд всех районов с целью изложения широкой крестьянской массе нашей повстанческой точки зрения на организовавшееся в Киеве новое правительство, чтобы, таким образом, раньше, чем правительство выпустит свою программную декларацию, революционное крестьянство было в общих чертах осведомлено об этом правительстве.

Лишь один Каретник, как всегда, был категорически против того, чтобы я вообще отлучался на сторону от основного повстанческого ядра. Он, всегда мало говоривший, если уже говорил о чем-либо, то всегда твердо и конкретно, причем от раз принятой точки зрения на вещи никогда не отходил. Не знаящим его близко он казался сердитым, но выдержанная ровность его характера скоро раскрывала в нем человека просто чуждого малейшего лицемерия, человека исключительно прямого и целиком сосредоточенного на мысли об успехе движения. Вот этот самый Каретник высказался против такой поспешности в приготовлениях к борьбе с Украинской

Директорией. Он утверждал, что власть Директории может быть реальной силой только в Киеве и возле него, на всю же Украину она своего влияния не окажет.

— Революция на селе принимает явно противовластнический характер, — подчеркивал товарищ Каретник, — который мы всеми силами и должны поддерживать, стараясь, чтобы он был выражен еще более определенно. В этом — залог тому, что вновь организовавшаяся Украинская шовинистическая власть в Киеве останется властью только для Киева. Крестьянство за ней не пойдет; а опираясь лишь на отравленный и зараженный властническими началами город, она далеко не уйдет. Поэтому я предложил бы всем товарищам отбросить мысль о посылке Батька по районам и ограничиться пока выпуском листовки, которая разъяснила бы населению новоиспеченную киевскую власть и ее цели. Отрывать Батька от штаба теперь, когда организуются боеучастки, нельзя. Он пока фактический штаб. Об этом мы должны помнить и не должны бросать его во все стороны.

Большинство товарищей согласились с Каретником и постановили, чтобы, как только придем в Гуляй-Поле, выпустить листовку против Украинской Директории как власти вообще и как власти предателей интересов революции в частности.

А когда съехались повстанцы, оставшиеся в деревушке Н. хоронить убитых конных разведчиков, отряд направился на Гуляй-Поле.

Глава XIV

«МАХНО УБИТ». НАПРАСНОЕ ЗЛОРАДСТВО ВРАГОВ РЕВОЛЮЦИИ

Во время стрельбы по конным разведчикам на станции Новогупаловке железнодорожники, видя, с какой скорбью повстанцы подбирали павших бойцов, пришли к выводу, что среди погибших находился и сам Батько Махно. Весть эта быстро донеслась до стана врагов и вызвала у них великое ликование. Офицеров, выезжавших поездом и убивших наших разведчиков, чествовали и восхваляли в городе Александровске.

Все кулаки и помещики, группировавшие в городе свои отряды по распоряжению александровского гетманского старосты и немецко-австрийского командования (в ожидании того, что отряд наш будет наступать на город), теперь снова рассыпались по уезду. Некоторые разъехались даже по своим колониям и хуторам и всюду рассказывали о смерти Махно, о том, что главные его повстанческие силы деморализованы и разбегаются. Всюду наши враги справляли тризну по Махно.

Сам я не читал, но мне передавали из города Александровска, что в прессе появилась заметка полуофициального характера о

том, что «герои»-офицеры представлены к награде за убийство Махно.

Слыша обо всем этом, я, естественно, не мог быть спокоен. Я видел, что враги революции снова подняли головы, как будто с повстанчеством все уже кончено. Снова враги расползались по уезду...

Перед выездом из деревни Алеево я имел уже в своем распоряжении точные данные о том, в каких хуторах и колониях и какие именно вражеские отряды нашему отряду придется встретить.

Женщины-добровольцы-контрразведчицы, главным образом из тех, которые фанатично верили в правоту повстанчества, женщины замужние и девушки, труженицы-крестьянки с искреннего согласия своих мужей и родителей делали все для того, чтобы всюду прорывать сквозь рогатки контрреволюционных сил, разыскивать повстанческие отряды и сообщать им, где и какие стоят силы врагов, куда и какими дорогами направляются и т.д. и т.д.

Поэтому движение отряда из Алеево было рассчитано так, чтобы всем врагам, справлявшим тризну по моей смерти и смерти повстанчества, дать как можно сильнее почувствовать как их преступления, так и их глупость.

На нашем пути, верстах в 7—10 от Алеево, в колонии номер 4 находился кулацкий отряд под командой помещика Ленца. Его-то и нужно было уничтожить в первую очередь. Однако помещик Ленц, будучи убежден, что Махно убит, выслал нашему отряду пакет с крестьянином. В пакете мы нашли заявление Ленца о том, что он с махновцами драться не желает, он хочет мира. В доказательство своей искренности Ленц вывел свой отряд из колонии и дал нам возможность войти в колонию. А затем он попытался со своим отрядом со стороны и с помощью колонистов изнутри одним взмахом если и не совсем уничтожить, то наполовину перебить и перекалечить этот опасный махновский отряд.

Но в это время мы уже кое-что понимали в области партизанства и стратегии. Обхват колонии был нами выполнен так, что удар Ленца по нашему отряду и стрельба по нему из домов этой богатейшей колонии привели к полному ее разгрому. Сам Ленц лишь с несколькими всадниками еле умчался. Остальные его сподвижники и часть хозяев колонии (те, что стреляли по нашим бойцам) были раздавлены на месте, и колония была почти вся сожжена особой командой.

Затем назло врагам главные силы нашего отряда получили от «убитого» Махно следующее задание.

«Командиры и повстанцы! Враги революции издеваются над нами, над всеми труженниками села и города. Момент настал, когда мы должны их одернуть. Мы встретились сейчас с отрядом помещика Ленца. Отряд раздавлен, Ленц бежал. Чтобы не дать возможности Ленцу сообщить о своем поражении в другие хутора и колонии другим контрреволюционным отрядам, главные силы на-

шего отряда должны выделить достойный авангард и по его следам огнем и мечом пронестись в один день через все кулацкие хутора и колонии маршем, который не должен знать никаких остановок перед силами врагов. Т.е., какие бы силы врагов нас ни встретили, они должны быть раздавлены. Все богатеи, хозяева хуторов и колоний, которые, как вам известно, съехались из-под Александровска повеселиться на радостях, что их наемниками убит Махно, должны быть застигнуты нами за их оргиями неожиданно для них. Главные силы отряда пойдут со мною, Каретником и Лютым. Но в авангарде этих сил должны пойти кавалеристы-охотники под руководством товарища Алексея Марченко. Они должны пройти по улицам хуторов революционно-боевым маршем, ничего не делая, только трубя в сигнальные рожки и стреляя в воздух. Работы по конфискации лошадей, тачанок, разного рода оружия и денежных средств, которые для нашего движения нужны, они оставят для других групп из главных сил, которые на плечах кавалеристов займут эти хутора».

И силы наши тронулись в этот тяжелый, но необходимый марш. Я сам видел, как бесстрашные бойцы во главе с Марченко шли впереди и теряли под градом вражеских пуль многих славных друзей. Но они не дрогнули и нигде не сбились. Они летели прямо на верную смерть с глубоким сознанием того, что через свою смерть или победу прокладывают путь для других бойцов и к другим победам.

Главные силы отряда входили в хутора, имения и колонии по следам первой группы, сравнительно под слабым встречным огнем.

Хозяева эти могли бы быть все уничтожены вместе с их усадьбами. В сущности, это было бы ответом на жертвы, понесенные повстанцами при налетах на них помещиков. Но не жизнь этих хозяев нужна была повстанчеству, а реальное воздействие на их психику и та физическая победа над ними, необходимость которой диктовалась моментом. Отнятие жизни у тех, кто, однако, рвет и топчет жизнь других, считалось уже в это время в рядах повстанцев-махновцев крайней мерой, применение которой допускалось лишь в отдельных случаях в отношении одиночек, а не массы людей. Здесь, на пути через хутора, отнятие жизни могло иметь только массовый характер. Этого повстанцы-махновцы старались избегать. Они ограничились, как говорилось в распоряжении, конфискацией у хозяев лошадей, тачанок, денежных средств, огнестрельного и холодного оружия. Уничтожались лишь одиночки из них, главным образом те, которые состояли в отрядах, боровшихся против революции, разъезжая по всему району. Этому элементу не было пощады, ибо его деятельность по селам в отношении революционно настроенных крестьян была слишком хорошо известна повстанцам-махновцам. Некоторые из этих кулаков были форменными палачами в отношении крестьян и крестьянок. В районах Гуляй-Поле — Александровск можно было сплошь и рядом встретить после их прихода переизнасилованных

крестьянок и избитых или загнанных в тюрьмы их мужей, не говоря об убитых.

* * *

Пробег нашего отряда через кулацкие хутора и колонии в Лукашево-Бразоловско-Рождественском районах в боевом порядке произвел должное впечатление на все силы контрреволюции не только в Александровском уезде, но и вообще на Левобережной Украине.

Многие кулаки и помещики, увидев меня во главе отряда, столбенели и не скоро приходили в себя. А когда они приходили в себя, то, не стесняясь махновцев, проклинали своих вождей за их ложь об убийстве того, против кого они так долго действовали и готовились выйти с оружием в руках целыми хуторами и кому в руки теперь так глупо попались, убаюканные ложью о его смерти.

Конечно, с такими людишками повстанцы-махновцы менее всего расправлялись. У них лишь конфисковывались нужные повстанчеству хорошие лошади и тачанки под пулеметы (для пехоты в сводные конно-пехотные части революционной армии). Хутора теперь уже не сжигались. А хозяевам их, одуревшим при виде Махно, смерти которого они только что радовались, справляя пиры и восхваляя его убийц, делалось серьезнейшее предупреждение о том, чтобы они «подлечились» и занялись своим непосредственно мирным трудом, выбросив из своих деревянных голов всякие мысли о том, что немецко-австрийские армии на Украине непобедимы и что за их спиной они, эти хозяева, укрепят свои прежние привилегии и власть над трудящимися...

Так, в этот день с тяжелыми боями и большими жертвами (со стороны повстанцев и со стороны вооруженного кулачества) наш отряд прошел около 40 верст и вступил в свое родное по духу село Рождественку, где и расположился на вполне заслуженный отдых.

В селе Рождественке крестьяне дали нам сведения о роли рождественского священника, действовавшего заодно с кулаками и провокаторами в пользу гетманщины и против бедноты. Сведения крестьян об этом священнике, о его личных доносах немецко-австрийским и гетманским карательным отрядам на крестьян, сведения, нашедшие себе подтверждение в ряде убитых этими отрядами передовых крестьян, послужили для штаба достаточным основанием, чтобы вызвать священника, опросить его и поставить на очную ставку с несколькими крестьянами.

Священник был опрошен, а затем как собака был самими крестьянами и повстанцами повешен.

Казнь рождественского священника была у повстанцев-махновцев вторым случаем уничтожения священников за их провокаторскую роль в отношении трудового крестьянства. За аналогичное

действие штабом был в свое время схвачен семеновский священник, о котором крестьяне всем своим сходом показывали, что он является организатором кулаков и провокатором по отношению к бедноте. Некоторые из семеновских крестьян рассказывали, как этот «их» священник расспрашивал женщин о том, чем занимаются их мужья и т.п., и вскоре после этого мужья некоторых женщин арестовывались, ибо «глупые женщины» перед священником таяли и рассказывали ему, что их мужья говорят против гетмана и немецко-австрийского командования.

Второй, рождественский, случай уничтожения священника за провокацию скоро разнесся по району. И священники, начавшие было практиковать в районах повстанчества свои ораторские и провокаторские способности, быстро охладели к этой практике и возвратились к своим церковным делам, держась тише воды, болтаясь только в них, не касаясь уже революции, даже когда некоторые старички крестьяне, по своей ли инициативе или по инициативе своих сыновей, насмешливо спрашивали их:

— А что ж это вы, отец такой-то, перестали объяснять народу свои мнения про гетмана та спасших Украину немцев и австрийцев от «кацапсько-жидівського броду», что называется революцией?..

Теперь священники или совсем молчали, или же становились яркими сторонниками только церковной правды на земле и отделялись от подобных вопросов заявлениями, что канонические дела не позволяют им следить за мирскими общественными и политическими делами или что новые распоряжения от церковной епархии требуют от них не вмешиваться в политическую жизнь страны и т.д. и т.п.

После отдыха в селе Рождественке отряд вступил в свое родное Гуляй-Поле.

Глава XV

ОСВОБОЖДЕННЫЕ ИЗ ТЮРЕМ ГУЛЯЙ-ПОЛЬЦЫ. ПОЛОЖЕНИЕ ПОВСТАНЧЕСКОГО ШТАБА. ЕГО ФРОНТЫ. РОСТ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ. НЕДОСТАТОК В АНАРХИЧЕСКИХ СИЛАХ. ПЕРЕГОВОРЫ С ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИМИ ВОЕННЫМИ ВЛАСТЯМИ ВОЙСК ДИРЕКТОРИИ. ОБЪЯВЛЕНИЕ ДИРЕКТОРИЕЙ МОБИЛИЗАЦИИ. НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ДИРЕКТОРИИ И НАЧАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ С НЕЙ. НЕДОРАЗУМЕНИЕ С НЕМЕЦКО-АВСТРИЙСКИМ КОМАНДОВАНИЕМ

Вступление отряда в Гуляй-Поле было на этот раз особо радостным и для его бойцов, и для населения, которому было уже известно, что именно этим основным отрядом повстанческого дви-

жения разбиты в целом ряде районов вооруженные контрреволюционные силы врагов трудящихся. К этой радости прибавилась радость встречи отряда с освобожденными из александровской тюрьмы членами Гуляй-Польской группы анархистов-коммунистов: А. Каляшниковым, Саввой Махно, Филиппом Крамом и другими.

Встреча отряда с этими людьми, томившимися в тюрьме в ожидании смерти, людьми, дорогими для отряда, как и им дорог был отряд, произвела оживляющее впечатление на каждого из нас, переутомленных в боях. Нами чувствовались в этих товарищах новые и серьезные силы, и мы все радовались им, как и они радовались тому, что вырвались из рук палачей невредимыми и могут снова отдать себя целиком служению революции, задачам нашего революционно-анархического движения в ней.

Приехавшие из тюрьмы товарищи привезли нам некоторые интересные сведения. Они рассказали нам о том, что Украинская Директория, сделав переворот и изгнав гетмана из Киева, поспешила, как будто по долгу социалистов (Винниченко, Петлюра, Макаренко были ведь социалистами, и некоторые ими остались), декретировать освобождение из тюрьмы всех политических заключенных, но не подумала об освобождении организаторши убийства палача революции немецкого фельдмаршала Эйхгорна левой эсерки Каховской. Левые эсеры были этим чрезвычайно возмущены.

Этот поступок Украинской Директории еще более укрепил мое лично и всех моих друзей убеждение в том, что социалистического и тем более революционно-социалистического в Украинской Директории ничего нет. Ее преступное отношение к товарищу Каховской, в силу которого эта революционерка должна была оставаться в тюрьме, говорило нам о том, что Украинская Директория, хотя и низвергла гетмана от имени трудового народа Украины, намеревалась, как и Центральная рада и как гетман Скоропадский со своим правительством, душить все, связанное с революцией.

Население Гуляй-Поля и района в подавляющем большинстве разделяло нашу точку зрения в отношении Киевской Директории (по недоразумению назвавшейся «украинской»).

Штаб повстанчества параллельно со всей своей основной работой начал работать также и для того, чтобы освобожденные повстанчеством районы правильно поняли Гуляй-Поле на революционном посту и высказались бы определенно о Киевской Директории. Существовавшие по районам подотделы основного штаба повстанчества блестяще выполнили в этом вопросе задания штаба. Таким образом, повстанческие районы с первых же дней возникновения центральной украинской власти в лице Киевской Директории были направлены нами по пути социальной революции.

Можно только пожалеть о том, что основной штаб революционно-махновского повстанчества, во-первых, не имел крупных культурных сил и не мог издавать регулярно своих газет, ограничиваясь листовками и воззваниями, а во-вторых, все еще состоял

из тех же пяти человек: меня, двух моих помощников — С.Каретника и Марченко и двух адъютантов — Щуся и Исидора (П.Лютого).

Из товарищей, вернувшихся в наши ряды из тюрьмы, Калашников пошел по командной линии, а Савва Махно и Ф.Крат — по хозяйственной. Таким образом, мне, Каретнику и Марченко опять приходилось совершенно выбиваться из сил. Лишь сознание, что пока нас никто не может заменить, а также и то обстоятельство, что среди нас не было места ни тщеславию, ни интригам, поддерживали наши силы, и мы несли на себе тяжелую и ответственную работу по штабу и на фронте, который теперь имел уже три определенных боеучастка, как-то: 1) Царевоконстантиновский (в 45 верстах от Гуляй-Поля); 2) по линии Верхний и Большой Токмак (в 40—45 верстах) и 3) Гришинский (в 65—70 верстах).

Правда, ко мне начали стекаться мои личные друзья из левых социалистов-революционеров, но их я не мог выдвигать на ответственные посты в период укрепления революционного повстанчества на его антигосударственном пути, и они группировались в свои партийные культурно-просветительные единицы или же разъезжались снова по городам. Лишь один товарищ Миргородский изъявил согласие работать при мне, в согласии с решениями и постановлениями нашей группы анархистов-коммунистов, и то исключительно в рядах разъездных пропагандистов.

Такое положение заставляло меня и моих друзей часто задумываться над тем, вынесем ли мы всю эту тяжесть и ответственность с честью до конца. Как-то заехал в Гуляй-Поле А.Чубенко перед отъездом в Россию. Я категорически запротестовал против его поездки и просил его остаться при штабе. Он остался и был тут же утвержден для особых поручений при мне. А товарищ Щуся был переведен в штаб в качестве члена его.

Момент борьбы был напряженный. Немецко-австрийское командование, не выдержав наших повсеместных атак по селам и деревням, группировало свои силы по линиям железной дороги. Пришлось усилить партизанские отряды и направить их исключительно на разрушение железных дорог, на уничтожение воинских поездов, на решительное и полное разоружение их. Одновременно денкинские военные формирования росли как грибы и строили против повстанчества новые боеучастки.

Мне то и дело приходилось ночью сидеть в штабе и работать, а днем выезжать то на один, то на другой боеучасток фронта, ибо я ведь был и командующим, и начальником штаба в одно и то же время. Бывали моменты, когда я перебирал в памяти имена всех анархистов, сидевших в городах; но после наблюдений за ними во время моей поездки по России я не находил среди них людей, которые отдались бы целиком делу, начатому повстанчеством. По моему глубокому убеждению, они не были ни психологически, ни технически подготовлены к революции широких трудовых масс.

Поэтому я только болел душою, но не верил, что они должным образом услышат голос широких масс, столкнувшихся с практикой революции, и поспешат влить в их ряды достаточное количество своих идейно-революционных и организационных сил.

В городских группах было много анархистов-евреев. Для села, для нееврейского населения деревни в этот момент бунта и революции они были как пропагандисты непригодны. После прихода на Украину немецко-австрийских экспедиционных войск мещанско-купеческое еврейство дало здесь слишком много, в наших районах по крайней мере, шпионов, предателей и провокаторов штабам этих войск. Благодаря этим отдельным негодьям село, видевшее их гнусную роль, относилось с недоверием к евреям вообще. В этой области село нуждалось в серьезной ломке его мнения о евреях вообще. И ломку эту можно было бы сделать скоро и успешно лишь при помощи еврейских же революционеров-анархистов, которые не относились бы к широким трудовым массам авантюристически. А таких товарищей евреев я не знал.

Конечно, еврейские революционеры-анархисты неповинны в том, что анархические объединения себя организационно кастрировали для работы среди широких масс. Они не виноваты в том, что анархические ряды в силу традиции, унаследованной от основоположников анархизма, состояются, даже в моменты революции, из отдельных групп и группок, которые ничем организационно и ответственно не связаны и каждая из которых носитя со своим собственным, часто непродуманным анархизмом, по-своему расценивающим и момент, и задачи анархизма. Во всем этом виноваты те до конца не продуманные основоположниками анархизма философские концепции, в согласии с которыми задолго до революции воспитывались анархисты. Весь их анархический революционизм заключается в проповеди и в толкании трудовых масс на путь революции, но в то же время в отрицании организованного руководства этими массами, в отрицании ответственности, неразрывно связанной с ходом событий и практическим участием в них анархических сил.

Еврейские товарищи в таком положении дел не виноваты. А поэтому от них нельзя было и требовать больше того, что некоторые из них революции дали. Еврейские товарищи не могли быть в то время ни худшей, ни лучшей средой в рядах революции. Как и подавляющее большинство анархистов вообще, они не понимали ни выгодного для анархических действий исторического момента, ни тем более положительных анархических задач этого момента.

Все это было на руку тем темным силам, которые считали анархизм, большевизм и левое народничество вредным явлением на теле революции и действовали против этих движений в целях уничтожения революции и подмены ее лучших идеалов идеалами черносотенно-хулиганско-погромческой вакханалии под знаменами

временно «одемократившихся» белых генералов и республиканцев типа петлюровщины.

Анархизм, не имея в наличии достаточного количества сил, способных понимать момент и своевременно отвечать на запросы дня в революции, первым попал под удары черных сил и оказался наиболее разбитым ими. А большевизм и левое народничество, прибегнув ко всевозможным изгибам, некоторое время держались на своем, а затем пошли по чуждым революции путям, выбирая каждый себе выгодное положение и жестоко разя сперва анархизм, а потом и друг друга.

— Итак, из городов никто к нам не придет, — говорил я своим друзьям. — Поэтому нужно беречь те силы, какие у нас есть, чтобы вывести повстанчество на широкий путь действия и полностью выявить его ближайшие конкретные цели. Повстанчество со временем выделит новых передовых борцов и будет развиваться далее свои цели и планы.

И мы, группа Гуляй-Польских крестьян-анархистов-коммунистов, отдались с еще большим революционным энтузиазмом начатому повстанческому делу.

* * *

В то время, когда штаб повстанчества остановился определенно в Гуляй-Поле и направил помимо своих уже организованных большого масштаба повстанческих групп многочисленные мелкие отряды на атаку немецко-австрийских расположений и передвижений; когда то и дело повстанческие силы останавливали воинские поезда и разоружали их или же сплошной цепью на обширном районе вели бои с немецко-австрийским и гетманско-деникинскими отрядами; когда нам удалось схватить в одном из таких поездов пробиравшегося далее важного, очень близкого атаману Белого Дона Краснову⁵⁵ посланца к Украинской Директории, несколько расшифровать планы движения белых генералов и в связи с этим, удачно зажав в кольцо некоторые группы белых, успешно разбить их, в это именно время атаман Екатеринославского коша войск Украинской Директории Горобец обратился в Гуляй-Поле, в штаб повстанческих войск имени Батько Махно, с двумя последовавшими одна за другою телеграммами.

В одной из этих телеграмм кошевой атаман предлагал нашему штабу прислать делегацию, чтобы сговориться о совместной борьбе за «Українську державу» и, конечно, против революции. (Этого последнего пункта он не выражал словами, но его надо было подразумевать, судя по неопровержимым данным о том, что этот атаман войск Украинской Директории был одним из покровителей формирования в городе Екатеринославе 8-го добровольческого корпуса. Впоследствии молодые украинские офицеры под руководством атамана Руденко выступили сами, помимо воли кошевого атамана, против зачатков этого корпуса.)

В другой телеграмме атаман Горобец просил повстанческий штаб распорядиться, чтобы Чаплино-Гришино-Очеретенская группа повстанцев-махновцев освободила посланца генерала Краснова, вернув ему все отобранное у него, и оказала бы ему, этому посланцу, нужное содействие благополучно доехать в Екатеринослав к нему, атаману Горобцу.

Обсудив обе эти телеграммы, повстанческий штаб решил послать от себя делегацию в Екатеринослав, в штаб атамана войск Украинской Директории Горобца. В делегацию эту были назначены два человека: Алексей Чубенко и Миргородский, о котором я упоминал выше.

В задачу делегации, по наказу штаба, входило: выяснить, чего штаб кошевого атамана войск Украинской Директории хочет от нас, а также пощупать почву среди солдат екатеринославского гарнизона и молодого командного состава, нет ли среди них противоденикинского настроения, и завязать с ними секретную связь в целях устройства в городе восстания против деникинской ориентации штаба Горобца, имея в виду разоружение и изгнание из Екатеринослава немецко-австрийских штаба и войск и начавшего формироваться 8-го добровольческого белогвардейского корпуса.

Одновременно я поручил товарищу Чубенко заявить лично атаману Горобцу в виде ответа на его требование, чтобы Чаплинская группа повстанцев освободила посланца генерала Краснова, что у посланца этого отобраны серьезные документы о подпольных белогвардейских организациях по губернии, и он освобожден быть не может. Он будет расстрелян как сознательный, активный и злостный враг революции и трудящихся.

Делегация выехала в город Екатеринослав и в тот же день сообщила в штаб повстанчества, в Гуляй-Поле, лично Батьке Махно:

«Кошевой атаман Горобец отказывается от того, что он вызывал из Гуляй-Поля повстанческую делегацию. Мы представили ему и его штабу копии обеих его телеграмм в Гуляй-Поле, но он упорствует. Ждем дальнейших указаний.

Чубенко и Миргородский.

Декабрь 1918 года».

Во время получения этого сообщения от делегации меня в Гуляй-Поле не было. Вследствие того что на Царевоконстантиновском боеучастке был убит его командир Красковский, я спешно выехал на этот участок беспрерывных и ожесточенных боев, чтобы на месте посоветоваться с младшими командирами и повстанцами и утвердить на место убитого другого командира. Так что телеграмма нашей делегации шла из Гуляй-Поля по нахождению меня и немного запоздала. А пока я собирался ответить нашей делегации,

мне сообщили, что от нее есть еще одна телеграмма. Меня спрашивали, прислать ли эту телеграмму мне, или я скоро возвращусь в Гуляй-Поле?

Я ответил, что еду в Гуляй-Поле, и в ту же минуту направился с новым командиром на фронт. Объехав линию находившегося теперь под его руководством боеучастка и поговорив с бойцами, грудью отстаивавшими каждую пядь освобожденной от насильников революционной территории, я к глубокой ночи вернулся в Гуляй-Поле.

В штабе меня ожидали с нетерпением ввиду накопившихся новых сведений со всех боеучастков повстанческого фронта. Я, не откладывая этих прямых моих дел в сторону и не беря их с собою на свою штаб-квартиру, тут же разделся и занялся их просмотром и надлежащими распоряжениями по ним. Здесь же я просмотрел новую телеграмму от нашей делегации, посланную из Пост-Амура (поселок Екатеринослава), в которой делегаты просили не отзывать их, так как ряд командиров во главе с атаманом Руденко опротестовали поведение своего кошевого атамана. По мнению делегатов, необходимо было остаться в городе Екатеринославе еще день-два, чтобы на месте выяснить и характер этого протеста, и то, чем все это кончится, «потому что только в этом случае можно будет сделать безошибочные выводы нашему штабу, — говорилось в телеграмме, — о контрреволюционных силах Екатеринослава».

Как я, так и все мои помощники в штабе целиком полагались на стойкость посланных в Екатеринослав товарищей, а потому я распорядился ответить им: «Можете задержаться в городе на несколько дней, но от официальных разговоров с кем бы то ни было воздержитесь ввиду провокаторского поведения кошевого атамана Горобца или будьте беспощадными в раскрытии их подлой физиономии».

Итак, делегаты остались в городе. Тем временем более демократическая и социалистическая часть командного состава Екатеринославского коша войск Украинской Директории дружнее сплотилась вокруг атамана Руденко и, вопреки воле кошевого атамана, организовала в честь наших делегатов банкет.

На этом банкете А. Чубенко, невзирая на присутствие в зале немецко-австрийского и русского белогвардейского 8-го корпуса командования, без всяких стеснений изложил присутствующим нашу, повстанцев-махновцев, точку зрения на то, какой должна быть борьба с немецко-австрийскими контрреволюционными армиями и вообще с поддерживаемой ими контрреволюционной сволочью царско-помещичьего строя и как мы, махновцы, эту борьбу проводим, готовясь одновременно к такой же борьбе с властью и войсками Украинской Директории как с явно враждебной трудящимся контрреволюционной силой.

Некоторые командиры из Екатеринославского коша возмутились тем, что наш делегат называл все войска коша контрреволюционной силой. Но то, что их кошевой атаман якшался с генералами

формировавшегося в Екатеринославе 8-го белогвардейского корпуса и с немецко-австрийским командованием, для наших делегатов было хорошим аргументом, чтобы умалить их возмущение. И они это поняли, ибо вместо дальнейшего протеста они, как один, поднялись и провозгласили свое порицание высшему своему командиру, атаману коша Горобцу и потом грянули: «Слава, слава, слава Батьку Махно, его штабу и восставшим под его руководством широким трудовым массам!»

Это выступление произвело переполох среди контрреволюционной публики. Белогвардейцы из 8-го корпуса и немецко-австрийские офицеры, так усердно всегда убеждавшие своих солдат, что Махно и махновцы никого в плен не берут, всех уничтожают, а потому, дескать, нужно бороться против них не на жизнь, а на смерть, — эти самые офицеры, находясь в зале, где состоялся банкет, повскакивали со своих мест, и одни, взяв под козырек, испуганными глазами искали среди банкетчиков ненавистного Махно, а другие, не оглядываясь, бросились из зала с такой тревогой и быстротой, что одному из делегатов пришлось на весь зал кричать: «Батька Махно здесь нет, и враги революции могут быть пока что спокойны за свою шкуру».

Одновременно наблюдая за всеми, кто участвовал на банкете, нашим делегатам легко было в беседе с частью командиров Екатеринославского коша войск Украинской Директории подойти к тому, чтобы получить от них более конкретные сведения об их силах, расположенных в городе Екатеринославе, и о силах 8-го белогвардейского корпуса и немецко-австрийских.

— И когда, — рассказывал по возвращении делегации товарищ Миргородский, — мы заметили, что наши собеседники рассказывают нам обо всем вполне искренно, Чубенко не выдержал и еще раз сказал им: «Какого же вы черта смотрите на всю эту русскую белогвардейскую сволочь?.. Зачем допускаете, чтобы она формировала свои контрреволюционные силы за вашей спиной против украинской революции? Разоружите ее и выгоните из города!..»

Все это положило начало тому, что наши делегаты нашли себе много сторонников среди подчиненных кошевому атаману Горобцу. С ними наши делегаты установили нужную повстанческому штабу связь и возвратились в Гуляй-Поле.

Спустя две недели после этого украинская молодежь из командного состава вместе с рядовыми бойцами под предводительством атамана Руденко решительно выступила против формирования за их спиной 8-го белогвардейского корпуса.

Они дали частям этого корпуса бой, не дав корпусу окончить свое формирование и принять надлежащий боевой вид. Благодаря этому они имели успех. Части корпуса принуждены были поспешно выйти из города, чтобы больше в него не возвратиться.

Это обстоятельство было на руку нашему повстанческому штабу, ибо тем самым войска Директории облегчили нам задачу на-

блюдения за этим участком фронта революции. Участок этот стал для нас менее опасен, чем он был до того времени.

После этого украинская социалистическая молодежь из командного состава Екатеринославского коша войск Директории, да и сам атаман Руденко, поскольку мой штаб имел сведения, почувствовали себя несколько свободней, так как кошевой атаман Горобец был одернут за его чрезмерные связи с 8-м корпусом не только самим актом выступления его подчиненных против этого корпуса, но и из центра. Благодаря чему он очень присмирел и не мог уже больше пользоваться среди своих подчиненных тем авторитетом, какой за ним признавался до тех пор.

Из этой именно группировки, из Екатеринославского коша войск Украинской Директории, нашлись люди, которые упорно заботились о том, чтобы как можно скорее сговориться с революционно-повстанческим штабом на предмет восстановления общего фронта против немецко-австрийских армий и против Деникина.

Но этому плану не суждено было сбыться. Как я, так и все члены революционно-повстанческого штаба понимали Украинскую Директорию как явление худшее, чем была Украинская Центральная рада. А против Центральной рады, против ее политики мы боролись решительно, ибо безошибочно и вовремя определили ее контрреволюционную сущность, которая, как известно, была обнажена впоследствии ею самой союзом с немецким и австрийским царями, а также земельной «реформой» против революции, против исконных чаяний трудового крестьянства. Следовательно, против Украинской Директории мы если и не могли начать открытую вооруженную борьбу в эти дни, то должны были к этой борьбе готовиться, чтобы в удобный момент, как только успешно разорвем окружавший нас кольцом деникинский фронт и выйдем из этого окружения все еще путавшиеся немецко-австрийские отряды, начать против нее эту вооруженную борьбу. Эта задача диктовалась нам теми идеями, которые революционное повстанчество провозглашало на своих путях.

Однако как самая борьба, так и подготовка к ней в то время, когда наш район со всех сторон был окружен и осаждался деникинскими отрядами, всюду поддерживавшимися немецко-австрийскими армиями, была слишком тяжелой задачей для революционного повстанчества. Малейшая решительность со стороны Украинской Директории, направленная против нас, могла принудить нас снять целый ряд боевых частей с боеучастков против добровольческих частей деникинской армии и, таким образом, что называется, «самих себя ликвидировать» в борьбе против деникинских полчищ без надежды на победоносный успех в борьбе против войск Директории, так как для того, чтобы его достичь, нужно было иметь в своем распоряжении самое меньшее 70—100-тысячную хорошо вооруженную партизанско-повстанческую армию, силы которой могли бы, с одной стороны, защитить ос-

вобожденную территорию от казаков и деникинцев, нападавших со стороны Дона и Крыма, а с другой стороны — сбить и преследовать группировавшиеся по Днепру в Александровске и Екатеринославе войска Украинской Директории. Такой вооруженной силой повстанческий штаб в то время не располагал, и поэтому мне и всем повстанцам нужно было быть осторожными в своих действиях в отношении войск Украинской Директории. По крайней мере на некоторое время эта осторожность была необходимой для нас.

Осторожность эта, как она ни была полезной, не могла предостеречь освобожденный нами район от кольцевого зажима нашими врагами: карательными немецко-австрийскими отрядами, деникинскими добровольческими полками и красновскими (донскими) казачками.

Нельзя сказать, чтобы Украинской Директории были по душе рост и развитие свободного от государственнической тенденции революционно-повстанческого крестьянского движения. Директория, объявив вне всяких прав на территории Украины какую бы то ни было вооруженную народную силу, организовавшуюся без ее, Директории, санкции, поспешила в то же время объявить мобилизацию новобранцев, надеясь, очевидно, что «молодые казаки» силою штыка закрепят за нею власть на Украине.

Мобилизация эта не могла затронуть нашего района, но окружающие его районы она затронула, и это ставило все наши боеучастки против красновских казаков и деникинских добровольцев в очень тяжелое положение. Освобожденный нами район располагал рядом узловых станций с железнодорожными депо. Весь железнодорожный состав — паровозы и вагоны — находился в ведении железнодорожных комитетов нашего района. Воинские уездные начальники, служившие Директории, могли стягивать мобилизованных только через наш район и, следовательно, по нашим железнодорожным путям. Перед повстанческим штабом встал вопрос: пропускать ли мобилизованных через район? Вопрос этот требовал быстрого решения. Не пропускать значило начать сразу же воевать и с Украинской Директорией, как мы уже воевали с Белым Доном и деникинщиной, что для нас по чисто стратегическим соображениям было пока невыгодно; а пропускать значило пополнять силы врага, с которым, так или иначе, воевать придется, только несколько позже.

Над этим вопросом я со своими товарищами по штабу пробились почти целую ночь, копаясь в соотношениях наших революционно-повстанческих вооруженных сил и сил врагов революции. Нам никак не хотелось пропускать мобилизованных новобранцев в уездные города, но мы все сознавали то, что за этим актом последует немедленное наступление против нас войск Директории, и тогда получится сплошное кольцо вооруженного наступления на революционный район, отбить которое нам вряд ли удастся с тем наличием запасов вооружения, которое мы приобрели в жесточай-

ших боевых схватках путем тяжелых потерь жизней, быть может, лучших бойцов на фронтах против немецко-австрийских карательных отрядов, против красновцев и денкинцев.

— Да, тяжелый момент подошел для нашего движения, — говорил я в эту ночь своим друзьям, — но мы должны суметь преодолеть его.

И друзья мои в конце концов сошлись со мной на следующем решении: необходимо пропускать мобилизованных властями Украинской Директории новобранцев через наш район и если нужно, то давать им и паровозы, и вагоны. Но вменить в обязанность всем командирам боеучастков, через которые эти новобранцы будут проезжать, всем повстанцам и военно-революционным комендантам, охраняющим железнодорожные станции и полустанки, всюду задерживать движение поездов с мобилизованными и проводить с ними митинги. Разъяснять им, что такое власть вообще и власть Украинской Директории в частности: зачем она их мобилизовала и почему она объявила закон, согласно которому на Украине не может существовать ни одна вооруженная революционная народная организация, организовавшаяся без ее, Директории, разрешения, и т.д. и т.д.

В согласии с этим мы выслали по всем линиям железных дорог пропагандистов, крестьян и рабочих, главным образом из Гуляй-Поля, к которому в то время труженики всех районов чутко прислушивались...

(Здесь в рукописи Н. Махно следует перерыв. Две следующие страницы в рукописи отсутствуют. Найти их, к сожалению, до сих пор не удалось. Из дальнейшего текста видно, что на этих страницах рассказывалось о том, как, несмотря на принятое решение, революционное повстанчество вскоре вынуждено было вступить в борьбу с Директорией.)

В связи с решением о наступательном действии против войск Украинской Директории центр повстанчества — Гуляй-Поле — попадал в полное окружение контрреволюционных вооруженных сил...

Чтобы действовать против этих сил правильно и с успехом, необходимо было теперь создать постоянный оперативный отдел, которого до сих пор не было. До сих пор все сведения о силах противников и их передвижениях поступали от командиров боеучастков непосредственно в штаб, в котором я был и начальником, и командующим. И мне приходилось очень трудно, так как все мои помощники были крестьяне и рабочие, военного образования ни один из них не имел. Во всех делах мне приходилось прежде всего разбираться самому, а затем уже давать на свой риск и страх указания друзьям, в каком порядке эти дела выполнять.

Теперь я пришел к тому, что необходимо создать оперативный отдел из представителей каждой боевой единицы, в задачу которого должно входить собирание вовремя точных сведений о силах врагов, на основании которых можно было бы мне строить оперативные планы.

Отдел этот был организован. Его работой руководил мой помощник И. Чучко. Это несколько освободило меня от излишней на моем посту работы.

Чучко все нужные сведения аккуратно группировал и вовремя препровождал их мне. На основании их я писал оперативные приказы, давал указания по штабу, действовал сам и увлекал в действие всех повстанцев, от командира до рядового бойца включительно.

Так проводилась нами жесточайшая борьба против немцев и австрийцев, с одной стороны, против красновского казачества и деникинщины — с другой. А теперь начиналась такая же борьба и с войсками Украинской Директории.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГУЛЯЙ-ПОЛЕ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Село Гуляй-Поле — одно из самых больших и, пожалуй, одно из популярнейших среди трудящихся сел на весь Александровский уезд Екатеринославской губернии. Село это имеет свою особую историческую известность. В нем трудовое крестьянское население не допустило в 1905 году еврейских погромов, когда небезызвестные в Екатеринославской губернии организаторы и вдохновители «черной сотни» и еврейских погромов — судебный следователь Александровского 1-го участка Майдаческий и молодые представители александровского купечества, некие Щикотихин и Минаев — присылали специально своих гонцов в Гуляй-Поле для организации погрома против евреев. Из этого же села, благодаря многолетней в нем пропагандистской работе группы хлеборобов-анархистов-коммунистов, был подан крестьянству в 1906—1907 годах сигнал к борьбе со столыпинским закреплением земли в собственность. Борьба эта, начавшись с пропаганды, вскоре превратилась в сожжение помещичьих усадеб и кулацких хуторов. И отсюда же, из села Гуляй-Поле, был подан и в 1917 году сигнал крестьянству обширнейших районов Александровского, Мелитопольского, Бердянского, Мариупольского и Павлоградского уездов к борьбе против Временного правительства, не решавшегося начать разрешать земельный вопрос до Учредительного собрания, к недопущению на его место никакого другого правительства, а также к прекращению арендной платы помещикам за землю, к отнятию земли у помещиков и монастырей, а фабрик и заводов у фабрикантов и заводчиков.

В этом же самом Гуляй-Поле был выработан в 1917 году и утвержден крестьянским съездом исторический акт, в согласии с которым трудовое, не эксплуатирующее чужого труда крестьянство посылало своих делегатов в города к фабрично-городским рабочим, чтобы сговориться с последними об объединении в общий союз, о совместном провозглашении земли, фабрик и заводов общественным достоянием и о совместном построении нового общества на началах подлинного самоуправления трудящихся, без опеки государства и его органов власти.

В Гуляй-Поле родился и воспитывался в крестьянской семье и пишущий эти строки. На мою долю выпало счастье подпасть еще юнцом под идейное влияние анархиста-революционера Владимира Антони (известного в революционных рядах под именем «Заратустры»). Благодаря влиянию этого революционера, с одной стороны, а также благодаря тому правительственному террору, который носился в 1906—1907 годах по русской земле против просяпавшегося народа, я быстро занял не последнее место в боевой Гуляй-Польской группе хлеборобов-анархистов-коммунистов Екатеринославской организации и долго и упорно боролся с царско-помещичьим строем, и хотя в конце концов я все-таки был схвачен сатрапами этого строя и судим, но в силу моего несовершеннолетия избежал казни, которая постигла лучших из моих идейных друзей... Смертная казнь была заменена мне пожизненной каторгой.

Революция 1917 года открыла для меня в ночь с 1 на 2 марта ворота московских Бутырок (Всероссийская центральная тюрьма), и дело революции на Украине заставило меня быстро перебраться из Москвы в родное Гуляй-Поле, где я и отдался снова — и с той же любовью, с какой до заточения меня в тюрьму 9 лет назад, — делу организации трудящихся для борьбы за новую свободную жизнь.

В этом самом Гуляй-Поле по моей инициативе был созван съезд крупных и мелких собственников-землевладельцев, у которых были отобраны бумаги-купчие на землю и сожжены. А во время корниловского похода на Петроград против Временного правительства и революции по инициативе из Гуляй-Поля была обезоружена вся буржуазия на большом пространстве уездов, которая сочувствовала корниловщине. Из Гуляй-Поля же была подана крестьянству инициатива для организации боевых отрядов, которая полностью была проведена в жизнь, по разоружению всех казачьих войск, сымавшихся с внешнего противогерманского фронта и направлявшихся на Дон, на помощь атаману Каледину, боровшемуся против революции, за реставрацию.

Гуляй-Поле, первое почти на всю Украину, провело уже в это время в жизнь конфискацию заводов в общественную пользу; проводило на них работы и сбывало их продукты под контролем тех, кто на них работал...

А когда правительство Ленина, с одной стороны, и правительство Украинской Центральной рады, с другой, заключили союз с

немецким и австро-венгерским правительствами, согласно которому правительство Ленина должно было оттянуть из Украины вооруженные силы революции, скомплектованные из русских тружеников, а правительство Украинской Центральной рады вводило на Украину немецко-австро-венгерские экспедиционные полчища для ликвидации революции, Гуляй-Поле первое подало пример организации вольных батальонов защиты революции. И по инициативе Гуляй-Поля батальоны этого рода были созданы в целом ряде районов. И хотя в Гуляй-Польском батальоне благодаря тому, что я лично отсутствовал в то время в Гуляй-Поле (я отлучался по военным делам на несколько дней), шовинистам удалось внести раздор и некоторые его роты повести на измену революции, в пользу немецко-австро-венгерского и Украинской Центральной рады командования, но основное ядро Гуляй-Польцев и большинство батальонов по районам оставались до конца на своих революционных постах, и много сотен из их рядов пали смертью храбрых в неравной борьбе с насильниками и убийцами, оккупировавшими революционный край.

Такова в общих чертах роль села Гуляй-Поля и его трудового, политиканством политических партий не отравленного населения до и во время революции, до конца апреля 1918 года. А какова была их роль в последующие годы революции, об этом читатели узнают как из моих записок, так и из других материалов.

Н. Махно

Париж. 1929 год

КОММЕНТАРИИ

Книга I

¹Всероссийский Крестьянский союз — массовая крестьянская организация, возникшая в 1905 году по инициативе представителей либеральной и народнической интеллигенции. Первая ячейка Крестьянского союза была создана в Москве на нелегальном съезде крестьян Московской губернии в мае 1905 года. Вскоре крестьянские организации начали возникать на Дону и Украине. Крестьянский союз вновь возродился после Февральской революции, его эсеровское руководство поддерживало Временное правительство.

²Махно отвергает идею Учредительного собрания как анархист, не признающий роли государства, политических партий и политической борьбы. Между тем идея Учредительного собрания после Февральской революции была популярна среди широких масс. Не отвергали идею Учредительного собрания и большевики, хотя, как считал тогда В. И. Ленин, Республика Советов является более высокой формой демократии, чем буржуазно-демократическая республика, которую могло установить Учредительное собрание. После того как Учредительное собрание, созванное 5 (18) января 1918 года, отказалось утвердить Декреты II съезда Советов о земле и мире, большевики его разогнали, устранив тем самым возможность компромисса с другими социалистическими партиями и преградив России путь к парламентарной демократии.

Предсказание Махно о том, что в Учредительном собрании социал-демократы будут ревностно отстаивать право собственности на землю вместе с землевладельцами, в какой-то мере относилось лишь к меньшевикам, которые совместно с эсерами летом 1917 года заявляли, что они отвергают «всякие захваты чьих-либо земель» (Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 77—79).

³Речь идет о событиях, послуживших поводом для объявления II Интернационалом дня 1 мая международным праздником солидарности рабочего класса. В этот день в 1886 году началась демонстрация рабочих Чикаго (США) с требованием установления восьмичасового рабочего дня. Демонстрации и митинги продолжались и в последующие дни. 4 мая 1886 года во время митинга на площади Хеймаркет бомбой, брошенной в отряд полицейских, было убито несколько полицейских и рабочих. Эта провокация

послужила поводом для ареста рабочих лидеров. Четверо из них — «чикагские мученики» — были по приговору суда казнены 11 ноября 1887 года. В июле 1889 года Парижский конгресс II Интернационала принял решение о проведении ежегодных демонстраций в день 1 мая в память об этом событии. В России 1 мая стало отмечаться как День международной солидарности трудящихся с 1891 года.

В Петрограде 3 июля 1917 года начались стихийные вооруженные выступления солдат и рабочих с требованием перехода власти к Советам. После некоторых колебаний ЦК большевиков решил призвать массы к открытому восстанию, но Ленин, прибывший на другой день из Финляндии, настоял на сохранении мирного характера движения. Тем не менее кое-где происходили вооруженные столкновения, и верные Временному правительству войска стреляли в демонстрантов, были многочисленные жертвы. После июльских событий большевистская партия взяла курс на вооруженное восстание.

Центральная рада — объединенный совет националистических партий и общественных организаций Украины в 1917—1918 годах, созданный 4 (17) марта 1917 года в Киеве. Рада пыталась создать «единый украинский национальный фронт» и в январе 1918 года провозгласила независимость Украины. Заключив предательский договор с австро-германским блоком, рада оказалась не в состоянии подавить начавшуюся борьбу с немецкими оккупантами. 29 апреля 1918 года германское командование разогнало Центральную раду и заменило ее марионеточным правительством гетмана П. П. Скоропадского.

«Буревестник» — орган Федерации анархических групп. Выходил в Петрограде ежедневно в 1917—1918 годах вместо газеты «Свободная коммуна».

Махно ошибся: он имел в виду не Всероссийское демократическое совещание, которое открылось в Петрограде месяцем позже (14 сентября 1917 года), а Государственное совещание, проходившее в Большом театре в Москве 12—15 августа под председательством А. Ф. Керенского. На утреннем заседании 15 августа с небольшой речью выступил П. А. Кропоткин, который во имя победы над Германией призывал к соединению усилий капитала и Советов, предлагал объявить Россию федеративной республикой. Анархисты в Гуляй-Поле «в душе осудили своего старика», поскольку и эти предложения, и само участие Кропоткина в совещании, имевшем политический характер, противоречили духу анархизма.

В выступлениях участников совещания (А. Ф. Керенский, П. Н. Милюков, Л. Г. Корнилов, А. М. Каледин и др.) была сформулирована программа контрреволюции. Она предусматривала ликвидацию Советов, доведение войны до победного конца и т.п. Совещание целиком оправдывало политику Временного правительства и осуждало революционные действия масс.

⁸Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918) — генерал от инфантерии, монархист. После Февральской революции 1917 года — главнокомандующий войсками Петроградского военного округа. С 19 июля по 27 августа — главковерх.

В конце августа 1917 года Корнилов поднял контрреволюционный мятеж с целью разгрома сил революции и установления в стране реакционной военной диктатуры. Негласно его поддерживали деятели буржуазных партий. Корнилов двинул войска на Петроград, потребовав отставки Временного правительства и выезда Керенского в ставку. В ответ на это Керенский объявил Корнилова мятежником и отстранил его от должности главковерха. 31 августа было объявлено о ликвидации корниловщины. В ноябре 1917 года Л. Г. Корнилов бежал в Новочеркасск, где вместе с генералом М. В. Алексеевым возглавил Добровольческую армию. Был убит во время боев под Екатеринодаром (ныне Краснодар) в 1918 году.

⁹Никифорова Мария родилась в городе Александровске. Работала посудомойкой. За участие в анархических террористических актах в 1904 году была приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Каторгу отбывала в Петропавловской крепости. В 1910 году ее перевели в Сибирь, оттуда она бежала в Японию, затем в Америку и Западную Европу. Вернувшись в 1917 году на Украину, создала террористическую организацию, которая действовала в Александровске, Одессе и других городах. Организатор и командир «черной гвардии», принимала активное участие в махновском движении. Осенью 1919 года Мария Никифорова была повешена белыми в Симферополе.

¹⁰Левые эсеры — партия левых социал-революционеров, мелкобуржуазная политическая партия в России в 1917—1921 годах. Появилась как оппозиционное политическое течение в партии эсеров в годы первой мировой войны, выступив под антивоенными лозунгами. На III съезде партии эсеров 25 мая (7 июня) — 4 июня (17 июня) 1917 года эта группа делегатов образовала так называемую левую оппозицию и выступила с декларацией, в основе которой лежало три главных пункта: осуждение войны как империалистической, немедленное прекращение войны и выход из нее России; осуждение сотрудничества эсеров с буржуазным Временным правительством как правительством контрреволюции; немедленное решение вопроса о земле в духе эсеровской программы «социализации» и передача земли крестьянам по уравнительной норме. Эти разногласия, постепенно усиливаясь, привели после Октябрьской революции к образованию на Учредительном съезде с 19 по 27 ноября 1917 года новой партии. Левые эсеры входили вместе с большевиками в военно-революционные комитеты, участвовали в Октябрьском вооруженном восстании, в работе II Всероссийского съезда Советов. В декабре 1917 года представители левых эсеров вошли в Советское правительство. В период соглашения с большевиками левые эсеры расходились с ними по ряду

вопросов принципиального характера (по отношению к Учредительному собранию, к контрреволюционной печати, к ВЧК, земствам и т.п.). После ратификации Брестского мира с Германией на IV (Чрезвычайном) съезде Советов левые эсеры вышли из правительства. 6 июля 1918 года левыми эсерами Я. Г. Блюмкиным и Н. А. Андреевым был убит в Москве германский посол В. Мирбах, что послужило сигналом к началу контрреволюционного мятежа, ликвидированного в Москве уже на другой день. Потерпели поражение попытки левых эсеров поднять восстания и в других городах.

¹¹Каледин Алексей Максимович (1861—1918) — генерал от кавалерии (1916), донской казачий атаман. Активный участник корниловского мятежа.

После вооруженного восстания в Петрограде 25 октября (7 ноября) вокруг Каледина стали группироваться контрреволюционные элементы, стекавшиеся со всех концов России на Дон, где началось формирование Добровольческой армии. Для борьбы с Калединым и Центральной радой был создан Южный революционный фронт под командованием В. А. Антонова-Овсенко. Добровольческая армия вынуждена была отступить на Кубань. 29 января (11 февраля) 1918 года Каледин сложил полномочия атамана и застрелился. Это была первая победа над контрреволюцией в гражданской войне.

¹²Ферер Гуардия Франсиско (1859—1909) — испанский просветитель, мелкобуржуазный республиканец, близкий к анархистам.

Книга 2

¹³Это не совсем точно. Повествование в книге П. Аршинова «История махновского движения» охватывает период с 1918 по 1921 год.

¹⁴Егоров Александр Ильич (1883—1939) — в 1917 году, будучи офицером, примыкал к левым эсерам, с которыми летом 1918 года порвал. В гражданскую войну командовал войсками Южного и Юго-Западного фронтов. В 1937—1938 годах — первый заместитель наркома обороны СССР, Маршал Советского Союза. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

¹⁵Брестский договор (1918) — мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией — с другой, заключен в Брест-Литовске (ныне Брест) 3 марта 1918 года. Брестский мир обеспечил выход России из первой мировой войны и мирную передышку для упрочения Советского государства. Махно относился к Брестскому миру отрицательно, так как по условиям договора часть Украины была оккупирована немецко-австрийскими войсками.

¹⁶Антонов-Овсенко Владимир Александрович (1883—1939) — советский партийный и государственный деятель, активный участ-

ник Октябрьской революции, журналист, один из организаторов Красной Армии. С марта по май 1918 года — командующий советскими войсками Юга России, с января по июнь 1919 года — командующий Украинским фронтом, нарком военных дел УССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

¹⁷Бубнов Андрей Сергеевич (1884—1938) — советский государственный и партийный деятель, историк-публицист. Член Коммунистической партии с 1903 года. Один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. С марта 1918 года — в составе Украинского Советского правительства. В 1919 году возглавил подпольные ревком, затем Исполком Совета в Киеве. Был членом РВС Украинского фронта и РВС 14-й армии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

¹⁸Семенюта Александр — Гуляй-Польский анархист, оказавший значительное влияние на формирование взглядов Н. Махно.

¹⁹«Анархист» — орган Донской федерации анархистов. Газета издавалась в 1917 году в Ростове-на-Дону.

²⁰Это неверно. «Казачье войско» не имеет отношения к потомкам монгольских завоевателей. Казачество образовалось в основном из русских крестьян, бежавших от крепостников на окраины государства. Позже царское правительство привлекало казаков к военной службе сначала на окраинах страны, а затем и в столицах, используя их в качестве резервной полицейской силы.

²¹Дутов Александр Ильич (1879—1921) генерал-лейтенант (1919), атаман Оренбургского казачьего войска, организатор контрреволюционных восстаний казачества на Урале в 1917—1920 годах.

²²Колчак Александр Васильевич (1874—1920) — один из руководителей российской контрреволюции, адмирал. 18 ноября 1918 года при поддержке кадетов, белогвардейских офицеров и интервентов произвел в Омске переворот против эсеровской Директории и установил военную диктатуру, приняв титул «верховного правителя российского государства». После разгрома белогвардейских войск бежал из Омска в Иркутск. По решению Иркутского ревкома расстрелян 7 февраля 1920 года.

²³Кубано-Черноморская Советская Республика, существовавшая с 30 мая по 6 июля 1918 года, была образована из Кубанской и Черноморской Советских Республик в целях объединения сил для борьбы с иностранными интервентами и белогвардейцами.

²⁴«Анархия» — ежедневная газета, орган Московской федерации анархических групп, издавалась в 1917—1918 годах.

²⁵Мятеж чехословацкого корпуса в 1918 году — вооруженное контрреволюционное выступление находившихся в Советской России чехословацких войск, сформированных в России во время первой мировой войны из военнопленных австро-венгерской армии и русских подданных чешской национальности. 26 марта 1918 года Советское правительство приняло решение об эвакуации чехословацких войск через Владивосток при условии сдачи

основной части вооружения местным Советам. Однако 14 мая в Челябинске на совещании командования корпуса, представителей Антанты и правых эсеров было решено поднять мятеж. Мятеж сопровождался массовыми арестами и казнями советских и партийных работников, революционных рабочих и крестьян. 7 февраля 1920 года командование Красной Армии и чехословацкого корпуса подписали соглашение о перемирии. Весной 1920 года чехословацкие войска были эвакуированы из Владивостока.

²⁶Боровой А. А. — один из идеологов индивидуалистического анархизма, а затем анархо-синдикализма, преподаватель московских вузов, автор статей, посвященных Бакунину.

²⁷Аршинов Петр Андреевич родился в 1887 году в Екатеринославле, слесарь по профессии. В 1905 году — большевик, затем анархист. В 1907 году был приговорен к смертной казни, но сумел бежать. В 1910 году, арестованный вновь, приговаривается к 20 годам каторжных работ. В Бутырской тюрьме познакомился с Махно. В 1917—1918 годах принимает активное участие в работе Московской федерации анархических групп. В 1919 году приезжает в Гуляй-Поле к Махно, где ведет культурно-просветительную и организационную работу, редактирует газету повстанцев «Путь к свободе». С 1921 года в эмиграции. В 1930 году возвращается в Советский Союз и вступает в ВКП(б).

²⁸Гроссман-Рошин И. С. — представитель «мирных» анархистов — самого правого крыла анархического движения в России. Это течение было близко к толстовству в отрицании государства и власти, в критике капитализма, частной собственности на землю, проповеди идей примитивного коммунизма и самоусовершенствования. В годы гражданской войны сотрудничал с Советской властью. Литературовед и критик 20-х годов.

²⁹Сандомирский Г. Б. — анархист. В начале 20-х годов служил в НКВД, участник Генуэзской конференции, автор двухтомного труда о фашизме.

³⁰Гордин А. — вместе с братом В. Гординым опубликовал «Манифест пананархистов», направленный против марксизма, науки, образования.

³¹Черный Лев (П. Д. Турчанинов) — автор книги «Новое направление в анархизме: Ассоционный анархизм». Секретарь Московской федерации анархистов, примкнул к «анархистам подполья», организовавшим в 1919 году взрыв в Леонтьевском переулке во время заседания московских коммунистов. Принимал участие в вооруженных налетах на кассы советских учреждений.

³²Шапиро А. (1882—1946) — в 1907 году избран секретарем Международного анархического бюро. Хозяин издательства «Голос труда». В 1922 году эмигрировал.

³³«Голос труда» — издательство (1917—1929) Союза анархо-синдикалистов. Во главе — А. Шапиро, А. А. Боровой и Э. Б.

Рубинчик. Выпускало одноименную еженедельную газету (с 1917 года до марта 1918 года — в Петрограде, а со 2 апреля 1918 года — в Москве). Редактор — В. М. Волин.

³⁴V Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов открылся 4 июля 1918 года. В дни съезда вспыхнул мятеж левых эсеров, сигналом к которому послужило убийство германского посла В. Мирбаха. После разгрома мятежа решением V Всероссийского съезда Советов часть левых эсеров, поддерживающая политическую линию своего ЦК, была исключена из состава Советов.

³⁵Спиридонова М. А. (1884—1941) — один из лидеров левых эсеров. В 1906 году за покушение на организатора карательных экспедиций в Тамбовской губернии Лужковского приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой.

В 1917 году стала одним из руководителей партии левых эсеров. Выступала против Брестского мира и приняла на себя ответственность за левоэсеровский мятеж 6 июля 1918 года. После амнистии ВЦИК отошла от политической деятельности. Необоснованно подвергалась арестам и ссылке. Расстреляна в 1941 году по приказу Берии.

³⁶Камков (Кац) Б. Д. (1885—1938) — один из лидеров левых эсеров. Выступал против Брестского мира и был организатором левоэсеровского мятежа 6 июля 1918 года и убийства германского посла Мирбаха. Был осужден. Позднее работал в органах статистики.

³⁷Штейнберг И. З. — адвокат, один из лидеров левых эсеров. В декабре 1917 года назначен наркомом юстиции. После ратификации Брестского мира вышел из СНК. Эмигрировал.

³⁸Устинов А. М. (1879—1937) — левый эсер. Принимал участие в подготовке закона о социализации земли. В 1917—1920 годах — член ВЦИК. С 1920 года — на дипломатической работе.

³⁹Закс Г. Д. (1882—1937) — левый эсер, заместитель председателя ВЧК, затем лидер партии народников-коммунистов. В 1918 году вступил в партию большевиков. Был на военной и советской работе.

⁴⁰Затонский В. П. (1888—1938) — видный украинский большевик, в 1918 году — председатель ВЦИК Украины и секретарь бюро ЦК КП(б)У.

⁴¹Атабекян А. М. — анархист-кооператор.

⁴²Бармаш В. — казначей Московской федерации анархистов.

⁴³Веретельник Борис — крестьянин, эсер, затем с 1918 года — анархист, начальник штаба повстанческой армии, убит в 1919 году в борьбе с деникинцами.

⁴⁴Скоропадский Павел Петрович (1873—1945) — один из лидеров украинской буржуазно-помещичьей контрреволюции в 1917—1918 годах, генерал-лейтенант (1916), крупный помещик Черниговской и Полтавской губерний. Во время первой мировой войны командовал 1-й гвардейской кавказской дивизией и армейским корпусом. В октябре 1917 года на съезде «вольного казачества» в Чигирине назначен главой военных формирований Центральной рады. 29 апреля 1918 года на инсценированном интервентами «съезде хлеборобов» в Киеве избран гетманом Украины и провозгласил создание «Украинской державы». 14 декабря 1918 года свергнут восставшим народом и бежал в Германию.

⁴⁵«Союз истинно русских людей» — организация черносотенцев в России в 1905 году. Влилась в «Союз русского народа».

⁴⁶Каретник Симон — Гуляй-Польский крестьянин, анархист с 1907 года, талантливый командир, несколько раз замещал Махно в командовании армией, член Совета революционной повстанческой армии Украины, убит в Мелитополе.

⁴⁷Калашников А. — офицер, секретарь анархистских групп в Гуляй-Поле.

⁴⁸Державная варта — карательно-полицейские органы, созданные в мае 1918 года правительством гетмана Скоропадского для охраны буржуазно-помещичьего режима и борьбы против революционного движения трудящихся Украины. Прекратила свое существование в декабре 1918 года.

⁴⁹Лютый Исидор — маляр из Гуляй-Поля, личный друг Махно, убит в 1919 году.

⁵⁰Марченко — член Совета революционной повстанческой армии Украины, убит в январе 1921 года близ Полтавы.

⁵¹Щусь — крестьянин села Большая Михайловка, из бедной семьи. Один из активнейших партизан Юга Украины. В апреле 1918 года руководил повстанческим отрядом, боровшимся с австро-германцами. Проявил исключительную энергию и смелость в борьбе с властью гетмана и австро-германскими войсками. В повстанческой армии Махно руководил кавалерией, затем был членом штаба армии и начальником штаба особой группы повстанческих войск. В июне 1921 года убит в бою с красными кавалерийскими частями в Полтавской губернии.

⁵²Украинская Директория — контрреволюционное правительство на Украине, созданное 13—14 ноября 1918 года лидерами украинских националистических партий после краха австро-германской оккупации Украины и гетманщины. Председателем Директории до февраля 1919 года был В. К. Винниченко, командующим войсками — С. В. Петлюра. 16 января Директория объявила войну Советской России. Войска Петлюры были разгромлены Деникиным, и фактически Директория прекратила существовать осенью 1919 года.

⁵³Винниченко В. К. (1880—1951) — украинский писатель, один из идеологов украинского буржуазного национализма. В 1917 году возглавил генеральный секретариат Центральной рады. В 1918—1919 годах — председатель Украинской Директории. С 1920 года в эмиграции.

⁵⁴Петлюра С. В. (1879—1926) — один из лидеров буржуазно-националистического движения на Украине. В 1917 году — секретарь (министр) по военным делам Центральной рады. С ноября 1918 года — член Украинской Директории, а с февраля 1919 года — председатель Директории.

В мае 1920 года в захваченном поляками Киеве возглавил сепаратистское правительство. Убит в Париже из мести за еврейские погромы на Украине.

⁵⁵Краснов П. Н. (1869—1947) — генерал, участник заговора Корнилова, писатель. В 1918—1919 годах руководил белоказачьей армией на Дону. В 1941—1945 годах сотрудничал с гитлеровцами.

ДНЕВНИК

Г. А. КУЗЬМЕНКО

19 февраля 1920–28 марта 1920

Дневник Г.А. Кузьменко

19 февраля 1920 — 28 марта 1920

«19 февраля нового стиля 1920 года. Сегодня утром выехали из с. Гусарки. Часов в одиннадцать утра приехали в с. Конские Роздоры. Тут наши хлопцы обезоружили человек 40 «красных». Из этого же села к нашему отряду присоединились несколько хлопцев. Стояли тут недолго, часа три, после чего переехали в Федоровку.

20-21 февраля. Переночевали в Федоровке на старой квартире. Утром послали разведку в Гуляй-Поле. После обеда выехали из Федоровки. По дороге встретили своего посланца, который известил, что в Гуляй-Поле стоит человек 200-300 красноармейцев. Наши решили ночью сделать налет и обезоружить красных. Вечером мы прибыли в с. Шагарово, где и остановились на несколько часов. Отсюда снова была послана разведка, которая должна была выяснить расположение как начальников, так и войск (красных). Часов в 12 ночи выехали из Шагарово на Гуляй-Поле. По дороге нас известили о расположении вражеского войска. Быстро мы въехали в с. Гуляй-Поле и разместились на окраине, а все пригодные к бою хлопцы пошли сразу к центру, а потом и дальше обезоруживать непрошенных гостей. Красноармейцы не очень протестовали и быстро сдавали оружие, командиры же защищались до последнего, пока их не убивали на месте. До утра почти 3/4 6-го полка было обезоружено. Часть, которые еще оставались не обезоруженными и до которых дошла наконец очередь утром, сразу начали храбро отстреливаться, но быстро узнав, что их товарищи уже обезоружены, и сами сдали оружие. Очень замерзли и устали наши хлопцы, пока покончили с этим делом, но наградою за этот труд и мучения у каждого повстанца было сознание того, что и маленькой кучке людей слабых физически, но сильных духом, вдохновенных одной великой идеей, можно делать большие дела. Таким образом, 70-75 наших хлопцев за несколько часов одолели 450-500 врагов, убили почти всех командиров, забрали много винтовок, патронов, пулеметов, двуколок, коней и прочего.

Покончив с этим делом, хлопцы разошлись кто куда — кто пошел спать, кто домой, кто к знакомым. Мы с Нестором тоже поехали в центр. Кое-что купили, кое-кого навестили и вернулись

на свою квартиру. Начали собираться обедать, когда вдруг влетает в хату Гаврюша и говорит, чтобы скорее запрягали лошадей, потому что с горы по пологовской дороге спускается вражеская кавалерия. Быстро все собрались и выехали. В центре остались Савелий Махно, Воробьев и Скоромный. Когда выезжали из села, в центре была жуткая перестрелка. Часа через два мы были уже в Санжаровке. Тут постояли часа три и вечером переехали в Виловку, где и переночевали.

22 февраля. Встали, позавтракали и выехали через Успеновку на Дибривку. Успеновские хлопцы обещали приехать к нам в Дибривку. В Дибривке встретились с товарищем Петренко, который уже начал со своими хлопцами работу и начал хвастать, как обзоруживали небольшие части, которые заезжали в Большую Михайловку. Встреча была очень радостная. Петренко сразу заявил, что идет с нами. Переночевали в Дибривке. 23-го я ночью угорела, целый день чувствовала себя плохо. Утром, часов в 10, наши хлопцы схватили двух большевистских агентов, которых расстреляли. После обеда выехали на Гавриловку. В Гавриловке захватили двух агентов, которые забирали скот, а также одного инженера, который приехал устраивать ревкомы и исполкомы, а также выяснить, кто воюет с Петлюрой, с Махно и с Деникиным. Тут мы переночевали. Был митинг.

24 февраля. Кажется, сегодня выедем отсюда. Тут остается Феня. Убито двое. Из Гуляй-Поле приехали члены Культ-Просветкомиссии, которые не успели выехать одновременно с нами, и рассказывают, что коммунисты убили старого Коростылева, и была перестрелка между Савкой Тыхенко и другими большевиками. Ходят слухи, что Савка убит. После обеда выехали из Гавриловки через Андреевку на Комарь. Тут был митинг. Греки страшно хотели видеть батьку, но он отказался выйти. Они постояли возле квартиры и разошлись. Тут на квартире учительницы «цокотухи» переночевали.

24 февраля. Сегодня Феня оставила нас. Нестор сказал: «Вот Феня осталась — и жалко». Мне тоже жалко, что она осталась. Но для нее это лучше. Как выяснилось, она нужна была только мне и то не всегда, остальным же она была обузой, и они в большинстве относились к ней враждебно. Я в таком положении не хотела бы быть, не хочу, чтобы была в нем и она. Оставила нас — и хорошо сделала. А я?!.. А мысль была остаться где-нибудь вместе с ней. Была... А почему же я не осталась? Или и правда испугалась того, что меня уже в Гавриловке видели и знают люди? Нет! Или, может, потому, что Нестор сказал сгоряча: «Если останешься, то не считай больше меня своим мужем»? Тоже нет! Напротив, тут-то непременно бы осталась... Может быть, то, что Нестор пообещал мне сменить обстоятельства? Все не так! Так что же? что?.. Да известно что. Апатия, безразличие ко всему на свете, физическое и духовное бессилие... Эх... какое занудство, какая гадость! не хватило духу довести мысль до чувства.

25 февраля. Выехали из Комаря на Большой Янисель. Тут встретили двух хлопцев. Все выжидают, пока коммунисты сильно допекут. Постояли в Большом Яниселе недолго, ибо получили известия, что туда идут коммунисты в численном большинстве. После обеда переехали в Майорское. Тут поймали трех агентов по сбору хлеба и прочего. Они расстреляны. Сегодня приезжий гуляй-польский житель подтвердил слухи про то, что Савку и еще какого-то хлопца, который был с ним, убили коммунисты. В Яниселе узнали, что Лашкевич и Кожин арестованы красными.

26 февраля. Переночевали в Майорском. Стоим пока тут. После обеда выехали через Кременчуг на Святодуховку.

27 февраля. Ночевали в Святодуховке. Часов в 10 утра выехали на Туркеневку. Остановились в школе Лупая. Принимали очень радушно. Только пообедали — слышим в селе стрельбу. Выскочили во двор. Выяснилось, что человек 25 кавалеристов ворвались в село со стороны Успеновки и начали стрелять по нашим. Вмиг все наши поднялись на ноги и застрочили по ним из пулемета, а человек 10 кавалеристов погнались за ними. Выбежали за село на гору и быстро исчезли за холмом. Вдруг через несколько минут на вершине показалась цепь пехоты, а между пехотой — кавалерия. Быстро на небосклоне стало появляться все больше и больше войска, которое рассыпалось в цепь и начало идти на Туркеневку. Выделилось человек 30 кавалеристов и двинулось левым флангом в обход. Наши хлопцы, увидев это, быстро возвратились. Мы стояли часа полтора и наблюдали за вражеской цепью. Она сначала шла, потом остановилась, постояла и стала неохотно собираться в кучу. Было видно, что большой охоты наступать фронтом на село не было. Много наших хлопцев были за то, чтобы дать бой, но многие были и против. Врагов было значительно больше, да и в нашу задачу не входило давать пока бои красным, если для этого не было жгучей необходимости. Мы выехали из села. Когда они увидели, что мы оставили село, снова цепью начали наступать. Мы вечером приехали в Шагарово, накормили лошадей и ночью выехали через Гуляй-Поле, Варваровку на Башаул. Ужасно утомили лошадей и сами утомились. Дорога очень трудная — снег намок и почти половина его уже растаяла. Ни санками, ни тачанкою ехать невозможно.

28 февраля. Сегодня встали поздно, потому что вчера поздно и утомленными легли. Вчера вернулись хлопцы, которые оставались в Гуляй-Поле. Сегодня приехали к нам Данилов, Зеленский и еще несколько своих старых хлопцев. Ночуем в Башауле.

29 февраля. На улице непогода. Вода из снега, грязь, туман. Ехать будет очень трудно. Пока еще стоим на месте. Позавтракали и выехали на Воздвиженку. Навестила Рыбальских.

1 марта. Получили известие, что в Рождественке (5 верст) — кавалерия и обоз. Ночью приезжали оттуда разведчики и побили одного дядьку за то, что тот на вопрос: «Кто в селе и сколько?», дал ответ: «Не знаю».

Позавтракав, выехали на Варваровку. Когда выезжали из села, увидели дедку с обрезом, который вышел для того, чтобы убить жену Кольчиенко, которая ехала с отрядом. Дедка этот был отцом Кольчиенко, у него живет первая жена последнего с тремя детьми. Обиженный поступком сына, старенький отец вместе со своей опозоренной невесткой решили, что во всем виновата «она», и что пусть лучше погибнет «она», чем погибнут четверо. Подъехали к дедку хлопцы и говорят: «Отдай, дед, обрез». «Берите, — говорит, — я и без обреза ее, подлюку, убью». Хлопцы, смеясь, проехали. Проехал другим переулком и сын с кавалерией, и «она» на тачанке, а дедка постоял, потоптался на месте, посмотрел нам вслед и поплелся назад в село.

В Варваровке узнали, что в Гуляй-Поле коммунисты. Будучи с разведкой впереди, встретили о. Стефана, который рассказал, что командир полка тот самый, который был тогда, когда мы обезоруживали 6-ой полк, и который тогда успел скрыться. Постояли в Варваровке около часа и двинулись на Гуляй-Поле. Приблизившись к селу, узнали, что красные делают обыски и кое-кого арестовывают. Дальше узнали, что они быстро выезжают. Выслано было вперед два пулемета и человек 10-12 кавалеристов, которые и погнались за красными. Мы все выехали в село и разместились в своем «уголке». Скоро приехали хлопцы из погони и сообщили, что ранен и пленен командир Федюхин, много красноармейцев ранено, многие разбежались по полю, и человек 75 гонят пленных. Батьке захотелось видеть командира, и он послал за ним, но посланец быстро вернулся и сообщил, что хлопцы не имели возможности возиться с ним, раненым, и по его просьбе пристрелили его. Пленных же, предупредив, чтобы в третий раз не попадались, ибо живыми не отпустят, — распустили.

Из документов выяснилось, что Федюхин после обнаружения своего 6-го полка сформировал снова «карательный отряд», которому поручено было «производить обыски и реквизиции», а также производить аресты подозрительных лиц в районе махновских банд. Постояли в Гуляй-Поле часа 2 и вечером выехали на Новоселку.

2 марта. Переночевали и целый день простояли в Новоселке. Отдохнули немного и кони, и люди. Коммунистов близко не слышно. Часов в 10 утра сегодня поднялись было все на ноги из-за того, что внезапно поднялась стрельба. Как потом выяснилось, это наши неосторожно пробовали пулемет, так что пули ложились у нас во дворе.

Вчера с Гуляй-Польского лазарета вышло хлопцев 8 и поехали с нами. Сестры милосердия тоже покинули лазарет, где остались только красные, и тоже стали просить, чтобы мы их взяли с собой. Хлопцы взяли их. Ночью сегодня хлопцы взяли миллиона два денег, и сегодня всем выдано по 100 рублей.

Ночуем здесь.

3 марта. Позавтракав выехали на Конские Роздоры. Проезжая через Федоровку, узнали, что сегодня там были 6 кавалеристов,

которые попросили приготовить 50 пудов ячменя и несколько печеных караваев, а также сказали, чтобы сегодня федоровцы ждали Махно.

Прибывши в Роздоры узнали, что тут красные отомстили невинным роздорцам за то, что нами было убито тут пять коммунистов, — они расстреляли председателя, старосту, писаря и трех партизан. В волость была брошена бомба. Хозяйку, у которой мы остановились, избili красные, и все имущество в доме пограблено. Ночевать остановились тут. На дворе ненастье. Сейчас идет дождь. Дорога теперь очень трудная.

4 марта. Печальный сегодня день. Встали под выстрелы из винтовок. Быстро собрались и приготовились. Ночью с Полог приехали красные и стали на рассвете наступать. Еще ночью враги захватили двух наших кавалеристов и арестовали человек 20 местных повстанцев. Товарищ Середа с пулеметом, как и всегда, первый вклинился своею тачанкой во вражеский стан. От него не отставал и второй пулеметчик, т. Литвиненко. Кавалерия наша еще не успела подскочить, как силы красных из пулеметов и винтовок застрочили по выравшимся вперед махновцам. На этот раз нашим героям не повезло: вражеская пуля попадает Литвиненко прямо в лоб, вторая пуля тяжело ранит Середу, третья убивает коня в тачанке, четвертая пронизывает плечо кучера. Тут только прискакала наша кавалерия, подоспела и пехота и вынудила врага показать пятки. Наши взяли три пулемета, человек 20 убили эстонцев и поляков, многих ранили и отбили арестованных махновцев. Далеко за врагами гнались. Скоро собрались вместе и простояли еще часа два, и выехали в Федоровку. С нами выехали человек 25 роздорцев. Смерть т. Литвиненко произвела на многих тяжелое впечатление — давно уже наш отряд не имел такой утраты, как сегодня.

5 марта. Все тихо и спокойно сегодня. На улице светит солнышко, и вместе с ветерком здорово сушит. Снег почти уже растаял — остался только по балкам и по лощинам, а на пригорках уже просохло и выбивается из земли молоденькая травка. Озимые в степи начинают зеленеть. Вчера видела на поле мыш, которая уже вылезла из земли, почуяв весну.

Проведали раненого Середу. Он поправится, только ему нужен покой. Его и кучера мы оставляем тут. Навестил нас Иваненко: известив про то, что Капельгородский арестован.

Приехал Голик с Гуляй-Поля, напечатал обращения к крестьянам и рабочим. В Гуляй-Поле и окрестностях сейчас никого нет.

6 марта. Позавтракав, выехали с Федоровки на Новоселку. Остановились на старой квартире. Хозяин тут очень симпатичный человек. Сегодня он нагнал самогон и угостил нас. Нестор выпил и вел себя относительно меня очень нахально.

7 марта. Часов в 8 утра выехали из Шагарово, оттуда на Гуляй-Поле. Дорога невозможная. Шестеро лошадей не в силах тянуть одну тачанку. Еще с Новоселки «батька» начал пить. В Варваровке совсем напился как он, так и его помощник Каретник.

Еще в Шагарово «батька» начал уже дурить — бессовестно ругался на всю улицу, верещал как ненормальный, ругался и в хате при малых детях и при женщинах. Наконец сел верхом на лошадку и поехал на Гуляй-Поле. По дороге чуть не упал в грязь. Каретник уже начал дурить по-своему — пришел к пулеметам и начал стрелять то с одного пулемета, то с другого. Засвистели пули низко над хатами. Поднялась паника. Тогда быстро выяснилось, что такую стрельбу поднял сдуру пьяный Каретник.

Приехали в Гуляй-Поле. Тут под пьяную команду батьки начали вытворять нечто невозможное. Кавалеристы начали бить нагайками и прикладами всех бывших партизан, каких только встречали на улице.

Сегодня воскресенье, день ясный, теплый, людей на улице много. Все вышли, смотрят на приехавших, а приехавшие, как бешеная дикая орда, мечутся на конях, налетают на невинных людей, ни с того, ни с сего начинают бить, говаривая: «Это тебе за то, что не берешь винтовку!» Двум хлопцам разбили головы, загнали по плечи одного хлопца в речку, в которой еще плавает лед. Люди испугались, разбежались. Стали ворчать тихонько Гуляй-Польцы по углам, а открыто боятся высказывать свое недовольство против махновцев — страх напал на всех... Да и правда, как забитым, запуганным, замученным, обобраным, обессиленным всякими властями крестьянам протестовать против насилия пьяных махновцев — их сейчас сила, их и воля.

12 марта. Дни стояли в Гуляй-Поле. Сюда приехал Тарановский. Приехали сюда еще человек 35 хлопцев с лошадьми, только седла есть не у всех. 10 марта вечером по пологовской дороге показалась кавалерия. Выехали им навстречу и обстреляли. Со стороны кавалеристов не было ни одного выстрела. Приехавших взяли в плен. Выяснилось, что это 23 человека красных, присланных из Таганрога мобилизовать лошадей. Их обезоружили и отпустили. 11 марта вечером был спектакль, посвященный памяти Т. Г. Шевченко. Наших там было много. Все прошло хорошо.

Все эти дни много пили. Скандалили много. Выпивши, батька становился очень разговорчивым и заинтересованным «чистотой и святостью повстанческого движения». Сегодня приехали в Успенку.

13 марта. Стоим в Успенке. Батька и сегодня выпил, разговаривает очень много. Бродит пьяный по улице с гармошкой и танцует. Очень привлекательная картина. После каждого слова матерится. Наговорившись и натанцевавшись, заснул.

Один успенковский дядька пожаловался в штаб на бывшего повстанца, который побил девушку — племянницу дядьки — и его сына. Дело в том, что эта девушка когда-то встречалась с повстанцем. Во время его отсутствия полюбила другого хлопца, с которым встречается и сейчас. Вернувшийся домой повстанец снова начал приставать к этой девушке, а когда она ему отказала, побил ее, а потом и ее двоюродного брата. Через некоторое время повстанец

поздно вечером подошел к хате побитого хлопца и стал звать его во двор, чтобы «помириться». Из хаты никто не вышел и попросили прийти мириться днем. Повстанец настаивал на своем и пообещал бросить в окно бомбу. Тогда дядька — отец хлопца — выстрелил в повстанца и ранил его. Теперь повстанец обещает, что после выздоровления он убьет дядьку. Наши выслушали все это и отослали всех по домам, предупредив повстанца, что если он будет мстить, то с ним в следующий приезд расправятся. В частной беседе про это дело Нестор оправдал повстанца.

14 марта. Сегодня переехали в Большую Михайловку. Убили тут одного коммуниста. Переехали в Гавриловку. Выезжая 15 марта из Б. Михайловки, убили в лесу михайловского повстанца за грабежи и насилия, которые он чинил в своем селе. В Гавриловке взяли с собой Феню и поехали в Андреевку, где и ночевали.

16 марта. Утром выехали на Комарь. Только выехали за село, как получили известие, что в Мариентале есть отряд кадетов, который убил одного нашего хлопца и обстрелял остальных, которые приехали туда обменять лошадей. Наши решили сразу же пойти на этот хутор и побить кадетов. Конные сразу же отделились и пошли в обход. По правому флангу ехала и я с хлопцами. Подъезжая к хутору, увидели, как с хутора выскочили несколько конных и пеших, которые бросились бежать. Быстро вошли в хутор и начали обстреливать хаты. Убегавших догоняли и убивали на месте. Кто-то с краю поджег солому. В несколько хат бросили бомбы. Быстро со всем было покончено. Выяснилось, что тут отряда никакого не было, а была местная вооруженная организация, которая и убила нашего казака. За это необдуманное убийство дорого заплатил Мариенталь — почти все мужчины, за исключением очень старых и очень молодых, были убиты, говорят, что есть погибшие женщины; примерно час наши хлопцы ощущали себя в хуторе хозяевами, забрали много лошадей и прочего. Выезжая с хутора, в степи в бурьяне нашли двоих, которые спрятались тут с винтовками. Их порубали. Приехали в Комарь. Тут греки выдали нам одного немца, который, скрываясь, пересек речку и спрятался у них. Его тоже добились.

На улице было солнечно, тепло и сухо. Пообедав, наши все пошли погулять к реке. На берегу лежал убитый. Возле него собралось много людей. Когда мы появились на берегу, внимание людей было обращено на нас. Мы подошли к лодкам. Тут люди часто ездили на другой берег и не давали воде замерзнуть, в то время как с обоих боков неширокой водяной дорожки был лед. Мы сели на лодку и переехали на тот берег. Постояв там немного, вернулись назад. Под берегом подурили немного, обрызгали кое-кого водой и пошли домой. Тут мы узнали, что верст за 20 от нас в с. Андреевке Бахмутской волости есть карательный отряд большевистский. Назавтра решили померяться с ним силами.

17 марта. Утром выехали на Богатырь и дальше на Андреевку. В Андреевке действительно была 3-я рота 22-го карательного полка. Когда, выехав из Богатыря, переезжали речку Волчью, на той стороне возле мельницы на холме заметили двух кавалеристов, которые, заметив нас, очень быстро подались на Андреевку.

Наша кавалерия с батькой во главе рванулась вперед. Когда мы подъехали к селу, то сразу поднялась стрельба. Застрочил и пулемет. Кавалерия бросилась в село, пехота осталась далеко сзади. Вскоре нам сказали, что наши захватили в плен человек 40. Мы въехали в село и на дороге увидели кучку людей, которые сидели, а некоторые и стояли, и раздевались. Вокруг них крутились на лошадях и пешие наши хлопцы.

Это были пленные. Их раздевали до расстрела. Когда они разделись, им приказали завязывать друг другу руки. Все они были великороссы, молодые здоровые парни. Отъехав немного, мы остановились. По дороге под забором лежал труп. Тут на углу стоял селянин с бричкой, запряженной четверкою, на которой был взятый у красных пулемет. Тут же стояла еще одна подвода с винтовками. Вокруг крутились наши хлопцы и собралось много селян. Селяне смотрели, как сначала пленных раздевали, а потом стали выводить по одному и расстреливать. Расстрелявши таким образом нескольких, остальных выставили в ряд и резанули из пулемета. Один бросился бежать. Его догнали и зарубили.

Селяне стояли и смотрели. Смотрели и радовались. Они рассказывали, как эти дни отряд хозяйничал в их селе. Пьяные разъезжают по селам, требуют, чтобы им готовили лучшие блюда, бьют нагайками селян, бьют и говорить не дают. Постояв тут немного, поехали в центр. Тут было много селян. Им раздали листовки и провели митинг.

Остановились по дворам на один-два часа покормить очень уставших лошадей. Только мы немного перекусили, смотрим — ведут хлопцы нам во двор маленького серенького коня-стригунца. Это возвратились хлопцы, которые погнались было за убежавшими, перебили их, убили и командира, а его конька привели нам показать. Постояв немного и покормив лошадей, двинулись на Богатырь ночевать...

18 марта. Провели тут митинг. Арестовали по доносу 3-х человек, но греки стали их горячо отстаивать, и мы их освободили. Оставили тут т. Огаркина для организации и выехали на Большой Янисель. Тут встретили т. Лашкевича. Встреча была очень радостная. Все с ним целовались, обнимались, расспрашивали. Рассказывали ему, как нам жилось, расспрашивали его, как он бежал от коммунистов. Первая радость от встречи прошла. Начали говорить о деле. Дело в том, что, оставляя рождественскими праздниками с. Гуляй-Поле, т. Лашкевич вывез с собой 4,5 миллиона общих денег. Его про них спросили. Он замаялся, говорит, что я вам расскажу, куда дел их. А тем временем к штабу стали подходить

бывшие партизаны-греки и с возмущением рассказывать, какую разгульную жизнь вел Лашкевич, швыряя деньги, как сам хотел, устраивал балы, вечеринки, делал богатые подарки любовницам, платил им по 200 000 за «визит» и так далее.

Была создана комиссия, которая бы расследовала это дело и потребовала у Лашкевича отчет. Расследование и допрос т. Лашкевича показали, что из 4,5 миллионов у него осталось только сто пять тысяч рублей. Сделав отчет, т. Лашкевич пригласил нас всех к себе поесть новое для нас греческое блюдо чир-чир, или чебуреки. Я и Феня пошли. Нестор рано лег спать и отказался. Наши хлопцы тоже отказались. Мы пришли и застали там Старика и Буданова. Познакомились с хозяином, очень симпатичным греком. Выпили по чарке, попробовали чир-чир, которые нам очень понравились, и разошлись. Лашкевич нас провожал до дома и нес тарелку с чебуреками для бабки. У нас дома еще поиграли в «дурачка» и разошлись.

19 марта. Сегодня хлопцы пошли к Лашкевичу за оставшимися деньгами и тут же хотели его арестовать. Однако он показался им таким жалким, что они решили его пока не трогать.

Нестор, Буданов, Петренко и остальные поехали в с. Времевку, которая тут поблизости, провести митинг. На улице было ясно, тепло. Мы все вышли на улицу. Вскоре пришел и Лашкевич. Он подошел сразу к хлопцам. Те холодно с ним поздоровались и неохотно отвечали на его вопросы. Он перешел на эту сторону улицы, к нам. Поздоровался. Спросил, где хлопцы. Пообещал мне достать документ и помочь устроиться с квартирой тут же, в Яниселе. Я поддакивала и давала ему поручения, зная, что этот человек будет через полчаса-час расстрелян. Он вежливо извинился и отошел от нас. Собрался идти домой. Его позвал Василевский, взял под руку, повел. Его арестовали и приставили патруль. Скоро приехал бабка и прочие. В центре собрались люди. Лашкевичу связали руки и вывели на площадь расстреливать. Гаврик, сказавши ему за что, прицелился и взвел курок. Осечка. Второй раз — тоже осечка. Лашкевич бросился удирать. Стоявшие тут же повстанцы дали по нему залп, второй. Он бежит. Тогда погнался за ним Лепетченко и пулями из нагана сбил его. Когда он упал, а Лепетченко подошел, чтобы пустить ему последнюю пулю в голову, он повел глазами на него и сказал: «Зато пожил...»

Через несколько минут привели еще одного повстанца, который быстро разбогател, и тут же на улице расстреляли. После этого был проведен митинг, где пояснили и про казнь этих двоих. Селяне остались довольными. Кое-кто из селян высказался: «Видно, что тут закон есть, вот чужого все-таки не трогай...». Вечером я попроцалась с хлопцами и переехала в с. Времевку, где и думаю остаться на некоторое время.

20 марта. Сегодня на новой квартире. Начинаем с Феней оседлую жизнь. Чистимся, моемся, латаемся целый день. Перед обедом вышли погулять. Пошли на речку. Ужасно потянуло к своим.

Мелькнула мысль, что они еще в Яниселе. Как-то грустно и тяжело стало на душе...

Вернулись домой. Вдруг смотрим — из-под прошлогодних листьев пробился и расцвел голубенький цветочек, а там второй, третий. Мы начали собирать эти первые весенние цветочки (у нас их называют брандушками) — предвестниками скорого тепла и солнышка. Сразу сделалось как-то легче на душе и веселее на сердце. Нарвали цветов, вернулись домой... Сегодняшний день показался очень длинным.

21 марта. Встали поздно. На улице ненастье: ветер и дождь целый день. Немного почитали, немного пописали, потом проговорили час с хозяевами. Выходит, что селяне знают, что я тут осталась.

22 марта. Ненастье. На душе пусто и грустно. Настали для меня тихие, серые, однообразные дни. Полное спокойствие души и тела, как и хотелось.

23 марта. Хорошая погода. Солнышко светит и уже немножко греет. Было бы совсем тепло, если бы не дул страшный ветер. Перед обедом пошли побегали по берегу, погуляли. Нарвали снова цветочков.

Хозяин, у которого мы живем, очень тревожится — сегодня он услышал, что в Павловке стоят коммунисты, которые забирают у селян хлеб и прочее. Янисельцы и времеевцы очень встревожены и напуганы этим известием. Не сегодня — завтра нужно и сюда ждать страшных гостей, которые придут грабить добытое тяжелым трудом крестьянское добро. Павловцы послали двух мужиков в погоню за батькой Махно, чтобы пришел со своим отрядом и помог селянам прогнать русских грабителей и насильников.

Учитывая, что Янисель, Времевка и Нескучное знают про то, что я тут осталась, и что коммунисты быстро могут быть здесь, хозяин советует нам выехать отсюда. На завтра на утро мы это дело и отложили.

24 марта. Сегодня утром выехали одной подводой с села, за селом пересели на другую подводу в направлении Кременчика, дорогою же решили поехать в Успеновку, а потом на хутор Широкий к учительнице Лизе. Так и сделали. Лошадок в подводе было запряжено две и те худенькие и маленькие, как жеребята. Еле они нас тянули. А дорога трудная, да и неблизкая — верст 40 будет. Заехал наш ездовой к одному хуторянину, своему знакомому, подпряг третью лошадку, и поехали потихоньку. Было облачно, и словно бы собирался дождь. Дул холодный ветерок. Ехали часов шесть с лишним. Закутанным в платки, одетым в белые крестьянские кожанки, нам было дорогой тепло и весело. Весело было и от того, что мы лишились своего боязливого хозяина, который боялся за нас и особенно ночью себе и нам нагонял такой паники, что сон совсем бежал с глаз, и ночь оборачивалась в бескрайнюю пытку, пытку страха прихода коммунистов. Весело было и от того, что мы так хорошо скрыли

следы направления, куда поехали, весело было и от того, что наши кони так плохо бегут, и от того, что постромок у пристяжной лошадки разорвался, и от того, что в своих кожах мы так были похожи на крестьянских тетушек, что нас, наверное, и свои не узнали бы, — словом, от всего нам было весело, и мы почти всю дорогу смеялись. Да и возчик наш был веселый парень, и, как только мы замолкали, обязательно что-нибудь выкинет и снова рассмешит.

Под самым хутором Широком встретили Лизу, которая ехала в Успеновку. Она перешла на нашу подводку и мы приехали в школу. На квартире у нее застали кавардак ужасный и холод. Сразу же мы взялись все трое наводить порядок. Эта подметает, та моет, эта топит... Хорошо, весело стало мне, и я начала скакать, как ребенок. Вечером Лиза выпросила у крестьянок подушки, матрас, мы поужинали, постелились на полу и легли. Говорили часов до 12 ночи. Кое-кто задремал, когда Феня встает и решительно заявляет, что в хате угар и что у нее сильно болит голова. Я тоже поднялась и почувствовала, что и с моей головой не все в порядке. Мы все встали, открыли форточку и дверь, а сами вышли во двор. Погуляв на дворе около часу и проветрив комнату, снова улеглись.

25 марта. Встали часов в десять все здоровые. Только в нашей комнате было очень холодно. Лиза поехала в Успеновку, а мы с Феней начали хозяйничать. После обеда приехала Лиза. В Успеновке говорят, что в Гуляй-Поле махновцы и что в Жеребке коммунисты выгнали селян копать окопы. Целый вечер ждали к себе Павлушу Лепетченко, который обещал вечером прийти, но его не было.

26 марта. Вчера долго с вечера разговаривали и проснулись сегодня часов в 8. На улице тучи, накрапывает дождик, вставать не хочется. Провалились в постели до 10. После обеда начался дождь. Мы с Феней прибрали в хате, а Лиза все бегаёт по хутору и спрашивает у селян то хлеба, то ведерко для воды, то солому... Вечером читали, говорили...

27 марта. Сегодня тоже встали поздно. Распределили работу по дому между собой. Лиза у нас, главным образом, по производственным делам. Феня прибирает в комнатах, а я топлю печь. Позавтракав, мы с Лизой пошли гулять. Вышли на улицу и увидели на холме усадьбу. Пришли, все там облазили, наломали в садике зеленых веточек, нашли в одном хлеве пару голубиных гнездышек, побывали на всех чердаках, обследовали все комнаты, погреба, садики, словом, — все, что там было. Домой пришли уставшие, голодные. Застали Феню с тремя молодухами, поговорили про то, про се. Мы с ними немножко посмеялись, одной я погадала на картах, предупредив, что буду врать. Так-сяк пообедали. После обеда у меня сильно разболелась голова. Пролежала до вечера. Вечером возле школы собрались девчата и парни. Сильно жалела, что не могла к ним выйти.

28 марта. Воскресенье. Сегодня воскресенье. Мы были еще в постели, как уже какой-то мальчик принес нам завтракать. Мы встали. Характерно, что все хуторяне едят постно, нам же, зная, что мы едим скоромно, какая-то хозяйка напекла скоромных на яйцах блинов, наварила яиц и прислала. Сели мы завтракать, когда одна молодуха принесла нам свеженьких бубликов. Позавтракав и прибравшись везде, вышли мы к воротам. К нам подошли парни и мужчины. Поговорили с ними про то, про это. Один мужчина ехал в Успеновку, с ним села и Лиза. Погуляли мы с мужчинами часа два, замерзли и пошли в хату».

СОДЕРЖАНИЕ

Нестор Махно

3

Петр Аршинов

ИСТОРИЯ МАХНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ
(1918—1921)

5

Нестор Махно

ВОСПОМИНАНИЯ

171

ДНЕВНИК Г.А. КУЗЬМЕНКО
19 февраля 1920—28 марта 1920

481

Петр Аршинов
**ИСТОРИЯ
МАХНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ**
/1918–1921/

Нестор Махно
ВОСПОМИНАНИЯ

ДНЕВНИК
Г. А. КУЗЬМЕНКО
19 февраля 1920–28 марта 1920

Редактор
Д. Глазков

Художественный редактор
И. Марев

Технический редактор
Г. Шитова

Корректоры
*В. Антонова, М. Александрова,
В. Рейбекель*

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 31.05.96 г. Уч.-изд. л. 36,53
Цена 21 000 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.
Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».
141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.

ТАЙНЫ

Нестор Иванович Махно — одна из самых оригинальных фигур в нашей истории. Мало кто пользовался такой популярностью и любовью в народе, как батька Махно. Он воевал со всеми властями и режимами, какие только были во время гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине.

В книгу включены «История махновского движения» П. А. Аршинова, «Воспоминания» Нестора Махно и «Дневник» его жены. «История махновского движения» Аршинова П. А. — первая попытка исследования революционного народного движения — махновщины. Изданная в Берлине в 1923 году учителем Махно, участником и очевидцем описываемых событий, она ценна и как документ своей эпохи. «Воспоминания» Н. И. Махно вышли в Париже тремя частями в 1929, 1936 и 1937 гг. Они точны в описании событий, документов, людей... Сохранившаяся часть «Дневника» жены Махно Г. А. Кузьменко также редчайшее свидетельство того страшного времени.

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах